Saratov State University
The Institute of History and International Relations
Chair of Ancient History
The Institute of Archaeology and Cultural Heritage

ANCIENT WORLD AND ARCHAEOLOGY

Collection of papers

Founded in 1972

Volume 15

Saratov 2011

Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений
Кафедра истории древнего мира
Институт археологии и культурного наследия

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 г.

Выпуск 15

Саратов 2011

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43
А72

Редакционная коллегия :
канд. ист. наук В.И. Кац, доктор ист. наук В.И. Кащеев, канд. ист. наук А.В. Короленков, канд. ист. наук Ю.Н. Кузьмин, доктор ист. наук Е.А. Молев, доктор ист. наук С.Ю. Монахов (отв. редактор), канд. ист. наук А.А. Синицын, канд. ист. наук Е.В. Смыков, доктор ист. наук И.Е. Суриков, доктор ист. наук Э.Д. Фролов, канд. ист. наук Н.Б. Чурекова (отв. секретарь)

The Editorial Board :
Dr. N.B. Churekova (Secretary), Prof. E.D. Frolov, Prof. V.I. Kashsheyev, Dr. V.I. Katz, Dr. A.V. Korolenkov, Dr. Yu.N. Kuzmin, Prof. E.A. Molev, Prof. S.Yu. Monachov (Editor-in-Chief), Dr. A.A. Sinitsyn, Dr. Ev.V. Smykov, Prof. I.Ev. Surikov

А72 **Античный мир и археология**: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, изд-во «Научная книга», 2011. Вып. 15. 453 с. иил.
ISSN 0320-961X

В пятнадцатый выпуск сборника «Античный мир и археология» вошли статьи по различным аспектам истории древнего мира. Первый раздел традиционно содержит статьи по истории Греции, посвященные политическим и культурологическим проблемам эллинской цивилизации. Второй включает материалы по истории республиканского и императорского Рима. В трудах по римской тематике рассматривается широкий спектр вопросов от легендарной традиции до истории провинциальных городов. В третий раздел вошли статьи по истории, археологии и культуре Причерноморья. В заключительной части помещены статьи различной тематики по античной истории, а также поздравления юбилярам.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, специалистов по античной истории, археологии и классической филологии, на всех, кто интересуется историей древнего мира.

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43

ISSN 0320-961X

© Саратовский государственный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ IX

I. Эллада и ее соседи от архаики до эллинизма

СУРИКОВ И.Е. (Москва)
Сон и смерть, тело и душа, Артемидор и Фрейд (заметки о некоторых специфических чертах античного греческого менталитета) 3
СОЛОМАТИНА Е.И. (Москва)
Из истории политической борьбы в архаическом Милете: проблемы датировки событий и интерпретации источников 15
ОСИПОВА О.В. (Москва)
Посвятительные надписи в сочинениях Геродота, Фукидида и Диодора 25
САВОСТИНА Е.А. (Москва)
У истоков фигуративного языка греческой вазописи. Пояснительная система знаков-символов 31

II. Рим и римский мир

ГОНЧАРОВ В.А. (Воронеж)
Легендарно-историческая традиция о роде Фабиев: новый взгляд 57
СМЫКОВ Е.В. (Саратов)
Сулла на востоке: политика и пропаганда «любимца венеры» 62
КОРОЛЕНКОВ А.В. (Москва)
Время в сочинениях Саллюстия 79
МЕЖЕРИЦКИЙ Я.Ю. (Калуга)
Colonia Claudia Ara Agrippinensis / Кёльн – центр римской провинции Нижняя Германия 100
БАРЫШНИКОВ А.Е. (Калуга)
Camulodunum colonia victricensis: рождение и гибель провинциального центра 148

III. История и археология античного Причерноморья

БАЛАБАНОВ П. (София)
Немонетные формы денег в Скифии и Фракии 162
КАЦ В.И. (Саратов)
Прозводство черепицы в Горгиппии (история локализации и изучения) 181

ГАРБУЗОВ Г.П. (Ростов-на-Дону),
ЗАВОЙКИН А.А. (Москва)
Освоение греками земель Таманского полуострова
в последней четверти VI – первой половине V в. до н.э. 194
КОПЫЛОВ В.П. (Ростов-на-Дону)
Таганрогское поселение – гавань Кремны?
(письменные источники и археологические реалии) 223
ПОЛИН С.В. (Киев)
Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе
и некоторые вопросы амфорной хронологии..... 240
ЛИМБЕРИС Н.Ю. (Краснодар),
МАРЧЕНКО И.И. (Краснодар),
МОНАХОВ С.Ю. (Саратов)
Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор 265
ЕФРЕМОВ Н.В. (Грейфсвальд)
Некоторые вопросы экономической истории
юго-восточного Причерноморья
(к проблеме локализации коричневоглиняных амфор) 284
МОРДВИНЦЕВА В.И. (Симферополь)
Культурные изменения в Нижнем Поволжье
по материалам комплексов с предметами из драгоценных
металлов (III в. до н.э. – сер. III в. н.э.) 332
МЕДВЕДЕВ А.П. (Воронеж)
Позднеаничное погребение из раскопок
восточного некрополя Фанагории в 2007 г. 366

IV. Varia

КИСЕЛЬНИКОВ А.Б. (Балашов)
Античное кораблекрушение
как археологический комплекс 379
КАЗАКОВ М.М. (Смоленск)
Христианские храмы в языческих святилищах
(к вопросу об утверждении христианства в Малой Азии) 387
ПОПОВ А.А. (Санкт-Петербург),
БАННИКОВ А.В. (Санкт-Петербург)
Боевые слоны в карфагенских армиях 396
ГАРЛАН И., (Ренн)
БОДУ Н. (Афины)
Греческие амфорные клейма 411
НАШИ ЮБИЛЯРЫ
75 лет Т.П. Кац 426
60 лет В.Н. Парфенову 428
50 лет Е.В. Смыкову 429
КАЩЕЕВ В.И. (Саратов)
Филолог и филология:
70-летний юбилей А.К. Гаврилова 430

CONTENTS

ABBREVIATIONS IX

I. Hellas and the Neighbours

I.E. SURIKOV (Moscow)
The Sleep and the Death, the Body and the Soul, Artemidorus and Freud (Notes on Some Specific Features of Ancient Greek Mentality) 3

E.I. SOLOMATINA (Moscow)
From Political Strike History in Archaic Miletus: Problems of Dating of Events and Interpretation of Sources 15

O.V. OSIPOVA (Moscow)
Dedicatory Inscriptions in Ancient Greek Historiography 25

E.A. SAVOSTINA (Moscow)
At the Origin of Figurative Language in Greek Vase Painting. The Explanatory Sign-Symbolic System 31

II. Rome and the Roman World

V.A. GONCHAROV (Voronezh)
Legendary and Historical Tradition about Gens of Fabii: a new Approach 57

E.V. Smykov (Saratov)
Sulla in the East: Politic and Propaganda of "the Favourite of Aphrodite" 62

A.V. KOROLENKOW (Moscow)
Time, Past and Present in Sallust 79

Ya.Yu. MEZHERICKIY (Kaluga)
Colonia Claudia Ara Agrippinensis / Köln – die Hauptstadt der römischen Provinz Niedergermanien 100

A.Ye. BARYSHNIKOV (Kaluga)
Camulodunum Colonia victricensis: the Birth and the Death of a Provincial Capital 148

III. History and Archaeology of Ancient Northern Black Sea Region

P. BALABANOV (Sofia)
Non-Coins Forms of Money in Thrace and Scythia 162

V.I. KAC (Saratov)
The Producing Tiles in the Gorgippia (Localization and Studying History) 181

G.P. GARBUZOV (Rostov-on-Don),
A.A. ZAVOYKIN (Moscow)
Opening by the Greeks the Lands of the Tamansky Peninsula
in the Last Quarter VI and the First half of the V century BC 194
V.P. KOPYLOV (Rostov-on-Don)
The Taganrog Settlement – the Harbor of Kremny(?)
(Written Sources and Archaeological Realia) 223
S.V. POLIN (Kiev)
Amphoras and Stamps from a Barrow No. 32 at Ordzhonikidze
and some Questions of Amphorae Chronology 240
N.YU. LIMBERIS (Krasnodar),
I.I. MARCHENKO (Krasnodar),
S.YU. MONAKHOV (Saratov)
The new « Prikubanskaya » Series of the Hellenistic Amphoras 265
N. JEFREMOW (Greifswald)
Einige Aspekte der Wirtschaftsgeschichte des Süd-Östlichen
Schwarzmeerraumes (Zum Problem der Lokalisierung
von « Brauntonamphoren » 284
V.I. MORDVINTSEVA (Simferopol)
Cultural Changes in the Lower Volga Region Based
on the Study of Assemblages with Precious Metals Objects
(III BC. – mid. III AD.) 332
A.P. MEDVEDEV (Voronezh)
Late ancient Burial from Excavations
of Eastern Necropolis of Phanagoria in 2007 366

IV. Varia

A.B. KISEL`NIKOV (Balashov)
Ancient Wrek as the Archeological Complex 379
M.M. KAZAKOV (Smolensk)
Christian Temples in Pagan Sanctuaries (To a Question on the
Christianity Statement in Asia Minor) 387
A.A. POPOV (St. Petersburg),
A.B. BANNIKOV (St. Petersburg)
War Elephants in Carthaginian Army 396
Y. GARLAN (Rennes),
N. BADOUD (Athens)
De la collecte à la publication des timbres
amphoriques grecs 411
OUR ANNIVERSARIES
75 years to T.P. Kac 426
60 years to V.N. Parfenov 428
50 years to E.V. Smykov 429
V.I. KASHCHEEV (Saratov)
Philologist and Philology:
The 70th Birthday of Alexander Gavrilov 430

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ	Античная Греция. М., 1983.
АГСП	Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
АИБ	Археология и история Боспора. Симферополь.
АМА	Античный мир и археология. Саратов.
АО	Археологические открытия. М.
БИ	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БС	Боспорский сборник. М.
БФ	Боспорский феномен. СПб.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ВЭ	Вопросы эпиграфики. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
ДГ	Древнейшие государства на территории СССР/Восточной Европы. М.
ДСПК	Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЖМНП	Журнал Министерства Народного просвещения. СПб.
ЗАИИМК	Записки Института истории материальной культуры
РАН	Российской Академии Наук. Л.; СПб.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАО	Записки русского археологического общества. СПб.
ИАИ	Известия на археологическия институт. София.
ИАК	Известия императорской археологической комиссии. СПб/Пг.
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИНМВ	Известия на Народния музей във Варна.
КБН	Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.; М.
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАК	Материалы и исследования по археологии Кубани.
НАВ	Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАИБ	Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
ПАВ	Петербургский археологический вестник. СПб.
ПИФК	Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.
РА	Российская археология. М.

СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
СГАИМК	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СГМИИ	Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.
СГМИИ	Сообщения Государственного музея изобразительныъ искусств им. А.С. Пушкина. М.
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
ТС	Таманская старина. СПб.
ХС	Херсонесский сборник. Севастополь.
AA	Archäologischer Anzeiger. Berlin.
AAe	Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов.
AAAH	Acta antiqua Academiae scientiarum Hungarica. Budapest.
AB	Archäologisches Beiblatt. Berlin.
AC	L'Antiquité classique. Louvain-la-Neuve.
AE	Archaiologike ephemeris. Athens.
AHB	The Ancient History Bulletin. Calgary.
AJA	American Journal of Archaeology. Boston (Mass.).
AJAH	American Journal of Ancient History. Gorgia
AJPh	American Journal of Philology. Baltimore.
AM	Mitteilungen des Deutschen Archeologischen Instituts. Athenische Abteilung. Berlin.
ANRW	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin.
AvPerg.	Altertümer von Pergamon. Berlin.
BAR IS	British Archaeological Reports International Series.
BASO	Bulletin of the American Schools of Oriental Research in Jerusalem and Baghdad. Boston (Mass.).
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
BJ	Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande. Köln.
BSA	Annual of the British School at Athens. London.
BSS	Black Sea Studies. Aarhus.
BVBl	Bayerische Vorgeschichtsblätter. München.
CAH	Cambridge Ancient History.
CIG	Corpus inscriptionum graecarum. Berlin.
CIL	Corpus inscriptionum Latinarum. Berlin.
CJ	Classical Journal. Ashland.
ClAnt	Classical Antiquity. Berkeley (Calif.).
Corinth	Corinth, Result of Excavations. Athens, 1952.
CPh	Classical Philology. Chicago (Ill.).
CQ	Classical Quarterly. Oxford.
CVA Russia	Corpus Vasorum Antiqvorum, Russia. R., 1996.

ClW	Classical World. Pittsburgh.
DHA	Dialogues d´histoire ancienne, Paris.
EA	Eurasia Antiqua. Mainz am Rhein.
EIRENE	Studia graeca et latina. Praha.
ES	Epigraphische Studien. Köln.
FGH	Jacoby F. Die Fragmende der griechischen Historiker. Leiden.
GiK	Geschichte in Köln.
GR	Greece and Rome. Oxford.
I. Ephesos	Teil Ia. Bonn, 1979 // Wankel H. Die Inschriften von Ephesos (Inschriften griechischer Städte Kleinasiens. Bd. 11.
I. Labraunda	Crampa J. The Greek Inscriptions // Labraunda. Swedish Excavations and Researches. Stockholm, 1972. Vol. III 1 2: No. 13-133.
I. Priene	Hiller von Gaertringen F. Inschriften von Priene. Berlin, 1906.
IEJ	Israel Exploration Journal. Jerusalem.
IG	Inscriptiones Graecae. Berlin.
IGRP	Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes. Berlin.
ILS	Dessau H. Inscriptiones latinae selectae. Berlin.
IOSPE	Latyshev V.V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. St. Petersburg.
ISE	Iscrizioni storiche ellenistiche. Testo critico, traduzione e commento a cura di L.Moretti. Vol. I. Firenze, 1967.
IstForsch	Istanbuler Forschungen. Istanbul.
IstMitt	Mitteilungen des Deutschen Archeologischen Instituts. Istanbul.
JHS	Journal of Hellenic Studies. London.
JÖAI	Jahrbuch des Österreichischen Archäologischen Instituts. Wien.
JMA	Journal Mediterranean Archaeology. Sheffield.
JRA	Journal of Roman Archaeology. Michigan.
JRS	Journal of Roman Studies. London.
KJB	Kölner Jahrbuch
KlP	Der Kleine Pauly. Stuttgart.
LGPN	Fraser P.M., Matthews A. A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 1987.
LIMC	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zurich; Miinchen.
MBAH	Münsterschen Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte. St. Katharinen.
Michel	Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Paris: E. Leroux. 1900.
NC	Numismatic Chronicle. London.
OF	Olympische Forschungen. Berlin.
OGIS	Orientis graeci inscriptiones selectee. Leipzig.
Olynthus	Excavation at Olynthus. Baltimore.

PCZ	Edgar. C.C. Zenon Papyri. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. 4 vol. Le Caire, 1925-1930.
RDGE	Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East. Baltimore, 1969.
PP	La Parola del passato : rivista di studi antichi. Napoli.
RA	Revue archáologique. Paris
RC	Welles C.B. Royal correspondence in the Hellenistic Period. New Haven. 1934.
RE	Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bde. 1–83. Stuttgart, 1893–1980.
REA	Revue des études anciennes. Talence.
REG	Revue des études grecques, Paris.
REL	Revue des études latines. Paris.
RhM	Rheinisches Museum für klassische Philologie. Frankfurt am Main.
RStorAnt	Rivista storica dell'antichitá. Bologna.
SCIV	Studii şi cercetari de istorie veche. Bucureşt.
SCN	Studii şi Cercetări Numismatice. Bucureşt.
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
SGDI	Preisigke F. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg; Berlin. 1915-1925.
SNG	Sylloge Nummorum Graecorum. Oxford.
SNR	Schweizerische Numismatische Rundschau. Bern.
SO	Symbolae Osloenses.
StV	Bengtson H., Schmitt H.H., Staatsverträge des Altertums. Bd. II, III. München, 1969, 1975.
Syll.^{3}	Dittenberger W. Sylloge inscriptionum graecarum. 4 vol. Leipzig. 1915-1924.
TAPhA	Transactions of the American Philological Association. Atlanta (Ga.).
TAVO	Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Tübingen.
TRAC 97	Proceedings of the seventh annual Theoretical Roman Archaeology Conference. Oxford, 1998.
WBR	Waddington W.H., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie mineure. Hildesheim; New York, 1976.
ZPE	Zeitschrift für Papyrology und Epigraphik. Bonn.
ZRG	Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Graz.

I. ЭЛЛАДА И ЕЕ СОСЕДИ ОТ АРХАИКИ ДО ЭЛЛИНИЗМА

И.Е. Суриков

СОН И СМЕРТЬ, ТЕЛО И ДУША, АРТЕМИДОР И ФРЕЙД (заметки о некоторых специфических чертах античного греческого менталитета)*

«…Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,
Сон со Смертью – ужасные боги. Лучами своими
Ярко сияющий Гелий на них никогда не взирает,
Всходит ли на небо он иль обратно спускается с неба.
Первый из них по земле и широкой поверхности моря
Ходит спокойно и тихо и к людям весьма благосклонен.
Но у другой из железа душа и в груди беспощадной –
Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит,
Тех не отпустит назад. И богам она всем ненавистна».

Так пишет Гесиод[1] (Opp. 758 sqq.), излагая родословные божеств. В древнегреческой религии много символических фигур, воплощавших различные явления природы. Среди них – Гипнос (Сон) и Танатос (Смерть), считавшиеся братьями («смерть» в греческом языке мужского рода[2]). Они – дети богини Никты (Ночи) и связаны преимущественно с мраком, потому-то на них «никогда не взирает» светлый бог солнца Гелий (Гелиос). Тем не менее отношение к ним, как видно из процитированного текста, совершенно разное, и это вполне естественно.

Сон неразрывно связан со сновидениями. Но последними в эллинской мифологии «ведает» особое божество – Морфей, сын Гипноса. Впрочем, это достаточно поздний мифологический персонаж, у Гомера и Гесиода он еще не встречается. Гесиод (Opp. 212) говорит только о том, что Ночь вместе со Смертью и Сном родила также «толпу Сновидений».

Весьма интересен вопрос: что видели античные греки в своих снах? Примерно то же, что и мы, или нечто совершенно иное? К счастью, для ответа на этот вопрос в распоряжении ученых есть достаточно обильный материал. Эллины, великие любители разного рода гаданий, охотно прибегали и к предсказанию судьбы по снам. Был

---

* В основу данной статьи отчасти лег текст, написанный в качестве доклада для II международной конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории», проходившей в СГУ в октябре 2010 г. Доклад был подготовлен, но не прочитан, поскольку нам, к сожалению, не удалось принять участие в конференции.

[1] Литература о Гесиоде, естественно, безгранична. Укажем хотя бы на следующие недавние работы: *Edwards A.T.* Hesiod's Ascra. Berkeley, 2004; *Nelson S.* Hesiod // A Companion to Ancient Epic. Oxf., 2005. P. 330–343.

[2] О категории смерти в античности в целом см. известный сборник: La mort, les morts dans les societes anciennes // Sous la direction de *G. Gnoli, J.-P. Vernant.* Cambr., 1982. Из новейшей литературы см.: *Noy D.* Death // A Companion to Ancient History. Oxf., 2009. P. 414–425. Применительно конкретно к Греции см.: *Sourvinou-Inwood C.* 'Reading' Greek Death: To the End of the Classical Period. Oxf., 1996.

широко распространен такой жанр (хорошо известный и нам), как сонник. Самая известная книга этого жанра принадлежит писателю Артемидору Далдианскому, жившему во II в. н.э. Она называется «Онейрокритика», что означает «Толкование сновидений».

Приведем некоторые примеры из сонника Артемидора. Одному снится, что он прикован к статуе Посейдона; другому – что разрубает свою жену на части и торгует ее мясом; третьему – что потерял накануне суда оправдательные документы, а четвертому – что потерял ключ от дома; пятому – что у него на голове выросло оливковое дерево; шестому – что кормит грудью ребенка; у седьмого вместо рук медвежьи лапы, а восьмому орел вырвал когтями внутренности… (*Artemidor.* V.1, 2, 10, 17, 18, 45, 49, 57).

Это лишь несколько случаев, их можно было бы дополнить десятками и десятками других. Но сразу бросается в глаза: среди описанных снов есть и такие, которые вполне могли бы присниться нашему современнику, и такие, каких мы себе даже и вообразить не можем. Видна все-таки специфика мироощущения людей, выросших в античных условиях. Обратим внимание хотя бы на сновидение об орле, вырывающем внутренности. Такое могло присниться только носителям культуры, породившей миф о прикованном Прометее[3]. Вообще, судя по Артемидору, персонажи мифов – боги и герои – чрезвычайно часто являлись эллинам в их снах.

Как известно, сновидениями современного человека наиболее пристально занимался знаменитый австрийский психиатр, основатель психоанализа Зигмунд Фрейд. По Фрейду, образы наших снов порождены в основном половым влечением (либидо), вытесненным в подсознание. Но либидо проявляется в снах не в прямой, а в измененной, символической форме. Откровенные непристойности нормальному человеку, как правило, не снятся. А то, что снится, Фрейд подвергает своеобразной «расшифровке» и приходит к выводу: сплошь и рядом даже самые обычные и безобидные поступки, совершаемые во сне, скрывают под собой устремления сексуального характера. Даже такой, например, сон: женщине снится, что она стоит перед своим письменным столом и открывает его ящик – психоаналитик интерпретирует именно в подобном духе[4].

Получается, что сон – в некотором роде «цензор» нашего подсознания, не позволяющий ему «разгуляться вовсю». Что же касается эллинов, создается впечатление: у них подобная «цензорская» функция сновидений была не развита или значительно снижена. Судя по тому же Артемидору, им вполне могли сниться вещи, от которых человека нашего времени вгонит в краску. Например, гениталии, причем в каком-нибудь необычном виде: один видит во сне, что у него половой член из железа, другой – что он у него целиком покрыт волосами, третий – что у него появились целых три названных органа (V.15, 65, 91).

---

[3] Последняя обобщающая работа об образе Прометея: *Dougherty C.* Prometheus. L.; N.Y., 2006.

[4] *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. СПб., 1997. С. 186–187.

Часто снились эллинам и любовные соития – этому посвящено несколько глав в артемидоровском соннике (I.78–81). Причем даже такие, как соединение с собственным отцом или матерью, сыном или дочерью, животным или трупом, даже… с божествами!

А уже на основе подобных снов делались следующие предсказания: «Видеть, будто ты обладаешь богом или богинею или бог тобою обладает, для больного человека означает смерть, ибо душа тогда лишь предвещает встречу и соединение с богами, когда близка к тому, чтобы покинуть тело, в котором живет. А для всех остальных, если они испытывают наслаждение от такого соединения, это означает выгоду от вышестоящих, если же не испытывают, то тревогу и страх. Только с Артемидой, Афиной, Гестией, Реей, Герой и Гекатой соединение неблагоприятно, даже если оно приносит наслаждение: такой сон сулит сновидцу скорую гибель, потому что эти богини неприкосновенны и кто на них посягнет, тому трудно ожидать добра» (*Artemidor.* I.80).

А вот конкретный, довольно пикантный случай. «Одному человеку приснилось, будто с ним совокупился Арес. У этого человека открылась язва в заднем проходе, и так как другого способа излечиться не было, он подверг себя хирургической операции и выздоровел. Арес, таким образом, означал хирургический нож, потому что железо иносказательно мы называем Аресом, а удовольствие от совокупления означало, что операция закончится благополучно» (*Artemidor.* V.87).

Писать приходится о вещах в высшей степени щекотливых. Автор не сказал бы, что ему без труда даются эти строки. Но что же делать, – как говорится, из песни слова не выкинешь. Чтобы понять эллинскую цивилизацию в ее целостности, нужно говорить обо всех аспектах ее бытия, в том числе и о таких, о которых обычно принято стыдливо умалчивать[5].

Судя по всему, античные греки не страдали от многих комплексов, которые ныне свойственны нам. Сексуальную сторону своей жизни – во всех ее проявлениях, в том числе и в таких, которые человеку начала XXI века не могут не показаться отвратительными, противоестественными, – они не пытались загнать в подсознание, вытеснить, претворить в символические образы. В каком-то смысле ситуация с древнегреческими сновидениями полярно противоположна ситуации со сновидениями современными, как они описаны Фрейдом. Древнему греку снится совокупление (причем, как следует из контекста, анальное) – толкователь объясняет это тем, что ему предстоит операция на заднем проходе. Если в наши дни кому-нибудь приснится, что ему предстоит операция на заднем проходе, – психо-

[5] О гомосексуальных отношениях в античной Греции написано немало. Укажем классическое исследование К. Довера, в котором подведены итоги многолетней работы целого ряда ученых (ссылаемся на немецкое издание книги, как более позднее во времени по сравнению с первоначальным английским и, соответственно, более полное: *Dover K.J.* Homosexualität in der griechischen Antike. München, 1983). См. также: *Robinson D.M., Fluck E.J.* A Study of the Greek Love-names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia. Baltimore, 1937.

аналитик, будем уверены, проинтерпретирует сон в том смысле, что у этого человека есть подавленная склонность к анальному сексу.

Бóльшая, мы бы сказали, откровенность эллинов в отношении вещей интимных во многом объяснялась тем фактом, что видеть человеческую наготу для них было делом вполне привычным. Существовал настоящий культ наготы, особенно мужской. Хорошо известно, что в античном искусстве, будь то скульптура или живопись, персонажи часто изображаются без одежды в такие моменты, когда в реальной жизни нагота не просто неуместна, но и прямо немыслима (например, воины, ведущие бой). В таких случаях ученые обычно говорят о «героической наготе»[6].

Интересные соображения по этому поводу высказал (в эссе «Лицо, маска и нагота») наш замечательный поэт и мыслитель Максимилиан Волошин, глубоко знавший и, главное, понимавший античность. Он считал, фигурально выражаясь, что всё тело древнего грека было его «лицом».

«Лицо современного человека ограничивается “лицом” (в узком смысле этого слова) и руками… Обратим внимание на лицо в греческой скульптуре. Голова греческих статуй всегда типична, но мало индивидуальна… Греческая статуя, лишенная головы, ничего не теряет в своей красоте. Вспомните Самофракийскую Победу в Лувре… Для древнего грека, привыкшего к наготе, лицом человеческого тела был торс… Преобладание этого лица над лицом духовным… давало то золотое равновесие пластической выразительности тела, которое мы ценим в греческой скульптуре. Если головы греческих статуй кажутся нам лишенными остроты индивидуализации, то это только потому, что индивидуальность была во всем теле, и не столько в неподвижных его формах, сколько в движении. В античной же скульптуре мы можем проследить поворот к индивидуализации головы. Римляне прикрывали свое тело и не имели того божественного отсутствия стыда, которое отличало греков. И тотчас же голова начинает индивидуализироваться: возникает то лицо, которое мы знаем в настоящую минуту. В то время как лица греческих статуй божественно далеки от нас, лица римских мраморных статуй нам человечески близки. Греческую статую мы переживаем всем существом, а ряды римских бюстов мы читаем как сжатые и отчетливые страницы Тацита»[7].

Ряд удивительно тонких и метких мыслей! Действительно, давно уже подмечено: для римской портретной скульптуры характерен подчеркнутый реализм, для греческой, – можно сказать, «идеализм». Даже изображая совершенно конкретную личность, будь то политик Перикл или поэт Софокл, эллинский ваятель прежде всего воплощал в своем портрете образ нормативного, совершенного человека.

---

[6] Например: *Hölscher T.* Immagini dell’identità greca // I Greci: Storia, cultura, arte, società / A cura di *S. Settis*. 2. Una storia greca. II. Definizione. Torino, 1997. P. 196–199; *Алексинский Д.П.* Еще раз о «героической наготе» // Исседон. 2003. Т. 2. С. 45–53.

[7] *Волошин М.А.* Лики творчества. Л., 1988. С. 400–401.

Скажем, все знают: Перикл на античных бюстах (особенно знаменит, повсюду воспроизводится в различных своих репликах бюст работы Кресилая) всегда представлен в шлеме. Но мало кто, кроме специалистов, знает, почему. На самом деле у этого знаменитого деятеля афинской демократии, пишет Плутарх (Pericl. 3), «голова была продолговатая и несоразмерно большая. Вот почему он изображается почти на всех статуях со шлемом на голове, – очевидно, потому, что скульпторы не хотели представлять его в позорном виде».

А теперь подойдем к вопросу с другой стороны. Вспомним древнерусские иконы. Изображенные на них святые, можно сказать, как бы совсем не имеют тела: настолько оно малозаметно, второстепенно. Но зато сразу и властно приковывает наше внимание лик святого, а на нем – прежде всего глаза. Изображенные на иконах люди по-своему прекрасны, но прекрасны какой-то чисто духовной, нематериальной красотой. Совершенно иной, нежели в античной Греции, тип художественного восприятия и выражения!

Да даже и поныне, в разговорной речи, у нас бытуют обороты-пословицы: «Лицо – зеркало души», «Глаза – зеркало души»… То есть именно в лице, в глазах проявляется неповторимая индивидуальность каждого. Эллин бы этого не понял. Для него лицо конкретного человека – отпечаток некоего высшего идеала; важно не то, что в лицах различается, а то, что в них есть общего. Всмотримся в лица древнегреческих статуй: не покажется ли нам, что все они, в сущности, похожи или, по крайней мере, сводятся к нескольким основным типам? А глаза этих статуй… Невыразительные, почти пустые (обратим внимание и на то, что это – глаза без зрачков), они никак не открывают внутренний мир личности. Когда эллин хотел придать лицу выразительность – он делал маску. Античный театр был театром масок, о чем не следует забывать[8]. Именно маски передавали как черты характера[9], так и эмоции.

Подлинным «зеркалом души» было для античных греков не лицо, а тело. Вот уж чему их скульпторы и живописцы постоянно уделяли самое повышенное внимание, тщательнейшим образом прорабатывая мускулатуру торса, рук, ног, прилагая все усилия к тому, чтобы резцом или кистью передать сложные движения. Подобная разница подходов отразилась и на языковом уровне. Наверное, во всех современных европейских языках слово «лицо» сплошь и рядом употребляется в значении «человек» (даже в выражениях типа «лицам в нетрезвом состоянии вход воспрещен» и т.п.). А в Элладе в значении «человек» очень часто употреблялось, напротив, слово «тело» (*soma*). «Телесность» античного мироощущения не уставал подчеркивать выдающийся философ и исследователь древнегреческой культуры Алексей Федорович

---

[8] См., например: *McCart G.* Masks in Greek and Roman Theatre // The Cambridge Companion to Greek and Roman Theatre. Cambr., 2007. P. 247–267.

[9] Тут еще нужно учитывать специфически древнегреческое понимание характера, отличающееся от нашего современного. См. об этом: *Суриков И.Е.* Греческий роман и греческое понимание характера // ПИФК. 2000. Вып. 9. С. 22–28.

Лосев: «*Термин “тело” как раз и употреблялся в античности в значении “человек”*... Вещественно-материальное тело как раз и являлось в античности субстанцией всех человеческих жизненных событий, субстанцией, так сказать, всей его судьбы»[10].

Подобное отношение к телу во многом определяло, в частности, и восприятие античными эллинами смерти, посмертного удела. Об этом тоже уместно сказать несколько слов. Создается впечатление, что эллины старались просто как можно меньше думать о кончине и о том, что последует за ней. Греческая религия была в полном смысле слова религией «мира сего», а не иного. По словам английского историка Альфреда Циммерна, «греки сидели за жизненным столом честно и прямо, не ожидая никакого десерта»[11].

В религиях и культурах очень многих народов вопросы загробного существования занимают исключительно большое место. Знатный египтянин уже с молодости начинал строить для себя гробницу. Верующий христианин оценивает все свое поведение с точки зрения того, как он впоследствии даст ответ «на страшном судилище Христовом». В таких культурах люди часто думают о смерти, поэтому складываются обширные, хорошо разработанные комплексы верований и идей, относящихся к этой сфере. Один из величайших шедевров всей европейской христианской литературы – «Божественная комедия» Данте – целиком, от первой строки до последней, посвящен загробному миру.

Для греков такое было бы немыслимо. Они и здесь отличались от других. У них мы не найдем ничего даже отдаленно похожего, скажем, на египетскую «Книгу мертвых». Большие жизнелюбы, они представляли себе посмертную судьбу человека в неясных и довольно мрачных тонах: бесплотные души умерших ведут унылое и безрадостное существование на туманных лугах подземного царства – Аида.

Вполне естественно, что такая перспектива не казалась привлекательной. В «Одиссее» Гомера (XI.488 sqq.) великий герой Ахилл, уже погибший и сошедший в Аид, удрученно говорит посетившему его Одиссею:

> «О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
> Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
> Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
> Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый».

Здесь нужно учитывать, что в гомеровские времена положение батрака-поденщика (фета) считалось даже худшим, чем положение раба. Ахилл – сам бывший царь! – согласен скорее батрачить на земле, чем владычествовать в Аиде. Не удивительно, что впоследствии сложился другой вариант мифа, согласно которому величайший герой Троянской войны, погибнув, не попал в Аид: волею богов он был пе-

---

[10] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: итоги тысячелетнего развития. М., 1994. Кн. 2. С. 510 (курсив принадлежит А.Ф. Лосеву). Полемику с этим взглядом А.Ф. Лосева (довольно эмоциональную, но в целом не слишком удачную) см.: *Кессиди Ф.Х.* Философия истории Фукидида. М., 2008. С. 211–223.

[11] Цит. по: *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 325.

ренесен на остров Белый в Понте Евксинском (Черном море) и ведет там блаженную жизнь, а супругой его сделана Елена Прекрасная. Так греки со временем стали стремиться хотя бы самых славных из своих героев «освободить» от общей загробной участи. Другой пример – Геракл: он совершил настолько большое число подвигов (никто другой даже отдаленно не мог соперничать с ним в этом!), что после кончины боги взяли его на Олимп и причислили к своему сонму.

Из Леты – одной из мифических рек, находящихся в Аиде, – души пьют воду, которая дарует им забвение[12]. Именно дарует: для мертвых благодеянием становится утратить память о той яркой, полноценной телесной жизни, которая была у них на земле. Забыв о прошлом, они, однако, парадоксальным образом начинают «помнить будущее», то есть их память приобретает как бы обратное направление. Именно поэтому в Элладе среди других видов гаданий была распространена и так называемая некромантия, когда пытались узнать грядущее, вопрошая о нем у душ умерших людей[13]. Сюжет XI-й книги гомеровой «Одиссеи» – а именно в этом тексте содержится, пожалуй, самый подробный рассказ, отражающий воззрения греков на загробное бытие, – именно в том и заключается, что заглавный герой поэмы подходит к вратам Аида и с помощью особых обрядов и заклинаний вызывает души. Одиссея интересует его дальнейшая судьба, о ней-то и расскажут ему покойники. Особенно нужен ему прорицатель Тиресий, который и при жизни слыл великим пророком, а теперь это его качество должно было еще усугубиться.

Напомним тут, что позднейшее христианское слово «ад» напрямую происходит именно от «Аид». Можно сказать, что древнегреческая религия – это религия «с адом, но без рая». Или, по крайней мере, почти без рая: как мы видели, для некоторых величайших героев делалось-таки исключение. Но подавляющее большинство людей ждала за порогом смерти совершенно одинаковая судьба.

Судьба эта беспросветна, но могло быть и еще беспросветнее. Имеем в виду ситуации, когда тело не было захоронено. Считалось, что в таких случаях душа не обретет загробного покоя и будет тревожить живых, являясь в виде призрака. Впрочем, является ли это последнее представление действительно первичным и древним – об этом можно спорить. Фактом остается только то, что в эллинских представлениях участь тела определяет, как видим, судьбу души. Снова перед

---

[12] Тут, может быть, имеет смысл напомнить, что такая важная категория мышления, как истина, в древнегреческом языке передавалась термином *aletheia*, который являет собой не что иное, как образование от того же *lethe* (забвение, отсюда и река Лета) с помощью так называемой *alpha privativum*. Иными словами, в греческом понимании истина – это то, что не забыто. Детальный анализ данной концепции см., например, в недавно переведенном на русский язык труде выдающегося немецкого мыслителя: *Хайдеггер М.* Парменид. СПб., 2009.

[13] Этому достаточно экзотическому в античности явлению посвящена специальная монография: *Ogden D.* Greek and Roman Necromancy. Princeton, 2001.

нами контраст, скажем, с более близкими нам христианскими воззрениями, которые на подобной связи отнюдь не настаивают. Тело для грека опять-таки оказывается первичным!

Прекрасно известно поэтому, как трепетно древние греки относились к необходимости погребения. Например, после сражения полководец отдавал приказ: собрать и схоронить трупы погибших. Это был прямой религиозный долг, за пренебрежение которым военачальника могла ждать суровая кара. Например, в 406 г. до н.э. афинский флот одержал крупную победу над спартанским при Аргинусских островах в Эгейском море. Но флотоводцы-победители, возвратившись на родину, были не удостоены почестей, а… казнены по приговору народного собрания. В вину им вменялось именно то, что после битвы они не подобрали тела убитых моряков для надлежащих похорон. Тщетно оправдывались злополучные командиры тем, что им не позволила сделать это начавшаяся сразу после боя буря; демос был неумолим[14].

В связи со сказанным не вызывает удивления история, рассказанная Плутархом об афинском политике и полководце Никии, известном набожностью и благочестием. Никий «высадился на коринфской земле и выиграл сражение… Случилось так, что афиняне оставили там непогребенными трупы двух воинов. Как только Никий об этом узнал, он остановил флот и послал к врагам договориться о погребении. А между тем существовал закон и обычай[15], по которому

---

[14] В связи с этим процессом стратегов-победителей см., например: *Hatzfeld J.* Socrate au procès des Arginuses // RÉA. 1940. Vol. 42. P. 165–171; *Wedel W. von.* Die politischen Prozesse im Athen des fünften Jahrhundert. Ein Beitrag zur Entwicklung der attischen Demokratie zum Rechtsstaat // Bullettino dell'Istituto di diritto romano "Vittorio Scialoja". 1971. Vol. 13. P. 159 ff.; *Andrewes A.* The Arginousai Trial // Phoenix. 1974. Vol. 28. No. 1. P. 112–122; *Roberts J.T.* Arginusae Once Again // ClW. 1977. Vol. 71. No. 2. P. 107–111; *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. L., 1978. P. 186–189; *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750–330 B.C. Baltimore, 1982. P. 156–158; *Mehl A.* Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen des ausgehenden 5. Jh. v.Chr. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abt. 1982. Bd. 99. S. 32–80; *Németh G.* Der Arginusen-Prozess: Die Geschichte eines politischen Justizmordes // Klio. 1984. Bd. 66. Ht. 1. S. 51–57; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986. P. 431–445; *Lavelle B.M.* Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // Classica et mediaevalia. 1988. Vol. 39. P. 19–41; *Worthington I.* Aristophanes' 'Frogs' and Arginusae // Hermes. 1989. Bd. 117. Ht. 3. S. 359–363; *Burckhardt L.* Eine Demokratie wohl, aber kein Rechtsstaat? Der Arginusenprozeß des Jahres 406 v.Chr. // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 128–143.

[15] Этот обычай входил в неписаный кодекс правил гоплитских войн (см. об этом кодексе: *Ober J.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 53–71; *Dayton J.* 'The Athletes of War': An Evaluation of the Agonistic Elements in Greek Warfare. Diss. Brown Univ., 2003; критику представлений о наличии такого кодекса см.: *Krentz P.* Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agôn // Hesperia. 2002. Vol. 71. P. 23–39).

тот, кому по договоренности выдавали тела убитых, тем самым как бы отказывался от победы… – ведь побеждает тот, кто сильнее, а просители, которые иначе, чем просьбами, не могут достигнуть своего, силой не обладают. И все же Никий предпочитал лишиться награды и славы победителя, чем оставить непохороненными двух своих сограждан» (*Plut.* Nic. 6).

Данный случай говорит сам за себя. Хотелось бы только отметить, что в описанной ситуации полководец оказывался как бы в тисках «между демосом и богами». Оставление тел воинов без подобающего погребения, как отмечалось выше, считалось крайне нечестивым[16] и могло быть даже расценено как религиозное преступление. Собственно, с аргинусскими победителями именно так и было. Впрочем, «процесс стратегов» стоит в афинской истории несколько особняком, не может рассматриваться как типичный, поскольку он проходил в очень уж обострившейся обстановке, в условиях настоящей религиозно-политической истерии[17]. Обычно к таким строгостям не прибегали, тем более что военачальник всегда мог представить в свою защиту смягчающие обстоятельства, которые обычно принимались во внимание. Однако перед лицом богов смягчающих обстоятельств не бывает…

Именно божественного гнева, судя по всему, боялся Никий, подстраховываясь от того, чтобы олимпийцы в будущем перестали быть к нему милостивыми. И он сделал выбор в пользу богов, а не в пользу демоса, рискуя навлечь на себя наказание со стороны последнего. Ведь пожертвовать уже достигнутой победой и фактически признать свое поражение – это неминуемо означало подвергнуться претензиям и нареканиям со стороны сограждан. Такие действия, в принципе, могли даже повести к концу всей политической карьеры. Впрочем, в данном случае ничего подобного не произошло: Никий, незадолго до того проведший ряд очень удачных кампаний, ощущал некоторый «запас прочности», на который он мог опереться.

Не случайно в Элладе самым суровым наказанием для преступника – даже более тяжким, чем смертная казнь! – считалось именно лишение погребения. Платон в большом утопическом трактате «Законы» разрабатывает подробнейший законодательный свод для вымышленного полиса Магнесии. Немало страниц посвящает он и карам, назна-

---

[16] Даже у Фукидида, который в целом достаточно скептически относится к религиозной обрядности, тематика должного обращения с телами погибших воинов занимает немаловажное место. См. сводку соответствующих пассажей: *Lateiner D.* Heralds and Corpses in Thucydides // ClW. 1977. Vol. 71. No. 2. P. 97–106. В связи с необходимостью погребения погибших как обязательным для греков законом см. также: *Harris E.M.* Antigone the Lawyer, or the Ambiguities of Nomos // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 19–56.

[17] См. в связи с ментальной обстановкой этих лет: *Murray G.* Reactions to the Peloponnesian War in Greek Thought and Practice // JHS. 1944. Vol. 64. P. 1–9; *North H.F.* A Period of Opposition to sôphrosynê in Greek Thought // TAPhA. 1947. Vol. 78. P. 1–17; *Lévy E.* Athènes devant la défaite de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976; *Bleckmann B.* Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Leipzig, 1998.

чаемым за различные преступления[18]. За довольно многие из них предписывается смерть – древнегреческое законодательство, как реальное, так и теоретическое, в этом плане вообще было достаточно жестким[19]. Но как быть с особо чудовищными деяниями, – например, если кто-нибудь убил своего отца, или мать, или ребенка?

Платон считает, что для таких людей простой казни мало. С ними он предлагает поступать следующим образом: «И если человек будет уличен в подобном преступлении, то есть если он действительно убил кого-нибудь из своих родичей, его предают смертной казни служители судей и должностные лица, а тело его обнаженным должно быть выброшено за пределы государства, на отведенный для этого перекресток. Затем все должностные лица от лица всего государства пусть принесут каждый по камню и бросят его в голову трупа, чтобы таким образом очистить всё государство. После этого труп выносят к крайним пределам страны и здесь выбрасывают, причем по закону он лишается погребения» (*Plat.* Leg. IX.873 b–c). Как видим, после казни тело преступника подвергается поруганию, а главное – его запрещается хоронить, чтобы душа и на том свете продолжала мучиться. Зато относительно убийств, не обремененных столь отягчающими обстоятельствами, Платон специально оговаривает: «Виновному дозволяется быть погребенным у себя на родине» (872 a). Таким образом к нему проявляется некоторое снисхождение.

Кстати говоря, не можем не отметить: во многих других культурах проблему решали совсем иначе: если считали, что просто умереть – для человека недостаточное наказание, то придавали казни особо мучительные формы (как колесование, сожжение на костре, сажание на кол и т.п.) или же предваряли ее жестокими пытками. В Элладе ни к чему подобному не обращались. Пытки были запрещены; правда, следует оговорить, что запрет относился только к свободным людям. Рабов не только разрешалось пытать, но при некоторых обстоятельствах закон даже прямо предписывал это. Например, во время судебного следствия снимать с раба свидетельские показания полагалось обязательно с использованием пытки. Считалось, что иначе раб ни за что не скажет правду[20].

Равным образом не получили распространения среди греков и «изощренные» способы смертной казни. Казнили достаточно просто: на ранних этапах сбрасывали в пропасть[21] или наносили смертельный

---

[18] См. об этом: *Saunders T.J.* Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 115–132.

[19] *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34–42.

[20] См. в связи с этим: *Mirhady D.C.* Torture and Rhetoric in Athens // JHS. 1996. Vol. 116. P. 119–131; *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 219 слл.

[21] *Whitehorne J.* Punishment under the Decree of Cannonus // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 89–97.

удар дубиной по голове[22]. Ближе к концу V в. до н.э. в Афинах прибегли к более «гуманному» новшеству: стали применять сок ядовитого растения цикуты. Выпив его, приговоренный умирал почти безболезненно. Как известно, когда афинские присяжные осудили Сократа, великий философ ушел из жизни именно так – принял из рук палача чашу с ядом.

Но вернемся к проблеме погребения. Именно этой проблематике посвящена одна из лучших трагедий Софокла – «Антигона». Сюжет ее взят из фиванского цикла мифов. Дети Эдипа Этеокл и Полиник, унаследовав власть после отца, повздорили. Этеокл изгнал Полиника; тот бежал в Аргос, но вскоре пришел оттуда на Фивы с вражеским войском. В происшедшем сражении, вступив в схватку друг с другом, оба брата погибли. Новый царь Креонт постановил: Этеокла похоронить со всяческими почестями, а труп Полиника оставить на поле боя без погребения. Но заглавная героиня драмы – Антигона, дочь Эдипа, – не могла допустить, чтобы ее брата постигла такая участь. Тайно пробравшись ночью к телу Полиника, она свершила над ним символический погребальный обряд. Бросить на покойного две-три горсти земли – этого было уже достаточно, чтобы его душа обрела упокоение. Но Антигона была схвачена, приведена к Креонту, и царь распорядился: за нарушение его указа заточить непокорную девушку в темницу, чтобы она умерла там от голода. В тюрьме Антигона покончила с собой, но правота осталась за ней – такое впечатление должны были получить зрители после просмотра трагедии. Ведь она отстаивала священный, богами установленный обычай вопреки человеческим распоряжениям[23].

Описанная здесь тесная связь между участью тела и судьбой души, да и общие представления о посмертном бытии, характерные для греческой цивилизации, – всё это свидетельствует: полноценная жизнь для грека была возможна, прежде всего, как жизнь тела. Подтверждается процитированный выше тезис А.Ф. Лосева.

Известно, что в рамках древнегреческих религиозных представлений и боги воспринимались как существа не духовные, а вполне материальные, телесные, причем со всеми соответствующими импликациями. Так, олимпийцы вынуждены питаться, – хотя бы и своей особой пищей (амвросией и нектаром), чтобы поддерживать собственное бессмертие. В жилах их течет некое подобие крови, но это особое вещество (Гомер называет его «ихор»). Даже смертные люди могут ранить бога или богиню,

---

[22] *Gernet L.* Droit et institutions en Grèce antique. P., 1982. P. 175–211.

[23] Несколько иная точка зрения: *Harris E.M.* Op. cit. В связи с трагедией «Антигона», о которой существует, разумеется, колоссальная литература, укажем ради полноты картины разве что несколько недавних работ: *Goldhill S.* Antigone and the Politics of Sisterhood // Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought. Oxf., 2006. P. 141–161; *Shepherdson C.* Antigone: The Work of Literature and the History of Subjectivity // Bound by the City: Greek Tragedy, Sexual Difference, and the Formation of the Polis. Albany, 2009. P. 47–80; *Wohl V.* Sexual Difference and the Aporia of Justice in Sophocles' *Antigone* // Bound by the City... P. 119–148.

причинить им боль. А уж причинить обиду, вызвать зависть какого-нибудь божества – это и вовсе проще простого.

Снова и снова, бросая взгляд на древнегреческую цивилизацию с разных ракурсов, мы убеждаемся: вся она была проникнута вещественным, материальным началом. Повторим, материальны сами боги! Не случайно даже эллинские философы-атомисты (Демокрит, Эпикур), основоположники материализма в мировой философской мысли, отнюдь не отрицали существования богов. Их теориям небожители ничуть не мешали; достаточно было сделать поправку, что блаженные обитатели Олимпа тоже состоят из атомов. А любой современный материализм будет, разумеется, решительно бороться с религией.

Была ли вообще духовность в том мире, о котором мы здесь рассказываем? Некоторые ученые считают, что нет, ни о чем подобном не приходится говорить вплоть до появления христианства. Но могла ли бездуховная цивилизация породить гомеровские поэмы и драмы Софокла, статуи Фидия и философские прозрения Платона? Духовность, конечно же, была. Но «дух» и «плоть» еще не были оторваны друг от друга, воспринимались в целостном единстве.

I.E. Surikov

THE SLEEP AND THE DEATH, THE BODY AND THE SOUL, ARTEMIDORUS AND FREUD
(Notes on some specific features of Ancient Greek mentality)

In the article, several mutually connected features of Ancient Greek mentality are dealt with on the material of various pieces of literary tradition. The Sleep (*Hypnos)* and the Death (*Thanatos)* are called brothers by Hesiod. Sleep is connected with dreams, and typical Greek dreams, to judge for instance from Artemidorus' *Oneirocritica*, are in many cases rather unlike our modern dreams. If the latter have, according to Freud, a " censorial " function, in Greek dreams such a function was not highly developed. The Greeks often dreamt about genitals, coitus and so on. In this relation the situation is, I dare say, contrary to ours: not neutral symbolic was used to substitute sexual matters, but – quite opposite! – sexual symbolic could be used to substitute non-sexual matters.

And in general one can speak of more frankness of the Greeks in the questions of intimacy as compared with our civilization's views. It is possible to remember also a kind of 'cult' of male nudity in Greece. As Russian poet and thinker Maximilian Voloshin said, the real face of a Greek was his body. It is visible, *inter alia*, in iconographical representations.

The priority of the theme of body (*soma*) in Greek connotations of human existence is a very typical feature. It is manifest also in Greek perception of the death and the future life.

Е.И. Соломатина

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АРХАИЧЕСКОМ МИЛЕТЕ: ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ СОБЫТИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Политическая история Милета, одного из ведущих полисов архаической Греции, богата самыми разнообразными событиями. И хотя нет единого мнения в их интерпретации и датировке, а некоторые из них порой расцениваются как недостоверные, тем не менее традиционно их выстраивают в такой хронологической последовательности.

Самые ранние политические события, о которых дошли сведения в передаче мифографа Конона (FGH. 26. F. 44) и Николая Дамасского (FGH. 90. F. 52–53), – это ожесточённая борьба двух представителей династии Нелеидов – Фитрета/Амфитрета[1] и Леодаманта – за царскую власть, в результате которой в Милете она была упразднена и появились выборные эпонимные магистраты. Эти события теми, кто признает их достоверными, датируются по-разному: концом X–IX вв. до н.э.[2], или концом VIII в. до н.э.[3], а то и серединой или концом VII – началом VI в. до н.э.[4] Временный захват власти в Милете Амфитретом также не получил однозначной трактовки: его считают либо попыткой установить тиранию, следуя букве источника (*Nic. Dam.* FGH. 90. F. 52: αὐτὸς δὲ... τὴν πόλιν κατελάβετο καὶ *τύραννος* ἐγένετο; Ἀμφιτρὴν δ' οἱ Λεωδάμαντος παῖδες κτείνουσι, καὶ ὁ πόλεμος καὶ *ἡ τυραννὶς* ἐπέπαυτο Μιλησίοις – курсив мой – *Е. С.*)[5], либо эпизодом в междоусобной борьбе представителей царского рода, а термин «тирания», употребленный Николаем Дамасским, – анахронизмом[6]. После падения царского дома Нелеидов к власти пришла наследственная олигархия во главе с эпо-

---

[1] Считается, что Фитрет и Амфитрет – одно и то же лицо. См.: *Gorman V.B.* Miletos, the Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E. Ann Arbor, 2001. P. 90; *Борухович В.Г.* Архаический Милет (проблемы социально-политической истории) // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 18: «...скорее всего имя Амфитрет получилось из сочетания предлога ἀμφί с собственным именем Фитрет. По-видимому, в источниках, послуживших основой для Николая Дамасского, говорилось о группе сторонников Фитрета, а порча традиции привела к возникновению нового персонажа легенды».

[2] *Gorman V.B.* Op. cit. P. 92, 120.

[3] *Huxley G.L.* The Early Ionians. N.Y., 1966. P. 504; *Jeffery L.H.* Archaic Greece: The City-States, c. 700–500 B.C. N.Y., 1976. P. 210. Конец VIII в. до н.э. традиционно считается временем падения царских династий в Греции.

[4] *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 113 (середина VII в. до н.э.); *Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 19.

[5] *Виноградов Ю.Г.* Указ. соч. С. 113; *Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009. С. 340, 441.

[6] *Gorman V.B.* Op. cit. P. 91–92; *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 128; по мнению Г. Берве, в случае с Амфитретом говорить об установлении тирании не приходится, он назван в источнике тираном, так как он убил «справедливого и любимого гражданами» Леодаманта.

нимными магистратами (как назывались первые эпонимные магистраты в Милете: пританы, эсимнеты или эпимении – это предмет дискуссии, как и характер власти первого эпонимного магистрата Эпимена – экстраординарный или регулярный). Правление олигархии было прервано установлением тирании Фрасибула (конец VII–VI вв. до н.э.). Для тирании Фрасибула можно указать более или менее точные хронологические рамки, поскольку хорошо известно, что Фрасибула и коринфского тирана Периандра, правившего приблизительно с 627 по 587 г. до н.э., связывали узы гостеприимства (*Hdt.* I.20; V.92), а также то, что при Фрасибуле милетяне оказали успешное сопротивление экспансии лидийского царя Алиатта (правил приблизительно с 610 по 560 г. до н.э.), а войны Лидии с Милетом относятся к началу правления Алиатта, мир же Лидии с Милетом был заключен приблизительно в 605 г. до н.э. (*Hdt.* I.21–22).

После тирании Фрасибула (дата окончания его правления точно неизвестна) в течение нескольких десятилетий Милет раздирали внутренние распри, носившие характер соперничества аристократических группировок, в результате которых на короткий срок к власти пришли тираны Фоант и Дамасенор. После их свержения в Милете вновь развернулась ожесточённая борьба группировок за власть, верх одерживали то одни, то другие, пока не была призвана третейская комиссия с Пароса, реорганизовавшая милетскую общину.

Об этой кровавой распре сохранились сведения у Геродота (V.28–29), Гераклида Понтийского (ap Athen. XII.523e–524b), Плутарха (Quaest. Gr. 32.298c–d).

Сообщение Гераклида Понтийского, фрагмент из второй книги «Περὶ δικαιοσύνες» которого цитирует Афиней, повествует о жестоких расправах друг над другом временно одерживающих победу противоборствующих сторон[7]. Этот фрагмент представляет собой часть так называемого «Оракула гергитов», который, по мнению Дж. Фонтенроуза, принадлежит к квазиисторическим (согласно его классификации)[8] и служит назидательным примером того, как непомерное стрем-

---

[7] *Athen.* XII.523f–524b: «Гераклид Понтийский во второй книге "О справедливости" пишет: "Город милетян пал от бедствий, рожденных роскошью и гражданскими распрями, ибо в нём каждый, не зная чувства меры, истреблял своих врагов до самого корня. Так, когда зажиточные граждане вступили в борьбу с простонародьем, которое звали "гергитами", и поначалу верх одерживал народ, то изгнавши богатеев из города, они собрали детей изгнанников на току и предали преступнейшей казни – насмерть затоптали волами. Зато и богачи, взявши верх, обмазывали своих пленников смолою и заживо сжигали всех вместе с детьми. Говорят, что когда они горели, было явлено много знамений: священная олива вспыхнула сама собой, а бог Аполлон, долго отказывавший им в вещаниях, на вопрос "за что?" ответил так:

"Много печалит меня беззащитных убийство гергитов,
Участь сгоревших в смоле и навеки увядшее древо"».

(Пер. Н.Т. Голинкевича. по изд.: *Афиней.* Пир мудрецов: в пятнадцати книгах. Кн. IX–XV. М., 2010. С. 214).

[8] *Fontenrose J.* The Delphic Oracle: Its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley, 1978. P. 77.

ление к роскоши приводит к порче нравов и большим несчастьям – гибели городов. И хотя в передаче Афинея конец текста оракула отсутствует, но сам контекст, в котором он приводится[9], даёт возможность предположить, что для милетян, как и для сибаритов, проливших кровь своих противников оскорбительным для богов образом, завершение истории будет сходным: как Сибарис был разрушен кротонцами, так и Милет – персами. Таким образом, можно заметить, что описанные в оракуле гражданские распри в Милете непосредственно предшествовали Ионийскому восстанию и стали причиной разрушения города персами в 494 г. до н.э. (если считать свидетельство оракула подлинным, как обычно делают многие исследователи)[10]. Однако такой исход стасиса не согласуется с тем, как он представлен у Геродота (V.28–29), который считается более надёжным источником по этому вопросу. Геродот так описывает эти события: «(28)… а Милет в то время процветал как никогда – ни раньше, ни позже. Это была жемчужина Ионии. За два поколения до этого Милет раздирали гражданские распри, пока паросцы не примирили [враждующие партии]. Милетяне выбрали в посредники именно паросцев из всех эллинов. (29). А примирили их паросцы вот как. Когда знатнейшие жители Па-

---

[9] В кн. XII Афиней разбирает тему наслаждения и радости жизни и приводит каталог стран и городов, отличившихся роскошью; этот каталог составлен из фрагментов историй с явным морализаторским характером.

[10] *Gorman V.* Op. cit. P. 104–107. В. Горман, анализируя данное свидетельство Гераклида Понтийского, считает, что как исторический источник по гражданским распрям в Милете оно сомнительно, его не следует воспринимать буквально; исследовательница приводит вполне убедительную аргументацию своей точки зрения. Дело в том, что обычно этот фрагмент ученые используют для установления характера социальной борьбы путём определения социального содержания терминов, обозначающих противоборствующие стороны. И если с терминами οὐσίας ἔχοντες и πλούσιοι всё более или менее понятно, то с термином «гергит» особой ясности нет. Традиционно гергиты считаются зависимым автохтонным, вероятно, карийским населением, порабощенным ионийцами-мигрантами и проживающим на землях Милета; соответственно, исходя из данного предположения, делается вывод о «расовой» окраске социальных столкновений в Милете (см., например, литературу, указанную у В. Горман: *Gorman V.B.* Op. cit. P. 106, n. 36; а также: *Лапteва М.Ю.* Указ. соч. С. 316–317). Однако проводимые в последнее время раскопки в Милете и на его хоре не выявили там следов карийского присутствия (см.: *Gorman V.B.* Op. cit. P. 16–17, 107; *Greaves A.M.* Miletos: A History. L.; N.Y., 2002. P. 74–75, 77). Другие же свидетельства античных источников помещают гергитов в области Гергифия в северо-зап Малой Азии, в Троаде и Эолиде (см., напр.: *Hdt.* V.122; *Strabo* XIII.1.19), т.е. вне пределов Милета и милетской хоры. Более того, родина гергитов – деревня (город) Гергифа, согласно исследованию Г.У. Парка (*Parke H.W.* Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity. L., 1992. P. 31, 51–52), является также местом рождения и/или местом захоронения Геллеспонтской Сивиллы, а это, в свою очередь, дает возможность предположить, что «Оракул гергитов» мог появиться в этом месте как изречение Сивиллы. Таким образом, вывод В. Горман о невозможности говорить об участии гергитов в социальной борьбе и невозможности определить их социальный статус, пока не будет более весомых свидетельств в пользу их присутствия в Милете, вполне убедителен и аргументирован.

роса прибыли в Милет, то увидели там дотла разорённых жителей и объявили, что желают обойти их поля. Так паросцы и сделали: они обошли всю Милетскую область из конца в конец. Если им случалось заметить в опустошённой стране хорошо возделанный участок, то они записывали имя хозяина. Лишь немного таких участков им удалось найти при обходе всей страны. По возвращении в город паросцы созвали народное собрание и передали управление городом тем [немногим хозяевам], чьи участки были хорошо возделаны. [Сделали же они так] потому, по их словам, что тот, кто заботится о своем участке, будет так же хорошо заботиться и об общем достоянии. Прочим милетянам, которые раньше бунтовали, паросцы приказали подчиняться [назначенным ими] людям»[11]. Итак, согласно Геродоту, стасис имел мирное завершение благодаря посредничеству паросцев, после чего наступил период необычайного процветания Милета, и лишь после этого произошло Ионийское восстание.

Если в сообщении Геродота об этой смуте дан *terminus ante quem* – Ионийское восстание, то в свидетельстве Плутарха (Quaest. Gr. 32.298c–d) указан *terminus post quem* – «тирания Фоанта и Дамасенора»: «Кто такие аейнавты у милетян? Когда были свергнуты те, кто группировались вокруг тиранов – Фоанта и Дамасенора, две гетерии завладели городом, из которых одна называлась Плутис, другая же – Хейромаха. После того, как верх одержали состоятельные люди и все дела перешли в управление гетерии, они стали совещаться о самых важных делах, садясь на корабли и отплывая далеко от берега в открытое море. Приняв решение, они возвращались обратно, и по этой причине получили прозвище «аейнавтов»»[12].

Но дело в том, что в обширном корпусе имеющихся античных источников Фоант и Дамасенор упоминаются всего один раз, а именно в процитированном в переводе фрагменте Плутарха, и поскольку этот фрагмент вызвал различные толкования у исследователей, то имеет смысл привести его греческий оригинал:

“Τίνες οἱ ἀειναῦται παρὰ Μιλησίοις;” Τῶν περὶ Θόαντα καὶ Δαμασήνορα τυράννων καταλυθέντων, ἑταιρεῖαι δύο τὴν πόλιν κατέσχον, ὧν ἡ μὲν ἐκαλεῖτο Πλουτίς ἡ δὲ Χειρομάχα. κρατήσαντες οὖν οἱ δυνατοὶ καὶ τὰ πράγματα περιστήσαντες εἰς τήν ἑταιρείαν, ἐβουλεύοντο περὶ τῶν μεγίστων ἐμβαίνοντες εἰς τὰ πλοῖα καὶ πόρρω τῆς γῆς ἐπανάγοντες· κυρώσαντες δὲ τὴν γνώμην κατέπλεον, καὶ διὰ τοῦτ’ “ἀειναῦται” προσηγορεύθησαν.

Наиболее интригующая часть этого отрывка – τῶν περὶ Θόαντα καὶ Δαμασήνορα τυράννων καταλυθέντων, – где упомянуты Фоант и Дамасенор, которые традиционно не только в переводах, но и в исследованиях

---

[11] Здесь и далее по изданию: *Геродот.* История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 1993.

[12] Использован перевод В.Г. Боруховича. См.: *Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 24–25. О социальном значении терминов «аейнавты», «хейромаха» и «плутис» см. обзор мнений у В. Горман (*Gorman V.B.* Op. cit. P. 108–111) и М.Ю. Лаптевой (*Лаптева М.Ю.* Указ. соч. С. 313–315).

фигурируют как тираны[13]. Эта коротенькая фраза вызвала вопросы не только у издателей и комментаторов Плутарха, но и породила сомнения у некоторых историков в правильности реконструкции цепочки политических событий архаического Милета и помещения Фоанта и Дамасенора в контекст VI в. до н.э.

Если дословно переводить использованную Плутархом конструкцию *gen. abs.*, то получится «когда тираны вокруг Фоанта и Дамасенора были свергнуты», т.е. сам Плутарх не называет Фоанта и Дамасенора тиранами. Именно такой вариант перевода с греческого присутствует в английском издании текста «Моралий» Плутарха с параллельным переводом: «After the tyrants around Thoas and Damasenor had been overthrown»[14]. В таком виде значение этой фразы показалось немного странным, и поэтому ученые не торопились дать ей приемлемое объяснение, тем более, что в научной литературе чаще используется текст и перевод Плутарха в тойбнеровской серии (1935 года и репринт 1971 года), где издатель текста (J. Titchener) предложил исправить смущающий *gen.* на *acc.*, т.е. τυράννων на τυράννους. Эта замена *gen.* на *acc.* обусловлена бытовавшей в греческом языке конструкцией οἱ περὶ + *acc. nom. proprii*, которая употребляется греческими историками для краткого обозначения людей, группировавшихся вокруг одного важного персонажа; но также эта конструкция может, как перифраз, обозначать и само лицо[15]. Тогда с учетом последнего значения эту фразу можно перевести и так: «после того, как были свергнуты тираны Фоант и Дамасенор». В любом случае это исправление послужило основой как для традиционного перевода данной фразы: «когда были свергнуты те, кто группировались вокруг тиранов – Фоанта и Дамасенора», так и для зачисления Фоанта и Дамасенора в тираны.

На эти разночтения в изданиях текста Плутарха обратила внимание В. Горман и после детального анализа текстов Плутарха пришла к вполне обоснованному выводу, что исправление тойбнеровского издателя лишено смысла и надо оставить рассматриваемую фразу в том виде, в каком она сохранилась в рукописи[16]. Ведь, согласно его исправлению, *acc.* τυράννους должен тогда рассматриваться как определение, при котором необходим артикль τοὺς. У Плутарха найдено 50 примеров, в которых слово τύραννος является определением имени собственного и везде присутствует артикль, как и ожидалось по прави-

---

[13] См., например: *Лаптева М.Ю.* Указ. соч. С. 311–312; *Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 24; *Libero L. de,* Die archaische Tyrannis. Stuttgart, S. 355, 364; *Greaves A.* Op. cit. P. 95. Г. Берве не настолько категоричен в своих определениях: он называет правление Фоанта и Дамасенора «тираноподобным». *Берве Г.* Указ. соч. С. 130.

[14] The Greek Questions of Plutarch / Ed. and transl. *W.R. Halliday*. Oxf., 1928, *loc. cit.*

[15] *Lidell H.G., Scott R., Jones H.S.* A Greek-English Lexicon. Oxf., 1985. s.v. περὶ *with acc. of person*, «later οἱ περὶ τινά periphr. for the person himself».

[16] *Gorman V.* Op. cit. P. 116.

лам грамматики и нормам языка Плутарха[17]. Что же касается предположения об употреблении конструкции οἱ περὶ τινά как перифраза, то, согласно исследованию М. Дюбюисона, на которое ссылается В. Горман, оно не было столь распространённым, как это считалось раньше; к тому же рассматривать эту конструкцию в качестве перифраза можно только в случае безусловной ясности контекста[18].

Таким образом, фраза Плутарха остается в том виде, в каком она дошла в рукописях, а именно: τῶν περὶ Θόαντα καὶ Δαμασήνορα τυράννων καταλυθέντων, переводимая на русский язык так: «когда тираны вокруг Фоанта и Дамасенора были свергнуты».

И если Фоант и Дамасенор не тираны в традиционном понимании этого слова, то как тогда определить сущность их правления? Хорошо известно, что слова «тиран» и «тирания» употреблялись в пейоративном смысле для характеристики грубого, авторитарного, насильственного правления, и не только единоличного, но также и группы лиц. Например, тирания Тридцати в Афинах. Особенно типичным для демократической традиции было определять с помощью этих терминов авторитарное правление олигархии ограниченного числа лиц. Исходя из этих соображений и проанализировав описания олигархических режимов у Плутарха (он называет стоявших у власти в Фивах в середине IV в. до н.э. олигархов Архия и Леонтида тиранами, а их правление – тиранией; Pel. VI.1; IX.2), Гиппия из Эритр (ap. Athen. VI.259 b–c: использует схожий оборот «οἱ περὶ τὸν Ὀρτύγην τύραννοι» – «тираны вокруг Ортига» – при описании свержения царя Кнопа в Эритрах гетерией во главе с Ортигом, Иром и Эхаром, на место которого к власти пришла олигархия), В. Горман делает вполне логичный вывод, что Плутарх говорит не о тирании в Милете как таковой, а об олигархии ограниченного числа лиц, подобной фиванской или эритрийской, правление которой запомнилось как авторитарное и насильственное[19].

Кроме пересмотра традиционной точки зрения на форму правления Фоанта и Дамасенора, В. Горман предлагает также пересмотреть и датировку начала и конца гражданских распрей в Милете. Для такого шага нужны очень веские основания, и исследовательница их находит в источниках.

Напомню, что, согласно сведениям Геродота, жесточайший кризис длился в Милете два поколения (V.28: ἡ Μίλητος… κατύπερθε δὲ τούτων ἐπὶ δύο γενεὰς ἀνδρῶν νοσήσασα ἐς τὰ μάλιστα στάσι) и завершился паросским посредничеством (приблизительно в 525 г. до н.э.), восстановившим гражданский мир и реорганизовавшим общину и управление в Милете.

Так как паросская реорганизация милетской общины, приведшая к установлению олигархии, обычно связывается с появлением новых эпонимных магистратов – эсимнетов, начало списка которых тради-

---

[17] *Gorman R.J., Gorman V.B.* “The Tyrants around Thoas and Damasenor” (*Plut.* Q.G. 32.298c–d) // CQ. 2000. Vol. 50. P. 526–528.

[18] *Gorman V.* Op. cit. P. 116.

[19] Ibid. P. 117–118.

ционно датируется 525/524 годом до н.э.[20], то видимая одновременность этих событий служит для многих ученых весомым аргументом в пользу датировки гражданского стасиса периодом после правления Фрасибула.

Датировка начала списка эсимнетов 525/524 годом до н.э. была предложена его первым издателем А. Ремом[21], который выстраивал абсолютную хронологию первого списка эсимнетов, основываясь на именах двух хорошо известных лиц, присутствующих в нем. Первый – это Асандр (его имя стоит последним, сто первым, в этом списке) – 314/13 г. до н.э. (о нём сообщает и Диодор Сицилийский: XIX.62.5; 75.1); и второй – Александр, сын Филиппа, т.е. Александр Великий (завоевавший Милет не ранее лета 334 г. до н.э., его имя на восемьдесят первом месте), следовательно, по предположению издателя, Александр мог занимать эпонимную должность в 334/33 г. до н.э. А. Рем, однако, высказал сомнение в том, что список был непрерывным до Александра и тем более до 479 г. до н.э.[22]

В. Горман обратила внимание на это замечание А. Рема и сопоставила его с сообщением Геродота (VI.18–22) о разрушении и депопуляции Милета в 494 г. до н.э. Геродот пишет: «…после победы в морской битве над ионянами персы принялись осаждать Милет с суши и с моря… На шестой год после восстания Аристагора персам удалось целиком [вместе с акрополем] овладеть городом. Жителей они обратили в рабство… Тогда-то и разразилась над милетянами эта беда, так как большую часть их мужчин умертвили персы, носившие длинные волосы, а жен и детей их обратили в рабство. Священный же храмовый участок, а также храм и прорицалище были разграблены и преданы огню… (20). Захваченных в плен милетян персы затем повели в Сусы. Царь Дарий, впрочем, не причинил им больше никакого зла. Он поселил их у так называемого Красного моря в городе Ампе… В Милетской же области персы взяли себе самый город и окрестную равнину, а горную местность отдали во владение карийцам из Педас». Сведения Геродота подтверждаются и археологически: зафиксировано масштабное разрушение города, датируемое началом V в. до н.э.[23]

---

[20] Н. Эрхардт датирует смену эпонимных магистратов (с пританов на эсимнетов) серединой VII в. до н.э., т.е. временем после киммерийского вторжения, согласно своей теории о двух волнах милетской колонизации: первая волна (до киммерийского нашествия) связана с колонизаций Пропонтиды, и эпонимными магистратами в это время были пританы, как в Милете, так и в колониях Пропонтиды; во время второй волны (после киммерийцев) Милет выводит колонии в понтийском регионе, где засвидетельствованы в качестве эпонимных магистратов жрецы (или эсимнеты, которые тоже имеют отношение к культовой деятельности). Однако постулируемая им теория не имеет веских оснований из-за недостатка свидетельств источников. См.: *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1983. S. 202.

[21] *Kawerau G., Rehm A.* Milet. Bd. 1. Ht. 3: Das Delphinion in Milet. B., 1914. S. 241–253.

[22] Ibid. S. 242.

[23] *Greaves A.* Op. cit. P. 75.

Следовательно, принимая во внимание свидетельство Геродота и данные археологии, можно говорить о том, что Милет не существовал как политическая единица в период с 494 по 479 г., когда вновь была заселена его территория. Соответственно, если не было в этот период коренного населения, то перестает существовать и его правительство. Поэтому В. Горман предложила передатировать начало списка эсимнетов в сторону удревнения – 540/39 годом с учетом этого разрыва в существовании Милета.

Однако даже передатировка начала списка эсимнетов с 525/4 на 540/39 год до н.э. и соответственно парасского посредничества этим же годом, не помогает объяснить некоторые факты, традиционно относимые исследователями к VI в. до н.э., на что и обратила внимание американская исследовательница. Например, как объяснить то, что Милет, непосредственно контролируемый персами уже к концу 540-х годов, находится в состоянии гражданского стасиса около 15 лет, а персы ничего не предпринимают в отношении стабилизации положения в главном торговом центре (при традиционной датировке посредничества и реорганизации Милета 525/4 г. до н.э.). И если учесть передатировку, то также нелегко объяснить, почему персы, всеми силами укреплявшие свои позиции, позволили Милету призвать паросцев для урегулирования внутреннего положения[24].

Даже принимая во внимание эти соображения, датировка парасского посредничества третьей четвертью VI в. до н.э. в любом случае не согласуется, по мнению В. Горман, с сообщениями Геродота. В одном из них говорится, что «Милет в то время процветал как никогда – ни раньше, ни позже. Это была жемчужина Ионии» (*Hdt.* VI.28), т.е. это процветание было результатом достаточно продолжительного и стабильного правления олигархии[25]. А в другом – о том, что в период скифского похода Дария (период между 516 и 512 гг. до н.э.) Милетом правил тиран Гистией (*Hdt.* IV.137–142), а это означает, что при любой датировке парасского посредничества, установленное паросцами олигархическое правление длилось недолго: либо около десяти, либо около двадцати лет, а этого срока не достаточно для того процветания, о котором сообщает Геродот[26]. Кроме сопоставления фактологического материала, в подкрепление своей точки зрения В. Горман приводит анализ употребляемых Геродотом терминов для обозначения времени в приводимых свидетельствах. Так, используемое Геродотом (V.28) слово κατύπερθε в выражении κατύπερθε δὲ τούτων («до этого», «раньше»), встречается у него ещё один лишь раз, когда он повествует об общих предках спартанских царей Павсания и Леонида (IX.64), но ни тот, ни другой пассаж не свидетельствует определенно, о каком прошлом, ближайшем или отдалённом, идет речь. Также В. Горман

[24] *Gorman V.* Op. cit. P. 114–115.

[25] А. Гривз связывает расцвет Милета с правлением тиранов Гистиея и Аристагора, а не олигархии, так как в период их правления в Милете отмечается широкомасштабное культовое строительство, засвидетельствованное археологическими раскопками. См.: *Greaves A.* Op. cit. P. 96.

[26] *Gorman V.* Op. cit. P. 115.

обратила внимание на тематическую схожесть пассажей, в которых описывается паросский арбитраж (V.28) и переустройство спартанского государства Ликургом (I.65). В обоих случаях акцентируется внимание на существующем процветании, возникшем из предшествующих бедствий, на процветании как результате единовременной реорганизации государственного устройства. В. Горман отмечает, что для Геродота значительный временной интервал не является препятствием для соотнесения причины и результата[27].

Итак, рассмотренные аргументы, приводимые В. Горман, в подкрепление своего предложения передатировать события политической истории Милета концом VIII–VII в. до н.э. (т.е. до тирании Фрасибула, хотя более точная датировка невозможна), выглядят весьма убедительно. Соответственно, предложенная Горман хронологическая последовательность событий будет выглядеть следующим образом: падение царской власти Нелеидов, установление наследственной олигархии во главе с эпонимным магистратом, выродившейся в тираноподобное правление «соратников» Фоанта и Дамасенора, длительный (в течение двух поколений) гражданский кризис, паросское посредничество, в результате которого была установлена новая олигархия, уже не наследственной знати, а более широкого круга землевладельцев, правление которой длилось до конца VII в. до н.э., когда в результате лидийской угрозы на политической сцене появился тиран Фрасибул. Однако при всей аргументированности высказываемых В. Горман предположений, остается несколько моментов, которые нарушают стройность ее концепции. Дело в том, что у Геродота нет разъяснений по поводу того, что имелось в виду под необычайным «процветанием» Милета. В представлении Горман – это активная колонизационная деятельность; если так, то можно согласиться с датировкой милетского «процветания» серединой VIII – последней третью VII в. до н.э., предложенной исследовательницей[28]. Но существует и другое мнение, связывающее процветание этого полиса с активным храмовым строительством в Милете, датируемом археологами концом VI в. до н.э. и соотносимым с тиранническим правлением Гистиея и Аристагора[29], а это аргумент в пользу приверженцев традиционной датировки событий. Кроме того, согласно В. Горман, для процветания нужно было длительное и стабильное правление олигархии, то, которое существовало в VI в. до н.э., не подходит для того, чтобы обеспечить упомянутое процветание, так как было прервано установлением тирании[30]. Однако известны примеры, когда именно тираническое правление было основой процветания (в различных его проявлениях) полисов, так при Бакхиадах Коринф вел активную колонизационную политику, а в Афинах при Писистрате развернулось строительство как по благоустройству города, так и культовое.

---

[27] *Gorman V.* Op. cit. P.120.
[28] Ibid. P. 121.
[29] *Greaves A.* Op. cit. P. 96.
[30] *Gorman V.* Op. cit. P. 115.

Таким образом, несмотря на эти незначительные недочеты и поначалу слегка шокирующий тон радикальных изменений в хронологическом расположении событий политической истории архаического Милета и интерпретации нарративной традиции, предложенных В. Горман, ее концепция имеет право на существование, так как приведены веские аргументы в ее пользу. Соответственно, в дальнейших исследованиях политической истории Милета следует ее учитывать и не отбрасывать без каких-либо дополнительных оснований, как это до сих пор иногда делается[31].

E.I. Solomatina

FROM POLITICAL STRIKE HISTORY IN ARCHAIC MILETUS: Problems of Dating of Events and Interpretation of Sources

The paper deals with the current state of scholar discussion concerning the dating of the events of political struggle in archaic Miletos and the interpretation of literary evidence. Generally speaking, there are two schools of thought about this matter. According to the traditional one the sequence of events may be presented in chronological order as follows: the struggle of the two Neleids for the throne which led to the downfall of the monarchy and the establishment of the oligarchy with elected offices, tyranny of Thrasyboulos, some political quarrel which brought Thoas and Damasenor to a short-term tyranny, then lengthy period of civil strife ("for two generations") settled by a commission of Parians, who reestablished peaceful government (oligarchy) ca. 525 BC. The second one places the events in the following chronological order: the struggle of the two Neleids for the throne, the downfall of the monarchy and the establishment of oligarchy which concluded with the harsh rule of those who were colleagues with Thoas and Damasenor, a long period of civil unrest, then Parian arbitration and the establishment of prolonged oligarchical government, tyranny of Thrasyboulos, then again the oligarchy resumed ruling until ca. 540. As these topics are still being discussed, the author submits the arguments of the advocates of both theories to show the weak and strong points in their reasonings.

[31] См., напр.: *Лаптева М.Ю.* Указ. соч. С. 311–357.

О.В. Осипова

ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ В СОЧИНЕНИЯХ ГЕРОДОТА, ФУКИДИДА И ДИОДОРА

Литературные и эпиграфические тексты, иллюстрирующие различные стороны религиозного мировоззрения и культовой практики Древней Греции, многочисленны и разнообразны. Их можно разделить на несколько групп, используя классификацию письменных источников по истории религии, приведённую в книге К. Хока. Автор распределяет анализируемые тексты на три группы: священные тексты, религиозные тексты и документы по истории религии[1]. Хотя тексты, связанные с религией Древней Греции, как пример нигде не упоминаются, однако данная схема применима и к древнегреческим источникам – конечно, с необходимыми уточнениями.

Так, ни один из них нельзя назвать священными текстами, признаками которых являются двойное авторство (божественное и земное), претензии на содержательную всеохватность и идейную исключительность, а также почитание текста его сторонниками. Ко второй группе – религиозным текстам – относятся те, в которых излагаются религиозные представления в поэтической или систематической форме, например, надписи религиозного содержания из разных областей Греции, в том числе посвящения богам, часто составлявшиеся в стихах. Тексты третьей группы – документы по истории религии – содержат информацию о религии. К ним можно отнести и произведения греческих историков.

Ссылка на надписи как на источник является традицией древнегреческих исторических сочинений начиная с Геродота[2]. Исследователи отмечают сходство стиля Геродота, Фукидида и Диодора Сицилийского с надписями разных типов, в которых дается ясное изложение фактов в соответствии с особыми строго выработанными канонами – формулами. Так, в «Истории» Геродота повествование может быть основано на переработанном тексте надписей[3].

Фукидид также заимствует из надписей отдельные термины, стандартные формулы и целые отрывки в качестве готовой языковой и понятийной формы для фактического сообщения. Например, при характеристике персонажей он использует сочетание двух слов (существительных или прилагательных), часто синонимов, для выражения одного понятия, что является одной из особенностей языка надписей[4]. Привлечение эпитафий в качестве материала для сопоставления с

---

[1] *Hock K.* Einführung in die Religionswissenschaft. Darmstadt, 2002. S. 31–33.

[2] Перечень надписей, процитированных Геродотом, приведён в статье: *West S.* Herodotus' Epigraphical Interests // CQ. 1985. Vol. 35. P. 279–280.

[3] *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 13–45.

[4] Использование двух слов для выражения одного понятия в греческих посвятительных надписях IV в. до н.э. рассматривается в статье: *Nachmanson E.* Zu den Motivformeln der griechischen Ehreninschriften // Inschriften der Griechen. Grab-, Weih- und Ehreninschriften. Darmstadt, 1972. S. 153–172.

комментарием, которым Фукидид сопровождает свой рассказ о гибели Никия (VII.86.5) и в котором он использует слово ἀρετή – «доблесть», позволяет заметить, что в этом отрывке присутствуют мотивы, характерные для содержания и стиля современной и предшествующей Фукидиду эпохи: можно проследить то же направление развития семантики этого слова в языке надписей, что и в тексте Фукидида. Историк выступает в данном случае как восприемник традиционных устоев и форм их обозначения[5].

Говоря о Диодоре Сицилийском, следует отметить, что он использует не только содержание, но и лексику произведений своих предшественников[6], а стиль его сходен с одним из видов надписей – почётными декретами[7].

Посвятительные надписи – один из древнейших видов надписей. Геродот, Фукидид и Диодор часто упоминают о приношениях (ἀναθήματα), но не всегда цитируют надписи на них. После победы в сражении богам посвящают доспехи и оружие врагов (*Thuc.* II.84.4; 92.5, *Diod.* XII.48.1), а также десятую часть добычи (δεκάτη), в том числе предметы из драгоценных металлов или с покрытием из таковых (треножники, скульптуры), изготовленные на деньги от продажи добычи (*Thuc.* I.132.2–3; *Diod.* VI.1; XI.26; XII.29 и др.). Такие приношения богам считаются доказательством благочестия (εὐσέβεια) дарителя. Так, Геродот рассказывает о дарах, которые посвящали в храмы богов не только греки, но и цари других государств (*Hdt.* I.51, III.47, 59; IV.152, 162; VIII.27, 122; IX.81, 121 и др.), а Фукидид пишет о том, что тиран Поликрат посвятил Аполлону остров Делос (*Thuc.* I.13.6; III.104.2).

Формула посвятительной надписи на предмете включает имя посвящающего (*nom.*), глагол ἀνέθηκε «посвятил(а)» или ἀνέθεσαν «посвятили», имя божества (*dat.*). Она бывает сокращенной или расширенной: часть элементов может отсутствовать; напротив, иногда добавляется объект посвящения, обстоятельство или тип посвящения (*acc.*): δῶρον «как дар», χαριστήριον «как благодарственный дар», δεκάτην «как десятину»[8]. В метрических посвящениях формула не нарушается введением новых элементов, которые располагаются чаще всего на втором месте, после неё[9].

---

[5] Анализу данного пассажа посвящена статья: *Осипова О.В.* Фукидидовский ‘некролог’ Никия (7.86.5) и греческие эпитафии // ВДИ. 2001. № 2. С. 113–118.

[6] Сравнение отдельных отрывков из произведений Диодора, Фукидида и Ксенофонта см. в работе: *Palm J.* Über Sprache und Stil des Diodoros von Sizilien. Lund, 1955. S. 60–63.

[7] *Chamoux F., Bertrac P.* Introduction générale // Diodore de Sicile. Bibliothèque historique. P., 1993. Livre I. P. LXIX–LXX.

[8] Формулы посвятительных надписей подробно рассматриваются в книге: *Guarducci M.* L’epigrafia greca dalle origini al tardo impero. Roma, 1987. P. 254–255.

[9] О метрических посвятительных надписях см. в работе: *Шебалин Н.В.* О «гомеровской» формуле в архаических греческих эпитафиях // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 60–62.

В древнегреческих исторических сочинениях надписи, в частности посвятительные, цитируются бессистемно: историки не ставят задачу подробно изложить содержание письменных источников, информацию которых они, по мнению исследователей, не отличают от полученной путём расспросов[10]. Кроме этого, посвятительные надписи редко цитируются: в «Истории» Геродота – пять раз (I.57; IV.88; V.59–61, 77; VIII.82), в «Истории» Фукидида – два раза (I.132.2–3, VI.54), а в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского – семь раз (X.24; XI.14, 33, 62; XIII.41; XXII.11; XL.4). Тем не менее, посвятительные надписи могут выполнять в исторических сочинениях различные функции.

Прежде всего, они используются как аргумент в дискуссии по какому-либо спорному вопросу. Геродот, перечисляя дары лидийского царя Креза, которые он отправил в Дельфы, упоминает о золотом сосуде для очищения (περιρραντήριον) с надписью «посвятительный дар (ἀνάθημα) лакедемонян». Историк указывает, что надпись фальшивая, потому что это один из посвятительных даров Креза (I.51).

Геродот также цитирует посвятительные надписи из храма Аполлона Исмения в Фивах, доказывая, что греки заимствовали алфавит у финикийцев за несколько поколений до Троянской войны (*Hdt.* V.59–61). Это рассуждение и иллюстрирующие его надписи историк помещает в отступлении от основной нити повествования.

Необходимо отметить, что именно в экскурсах цитирует надписи Фукидид. Так, в экскурсе о тираноубийцах Гармодии и Аристогитоне, где доказывается, что у афинян нет точных сведений об их тиранах, Фукидид упоминает об алтаре двенадцати богов и алтаре Аполлона Пифийского, которые посвятил Писистрат, внук тирана Писистрата (ок. 521 г. до н.э.). Фукидид утверждает, что тираны, которые управляли Афинами в 528–510 гг. до н.э. и до 514 г. до н.э., когда был убит сын тирана Писистрата Гиппарх, старались благодаря умеренному правлению и следованию законам не вызывать недовольства народа, что является доказательством их ἀρετή – «доблести» – и ума (*Thuc.* VI.54). Историк цитирует надпись на алтаре Аполлона Пифийского:

> Гиппиев сын Писистрат в удел пифийского Феба (Ἀπόλλωνος Πυθίου)
> В память о власти своей памятник этот воздвиг (θῆκεν)[11].

Все три историка упоминают о золотом треножнике – благодарственном даре греков за победу в войне с персами, который они посвятили в Дельфы как десятину после битвы при Платеях (479 г. до н.э.). Фукидид в экскурсе о Павсании пишет о том, что последний нарушал обычаи греков: возглавляя греческое войско в этой битве, он велел вырезать на треножнике, который был посвящён в святилище в Дельфах, надпись, где говорилось только о его заслугах (*Thuc.* I.132.2–3):

---

[10] *West S.* Op. cit. P. 289, 302; *Smarczyk B.* Thucydides and Epigraphy // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 499.

[11] Пер. М.Л. Гаспарова по изд.: Греческая эпиграмма / Изд. подгот. *Н.А. Чистякова*. СПб., 1993. С. 17.

Военачальник Эллады, Павсаний, могучему Фебу (Φοίβῳ),
Войско мидян поразив, памятник этот воздвиг (ἄνέθηκε)[12].

Спартанцы, пишет далее Фукидид, уничтожили надпись Павсания и поместили свою, где были перечислены города, победившие персидского царя и поставившие этот треножник. Геродот рассказывает о треножнике (IX.81) и о том, что среди победителей персидского царя в надписи упомянуты жители острова Тенос (VIII.82). Эта надпись сохранилась, в ней названы жители 31 греческого государства[13].

Диодор Сицилийский, излагая события 479 г. до н.э., также рассказывает о золотом треножнике, который греки посвятили в святилище Аполлона в Дельфах как благодарность (χαριστήριον) за победу в битве при Платеях (*Diod.* XI.33). Следует отметить, что только он цитирует надпись, авторство которой приписывают поэту Симониду Кеосскому. В ее тексте отсутствуют имена божества и дарителей; таким образом, слова историка поясняют ее содержание: «Спасители обширной Эллады посвятили (ἀνέθηκαν) его (треножник. – *О. О.*), от ненавистного рабства освободив города». Ни надпись Павсания, ни список городов-победителей у Диодора Сицилийского не только не цитируются, но и не упоминаются. Исследователи сомневаются, была ли эта надпись сочинена после битвы при Платеях и существовала ли она вообще[14]. Таким образом, использование надписей иллюстрирует методы работы историков с источниками.

Посвятительные надписи в исторических сочинениях не только служат источником информации, но и являются элементом композиции произведения. Надписи могут использоваться как заключение в изложении какого-либо события, придавая всему рассказу занимательность. Эту «орнаментальную» функцию надписей С. Уэст считает в «Истории» Геродота основной, отмечая его неточности в описании памятников; по её мнению, Геродот цитирует надписи прежде всего ради их занимательности[15].

Примером может служить рассказ о строительстве моста через Боспор по приказу царя Дария (515 г. до н.э.), щедро наградившего строителя – самосца Мандрокла, который заказал картину и посвятил ее в храм Геры с надписью (*Hdt.* IV.88), процитированной как заключение:

На многорыбном Боспоре поставивши мост, посвятил я (ἀνέθηκε)
Память об этом труде Гере (Ἥρῃ), самосец Мандрокл;
В нем мне победный венец, а самосцам – великая слава,
Ибо угодно мое Дарию дело царю[16].

---

[12] Пер. М.Л. Гаспарова по изд.: Греческая эпиграмма… С. 15.

[13] Описание памятника и текст надписи анализируются в работе: A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1969. P. 57–59.

[14] Ibid. P. 60.

[15] *West S.* Op. cit. P. 302–303.

[16] Пер. М.Л. Гаспарова по изд.: Греческая эпиграмма… С. 12.

Цитатой завершается и рассказ о победе афинян над беотийцами (506 г. до н.э.). Геродот пишет, что афиняне на десятую часть выкупа за пленников посвятили Афине медную колесницу, запряжённую четырьмя лошадьми (τέθριππον), и в заключение приводит надпись (V.77):

> Граждан афинских сыны, победив в войне беотийцев
> И халкидян племена, гнётом железных цепей
> Дерзость уняли врагов. Как десятую долю добычи (δεκάτην)
> Этих Паллада (Παλλάδι) коней в дар получила от нас
> (букв. «посвятили» – ἔθεσαν)[17].

Использование посвятительных надписей как элемента композиции – эффектного заключения – особенно заметно у Диодора. При изложении фактов он может с точностью следовать эпиграфическому источнику и даже в своём авторском тексте использовать лексику надписи, которую он далее дословно цитирует. Например, в рассказе о событиях 506 г. до н.э. он, опираясь на текст Геродота, упоминает о посвятительном даре афинян – медной колеснице и цитирует надпись, повторяющую его слова (*Diod.* X.24). Следует отметить, что Диодор приводит надпись в той же форме, что и Геродот; таким образом, он может заимствовать надписи из произведений своих предшественников. При описании событий 411 г. до н.э. Диодор также пользуется материалом из труда Эфора, включая и надпись (XIII.41).

Другим примером использования надписей как элемента композиции служит изложение событий 480 г. до н.э.: когда отряд персов отправляется грабить святилище Аполлона в Дельфах, у храма Афины Пронойи на них внезапно обрушиваются ливень и камнепад, которые вынуждают их обратиться в бегство; дельфийцы в благодарность Зевсу и Аполлону ставят трофей с надписью, рассказывающей об этом (*Diod.* XI.14).

Наконец, повествуя о событиях 273 г. до н.э., Диодор Сицилийский пишет о победе Пирра Эпирского над Антигоном Гонатом. Захваченные у галатов, союзных Антигону, щиты Пирр посвятил в святилище Афины Итонской в Фессалии; процитированная далее надпись, авторство которой приписывают Леониду Тарентскому, иллюстрирует слова историка (*Diod.* XXII.11):

> В храме Итонской Афины[18] повешены Пирром молоссом
> Смелых галатов щиты. В дар (δῶρον) их принёс он, разбив
> Войско царя Антигона. Дивиться ль тому? Эакиды –
> С давних времён до сих пор славные всюду бойцы[19].

Известно, что Диодор сокращал текст своих источников и использовал их материал в другом контексте[20], объединяя иногда разновре-

---

[17] Пер. Л. Блуменау по изд.: Греческая эпиграмма... С. 11–12.

[18] Ἰτωνίδι Ἀθηνᾷ

[19] Пер. Л. Блуменау по изд.: Греческая эпиграмма... С. 151.

[20] *Rood T.* Xenophon and Diodorus: Continuing Thucydides // Xenophon and His World. Stuttgart, 2004. P. 387.

менные тексты. Так, говоря о битве при Евримедонте, он цитирует надпись, связанную с победой афинского полководца Кимона (XI.62), первая половина которой относится к упомянутой битве, а вторая – к сражению при Саламине Кипрском (449 г. до н.э.).

В «Исторической библиотеке» Диодора авторский текст может служить комментарием к тексту надписи, с другой стороны, текст надписи может заменить авторский – например, перечисление побед Помпея в Азии в 61 г. до н.э. (LX.4). Впрочем, необходимо уточнить, что сороковая книга «Исторической библиотеки» сохранилась фрагментарно, так что о соотношении цитаты и окружающего контекста можно судить лишь приблизительно.

Таким образом, использование посвятительных надписей в произведениях Геродота, Фукидида и Диодора Сицилийского обусловлено методами их работы с источниками и особенностями стиля историков. Несмотря на бессистемность их цитирования в исторических сочинениях, посвятительные надписи являются, с одной стороны, аргументом в научной дискуссии в трудах Геродота и Фукидида, с другой – элементом композиции художественного произведения у Геродота и Диодора. Отметим, что Диодор, опираясь при создании своего труда на исторические сочинения предшественников, заимствует процитированные ими надписи и соединяет литературные и эпиграфические источники, «расцвечивая» повествование деталями, что впоследствии будет развито в «Описании Эллады» Павсания (II в. н.э.)[21].

O.V. Osipova

DEDICATORY INSCRIPTIONS IN ANCIENT GREEK HISTORIOGRAPHY

In this article, the use of dedicatory inscriptions in the historical works of Herodotus, Thucydides and Diodorus Siculus is discussed. Although dedicatory inscriptions are quoted unsystematically, their using is twofold: firstly, they are an argument in historical discussions; secondly, they are a structure element ib historical writings as literary works.

[21] Подробнее см. в работе: *Zizza C.* Le iscrizioni nella Periegesi di Pausania. Commento ai testi epigrafici. Pisa, 2006. P. 435–436.

Е.А. Савостина

У ИСТОКОВ ФИГУРАТИВНОГО ЯЗЫКА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ

Пояснительная система знаков-символов

До сих пор искусство Древней Греции, изучение которого длится уже не одно столетие, открывается с незнакомой стороны. Многие памятники дошли до нас, но все же большая часть оказалась нам неизвестной, и только по отдельным примерам можно судить о том, каким был путь сложения изобразительного языка, обычно представляемый в современном искусствоведении и истории искусства в виде последовательной смены стилей.

Развитие древнегреческого искусства, как было замечено исследователями, начиналось с тех же этапов, что и в других цивилизациях[1]. На заре архаической эпохи оно находилось на такой же стадии, каковую мы встречаем и в искусстве Древнего Востока, и в ряде других культур. Затем оно резко развивается, вырывается вперед – в отношении типов, форм и других художественных средств выразительности.

Существует множество объяснений этого «греческого чуда». По одной из весьма убедительных гипотез, количество форм греческого искусства определилось достаточно рано, в дальнейшем оно не расширялось, и все развитие сосредоточилось на внутренних резервах каждой формы[2]. Именно это повлекло за собой нарастание изменений содержательного плана, отразившееся в стремительном развитии художественного языка. Была ли связана такая особенность с соревновательным характером культуры эллинов, полисы которых стремились отличиться друг перед другом, – трудно утверждать (так считает, например, Дж. Онианс), но подобное предположение вполне допустимо.

Как происходило это развитие? Каким образом складывалась и изменялась та система, тот изобразительный язык, каждый этап развития которого мы условно называем *стилем*, имея в виду «большие стили» эпохи, характерные ступеньки в развитии греческого искусства. В этом плане подробнее всего разработана история вазописи, где геометрический, ориентализирующий, черно- и краснофигурный стили являются общепринятыми хронологическими и эволюционными группами с характерными признаками изменения принципа декора – структуры, тематики, типа – знакового или фигуративного. Они создают своего рода сетку координат, в которой ориентируется исследователь. Но, будучи все же условными, рабочими категориями, в общем плане обосновывающими этапы истории вазописи (в более

---

[1] *Алпатов М.В.* Художественные проблемы искусства Древней Греции. М., 1987. С. 20; *Otto B.* Geometrische Ornamente auf anatolischer Keramik. Symmetrien frühester Schmuckformen im Nahen Osten und der Ägäis. Mainz am Rhein, 1976; *Boardman J.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. L., 1994. P. 13.

[2] *Onians J.* Classical Art and the Cultures of Greece and Rome. L., 1999. P. 59.

дробном – способствующие вычленению продукции отдельных центров и индивидуальных мастеров), они не отвечают на вопросы, как складывался язык искусства, каким образом развивались средства художественной выразительности и понятийной сферы и как, собственно, происходила смена одного стиля другим.

Наблюдения, сделанные различными учеными, позволяют в какой-то мере приблизиться к прояснению этой проблемы. Развитию визуального языка вазописи посвящаются специальные работы, автор одной из которых, А. Стейнер, обращается к отдельной категории черно- и краснофигурных аттических ваз, принадлежащих к архаическому периоду в искусстве (600–480 гг. до н.э.), когда в сюжетную роспись начали включаться и пояснительные надписи[3]. Анализируя повторяющиеся подписи при одних и тех же сюжетах, А. Стейнер пытается определить и значение повторяющихся изображений, оценивая их как особые составляющие общего визуального текста и как изобразительные «формулы», символы.

Бесспорно, определенный порядок в расположении повторяющихся изображений является знаковым приемом изобразительного языка, ориентированного на зрителя. Нет никаких сомнений и в том, что язык искусства – как устный язык, так и письменный – также представляет собой систему символов, предназначенную для восприятия адресатом – понимания, интерпретации, осмысления или конструирования его значения.

Но в толковании, прочтении передаваемого текста есть одно весьма сложное обстоятельство. Оно касается раскрытия смысла через знаки-символы. В отличие от условного знака (*буква* в письменном языке), значение в символе не обозначается, а выражается – через него. Символом могут быть любые предметы, образы, которые наделяются каким-то смыслом, отличным от их собственного содержания. Это мотивированный и интуитивный знак, и потому его смысл переменчив.

С этим свойством изображения связана одна из основных проблем его интерпретации для современного исследователя. Но нельзя отрицать и того, что трудности понимания визуального текста возникали уже перед его современниками – об этом говорит само появление надписей, называющих персонажи (А. Стейнер), а иногда комментирующих действие. Имелись и другие художественные средства, с помощью которых разъяснялось содержание сюжета в разные времена. Предлагаем рассмотреть более подробно некоторые из них, относящиеся к началу и концу архаической эпохи – переходным моментам, связанным с завершением и рождением больших стилей: геометрического и чернофигурного[4].

---

[3] *Steiner A.* Reading Greek Vases. Cambr., 2007. P. 5.

[4] Эта тема нами обсуждалась и ранее: *Савостина Е.А.* «Язык зверей» в архаической вазописи Греции // Животные и растения в мифоритуальных системах. Матер. науч. конф. СПб., 1996. С. 31–33; *она же.* «Читая греческие вазы…». О языке искусства как системе символов // Лазаревские чтения.

Геометрика: от аниконического изображения к фигуративному

Полное развитие геометрического стиля, его орнамента и прикладных форм, как известно, проходило в «темные века», конец XII–VIII вв. до н.э. Наиболее последовательно этот стиль, в декоре которого применялись исключительно абстрактные, отвлеченные символы, проявился в керамике[5]. На позднегеометрической стадии развития (750–700 гг. до н.э.) абстрактным орнаментом заполняется вся поверхность вазы. Но именно в этот период наблюдается и революционно новое явление: в упорядоченную закрытую аниконическую систему внедряются изображения фигур. Они раздвигают поля геометрических узоров, разрывая их струящийся поток, сбивая ритм, нарушая их целостно выстроенный космос. Они заполняют все большее и большее пространство, развиваясь от поясков однотипных животных до крупных сюжетных композиций. И через некоторое время становится очевидно, что появление первого фигуративного изображения – это начало длительного процесса «оживления» условно-обобщенной модели, который завершился созданием новой формы изобразительного языка и выходом искусства греков на новый семиотический план.

Каким образом проходил этот процесс, показывают сами росписи. Еще в ранних примерах дипилонских ваз можно наблюдать, как лицевой фигуративный фриз, изображающий сцену оплакивания или процессию выезда, сменяет полосу геометрического орнамента, расположенного на оборотной стороне сосуда – роспись кратера из Афин, Национальный музей[6] (рис. 1).

Обычно это не привлекает внимания исследователей, а между тем данное явление крайне важно для понимания истоков нового стиля и процесса его формирования. Роспись кратеров с «двуязычным» (фигуративным и знаковым) изображением по сути является «билингвой», позволяющей расшифровать значение символов геометрики. Такие сочетания, насколько нам известно, в вазописи встречаются крайне редко и существуют короткое время – с середины по третью четверть VIII в. до н.э., после чего фигуративные изображения заполняют всю поверхность горизонтального фриза.

Можно сказать, что в этих произведениях фиксируется момент перехода от одной системы символов к другой, от языка абстрактного – к образному, от геометрики – к истокам нового фигуративного стиля. Геометрический знак, изображенный в устоявшейся системе декора на одной стороне вазы, на другой ее стороне заменяется фигу-

---

Искусство Византии, древней Руси, Западной Европы. Матер. науч. конф. 2009. М., 2009. С. 311–332.

[5] *Coldstream J.N.* Greek Geometric Pottery. L., 1968; *Snodgrass A.M.* The Dark Age of Greece. L., 1971; *Finley M.I.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1981; *Boardman J.* Early Greek Vase Painting. L., 1998.

[6] Аттический кратер, ок. 750 г. до н.э. (Афины. НМ. 990): *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 35. Fig. 45.

рой и группой фигур. Развитие языка идет в сторону зрительного определения. В демонстрируемых примерах изображение процессии – плакальщицы в сцене оплакивания-протесиса, погребальная колесница в сцене выезда-экфоры – заменяет собою меандр (упомянутый кратер из Афин (Национальный музей) ок. 750 г. до н.э.[7] – рис. 1) или близкую к нему волнистую линию (роспись нью-йоркского кратера, Метрополитен музей, ок. 750–735 гг. до н.э.[8] – рис. 2).

Сюжет оплакивания часто интерпретируют как «сцену из реально проходящего обряда»[9]. Значение изображения выезда колесниц, опоясывающих нижний фриз, точно не определено и также связывается с наглядным изображением ритуального выезда. Но это было бы необычно для архаического мировоззрения и для истоков художественной традиции, в которой и позднее не было места реалистическим темам. Заслуживает внимания другая интерпретация Дж. Мертенса, который указывает на тот факт, что в VIII в. до н.э. колесницы не применялись в бою, и изображение их связывает весь сюжет с гомеровским эпосом о Троянской войне, с прославлением умершего, метафорически уподобляемого героям Эллады[10].

Значение меандра – и это следует из его многочисленных функций в декоре, – как и любого знака, многомерно. Вечно движущийся, вечно текущий, он передает понятия воды, стихии, жизненной силы, движения. Группа фигур, заменившая его на изобразительном поле, воспринимается более однозначно и к тому же статично. Сами фигуры уходящей геометрики еще условны и знаковы – их активность не передается внутренним движением и пока не выражена в схематизме позы, как это случится в архаике, придумавшей схему «коленопреклоненного бега». Но как в таком случае передать движение лошадей, повозок, всадников? Как показать дыхание?

Статичная фигура требует комментария. В росписях амфор и кратеров, в геометрический орнамент которых вписаны первые фигуративные изображения, рядом с процессией колесниц, воинов можно встретить различные геометрические значки, в том числе свастику, крылья которой нередко закручены по ходу движения. В росписи тех же кратеров сцену оплакивания, в центре которой размещено недвижимое ложе, сопровождают другие знаки – например, круги с точкой в центре, линии зигзагов. Но возникает динамический сюжет выезда погребальной повозки – и появляются свастики, крутящиеся в на-

---

[7] Рис. – фото автора, 1984; Аттический кратер ок. 750 г. до н.э., мастер *Hirschfeld* (Афины. НМ. 990): *Boardman J.* Early Greek Vase… P. 35. Fig. 45.

[8] Рис. – фото автора, 2007; Аттический кратер 750–735 гг. до н.э., мастер *Hirschfeld* (Нью-Йорк, ММ, Rogers Fund, 1914 (14.130.14): Art of the Classical World in the Metropolitan Museum of Art. Greece, Cyprus, Etruria, Rome. N.Y., 2007. P. 48. Cat. 29; *Mertens J.R.* How to Read Greek Vases. N.Y., 2010. P. 55. No. 6.

[9] *Акимова Л.И.* Искусство Древней Греции: Геометрика, архаика. СПб., 2007. С. 37.

[10] *Mertens J.R.* Op. cit. P. 55.

правлении вектора ее движения (роспись кратера из Афин, Национальный музей (рис. 3))[11].

Есть этот элемент и в сценах, представляющих перемещение отдельных фигур – шагающей Артемиды на мелосской амфоре VII в. до н.э.[12] (рис. 4), сражающегося с химерой Беллерофонта (кикладское блюдо рубежа VI в. до н.э.)[13] и др. Известны примеры, когда знаки свастики выражают характер ситуации – хаос кораблекрушения, или свойства стихии, поглотившей моряков (фрагмент кратера с Исхии, VIII в. до н.э.)[14]. В росписи беотийского полоса VII в. до н.э. они дополняют смысл изображаемого действия (рис. 5). В центре группы нимф помещена богиня Гера, которой передаются дары от них, и от которой ими что-то принимается. Это соответствует направленности завихрения свастик, сопровождающих «жест дающий – жест принимающий», и направлению летящих птиц.

Судя по последним примерам, относящимся и к VII, и к VI вв. до н.э., геометрический знак еще долго сопровождает фигуры, заполняя пространство вокруг них и в какой-то степени проясняя, комментируя и выражая значение изображения нового типа. Сложно судить о смысле всех значков, не переходя в область фантазий, поэтому остановимся еще только на одном символе, по поводу которого есть некоторые соображения. Это линии зигзагов или «галочек», часто расположенные между фигурами животных, людей. В росписи уже знакомого нам дипилонского кратера из Метрополитен музея горизонтальные полоски зигзагов показаны над вожжами, тянущимися от запряженных в колесницу лошадей (рис. 6) (над другой колесницей таким же образом проходит ряд точек)[15]. Аналогичный по применению в ситуации знак, который можно трактовать как пояснительный, встречаем и в микенском искусстве – некие линии «волн» также проходят параллельно мчащейся колеснице (рис. 7)[16]. Они определенно означают ее бег – как, нужно думать, и горизонтальные линии зигзагов над колес-

---

[11] Аттический кратер, ок. 750 г. до н.э. (Афины. НМ. 990): *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 35. Fig. 45. Поскольку символ не является условным обозначением, он переменчив, значение его непостоянно и такие же кружки можно видеть возле движущихся объектов. Знак свастики тоже не всегда выражает один и тот же смысл. Несмотря на довольно устойчивое его применение в аналогичных ситуациях, он все-таки не становится знаком-обозначением (например, движения) и может «закручиваться» в противоположную сторону – Аттическая амфора из Афин, ок. 700 г. (Британский музей): *Burn L.* The British Museum Book of Greek and Roman Art. L., 1991. P. 33. Fig. 21.

[12] Шагающая Артемида со львом. Изображение на мелосской амфоре, ок. 650 г. до н.э. (Берлин, F 301): *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 111. Fig. 253.

[13] Беллерофонт, атакующий химеру. Изображение на кикладском блюде, ок. 600 г. до н.э. (Фасос. 2085): *Boardman J.* Early Greek Vase... Fig. 256.

[14] Ibid. P. 53. Fig. 161.

[15] *Simon E.* Op. cit. No. 6. Новый вариант выражения движения лишний раз показывает переменчивый характер символа.

[16] *Mertens J.R.* Op. cit. P. 40–43. No. 3. Микены. III B. Ок. 1300–1230 гг. до н.э.

ницей дипилонского кратера[17]. Но может быть, это еще и завихряющиеся потоки воздуха – такие же вертикальные полосы видим между плакальщицами либо участниками хоровода. Или вообще – воздух? Попытка передать среду, в которой существуют люди, животные, пасущиеся кони? Что еще может выражать знак-символ? Дыхание. Энергию. Жизнь.

С VIII в. до н.э. на Косе и особенно в Беотии распространены особого вида статуэтки. Одна из них – глиняная фигурка женщины из Беотии (рис. 8) – имеет колоколовидное тулово, подвесные ноги, а также роспись, аналогичную вазовой[18]. В руках женщина держит ветви (нарисованы лаком), по бокам фигуры на одеянии изображены две птицы, расположенные так, будто они фланкируют фигуру в пространстве или в изображении на плоскости сосуда[19]. На боковых сторонах одеяния показаны сложные свастики. Свастики простой и сложной формы изображены также на руках и на груди фигуры, под ожерельем. Статуэтка может быть идентифицирована с Артемидой, повелительницей животных. Подвесные ноги делают терракотовую статуэтку способной к реальным движениям, геометрические знаки-свастики располагаются на местах и частях тела, движение которых подразумевается. Богиня живет, двигается и дышит, и это выражается с помощью пластических конструктивных элементов – подвесных ног и нарисованных знаков свастик, размещенных на ее руках и груди[20].

Переход от абстрактного к фигуративному изображению в греческой вазописи демонстрирует кардинальную смену знаковой системы художественного языка. Особенность этого переходного момента состоит в сохранении в новой изобразительной системе абстрактных геометрических знаков-символов. Основываясь на приведенных на-

---

[17] К сказанному можно добавить примеры целого ряда позднегеометрических сосудов, где параллельно скачущей колеснице (и вожжам, с помощью которых ею управляет возничий) тянутся такие же полоски зигзагов: аттические амфора (Афины. 894), кратер (Лувр. CA. 3256), ойнохоя (Афинская Агора. P 4885), эвбейский кратер (Крит): *Boardman J.* Early Greek Vase... Figs. 61; 70; 59. 1, 2; 77.

[18] Статуэтка высотой 40 см (Лувр. CA. 573): *Boardman J.* Greek Art. L., 1996. P. 46. Fig. 24; *Jeammet V.* Idoles-cloches de Béotie. Musée du Louvre. Collection solo. P., 2003. Fig. 1, 6. Ок. 700 г. до н.э.

[19] Сосуды с подобной композицией действительно существуют. Назовем, прежде всего, аркадскую пиксиду с Крита VII в. до н.э. – богиня с ветвями в обеих руках занимает центральное место в композиции, по бокам ее расположены водоплавающие птицы; а также известное изображение Potnia Theron на беотийской амфоре из Фив, где среди прочих многочисленных фигур и знаков размещены несколько свастик, крутящихся в одну сторону, влево: *Jeammet V.* Op. cit. P. 29. Fig. 26. P. 33. Fig. 29.

[20] Подобных статуэток известно несколько начиная с VIII в. до н.э. – идол с Коса, грудка и ручки которого также орнаментированы свастиками различных типов: *Jeammet V.* Op. cit. P. 24. Fig. 22. Нельзя не упомянуть и другую Артемиду – так называемого «малого идола» из Фив, ок. 700 г. до н.э. с изображением хоровода на ее одеянии (в котором, несомненно, подразумевается участие самой богини) и обратить особенное внимание на несколько свастик, расположенных на ее удлиненно-вытянутой шее; см.: Ibid. Fig. 2. P. 5.

блюдениях, можно говорить о том, что их назначение выходит за рамки орнаментальности. Абсолютно очевидна пояснительная роль этих значков: они применяются для углубления, разъяснения и раскрытия смысла изображения, играя роль своего рода предлогов-направителей или диакритических знаков – типа точек над ё, указывающих на передачу буквой иного звучания. В уходящей геометрике с помощью знака-символа выражается действие, деятельность: движение и его направление, но также выражается и энергия, и «жизнь», дыхание божественного существа. Возможно, с помощью знака обозначалась и среда обитания: вода, воздух.

Более того, можно видеть, что значки, в большинстве для нас непонятные, применялись не единожды, не случайно, а последовательно и в определенном порядке. Таким образом, было бы справедливо рассматривать их как проявление своеобразной пояснительной системы художественного языка, возникшей на переходе греческого искусства от аниконического к фигуративному, изобразительному.

Зародившись на исходе геометрического стиля, пояснительная знаковая система долгое время оперирует геометрическими значками-символами. Но мы наблюдаем, что со временем в сторону изобразительности развивается и сам пояснительный знак. Появляется, в частности, изображение птиц, летящих по ходу кручения свастик – упоминавшаяся модель полоса из Беотии (рис. 5)[21]. Вначале, как и в этом примере, фигуративные изображения дублируют значение геометрического символа, но постепенно они начинают его замещать.

Архаика: от ориентализирующего к чернофигурному стилю

Развитие фигуративной росписи проходило далее в рамках ориентализирующего стиля с его динамичными многофигурными фризовыми композициями и характерной «ковровой затканностью» поверхности фона, а также формирующегося чернофигурного стиля, стремившегося, напротив, к «очищению» поля и выражению общей идеи более лаконичными формами и приемами. Но и в насыщенном разнообразными орнаментальными элементами изобразительном пространстве ориентализирующего стиля, и в новых чернофигурных композициях время от времени можно заметить небольшие, как бы внесюжетные фигурки, появляющиеся в росписях в определенных ситуациях и с закономерным постоянством.

Наиболее явное, выраженное значение имеет изображение летящей птицы. Как говорилось выше, оно переходит к ней от символического смысла геометрического значка. Обычно птица сопутствует движению: в процессиях всадников несколько птиц движутся вместе с ними, обозначая не только направленность, вектор движения, но и утверждая сам факт движения (коринфский килик с вереницей всад-

[21] *Simon E.* Op. cit. P. 209. Pl. 6; *Boardman J.* Early Greek Vase… P. 109. Fig. 235.

ников (рис. 9))[22]. Птицы, летящие по ходу шествия богов в сцене свадьбы Фетиды и Пелея (эретрийская амфора)[23], выражают направленность действия Ахилла, пришедшего к источнику, чтобы поймать Троила[24]; птица летит от сопротивляющегося Минотавра к Тезею – как символ, передающий энергию, силу противодействия (рис. 10)[25]. Наконец, изображение птицы помещено как предостережение и знак того, что что-то произойдет у источника с Троилом, который к нему подъезжает, в то время как Ахилл прячется в засаде[26].

Тогда же, в середине VII в. до н.э., появляются и другие смысловые дополнения. Это фигурки различных животных, которые имеют особое предназначение, играя свою роль в раскрытии смысла вазописного сюжета. Таким образом, при развитии пояснительной системы новые знаки-символы были выбраны из мира звериных образов.

Чрезвычайно насыщена такими знаками роспись одного из знаменитых чернофигурных кратеров коринфского производства – так называемого «Кратера Амфиарая» VI в. до н.э. (рис. 11), представляющая наиболее развитый этап их применения[27]. Она посвящена теме отъезда Амфиарая в поход против Фив. Этот сюжет из цикла эпических сказаний хорошо известен (*Apollod.* III.6.2), в литературной традиции он был темой трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида: семеро героев, вождей аргосского войска, по просьбе Полиника, Эдипова сына, отправляются на войну против Фив, и все, кроме одного, погибают в этой экспедиции. Сцена на лицевой стороне росписи касается героя и прорицателя Амфиарая.

Амфиарай был женат на Эрифиле, сестре Адраста, царя Аргоса. Когда Адраст решил идти в поход против Фив, на трон которых рассчитывал Полиник, Амфиарай отказался присоединиться к экспеди-

---

[22] Коринфский килик мастера Кавалькады, ок. 600–575 гг. до н.э. (ГМИИ им. А.С. Пушкина. II 1б 7): CVA. VII. P. 33–34. Pl. 26–28 (в книге Дж. Бордмана атрибутируется мастеру Московского килика с горгонейоном: *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 180. Fig. 392. 1.2).

[23] Эретрия, VI в. до н.э. (Афины. 1004): *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 232. Fig. 458.1.

[24] Лаконский килик мастера Rider (Лувр. E 669б): *Boardman J.* Early Greek Vase... Fig. 431.

[25] Чернофигурная Panel-амфора, Аттика, мастер Лидос, ок. 550–540 гг. до н.э. (Малибу. JPGM 86. AE. 60): *Clark A.J., Elston M., Hart M.L.* Understanding Greek Vases. A Guide to Terms, Styles, and Techniques. Los Angeles, 2002. P. 47. Fig. 37.

[26] Чернофигурная амфора, Аттика, ок. 560 г. до н.э.: *Carpenter T.H.* Art and Myth in Ancient Greece. L., 2010. P. 18, 29. Fig. 22.

[27] Позднекоринфский кратер мастера Амфиарая, ок. 560–525 гг. до н.э. (Бывшее Берлинское собрание. F 1655): *Furtwängler A., Hauser F., Reichhold K.* Griechische Vasenmalerei. München, 1932. Bd. 3. S. 3. Taf. 121–122. Схема построения вазописного сюжета и его насыщенность деталями, считает Дж. Бордман, могла быть навеяна декором других произведений, например, олимпийскими изделиями из бронзы и фризом ларца Кипсела, известного по описаниям Павсания: *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 183. Fig. 401. На лицевой стороне главного фриза – сцена отъезда Амфиарая. На обороте – скачки (погребальные игры в честь Пелея).

ции, поскольку предвидел, что если пойдет против Фив, то он не вернется назад. Но у Адраста и Амфиарая было соглашение о том, что разногласия между ними будут разрешаться Эрифилой, и они обратились к ней. От ее решения зависела судьба и похода, и Амфиарая. Для того, чтобы склонить Эрифилу на свою сторону, Полиник привез из Фив прекрасное ожерелье – подарок богов на свадьбу Гармонии и основателя Фив Кадма. Эрифила приняла ожерелье, ставшее причиной будущих бесконечных несчастий, и сделала так, как ее просили Полиник и Адраст. Амфиарай против своей воли был вынужден присоединиться к экспедиции.

Представленная на кратере сцена показывает Амфиарая в момент отъезда. В полном вооружении, уже ступив на колесницу, разгневанный, он обнажил свой меч и обернулся к Эрифиле. Она стоит в группе провожающих, но подальше от него, с огромным ожерельем в правой руке. Мальчик, стоящий перед группой, подняв руки к отъезжающему отцу, – их сын Алкмеон. Ему Амфиарай завещал отомстить за свою гибель. Алкмеон убьет Эрифилу, но и сам будет убит, опять же из-за ожерелья Гармонии, однако это случится в будущем (*Apollod.* III.7.2). А сейчас колесница готова выступить в поход, хотя на пути ее сидит старец, и он явно, как и Амфиарай, предвидит печальный конец этой истории[28].

Роспись кратера обращает на себя внимание не столько своим сюжетом и «полной» версией его изображения, сколько необыкновенной насыщенностью, наполненностью деталями. Помимо атрибутов, характеризующих персонажи: доспехи воина-Амфиарая, подчеркнуто большое ожерелье, полученное Эрифилой, – для полной ясности имена основных персонажей подписаны краской. Но особый интерес вызывают многочисленные фигурки животных, показанные в разных сочетаниях при персонажах сцены.

Они изображены здесь явно не случайно, особенно если судить по фигуре зайца, поза которого и поворот головы абсолютно повторяют позу Амфиарая: он тоже передними лапами ступает на колесницу и тоже оборачивается на провожающих. Есть здесь и ящерица[29], еж – у ног Амфиарая, сова, сидящая на голове лошади и изображенная белой краской, как и скорпион, показанный на колонне здания. Есть змея и птица, летящая навстречу процессии от старца с посохом, сидящего на ее пути. Они не только дают характеристику персонажам, но также рассказывают и дополняют сюжет.

Каждая из этих фигурок в той или иной степени постоянно встречается в декоре. Как мы увидим далее, начиная с середины VII в. до н.э., чаще всего их можно видеть в росписи коринфских сосудов. Из-

---

[28] *Савостина Е.А.* «Язык зверей»… С. 32; *Woodford S.* Images of Myths in Classical Antiquity. Cambr., 2003. P. 52.

[29] В росписи Кратера Амфиарая изображены две ящерицы. Одна размещена у ног самого героя. За фасадом здания, где стоят провожающие, в том числе и Эрифила, показана схватка двух борцов. Между ними и зданием размещена вторая ящерица, включенная в роспись фриза (направлена вверх). Возможно, она относится к кому-то из борцов и служит его характеристикой.

вестны они и в беотийской рельефной керамике середины VII в. до н.э., в лаконской и аттической чернофигурной вазописи VI в. до н.э. Аналогичными сюжетными композициями, включающими изображения фигурок животных, декорировались и бронзовые изделия, изготовленные в Олимпии.

Изображение ящерицы[30] популярно более всего. Оно встречается как в известных сценах отъезда Амфиарая в поход[31], так и во многих других композициях. По принадлежности персонажей, фигуры которых сопровождает ящерица, – а это Медуза Горгона на рельефном беотийском сосуде ок. 660 г. до н.э.[32] (рис. 12), а также аттической чернофигурной амфоре из Черветери ок. 540 г. до н.э.[33] (рис. 13), это герои мифов и эпических циклов: Геракл – в сцене борьбы с гидрой на коринфском арибалле ок. 590 г. до н.э., в сюжете сражения с амазонками на лаконском килике[34], сражающийся с химерой Беллерофонт (прото-

---

[30] Здесь мы не будем подробно останавливаться на определении конкретного вида изображенного животного, – ящерица это, саламандра или родственное им земноводное, – но сосредоточимся на более общей проблеме, связанной с существованием пояснительной системы в изобразительном языке архаики.

[31] Известны четыре варианта решения сцены отъезда Амфиарая в поход Семерых против Фив. Так называемая «коринфская версия», к которой, разумеется, относится и Кратер Амфиарая, была распространена и в вазописи Аттики. С некоторыми отличиями она воспроизведена на аттической «тирренской» амфоре VI в. до н.э. (Флоренция. 3773). Здесь не подписаны имена персонажей, не показано ожерелье, переданное Эрифиле, герой, облаченный в шлем, не восходит на колесницу и прощается с провожающими его людьми, стоя на земле. Однако несколько иначе в деталях построенная композиция передает тот же смысл. Человек перед квадригой не сидит, вместе с группой из пяти женских фигур он показан за колонной, на корточках. Но, судя по его облику и жестам всей группы, размещенной на пути колесницы, они также предвидят трагический исход предприятия. Смысл предсказания усиливает и разделяющая их с отъезжающими колонна – как предел, отделяющий настоящее от фатального будущего. Последовательность построения символической системы этой сцены прослеживается также в том, что и в этой амфоре нашлось место знакам-«комментаторам» – двум животным (*аксолотль* по определению биолога И.Н. Проворовой, за это указание приношу ей искреннюю благодарность), изображенным слева и справа от Амфиарая. На обороте, как и на Кратере Амфиарая, показаны скачки (погребальные игры): *Amyx D.A.* Archaic Vase-Painting vis-à-vis. “Free” Painting at Corinth // Ancient Greek Art and Iconography. Madison, 1983. P. 41. Fig. 3.3a, 3.3b.

[32] Рельефная амфора, Беотия, ок. 660 г. до н.э. (Лувр. CA 795). Персей, обезглавливающий Медузу, которая представлена в образе кентаврессы. Параллельно ее лошадиному туловищу изображена ящерица (направлена влево).

[33] Аттическая амфора мастера Никосфена, ок. 540 г. до н.э., найдена в Черветери (Лувр. F 99). Под обеими ручками амфоры помещена голова Медузы. Ящерицы изображены здесь по сторонам побега и рядом с двумя змеями, растущими из ее головы: *Walter-Karydi E.* Samische Gefäse des 6. Jahrhunderts v. Chr. // Samos. 1973. Vol. 6. Part 1.Taf. 59. No. 490.

[34] В роспись коринфского арибалла, ок. 590 г. до н.э. (Базель. BS), как и в роспись Кратера Амфиарая, включены изображения двух ящериц, они размещены вокруг биги, представленной фронтально. Ящерицы показаны горизонтально и обращены влево (верхняя) и вправо. Имеются здесь и другие жи-

коринфский арибалл, ок. 660 г. до н.э.)[35], Одиссей, проплывающий мимо сладкоголосых сирен[36], царь Аркесилай (лаконский килик ок. 560 г. до н.э. (рис. 14))[37], – а также пока не идентифицированные сцены, связанные с изображением как мирного симпосия[38], так битв

вотные: краб, посланный Герой, летящая влево сирена – за головой Афины, стоящей за спиной Геракла, на постромках квадриги изображена сова, а справа от нее – летящая птица со змеями. Она находится над краем лодки с несколькими гребцами (оборот вазы) и их предводителем, обернувшимся назад. Предмет изображения этой сцены сложен для интерпретации. Иногда считают, что это Одиссей и сирена. Сюжет битвы Геракла с гидрой, напротив, весьма распространен. Здесь он представлен в «полной» версии: в середине – гидра о девяти головах, уже раненая Гераклом (слева от нее). Краб, посланный Герой на подмогу. Справа от гидры – Иолай, участвующий в битве. Позади Геракла стоит Афина – его постоянная помощница. В руке она держит расписной арибалл (протокоринфского типа). Центральную группу фланкируют две колесницы: слева – показанная фронтально бига, справа – квадрига, обращенная вправо. Возможно, они принадлежат, соответственно, Гераклу и Иолаю. Основная композиция дополняется несколькими более мелкими деталями – изображениями животных, расположение которых не оставляет сомнений в их значении в этой сцене. Они также играют здесь роль комментария, смысл которого пока не стал для нас явным, но был очевиден для современников: *Descoeudres J.-P.* CVA. Basel I (Switzerland 4). P. 41–53. Pl. 11.10–13; *Amyx D.A.* Archaic Vase-Painting... P. 46. Fig. 3.8; *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 179, 184. Fig. 365.

Другие примеры сочетания ящерицы с изображением Геракла: на лаконском килике ок. 560 г. до н.э., направленная вниз, она сопровождает сцену битвы героя с амазонками (Рим. Частная коллекция): *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 187. Fig. 423; Halsamphora, Аттика, ок. 540–530 гг. до н.э. – ящерица размещена под ручками сосуда, между сценами подвигов Геракла, показанных на лицевых сторонах: *Hornbostel W.* Aus Gräbern und Heiligtümern. Mainz am Rhein, 1980. S. 80. No. 52.

[35] Протокоринфский арибалл – ящерица, направленная вверх, изображена между фигурами Беллерофонта (справа) и химеры (Бостон. 95.10): *Yalouris N.* Pegasus: The Art of the Legend. Athens, 1975. Fig. 6.

[36] Коринфский арибалл, ок. 600–590 гг. до н.э. (Базель. 64.8). Одиссей с командой проплывают мимо сладкоголосых сирен. Одиссей привязан к мачте корабля. Справа показана ящерица (несколько под углом, обращена влево): *Schefold K.* Götter- und Heldensagen der Griechen in der spätarchaischen Kunst. München, 1978. S. 268. Abb. 360.

[37] Лаконский килик, ок. 560 г. до н.э., мастер Аркесилая (Берлин. 478х). Ящерица направлена вверх: *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 187. Fig. 421. Конечно, заманчиво было бы проследить связь животных-символов с характером персонажей. Но не всегда это очевидно. Например, неясно, какую роль этот символ играет при толковании данного персонажа: Аркесилай II Жестокий – именно тот, что изображен на килике, как указывает М. Грант – царь Кирены, правивший примерно с 560 г. до н.э.: *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 275.

[38] На лаконском килике мастера Навкратиса, VI в. до н.э. (Pratica di Mare E 1986 (Lavinium)) изображены сразу три ящерки: одна – между головами двух пирующих персонажей (в ее сторону слетаются и две птицы над их головами) и две – под пиршественным ложем, с внутренней стороны его ножек: *Boardman J.* Early Greek Vase... Fig. 414.

и сражений (рис. 15 – арибалл, Лувр)[39], – можно считать, что ящерица означает и выражает их героическую или смертно-бессмертную сущность. На бронзовой пластине из Олимпии, где изображена сцена нападения Аякса на Кассандру, между их фигурами также помещена ящерица[40]. Вероятно, она относится к изображению Аякса.

Заяц нередко встречается в изображениях, предрекающих гибель одного из героев, например, в сцене Ахилла и Троила (аттический килик типа сиана, лаконский килик VI в. до н.э.)[41]. В сюжете Амфиарая он явно предрекает его судьбу[42].

Еж, сова и другие существа также являются очень привлекательными объектами наблюдения (аттическая амфора ок. 525 г. до н.э. (рис. 16)[43], однако для нашей темы определяющим становится не только их конкретное значение в каждой ситуации, но в большей степени их общая роль в сложении системы изобразительного языка.

---

[39] Не всегда можно определить, к какому именно персонажу относится этот зверек, и характеризует ли он всю сцену. Например, ящерица изображена с краю сцены сражения (обращена головой вниз, под углом) на протокоринфском арибалле из Фив, со скульптурным завершением в виде головы женщины, ок. 650 г. до н.э. (Лувр. CA. 931): *Boardman J.* Greek Sculpture. The Archaic Period. L., 1996. P. 8. Fig. 41. Еще в одном сюжете над колесницей, ожидающей воина, который ведет поединок, помещено изображение ящерицы (горизонтальное), оно сочетается с фигуркой совы на сбруе коней (обращены в одну сторону, против движения) – роспись раннекоринфского кратера из Нолы (Лондон, 1897. B 42): *Amyx D.A.* Corinthian Vase-painting of the Archaic Period. Berkeley; Los Angeles, 1988. Vol. 3. P. 234. Pl. 102. No. 2a.

[40] Фрагмент бронзовой пластины, ок. 560 г. до н.э. (Дельфы. 4479): LIMC. Vol. 1.1. P. 336. No. 49.

[41] Аттический килик типа сиана (Нью-Йорк. 01.8.6): Ахилл преследует Троила, подкараулив его у источника. Под ногами Ахилла – опрокинутая гидрия, навстречу ему летит птица. Заяц изображен под скачущим конем Троила: *Beazley J.D.* The Development of Attic Black-figure. Berkeley; Los Angeles, 1986. P. 20. Pl. 17.1. На лаконском килике с изображением Ахилла, поджидающего Троила у источника, заяц показан в нижнем регистре росписи – как отдельная фигура, смысл которой символически связан с общим значением сюжета: килик мастера Всадника, ок. 560 г. до н.э. (Лувр. E. 669): *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 118. Fig. 431.

[42] Изображение зайца не в охотничьих сценах известно еще в росписях позднегеометрических сосудов Беотии. На пиксиде из Гейдельберга два зайца фланкируют большую фигуру скорпиона; на обороте амфоры из Афин, где на лицевой стороне изображена Potnia Pheron, заяц показан под крылом большой птицы в окружении знаков-свастик (крутятся в разные стороны); на амфоре из Копенгагена фигурка зайца также дана в окружении свастик (крутятся в одну сторону), розетт и ромбов. Но мы пока не можем определить, что означают эти изображения: *Boardman J.* Early Greek Vase... Figs. 97.1.2; 102.1; 232.

[43] Ежи и заяц известны на вазе второй половины VI в. до н.э. из Этрурии. Они расположены по обеим сторонам сложной пальметты – как в зарослях, в которых охотятся сидящие верхом на журавлях пигмеи: *Boardman J.* Early Greek Vase... P. 246. Fig. 485. 1, 2. Еж изображен также на вазе VI в. до н.э. в сцене погребения – он показан на фоне белой стены гробницы, к которой направляется процессия: *Kurtz D., Boardman J.* Greek Burial Customs. L., 1971. P. 120. Fig. 34. Здесь он, возможно, выступает как символ земли и загробного мира.

Совершенно очевидно, что фигурки животных исполняют в этих сценах роль символа[44] – то есть имеют смысл, отличный от их основного содержания. Они комментируют сцену, поясняют сюжет, характеризуя персонажи – не называя их, – они поименованы надписью, а именно давая характеристику, предопределяют конец истории – его трагичность утверждается фигурой старца, сидящего в скорбной позе, змеей и птицей, летящей навстречу процессии, как встречный ветер, как предостережение.

Можно заключить, что продолжая линию поясняющего основное изображение геометрического знака, фигурки-символы в то же время не имеют с ним полного тождества. Их роль, хотя также «комментаторская», была иной по сути. В живописном рассказе появляется характеризация персонажей, и фигурки нередко служат ее обеспечением, усиливая недостаточность художественного определения. Но иногда (как в сцене на Кратере Амфиарая) они участвуют и в прояснении всего сюжета.

Напомним, что по законам жанра фигурка-символ может менять свое значение, и в праксителевской скульптуре Аполлона Саврактона – убивающего ящерицу, она становится символом его хтонической сущности. «Страшный и светлый», – так характеризует бога В. Иванов. Убивая ящерицу, Аполлон освобождается от тьмы, оставаясь богом света. В этом изображении IV в. до н.э. роль символа аллегорична и индивидуальна – это художественная метафора, иносказание, и оно относится к единичному случаю. И в этом принципиальное отличие этого символа от рассмотренных нами примеров, начиная с VII в. до н.э., в том числе, росписи Кратера Амфиарая[45].

Можно сказать, что роспись Кратера Амфиарая является наиболее концентрированным примером организации многоуровневого понятийного аппарата – смыслового сопровождения сцены: здесь есть и надпись, и атрибут, и «животная» символика, и акцентированность предметов (огромно ожерелье Гармонии, которым подкупил Эрифилу Полиник). Здесь поясняется каждая деталь и исход похода, не исключено, что подразумеваются и грядущие события – месть Алкмеона и убийство Эрифилы[46].

Сюжет, посвященный походу семерых вождей против Фив, не только фокусируется на моменте отъезда Амфиарая, он построен как полное повествование, с упомянутым началом и обозначенным завершением. Этот прием заключения всей истории в одну сцену, когда в одном изображении содержатся и истоки, и конец рассказа, был характерен для архаического времени. Можно видеть его, например, в сюжете ослепления Полифема (рис. 17), в котором показаны причи-

---

[44] *Rawson J.* Animals in Art. L., 1977. P. 64.

[45] Существуют и иные варианты интерпретации рассмотренных знаков, они основаны на аналогиях в других традициях (например, в «шумерско-вавилонском» искусстве скорпион – «ночное солнце»), но пока не подтверждены искусством греков: *Акимова Л.И.* Указ. соч. С. 142.

[46] *Горан В.П.* Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990. С. 81.

на и следствие происходящего: Полифем одновременно пьет, пожирает людей и за это подвергается нападению Одиссея с товарищами[47]. Яркий пример «сжатия времени и пространства» (Т. Карпентер) в повествовательных сюжетах архаики наблюдаем в сцене убийства Неоптолемом троянского царя Приама (рис. 18). Последний сидит на алтаре, пытаясь спастись за оградой священного участка. Стоящий перед ним Неоптолем держит за ногу сына Гектора Астианакта (ахейцы сбросили его со стен захваченной Трои), слева Менелай находит Елену. Таким образом, в одной сцене показаны три действа, последовательных во времени: взятие Трои, гибель ее царя и итог войны – возвращение Елены[48].

Заметим, что живописное повествование в середине VI в. до н.э. изменило свой характер, и «сжатая» сцена построена иначе: без длинных рядов фигур, без последовательного рассказа о проходящих событиях. Греческая вазопись средствами чернофигурного стиля переходит к более компактному и емкому изложению темы.

Очевидно, Коринф, как передовой центр того времени, одним из первых вырабатывает новые приемы чернофигурного стиля, пока – как ранее и сама фигура – не во всем понятные зрителю. Вероятно, поэтому в его вазописи более часто, чем в иных мастерских применялись знаки-комментаторы. Ему вторили и другие центры (Беотия, Аттика и Лаконика), связанные с Коринфом общей смысловой, содержательной практикой и нередко испытывающие влияние его утонченной художественной традиции.

Постепенно развитие от общего к частному отражается во всех областях греческого искусства. И в архитектуре, и в вазописи, в решении их декора от универсальных, глобальных тем, связанных с судьбой мирозданья – образа универсума, битвы титанов, гигантов, или с событиями героических мифов и сказаний – Троянская война, амазономахия и т.д., происходит переход к локальному сюжету и эпизоду. Вероятно, в представлении коринфского мастера, расписывавшего знаменитый кратер, событие, которое более не развивается в масштабах целостного вазописного фриза, должно было быть объяснено – как в геометрике в случае замены меандра фигурой, – и он выполняет свою задачу так, как он сам ее понимает.

Рассмотренные примеры геометрического и раннего чернофигурного стилей относятся к важным переходным моментам в развитии греческой вазописи. В первом случае он ознаменован появлением непривычных фигуративных изображений в абстрактном, аниконическом искусстве, что означало выход искусства эллинов на новый семиотический план и вместе с тем требовало объяснения изображения, создания пояснительной знаковой системы.

---

[47] Лаконский килик ок. 565–560 гг. до н.э., мастер Всадника (Париж. Кабинет медалей): *Woodford S.* Op. cit. P. 40, 52. Fig. 23.

[48] Аттическая чернофигурная амфора из Вульчи, ок. 550 г. до н.э., мастер Лидос: *Carpenter T.H.* Op. cit. P. 20, 34. Fig. 36.

Следующий момент связан со знаменательными переменами уже в изобразительном языке, развитием росписи в сторону художественного определения, характеризации персонажа, его действия, построения рассказа художественными (изобразительными) средствами, составлением более «сжатых», компактных сюжетов. Переход от ориентализирующего стиля к чернофигурному проявился в «очищении» изображения от орнаментальности фона, замены принципа длительного подробного повествования введением более лаконичных и емких характеристик сюжета, которые осуществлялись с помощью самих фигур, чья пластика делала более очевидным внутреннее движение персонажей, а образы приобретали живой и более конкретный характер. К тому же развилась и определилась новая комментирующая система, состоящая из знаков-атрибутов, которыми наделялись боги, герои мифов и эпических сказаний. Система пояснительных символов, в качестве вторичной знаковой системы существовавшая в художественном языке греческой вазописи с середины VIII до середины VI вв. до н.э., уступила место иной условности. Атрибут стал постоянным признаком персонажа, его определением, обозначением, имеющим практическую силу условного знака.

Однако заметим, что в ходе этого процесса ни комментирующая надпись, ни изображение какого-либо предмета или животного в роли поясняющего символа окончательно не были забыты (рис. 19)[49].

E.A. Savostina

AT THE ORIGIN OF FIGURATIVE LANGUAGE IN GREEK VASE PAINTING
The Explanatory Sign-Symbolic System

The article examines the transition of Greek art from the geometric style to figurative representation and the emergence of a special explanatory system of signs made up of geometrical signs that comment on the actions of stationary figures. The explanatory system evolves along with the graphic language. During the Orientalizing period and in the early black-and-white style, figures of animals serve as explanatory symbols. Their role is different from that of the sign in the geometric style: they add to the description of a character, sometimes commenting on the event. In the classic times explanatory systems yield to an attribute that served as a conventional sign to determine a character.

[49] Продолжая тему похода Амфиарая, мастера краснофигурной вазописи ограничиваются лишь сценой предательства Эрифилы и передачи ей ожерелья Полиником, как на аттической пелике ок. 460–450 гг. до н.э., мастер Чикаго, где для ясности над обоими персонажами написаны их имена: *Woodford S.* Op. cit. P. 53. Fig. 33; *Савостина Е.А.* «Читая греческие вазы…»… С. 326. Рис. 18.

Рис. 1. Геометрический кратер с билингвой (сцена экфоры – меандр). Аттика, ок. 750 г. до н.э. Деталь. Афины, Национальный археологический музей

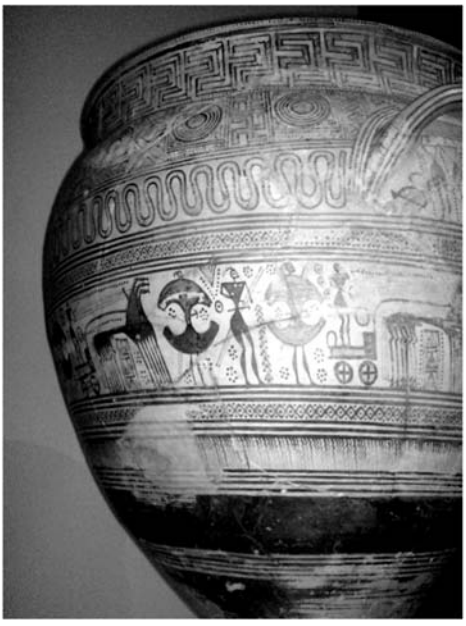


Рис. 2. Геометрический кратер с билингвой (сцена протесиса – волна). Аттика, ок. 750–735 гг. до н.э. Деталь. Нью-Йорк, Метрополитен музей

Рис. 3. Геометрический кратер с билингвой. Сцена экфоры (выезд). Аттика, ок. 750 г. до н.э. Афины, Национальный археологический музей

Рис. 4. Артемида.
Изображение на мелосской амфоре,
ок. 650 г. до н.э. Берлин,
Государственный музей

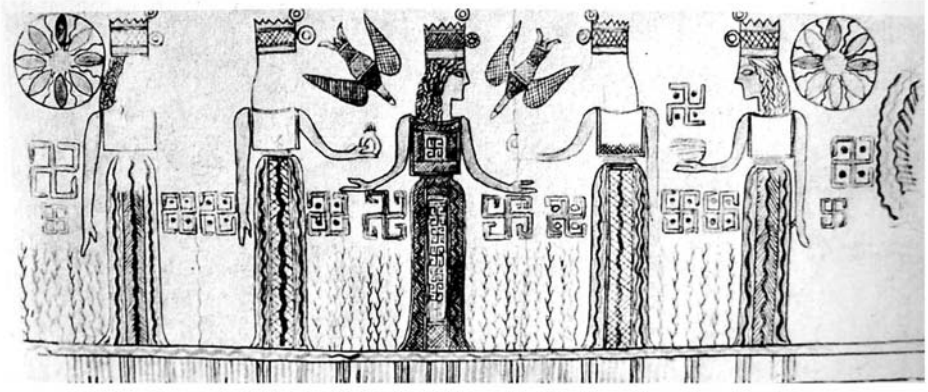


Рис. 5. Глиняная модель полоса. Беотия, середина VII в. до н.э.
Стокгольм, Национальный музей

Рис. 6. Изображение колесницы
на геометрическом кратере из Нью-Йорка

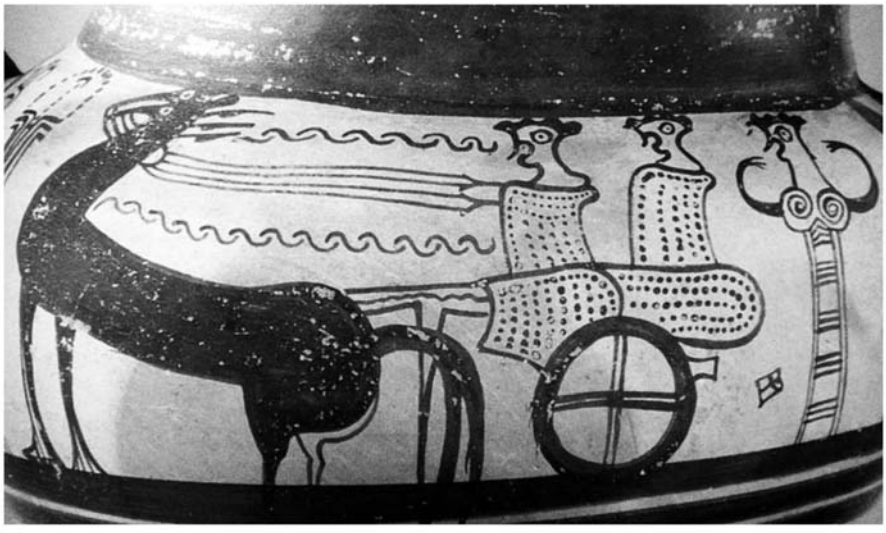


Рис. 7. Изображение колесницы на микенском кратере
ок. 1300-1230 гг. до н.э. Нью-Йорк, Метрополитен музей

Рис. 8. Статуэтка Артемиды.
Беотия, ок. 700 г. до н.э.
Париж, Лувр

Рис. 9. Килик мастера Кавалькады.
Коринф, ок. 600-575 гг. до н.э.
Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 10. Тезей и Минотавр. Роспись амфоры мастера Лидоса. Аттика, ок. 550-540 гг. до н.э. Малибу, музей П. Гетти

Рис. 11. Отъезд Амфиарая. Сцена на кратере мастера Амфиарая. Коринф, ок. 560-525 гг. до н.э. Бывшее Берлинское собрание

Рис. 12. Персей и Медуза. Изображение на горле рельефной амфоры. Беотия, ок. 660 г. до н.э. Париж, Лувр

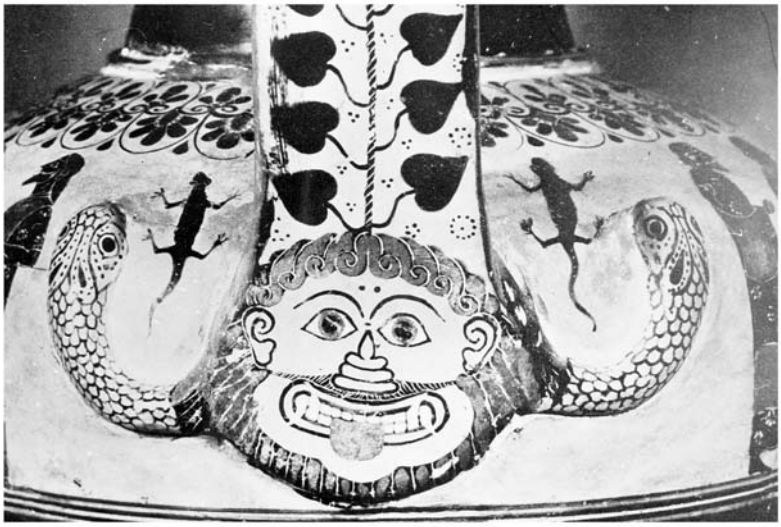


Рис. 13. Голова Медузы. Деталь росписи амфоры мастера Никосфена. Аттика, ок. 540 г. до н.э. Париж, Лувр

Рис. 14. Аркесилай при разгрузке кораблей.
Роспись килика мастера Аркесилая. Спарта, ок. 560 г. до н.э.
Берлин, Государственные музеи

Рис. 15. Протокоринфский арибалл.
Коринф, ок. 650 г. до н.э.
Париж, Лувр

Рис. 16. Роспись амфоры мастера Ниархоса.
Аттика, вторая половина VI в. до н.э.
Лондон, частное собрание

Рис. 17. Сцена ослепления Полифема. Роспись килика мастера Всадника.
Спарта, ок. 560 г. до н.э. Париж, Кабинет медалей

Рис. 18. Неоптолем и Приам.
Роспись амфоры мастера Лидоса.
Аттика, ок. 550 г. до н.э.

Рис. 19. Полиник и Ерифила. Роспись краснофигурной пелики мастера Чикаго. Аттика, 460-450 гг. до н.э. Лечче, Окружной музей Сидижмондо Кастромидиана

II. РИМ И РИМСКИЙ МИР

В.А. Гончаров

ЛЕГЕНДАРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О РОДЕ ФАБИЕВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Без сомнения, род Фабиев является одним из самых известных и примечательных римских gentes. Его представители сыграли весьма существенную роль в истории Вечного Города, что, конечно же, не могло не отразиться и в исторической традиции. При этом следует отметить, что одним из наиболее любопытных и примечательных сюжетов в этой традиции, безусловно, является история о гибели трехсот шести Фабиев в битве на реке Кремера в 477 г. до н.э. Наиболее подробно она пересказывается у Тита Ливия (II.48–50), в «Римских древностях» Дионисия Галикарнасского (IX.14–22) и «Фастах» Овидия (II.195–242). Краткие упоминания об этих событиях мы также встречаем у Диодора Сицилийского (XI.53.6), Плутарха (Cam. 19), Силия Италика (VI.637), Феста и Павла Диакона (s.v. Scelerata porta).

Согласно рассматриваемому преданию, Риму довольно долго досаждали воины этрусского города Вейи, разорявшие римские поля и угонявшие стада. Как пишет Ливий, «… не было с вейянами ни войны, ни мира – действия их были чем-то вроде разбоя: завидев римские легионы, они прятались в город, а зная, что легионов нет, разоряли поля, как бы в насмешку оборачивая войну миром, а мир – войной» (II.48.5–6)[1]. В подобной ситуации Фабии явились в Сенат и предложили свои услуги по охране границ, после чего «под крики одобрения всех горожан» (*Dion. Hal.* AR. IX.15.3) выступили в поход и построили сторожевую крепость на реке Кремера, откуда сами стали тревожить владения этрусков, постоянно рыская по сельской округе противника и «собирая добычу». Так прошел примерно год. Когда вейянам все это надоело, они, выпустив под стены крепости многочисленные стада, выманили Фабиев наружу и, атаковав их превосходящими силами, уничтожили всех до единого.

По нашему мнению, в данной истории можно обнаружить немало моментов, указывающих на то, что она по сути своей, возможно, является сохранившимся в сочинениях античных авторов отголоском более ранней эпической традиции, которая как и у многих других народов, стоящих на стадии перехода от первобытности к раннему государству, в числе прочего, отражала деяния воинских юношеских сообществ инициационного характера.

В первую очередь в этом смысле обращает на себя внимание тактика, применявшаяся обеими противоборствующими сторонами. Как можно заметить, и этруски, и римляне в рассматриваемом случае осуществляют стремительные грабительские набеги на земли противника, в первую очередь связанные с захватом скота и разорением «сельской округи», точно так же, как это делали юноши, входившие в

[1] Здесь и далее II книга Тита Ливия цитируется в переводе Н.А. Позднякова, V – в переводе С.А. Иванова; Дионисий Галикарнасский – в переводе Н.Г. Майоровой; «Фасты» Овидия – в переводе Ф.А. Петровского.

состав воинских братств у первобытных племен[2]. Примечательно – Дионисий Галикарнасский прямо говорит о том, что со стороны вейян грабительские действия вела «легковооруженная молодежь» (AR. IX.14.7). Кроме того, этруски использовали против Фабиев воинскую хитрость, что также напоминает способы ведения боя у инициационных сообществ[3]. Что же касается самих Фабиев, то и Овидий (Fast. II.205; 223), и Дионисий (AR. IX.20.3) отмечают весьма существенную быстроту и «бодрость» их действий, что также наводит на мысль о легковооруженном и стремительном юношеском отряде.

Кроме того, Фабии в рассматриваемом рассказе проявляют еще одну черту, очень характерную для архаических сообществ инициационного характера, а именно – воинское неистовство[4]. Здесь мы должны обратиться к приведенному у древних авторов описанию последней битвы Фабиев с вейянами. Даже Ливий, рассказ которого об этой битве довольно короток и сух, отмечает «самонадеянность» стражей пограничной крепости и их «презрение к врагу» (II.50.5). Другие же авторы наделяют Фабиев практически всеми чертами «берсерков», охваченных воинским исступлением. Так, Овидий именует их «объятыми Марсом» и сравнивает с дикими животными – львами и кабанами, одновременно рассказывая о том, как они «что только видят, крушат, всякий отбросивши страх» (Fast. II.224). Столь же яркое описание безрассудной последней атаки окруженных врагом Фабиев приводит и Дионисий Галикарнасский: «…Римляне же ринулись на врагов, словно дикие звери, отнимали у них копья и разламывали их, хватали мечи за лезвия и вырывали из рук противника, сплетались с телами врагов и валились с ними на землю в мертвом захвате, борясь более мужеством, чем силой» (AR. IX.21.4). Далее автор «Римских древностей» также отмечает, что этруски завершили бой издалека – перебив римлян «градом стрел», поскольку устрашились не только их стойкости, но и *безумства*.

Подобное поведение хорошо укладывается вообще в рамки исторической традиции о роде Фабиев, представители которого в сочинениях древних авторов нередко показаны как люди, которые сначала делают, а затем думают, и нередко ассоциируются именно с воинским

---

[2] См. напр.: *Геннеп А. ван,* Обряды перехода. М., 1999. С. 106–107; *Элиаде М.* Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999. С. 216–217.

[3] *Dumézil G.* Horace et le Curiaces. P., 1942. P. 37; *idem.* Aspects de la function guerriere chez les Indo-Européens. P., 1956. P. 23; *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 144, 154.

[4] *Frobenius L.* Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898. S. 126; *Schurtz H.* Alterklassen und Männerbünde. B., 1902. S. 97–98, 107; *Webster H.* Primitive secret societies. N.Y., 1908. P. 26, 185; *Андреев Ю.В.* Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4. С. 48; *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки // *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 181; *Элиаде М.* Тайные общества… С. 219–220.

безрассудством[5]. Так, например, согласно рассказу Ливия (V.36) во время нашествия галлов на Италию в 391 г. до н.э. сыновья Марка Фабия Амбуста, отправленные послами к врагу, осадившему город Клузий, в запальчивости спора забыли о своем статусе и нарушили священное «право народов», начав битву, в ходе которой Квинт Фабий даже убил галльского вождя (*Liv.* V.36.7). При этом историк отмечает, что сами послы были «буйными и похожими скорее на галлов, чем на римлян». Он же характеризует как «неосторожные и необдуманные» действия консула Квинта Фабия Амбуста в войне против тарквиний-цев в 358 г. до н.э. (VII.15.9).

И еще один весьма любопытный момент. Согласно античной традиции, во время роковой битвы с вейянами на берегах Кремеры погибли все мужчины из рода Фабиев, за исключением одного человека – мальчика, еще не способного сражаться (*Liv.* II.50.11; *Dion. Hal.* AR. IX.22.1; *Ovid.* Fast. II.235–240). Впрочем, в правдивости подобного предания усомнились уже древние авторы – в частности, Дионисий Галикарнасский, который назвал его больше похожим на сказку или «по крайней мере, на вымыслы, свойственные театральным подмосткам» (AR. IX.22.3). При этом историк добавляет: «Ведь немыслимо, чтобы все ушедшие охранять укрепление Фабии были бездетны и не женаты» (IX.22.2). Но из слов самого Дионисия ясно, что он пересказывает некое народное предание – «недостоверные сведения толпы», выражаясь его собственными словами. Если предположить, что рассказ о битве у Кремеры берет начало в преданиях о юношеских воинских братствах, то упоминание Дионисия о том, что все «Фабии», ушедшие охранять границу, могли быть бездетными и неженатыми, становится вполне правдоподобным – ведь пребывание посвящаемых юношей в «дикости» нередко продолжалось как раз до их вступления в брак[6].

Еще один момент, который, скорее всего, указывает на эпические истоки рассматриваемой истории, это количество погибших Фабиев. Конечно, большинство древних авторов говорит, что их было триста шесть, однако у Плутарха и Диодора упоминается ровная цифра – триста воинов. Это число фигурирует в героических легендах многих народов древности и Средневековья и нередко увязывается именно с юношескими воинскими сообществами – в «Книге Судей» триста молодых воинов во главе с Гедеоном обращают в бегство мадианитян, триста бойцов-юношей нередко фигурируют на страницах «Витязя в тигровой шкуре», триста отборных воинов охраняют храм Святовита на острове Рюген, триста юношей-пастухов (или охотников) сопровождают легендарного основателя Молдавского княжества Драгоша. Не является исключением в рассматриваемом отношении и античная легендарно-историческая традиция – достаточно вспомнить триста спартанских «всадников» и триста лакедемонцев, защищавших Фер-

[5] *Sabbatucci D.* La religione di Roma antica dal calendario festivo all'ordine cosmico. Milano, 1988. P. 54; *Wiseman T.* The God of the Lupercal // JRS. 1995. Vol. 85. P. 11.

[6] *Геннеп А. ван,* Указ. соч. С. 84–85.

мопилы (у Сенеки Старшего они прямо названы юношами – *Suas.* 2), триста гетайров Александра Македонского, триста целеров Ромула (первый предводитель которых, кстати, согласно некоторым версиям, звался Фабием)[7] или «триста лучших римских юношей», которые, по словам Муция Сцеволы, поклялись преследовать Порсенну (*Liv.* II.12.15).

Далее, не стоит забывать и о связи Фабиев с празднеством Луперкалий, которое также демонстрирует немало «инициационных» элементов[8]. Что любопытно – согласно одной из версий предания о битве при Кремере, причиной гибели воинов упомянутого рода было то, что они покинули свою крепость «для совершения священных обрядов» в Риме (*Dion. Hal.* AR. IX.19.1). При этом Дионисий, пересказывающий это предание в своем сочинении, называет его «байкой», считая неправдоподобным то, «чтобы столь большое число мужей, несущих воинскую службу, ради принесения жертвы отправилось бы из лагеря в Рим без разрешения на то сената, поскольку священные обряды могли быть исполнены другими людьми, принадлежавшими к их роду, теми, кто уже достиг соответствующего возраста» (IX.19.3). Если же предположить, что рассматриваемая история относится ко временам, когда римского сената как такового еще не существовало, и повествует не о патрицианском роде Фабиев, а об инициационном воинском сообществе, члены которого должны были вернуться в «Город» для прохождения посвятительных обрядов, то все становится на свои места. Естественно, пройти посвящение никто, кроме самих юношей, не мог, а само их возвращение вовсе не требовало никаких санкций, ибо уже было «санкционировано» высшим законом.

Еще один примечательный момент, который свидетельствует в пользу нашей точки зрения – Овидий, пересказывая легенду о гибели трехсот Фабиев в своих «Фастах» (II.195), говорит о том, что описываемые события произошли 13 февраля, то есть, по сути дела, – в канун Луперкалий.

В связи с данным предположением нелишним будет упомянуть точку зрения целого ряда исследователей, согласно которой «Фабианские луперки» совсем не обязательно являлись представителями рода Фабиев. При этом ученые обращают внимание, в частности, на то, что суффикс *-an-* в упомянутом названии (лат. *Luperci Fabiani*) обозначает не прямую принадлежность к роду (по рождению), а усыновление, переход в другой род или еще более отдаленную связь типа службы

---

[7] *Wiseman T.* Op. cit. P. 11.

[8] *Ulf C.* Das römische Lupercalienfest. Darmstadt, 1982. S. 44–51, 137; *Rüpke J.* Domi militiae. Stuttgart, 1990. S. 61–62; *Mastrocinque A.* Romolo (la fondazione di Roma tra storia e leggenda). Este, 1993. P. 143–145; *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. М., 2002. Т. 2. С. 105–106; *Гончаров В.А.* О природе древнейших жреческих сообществ Рима // Исторические записки. Воронеж, 2003. Вып. 9. С. 123–136.

военачальнику[9]. В качестве альтернативы при этом предлагается «функциональное» объяснение. В частности, А.В. Коптев предполагает, что изначально два подразделения сообщества луперков именовались не *Fabiani* и *Quintiliani*, а *Favii* и *Quinctilii*, то есть «быстрые, ловкие» и «медлительные, замешкавшиеся», и связывает подобные названия с ритуальным соревнованием двух групп возрастного характера[10]. Мы же добавим, что предполагаемая быстрота и ловкость «Фабиев» очень хорошо согласуется со всем, что мы сказали об их действиях в войне с вейянами.

Наконец, об «инициационно-воинском» характере рассматриваемого отряда, по нашему мнению, говорит и легенда о происхождении рода Фабиев, согласно которой его основоположником был не кто иной, как Геркулес (*Ovid.* Fast. II.236–237; *Sil. It.* VI.627–636; *Plut.* Fab. Max. 1; *Fest.* P. 87M) – герой, также демонстрирующий немало черт интересующего нас характера. Более того, Плутарх возводит название рассматриваемого рода к слову *Fodii*, которым у древних латинян обозначались охотники, ловившие зверей в ямы (Fab. Max. 1), а у Феста (87M) древнейшие Фабии именуются *Fovii* – от слова *fovea*, т.е. «волчья яма». И вновь – налицо связь с «внешним миром» и с образами диких хищников.

Таким образом, не исключено, что рассмотренный нами выше рассказ о гибели трехсот римских воинов изначально представлял собой предание о юношеском воинском сообществе инициационного характера и лишь в позднейшей письменной традиции был связан с родом Фабиев.

V.A. Goncharov

LEGENDARY AND HISTORICAL TRADITION ABOUT GENS OF FABII: A NEW APPROACH

Literary sources about the warfare between Etruscans and the Roman gens of Fabii in 477 BC show that both groups acted like initiatory groups of youths, which were characteristic for many primitive peoples. Thus, Fabii performed plundering raids into the Etruscan territory and acted very quickly and cunningly. Then, during their last battle at the Cremera river they demostrated rage and frenzy resembling to those of German berserks. Moreover, this gens was closely connected with the feast of Lupercalia, which also demonstrates several initiatory elements. Therefore, gens of Fabii in the story analyzed may be interpreted as some kind of a “Männerbund”.

---

[9] *Unger G.F.* Die Lupercalia // RhM. 1881. Bd. 36. S. 54; *Сморчков А.М.* Коллегия луперков // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 264.

[10] *Коптев А.В.* От praepositus celerum к magister equitum: Целер, Брут и проблема наследования царской власти в архаическом Риме // Античность и Средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 56.

Е.В. Смыков

СУЛЛА НА ВОСТОКЕ: ПОЛИТИКА И ПРОПАГАНДА «ЛЮБИМЦА АФРОДИТЫ»

Когда речь идет о действиях Суллы в Греции против Митридата, как правило, отмечают стремительность и решительность, а также беспощадность и цинизм его действий. Так, С.А. Жебелёв считал кампанию Суллы в Греции «одной из наиболее замечательных по умелому ведению кампаний военной истории»[1]. С.И. Ковалев отмечал «решительность», «презрение к опасности», «смелость, граничившую с дерзостью», «быстроту действий» Суллы[2]. Ф. Фрёлих, характеризуя способы ведения войны Суллой, отмечал, что он «повел войну без всяких церемоний». Такая бесцеремонность, неуважение к историческим событиям и местам особо чтимых культов, «должны были настроить против Суллы население Греции тем в большей степени, что ранее они встречали со стороны Фламинина и Эмилия Павла лишь милостивое обхождение»[3]. Этого, однако, не произошло. Напротив, мы знаем, что, несмотря на все его крутые меры, Сулла преуспел в выполнении своих задач, и на поле боя ему противостояла лишь понтийская армия, без серьезного участия греков. Более того, несмотря на достаточно жесткие условия контрибуции, наложенной Суллой на провинившиеся города, Митридат более не имел в них успеха, а, напротив, встретил сопротивление с самого начала третьей войны с Римом[4]. Ни один из городов Азии не сделал больше попытки отложиться от римлян. Обычно как на причину охлаждения азиатских эллинов к Митридату указывают на невыполнение им его демагогических обещаний, данных в начале первой войны – освобождения от податей на пять лет, предоставления привилегий и т.п.[5] Все авторы сходятся на том, что в Азии было сильное недовольство Митридатом, поведшее к восстаниям в городах и репрессиям против городов Малой Азии. Расходятся их мнения, в зависимости от общих взглядов исследователя, лишь по поводу того, кто именно был недоволен Митридатом. Часть авторов считает недовольным гражданский коллектив полисов в целом, другие сводят все к страху состоятельной части населения перед демагогическими мерами Митридата и покушением на их собственность (осво-

---

[1] *Жебелев С.А.* Из истории Афин. 229–31 годы до Р. Хр. СПб., 1898. С. 241.

[2] *Ковалев С.И.* История Рима. Л., 1986. С. 387 сл.

[3] *Fröhlich F.* Cornelius Sulla Felix // RE. 1900. Bd. 4. Sp. 1538 f.

[4] Как подчёркивают Д. Маги и Б.Г. Макгинг, во время этой войны сопротивление Митридату оказал первый же крупный город Азии, встретившийся на его пути – Кизик, жители которого не спешили отложиться от римлян (*Magie D.* Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1. P. 231; *McGing B.G.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontos. Leiden, 1986. P. 143).

[5] См., напр.: *Моммзен Т.* История Рима. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 278; *Keaveney A.* Sulla: The last republican. L.; Canberra, 1982. P. 99 f.; *Magie D.* Op. cit. P. 223 f.; *Bernhardt R.* Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). B.; N.Y., 1985. S. 58 f; *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 178 f.

бождение рабов, отмена долговых обязательств и т.п.). Нам кажется предпочтительней первая точка зрения. Во-первых, к широкой социальной демагогии Митридат перешел лишь после того, как недовольство им в полисах Азии уже обнаружилось[6]. Во-вторых, понтийский царь на деле показал, сколь далеки порядки восточной деспотии от привычного для эллинов полисного управления, покушение на которое задевало весь гражданский коллектив. Но, наряду с этим, следует учитывать и ещё один фактор – сочетание в римской политике «кнута» и «пряника», использование римскими полководцами средств пропаганды, которая, может быть, была не столь систематической и эффективной, как у Митридата, но которая, тем не менее, велась со времени первых столкновений римских армий и войск понтийского царя[7].

В какой-то степени привлечь общественное мнение на сторону Рима пытался уже Кв. Бретий Сура – легат наместника Македонии Г. Сентия, отправленный навстречу армии Архелая и первым из римлян вступивший в бой с понтийской армией[8]. Плутарх, несомненно, хорошо осведомленный в истории родной ему Беотии, отмечает, что дела Суры шли успешнее, чем он мог надеяться, а греки, привлеченные его безупречным благородством (διὰ ἐκείνου καλοκἀγαθίαν), уже готовы были перейти на сторону римлян[9]. Пожалуй, можно даже считать, что именно деятельность Суры подготовила быстрый обратный переход Беотии под римский контроль[10].

---

[6] Ср. последовательность событий у Аппиана (Mithr. 46–48): репрессии против галатов и хиосцев (46 f.), восстания в Эфесе, Траллах и других городах (48); наказание восставших Митридатом и попытки привлечь на свою сторону социальные низы (ibid.).

[7] Ф. Сантанджело, специально исследовавший отношения Суллы с локальными элитами, подчеркивает, что успехи Митридата вскрыли в качестве основного вопроса глубокий кризис, который существовал в отношениях Рима с местными элитами на Востоке. Элита азиатских городов активно поддержала понтийского царя, а потому перед Римом и Суллой как его представителем стояла двойная задача – выиграть войну и затем вновь восстановить конструктивные отношения с теми, кому только что было нанесено поражение (*Santangelo F.* Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden; Boston, 2007. P. 34).

[8] О нем см.: *Klebs E.* Bruttius (10) // RE. 1897. Hbd. 5. Sp. 915. Правильная форма имени: *Münzer F.* Bruttius (10) // RE. 1918. Spbd. 3. Sp. 218. Он служил в качестве легата Г. Сентия, наместника Македонии, в течение шести лет, с 93 по 87 г. См.: *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta (Georgia), 1986. Vol. 2. P. 15, 17, 19, 22, 28, 36, 43, 50.

[9] *Plut.* Sulla. 11.5. Ф. Фрелих на этом основании даже специально отмечает, что, благодаря ему, в Греции «события уже развивались благоприятно для римлян… Он не только поддержал славу римского оружия, но и своим хорошим обхождением завоевал расположение греков…» (*Frohlich F.* Op. cit. Sp. 1538).

[10] Впрочем, здесь могли сказаться и еще, как минимум, два фактора: во-первых, общая военная слабость греческих городов и, во-вторых, то, что в Греции, где фискальный гнёт, связанный с деятельностью публиканов, был гораздо меньше того, который испытывала Азия, и недовольство римлянами было выражено с меньшей силой (см.: *Santangelo F.* Op. cit. P. 35, 42).

Сулла, явившийся в Грецию и находившийся в критическом положении, которое заставляло действовать всеми доступными средствами, тем не менее, придавал большинству своих неприглядных поступков пропагандистское обрамление, которое должно было их оправдать. Пожалуй, одной из наиболее вопиющих акций римского полководца было его решение о конфискации храмовых сокровищ. Свидетельством того резкого осуждения, которым встретили эти действия греки, могут быть слова Павсания, сказанные по поводу «похищения» Суллой статуи Афины из храма в Алалкоменах: «За совершение таких безумных оскорблений над эллинскими городами и над богами эллинов его постигла самая отвратительная из всех болезнь...» (*Paus.* IX.33.6. Пер. С.П. Кондратьева).

Противоправный характер этих действий подчёркивают и современные исследователи, говоря, что Сулла «ограбил» греческие святилища[11]. Несомненно, на греков эти действия произвели неблагоприятное впечатление, что нашло отражение в приведенной выше оценке их Павсанием и в рассказе Плутарха о знамении, явленном в Дельфах фокейцу Кафису, который должен был осуществить реквизицию (*Plut.* Sulla. 12.4–9). Пожалуй, один только А. Кивни обратил внимание на идеологическую сторону дела, основываясь при этом на ответе Суллы Кафису, который приводит Плутарх: пением выражается веселие, а не гнев, поэтому следует смелее забирать вещи, которые бог отдает с радостью[12].

Далее А. Кивни комментирует: «Ответ, подобный этому, выдаёт человека, коему даже в тяжелых условиях помогает величайшая самоуверенность, которая при таких обстоятельствах может происходить только из неколебимой веры в свою собственную *felicitas*. Вера Суллы в нее была столь прочной, он настолько глубоко веровал в божественную благосклонность, что своим ответом Кафису продемонстрировал, что по его мнению хотели, чтобы он, их любимец, получил ... столько денег, сколько нужно для его кампании, из их храмов»[13]. Исследователь подчеркивает, что святилища не были просто ограблены, как утверждали греки, – сокровища были взяты у богов в долг (*App.* Mithr. 54; *Plut.* Sulla. 12.5). При этом такой долг понимался не как пустая формальность: сразу же после побед в Греции Сулла возместил убытки, пожертвовав богам земли «чтобы обеспечить им ежегодные доходы» (*Diod.* XXXVIII.7)[14].

---

[11] *Жебелев С.А.* Указ. соч. С. 244; *Fröhlich F.* Op. cit. Sp. 1539 ("beraubte... ohne Scheu"); *Africa T.W.* The immense majesty. A History of Rome and the Roman Empire. N.Y., 1974. P. 169; *Christ K.* Krise und Untergang der Römischen Republik. Darmstadt, 1979. S. 203.

[12] *Plut.* Sulla. 12.9. Ср.: *Diod.* XXXVIII.7 – боги при помощи большого взноса в казну Суллы пришли на помощь его делу.

[13] *Keaveney A.* Op. cit. P. 85 f.

[14] Из этих земель мы конкретно знаем только земли фиванцев, половина которых была отдана «Пифийскому и Олимпийскому богам» (*Plut.* Sulla. 19.6; *Paus.* IX.7.6). Храм в Эпидавре наши источники не упоминают, но, очевидно, и он должен был получить какое-то возмещение – у Аппиана (Mithr. 54) он

Вера Суллы в свою *felicitas* придавала борьбе новое качество, до определенной степени переводя ее в идеологическую плоскость. Вопрос теперь можно было ставить не только о том, какая армия окажется сильнее, но и о том, чьи небесные покровители окажутся могущественнее; в этом смысле Сулле противостоял не Митридат, а «новый Дионис». Сулла, в свою очередь, с самого своего вступления в Грецию всячески подчеркивал свою приверженность богам, несущим ему победу, в частности, Венере. Согласно рассказу Аппиана, указание повиноваться ей было дано Сулле, когда он вопрошал Аполлона Дельфийского о своем будущем[15], и в дальнейшем имя Венеры постоянно сопровождает римского полководца. Уже на трофеях, сооружённых после победы при Херонее, Сулла, в соответствии с традицией, поместил три имени – Марса, Виктории и Венеры. Роль Венеры в этой троице была двойная: с одной стороны, как богиня-прародительница римлян она проявляла заботу о человеке, который вёл борьбу в защиту её потомков[16]. С другой стороны, Венера у римлян была и богиней удачи[17], и, следовательно, непосредственно связана с *felicitas* самого Суллы[18].

назван как получивший свою долю в фиванских землях. Именно с этого времени, по мнению Павсания, Фивы впали в «крайнюю степень слабости» (*Paus.* IX.7.6). Запустение Фив засвидетельствовано и Страбоном, который, правда, относит его начало к гораздо более раннему времени (*Strabo* IX.2.5), так что можно считать, что размер территории, отторгнутой Суллой, был немалым.

[15] *App.* BC. 1.97.453. Сулла, насколько мы знаем, был первым римлянином, вопрошавшим оракул в Дельфах без государственного поручения (*Volkmann H.* Sullas Marsch auf Rom. Der Verfall der römischen Republik. München, 1958. S. 40). Аппиан не датирует это обращение даже приблизительно, но, судя по контексту, это произошло вскоре после прибытия Суллы в Грецию. Э. Габба отмечает, что причины, по которым оракул направил Суллу в отдаленный карийский храм, неизвестны (*Gabba E.* Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 266). На необычность этого повеления оракула обратил внимание ещё Г. Берве, предложивший датировать оракул 92 г. до н.э., временем наместничества Суллы в Киликии (*Berve H.* Gestaltende Kräfte der Antike. München, 1949. S. 133). Однако, на наш взгляд, объяснить выбор храма можно и иначе: в тексте оракула римляне именуются «родом Энея», так что вполне естественно, что одному из потомков этого героя, Сулле, предписывается совершить посвящение в храм Афродиты на «исторической родине» римского народа, в Азии. О римлянах как «энеадах» см.: *Fadinger V.* Sulla als Imperator Felix und “Epaphroditos” (= “Liebling der Aphrodite”) // Wiederstand – Anpassung – Integration. Die Griechischen Staatenwelt und Rom. Stuttgart, 2002. S. 171.

[16] *Keaveney A.* Op. cit. P. 83, 85; *Volkmann H.* Op. cit. S. 38 f.

[17] Считается, что имя Венеры связано, помимо прочего, с понятием venia, «милость богов» (*Boer E.* Venus // KlP. Bd. 5. Sp. 1174). В классические времена «Венерой» у римлян назывался лучший бросок при игре в кости (*Hor.* Carm. II.7.25 sq.).

[18] В принципе само по себе появление латинского варианта прозвища может и не иметь отношения к Венере – оно появляется после захвата Суллой Пренесте, где находился знаменитый храм Фортуны, и Сулла мог рассматривать взятие этого города как свидетельство особой благосклонности его божества, проявление своей личной *felicitas* (*Sumi G.S.* Spectacles and Sulla’s Public

Символика, связанная с Венерой, очень ярко проявилась на монетах Суллы, чеканенных в период войны. Эти монеты известны двух типов – ауреус и денарий, причем для нас особый интерес представляет ауреус[19]. На его аверсе изображена голова Венеры и Купидон, держащий над ней пальмовую ветвь; на реверсе – священный сосуд (*praefericulum)* и авгурский жезл (*lituus)* между двумя трофеями и легенда IMPER ITERU(M)[20]. Изображение двух трофеев на этой монете служит предметом дискуссии. С одним из них все ясно – это трофей, знаменующий победу над Митридатом; но что значит второй трофей? Когда состоялась ещё одна императорская аккламация Суллы? Обычно считают, что это произошло либо после его боевых действий в Киликии, либо во время Союзнической войны[21], но никаких указаний на это в источниках нет. М. Крофорд считает, что эти два трофея вовсе не обязательно связывать с двумя императорскими аккламациями – это вполне могут быть два трофея, воздвигнутые Суллой после битвы при Херонее (*Plut.* Sulla. 19.9–10; *Dio Cass.* XLII.18.3)[22]. Однако в этом случае остается непонятной легенда: можно было воздвигнуть два трофея, но нельзя было получить две аккламации за одно сражение. А. Кивни считает, что вторая аккламация произошла после битвы при Орхомене[23] – но две аккламации за одну кампанию получить было нельзя. Т. Мартином была предпринята попытка связать второй трофей с победой Суллы в битве у Коллинских ворот[24]; К. Маккей, при-

---

Image // Historia. 2002. Bd. 51. Ht. 4. P. 415 + note 10). Однако независимое появление прозвища отнюдь не противоречит его дальнейшему соотнесению с Венерой в ипостаси богини удачи.

[19] Денарий имеет на аверсе изображение головы богини Ромы в шлеме и на реверсе – полководца на триумфальной колеснице с увенчивающей его Викторией (*Crawford M.* Roman Republican coinage. Cambr., 1974. Vol. 1. P. 379. No. 367).

[20] *Sydenham E.A.* The coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 124. No. 760 (датирует 82 г. до н.э.); *Crawford M.* Op. cit. P. 373. No. 359 (датирует 84–83 гг. до н.э.).

[21] См.: *Ooteghem J., van.* Lucius Licinius Lucullus. Namur, 1959. P. 23 f.; *Combès R.* Imperator (Recherches sur 1'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome republicaine). P., 1966. P. 454; *Fadinger V.* Op. cit. S. 186. Anm. 156.

[22] *Crawford M.* Op. cit. P. 373. Правда, Дион Кассий в указанном месте пишет о трех трофеях Суллы, но М. Крофорд считает это просто ошибкой. Его мнение не бесспорно, но в данном случае вопрос о третьем трофее выходит за рамки темы настоящей статьи. Рассмотрение этого сюжета см: *Mackay C.S* Sulla and the Monuments: Studies in his Public Persona // Historia. 2000. Bd. 49. Ht. 2. P. 208 f. Два трофея изображены также на последнем выпуске афинских тетрадрахм нового стиля, который чеканился Суллой (*Thompson M.* The New Style Silver Coinage of Athens. N.Y., 1961. P. 425 ff. No. 1341–1345). См. о предложенных интерпретациях второго трофея: *Camp J., Ierardi M., McInerney J., Morgan K., Umholtz G.* A Trophy from the Battle of Chaironeia of 86 B.C. // AJA. 1996. Vol. 96. No. 3. P. 450. Note 26.

[23] *Keaveney A.* Sulla Augur: Coins and Curiate Law // AJAH. 1982. Vol. 7. P. 160; *idem.* Sulla. P. 118.

[24] *Martin T.R.* Sulla *imperator iterum*, the Samnites and Roman Republican Coin Propaganda // SNR. 1989. Bd. 68. S. 19–44 (*non vidi*).

знавая аргументированность его истолкования монетного материала, тем не менее, относится критически к основному выводу исследователя[25]. В общем и целом, приходится признать, что наиболее вероятной выглядит идея о том, что первую аккламацию Сулла получил в пору своего киликийского наместничества[26] – во всяком случае, единственным возражением здесь является отсутствие упоминаний о ней в источниках.

Изображение Венеры должно было указать на неё как на дарительницу победы, а священные предметы – на легитимность положения Суллы. Как иронично пишет А. Кивни, «если циннанцы считали Суллу врагом отечества, боги, очевидно, придерживались иного мнения, поскольку они рассматривали его как законного защитника Рима, посылали ему благоприятные знамения и благословляли его кампании. И ни одно божество не благословляло его больше, чем сама Венера, сама мать римского племени. Покровительница Суллы, защитника её потомков, она чтилась на его монетах как подательница победы»[27].

На почитание Венеры как подательницы победы указывает и дар, посланный Суллой в Афродисию Карийскую, в соответствии с велением дельфийского оракула – золотой венок и золотая секира. Эти дары посвящены именно воинственной Афродите: «видел тебя он такою во сне, – ты в доспехах Ареса шла по рядам войсковым, бранной отвагой дыша» (*App.* BC. I.97. Пер. С.А. Жебелева).

В связи с этим почитанием находится и то, что Сулла прибавляет к своему имени прозвище Эпафродит (Любимец Афродиты) – видимо, уже с самого начала кампании в Греции[28]. Во всяком случае, Плутарх уверяет, что на трофеях Суллы в Беотии («в нашей земле») было написано: «Луций Корнелий Сулла Любимец Афродиты»[29]. Это тем более

---

[25] *Mackay C.S.* Op. cit. P. 178.

[26] Ibid. P. 180 f. (пожалуй, самое подробное на сегодняшний день обоснование «киликийской аккламации»); *Santangelo F.* Op. cit. P. 205.

[27] *Keaveney A.* Sulla. P. 118.

[28] Ф. Сантанджело осторожно пишет о том, что Сулла принял это прозвище очень рано, после первой решительной победы над Архелаем, если ещё не раньше (*Santangelo F.* Op. cit. P. 204). Строго говоря, документальных свидетельств, подтверждающих это, нет – первые надписи с упоминанием прозвища «Эпафродит» относятся к более позднему времени (см.: RDGE. No. 20 (письмо Л. Корнелия Суллы к фасосцам); No. 49 (письмо *de collegiis artificum Bacchiorum*); No. 18 (сенатконсульт о стратоникейцах) = OGIS. 441). На основании этого, а также с учетом того, что латинское прозвище «Феликс» было официально принято Суллой в качестве агномена только в конце 82 г., К. Маккей делает вывод, что и греческий эквивалент этого имени появился не раньше этой даты; что же касается греческой надписи на трофее Суллы при Херонее с упоминанием этого прозвища – то она вполне могла быть добавлена позже и являться копией официального письма Суллы херонейцам (*Mackay C.S.* Op. cit. P. 175, 177). С другой стороны, аргумент *ex silentio* не может быть решающим, тем более что на особое почитание Венеры Суллой уже в начале войны есть многочисленные указания.

[29] *Plut.* Sulla. 34.4. В данном случае верить Плутарху можно хотя бы отчасти – недавняя находка памятника, который был интерпретирован его публи-

показательно, что до времени войны с Митридатом Сулла не обнаруживал никаких признаков особого отношения к Венере[30]. Плутарх ставит в один ряд греческое прозвище Суллы Эпафродит и латинское Феликс[31]. Среди современных исследователей по этому вопросу единства нет, но, как нам кажется, дискуссия уходит несколько не в ту сторону. Плутарх, при всей своей наивности, поставил важный вопрос об адресате сулланской пропаганды – и дал на него в общем и целом верный ответ. Бесспорно, что *felicitas* была чисто римской концепцией, чуждой греческой религиозной мысли[32]. Однако так же бесспорно, что прозвище Эпафродит было бы непонятно римлянам. Поэтому в той части пропаганды, которая была обращена к грекам, он подчеркивал, что является любимцем почитаемой местной богини[33];

каторами как второй трофей, поставленный Суллой после битвы при Херонее, показала, что на этом памятнике написаны те самые имена, которые видел Плутарх (текст надписи: *Camp J., Ierardi M., McInerney J., Morgan K., Umholtz G.* Op. cit. P. 445). С другой стороны, в такой интерпретации существуют сильные сомнения: номинатив, в котором стоят имена в надписи, указывает, что памятник воздвигли именно эти люди; надпись выполнена довольно грубо и на беотийском диалекте, что странно, если памятник воздвигнут римским полководцем и т.д. Скорее всего, Плутарх допустил здесь некоторую путаницу. См. подробнее: *Mackay C.S.* Op. cit. P. 168 f.

[30] *Keaveney A.* Sulla… P. 217.

[31] *Plut.* Sulla. 34.4: «Сулла, выступив перед народом, стал перечислять свои деяния, подсчитывая свои удачи с не меньшим тщанием, чем подвиги, и в заключение повелел именовать себя Счастливым – именно таков должен быть самый точный перевод слова “Феликс”. Сам он, впрочем, переписываясь и ведя дела с греками, называл себя Любимцем Афродиты» (пер. В.М. Смирина). Ф. Сантанджело считает, что прозвище «Феликс» не имеет к Венере никакого отношения (*Santangelo F.* Op. cit. P. 207). Действительно, не вполне ясно, существовал ли во времена Суллы культ *Venus Felix* – этот эпитет богини зафиксирован только для императорской эпохи (*Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 188), поэтому самая осторожная формулировка здесь – это признание того, что «прямых свидетельств об этом культе нет» (*Ramage E.S.* Sulla’s propaganda // Klio. 1991. Bd. 73. Ht. 1. P. 100. No. 38). Однако есть и сторонники взгляда, согласно которому культ *Venus Felix* существовал уже при Сулле (см., напр.: *Fears J.R.* The Theology of victory at Rome: Approaches and Problems // ANRW. 1981. Bd. 17. Tl. 2. P. 878).

[32] *Keaveney A.* Sulla… P. 218.

[33] *Ramage E.S.* Op. cit. P. 100. Подчеркивая эту обращенность прозвища «Эпафродит» к грекам, Г. Фолькман даже главу своего труда назвал: «*Sullas Gegenideologie: der Liebling des Aphrodite*». См.: *Volkmann H.* Op. cit. S. 36; ср.: *McGing B.G.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontos. Leiden, 1986. P. 148. Не так давно Ф. Фадингер предпринял попытку отыскать в прозвище «Эпафродит» новые коннотации. См.: *Fadinger V.* Op. cit. По его мнению, это прозвище означает «Любимый супруг Афродиты» (S. 170) и соотносится с церемонией священного брака, концепцией смены четырех мировых монархий и переходом не только «мирской» власти от Шумера к Вавилону, затем, поочередно, к ассирийцам, персам, Александру Великому и его наследникам, Риму, но и сменой сакрального господства: Ану – Бел-Мардук, Бел-Ашшур, Ахурамазда, Зевс, Юпитер (S. 169). В этом смысле Сулла как любимый супруг Афродиты является наследником двухтысячелетней традиции, начинающейся со священного брака урукской богини Иннаны с Думмузи (S. 170. Anm. 66). Концепция Фадингера очень интересна, но, на наш взгляд

соотечественникам предназначалась более привычная для них концепция *felicitas*, являвшейся одним из важнейших качеств полководца[34]. Конечно, любопытно было бы знать, как оба эти прозвища соотносятся по времени появления, но никаких материалов на этот счет у нас нет. Можно только в самом общем виде констатировать, что во время боевых действий в Греции Сулле, несомненно, было необходимо поддерживать боевой дух своих войск. Но в каких формах это делалось – сказать практически невозможно. Единственное, что известно наверняка – это то, что определенную роль в формировании настроений в его пользу и поддержании боевого духа солдат играли у Суллы знамения. По-видимому, использовались они не так интенсивно, как в пропаганде Митридата. Источники дважды сообщают о знамениях, полученных Суллой в ходе кампании против понтийцев: в начале боевых действий (*App.* BC. I.97) и затем после битвы при Херонее (*Plut.* Sulla. 17.7 sq.). Вряд ли эти несколько случаев дают основание утверждать, что Сулла использовал предсказания оракулов широко[35], но в любом случае эпизод с Кафисом указывает, что пользовался знамениями он умело и мог обратить себе на пользу даже те из них, которые казались неблагоприятными[36].

После победоносного завершения кампании в Греции, последовавшей за этим переправы в Азию и завершившего войну Дарданского мира, содержание пропаганды существенно меняется. Среди бедствий этого времени упоминаются резня между свободными и рабами по разным поводам, разрушение стен городов, их разграбление, продажа жителей в рабство (*App.* Mithr. 61), насилие и вымогательства

довольно сомнительна: она предполагает в качестве обязательного условия знакомство Суллы с этой восточной традицией. Но это само по себе вряд ли вероятно. Более подробный разбор статьи Ф. Фадингера см.: *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 2010. № 1. С. 224–225.

[34] О *felicitas* полководца см.: *Cic.* Leg. Man. 47–48. Оценку значения этого качества для римских военачальников с отсылками к источникам см.: *Sumi G.S.* Op. cit. P. 416.

[35] Так считает Б. Макгинг. См.: *McGing B.G.* Op. cit. P. 149. К. Латте констатирует: «Сновидения (Plut. Sulla. 6 и 9.4; App. BC. I.105) и разного рода предсказания (*Cic.* Div. I.72) играли в его рассказе о своих действиях значительную роль» (*Latte K.* Op. cit. S. 279). Однако легко убедиться, что все приводимые им примеры относятся к действиям Суллы в Италии. На этом фоне отсутствие подобной же информации о восточной кампании является ещё более показательным.

[36] Иногда этот эпизод истолковывается как свидетельство вольнодумства и даже атеизма Суллы (*Молев Е.А.* Властелин Понта. Н. Новгород, 1996. С. 69 («насмешливо ответил»); *Reinach T.* Op. cit. P. 155; *Balsdon J.P.V.D.* Sulla Felix // JRS. 1951. Vol. 41. P. 9 (легкомысленное (*light-hearted*) отношение к знамениям). Но, как следует из источников, Сулла не был вольнодумцем и атеистом, скорее, напротив, он был суеверен до крайности. По наблюдениям Дж. Больсдона, Плутарх в биографии Суллы 16 раз точно цитирует его мемуары, причем в пяти случаях речь идет о снах, знамениях и т.п. Ещё 9 раз, по мнению исследователя, Плутарх цитирует Суллу, не указывая источник, причем всякий раз речь идет о явлениях сверхъестественных или таинственных. См.: *Balsdon J.P.V.D.* Op. cit. P. 2.

солдат Суллы (*App.* Mithr. 63; *Plut.* Sulla. 25.4 f.). Подобные эксцессы были неизбежны на территории, где ещё совсем недавно шли боевые действия, однако в целом порядок в провинции был восстановлен сравнительно быстро; во всяком случае, после отбытия Суллы из Азии сопротивляться продолжали только Митилены, которые, выдав Мания Аквилия Митридату, не могли надеяться на пощаду. Судьба каждого конкретного города была тесно связана с его позицией в период военных действий. Те из них, которые активно поддержали Митридата, не могли рассчитывать на снисхождение, даже если они приняли участие в борьбе с понтийским царем в конце войны. Наиболее полный список городов, на которые было наложено наказание, приводит А. Кивни. По его мнению, это были, в первую очередь, участники убийства италиков (*App.* Mithr. 23: Эфес, Пергам, Адрамиттий, Кавн, Траллы); к ним следует добавить Митилену, Милет, Клазомены, и, возможно, Фокею и Кизик[37]. Таким образом, список городов, наказанных за союз с Митридатом, не столь уж велик; кроме того, следует отметить, что все эти города были наказаны в соответствии с римскими понятиями о справедливости, исходя из которых их вина была несомненной.

Напротив, Сулла наградил восстановлением их свободы и рядом привилегий те города, которые пострадали за свою верность римлянам – Илион, острова Хиос и Родос, федерацию ликийских городов (*App.* Mithr. 61), Магнесию на Сипиле[38]. Кроме того, из эпиграфических источников мы узнаем о получении привилегий Табами (RDGE. P. 100–104), Стратоникеей, островом Кос, Термессом, Лампсаком, Аполлонией в Лидии, Алабандой, Метрополисом. Весьма вероятно и вознаграждение Смирны, первоначально поддержавшей понтийского царя, но в то же время спасшей жизнь Рутилия Руфа, который пережил в ней всю войну (*Dio Cass.* XXII–XXIX.97.2; *Tac.* Ann. IV.43), а впоследствии – восставшей против Митридата (*Oros.* VI.2.8)[39]. Во всяком случае, Цицерон, говоря об этом городе, называет его «древнейшим и вернейшим союзником римского народа» (Phil. XI.2.5). Есть также несколько городов, статус которых неясен, хотя их участие в восстании против Митридата засвидетельствовано источниками – Колофон, Сарды, Гипена, Книд (*Oros.* VI.2.8; *App.* Mithr. 48; *Plut.* Luc. 3.3).

Размеры этого списка внушительны, тем более что зачастую речь идет о даровании привилегий и свободы довольно значительным тер-

---

[37] *Keaveney A.* Op. cit. P. 230 f. Далее Кивни допускает возможность того, что ряд общин, хотя и не принимал участие в резне, понес наказание за то, что не оказал римлянам действенной помощи.

[38] А. Кивни (Op. cit. P. 231 f.) пытается обосновать, основываясь на сообщении Тацита (Ann. III.62), что награждена была Магнесия на Меандре. Но Аппиан упоминает ее вместе с Эфесом и Митиленами как город, охотно впустивший Митридата и вставший на его сторону (Mithr. 21). Кроме того, из контекста сообщения Тацита видно, что речь идет не о привилегиях, данных общине в целом, а о предоставлении асилии храму Дианы Левкофрины.

[39] *Lewis R.G.* Sulla and Smyrna // CQ. New Series. 1991. Vol. 41. № 1. P. 128 f.

риториям (острова Кос, Хиос, Родос, ликийский союз)[40]. Таким образом, при всей фрагментарности и неполноте имеющихся в нашем распоряжении сведений, можно отметить, что список награжденных, во всяком случае, не меньше, чем список наказанных[41] – что, кстати, довольно плохо увязывается с традиционным представлением о массовом и добровольном переходе азиатских полисов на сторону Митридата.

Наказанием, наложенным на провинцию в целом, была выплата огромной суммы в 20 тыс. талантов (*Plut.* Sulla. 25.4; *Luc.* 4.1; 20.4; *App.* Mithr. 62–63). Ранее ряд исследователей принимал эту цифру как размер военной контрибуции[42], причем иногда к этой сумме прибавлялось ещё столько же – денежные выплаты находившимся на постое солдатам за 6 месяцев[43]. Однако, скорее всего, эти 20 тыс. талантов включали в себя контрибуцию и налог за 5 прошедших лет (соответственно 8 и 12 тыс. талантов)[44]. Как справедливо отмечалось в литературе, такой размер контрибуции не кажется слишком большим, особенно если учесть, что Митридат требовал 2 тыс. талантов с одних только хиосцев[45].

Для сбора этой суммы вся Азия была разделена на 44 податных округа. Этот факт засвидетельствован хроникой Кассиодора (Chron. 670: *Asiam in quattuor et quadraginta regiones Sulla distribuit*). Относительно характера этих *regiones* в литературе нет единого мнения. Еще Т. Моммзен предположил, что Сулла отменил на Востоке откупную систему[46]. Те авторы, которые принимали эту точку зрения, исходили из того, что Сулла, представитель аристократии, проводил политику, враждебную «капиталистам»; согласно их взглядам, эта мера очень хорошо соотносится с другими реставраторскими мероприятиями

---

[40] Р. Кэллет-Маркс справедливо отмечает ещё одно важное обстоятельство: «Когда в нашем распоряжении есть свидетельства, то кажется, что Сулла, как правило, вознаграждал эти общины дарениями территорий, доходы с которых должны были способствовать восстановлению этих городов» (*Kallet-Marx R.M.* Hegemony to Empire: The Development of the Roman Empire in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley etc., 1995. P. 276).

[41] Есть и другое мнение: «…Та свобода от трибута и прямого римского вмешательства, которой многие, может быть, большинство, греческих городов Азии пользовались со 129 г., теперь закончилась, за исключением очень немногих случаев» (*Kallet-Marx R.M.* Op. cit. P. 265).

[42] См., напр.: *Моммзен Т.* История Рима… Т. 2. С. 284; *Ковалев С.И.* История Рима… С. 390; *Reinach T.* Op. cit. P. 209.

[43] *Reinach T.* Op. cit. P. 209; *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. С. 36.

[44] *Rostovtzeff M., Ormerod H.A.* Pontus and its neighbours: The first Mithridatic War // CAH. 1932. Vol. 9. P. 259; *Broughton T.R.S.* Roman Asia // An Economic Surwey of Ancient Rome. Baltimore, 1938. Vol. 4. P. 518, 562; *Brunt P.* Sulla and the Asian publicans // Latomus. 1956. T. 14. P. 17, 18; *Magie D.* Op. cit. Vol. 2. P. 1115 f; *Keaveney A.* Op. cit. P. 127; *Hind J.G.F.* Mithridates // CAH². 1994. Vol. 9. P. 162.

[45] *Magie D.* Op. cit. P. 1116.

[46] *Моммзен Т.* История Рима… Т. 2. С. 325; Т. 3. С. 85. Этот же взгляд принимали Т. Рейнак и Т. Франк. См.: *Reinach T.* Op. cit. P. 209 f.; *Frank T.* Roman imperialism. N.Y., 1914. P. 316, 326.

Суллы. Принимающий эту точку зрения Б.П. Селецкий, например, пишет: «...Нет оснований сомневаться, что у Суллы в тот период имелась вполне продуманная политическая программа... Если признать, что политика Суллы в этот период носила хоть сколько-нибудь последовательный и целенаправленный характер, неизбежно напрашивается вывод о том, что он должен был произвести весьма серьезные изменения в системе римского налогообложения на Востоке. [...] Демократическая политика Митридата требовала какого-то противодействия, а римских откупщиков ненавидели не только провинциалы, но и римские оптиматы»[47]. Взгляд этот базируется на старом представлении об общей враждебности Суллы и оптиматов к публиканам и «среднему классу» вообще[48]. В противоположность этому уже давно было высказано мнение, что операции откупщиков в Азии никогда не прекращались[49]. Оба эти мнения представляют из себя крайности. С одной стороны, вряд ли есть основания говорить о последовательном антивсадническом курсе Суллы: за прошедшее со времен Моммзена время взгляды на природу и сущность политической борьбы в Риме в значительной степени изменились, акцент был перенесен не на общность экономических целей и т.п., а на межличностные отношения. По словам Г.С. Кнабе, полное подтверждение в источниках находит «сам факт существования... наряду с прочими социальными микромножествами также сообществ, которые собирались вокруг аристократических лидеров и оказывали им помощь в достижении их политических целей. ...В Риме такие группировки начинают играть значительную роль в связи с движением Гракхов и в последующую эпоху, а ко времени Катилины и Клодия приобретают... агрессивный и чисто политический характер»[50]. Поэтому, хотя во время проскрипций Суллы и пострадало значительное число всадников, это вполне объяснимо: гибли люди, которые были его личными врагами или активно поддерживали его соперников. Как справедливо отметил П. Брант, вряд ли Сулла был так неосторожен, чтобы отдалить от себя публиканов путем рассчитанной атаки на их финансовые интересы[51]. С другой стороны, обоснованными выглядят и доводы Бранта в пользу невозможности сбора денег при помощи публиканов в 84 г. – тяже-

---

47 *Селецкий Б.П.* Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором // ВДИ. 1982. № 2. С. 71 сл.

48 *Нич К.В.* История Римской республики. М., 1908. С. 388; *Феррero Г.* Величие и падение Рима. М., 1915. Т. 1. С. 100, 106; *Сергеев В.С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. 1. С. 235; *Машкин Н.А.* История древнего Рима. М., 1956. С. 252; *Baker G.P.* Sulla the Fortunate: The Great Dictator. N.Y., 1967. P. 233.

49 *Holmes T.R.* The Roman Republic and the Founder of the Empire. N.Y., 1968. Vol. 1. P. 395 f.; *Rostovtzeff M., Ormerod H.A.* Op. cit. P. 260; *Jones A.H.M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 78; *Broughton T.R.S.* Roman Asia... P. 518 f.

50 *Кнабе Г.С.* Человек и группа в античности // *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 215.

51 *Brunt P.* Sulla and the Asian publicans // Latomus. 1956. T. 14. P. 18.

лые потери кампаний публиканов во время резни 88 г., контроль за «капиталами» публиканов со стороны врагов Суллы в Риме и невозможность передать ему деньги или предоставить займы азиатским городам. «Из сбора контрибуции их исключила необходимость, а не политика», – заключает исследователь[52]. Таким образом, при затруднительности окончательного ответа на вопрос о характере *regiones*, установленных Суллой, более аргументированной представляется все-таки точка зрения исследователей, признающих временный и вынужденный характер этой меры.

Наши источники позволяют пролить свет на пропагандистское оформление всей сулланской системы наград и наказаний на Востоке. Прежде всего, обратимся к тому, что сообщает Аппиан. В 57–58 главах «Митридатики» он передает речь, якобы произнесенную Суллой во время встречи с Митридатом. Против понтийского царя выдвигается здесь ряд обвинений, но все они, в сущности, сводятся к главному: Митридат, надеясь на господство над всей землей в случае победы над римлянами, под разными предлогами покушался на чужие земли – он изгнал Ариобарзана из Каппадокии и Никомеда из Вифинии, захватил Фригию, Пафлагонию и область галатов, напал на принадлежащую римлянам Азию; затем он отправил войско в Европу, хотя царям Азии было запрещено там появляться. Вывод из речи прост: «ты начал войну с нами, а мы уже стали решительно защищаться и будем защищаться до конца». К этим обвинениям присоединяются и другие: он возбудил мятеж рабов и должников, дав им свободу и освобождение от долгов, истребил множество эллинов, тетрархов Галатии, которые были его сотрапезниками, италийцев, живших в Азии, он присвоил себе деньги всех. По словам аппиановского Суллы, это доказывает всю жестокость, нечестие и глубину ненависти Митридата к римлянам.

Итак, в этой речи Митридат выглядит врагом не только римлян, но и эллинов в целом, конкретная позиция того или иного полиса не имеет значения. Это Митридат начал войну, он спровоцировал мятеж рабов и должников, он организовал резню римлян. Видимо, такое понимание этой войны пропагандировалось достаточно широко. Во всяком случае, ее характеристики в надписи SIG[3]. 742 очень к нему близки. Эта надпись содержит постановление, принятое в Эфесе уже после того, как город поднял восстание против Митридата, и предполагает установление в нем «гражданского мира»[53]. Характеристика предшествующих событий находится в начальной части декрета. Если оставить в стороне заверения в искренней преданности римлянам и утверждение, что, под принуждением поддержав Митридата (9–10: «устрашенные и многочисленностью войска, и неожиданностью нападения» – [τῷ] τε πλήθει τῶν δυνάμεων καὶ τῷ ἀπροσδοκήτῳ τῆς ἐπιβολῆ), они начали войну против него при первой же возможности, Митридат обвиняется, во-первых, в нарушении договоров с римлянами (4–5:

[52] *Brunt P.* Sulla and the Asian publicans… P. 18.

[53] Этот документ датируется 86 или 85 г. (*Kallet-Marx R.M.* Op. cit. P. 285).

Μιθραδάτης Καππαδοκί[ας βασιλεὺς παραβὰς τὰς π]ρὸς Ῥωμαίους συνθήκας), и, во-вторых, в том, что он попытался стать господином земель, совершенно ему не принадлежавших (5: τῆς μηθὲν ἑαυτῷ προσ[ηκούσης χώρας])[54]. В силу этого война с Митридатом характеризуется в декрете как «общее дело», τὸ κοινὸν πράγμα (12), а римляне – как «общие спасители», κοινοὶ σωτῆρες (1–2). Война характеризуется, далее, как «война против Митридата за римскую гегемонию и общую свободу» (12–14: τὸν πρὸς Μιθραδάτην πόλεμον ὑπέρ τε τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας καὶ τῆς κοινῆς ἐλευθερίας). Замечательно, что для характеристики отношений с Римом здесь избрано слово ἡγεμονία. Как видно из текста надписи, понятия ἡγεμονία и ἐλευθερία не являются для ее авторов взаимоисключающими. Понятие ἐλευθερία означало свободу в самом общем и широком смысле слова; именно в этом смысле оно устойчиво входило в состав антитезы: ἐλευθερία – δουλεία и относилось к политическим, военным, философским дефинициям межполисного общения; это было стабильное понятие, мало менявшееся с течением времени[55]. Следовательно, ἡγεμονία не означает просто владычества. Если обратиться к тому значению, которое это слово имело двумя столетиями ранее, в греческой политической публицистике IV в. до н.э. (в частности, у Исократа), то оказывается, что понятие ἡγεμονία связано «с первенством среди эллинов, но первенством, построенном на принципах уважения лидера союзниками и добровольного вручения ими власти»; в этом смысле оно противопоставляется ἀρχή – несправедливым отношениям внутри союза, угнетению союзников[56]. Римляне, таким образом, выступают в этой надписи, скорее, в качестве руководителей «общего дела» – войны с Митридатом, чем как властители Азии.

Обратимся теперь к документам, которые содержат сенатконсульты относительно отдельных азиатских городов. Самый обширный и лучше всего сохранившийся из них – это сенатконсульт о Стратоникее (81 г. до н.э.)[57]. Этот документ содержит ряд привилегий, которые, по представлению Суллы, получили жители Стратоникеи Карийской. Кроме возобновления старинного союза с Римом, привилегии включали в себя право пользоваться теми законами, которые существовали в полисе до начала войны, утверждение всех постановлений, сделанных в городе в ходе войны и всех пожалований, сделанных городу Суллой (OGIS. 441. 95 f.), предоставление асилии храму Гекаты, поручение следующим наместникам Азии позаботиться о восстановлении утраченной жителями города собственности, освобождение плененных в ходе войны, ряд почетных привилегий для стратоникейских послов в Риме.

За что получил город этот, по выражению Р. Шерка, «впечатляющий список» (*an impessive list*) привилегий? Ответ содержится в пер-

---

[54] Любопытно, что, в свою очередь, Митридат стремился в своей пропаганде обосновать законность своих приобретений. Ср.: *Just.* XXXVIII.7.10.

[55] *Исаева В.И.* Принципы межполисных отношений конца V – середины IV в. до н.э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 113 сл., особенно – 116 сл.

[56] *Она же.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 132.

[57] OGIS. 441 = Sherk. RDGE. No. 18

вых же строках документа: «Известно нам, что вы и ваши предки поступали по всей справедливости по отношению к нашей гегемонии и, при всех обстоятельствах всецело храня верность по отношению к нам, в войне с Митридатом первыми в Азии вступили в борьбу с ним (οὐκ ἀγνοοῦμεν ὑμᾶς] διὰ προ[γ]όνων πάντα τὰ δίκαια [πρὸς τὴν ἡμετέρα]ν ἡγεμ[ον]ίαν πεποιηκότας καὶ ἐν [παντί καιρῷ τὴν πρὸς ἡ]μᾶς πί[σ]τιν εἰλικρινῶς τετηρηκότας [ἔν τε τῷ πρὸς Μιθραδά]την π[ο]λέμῳ πρώτους τῶν ἐν τῇ [Ἀσίαι ἀντιτεταγμένους καὶ διὰ ταῦτα κινδύνους πολλούς [τε καὶ παντοδαποὺς] ὑπὲρ τῶν ἡμετέρων δημοσίων [πραγμάτων προθυμό]τατα ἀ[ν]αδεδεγμείνους) (OGIS. 441.3–9). Далее в анализируемом декрете неоднократно упоминается набор качеств, которые стратоникейцы хранили в отношении римского народа: они «дружбу, верность и благорасположение к римскому народу всегда соблюдали до конца, как в мирное, так и в военное время» (τήν τε φιλίαν καὶ πίστιν καὶ εὔνοιαν πρὸς τὸν δῆμον τὸν Ῥωμαίων διὰ τέλους ἐν καιρῷ εἰρήνης πολέμου τε ἀεὶ συντετηρακέναι)[58]. Эти качества проявились конкретно в том, что стратоникейцы поднялись на борьбу с Митридатом «первыми в Азии» (стк. 6–7; ср. стк. 38), и в ходе этой борьбы «наихрабрейше противостояли силам и мощи царя» [προθυμότατα ἀντετάχθη] τῇ βασιλικῇ β[ί]αι καὶ δυνάμει) (стк. 47–48, ср. стк. 84–86:· τοῖς τε βασιλέω[ς Μιθραδάτου ἡγεμόσιν] [δυν]άμεσίν τε ἐπανδρότατα πε[ρὶ τῶν πόλεων τῆς Ἀσίας καὶ] [τῆς] Ἑλλάδος ἀ[ν]τιτετάχθαι), а также оказали помощь римлянам воинами, провизией и большими тратами общественных средств (стк. 80–81); в целом поведение стратоникейцев в этой войне определяется как «величие духа» (стк. 83: ὑπὲρ τῆς μεγαλοφροσύνη[ς τῆς ἑαυτῶν]). Что касается характера войны со стороны Митридата, то он обвиняется в том, что жесточайше тиранил Азию (стк. 38-39· [Μιθρ]αδάτης ἐν αὐτῇ (sc.· ἐν Ἀσία) [δεινότατα ἐτυράννευεν]), а стратоникейцы сражались «за города Азии и Эллады» (стк. 85–86).

Подобного же рода характеристики поведения полиса и характера войны содержатся в гораздо хуже сохранившемся сенатконсульте о Табах (OGIS. 442 = Sherk. RDGE. No. 17). Совпадение в двух сенатконсультах дословное: и здесь отмечается, что жители полиса «наимужественнейше сражались с силами и полководцами царя за Азию и Элладу» (стк. 1–3, ср. OGIS. 441.84–86), и затем дается обещание, что Сенат и народ римский «помнят и будут помнить об их верности» (стк. 6–7:· αὐτῶν πίστιν δια μνήμης ἔχειν ἔξειν τε). Перечень привилегий, дарованных Табам, сильно поврежден и неполон, но, во всяком случае, он включает в себя, как и в случае со Стратоникеей, какие-то территориальные приращения, данные табийцам «ради их доблести и заслуг» (стк. 8: [τῆς τού]των ἀρετῆς καὶ καταλογῆς ἕν[εκεν]), и позволение укрепить местечко Тиэсса (χωρίον Θυησσόν) (стк. 12–13).

Еще более фрагментированы письмо Суллы и сенатконсульт, адресованные фасосцам (Sherk. RDGE. No. 20). Однако и в нем содержится обещание ныне и впредь помнить заслуги фасосцев (какие именно – неясно, так как текст сильно поврежден) (E, стк. 10–11; формулировка дословно совпадает с формулировкой сенатконсульта о

[58] OGIS. 441. 78–80; ср. тот же перечень в стк. 37 и в стк. 45 (где вместо φιλία фигурирует συμμαχία).

Табах), и, несколькими строками ниже – указание на «доблесть и заслуги» фасосцев в отношении римлян (E, стк. 13) и на то, что они решили скорее положить жизнь за римское дело, чем при каких-либо обстоятельствах нарушить дружбу с римским народом (C, стк. 3–5: τὰ πνεύματα ὑπὲρ τῶν δημοσίων πραγμάτων ἡμετέρων ἐν τῇ χρείᾳ ἀποβάλειν μάλλον ἢ ἔν τινι καιρῷ ἀπὸ τῆς τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαίων φιλίας ἀπεστατηκέναι).

Итак, приведенный эпиграфический материал в общем и целом совпадает в характеристиках и оценках событий. Во всех приведенных документах полисы вознаграждаются за проявленную ими верность в отношении римского народа и те страдания и лишения, которые они при этом претерпели. Конечно, общность стилистических оборотов в приведенных текстах легко объяснима официально-риторическим стилем этих памятников, но при всем при том важно помнить, что «стиль отражает устойчивую систему взглядов, “систему фраз”, которая гораздо шире, чем то или иное произведение, созданное в данном стиле. Семантика стиля… вскрывает все мировоззрение целиком… Целью стилистического анализа должна стать система взглядов, породившая систему фраз»[59]. Если придерживаться достаточно распространенного взгляда, согласно которому сущность римской политики составляло беспощадное господство[60], то риторическое оформление сенатконсультов будет признано, в лучшем случае, лицемерием. Но при этом забывают провести очень важное разделение – между завоеванием и управлением. Известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет писал по этому поводу: «Стабильное и нормальное отношение между людьми, которое называется правлением, никогда не основано на применении силы… Наполеон напал на Испанию, оккупировал ее на некоторое время, но он не правил в Испании ни одного дня. Так случилось именно потому, что за ним стояла сила – сила, но не более того. Не следует смешивать понятия “агрессия”, “нападение” и “правление”. Правление – это нормальное осуществление власти. Прочной будет лишь та власть, которая опирается на поддержку общественного мнения. <…> Любая смена власти, любая смена правящих сил есть не что иное, как смена мнений»[61]. Именно такая «смена мнений» происходит на Востоке в период Первой Митридатовой войны. Римляне не просто подчиняют своей власти отпавшие города Азии – они ещё и демонстрируют, что союз с ними гораздо выгоднее, чем война. На фоне общего разорения территорий, где шли боевые действия, привилегии, полученные верными союзниками Рима, выглядели весьма весомо. Как писал Р. Шерк по поводу сенатконсульта о

[59] *Ковельман А.Б.* Риторика в тени пирамид. М., 1988. С. 9.

[60] Очень ярко этот взгляд выразил итальянский исследователь П. Тревес: «…Римляне свято верили, что победителям Ганнибала, преемникам Александра Великого, палачам Карфагена, Коринфа и Нуманции некого и нечего страшиться. Так зачем же тогда им было… признавать существование народов, пользующихся равным с ними правом на жизнь?» (*Тревес П.* Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970. С. 24).

[61] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 154–155, 157.

стратоникейцах, «эти и подобные пожалования в Азии должны были значить много для того, чтобы побудить восточные города к осознанию железной власти Рима над их будущим, и его готовности вознаградить их лояльность. Поэтому, когда Митридат вернулся, их отношение к его попытке было, в целом, враждебным»[62]. В ходе боевых действий первой Митридатовой войны азиаты были поставлены не перед выбором между свободой и порабощением; альтернатива была другая – господство Митридата или гегемония римлян. Первоначальный выбор в пользу Митридата показал, что «освобождение эллинов», провозглашенное им – не более чем пропагандистский лозунг. Основу для распространения в пропаганде этого лозунга составило существовавшее уже в течении долгого времени «противоречие между реальной потерей полисной свободы и иллюзией ее обладания в сознании греков»[63]. История его прослеживается со времен диадохов и завершается обычно концом III – началом II вв. до н. э. Э. Грюн продляет время применения этого лозунга в эллинистическом мире до конца II в. до н.э.[64] По-видимому, мы можем прибавить к этому ещё несколько десятилетий и констатировать, что с последней попыткой применить этот лозунг, направив его острие против римлян, мы встречаемся в ходе Первой Митридатовой войны. И снова – как и в предшествующих случаях использования этого лозунга[65] – его применение оказалось неудачным. Практика восточного деспота разошлась с его пропагандой.

Пропаганда римлян в этом смысле оказалась более удачной. Если ранее они сами широко использовали лозунг «освобождения», то теперь об этом нет и речи. Вставшие на их сторону города четко осознают, что воюют в первую очередь ὑπὲρ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας. Но «общая свобода» стоит в их сознании рядом с римской гегемонией. Разумеется, представления о свободе к этому времени изменились. Ἐλευθερία «теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета, но она... означала самоуправление, свою государственность, свои νόμοι, свободу распоряжения земельной территорией»[66]. Однако не римляне и их государство были виновниками этих изменений, они совершились ещё в рамках эллинистических монархий, и римляне восприняли уже сложившуюся систему отношений. Конечно, по праву победителей римляне не считали для себя не-

---

[62] Sherk. RDGE. P. 111. Ср.: *Magie D.* Op. cit. P. 231; *McGing B.G.* Op. cit. P. 143.

[63] *Кащеев В.И.* Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н.э.) // АМА. 1990. Вып. 7. С. 42.

[64] *Gruen E.S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley etc., 1984. Vol. 1. P. 156.

[65] См. о них: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 284 сл.

[66] *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 51 сл. См. также: *Голубцова Е.С.* Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 66 сл.

возможным распоряжаться перешедшими под их контроль территориями. Но, во-первых, конфискациям подвергались лишь земли тех полисов, которые встали на сторону Митридата, и их территории передавались верным союзникам Рима. Во-вторых, речь шла лишь о праве владения той или иной территорией, «в том числе и той, которая составляла хору полисов. Во внутреннюю структуру этой хоры (как и города) римляне не вмешивались: они передавали... деревни, укрепления и т.п., а что собой представляли эти деревни, как будут ими пользоваться получившие привилегии города – римлян не касалось. Полисное самоуправление существовало как бы само по себе и могло быть действенным только до тех пор, пока оно не сталкивалось с римскими интересами»[67]. В отличие от римлян, Митридат пытался утвердить свое господство, активно вмешиваясь в сложившиеся в полисах отношения собственности, покушаясь на их полисную свободу – пусть существующую лишь в сознании и на деле являющуюся фикцией, но всё ещё дорогую сердцу эллинов. Римляне, наоборот, не вмешивались в существующие отношения, предоставляя полисам, признавшим их гегемонию, жить своей традиционной жизнью, награждая за верность «дружбе и союзу», наказывая отступников. Именно эти основы римской политики были призваны объяснить сенатконсульты и письма Суллы; а так как все эти документы, вырезанные на камне, выставлялись в общественных местах, можно сказать, что они были весьма эффективным средством римской политической пропаганды. Как показали дальнейшие события, такое сочетание слова (средств пропаганды) и дела (не только наказание покушавшихся на римское господство, но и награды верным союзникам) оказалось оптимальным: эксцессы времени Первой Митридатовой войны были, пожалуй, последней попыткой изменить политическую ориентацию. В ходе этой войны полисы Азии сделали свой выбор, и затем, на протяжении веков, здесь не происходит ни одного массового антиримского движения.

[67] *Свенцицкая И.С.* Марк Антоний и малоазиатские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 123.

А.В. Короленков

ВРЕМЯ В СОЧИНЕНИЯХ САЛЛЮСТИЯ

Саллюстий – один из самых загадочных римских писателей. Сохранилось от его сочинений немногим более ста страниц, а споры вокруг его творчества всё не утихают, чему способствует и глубина его мысли, и склонность к недомолвкам, поскольку недосказанное каждый волен трактовать по-своему. Но таково состояние дел лишь в тех случаях, когда писатель хоть как-то высказывался по тому или иному поводу. Что же касается времени, то о нём Саллюстий прямо говорил не так уж много, и о том, какие представления он связывает с этим понятием, нам остаётся судить лишь по косвенным признакам. Тема эта интересна тем более, что писатель жил на сломе эпох, когда время Республики уходило, а время Империи ещё не настало.

Время и развитие. В литературе уже давно стала общим местом идея о том, что «"нравы предков" были для римлян наставлением, идеалом и нормой, а движение времени вперёд – соответственно нарушением идеала и нормы и, следовательно, утратой, разложением и порчей». Но в то же время, как замечает Г.С. Кнабе, у римских авторов, и у Саллюстия в том числе, наряду с идеализацией прошлого мы найдём «насмешки над привязанностью к грубой старине и апологию деятельности и развития»[1]. Вглядимся в текст его сочинений под этим углом зрения.

Не приходится спорить с тем, что о прошлом Саллюстий вспоминает очень тепло. Вот что он пишет в «Заговоре Катилины»: «Вначале юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу в лагерях, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пирушкам. Поэтому для таких мужей не существовало ни непривычного труда, ни недоступной и непроходимой местности, ни внушающего страх вооружённого врага; их доблесть (*virtus*) превозмогала всё. Но между собой они усердно соперничали из-за славы (*gloriae maxumum certamen inter ipsos erat*); каждый спешил поразить врага, взойти на городскую стену, совершить такой подвиг на глазах у других; это считали они богатством, добрым именем и великой знатностью (*eas divitias, eam bonam famam magnamque nobilitatem putabant*). До похвал они были жадны, деньги давали щедро, славы желали великой, богатств – честных» (7.4–7)[2]. «И во времена мира, и во времена войны добрые нравы (*boni mores*) почитались, согласие было величайшим (*concordia maxima*), алчность – наименьшей (*minuma avaritia*). Право и справедливость (*ius bonumque*) зиждились на велении природы в такой же мере, в какой и на законах. Ссоры, раздоры, неприязнь (*iurgia,*

---

[1] *Кнабе Г.С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 143, 141.

[2] Здесь и далее – перевод В.О. Горенштейна, в некоторых случаях с изменениями.

discordias, simultates) – это было у врагов[3]; граждане соперничали между собой в доблести (*de virtute certabant*). […] Управляя государством, они проявляли храбрость (*audacia*) на войне и справедливость (*aequitas*) после заключения мира» и т.д. (гл. 9). Во введении к «Югуртинской войне» Саллюстий также пишет о благородном стремлении предков к славе (4.5–6). «До разрушения Карфагена римский народ и сенат делили между собой государственные дела мирно, проявляя сдержанность, и граждане не оспаривали друг у друга ни славы, ни господства (*neque gloriae neque dominationis certamen inter civis erat*)[4]: страх перед врагами заставлял государство быть верным своим добрым правилам (*bonis artibus*). Но когда люди избавились от этого страха, разумеется, появилось то, чему благоприятствуют счастливые обстоятельства, – распущенность и надменность (*lascivia atque superbia*)» (Iug. 41.2–3). В речи Цезаря отмечается, что предки (*maiores*) не совершали нечестивых поступков (*nefaria facinora*) даже тогда, когда их позволяли себе вероломные карфагеняне, не говоря уже о родосцах (Cat. 51.5–6). Впоследствии же, после падения Карфагена, когда римлянам стало некого бояться, нравы их начали портиться: «Алчность (*avaritia*) уничтожила верность слову (*fides*), порядочность (*probitas*) и другие добрые качества; вместо них она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всём и пренебрегать богами. Честолюбие (*ambitio*) побудило многих быть лживыми, держать одно затаённым в сердце, другое – на языке готовым к услугам, оценивать дружбу и вражду не по их сути, а по их выгоде и быть порядочными (*bonum habere*) не столько в мыслях, сколько притворно» (10.3–5).

И ещё два довольно необычных упоминания о добродетельных предках, коих недостойны их потомки: «Предки ваши (*maiores vostri*), – обращается плебейский трибун Меммий к народу, – ради обретения прав и утверждения своего величия путём сецессии с оружием в руках дважды занимали Авентин. А вы? Неужели вы, чтобы защитить полученную от них свободу, не приложите всех усилий – и тем решительнее, что утратить достигнутое – позор больший, чем вообще

---

[3] Это не мешает Саллюстию в других сочинениях вспомнить о борьбе патрициев и плебеев (Iug. 31.6 и 17; Hist. I. 11; III.48.15).

[4] Казалось бы, этот пассаж прямо противоречит словам об «усердном состязании из-за славы» (*gloriae maxumum certamen*) в Cat. 7.6 (В. Шур, цитируя рядом оба этих фрагмента, не обращает внимания на противоречие: *Schur W.* Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 85–86). Очевидно, имеется в виду борьба за славу из чисто эгоистических соображений в ходе внутриполитических распрей (*Koestermann E.* Kommentar // Sallustius Crispus. Bellum Iugurthinum. Heidelberg, 1971. S. 168, который даёт в качестве сравнения *tanta cupido gloriae incesserat* из Cat. 7.3). Её примером у Саллюстия может быть рискованный поход Мария на Капсу лишь из желания затмить успех Метелла, овладевшего неприступной Талой (Iug. 89.6; см. об этом эпизоде ниже). На внутриполитический контекст указывает и упоминание борьбы за *dominatio*, которое могло означать и *regnum*, и *tyrannis*, и власть какой-либо *factio* (см.: *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des patis politiques sous la Republique. P., 1963. P. 562–563 – в т.ч. со ссылкой на *Sall.* Iug. 41.2).

ничего не достигнуть?» (Iug. 31.17). «Предки ваши, – вторит Меммию другой трибун, Макр, – добыли для вас плебейский трибунат, а недавно и патрицианскую магистратуру… Вся сила в вас, квириты… Но вас охватило какое-то оцепенение (*torpedo*), вывести из которого вас не может ни слава, ни позор, и вы отдали всё за свою нынешнюю праздность (*ignavia*)» (Hist. III.48.15 и 26). Если выше шла речь о доблести *maiores* в битвах с врагами, то здесь вспоминается их твёрдость в защите своих прав. Но ход мысли тот же – потомки недостойны своих пращуров.

Перед нами, казалось бы, стандартное описание движения времени как регресса. Но налицо и высказывания иного рода. Вот что Саллюстий пишет о предках римлян – спутниках Энея и примкнувших к ним аборигенов: «Дикие племена, не знавшие ни законов, ни государственной власти, свободные и никем не управляемые (*genus hominum agreste, sine legibus, sine imperio, liberum atque solutum*)». Но «в короткое время разнородная и притом бродячая толпа благодаря согласию стала государством (*civitas*)» (Cat. 6.1–2), т.е. гражданской общиной, полисом, который представлял в глазах греков и римлян наилучший вид общественного устройства, тогда как в начале властью обладали лишь цари, *reges* (2.1) – слово, крайне неприятное для слуха образцового римлянина. Наконец, улучшились нравы (6.3: *res eorum... moribus... aucta*). Однако это взгляд на общественное развитие. А вот как видит Саллюстий положение дел, так сказать, с интеллектуальной точки зрения: в незапамятные времена люди ещё не знали, что важнее на войне, телесная мощь (*vis corporis*) или сила духа (*virtus animi*) (1.5). И лишь позднее, когда совершили великие завоевания Кир, афиняне и лакедемоняне, стало ясно, что не физические, а умственные и душевные качества (*ingenium*) важнее (2.2). Правда, в мирное время властители утрачивали прежнюю доблесть духа, что вело к тяжёлым последствиям для их власти (2.3); но здесь важно отметить, что само по себе развитие не выглядит для Саллюстия чем-то обязательно ведущим к порче.

Таким образом, если положение в важнейших сферах человеческого бытия улучшилось, то имелось ли у Саллюстия представление о «золотом веке», царившем в далёком прошлом и не нуждавшемся в прогрессе? Таковое у него усматривают, причём исследователи его творчества находят у писателя даже не один, а два «золотых века». О первом мы читаем в начале второй главы «Заговора Катилины»: «Тогда люди ещё жили, не зная честолюбия, каждый был доволен тем, что имел (*etiam tum vita hominum sine cupiditate agitabatur; sua cuique satis placebant*)» (2.1). Г. Дрекслер подчёркивает, что жизнь, лишённая чрезмерных желаний, *vita sine cupiditate* – признак *aurea aetas* – «золотого века»[5]. Г.С. Кнабе указывает, что Саллюстий, подобно Ювеналу (XIII.57–58), но в отличие от Сенеки (Epist. 90.3), признаёт наличие собственности уже в ту пору – для римских писателей, по его мнению, вопрос о собственности не имеет принципиального значения, когда

[5] *Drexler H.* Sallustiana // SO. 1970. Vol. 45. S. 54.

речь идёт о «золотом веке», важнее, что в это время не было связанных с нею вражды и насилия[6]. Однако К. Хельдман вносит серьёзное уточнение: обычно «райское» состояние человечества относят к мифическим временам, тогда как Саллюстий имеет в виду явно времена исторические, коль скоро речь идёт о царях. Кроме того, «мотив *sine cupiditate* выполняет у него совершенно иную функцию, чем в мифе. Там это объясняет феномен "вечного" мира между людьми, здесь вычленяет эпоху, когда *res militaris* хотя и было уже известно, его сущности ещё не понимали, поскольку пока не велись завоевательные войны и не был получен вытекавший из них опыт». Впоследствии то же самое напишет Помпей Трог, который укажет, что вначале власть над племенами и народами находилась в руках царей, но при этом царила умеренность (*moderatio*), не было нужды в законах (Iust. I.1.1). «Очевидно, что здесь также речь не о мифической "золотой" древности (*Vorzeit*), а об идеализированных, но уже раннеисторических временах»[7].

Но у Саллюстия помимо *aurea aetas* человечества, по мнению некоторых учёных, есть ещё и «золотой век» Рима, о котором уже говорилось[8]. Такой подход вызвал возражения Ю.Г. Чернышова: «Выражение "золотой век" ни разу не встречалось ни у Саллюстия, ни у Цицерона: в это время, как можно предполагать, его даже не существовало. Однако главное возражение вызывает не употребление термина, а само безоговорочное отождествление совершенно разных явлений – общественно-политической теории и мифологических преданий. В Риме, как уже отмечалось выше, существовало два разных варианта идеализации прошлого, различавшихся не только по форме, но и по содержанию: если древний миф о "Сатурновом царстве" идеализировал доисторическое первобытное состояние, то возникающая гораздо позднее теория "упадка нравов" делала образцом оставшуюся в недалеком прошлом гармонию полисных отношений. "Сатурново царство" и "идеальный Рим" в то время ассоциировались в сознании римлян с разными общественными состояниями и потому никогда прямо не отождествлялись»[9]. Спорить с этим не приходится, но для нас важно сейчас другое: расцвет Римской республики наступил не сразу, это уже *второй* этап в её истории, которому предшествовали слияние спутников Энея с несколькими местными племенами и жизнь под властью царей[10], а стало быть, налицо признание Саллюстием позитивных возможностей развития. То же подтверждает и пассаж из речи Цезаря, где говорится о предках современных ему римлян: «Гор-

---

[6] *Кнабе Г.С.* Указ. соч. С. 136 и прим. 20.

[7] *Heldmann K.* Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell in *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993. S. 30–32.

[8] См., напр.: *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977. С. 170, 172.

[9] *Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Новосибирск, 1994. Ч. I. С. 108.

[10] *Утченко С.Л.* Указ. соч. С. 170.

дость не мешала им перенимать чужие установления (*aliena instituta*), если они были полезны (*proba*). […] Что им казалось подходящим (*idoneum*), они усерднейшим образом применяли у себя; хорошему они предпочитали подражать, а не завидовать (*imitari quam invidere bonis malebant*)» (Cat. 51.37–38). Для сравнения вспомним сентенцию юриста Гая Кассия Лонгина, которую передаёт Тацит: «Меры, принимавшиеся в старину в любой области, были лучше и мудрее, а те, что впоследствии менялись, менялись к худшему» (Ann. XIV.43.1. Пер. Г.С. Кнабе). Правда, в первом случае речь идёт о заимствовании, а в другом об изменении того, что уже есть, однако вряд ли нужно доказывать, что заимствование того, чем предки не пользовались, само по себе уже изменение. Но вернёмся к тексту Саллюстия и обратим внимание на дальнейшие слова Цезаря: «И в то же самое время, подражая греческому обычаю, [предки наши] подвергали граждан порке, а к осуждённым применяли высшую кару» (Cat. 51.39). Греки тут, разумеется, ни при чём[11], но важно то, что при всех своих выдающихся качествах и *maiores*, по мнению Саллюстия, поступали не всегда правильно.

Заслуживает внимание одно место в «Югуртинской войне» (95.3), где говорится о том, что о фамилии, к которой принадлежал Сулла, почти забыли из-за бездеятельности его предков (*prope iam extincta maiorum ignavia*). Сам же он весьма активен, обладает незаурядными способности и становится главным героем заключительной части сочинения, где проявляет себя с положительной стороны. Казалось бы, перед нами ещё один пример того, что развитие не обязательно означает регресс. Но так лишь кажется, ибо впоследствии Сулла использует свои способности во зло государству, и писателю стыдно и тягостно говорить о его последующих деяниях (95.4: *postea quae fecerit, incertum habeo pudeat an pigeat magis disserere*).

Как видим, мнение о двойственности взглядов Саллюстия на развитие налицо, хотя «насмешек над привязанностью к грубой старине», о которой говорит Г.С. Кнабе (см. выше), всё же нет. Однако речь шла об обществе, каковы же представления писателя о развитии личности? «Единственная эволюция, которую он допускает, – деградация прежде добродетельных людей по причине их честолюбия и алчности», – считает Ш. Шмаль[12]. Д.С. Ливин выстраивает применительно к «Югуртинской войне» такую схему: каждый из четырёх главных героев её (Югурта, Метелл, Марий, Сулла) хуже предыдущего, и с каждым из них в разной степени происходят перемены к худшему – правда, с Суллой уже за рамками произведения[13]. Это отличает Саллюстия от других римских историков. Вспомним Тацита, который при всём сво-

---

[11] Причиной этого заблуждения послужило, видимо, то, что законы XII таблиц, согласно римской традиции, принимались по образцу греческих (см.: *McGushin P.*C. Sallustius Crispus, Bellum Catilinae. A Commentary. Leiden, 1977. P. 254–255 с указанием литературы).

[12] *Schmal S.* Sallust. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2001. S. 73.

[13] *Levene D.S.* Sallust's Jugurtha: An 'Historical Fragment' // JRS. 1992. Vol. 82. P. 59–65.

ём скептическом отношении к человеческой природе признаёт: «Из всех римских государей [Веспасиан] был единственным, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему» (Hist. I.50.4. Пер. Г.С. Кнабе под ред. М.Е. Грабарь-Пассек). Светоний пишет о Тите: незадолго до прихода к власти «все видели в нём второго Нерона и говорили об этом во всеуслышанье. Однако такая слава послужила ему только на пользу: она обернулась высочайшей хвалой, после того как он стал императором, и ни единого порока в нём не нашлось» (Tit. 7.1. Пер. М.Л. Гаспарова). Но и у Саллюстия не всё так однозначно, как может показаться. Марий, поначалу сугубо положительный герой, поддаётся соблазну, когда оракул обещает милость Фортуны, и втягивается в доходящую до склоки борьбу с Метеллом, полагаясь на везение, едва не терпит неудачу под Мулуккой, однако затем, отказавшись от надежд на судьбу, становится образцовым полководцем и доводит войну с Югуртой до конца, а впереди не только великая победа над германцами, но и кровавая междоусобица и расправа над согражданами. Как видим, путь Мария извилист, и падение сменяется новым подъёмом[14]. Впрочем, в конце его всё равно ждёт моральная деградация. Однако есть один особый персонаж у Саллюстия, который выбирает правильный путь и отказывается от дурных увлечений молодости – это он сам. «Меня самого, подобно многим, ещё совсем юнцом охватило стремление к государственной деятельности, и у меня здесь было много огорчений. Ибо вместо совестливости, воздержности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность. Хотя в душе я и презирал всё это, не склонный к дурному поведению, однако в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость, испорченная честолюбием (*ambitione corrupta*), была им не чужда». Но вот, пишет Саллюстий, «мой дух успокоился (*requievit*) после многих несчастий и испытаний, и я решил прожить остаток жизни вдали от государственных дел», предаваясь историописанию[15], особенно полезному для республики в нынешних условиях (Cat. 3–4; см. также: Iug. 4.3–8). Однако это не служит писателю поводом для хвастовства – напротив, он оправдывается не то пред читателем, не то перед самим собой за такой выбор[16], ибо для истинного римлянина политическая активность – норма. И то, что отказ от являвшегося прежде нормой стал

---

[14] *Короленков А.В.* Образ Мария у Саллюстия // ВДИ. 2008. № 4. С. 107.

[15] При этом Саллюстий заявляет что не хочет проводить свой «добрый досуг» (*bonum otium*), «занимаясь земледелием и охотой – обязанностями рабов (*servilibus officiis*)» (Cat. 4.1), в чём усматривают ядовитый намёк на Катона Старшего. Скорее, однако, он критикует не его, а некоторых своих современников, слишком любивших ссылаться на Марка Порция, и оценка земледелия и охоты, видимо, относится к эпохе самого Саллюстия, когда обстоятельства радикально изменились по сравнению с днями Катона (см.: *Короленков А.В.* Заметки об экономическом факторе в сочинениях Саллюстия // АМА. 2010. Вып. 14. С. 155–156).

[16] *Короленков А.В.* Саллюстий: от политики к истории // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 6. С. 246.

единственным выходом, символизировало глубину кризиса, поразившего римское общество.

Историческая память. Для чего существует человек? В чём смысл его жизни? С ответа на этот вопрос Саллюстий, в сущности, и начинает «Заговор Катилины»: поскольку жизнь «коротка, нам нужно оставлять по себе как можно более долгую память (*memoriam nostri quam maxime longam efficere*)» (1.3). «По-настоящему живущим и наслаждающимся жизнью я считаю только того, кто, ревностно отдаваясь какому-либо делу, ищет доброй молвы о своих достославных деяниях или прекрасных качествах (*praeclari facinoris aut artis bonae famam quaerit*)» (2.9). Однако память о деяниях человека зависит от того, насколько хорошо о ней рассказали даровитые писатели (8.4). Конечно, неодинаковая слава (*gloria*) достаётся тому, кто описывает деяния (*scriptor*), и тому, кто их совершает (*actor*) (3.2), но последнее означает заниматься политикой, которая перестала быть честной, и потому остаётся удовольствоваться лаврами писателя, тем более что в условиях крушения традиционных добродетелей это может принести пользу даже бóльшую, чем политическая деятельность (Iug. 4.3–8).

Любопытно, что сначала Саллюстий пишет о памяти, которую оставляет после себя человек (*memoria*), о его репутации (f*ama*) и лишь потом – о славе (*gloria*). Причём в первых двух случаях речь идёт о людях вообще и лишь в третьем происходит конкретизация – *scriptor et actor*, описывающий деяния и их совершающий. Понятно, что под первым он подразумевает себя, а стало быть, *gloria*, пусть и не такую большую, как у государственного мужа, он «примеривает» на себя. Слава оказывается целью его жизни[17] – идея не новая в молодой римской литературе, об этом писали уже Плавт и Катон, Энний говорил о ней как о награде за великие деяния[18], но Саллюстий не просто вознамерился добиваться её литературными трудами, но и объявить их государственным делом – подобно тому, как Цицерон поставил оратора рядом с полководцем: «Прекрасно достойно служить государству делом, не менее важно служить ему словом (*pulchrum est bene facere rei publicae, etiam bene dicere haut absurdum est*)» (Cat. 3.1)[19].

В чём же, по мнению Саллюстия, столь значительная польза историописания, что её можно сопоставлять с политической деятельностью? Во введении к «Югуртинской войне» он пишет: «Я не раз слыхал, что Квинт Максим, Публий Сципион и другие прославленные мужи нашего государства говаривали, как они, глядя на изображения своих предков (*maiorum imagines*), загораются сильнейшим стремлением к доблести (*ad virtutem adcendi*). Разумеется, не этот воск и не этот облик оказывает на них столь большое воздействие; нет, от вос-

---

[17] По мнению К. Вретска, речь о идёт о славе как признании со стороны государства (*Vretska K.* Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955. S. 12). См., однако: *Sall.* Cat. 7.6.

[18] См.: *McGushin P.* Op. cit. P. 33.

[19] Ср. с пассажем Цицерона в § 30 речи «За Мурену» (*Vretska K.* Op. cit. S. 12–13).

поминаний о подвигах (*memoria rerum gestarum*) усиливается это пламя в груди выдающихся мужей и успокаивается не ранее, чем их доблесть сравняется с добрым именем и славой их предков (*neque prius…, quam virtus eorum famam atque gloriam adaequaverit*)» (4.5–6). Итак, «отношения между историей и памятью диалектичны: тот способ, с помощью которого моделируется историческая память на основе истории, сам выступает в качестве исторической памяти»[20]. У Саллюстия такого термина, конечно, нет, он употребляет расплывчатое выражение *memoria rerum gestarum*, которое может означать и историографию, и память о деяниях прошлого вообще. Её сохранению служат не только изображения предков (см. Pol. VI.64.2), но и эпитафии (*tituli*), надгробные речи (*laudatio*). Однако со временем состязание в доблести сменяется «состязанием» в богатстве и расточительности, в том числе и среди *homines novi*, прежде превосходивших знать доблестью (Iug. 4.7). Прежние средства сохранения *memoria rerum gestarum* больше не «работают», и забота о пользе истории, *commodum historiae*, ложится теперь на историографию. Правда, пренебрежение памятью о деяниях предков, явленными ими примерами (*exempla*) сказывается на отношении и к ней – повествование о прошлом могут счесть «плодом праздности (*nomen inertiae*)» (4.3). Обвинение особенно серьёзное, если учесть, что сам автор уже весьма нелестно отозвался о предающихся праздности[21], но это Саллюстия не пугает, ибо он берётся за важное для общества дело.

«Слом прежнего механизма памяти предопределяет содержание историографии: её особая задача состоит в том, чтобы показать, как пренебрежение старыми *exempla* ведёт к кризису в истории. Историческое повествование о кризисе Республики представляет собой анализ её отношения к прошлому», – пишет Й. Гретлайн[22]. Это хорошо видно на примере Югурты и Мария. Первый, чья характеристика в Iug. 6.1 «целиком положительна»[23], соответствует ей до тех пор, пока берёт за образец Сципиона Эмилиана, следующего примеру предков и уже являющегося одним из *exempla*. Это становится ещё более наглядным, когда Сципион советует нумидийцу продолжать следовать его правилам (*permanere vellet in suis artibus*) и напрямую предостерегает от порочных поступков, от попыток добиться своего в Риме подкупом (8.2). Однако Югурта прислушивается к советам тех римлян, которые ставили богатство выше блага и чести (8.1: *divitiae bono honestoque potiores erant*), т.е. не следовали заветам *maiores*. Эти советы людей, пренебрегших *exempla* предков, приводят царя к гибели[24].

---

[20] *Grethlein J.* Nam quid ea memoriam: the Dialectical Relation of res gestae and memoria rerum gestarum in Sallust's Bellum Jugurthinum // CQ. 2006. Vol. 56.1. P. 136.

[21] Iug. 1.4 (*inertia*), 2.4 (*ignavia*) (*Koestermann E.* Op. cit. S. 37).

[22] *Grethlein J.* Op. cit. P. 136–140.

[23] *Levene D.S.* Op. cit. P. 59.

[24] У Й. Гретлайна, которому я в целом здесь следую, налицо некоторое преувеличение: по его словам, неспособность Югурты держаться примера Сципиона приводит к нарушению баланса *memoria* и истории, воплощая собой

Пример Мария, который в своей знаменитой речи пародирует элогии нобилей[25] и обличает последних, как и сам Саллюстий во введении к «Югуртинской войне», за отказ от морального наследия предков и провозглашает себя истинным преемником *maiores* (85. 14–17; 36–38), подтверждает тезис автора о том, что и «новые люди» позднее перестают идти по пути *virtus* (4.7) – ведь впоследствии, в конце жизни, Мария губит непомерное честолюбие (63.6: *postea ambitione praeceps datus est*)[26]. Любопытно, что от собственного имени Саллюстий нигде не говорит о *virtus* Мария[27].

Пренебрежение примером *maiores* можно усмотреть и в том, что даже положительные герои Саллюстия не руководствуются в своих поступках стремлением сравняться доблестью с предками[28]; упоминается лишь один *exemplum*, да и тот связан не с римлянами, а с их будущими врагами, карфагенянами, когда братья Филены ценой собственной жизни расширили границы отечества (Iug. 79). В то же время сказать, что римляне у Саллюстия вообще не руководствуются примером чьих-то деяний, было бы тоже неверно, однако соответствующие случаи имеют мало общего с подражанием доблестным предкам и скорее являются пародией на него. Речь идёт, прежде всего, конечно, о Катилине и его сообщниках. «После единовластия (*dominatio*) Луция Суллы его охватило неистовое желание захватить власть в государстве (*lubido maxuma... rei publicae capiundae*)» (Cat. 5.6). «Многие вспоминали победу Суллы (*memores Sullanae victoriae*), видя, как одни рядовые солдаты стали сенаторами, другие – столь богатыми, что вели царский образ жизни; каждый надеялся, что он, взявшись за оружие, извлечёт из победы такую же выгоду (*ex victoria talia sperabat*)» (37.6). Иными словами, за образец берут не добродетельного предка, а человека, ставшего тираном своего отечества, и это также свидетельствует о том, что прежняя система воспитания граждан на примерах *maiores* превратилась в свою противоположность[29].

(*embodies*) упадок римской политики из-за пренебрежения *exempla* прошлого (*Grethlein J.* Op. cit. P. 144–145). Думается, важнее отказ от следования примеру *maiores* самих римлян, без чего перемена в поведении нумидийца не имела бы таких последствий, да и вообще могла бы не произойти. Т.е. важнее не столько сама эта перемена, сколько успех Югурты, пусть и временный. Но и он оказывается не столько воплощением, сколько свидетельством упадка римской политики.

[25] *Carney T.F.* Once again Marius' Speech after Election in 108 B.C. // SO. 1959. Vol. 35. P. 65–67.

[26] *Grethlein J.* Op. cit. P. 140–142.

[27] *Vretska K.* Op. cit. S. 104; *Syme R.* Sallust. Berkeley, Los Angeles., 1964. P. 163.

[28] Как, например, у Аммиана Марцеллина: XVI.12.41; XXIV.2.16; 4.27; 6.7 (*Немировский А.И.* Рождение Клио: у истоков политической мысли. Воронеж, 1986. С. 269).

[29] В этом контексте весьма остроумно звучит замечание Г. Перля, что заговор Катилины стал *exemplum* для последующего развития Рима, ибо то, чего неудачно добивался Катилина, сделали Цезарь и Октавиан (*Perl G.* Sallust und die Krise der römischen Republik // Philologus. 1969. Bd. 113. S. 202).

Интересную в данном контексте ремарку мы находим в «Югуртинской войне» (89.6), где Марий совершает поход на находящуюся далеко в пустыне неприступную Капсу не только из военных соображений, но и из страстного желания (*maxuma cupido*) затмить успех Метелла, овладевшего в аналогичных условиях Талой и снискавшего этим великую славу (*magna gloria ceperat*)[30]. Конечно, Метелл вполне может служить примером для подражания, и действия Мария казалось бы, пример *certamen gloriae* прежних времён, но в том-то и дело, что поступок последнего, по мысли Саллюстия, порождён не столько благородными помыслами в духе *maiores*, сколько недобрым соперничеством с Метеллом.

Обращает на себя внимание ещё одно обстоятельство. Говоря о том, как важно служить государству словом, о том, что слава выдающихся людей зависит от того, как её воспели писатели (Cat. 8.4), сам Саллюстий ничего подобного делать не намерен – заговор Катилины интересует его по причине опасности и беспримерности преступления (4.4: *sceleris atque periculi novitate*), а Югуртинская война – в силу своей длительности, трудности, переменного характера (*quia magnum et atrox variaque victoria fuit*), а также того, что впервые был дан отпор надменности знати (*primum superbiae nobilitatis obviam itum est*) (Iug. 5.1). О Сулле Саллюстий собирается написать подробнее потому, что Сизенна был недостаточно беспристрастен в своём труде по отношению к диктатору (95.2: *parum mihi libero ore locutus videtur*) – вероятнее всего, в положительную сторону[31], т.е. сам Саллюстий собирается «сыграть на понижение» (см. 95.4)[32]. О *virtus* Суллы он не пишет ни от своего, ни от чужого имени[33]. С другой стороны, он намерен высказаться в защиту Сертория (Hist. I.88), которому другие писатели не воздали должного из-за его незнатности (*per ignobilitatem*), а также из-за неприязни к нему этих самых писателей (*per invidiam scriptorum*). Оправдывая расправу Мария со сдавшимися ему жителями Капсы, Саллюстий явно ведёт полемику с авторами антимарианской направленности (Iug. 91.7)[34]. Но это исключения, подтверждающие правило: ведь чрезмерная неприязнь многих писателей к Марию и Серторию

---

[30] Т. Моммзен, упустив из виду указание Саллюстия на военные соображения наряду с желанием Мария затмить славу Метелла, называет поход на Капсу «бесцельным риском» (*Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. 2. С. 114), что, конечно, несправедливо (*Koestermann E.* Op. cit. S. 322), учитывая серьёзные последствия падения города (см. *Sall.* Iug. 97.1).

[31] *Syme R.* Op. cit. P. 177; *Koestermann E.* Op. cit. S. 340.

[32] Правда, *virtutes* Суллы как будто бы вытесняют у Саллюстия его пороки (*Koestermann E.* Op. cit. S. 340), однако это обманчивое впечатление – у него отсутствует собственно *virtus*, к тому же он притворщик, хитрец, плохой семьянин, а о последующей его деятельности, пишет Саллюстий, ему и говорить стыдно (Iug. 95.3) – характеристика весьма нелестная (см. *Короленков А.В.* Образ Мария у Саллюстия… С. 106–107).

[33] *Короленков А.В.* Образ Суллы в сочинениях Саллюстия // ВДИ. 2004. № 3. С. 184–185.

[34] *Schur W.* Op. cit. S. 135; *Vretska K.* Op. cit. S. 123; *Koestermann E.* Op. cit. S. 327.

тоже результат «партийного» подхода, о котором не было и речи в старые добрые времена. Требует оговорки и одна из причин выбора в качестве темы труда Югуртинской войны – ведь данный нобилитету отпор и проявившаяся в нём воля к отвоеванию свободы, как предполагает Э. Тиффу, в глазах Саллюстия связаны с возрождением *virtus*[35]. Однако такая трактовка небесспорна, ибо для Саллюстия главная ценность – согласие в обществе (Iug. 41.2), а борьба народа за свои права обернулась не вполне объективным следствием по делу обвинённых в получении взяток от Югурты (40.5), склокой, в которую вылилась борьба Мария за консулат, и несправедливым отстранением Метелла от командования.

Хронологические рамки повествования. Как известно, Саллюстий отошёл от анналистического метода подачи материала, предпочтя излагать историю римского народа «по частям» (Cat. 4.2: *carptim*). Казалось бы, всё достаточно просто: в «Заговоре Катилины», если не считать исторического экскурса в начале сочинения, события охватывают 65–62 гг. (здесь и далее – до н.э.), от первого заговора до битвы при Пистории и гибели Катилины, в «Югуртинской войне» – от смерти Миципсы до пленения Югурты и триумфа Мария (118?–104 гг.), опять-таки не считая предыстории, где говорится об участии Югурты в Нумантинской войне. В «Истории» рассказывается о том, что происходило в 78–67 гг. с предварительным обзором событий 80-х годов.

В действительности же всё обстоит несколько сложнее. Д.С. Ливин предложил взгляд на «Югуртинскую войну» не как на законченное произведение, а как на своего рода «исторический фрагмент», не имеющий чётких хронологических рамок. В ней содержатся отсылки ко времени Гракхов (16.2; 31.7–8, 12; 42.1–4), говорится о важности падения Карфагена для начала смуты в Риме (41.2–3); хронология событий, предшествовавших Югуртинской войне, размыта; присутствуют прозрачные намёки на события гражданской войны 80-х годов I в. до н.э. (63.6; 95.4). Сочинение заканчивается как бы на полуслове, не столько пленением Югурты, сколько анонсированием будущих событий – побед над германцами, которых все ждали от Мария (114.4)[36].

Таким образом, в «Югуртинской войне» как бы несколько точек отсчёта – падение Карфагена, гракханская смута, молодость Югурты и, наконец, смерть Миципсы, после которой события по видимости развиваются стремительно (см. ниже). Однако наибольшее значение, по-видимому, имеет именно выступление Гракхов и расправа с ними. Тонкость предмета состоит в том, что важнее не прямое упоминание об этих событиях, а косвенное, ибо именно тогда и постулируется их важность для темы сочинения. Как уже говорилось, война с Югуртой интересна для Саллюстия среди прочего и потому, что впервые (*primum*) был дан отпор высокомерию знати (5.1). Было бы очень странно, если бы речь шла о всей римской истории, ибо в таком слу-

[35] *Tiffou E.* Essai sur la pensée morale de Salluste à lumière de ses prologues. Montreal; P., 1973. P. 480.

[36] См.: *Levene D.S.* Op. cit. P. 53–70.

чае игнорируется борьба патрициев с плебеями, успехи народа в которой он признавал сам (31.17; Hist. I.11; III.48.15 и 26). Учитывая «реваншистский» характер его речи, Меммий, призывая отдать под суд зарвавшихся нобилей, не случайно упоминает среди прочих их грехов убийство Гракхов (Iug. 31.7–8). Далее утверждается, что до сих пор знать, позволявшая «новым людям» занимать различные магистратуры, к консулату всё же их не подпускала, словно передавая его из рук в руки (63.6: *inter se per manus tradebat*). Опять-таки странно было бы думать, будто речь идёт обо всей римской истории: в прошлом не раз «новые люди добивались консулата, достаточно вспомнить Варрона, Лелия, Катона – в 73.7 делается прозрачный намёк: это произошло много лет спустя (*post multas tempestates*)[37]. А ведь борьба Мария за консулат – один из поворотных пунктов произведения.

Если же говорить об окончании «Югуртинской войны», то здесь хронологических отсылок тоже несколько – и пленение Югурты, и триумф Мария (это, кстати, события разных лет – см. ниже), а если смотреть дальше – гражданская война 80-х годов и диктатура Суллы. И сама «Югуртинская война» в таком случае оказывается не более чем предысторией куда более важных событий[38].

Обратимся теперь к «Заговору Катилины», воспользовавшись подходом Д.С. Ливина. Здесь тоже несколько начал – деятельность Катилины до заговора, первый заговор и, наконец, второй, приведший к небольшой гражданской войне. Но есть и ещё как минимум два. Первое – упоминание о разрушении Карфагена, положившем начало падению нравов в силу отсутствия страха перед внешним врагом (10.1). Второе же в контексте темы сочинения оказывается куда важнее. Уже упоминалось о том, что пример Суллы подталкивал Катилину и его сообщников к захвату власти. Но о Сулле говорится в «Заговоре Катилины» гораздо чаще, причём если одни вспоминают его времена с ностальгией и/или просто видят в них пример для «подражания» (5.6; 21.4; 37.6), то другие желают вернуть утраченное из-за произвола диктатора и его людей (28.4; 37.9). Однако такое число упоминаний об этих временах и их роль в мотивации поведения стольких людей позволяет видеть в нём своего рода точку отсчёта в повествовании.

А что же с окончанием? Казалось бы, сражение при Пистории завершает рассказ безо всяких намёков на дальнейшее. Однако уже сама эта битва – напоминание о гражданской войне, в том числе и грядущей, особенно если учесть роль в ней Петрея – активного участника смуты 49–45 гг.[39] Можно вернуться и немного назад. Знамени-

---

[37] Саллюстий, по-видимому, намеренно неточен: в 132 г. консулом стал *homo novus* Публий Рупилий, в 130 – Марк Перперна, а всего за девять лет до Мария, в 116 г. – Лициний Гета (см.: *Vretska K.* Op. cit. S. 109).

[38] Ещё одним намёком на события будущего является, видимо, передача командования от Метелла Марию, заставляющая вспомнить замену Лукулла Помпеем (*Syme R.* Op. cit. P. 151).

[39] Что, впрочем, не мешает Саллюстию изобразить Петрея как 'literally a figure out of time' (*Feldherr A.* The Translation of Catiline // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxf., 2007. Vol. I. P. 389).

тое сопоставление Цезаря и Катона в гл. 53–54 напоминает об их будущем противостоянии, которое в 63 г. только начиналось, а также представляет собой явный выпад против куда менее добродетельных триумвиров[40]. В речи Цезаря говорится, что казнь катилинариев без соблюдения должной процедуры может стать дурным прецедентом, который приведёт к ещё большему произволу (51.36) – намёк на изгнание Цицерона[41], оформленное также не без юридических накладок (по крайней мере, так можно было полагать), а главное – на проскрипции второго триумвирата, свидетелем которых стал сам Саллюстий[42]. Ирония истории в том, что зальют Рим кровью наследники того самого Цезаря, который за 20 лет до того призывал не казнить сограждан в нарушение закона. А жертвой их падёт Цицерон, во имя блага отечества пренебрегший «формальностями» – по выражению Г. Перля, оратор, «ответственный за убийство катилинариев, станет первой жертвой победивших последователей Катилины»[43].

И наконец, «История». Она начинается с событий 78 г. (I.1) и остаётся, по-видимому, незаконченной, дойдя до событий 67 г. По мнению одних учёных, Саллюстий хотел довести повествование до гибели Митридата, других – до заговора Катилины, однако равным образом возможна и более поздняя дата[44], всё зависело от продолжительности жизни автора[45]. Тем не менее, сомнительно, что писатель намеревался довести изложение до своего времени – максимум до 51 г., о котором он пишет в I.11. Между тем намёки на будущее в тексте имеются.

Во введении к «Истории» мы встречаем обычное для Саллюстия упоминание о разрушении Карфагена как начале упадка нравов (I.11–12). В I.17 вновь читаем об убийстве одного из Гракхов[46], которое стало началом смуты. В I.19–53 освещены события предшествовавших 50 лет, в особенности гражданской войны 80-х годов, а также первого этапа восстания Сертория. Это вполне сравнимо с предысторией событий в «Заговоре Катилины» (гл. 5–16) и «Югуртинской войне» (гл. 5–11). Начало носит, как видим, тоже достаточно «многоступенчатый» характер. Но по ходу изложения есть и отсылки к будущему. Наиболее яркий пример – речь Марция Филиппа с призывом дать отпор Марку Лепиду, напоминающая о речах Цицерона против Антония в 43 г. («филиппиках» – совпадение почти мистическое), причём делаются намёки не только на Антония, но и на Октавиана[47]. Есть в «Истории»

---

[40] *Syme R.* Op. cit. P. 123.

[41] *Schmal S.* Op. cit. S. 40. См. также: Cat. 46.2.

[42] *Syme R.* Op. cit. P. 122; *Perl G.* Op. cit. S. 203–206.

[43] *Perl G.* Op. cit. S. 204.

[44] См.: *Syme R.* Op. cit. P. 190–191 (с указанием литературы).

[45] *Schmal S.* Op. cit. S. 79.

[46] Очевидно, Тиберия (*McGushin P.* Sallust: The Histories. Oxf., 1992. Vol. I. P. 84).

[47] См.: *Syme R.* Op. cit. P. 220–222; *Perl G.* Op. cit. P. 212–215; *Tiffou E.* Op. cit. P. 542; *Немировский А.И.* Указ. соч. С. 205.

и ещё один персонаж, имеющий «двойника» в 40–30-х годах – Серторий, который во многом напоминает Секста Помпея и Цезаря[48].

Так что, как видим, сочинения Саллюстия не имеют жёстких временных рамок, но как бы разомкнуты в отношении и прошлого, и будущего. Первое необходимо для лучшего понимания описываемых событий, а второе обусловлено сугубой актуальностью творчества автора, описывавшего прошлое не из антикварного интереса, а из стремления найти в нём корни настоящего.

Хронология событий и «плотность» времени. Учёные давно обратили внимание на многочисленные нестыковки в хронологии у Саллюстия. Вот некоторые из них. Сообщается, например, об убийстве Пизона (Cat. 19.3), а в 21.3 Катилина рассчитывает на его помощь, причём какое-либо объяснение такого противоречия (самое простое – неосведомлённость заговорщиков о происшедшем) отсутствует. В 24.2 он отправляет деньги в Фезулы Манлию, который покидает Рим лишь в 27.1. На деле 21 октября был принят *senatus consultum ultimum* против Манлия, 7 ноября имела место попытка покушения на Цицерона, затем состоялось сборище в доме Порция Леки, 8-го числа Цицерон произнёс первую «катилинарию». У Саллюстия же сначала происходит собрание у Леки и неудачный визит убийц к Цицерону, меж тем Манлий возмущает народ в Этрурии, Марк Туллий реагирует на это инициированием чрезвычайного решения сената. Всадники угрожают Цезарю мечами ещё до заседания сената, на котором обсуждалась судьба катилинариев, но он тем не менее выступает против казни заговорщиков, тогда как в действительности второе предшествовало первому[49].

Конечно, в каких-то случаях речь может идти о недосмотре (как при упоминании об отсылке денег ещё не уехавшему из Рима Манлию). Однако в большинстве случаев события подчинены литературным задачам. В последовательности событий проявляется своя логика: сначала совещание заговорщиков; потом первый серьёзный шаг – попытка убить консула; наконец, разжигание гражданской войны путём подстрекательства жителей Этрурии. Цезарь, выступая против казни катилинариев после, а не до угроз ему со стороны всадников, проявляет тем самым твёрдость и мужество.

Однако если о заговоре Катилины рассказывают многие источники, что позволяет выявить немало хронологических неточностей в изложении Саллюстия, то ситуация с Югуртинской войной гораздо сложнее, ибо число параллельных источников по ней невелико и не все они дают что-то для выяснения хронологии[50].

Столь многочисленных неувязок, как в «Заговоре Катилины», во втором сочинении писателя нет, но иногда они всё же встречаются.

---

[48] *Katz B.R.* Sertorius, Caesar, and Sallust // AAAH. 1981. T. 29. P. 301–310.

[49] *Schmal S.* Op. cit. S. 45–46 (с указанием литературы).

[50] *Canter H.V.* The Chronology of Sallust's Jugurtha // CJ. 1911. Vol. 6. P. 290. Претензии к хронологии Саллюстия в «Югуртинской войне» возникали уже у Моммзена (Указ. соч. С. 110. Т. 2. Прим. 1).

Так, в 37.3 говорится о январе 109 г., а в 43.1 Метелл и его коллега, консулы 109 г., всё ещё числятся десигнатами, т.е. избранными, но не вступившими в должность[51].

По словам Саллюстия, Миципса усыновляет Югурту якобы сразу (*statimque*) после возвращения того с Нумантинской войны (9.3), тогда как ниже сообщает, что усыновление произошло лишь за три года до смерти Миципсы (11.6) в 118 г.[52], которая случилась ни много ни мало как через 15 лет после падения Нуманции, т.е. за словом «сразу» скрывается отрезок в 12 лет[53]! (В то же время несправедлив упрёк в адрес Саллюстия в том, что у него говорится, будто Миципса умер через несколько лет после Нумантинской войны (Iug. 9.4: *post paucos annos*)[54], тогда как речь идёт о 15 годах[55]: ведь Миципса умирает через несколько лет не после войны в Испании, а после усыновления Югурты, а это всего три года.)

Давно уже обращено внимание на то, что после довольно насыщенной кампании 107 г., завершившейся взятием Капсы, Марий вдруг оказывается в 800 милях от неё, у р. Мулукки, переместившись с юго-востока Нумидии на её крайний северо-запад (92.3–5), а затем даёт ещё две битвы Бокху и Югурте и разбивает их, причём ни о каких зимних квартирах не сообщается. Это породило различные версии, однако, вероятнее всего, Саллюстий «слил» две кампании в одну[56], чтобы добиться большего динамизма изложения[57] – ведь и под Капсой, и при Мулукке Марий самонадеянно испытывает судьбу, как ему советовал оракул в Утике (63.1), а потому неуместно разрывать столь важную для характеристики героя цепь событий совершенно не нужным для сюжета упоминанием о перерыве боевых действий на зиму. Другое довольно странное место – заключительная, 114-я глава «Югуртинской войны». В 113-й главе рассказывалось о пленении Югурты, а в 114-й без какого-либо перехода сообщается о разгроме римлян при Араузионе, очередном избрании Мария консулом и его триумфе, причём точно известно, что первое и третье события имели место 6 октября 105 и 1 января 104 гг., тогда как пленение Югурты произошло никак не позднее первых месяцев 105 г., поскольку переговоры по этому вопросу начались во время пребывания Мария на зимних квартирах[58]. Таким образом, между событиями 113-й и 114-й глав прошло не менее полугода, тогда как в других случаях Саллюстий скрупулёзно отмечает: послы отбыли из Рима на третий день (25.5); восстание в Ваге вспыхивает на третий день после размеще-

---

[51] *Syme R.* Op. cit. P. 142.

[52] *Schur W.* Micipsa // RE. 1932. Hbd. 30. Sp. 1524.

[53] *Schmal S.* Op. cit. S. 70–71 (с указанием литературы).

[54] К. Бюхнер как раз в связи с этой фразой указывает, что писатель не склонен точно указывать время между различными сценами (*Büchner K.* Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum. Wiesbaden, 1953. S. 7).

[55] *Schmal S.* Op. cit. S. 70.

[56] *Canter H.V.* Op. cit. P. 294–296.

[57] См.: *Syme R.* Op. cit. P. 149.

[58] *Canter H.V.* Op. cit. P. 295.

ния там гарнизона (66.2), а подавляют его римляне через два дня (69.3); Метелл овладевает Талой на сороковой день от начала похода (76.5); путь к Капсе состоял из двух этапов, по шесть и три дня каждый (91.1 и 3); на четвёртый день марша армии Мария у Цирты появляются вражеские разведчики (101.1); послы Бокха являются к римлянам на пятый день после очередного сражения (102.2); мавретанские послы провели в римском лагере около сорока дней (103.7); на пятый день пути Суллы к Бокху его встречает сын царя Волукс (105.3). В этих условиях умолчание не менее чем о полугодовом отрезке не может не обращать на себя внимания. Причина такого «спрессовывания» времени очевидна – необходимо сохранить динамизм действия.

Однако при всей стремительности, с какой разворачивается сюжет, и при всём том влиянии, какое оказал на Саллюстия Фукидид, римский автор не уподобляется великому предшественнику в том, что касается членения материала. Греческий историк, по словам Дионисия Галикарнасского, «описывая только одну войну, напряжённо и не переводя дыхания нагромождает битву на битву, сборы на сборы, речь на речь, и в конце концов доводит читателей до изнеможения» (ad Pomp. 772 Rob. Пер. О.В. Смыки). Он, как писал А.Ф. Лосев, «нагромождал одни отрезки времени на другие и тем самым вносил в изложение пестроту, свойственную Гомеру и Геродоту, но лишённую их художественного обаяния»[59]. Вряд ли такого упрёка заслуживает Саллюстий, достаточно часто прерывающий изложение экскурсами и небольшими зарисовками. Конечно, экскурсы встречались и у Фукидида, но с учётом общего объёма текста они довольно немногочисленны. Кроме того, они играют у него не всегда и не совсем ту же роль, что у Саллюстия. Греческий историк обычно вводит их либо с практической целью – описание Сицилии (VI.1–6) предваряет рассказ об экспедиции на неё, представляя читателю сцену грядущих событий, – либо из желания опровергнуть распространённые заблуждения, как в случае с историей убийства Гиппарха, сына Писистрата (VI.54–59), о котором у афинян было превратное представление, либо и вовсе с «антикварными» целями, как с рассказом о празднествах на Делосе (III.104). Все эти повествования сугубо деловые и насыщены конкретными фактами, тогда как римский автор в своих отступлениях, хотя и призванных также объяснить описываемые события, обычно предаётся теоретизированию[60] или ограничивается общими характеристиками. «Очевидно, что оправданность экскурсов [у Саллюстия] в разных случаях неодинакова, и обусловлены они несходными причинами», – считает К. Бюхнер, указывая, что нельзя ставить на одну ступень описание Африки и рассказ о самопожертвовании братьев Филенов[61]. Если исходить исключительно из

[59] *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. СПб., 2001. С. 94.

[60] Правда, и у Фукидида есть «теоретический» экскурс – рассуждения о стасисе на Керкире (III.82–84).

[61] *Büchner K.* Sallust. Heidelberg, 1960. S. 131.

их содержания, то это, конечно, так. Однако практически все они объединены тем, что с их помощью осуществляется смысловое членение текста[62], не говоря уже о моралистической нагрузке. Так, обзор славного прошлого Рима («археология») отделяет характеристику Катилины от описания его деятельности (Cat. 5–13). Портрет Семпронии завершает рассказ о приготовлениях заговорщиков (гл. 25)[63]. Знаменитое рассуждение о состоянии политики и нравов в послесулланском Риме (гл. 36–39) появляется в кульминационный момент – Катилина уезжает из Рима, чтобы открыто начать гражданскую войну. Сопоставление Цезаря и Катона (гл. 53–54) даётся накануне описания казни заговорщиков, которая означала крушение надежд Катилины на мятеж в Городе. Этногеографическое описание Нумидии в «Югуртинской войне» (гл. 17–19) знаменует окончание предыстории конфликта. Так называемый «экскурс о партиях» (гл. 41–42) следует после того как в противостоянии с Югуртой происходит перелом и война с назначением Метелла начинает вестись «по-настоящему». Рассказ о Лепте, Сиртах и братьях Филенах завершает повествование об активных действиях Метелла и предваряет заключение союза Югурты и Бокха против римлян (гл. 78–79). Характеристика Суллы (гл. 95–96) означает переход к рассказу о заключительном этапе войны, главным героем которого и является будущий диктатор[64].

Помимо экскурсов, у Саллюстия наличествуют краткие зарисовки, ненадолго останавливающие действие: краткое, но выразительное описание Туллианума – подземелья в Мамертинской тюрьме, где совершались казни (Cat. 55.3–4), подробный рассказ о подъёме римских добровольцев на гору, где стояла мулуккская цитадель (Iug. 94.2), впечатляющее изображение поля битвы под Циртой (101.11). Все эти эпизоды, несомненно, призваны подчеркнуть остроту момента и/или важность описываемых событий.

Festina lente – девиз императора Августа, чья карьера стала образцом политического успеха. Но, кажется, ещё не указывалось на то, что такой же точки зрения во многом придерживался и Саллюстий. Обратимся к примерам.

Первый заговор Катилины проваливается потому, что его глава слишком рано даёт сигнал сообщникам, которые ещё не успели собраться в нужном числе (Cat. 18.8). При подготовке нового заговора он «приказывает», «бодрствует», «спешит» (*festinare*) (27.2); узнав о

---

62 *Vretska K.* Op. cit. S. 23–25 (с обзором мнений). Насколько можно судить, признаётся роль экскурсов в членении материала, но не указывается, что это касается *всех* экскурсов.

63 Ш. Шмаль явно не понимает смысла этого экскурса, называя данную тему «тупиковой» (*Schmal S.* Op. cit. S. 61), однако, дальнейшее развитие здесь и не требуется (см.: *Короленков А.В.* Из новейшей зарубежной литературы о *Bellum Iugurthinum* Саллюстия // Studia historica. 2006. Вып. VI. С. 281–282).

64 В. Шур считает экскурсом и речь Мария (*Schur W.* Sallust... S. 105), что представляется не совсем корректным – едва ли не любая речь у античных авторов в известной степени является экскурсом.

заговоре, обыватели начали бестолково «торопиться, суетиться» (*festinare, trepidare*) (31.2); спешка и беспорядочные действия сторонников Катилины становятся причиною не столько опасности, сколько страха 42.1: *festinando, agitando omnia plus timoris quam periculi effecerant*); Цетег подгоняет медлительных, по его мнению, сообщников[65], видя залог успеха в быстроте (*maxumum bonum in celeritate putabat*) (43.3–4).

Ту же картину мы наблюдаем и в «Югуртинской войне». Собственно, причиной всего становится торопливость Югурты, который не хочет следовать совету Сципиона Эмилиана добиваться расположения римского народа верным служением ему и желает поскорее добиться своего бесчестным путём. Торопится он (maxume festinans) и при осаде Цирты, чтобы взять её до приезда римских послов (Iug. 21.3) – напомним, что по взятии города он убивает ни в чём неповинного Адгербала, своего двоюродного брата (26.3). Спешит Спурий Альбин – первый раз перед началом кампании (36.3: *tanta properantia*), второй раз – когда уже его брат Авл, потерпев поражение, заключает позорный с точки зрения римлян мир с Югуртой (39.2: *omnibus modis festinare*), но при этом Саллюстий пишет, что боевые действия консул вёл вяло (*socordia*), чем вызывал подозрения в сговоре с царём (36.3). Во второй же раз его торопливость объясняется желанием избежать наказания за поражение Авла – его легата (39.2), а потому честность намерений Спурия в глазах автора более чем сомнительна. Югурта спешит лишить Бокха надежды на мир (*festinabat, Bocchi pacem imminuere*), чтобы втянуть в войну с римлянами (81.1).

Как видим, в указанных случаях спешка связана со стремлением скорее совершить злодеяние или с неуверенностью в себе. В то же время можно наблюдать, что умение не торопиться присуще героям, когда они совершают поступки во благо Рима: Метелл, увидев, что сражения не приносят победы в войне (Iug. 54.5), переходит к методичному наступлению на врага, разоряя его территорию и склоняя к измене сподвижников Югурты; Марий, придя к аналогичному выводу, приступает к планомерному захвату нумидийских городов (88.4). Когда римляне подозревают мавретанского царевича Волукса в сговоре с Югуртой и предлагают Сулле расправиться с ним, последний, хотя думает так же, проявляет выдержку и оказывается прав – Волукс не выдаёт их нумидийскому царю (гл. 106–107), тогда как в случае убийства царевича переговоры с Бокхом оказались бы сорваны, а война продлилась бы ещё неопределённое время.

Однако далеко не всегда упоминания о спешных действиях даны в негативном контексте. В «Заговоре Катилины» говорится о том, что римляне в условиях непрерывных войн «спешили, готовились» (6.5: *festinare, parare*). В «Югуртинской войне» подобные действия также связаны с боевыми операциями (Метелл: 55.3; 68.1; 73.1; Рутилий

---

[65] Судя по всему, вполне справедливо (см.: *Waters K.H.* Cicero, Sallust and Catiline // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 2. P. 203).

при Мутуле: 52.5; римляне при взятии Ваги: 69.2; жители Талы: 76.4). Это вполне естественно, поскольку на войне быстрота решает подчас всё, и тональность таких указаний нейтральна. Сулла советует Бокху поспешить (*festina*) с обретением дружбы Рима (102.9).

Особо следует отметить известный эпизод, когда Метелл иронически советует Марию не торопиться с консульством (64.4: *ne festinaret*). Однако эта ирония обращается против самого Метелла, ибо он руководствуется в своих «дружеских» советах сословной спесью.

Таким образом, спешка и слово *festinare*, чаще всего обозначающее поспешность, не всегда подразумевают нечто предосудительное, ибо быстрота действий подчас необходима[66]. Неудивительно, что почти всегда нейтральные упоминания таковых связаны с военной тематикой, где царствуют чрезвычайные обстоятельства. В подавляющем же большинстве иных случаев Саллюстий неодобрительно отзывается о торопливости[67], осуждение которой подчас приобретает у него морализаторский оттенок. Другого было бы трудно ожидать от «отставного» политика, наслаждавшегося своим неприятием светской суеты и разделявшего усталость общества от «больших скачков».

Время зла. В заключение нельзя не обратить внимания на такой, в общем-то, заурядный, но от этого не менее примечательный факт: ночь у Саллюстия предназначена для злых дел. Под её покровом собираются заговорщики в доме Порция Леки (Cat. 27.3); ночью собираются убить Цицерона (28.1), ночью уезжает из Рима Катилина (32.1); ночью должны действовать по плану Лентула Суры его сообщники (43.1). В это же время суток действует Югурта: убивает Гиемпсала (Iug. 12.4); нападает на лагерь Адгербала (21.2), а затем и Авла Постумия Альбина (38.4). Наступление темноты спасает нумидийцев от разгрома при Мутуле (53.3). Любопытно, что и решение о выдаче им Югурты Бокх принимает также ночью (113.3). Это, как может показаться, противоречит предыдущему, поскольку поступок царя – на пользу римлянам. Однако для Саллюстия, как и для стоиков, важен не столько результат действия, сколько то, в каком состоянии духа оно совершено[68]. Бокх же постоянно колеблется, решая, кого выгоднее выдать – Югурту Сулле или наоборот. Естественно, такое поведение вызывает суровое осуждение писателя (113.1–3).

---

[66] Любопытно, что у Тацита (Ann. VI.32.1) говорится о поспешности в глазах «варваров» (парфян) как царственной черте, а медлительности – как о рабской (*barbaris cunctatio servilis, statim exequi regium videtur*), но чуть ниже указывается, что «варвар» Тиридат достиг бы успеха, если бы действовал быстро (VI.43.1): *si statim interiora ceterasque nationes petivisset etc.*

[67] Отметим, что у Ливия зачастую торопливость является причиной несчастий для римлян (VI.22.6–25.4; XXI.54.6 и 8; XXII.3.8–10; 12.12; XXVII.33.10 etc.), тогда как промедление вредит преимущественно их врагам (XXII.50.1; 51.1–4; XXIII.18.13; XXVI.7.3; XXVIII.7.1; XXXVIII.25.13 – с явной иронией, поскольку, сочтя промедление опасным (*plus in mora periculi*), галлы обращаются в бегство).

[68] *Короленков А.В.* Образ Мария у Саллюстия… С. 110.

При этом указывается, что Марий, чьи войска находились на марше ночью, нападают на Капсу уже с наступлением дня (91.4: *ubi dies coepit*). Под Циртой всю ночь враги бодрствуют, празднуя успех, а римляне, дождавшись, когда те заснули, на рассвете (*ubi lux adventabat*) наносят удар (99.1)[69].

Выводы. Как показывает изложенное выше, время играет очень значительную роль в сочинениях Саллюстия, и далеко не только в хронологическом отношении. Писатель остро ощущает его ход, наблюдая воочию изменения, которые он несёт, не ограничиваясь при этом констатацией одного лишь падения нравов и признавая во многом положительный характер развития. Понимая, что корни настоящего находятся в прошлом, а последствия нынешних поступков дают о себе знать в будущем, он нередко выходит за рамки повествования, чтобы показать и то, и другое. Для иллюстрации или доказательства своих идей писатель готов пренебречь строгой хронологией или даже «подправить» её – приём, обычный для литератора, которым Саллюстий был в большей степени, чем историком. А его приверженность принципу *festina lente* демонстрирует, что не в меньшей степени был он и философом – пусть и не подкрепившим свои взгляды собственной биографией.

A.V. Korolenkov

TIME, PAST AND PRESENT IN SALLUST

The paper deals with Sallust's perception of historical time. Sallust recognizes that ancestors' times were better than current period, but, nevertheless, doesn't deny progressive trends in development from past to present and notes many eventual changes to the best in course of history. Evolution of human characters, according to Sallust, does not go only to the worst too (contrary to opinion of some specialists on Sallust's concepts). The author agrees with K. Heldmann who thinks that "Golden Age" for Sallust belongs not to mythical but to historical times, and the very aurea aetas as Yu. G. Chernyshov notes, is absent in Sallust's texts. Sallust recognizes importance of historical memory, and (as J. Grethlain has shown), thinks that loss of this memory conducts to bad consequences for Rome. But, however, Sallust himself prefers not to tell about glories of the past but to to convict defects of the present. Developing D. S. Leven's views, the author shows that Sallust's narration refers both to the past, and to the future.

---

[69] Налицо параллель с Александром, который отказался нападать на персов при Гавгамелах ночью (*Curt.* IV.13.8–10; *Plut.* Alex. 31.11–13; *Arr.* Anab. Alex. III.10), а когда началось сражение, они, если верить Арриану, были уже изнурены ночным бдением (*Arr.* Anab. Alex. III.11.2). Э. Кёстерман усматривает здесь также сходство с описанием разгрома войсками Югурты армии Адгербала, чии полусонные солдаты в предрассветных сумерках (Iug. 21.2: *obscuro etiam tum lumine*) не могут оказать должного сопротивления (*Koestermann E.* Op. cit. S. 351). Однако для нашего случая важно не ситуативное совпадение, а выбор слов, слово же *obscuro* ясно (и, думается, отнюдь не случайно) даёт понять, что тьма ещё не рассеялась.

Sallust's thinks it neccessary to keep principle *"festina lente"* in civil affairs but to be quick at war. By the way, he imperceptibly, but systematically (sometimes going even on some distortion of reality) lets know that night is «time of harm» whereas good deeds are made by the light of day.

Я.Ю. Межерицкий

Colonia Claudia Ara Agrippinensis / Кёльн – центр римской провинции Нижняя Германия

Памяти моего учителя
Александра Иосифовича Немировского
(1919–2007 гг.)

Александр Иосифович Немировский посетил Кёльн уже в конце 90-х гг. Это было на обратном пути из Италии, где он побывал в сопровождении Людмилы Станиславовны Ильинской. Там невыездному ранее антиковеду удалось наконец увидеть этрусские и римские памятники, о которых и раньше он мог рассказать так, как будто они только вчера были перед его глазами. Конечно, А.И. Немировский знал об этом всех притягивающем и таинственном мире неизмеримо больше многих сотен тысяч людей, вышагивающих ежегодно по улицам Помпей. И тем не менее, он радовался как ребенок, гуляя по древнему городу, порой представляя себя одним из героев своих книг, живших две тысячи лет тому назад. Александр Иосифович был под впечатлением от первоклассных археологических коллекций Рима, Неаполя, от самой Италии. Из однодневного путешествия из Кёльна в Трир, Л.С. Ильинская и А.И. Немировский привезли не только впечатления от императорских терм и других римских древностей, но и восхищение красотой Мозелианы, постоянно вспоминая стихи Стация.

Вслушиваясь в рассказы о поездке, я вспоминал курсы по античной культуре, книгу «Нить Ариадны» и свою первую археологическую экспедицию в Херсонес, куда привез на практику студентов истфака Воронежского университета Александр Иосифович. Это было в 1967 году. Молодой профессор вместе с нами расчищал водосток и радовался найденной кем-то монете, а вечером у костра читал свои удивительно звучавшие на фоне прибоя и южного звездного неба стихи.

Кёльн не оставил Александра Иосифовича равнодушным. Он с интересом осмотрел город, посетил Римско-германский музей и претторий, вспоминал некоторые знаменательные моменты истории города. Мы изумлялись, подсчитывая к концу дня километры проложенного им маршрута. Учитель делился впечатлениями, рассказывал об увиденном, посвящал нас в свои творческие планы и читал стихи. Я вспоминал Херсонес, он радовался, как будто и не промчалось еще тридцать лет, – будучи во всем истинным поэтом, А.И. Немировский всегда встречался с античностью, как первый раз.

На протяжении своей двухтысячелетней истории Кёльн играл заметную роль в экономической, политической, религиозной, культурной жизни Европы, оставаясь одним из самых значительных городов к северу от Альп. И сегодня, несмотря на скромные по современным меркам масштабы (1 млн. жителей в городе и ок. 3 млн. в агломерации), в Кёльне регулярно происходят важные события, как, например, очередная встреча «восьмерки» или всемирный слет католической мо-

лодежи. Привлекательность города для политиков, деловых людей или туристов не в последнюю очередь связана с исторической аурой, которая восходит к временам его основания. Соединение римского начала с германским и галльским заложило панъевропейский и космополитичный характер Кёльна, во многом определив лицо рейнской метрополии.

Античный Кёльн предстаёт во глубине веков как поселение германского племени убиев и колония римских ветеранов, ставка военного командования крупнейшей группировки римских войск и плацдарм для завоевания Центральной Европы, главный город на рейнской границе и столица сепаратистского образования периода кризиса III в., один из бастионов античной цивилизации и центр притяжения германских племен, устремившихся в пределы Империи, наконец – как один из центров кристаллизации новой европейской государственности. Наше внимание привлекут точки соприкосновения жизни провинциального города на далекой северной границе с событиями, носившими «глобальный» для того времени характер.

Начало систематическим раскопкам Кёльна положил в 1920-е гг. Фриц Фремерсдорф, хотя еще в XIX в. энтузиасты и профессиональные историки прилагали усилия для сбора, систематизации и изучения данных античной традиции, а также археологических материалов. После второй мировой войны, уже с осени 1945 г., в разрушенном бомбежками городе исследования продолжили Отто Доппельфельд и целая плеяда археологов и историков античности и других специальностей. Их работа получила продолжение в последние десятилетия – благодаря усилиям Б. и Г. Гальстереров, Г. Прехта, Р. Гэнша, Й. Гайнрихса, Б. Ирмлера и других ученых целый ряд проблем нашел новое решение, картина прошлого становится все более полной. Промежуточные итоги многолетних штудий подведены в первом томе «Истории города Кёльна». Этот капитальный труд Вернера Эка уже стал настольной книгой всех исследователей и любителей Кёльнских древностей[1].

Хотя в письменных источниках история античного Кёльна отражена не хуже истории других городов Западных провинций, все же лакуны весьма существенны[2]. По словам одного из исследователей,

---

[1] *Eck W.* Köln in römischer Zeit. Geschichte einer Stadt im Rahmen des Imperium Romanum. Köln, 2004. Предыдущее, краткое, обобщение результатов исследований: Die Römer in Nordrhein-Westfalen. Stuttgart, 1987. S. 459–521. Из последних обзоров см.: *Steenken H.H.* Funktion, Bedeutung und Verortung der ara Ubiorum im römischen Köln – ein status questionis // Rom, Germanien und das Reich. St. Katharinen, 2005. S. 104–148. Единственная работа на русском языке – каталог «Римское искусство и культура. Выставка Римско-германского музея города Кёльна», опубликованная в 1984 году по случаю выставок в Эрмитаже и в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В книге имеются краткие статьи, посвященные истории и отдельным аспектам изучения римского Кёльна.

[2] Собрания источников*: Klinkenberg J.* Das römische Köln // Die Kunstdenkmäler der Stadt Köln. Düsseldorf, 1906. Bd. I–II; *Fremersdorf F.* Urkunden zur Kölner Stadtgeschichte aus römischer Zeit. Köln, 1963. Регулярно

мы можем проследить ее лишь пунктирно – к сожалению, разные её периоды освещены крайне неравномерно. Отсутствуют сообщения для полутора столетий экономического и культурного расцвета римского города – II и перв. пол. III вв. н.э. Подобные пробелы в определенной мере восполняются за счет более двух тысяч надписей, найденных в городе и на прилегающей территории, а также монет[3].

Археологические свидетельства истории Кёльна сохранились не так хорошо, как, к примеру, в Ксантене, где средневековый город возник в стороне от античной *Colonia Ulpia Traiana*, или в Трире (античная *Augusta Treverorum*), который также был центром провинции, а в конце III–IV в. – одной из столиц Империи. Кёльн, будь то в период кризиса III в. и последовавших варварских нашествий, во времена средневековья или индустриализации, второй мировой войны или сейчас, в постиндустриальную эпоху, то разрушался, то заново строился и перестраивался, оставаясь центром экономической, политической и культурной жизни Рейнландии. При этом, разумеется, люди думали прежде всего не об истории, а о крыше над головой и о хлебе насущном. Античные памятники, если не приходили в ветхость сами собой или не использовались в качестве материала, безжалостно сносились. В историческом центре города мощность строительного мусора над античными слоями достигает 5–6 м. Территория плотно застроена, так что раскопки больших участков просто невозможны. Они ведутся большей частью при разборке старых сооружений и в ходе строительства новых – например, в последнее время в ходе прокладки очередной линии метро[4]. При этом памятники, как правило, спешно раскапываются, документируются и сносятся. Многое, по тем или иным причинам не замеченное специальной городской службой, исчезает безвозвратно[5]. Следует отметить, что богатство того или иного

актуализируемый обзор археологических памятников, 6-е изд.: *Wolff G.* Das römisch-germanische Köln. Führer zu Museum und Stadt. 6., überarbeitete Auflage. Köln, 2005.

[3] Надписи: кроме CIL. XIII.7776–8587; 1981–12074, см.: *Galsterer B., Galsterer H.* Die Römischen Steininschriften aus Köln. Köln, 1975; *üdem.* Neue Inschriften aus Köln. Funde der Jahre 1974–1979 // ES. 1981. No. 12. S. 225 ff.; *üdem.* Neue Inschriften aus Köln II. Funde der Jahre 1980–1982 // ES. 1983. No. 13. S. 166 ff.; *üdem.* Neue Inschriften aus Köln III // KJb. 1987. Vol. 20. S. 83 ff.

[4] См.: *Dietmar C., Trier M.* Mit der U-Bahn in die Römerzeiz. Ein Handbuch zu den archäologischen Ausgrabungsstätten rund um den Bau der Nord-Süd Stadtbahn. Köln, 2005.

[5] Известный исследователь античного Кёльна О. Доппельфельд (1907–1979), немало сделавший и для популяризации истории своего города в римское время, сетовал на то, что финансовые интересы иногда доминируют над необходимостью охраны памятников. Отсюда цитируемая им пословица "*Wenn die Römer kommen, wird das Bauen teuer*" – Когда приходят «римляне» (т.е. археологи), строительство дорожает (*Doppelfeld O.* Vom unterirdischen Köln. Köln, 1979. S. 14). Один из сотрудников отдела службы охраны памятников города Кёльна, Штефан Ной, рассказывал, как он безуспешно пытался отстоять от сноса фундаменты форума античного города. Лишь небольшой фрагмент встроили в помещение McDonalds в цоколе торгового дома C&A.

археологического слоя не случайно соответствует молчанию письменных источников в соответствующий период. Когда на Рейне царил мир и отдыхали легионные горны, взгляды историков привлекали совсем другие, «горячие точки» – зато в античном городе продуктивно работали строители, ремесленники и художники, а у пристани толпились торговые суда.

Цивилизация впервые посетила место, где позднее возник Кёльн, в лице одного из самых известных персонажей всемирной истории. Им стал Гай Юлий Цезарь, с 58 по 51 гг. до н.э. покоривший «Косматую», или «Дикую» Галлию (*Gallia Comata*), т.е. территории к северу от Нарбоннской провинции. В результате вся Галлия, от Пиренеев до Северного моря и от Атлантики до Рейна, оказалась в составе римских владений. Война и жестокое подавление очагов сопротивления сопровождались массовым террором. Цезарь рассказывает, в частности, о разграблении и истреблении жившего между Рейном и Мозелем кельтского племени эбуронов (53 г. до н.э.). В «Записках» упоминаются также заселившие через несколько десятков лет бывшую страну эбуронов убии, с именем которых связан начальный этап истории Кёльна. У Цезаря они представлены как единственное союзное и самое цивилизованное германское племя на правом берегу Рейна[6].

В 40–30-е годы I в. до н.э. римлян, погрязших в кровопролитных гражданских войнах, мало интересовали галлы и германцы. После установления единовластия Август, среди прочего, занялся упорядочением провинциального управления. В Галлии оказался М. Випсаний Агриппа, его ближайший соратник; именно к нему за разрешением переселиться на Левобережье обратились убии (20/19 гг. до н.э.)[7]. Бу-

---

Тем не менее, фирмы, по роду занятий разрушающие памятники, например, строители в Кёльне или разработчики бурого угля в прилегающем регионе, финансируют раскопки в соответствии с установленными правилами.

[6] Сообщения Цезаря об убиях: *Caes.* BG. IV.3, 8, 11, 16–19; VI.9–10, 29. Один из центров убиев на Правобережье находился в районе *Dünsberg an der Lahn*, где исследовано их городище. Раньше Дюнсберг был одним из важнейших центров Латенской культуры, носителями которой были кельты. Критический анализ сообщений Цезаря, построенный на сопоставлении с данными археологии, нумизматики и эпиграфики см.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit... S. 31 ff.; comp.: *Carroll-Spillecke M.* Kelten, Germanen, Römer. Neue vorkoloniezeitliche Siedlungsspuren in Köln // Archäologische Informationen. 1995. Bd. 18. Tl. 2. S. 143–152 etc.; *Heinrichs J.* Civitas ubiorum. Historisch-numismatische Studien zur Geschichte der Ubier und ihres Gebiets. Habilitationsschrift. Köln, 1996 (passim); *idem.* Zur Verwicklung ubischer Gruppen in dem Ambiorix-Aufstand des Jahres 54 v. Chr. // ZPE. 1999. Bd. 127. S. 290; *idem.* Vor dem oppidum Ubiorum. Münzen einer Zivilsiedlung im Kölner Domareal in ihren Aufschlüssen für das augusteische Köln // Römische Präsenz und Herrschaft im Germanien der augusteischen Zeit. Göttingen, 2007 (passim) (автор в значительной мере опирается на нумизматический материал. В частности, он анализирует монеты убиев и ареалы их распространения как до, так и после переселения).

[7] Агриппа дважды занимался устройством галльских провинций, с 40 по 37 гг. и в 20/19 гг. до н.э. См.: *Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rom, 1984. P. 66 sqq. Ранее переселение убиев относилось исследователями к концу пер-

дучи союзниками римлян, они испытывали постоянные трудности в окружении других германцев. Агриппа позволил им обосноваться в Кёльнской бухте. Это упрочило позиции римлян на Рейне[8]. Договор с убиями предусматривал защиту ими границы, а также поставку вспомогательных контингентов и участие в военных действиях против враждебных германских племен[9]. Благодаря принятым мерам, обстановка в стратегически важном регионе стабилизировалась, стала налаживаться хозяйственная жизнь, что способствовало снабжению размещавшихся на границе легионов. Как и в остальной *orbis romana*, население организовали в самоуправляемую общину античного типа – *civitas Ubiorum*. Убии еще до переселения восприняли через кельтов многие достижения средиземноморской культуры, теперь процесс романизации получил дальнейшее развитие[10]. Он стал еще интенсивнее, когда на берега Рейна, в связи с масштабными военными действиями на Правобережье, прибыли крупные воинские контингенты.

Хотя Рейн с подачи Юлия Цезаря считался пограничной рекой между галлами и германцами, ситуация оказалась не столь простой.

вого галльского наместничества Агриппы. Новое прочтение Тацита, и особенно исследование монет, чеканившихся убиями и некоторыми другими германскими племенами, указывает на организованное переселение убиев во второе галльское наместничество Агриппы. См.: *Heinrichs J.* Civitas ubiorum… S. 68–79, 338; *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 46 ff.

[8] Численность переселенных убиев можно оценить лишь приблизительно. Считается, что их было несколько десятков тысяч. Убии занимали территорию между позднее основанным Новезием/Нойссом на севере, рекой Рур и городом Аахен на западе и ручьем Финкстбах, где позднее пролегала граница между двумя германскими провинциями, на юге. Этот ручей впадает в Рейн недалеко от городка Бад Брайзиг. См.: *Doppelfeld O.* Kölner Wirtschaft von den Anfangen bis zur Karolingerzeit // Zwei Jahrtausende Kölner Wirtschaft. Köln, 1975. Bd. 1. S. 16 (картосхема); *Riedel M.* Köln – ein römisches Wirtschaftszentrum. Köln, 1982. S. 13 (картосхема); *Bechert T.* Germania inferior. Eine Provinz an der Nordgrenze des Römisches Reiches. Mainz, 2007. S. 13, 28 f. (с картой провинции).

[9] Об охране убиями рейнской границы см.: *Tac.* Ann. XIII.57; Germ. 28.4. На договор (*foedus*), который, бесспорно, был заключен, но не сохранился, косвенно указывает Тацит: *civitas Ubiorum socia nobis* (*Tac.* Ann. XII.53.3). Упоминание об аналогичном договоре с треверами, высеченном на каменных досках см.: *Tac.* Hist. IV.67.1.

[10] См.: *Galsterer H.* Von den Eburonen zu den Agrippinensiern. Aspekte der romanisation am Rhein // KJb 1990. Bd. 23. S. 117–126; *Heimberg U.* Was bedeutet „Romanisierung“? Das Beispiel Niedergermanien // Antike Welt. 1998. Bd. 29. S. 19 ff.; *Bechert T.* Op. cit. S. 34 ff. etc. Разумеется, романизация не была пассивным заимствованием достижений средиземноморской культуры. Достижения более развитой цивилизации перерабатывались и приспосабливались к развивавшимся в течение многих веков местным структурам, принимая своеобразные формы. В применении к убиям на их первоначальном месте обитания справедливо говорят о «кельтизации» и «кельто-германской смешанной культуре». Быстрое экономическое развитие после переселения на Левобережье и открытость убийской знати по отношению к новшествам способствовали смешению германских, галльских и римских элементов и сравнительно быстрой ассимиляции. См.: *Heinrichs J.* Civitas ubiorum… S. 54–68, 80, 341 f.

На самом деле германцы, уже на протяжении столетий выдавливавшие кельтов из Центральной Европы, в том числе с территорий к востоку от Среднего Рейна, давно проникли и на Левобережье. Некоторые племена на обоих берегах Рейна объединяло родство, другие – религия или обычаи. Отдельные группы германцев, временно объединившись, нередко вторгались в левобережные области с целью грабежа[11]. Римляне не желали мириться с подобным положением. Оно дестабилизировало обстановку в Западных провинциях в целом, провоцируя галлов на антиримские выступления, давая антиримски настроенным галльским группировкам возможность использовать германских наемников. Согласно логике римской экспансии, если угроза исходила из-за границы, то не оставалось ничего другого, как покорить следующую страну[12]. На повестку дня выдвигались активные военные действия в Правобережье.

Обстановка обострилась, когда в 17 или в 16 г. до н.э. через Рейн в Галлию вторглись сугамбры, узипеты и тенктеры. Они нанесли сокрушительное и позорное поражение наместнику Галлии Марку Лоллию, захватив к тому же легионный штандарт с орлом. И все это в момент, когда в Риме громко отпраздновали Секулярные игры и объявили о начале нового счастливого века (17 г. до н.э.). Сравнительно недавно Августу удалось вернуть военные значки, оказавшиеся в руках парфян после разгрома М. Лициния Красса в 53 г. до н.э. И вот новое бесчестье, которому подвергся *legatus Augusti*. О значении случившегося говорит уже то, что тотчас после поражения Лоллия сам принцепс выехал в Галлию, где оставался более трех лет, с 16 по 13 гг. до н.э.

Большой германской войне предшествовал целый ряд подготовительных операций. В 15–13 гг. до н.э. пасынки Августа, Тиберий и Друз, захватили альпийские области, затем Рецию, так что Рейн на всем его протяжении стал римской рекой. После успешного завершения альпийских походов основные силы, семь легионов и вспомогательные войска, передислоцировались на Средний и Нижний Рейн. Они расположились недалеко от мест, где несколько позднее появились постоянные лагеря. На территории *civitas Ubiorum* таковыми стали *Novaesium* (Нойсс), *Bonna* (Бонн), а также *oppidum Ubiorum* (Кёльн). Из них войска переправлялись через реку, проникали далеко вглубь

---

[11] Например, в 20 г. до н.э. См.: *Dio Cass.* LIV.11.2.

[12] В современной историографии преобладает мнение о том, что завоевательная политика Августа строилась не на основе долговременных стратегических планов, а как последовательность ответов на те или иные вызовы. См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 20. С этим можно согласиться, если иметь в виду отсутствие оформленных на бумаге планов, – Август был политиком, а не штабистом. В то же время было бы неверно отрицать у государственного деятеля такого масштаба наличие общей концепции, по крайней мере, видения перспектив. Ср.: *Dejninger J.* Germaniam pacare. Zur neueren Diskussion über die Strategie des Augustus gegenüber Germanien // Chiron. 2000. Bd. 30. S. 749 ff.; *Eck W.* Augustus und die Grossprovinz Germanien // KJb. 2004. Bd. 37. S. 11–22; *Riemer U.* Die römische Germanienpolitik. 2006 (passim); *Wolters R.* Die Römer in Germanien. München, 2006. S. 28 ff.; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009. S. 332 ff., 355 ff.

Германии и возвращались зимой на свои базы. Всего в операциях участвовало 30–40 тыс. солдат. Их переброску по Рейну и его притокам обеспечивали корабли Рейнской флотилии. Устранение германской угрозы приобрело характер одной из приоритетных военно-политических задач Империи[13].

Завоевание и освоение Правобережья осуществлялось главным образом за счет привлечения людских и материальных ресурсов других частей Империи. Это диктовалось тем, что у германцев отсутствовали крупные населенные пункты, где имелась бы возможность пополнить запасы провианта для большой армии. Главные базы снабжения находились в Галлии, а также в северных районах Италии и в Испании. Стратегические плацдармы располагались на левом берегу Рейна, в том числе ставка верховного командования – на территории давнего испытанного союзника *civitas Ubiorum*. Там и решили основать поселение, от которого берет начало город Кёльн. Точная дата его закладки неизвестна. Современные исследователи, как отталкиваясь от сообщений античных историков, так и опираясь на данные археологии, нумизматики и эпиграфики, предлагают даты, начиная от 7 г. до н.э. до 9/10 гг. н.э.[14]

На левом берегу Рейна, на небольшом плато, недоступном разливам реки, римляне заложили *oppidum Ubiorum* – «город Убиев»[15]. С самого начала он строился с размахом. Ранее считалось, что правильная планировка появилась после получения статуса колонии, при Клавдии (50 г. н.э.). В последнее время исследователи приходят к выводу, что

---

[13] Для общей оценки событий см. *Межерицкий Я.Ю.* Римская экспансия в правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. // Норция. Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 80–111; *Парфёнов В.Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001 (гл. 6–7).

[14] Следов какого-либо значительного доримского поселения на месте будущего Кёльна не обнаружено (*Carroll-Spillecke M.* Kelten, Germanen, Römer… S. 143–152). На 7 г. до н.э. как на время начала строительной деятельности вслед за В. Эком указывает Т. Бехерт. Основанием для этого им служит археологический материал: монеты и *terra sigillata* – посуда высокого качества, которая к этому времени начала изготавливаться в Ареццо в Италии (*Bechert T.* Op. cit. S. 13). Ряд исследователей более осторожно указывают на первое десятилетие н.э. Дендрохронологическая дата деревянных элементов вала, примыкающего с севера к «монументу Убиев», дает время ок. 9/10 г. н.э. (*Gechter M., Schütte S.* Ursprung und Voraussetzungen des Mittelalterlichen Rathauses und seiner Umgebung // Stadtspuren. Köln, 2000. Bd. 26. S. 181–188). Можно предположить, что это остатки стены, дополнительно укрепленной в связи с разгромом Вара в 9 г. н.э. Критическое сопоставление точек зрения см.: *Steenken H.H.* Funktion, Bedeutung und Verortung der ara Ubiorum… S. 106 ff.

[15] Впервые термин *oppidum* появляется у Юлия Цезаря для обозначения кельтских укрепленных поселений (Caes. *BG*. I.23). В эпоху Империи слово стало употребляться для любого поселения городского типа, независимо от правового статуса. Плиний Старший назвал только в Нарбоннской Галлии и Тарраконской Испании 876 *oppida*, различавшихся по различным признакам. Разумеется, не все они, как и *oppidum Ubiorum*, в первые годы после основания, были уже настоящими городами. Это следует иметь в виду, когда *oppidum* переводится на русский как «город».

ее приняли изначально. Неправильный, в соответствии с контуром возвышенности, четырехугольник имел площадь около 1 км^2. Две пересекавшиеся под углом 90 градусов оси до сих пор лежат в основе самых оживленных кёльнских улиц – *Hohe Straße* (*cardo maximus*) и *Schildergasse* (*decumanus maximus*). Соответственно, всю территорию разбили на прямоугольники сеткой широких улиц. Образовалось 70 кварталов (*insulae*) со сторонами примерно 100 м. Значительную их часть, между валом, тянувшимся параллельно Рейну, и *cardo maximus*, отвели для общественных построек. Там со временем разместились административные здания, в т.ч. ставка военного командования (преторий), форум и священный участок с храмами. Несмотря на очень плохую сохранность первоначального *oppidum* (примерно до 25 г. н.э.), не только планировка, но также элементы каменной архитектуры и фрагменты архитектурных украшений показывают, что строили город античного типа, по северо-италийскому образцу[16].

Cardo лежал на дороге, издавна пролегавшей вдоль Рейна. Кроме того, будущее нового поселения во многом определили сходившиеся здесь другие пути, как в меридиональном, так и в широтном направлении. Особое значение в качестве транспортной артерии имела река. Неширокий рукав, использовавшийся в качестве естественной гавани, отделял от *oppidum* остров длиной почти в километр и шириной до 180 м. В трех километрах к югу находилась еще одна возвышенность, поменьше, где со временем оборудовали базу рейнской военной флотилии[17].

Поселение обнесли рвом и валом, укрепленным деревянной конструкцией. Конструкции ворот и башни сложены из камня. Древнейшей сохранившейся постройкой этого времени является т.н. «Монумент убиев» (*Ubiermonument*), расположенный недалеко от юго-восточного угла первоначальных укреплений. Уцелевшая часть, размером 9,4 х 9,7 и высотой 6,5 м, сложена из больших каменных блоков, связанных железными скобами. Их установили на площадке из римского бетона (*opus caementicus*) толщиной примерно 20 см. Вся постройка покоилась на забитых в грунт дубовых сваях длиной ок. 2 м, остатки которых датируются 4/5 гг. н.э. «Монумент», первоначальное предназначение которого неизвестно, имел, видимо, еще два надземных

---

[16] Это подтверждают и типичные элементы римской архитектуры, находимые в самых нижних слоях, – фрагменты портиков, храма, триумфальной арки, других общественных зданий, а также надгробия. См.: *Hellenkemper H.* Architektur als Beitrag zur Geschichte der CCAA // ANRW. 1975. Bd. 4. Tl. II. S. 783–824; *idem.* Planstadt in einem Entwicklungsland. Das romische Köln // Chronik zur Geschichte der Stadt Köln. Köln, 1999. Bd. 1. S. 37–64; *Hesberg H. von,* Bauteile der frühen Kaiserzeit in Köln // Festschrift G. Precht. Köln, 2002. S. 17 f., 31–34; *Irmler B.* Colonia Claudia Ara Agrippinensium: Architektur und Stadtentwicklung. Diss. München, 2005.

[17] Эта небольшая возвышенность с историческим названием Альтебург расположена в Кёльне-Мариенбурге, в трех километрах к югу от центра города. К сожалению, никаких следов римских сооружений увидеть там уже невозможно.

этажа. Во второй половине I в. н.э. его интегрировали в новую городскую стену в качестве юго-восточной угловой башни[18].

Предпосылки основания нового города следует искать, прежде всего, в сфере «большой» политики. Реализация проекта требовала немалых средств и квалифицированных специалистов. Масштабное строительство силами легионеров не могло осуществляться иначе, чем по указанию Августа, который принял во внимание ключевую роль Центральной Европы для безопасности Западных провинций и Италии. Защита границы Галлии оказывалась невозможной без контроля над ситуацией на Правобережье, а потому плавно перерастала в «активную» оборону, включавшую наказание и устрашение, а затем – усмирение германцев. По мере продвижения легионов внутрь страны римляне перешли к ее завоеванию. Оно сопровождалось умиротворением, привлечением союзников из числа местной знати, созданием опорных пунктов и колонизацией. Так реализовывалась типичная логика римской агрессии. За впечатляющими успехами, достигнутыми Друзом, маячила заманчивая перспектива: не только навсегда обезопасить Галлию, но и создать новую обширную провинцию. На фоне этого масштабного проекта, успешная реализация которого могла лишний раз продемонстрировать эффективность политического режима и укрепить престиж семьи Августа, становится понятным предназначение *oppidum Ubiorum*. Переселение убиев Агриппой преследовало военно-тактические цели. По мере возрастания стратегической роли региона возникла необходимость в городе как опорном пункте для проведения германской политики[19].

---

[18] Памятник был открыт в 1965 г. Археологи предположили вначале, что это алтарь Убиев (см. далее). Позднее они не стали «снижать» значение памятника, чтобы спасти его от сноса. Хотя совершенно ясно, что убиям подобное сооружение было бы не по плечу, это не уменьшает его значение. Постройка – дело рук квалифицированных строителей из Италии, скорее всего, легионеров. Тщательная обработка каменных квадров говорит о том, что это был не фундамент, а цоколь. Дендрохронологические подсчеты показали, что монумент Убиев – древнейшая сохранившаяся каменная постройка Кёльна и вторая в Германии: дубы, использованные для свай, были срублены в 5 или в 4 г. н.э. См.: Die Römer in Nordrhein… S. 462 f.; *La Baume P.* Die römische Stadtmauer // Führer zu vor- und frühgeschichtlichen Denkmälern. Mainz, 1980. Bd. 37. Ht. 1. S. 61 ff.; *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 80 ff.; *Wolff G.* Das römisch-germanische Köln… S. 168–170. Среди мнений о первоначальном предназначении постройки: гробница или кенотаф (*Neu S.* Zur Funktion des Kölner „Ubiermonumentes“ // Thetis. 1997. Bd. 4. S. 142–145), угловая башня раннего вала (*Carroll-Spillecke M.* Kelten, Germanen, Römer… S. 149; *Gechter M., Schütte S.* Ursprung und Voraussetzungen S. 79 f.; *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 171).

[19] Если принять точку зрения, согласно которой Август планировал продвинуться таким образом через Северное Причерноморье в тыл Парфии, то Кёльнская бухта должена была превратиться в стратегический плацдарм глобального масштаба. Ср.: *Парфенов В.Н.* Consilium coercendi intra terminos imperii (к проблеме преемственности европейской политики Августа и Тиберия) // АМА. 2002. Вып. 11. С. 109–116; *Ланник Л.В.* Рим и германцы: пути решения проблемы // Antiquitas iuventae. 2006. Вып. 2. С. 186–202.

Oppidum Ubiorum возводился на территории самого лояльного племени, к тому же – облагодетельствованного Римом и оказавшегося здесь в чуждом окружении. От опасных соседей город отделяла полноводная река. Небольшая возвышенность защищала от разливов и создавала преимущества при организации обороны. *Oppidum* располагался на перекрестье торговых путей, включая самый выгодный – речной, в плодородном крае, обладавшем и другими природными ресурсами. Город и регион планировались как база снабжения римских легионов на Рейне, и потребности войск вызвали быстрое превращение *oppidum* в значительный торгово-ремесленный центр. Важную роль играло стратегическое положение: отсюда контролировался важнейший водный путь – Рейн, а также его притоки, которые позволяли германцам с опасной легкостью достигать Рейна и через него глубоко проникать в галльские провинции, что следовало навсегда пресечь. С другой стороны, эти же реки открывали римлянам удобные пути в срединные области Большой Германии.

О том, что решение основать город на Рейне принималось на высоком уровне и в результате учета всего комплекса внутри- и внешнеполитических факторов, говорит то, что римляне не ограничились возведением укреплений, гражданских построек практического назначения, и даже полагающихся каждому настоящему городу храмов, портиков и других общественных сооружений. В самых ранних сообщениях наряду с ними упоминается алтарь Убиев (*ara Ubiorum*), и при внимательном рассмотрении оказывается, что ему предназначалась особая роль в возводимом здании новой провинции. При этом, т.к. алтарь до сих пор уверенно не локализован, а прямые свидетельства о его предназначении и функциях отсутствуют, все рассуждения о нём основаны на отрывочных сообщениях античных авторов, а также скупых данных археологии и нумизматики. Поэтому некоторые выводы вызывают непрекращающиеся дискуссии; гипотетична по ряду позиций и предлагаемая реконструкция.

Судя по свидетельству Тацита, относящемуся к 15 г. н.э., алтарь носил «общегерманский» характер: «Вместе с послами Сегест направил и своего сына по имени Сегимунд: но тот медлил, зная за собою вину перед нами. Ибо назначенный жрецом в святилище убиев в том же году, когда восстала Германия, он, сорвав с себя жреческие повязки, перебежал в лагерь восставших»[20]. Это мимоходом оброненное упоминание о событиях 9 г. н.э. позволяет сделать ряд важных наблюдений. В это время в Кёльне уже функционировало святилище с алтарем, или жертвенником (*ara*), жрецом которого был знатный херуск. Поскольку херуски обитали на правом берегу Рейна (как минимум, в 100 км к северо-востоку от Кёльна), ясно, что в этом культе участвовали не только римские граждане и убии (что само собой разумеется), но так-

[20] *Tac.* Ann. I.57.2: *quippe anno, quo Germanie descivere, sacerdos apud aram Ubiorum creatus, ruperat vittas, profugus ad rebelles.* «Анналы» Тацита здесь и далее цитируются в переводе А.С. Бобовича. Ср. еще одно упоминание сына Сегеста в качестве жреца у алтаря Августа – ibid. I.59.

же племена Большой Германии. Повязки, которые сорвал с себя херуск Сегимунд, вдохновленный победой соплеменников (или решивший вовремя переметнуться на сторону сильнейшего), символизировали для него чужеземное господство. Ясно, что имелся в виду римский культ, отправлявшийся на латинском языке и чуждый германцам, принимавшим участие в его отправлении по необходимости[21].

Решение вопросов о происхождении, функциях и назначении *ara Ubiorum* тесно связано с трактовкой общего исторического фона. Алтарь мог быть освящен после германского триумфа Тиберия в 7 г. до н.э., знаменовавшего завоевание Большой Германии. Подобные жертвенники, призванные служить центрами культа императора, строились в важнейших пунктах Империи. На Западе они особенно хорошо известны в Галлии и Испании. Подобная *ara Galliarum* была установлена в 12 г. до н.э. в главном городе Трех Галлий – Лугдунуме (совр. Лион). Необходимо заметить, что сооружение галльского алтаря подводило итог длительным усилиям по завоеванию, умиротворению, а также организации управления в стране. На Рейне дело обстояло иначе. Решение соорудить *ara Ubiorum* приняли, когда провинция *Germania Magna* еще находилась в стадии становления, а город только начал строиться.

Как можно судить по другим римским провинциям, где также воздвигались алтари Роме и Августу, жреца избирало[22] провинциальное собрание (*concilium provinciae*). Представители общин, городов, а также германских племен собирались *apud ara Ubiorum* также для обсуждения вопросов, связанных с организацией внутренней администрации и уточнением границ между общинами, с участием в постройке дорог, с поставками продовольствия и снаряжения войск, с формированием вспомогательных контингентов и т.п.[23] По проблемам принципиального характера они обращались со своими предложениями или ходатайствами к наместнику провинции, или, в данном случае, к императорскому легату и главнокомандующему. Такие ежегодные собрания проводились *apud Ubiorum*, главное действо заключалось в торжественном жертвоприношении, посвященном богине Роме, а также императору и его семье. Все выглядело так, как если бы Большая Германия уже стала провинцией, а город Убиев рассматривался в качестве ее не только военно-политического, но также административного и идеологического центра. Употребляемое Тацитом выражение *ara Ubiorum* выглядит анахронизмом: во времена Августа этот считавшийся общегерманским жертвенник должен был называться *ara Germaniae*[24].

---

[21] Ср.: *Tac.* Ann. I.59 – слова Арминия в 15 г. н.э.

[22] *Creatus* в данном контексте означает, что собрание назначало жреца в результате обсуждения кандидатур и последующего голосования. В цитируемом переводе: «назначало».

[23] *Deininger J.* Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit. München; B., 1965.

[24] Алтарь убиев на рубеже эр как центр императорского культа провинции *Germania magna (ara Germaniae)* рассматривают такие исследователи, как

Археологически алтарь Убиев однозначно не идентифицирован. В последние десятилетия уточняется план Священного участка, на котором он мог располагаться. Важнейшие строения, связанные с отправлением государственного культа, находились южнее претория. Простираясь далее до Капитолия, Священный участок занимал треть восточного фронта города. Его часть, размером с севера на юг 220 м и с востока на запад 120 м, отделялась от остального города стеной, скорее всего, по тем же соображениям, что и форум Августа в Риме. По своей архитектуре постройки напоминали комплекс в Никополе, построенный основателем принципата в честь победы при Акции. На западе Священный участок переходил в Форум, огромный полукруглый портик которого открывался в сторону зарейнской Германии, подчеркивая общегерманское значение сооружения. В середине этого портика находилось четырехугольное здание, напоминавшее курию или храм, а перед ним, в центре полукруга, стоял жертвенник. Как показывает мощный фундамент, его длина могла достигать 20 м. Не исключено, что это следы алтаря Убиев. Здесь же, несколько глубже, обнаружены основания колонн криптопортика – большой подземной галереи с колоннами. К востоку ансамбль замыкался трехнефной базиликой и служил местом, где проводились провинциальные собрания и отправлялся культ Ромы и Августа. Впрочем, есть мнение, что жертвенник Убиев находился восточнее упомянутой базилики, почти на краю невысокого плато. Там сейчас стоит полуразрушенная и сохраняемая в таком виде церковь Св. Альбан, к которой с севера примыкает новое здание музея Вальрафа-Рихартца, а с юга – средневековый дом горожан, Гюрцених. На алтарь могут указывать открытые здесь сравнительно недавно фундамент и остатки вбитых в землю дубовых свай[25].

О внешнем виде Кёльнского алтаря можно судить по аналогии с лугдунским. Тот изображён на реверсе монетной серии, относящейся к последним годам правления Августа. Жертвенник украшен рельефными фигурами, побегами растения и *corona civica*. На колоннах, фланкирующих алтарь, стоят две крылатые богини Победы с пальмовыми ветвями и коронами[26].

Г. Гальстерер, Й. Гайнрихс и В. Эк (*Galsterer H.* Von den Eburonen zu den Agrippinensiern… S. 124; *Heinrichs J.* Civitas ubiorum… S. 340; *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 93; *idem.* Augustus und die Grossprovinz… S. 17 f., 21 f.); в качестве общинного культа убиев его оценивает, например, Д. Тимпе, У.-М. Лиртц (*Timpe D.* Arminius-Studien. Heidelberg, 1970. S. 86. Anm. 20 f.; *Liertz U.-M.* Kult und Kaiser. Studien zu Kaiserkult und Kaiserverehrung in den germanischen Provinzen und in Gallia Belgica zur römischen Kaiserzeit. Rom, 1998. S. 64). Д. Кинаст, указывая на аналогию с Лионским алтарем, все же осторожно замечает, что надежное решение этого вопроса невозможно до нахождения самого алтаря, а также обращает внимание на то, что среди 600 известных Кёльнских надписей нет ни одного посвящения Роме и Августу или божественному Августу (*Kienast D.* Op. cit. S. 366 + Anm. 176).

[25] *Wolff G.* Op. cit. S. 258 f.; cf.: *Bechert T.* Op. cit. S. 14.

[26] Фотографии монет: *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 67. Abb. 25; *Wolff G.* Op. cit. S. 86 (сестерций); *Bechert G.* Op. cit. S. 13 (acc). Статую Виктории в *CCAA* упоминает Дион Кассий (LVI.24.4).

Судя по имеющимся данным, Священный участок с жертвенником и другими постройками являлся самым грандиозным и важным сооружением города Убиев в первые десятилетия его существования. Значение *arae Ubiorum* подтверждается не только тем, что сам город часто обозначался как «место у алтаря» (*apud aram* – *Tac.* Ann. I.39.1), но также последующим включением слова *ara* в название будущей колонии. Особая роль, отводившаяся новому поселению на Рейне, объясняет активное участие легионеров в строительстве не только укреплений и административных зданий, но и города в целом. Наличие подобного культового центра выделяло *oppidum Ubiorum* в качестве одного из важнейших пунктов Империи. В течение первых лет своего существования он развивался как главный город обширной провинции от берегов Северного моря до Эльбы, что, безусловно, способствовало ускоренному росту и экономическому подъему[27].

Крутой излом германской политики Рима относится к 9 г. н.э., когда принципиальные просчеты императора, помноженные на беспечность командовавшего легионами П. Квинктилия Вара, привели к Тевтобургской катастрофе[28]. Разгром в Тевтобургском лесу заставил римлян принять срочные меры для восстановления боеспособности рейнской армии и безопасности границ. Тиберий провел ряд карательных операций против германцев. После смерти Августа эти мероприятия продолжил Германик. Но уже в 16 г. Тиберий отозвал полководца и приказал прекратить всякие наступательные операции на правом берегу Рейна. Вопрос о причинах такого решения принцепса до сих пор обсуждается в литературе. Тацит, испытывавший к этому императору явную антипатию, изображал дело так, что тот боялся растущей популярности Германика, в конце концов, приложив руку и к его неожиданной смерти в 19 г. Но не следует забывать, что и Август, после гибели легионов в 9 г. н.э., прекратил мероприятия по освоению Большой Германии. Правда, он не отказался от своих планов, по крайней мере, публично[29]. Основатель принципата взял паузу на

---

[27] В «городе Убиев» производилось и продавалось самое необходимое для огромной армии. Как известно, солдаты все, начиная с оружия, покупали самостоятельно. В. Эк довольно убедительно показал, что в рассматриваемый период здесь находился также деловой и финансовый центр новой провинции. Именно отсюда диспенсаторы управляли императорскими доменами в правобережной Германии, в частности, свинцовыми приисками, которые должны были приносить немалый доход. См.: *Eck W.* Augustus und die Grossprovinz... S. 18–21, ср.: *Rothenhöfer P.* Geschäfte in Germanien. Zur Ausbeutung von Erzlagerstätten unter Augustus in Germanien // ZPE. 2003. Bd. 143. S. 277 ff.

[28] Подробный анализ этих событий и их последствий см. в нашей статье: *Межерицкий Я.Ю.* Римская экспансия в правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. // Норция. Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 80–111.

[29] Более того, в своих *Res Gestae*, которые справедливо считаются его политическим завещанием, Август причислял умиротворение Германии к своим главным заслугам. При этом имелась в виду, конечно, Большая Германия, до Эльбы: *Gallias et Hispanias provincias item Germaniam qua includit Oceanus a Gadibus ad ostium Albis fluminis pacavi* (*RGDA.* 26).

обдумывание, собирание сил. Она затянулась, преемники также не смогли найти конструктивного продолжения германской политики. Империя пыталась сохранять влияние на племенной мир германцев. Но, по большому счету, она оказалась больше не в состоянии контролировать правобережную Германию и перешла к обороне. Левый берег укреплялся, строились дороги и оборонительные сооружения – стены, рвы, башни. Деревянные постройки заменялись каменными, при легионных лагерях появлялись поселки; так вырос рейнский лимес.

Для Кёльна разгром Вара и последовавшее изменение германской политики означали, что не реализовался его исторический шанс стать важнейшим стратегическим пунктом на огромном пространстве от берегов Северного моря до Эльбы или даже до Вислы. Тем не менее, город остался главным форпостом Рима на Рейне. *Oppidum Ubiorum* выбрал центром Германии не кто-нибудь, а Август. Здесь находился посвященный императорскому культу алтарь. Такое место легко не сдают. Даже если бы отсутствовали реальные основания для его удержания, следовало сделать все возможное, чтобы их создать. В данном случае объективных предпосылок было предостаточно, поэтому Кёльн и после крушения планов по созданию *Germania magna* сохранил свое значение на протяжении последующих веков. Здесь располагалась ставка верховного командования крупнейшей военной группировки Империи. Через город Убиев пролегали коммуникации между двумя мирами, римским и варварским, отсюда же римляне пытались контролировать обстановку на Правобережье, привлекая на свою сторону отдельных вождей.

За время взросления одного поколения раскрылись и реализовались многие из преимуществ, которые опытный глаз римского офицера заметил уже при основании *oppidum*. На плодородных лессовых почвах Кёльнской бухты расположились многочисленные деревни и усадьбы[30]. Ближайшие оказались сегодня на территории города, к примеру, хорошо изученная усадьба, находившаяся всего в нескольких километрах к западу от *oppidum* (ныне Кёльн-Мюнгерсдорф). Владельцы подобных *villae rusticae* составляли влиятельную часть зажиточных и богатых горожан, имевших роскошные дома также в пределах городских стен. На лучших землях выращивали в первую очередь пшеницу и ячмень, а также бобы, горох, чечевицу. Хорошие урожаи давали овощи. Культивировались яблоки, сливы, вишни, персики и грецкие орехи. Развивалось мясное и молочное скотоводство. В деревнях и усадьбах держали рогатый скот, свиней и птицу, овец и коз. В качестве тягловой силы использовали лошадей и ослов. Высокопродуктивное сельское хозяйство являлось основным источником дохода горожан, как и предпосылкой возникновения крупного городского поселения вообще. Не менее важно и то, что виллы и крестьян-

[30] См.: *Gaitzsch W.* Grundformen römischen Landsiedlungen im Westen der CCAA // Bonner Jahrbuch. 1986. Bd. 186. S. 397–428.

ские дворы региона снабжали продовольствием крупные воинские контингенты на рейнской границе[31].

Oppidum Ubiorum стал важным ремесленным центром, для этого здесь имелись все необходимые условия. В прилегающей округе, в первую очередь на юго-востоке, в гористом Айфеле, расположены месторождения полезных ископаемых: свинца, железа, кремнецинковой руды, золота, меди, угля. Для массового производства посуды использовалась качественная, в т.ч. белая, глина, а также песок и другие минералы. Гончарные мастерские строились вначале в западной части города, постепенно распространяясь за его пределы. Особенно много выявлено их в районе современного Рудольфплатц. Меньше найдено стеклодувных и литейных мастерских, хотя их продукция шла на экспорт и ее обнаруживают в соседних провинциях. Потребности местного населения удовлетворяло строительное дело, обработка кожи и сукна, выпечка хлеба, также имелись скотобойни и другие предприятия[32].

Важнейшим условием успешного развития города являлось наличие крупной речной артерии, причем Кёльн расположен там, где Средний Рейн плавно переходит в Нижний. Из средневековья известно, что именно здесь перегружали товары, транспортировавшиеся по реке, с судов одного типа на другие. Это создавало особые выгоды для торговцев и всего населения, жившего в округе. Хотя для римского времени подобных сведений нет, известно, что удобная гавань принимала многочисленные плоскодонные торговые суда, в первую очередь с продуктами сельского хозяйства, а также строительными материалами и сырьем для Кёльнских ремесленников[33]. К сухопутным путям, использовавшимся с незапамятных времен, добавились стратегические дороги, построенные римскими солдатами[34]. Следует предполагать использование для торговли с *Germania magna* деревянного разборного моста[35].

---

[31] Подсчеты показали, что на лессовых почвах на территории примерно 200 тыс. га между Кёльном и Аахеном собиралось не менее 80 тыс. тонн зерна. Если оценивать население этого региона в 150 тыс. чел., то при потреблении 1 кг в день им понадобилось бы в год почти 55 тыс. т. Товарное зерно предназначалось для снабжения рейнской армии, а также отправлялось вниз по Рейну в северо-западные районы Белгики. См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 60.

[32] Перечисление профессий жителей CCAA со ссылками на источники: *Fremersdorf F.* Op. cit. S. 26–27. Cf.: *Riedel M.* Op. cit. S. 32–89; *Bechert T.* Op. cit. S. 69 f.

[33] *Ellmers D.* Rheinschiffe der Römerzeit // Beiträge zur Rheinkunde. 1973. Bd. 25. S. 25 f.; *Bechert T.* Op. cit. S. 64–66.

[34] *Hagen J.* Die Römrstraßen der Rheinprovinz. Bonn, 1931; *Doppelfeld O.* Kölner Wirtschaft von den Anfangen bis zur Karolingerzeit // Zwei Jahrtausende Kölner Wirtschaft. Köln, 1975. Bd. 1. S. 13 f.; *Riedel M.* Op. cit. S. 20–21; *Bechert T.* Op. cit. S. 62 f. Из *CCAA* отсчитывались мили региональных дорог: *Alföldy G.* Zwei neue Meilensteine aus Niedergermanien // ES. 1967. Bd. 4. S. 33 ff.

[35] Тацит сообщает, как Агриппина Старшая предотвратила разборку такого моста в 15 г. (*Tac.* Ann. I.69.1). О мосте сообщает и одна Кёльнская надпись на посвятительной стеле. См.: *Galsterer B., Galsterer H.* Neue Inschriften aus

Городской рынок выполнял функции центра экономической жизни региона, но не только. Здесь выставлялись и товары с Правобережья: мед диких пчел, меха и шкуры, окорока и гусиный пух, намывное золото и янтарь, женские волосы, германские рабы и многое другое – в соответствии со спросом со стороны легионеров, местного гражданского населения, а также италийских и других потребителей. В свою очередь, германцы охотно покупали вино, породистый скот и зерно, не говоря уже о предметах роскоши для знати[36]. Важными добавлениями к местным продуктам служили товары из галльских провинций, а также из Британии. *Negotiator Britannicianus* по имени Гай Аврелий Вер, по-видимому, вольноотпущенник, известен по Кёльнской надписи, которую он посвятил Аполлону[37]. Выгоды географического положения дополнялись благоприятным климатом Кёльнской бухты, защищенной от сильных ветров и резких колебаний температуры прилегающими невысокими горами и возвышенностями. Люди охотно обосновывались здесь, население края постоянно росло. Благодаря всем этим и другим преимуществам город Убиев и после отказа римлян от завоевания зарейнской Германии сохранил свое значение важнейшего форпоста Империи на Рейне.

Становился заметным и политический вес *oppidum Ubiorum*. На Нижнем Рейне располагалась самая большая и боеспособная армия Империи. Такая концентрация войск имела и нежелательные последствия. Когда в 14 г. умер Август, нижнегерманские легионы отказались присягнуть его преемнику Тиберию и предложили стать императором Германику. Полные драматизма события, центром которых стал тогда город Убиев, воспроизвел Тацит[38]. Его повествование в данном контексте представляет особый интерес, поскольку живой, полный драматизма рассказ историка дает возможность уточнить важные аспекты внутреннего устройства и организации жизни в недавно основанном поселении.

Один из вопросов, возникающих в ходе чтения текста «Анналов» – о местонахождении зимнего легионного лагеря. В литературе он до сих пор не нашел своего убедительного решения. Если О. Доппельфельд полагал, что в 14 г. н.э. постоянный лагерь располагался в пределах города[39], то В. Эку это представляется совершенно невероятным, поскольку размещение двух легионов, упомянутых Тацитом, потребовало

Köln II. Funde der Jahre 1980–1982… No. 5; *Bechert T.* Op. cit. S. 63 и 30 – фотография стелы.

[36] *Wolters R.* Op. cit. S. 89 f.

[37] CIL XIII. 8793; *Galsterer B., Galsterer H.* Die römischen Steininschriften aus Köln. Köln, 1975. № 4. Cf.: *Bechert T.* Op. cit. S. 72.

[38] *Tac.* Ann. I.31–44, 48–49. Ср.: *Vell.* II.125; *Suet.* Tib. 25; Cal. 1; *Dio Cass.* LVII.4; 25.

[39] По его мнению, легионы оставались в городе Убиев вплоть до 30-х гг., когда они были передислоцированы в Нойсс и в Бонн (*Doppelfeld O.* Das römische Köln I. Ubier-Oppidum und Colonia Agrippinensium // ANRW. 1975. Bd. 4. Tl. II. S. 720).

бы половины всей территории *oppidum Ubiorum*[40]. Выбор ответа имеет принципиальное значение, поскольку наличие или отсутствие зимнего легионного лагеря в пределах городских укреплений могло во многом определять характер поселения в первые десятилетия его истории.

Весть о смерти Августа и переходе власти к Тиберию застала нижнегерманскую армию в летнем лагере. Все четыре легиона находились *in finibus Ubiorum* (*Tac.* Ann. I.31.3, comp. I.34 sq.), т.е. на территории, принадлежавшей общине убиев, их *civitas*. Предположительно, летний лагерь располагался в районе будущего Новезиума. Взбунтовавшиеся солдаты не только отказались присягнуть новому императору, вышли из подчинения полководцу и своим командирам, захватили армейскую казну, но вознамерились вначале разорить *oppidum Ubiorum*, а затем начать грабить города Галлии. То, что недавно основанное поселение представлялось легионерам желанной добычей, свидетельствует о его превращении в экономический центр с относительно высоким уровнем жизни. После того, как с помощью подачек удалось кое-как успокоить и разъединить мятежников, V и XXI легионы отправились в Ветеру, а легионы I и XX легат Авл Цецина отвел на зимовку in *civitatem Ubiorum*, т.е. в город Убиев[41]. Казалось, инцидент исчерпан, Германик временно отлучился в Могонтиак (Майнц).

После приведения к присяге верхнегерманского войска Германик возвратился «к алтарю Убиев»[42]. Из контекста совершенно ясно, что речь идет о поселении Убиев, где уже находились I и XX легионы, а также ветераны, каждый раз становившиеся зачинщиками бунта. Вызванный прибытием сенатской делегации, мятеж разгорелся с новой силой, поскольку ветераны предположили, что их собираются лишить уже полученных льгот. Поздней ночью, выломав дверь дома Германика (*domus Germanici*) и подняв его с постели, ветераны выну-

---

[40] *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 119 (обсуждение вопроса и аргументация в целом на с. 116–120). В. Эк указывает, что легионный лагерь мог уместиться на площади 24 га (S. 117). Вблизи города Убиев, но вне его, помещают лагерь М. Гехтер и С. Шютте (*Gechter M., Schütte S.* Op. cit. S. 79), Й. Гайнрихс (*Heinrichs J.* Vor dem oppidum Ubiorum. Münzen einer Zivilsiedlung im Kölner Domareal in ihren Aufschlüssen für das augusteische Köln // Römische Präsenz und Herrschaft im Germanien der augusteischen Zeit. Göttingen, 2007. S. 304–307), а также некоторые другие исследователи.

[41] В данном случае Тацит употребляет *civitas* и *oppidum* как синонимы. Такое словоупотребление может ввести в заблуждение. С одной стороны, *civitas Ubiorum* – это вся община убиев, расселенная на просторах Кёльнской бухты, т.е. *in finibus Ubiorum*. Если бы Тацит имел здесь в виду данное значение, было бы непонятно, куда повели I и XX легионы. Но так как *oppidum Ubiorum* все же был не просто укрепленным поселением, а центром региона с известным историку будущим, он употребил слово *civitas* в смысле «город», поскольку в его время это поселение имело статус *civitas*. Таким образом, это могло быть анахронизмом. Не исключено, правда, и то, что историк недостаточно знал регион (штрих к его биографии?).

[42] *apud aram Ubiorum* – *Tac.* Ann. I.39.1. Таким образом, рассказывая о раннем Кёльне (до получения статуса *civitas*), Тацит употребляет три обозначения: *oppidum Ubiorum, civitas Ubiorum, apud aram Ubiorum* (ibid. I.36–39, сравн: XII.27.1). Эта «триада» характерна для Тацита.

дили полководца под угрозой смерти отдать им воинское знамя. Рассыпавшись по улицам города Убиев, они столкнулись с сенатской делегацией, направлявшейся к Германику. Глава делегации, консуляр Планк, укрылся в лагере I легиона, точнее, в здании штаба (*principia*), где в специальном помещении хранились воинские святыни. Ухватившись там за значки и за орла легиона, Планк спасся лишь благодаря заступничеству орлоносца, некоего Кальпурния. Только утром, при свете солнца, Германик решился прийти в лагерь (по-видимому, того же I легиона, поскольку на трибунал пригласили и проведшего там бессонную ночь Планка) для обращения к воинам и наведения порядка (*Tac.* Ann. I.39).

Сообщения Тацита, в сопоставлении с данными археологии и с топографией местности, ясно указывают, что лагерь располагался на территории города. Ни разу историк не упоминает о том, что воинам, или сенаторам, или полководцу пришлось проходить через охраняемые ворота, будь-то лагерные или городские. А ведь германцы находились рядом, и даже при таких обстоятельствах стены и ворота, тем более ночью, не могли оставаться без стражи. Если бы это были раздельные территории, то Планку при бегстве от ветеранов пришлось бы преодолеть двое ворот (городские и лагерные) с воинскими караулами, да еще пространство между ними. В этом случае сенатору вряд ли удалось бы спастись. Следовательно, город и лагерь образовывали единое охраняемое пространство. Еще одна деталь – выломанная дверь дома Германика. Речь идет явно не о лагерной палатке, а о претории (*pretorium*), где он жил со своей семьей. Как и позднее, он находился в городе, между *cardo maximus* и Рейном (его рукавом). И вновь очевидно, что описание Тацита, рассказывающего о местонахождении полководца, воинов и ветеранов, не выходит за стены города Убиев (I.39.1).

В следующей главе Тацит повествует о том, как Германик умоляет свою беременную жену, Агриппину Старшую, покинуть вместе с сыном место, где беснуются «озверевшие насильники» (I.40). Далее место действия прямо называется римским военным лагерем, который сравнивается с городом, захваченным врагами. Более того, складывается впечатление, что здесь Тацит умышленно стирает грань между «лагерем» (*castrum*) и «городом» (*urbs*) (41.1). Агриппина, наконец, поддается на уговоры и вместе со своими служанками отправляется в Августу Треверов. Воины, услышав плач и стенания проходящих мимо женщин, выходят (можно себе представить: едва очнувшись после ночных подвигов) из палаток, чтобы выяснить, что же такое происходит. Здесь настроение распоясавшейся солдатни, почувствовавшей, что переступается некая черта, начинает меняться. Больше всего легионеров задело то, что внучка Августа и дочка Агриппы, вместе с росшим в их лагере двухлетним Калигулой, уходят искать спасения у чужаков-треверов (ibid. 41). В приводимой далее Тацитом речи Германика (если и сочиненной самим историком, то на основании собранной информации) обращает на себя внимание фраза, согласно которой воины «силой оружия не выпускают за лагерный вал сына

своего императора» (ibid. 42). Германик, усыновленный Тиберием по указанию Августа, имел здесь в виду себя самого. Поскольку он проводил Агриппину с сыном от претория, то из этого отрывка также следует, что преторий (в городе) и лагерь окружал один и тот же вал[43].

Не останавливаясь подробно на всех перипетиях драматических событий, попытаемся сопоставить данные, о которых попутно сообщает историк. Город и легионный лагерь представляли собой части единого целого, обнесенного общими, т.е. городскими, стенами. Преторий и солдатские палатки находились по соседству друг с другом. Агриппина с сопровождавшими ее женщинами проходили мимо лагеря. Они направлялись в Августу Треверов, т.е. в юго-западном направлении, и им было незачем, подвергая себя опасности со стороны бунтарей, идти через лагерь, находящийся за северными воротами (что вытекает из трактовки В. Эка), чтобы потом непонятно как выбираться на верную дорогу[44]. Ведь единственные северные ворота открывали дорогу на Новезиум. С западной стороны находилось трое ворот, с южной – двое. На Августу Треверов/Трир, в юго-западном направлении, шла стратегическая дорога, построенная еще Агриппой. Она начиналась от южных ворот западной стены[45]. От претория путь процессии к этим воротам лежал по *cardo maximus* мимо форума и священного участка, а затем, повернув направо, по *decumanus*, на оси которого сегодня лежит *Leonhard-Tietz-Straße* и далее *Bobstraße*. Солдатские палатки могли располагаться по левую руку, где юго-западный угол поселения имел небольшой выступ, или по правую, где позднее построили термы и некоторые храмы.

Но скорее всего, основной лагерь примыкал к первоначальной, сравнительно скромной постройке претория. По свидетельству Светония, Калигула родился в лагере и вскормлен в легионных палатках.

---

[43] Во времена Республики считалось предосудительным для наместника брать с собой в провинцию своих близких. Пример членов семьи Августа, и в первую очередь, Германика, помог разрушить это предубеждение. См.: *Szramkiewicz R.* Les gouverneurs de province à l'époque Augustéenne. P., 1975. P. 272 sqq.; *Haensch R.* Das römische Köln als «Hauptstadt» der Provinz Germania inferior // Geschichte in Köln. 1993. Bd. 33. S. 21; *idem.* Capita provinciarum. Mainz, 1997. S. 67. Р. Гэнш предполагает, что надежно засвидетельствованной каменной постройке претория предшествовала деревянная, в которой жил Германик (*domus Germanici* – *Tac.* Ann. I.39.3, comp.: *Suet.* Vit. 8.1 f.).

[44] Ср.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit... S. 120. Дорога в направлении *Augusta Treverorum* была одной из трех, веером расходившихся к северу от Лиона. Они были заложенны ее отцом, Агриппой. Ее сохранившиеся фрагменты, под названием „*Agrippa-Straße Köln-Trier*" сейчас реконструируются как археологический памятник.

[45] Дорога за этими двойными воротами сразу поворачивала на юго-восток, затем выходя на современную *Luxemburger Straße* и далее через *Tolbiacum* (*Zülpich*) вела в Трир и Лион. Фрагмент фундамента ворот (элемент 27, по нумерации участков стены О. Доппельфельда, или 41, по У. Зюсенбаху) находится сейчас в подвале дома по *Clemensstraße* 3. См.: *Süßenbach U.* Die Stadtmauer des Römischen Köln. Köln, 1981. S. 68. Мы исходим из установленного факта, что позднейшая каменная стена практически повторяла конфигурацию первоначального вала (включая ворота), о чем говорится далее.

Поэтому процессия оказалась рядом с лагерем сразу после выхода из здания претория, плач и стенания женщин привлекли внимание солдат, часть их пошла за печальной процессией в южном направлении по *cardo maximus*. Большинство же воинов возвратилось к Германику, который обратился к ним с увещеваниями (*Tac.* Ann. I.40–41). Таким образом, проводив со ступенек претория жену с ребенком, полководец легко перешел в лагерь и поднялся на трибунал. Такая ясная картина происходившего, по Тациту, складывается, только если допустить, что легионеры находились в пределах городских стен, причем в непосредственной близости от претория. Наиболее подходящим местом видится территория к западу, отделенная от ставки главнокомандующего лишь *cardo maximus*.

Прежде чем рассмотреть археологические свидетельства, позволяющие верифицировать это предположение, поставим вопрос: действительно ли тогда было недопустимым занять существенную часть территории *oppidum* под лагерь? Город заложили с перспективой превращения в относительно крупный центр, но трудно представить, что там сразу поселилось необходимое число жителей. А ведь его следовало сначала построить. На первых порах это делали легионеры. Правильная планировка, совершенная техника строительства «монумента Убиев», массивные фундаменты претория и другие постройки неопровержимо доказывают это. Известно, что в пору расцвета население римского Кёльна достигало от 20 до 40 тыс. человек. В начальный период строительства города не составляло труда найти место для палаточного лагеря даже на 8–10 тыс. солдат[46]. Ситуация менялась медленно, в течение десятков лет. Скорее всего, по мере готовности построек и роста городского населения воинский контингент, как и территория лагеря, сокращались. Легионы, а затем их подразделения, остававшиеся еще в *oppidum*, располагались в нескольких местах. Ветераны, только что уволенные или переведенные на положение вексиллариев (*Tac.* Ann. I.36), жили в *oppidum*, но уже вне лагеря.

Для объяснения изложенных событий достаточно признать возможным, что в 14 г. внутри городских стен размещались только отдельные части I и XX легионов, включая *principium legio I*, в котором и укрывался Планк. Остальные подразделения могли иметь свой лагерь неподалеку, у северной стены, а какие-то когорты, возможно, уже находились в Альтебурге, где позднее базировалась рейнская флотилия – *classis Germanica*[47].

---

[46] В. Эк подчеркивает решающую роль Рима в основании города Убиев и, соответственно, легионеров в его строительстве. При этом установлено, что убии не особенно торопились селиться в городе. См.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 116–120; S. 94–97, 750 + Anm. 42; *Hellenkemper H.* Oppidum und Legionslager in Köln. Überlegungen zur frührömischen Topographie // KJb. 1972/3. Bd. 13. S. 59 ff.; *Päffgen J., Zavier W.* Überlegungen zur Lokalisierung von Oppidum Ubiorum und Legionslager im frühkaiserzeitlichen Köln // Provinzialrömische Forschungen (Festschrift G. Ulbert). Espelkamp, 1995. S. 111–129.

[47] *Caroll M, Fischer Th.* Archäologische Ausgrabungen 1995/6 im Standlager der römischen Flotte in Köln Marienburg // KJb. 1999. Bd. 32. S. 519–568; *Ha-*

Предлагаемая здесь реконструкция находит подтверждение также в топографии города и в ряде археологических материалов. В районе, где сейчас находится знаменитый Кёльнский Дом (кафедральный собор Св. Петра и Марии), на одном из обломков найденной там аретинской керамики обнаружено граффито, в котором упоминается XIX легион[48]. Этот легион, как известно, прекратил существование в 9 г. н.э., при разгроме армии Вара. Таким образом, граффито относится к первым годам н.э. Т.к. керамика этого типа тогда только начала изготавливаться, она, скорее всего, могла принадлежать офицеру, захватившему ее с собой из Италии или приобретшему по высокой цене. Имеются и другие «следы» военных в данном квадрате. С северной стороны Дома найдены остатки укреплений из земли и дерева. На основании изучения сохранившихся фундаментов зданий один из ведущих исследователей Кёльнских древностей Г. Прехт счел в свое время возможным придти к заключению, что в этом районе, т.е. в северо-восточном углу римского города, прослеживается «военная» архитектура. Даже исследователи, которые скептически относятся к выводам Прехта, признают, что здесь мы имеем дело с «особой территорией»[49]. Не исключено, что в дальнейшем будут обнаружены и другие участки со следами длительного присутствия легионеров.

Обстановка вокруг *oppidum Ubiorum* в первые десятилетия его существования оставалась тревожной. Наличие легионеров рассматривалось убиями в качестве преимущества: близость несметных орд германцев была очевидной. От присутствия воинских контингентов поселение смогло отказаться лишь с укреплением лимеса во второй половине правления Тиберия. Размещаясь неподалеку, за городским валом, а также в Альтебурге и далее в Бонне и в Нойссе, они постепенно освобождали место для растущего населения города Убиев. Со временем вокруг него начали возводиться мощные каменные стены. Но этому предшествовала одна серьезная перемена.

В 50 г. в *oppidum Ubiorum* была выведена колония ветеранов и он обрел статус города италийского права[50]. Поселение стало называться *Colonia Claudia Ara Agrippinensium* (в надписях – *CCAA*). В повседневной речи употреблялось более краткое название – *Colonia*

---

nel N. Die Umwehrung des römischen Flottenlagers Alteburg in Köln-Marienburg // Ibid. S. 569–625.

[48] Надпись: PRIN[CEPS] LEG[IONIS] XIX. Впервые опубликована: *Doppelfeld O.* Rom am Dom. Köln, 1970. S. 7. Taf. 10.

[49] *Precht G.* Die Ausgrabungen um den Kölner Dom. Vorbericht über die Untersuchungen 1969/70 // KJb. 1971. Bd. 12. S. 52 ff.; cf.: *Gechter M., Schütte S.* Op. cit. S. 93 (авторы не соглашаются с Прехтом, но признают, что участие военных в строительстве было необходимостью и даже указывают на прямоугольный участок площадью 2,5 га в северной части города Убиев, где могла размещаться вексилляция XIX легиона).

[50] Это зафиксировано в Дигестах Юстиниана (Dig. L.15.8.2: *In Germania inferiore Agrippinenses iuris Italici sunt*). Таких колоний было всего три от берегов Атлантики до Рейна (две другие – Лион и, неподалеку от него, Виенна). Статус давал дополнительные льготы для граждан, в частности, послабления в налогообложении.

Agrippinensium (*Tac.* Hist. I.56 sqq.; IV.20, 25 etc.), *Claudia Ara* или просто *Ara*[51]. С сер. III в. используется также наименование *civitas Agrippinensium, Colonia Claudia Agrippina* и *Colonia Agrippina*. Последнее название в литературных памятниках IV в. встречается наряду с *Claudia Agrippina* или просто *Agrippina*. Жители называли себя *Agrippinenses* – агриппинцы. На закате Римской империи и в франкско-каролингский период писали и просто *Colonia* – это написание встречающееся у Григория Турского, Фредегара, превращается позднее в немецкое *Coellen* – *Cölln* – современное написание *Köln*, французское и английское *Cologne* и т.д.[52] Несомненно, это одно и то же поселение на различных этапах его развития. Соответственно, в дальнейшем при обозначении города мы будем употреблять полное и сокращенные латинские обозначения, аббревиатуру *CCAA*, «Колония Агриппины», «Колония» и «Кёльн».

Обретение нового статуса произошло по инициативе Агрипины Младшей, жены императора Клавдия, решившей таким образом почтить место своего рождения (*Tac.* Ann. XII.27.1). Агриппина добилась своей цели путем выведения в город Убиев колонии ветеранов, названной ее именем[53]. За этим стоял политический расчет. Тацит, сообщая об описываемом событии, прямо указывает на желание Агриппины продемонстрировать свое влияние. Целью являлось не просто заявить о себе как самостоятельной политической фигуре, но и подчеркнуть непосредственную, личную связь с нижнегерманскими легионами, на которую она претендовала уже в силу своего происхождения[54]. Жаждавшая власти Агриппина хорошо понимала роль армии в новой государственной системе. Учитывая непопулярность Клавдия в войсках, она стремилась заполнить образовавшийся вакуум по этой

---

[51] Полное название означает: Колония <римских граждан> «агриппинцев», основанная императором Клавдием у Алтаря <Августа и Ромы>. См.: AE. 1929. 210; CIL. VI.3175=XIV.208 etc.; *Fremersdorf F.* Op. cit. S. 18–19.

[52] *Binsfeld W.* Die Namen Kölns zur Römerzeit // Mouseion. 1960. S. 72 f.

[53] В связи с этим возникает вопрос о том, была ли для этой цели изъята часть земли у союзников–убиев. Представляется, что для расселения ветеранов внутри городских стен могла быть использована территория находившегося здесь ранее легионного лагеря, а свободной земли за пределами города было достаточно. Убии, в первую очередь уже обладавшие римским гражданством, были юридически приравнены к колонистам. Значительную часть колонистов составляли ветераны рейнских легионов, которые давно не были здесь чужаками. Упоминаний о каком-либо противостоянии двух групп населения нет. Об успешном процессе их интеграции свидетельствуют события 70 г. (см. далее). Подробнее об основании колонии см.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 127–177, в частности, о последствиях – S. 152–161.

[54] Агриппина Младшая была правнучкой Августа и внучкой Агриппы (со стороны матери Агриппины Старшей), которые заложили город Убиев. С другой стороны, она была внучкой Друза и дочерью Германика, самых известных завоевателей Большой Германии. О происхождении и генеалогии Агриппины Младшей см.: *Eck W.* Agrippina die Stadtgründerin Kölns. Eine Frau in der frühkaiserzeitlichen Politik. Köln, 1993. S. 8–12.

важнейшей позиции[55]. Таким образом, несмотря на последующее *damnatio memoriae* (*Tac.* Ann. XIV.12; *Dio Cass.* LXI.16.2), ее имя оказалось навсегда вписано пусть не в название, но в историю города.

Колония Агриппинцев развивалась как крупный экономический центр. Но особенно возрастало военное значение города как форпоста Империи на рейнской границе. В то время армия играла все большую роль в государстве, являясь важным политическим фактором, и сосредоточение в регионе больших и боеспособных воинских соединений имело серьезные последствия[56]. Нерон, последний император династии Юлиев-Клавдиев, успел оставить след в истории *CCAA*. Согласно тексту одной надписи, по его распоряжению легионеры построили для города некое крупное здание[57]. После его свержения и начала новой гражданской войны, когда за два года сменились четыре императора, Кёльн вновь стал ареной важных событий. В конце 68–начале 69 гг. верховным командующим на Рейне был Вителлий, всеми путями стремившийся завоевать популярность у солдат. Ночь с 1 на 2 января 69 г. легат проводил как обычно, на очередной пирушке в одном из триклиниев Кёльнского претория. Там нашел его знаменоносец четвертого легиона, сообщивший, что верхнегерманские легионы отказались присягнуть провозглашенному императором Гальбе. Спустя короткое время взбунтовавшиеся солдаты объявили Вителлия императором. Как сообщает Тацит, инициативу проявил I легион, пришедший в *Colonia Agrippinensium* из зимнего лагеря *Bonna* (Бонн). В повествовании об этих событиях Светоний упоминает некоторые подробности, воссоздающие живописные картинки происходившего. Солдаты вытащили Вителлия из спальни (частные покои главнокомандующего в претории) в домашней одежде. В руку ему вложили обнаженный меч божественного Юлия Цезаря, который, якобы, сообщал Вителлию императорское величие. Меч взяли из находившегося поблизости от претория храма Марса, где он символизировал военную удачу Рима и

---

[55] Тацит многократно подчеркивает властолюбивые устремления Агриппины (Ann. XII.3.1; XII.7 sq. etc.). Настояв на добавлении своего имени к названию города, Агриппина, в частности, хотела показать, что ничем не уступает своему мужу – императору Клавдию. Главный город Трех Галлий, Лугдунум, получил статус колонии в 43 г., а в 48 г. – дополнительное имя *Claudia*, поскольку в нем в 10 г. н.э. родился будущий император (*Suet.* Claud. 2.1. Cf.: *Galsterer-Kroll B.* Untersuchungen zu den Beinamen der Stadte des Imperium Romanum // Epigraphische Studien. 1972. Bd. 9. S. 118; *Haensch R.* Die Colonia Claudia Ara Agrippinensium: ein typischer Statthaltersitz? // KJb. 1999. Bd. 32. S. 649 f.).

[56] Во второй половине I в. н.э. на нижнегерманском лимесе протяженностью ок. 320 км располагалось примерно 40 больших и малых укрепленных пунктов, в которых размещалось порядка 40 тыс. воинов. Это составляло почти 1/6 часть всей армии Римской империи (*Bechert T.* Op. cit. S. 141).

[57] AE. 1969/70. P. 443; *Galsterer B, Galsterer H.* Die römischen Steininschriften… No. 178; *Eck W.* Eine Bauinschrift Neros aus Köln // KJb. 1972/3. Bd. 13. S. 89–91.

роль колонии Агриппины как военного форпоста Империи[58]. Новоиспеченного императора, приветствуемого воинами и населением города, провезли на колеснице по самым оживленным улицам. Светоний сообщает еще одну интересную деталь: вернуться в преторий Вителлия заставил вспыхнувший от камина пожар в столовой[59].

В те дни жители Колонии увидели немало такого, что надолго врезалось в их память и лишило безмятежного сна: расправы солдат над неугодными командирами, пятна крови на мостовых и трупы, плывущие вдоль берега Рейна. По улицам проносились посыльные с пакетами, неуверенной походкой проходили подпившие легионеры, а иногда со ступенек претория выносили самого Вителлия, который, «предвкушая положение принцепса, … проводил время в праздности, роскоши и пирах, среди бела дня появлялся на людях, объевшийся и пьяный» (*Tac.* Hist. I.62).

В заключение событий гражданской войны 68–69 гг., окончившейся победой Веспасиана, в Нижней Германии разгорелось восстание Цивилиса, поднявшего против римлян племя батавов. К ним присоединились отдельные галльские, а также многочисленные германские племена, в т.ч. с Правобережья. Восставшие, воспользовавшись ослаблением государства, добились серьезных успехов. Убии, сохранявшие верность Риму, потерпели ряд поражений. На карту было поставлено само существование города. Племена «свободной» Германии жаждали покончить с колонией Агриппинцев, поскольку «этот большой и богатый город вызывал слепую ненависть»[60]. Делегация тенктеров от имени всех германцев предъявила требования декурионам. Особое негодование, судя по заявлениям послов, вызывало то, что римляне разрешали германцам входить в город только «безоружными, полуголыми, под наблюдением конвоиров и за деньги». При этом имелись в виду как отдельные посещения с целью торговых контактов, так и некие визиты, по словам тенктеров, «для обсуждения наших дел» (*Tac.* Hist. IV.63–64).

Разумеется, при посещении Колонии германцы проходили досмотр. Можно себе представить, как они при этом снимали накидки из звериных шкур или материи, под которыми могло прятаться оружие. Оно изымалось на хранение. Для покрытия всех этих «услуг», как и за право торговать, взималась пошлина. Кёльн являлся крупным цен-

---

[58] *Suet.* Vit. 8.1. О происхождении этого меча можно строить догадки. Автор одной из первых книг об античном Кёльне высказал предположение, что это был подарок городу от Агриппины (*Klinkenberg J.* Op. cit. S. 219). Сохранилось предание, что меч символизировал победу над эбуронами. О предполагаемых археологических следах храма Марса между преторием и алтарем Убиев, на месте нового музея Вальрафа-Рихартца, см.: *Wolff G.* Op. cit. S. 174.

[59] *Tac.* Hist. I.56 sqq.; *Suet.* Vit. 7, 8; 14.1; *Plut.* Galba. 22–23.1.

[60] *Tac.* Hist. IV.63, ср.: IV.28. Ср.: комментарий Г.С. Кнабе: «Убии, издавна романизованные, были богаче и культурнее остальных германских племен, что вызывало ненависть последних» (*Корнелий Тацит.* Сочинения в 2-х тт. М.; Л., 1970. Т. 2. С. 293).

тром торгового обмена между двумя мирами: античным и варварским, – и на границе осуществлялись рутинные процедуры.

Особого рассмотрения заслуживает вскользь брошенное замечание о неких совещаниях германцев, происходивших в ненавистном им (всем ли?) городе. Судя по всему, речь идет о встречах представителей германских племен, в первую очередь зарейнских, включая тенктеров. Послами употреблено прошедшее время, но со времени битвы в Тевтобургском лесу прошло более полувека. Непохоже, чтобы спустя два поколения «свободные германцы» так живо вспоминали подробности далекого прошлого. Поэтому, надо полагать, «обсуждения» проводились вплоть до начала восстания в 69 г., по крайней мере, до начала гражданской войны в 68 г. Но с чего бы это германцам решать свои дела в римской Колонии? Не продолжали ли функционировать квазипровинциальные собрания, те самые, что, вместе с культом Ромы и Августа, учредили здесь 75 лет тому назад для Большой Германии? В обвинении тенктеров: римляне «ухитрились отнять у нас даже самое небо», – похоже, говорится об императорском культе, продолжавшем торжественно отправляться участниками собрания все у того же алтаря[61].

Этот чрезвычайно важный пассаж Тацита еще не привлек должного внимания исследователей. Возможно, перед нами свидетельство продолжавшихся регулярных встреч представителей германских племен, включая жителей Правобережья[62]. Не исключено, что как и три четверти века тому, еще функционировало «провинциальное собрание» без провинции – институт, аналогий в Римской империи не имевший. Его долгожительство – лишнее подтверждение и объяснение важного места Кёльна с его алтарем как центра германской политики Империи. С самого начала это была *не* обычная провинция, *не* обычное провинциальное собрание, а культ отправлялся у алтаря с не совсем обычным названием. Все это – полуфикция, полуреальность, но именно такие феномены оказываются подчас особенно живучими. Империя никогда не отказывалась от претензий на Большую Германию, пытаясь сохранять свое влияние всеми доступными методами: дирижируя усобицами и подкупая сторонников, беря в заложники сыновей знати и затем ставя их во главе племен, а при необходимости – совершая военные экспедиции для наказания и устрашения. Но

---

[61] В свое время Арминий возмущался тем, что германцев заставляли поклоняться у алтаря простому смертному, т.е. Августу (*Tac.* Ann. I.59). Каким могло быть название в это время: алтарь Убиев или Агриппинцев, или Германцев?

[62] В литературе высказывались различные мнения о судьбе алтаря Убиев после 9 г.: алтарь сохранил лишь муниципальное значение (*Deininger J.* Die Provinziallandtage… S. 112 f.; *Fishwick D.* The Imperial Cult in the Latin West. Leiden etc., 1987. P. 139); на нем отправлялся культ провинции Нижняя Германия (*Petricovits H.* Rheinische Geschichte. Altertum. Düsseldorf, 1978. S. 123; *Riedel M.* Köln… S. 14) или культ обеих германских провинций (*Stein E.* Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipat. Wien, 1932. S. 36 f.).

для укрепления имперской идеологии и популярности очередного обладателя престола стоило поддерживать также видимость эффективной, успешной политики.

Вернемся к событиям 70 г. Тенктеры в заключение потребовали, чтобы убии срыли стены, убили всех римлян, находящихся на их территориях, а имущество убитых раздали в общее пользование. Землю следовало вернуть во всеобщее достояние, и в целом – вернуться к древним германским установлениям (*Tac.* Hist. IV.63–64).

Убии оказались перед тяжелой дилеммой. Они не могли отказаться от своего уже римского образа жизни, к тому же отдав свой город и имущество на разграбление врагам. Просто отвергнуть требования тенктеров в сложившейся ситуации представлялось невозможным. Основательно подумав, жители колонии дипломатично высказали радость по поводу воссоединения с соплеменниками. В то же время они указали на неразумность снесения стен ввиду приближения римского войска (шли легионы, верные новому императору Веспасиану). В сформулированном в высшей мере осторожно ответе особенно интересна часть, касающаяся проживавших на землях убиев римлян: чужаков не осталось, а «те римляне, которых когда-то переселили сюда, издавна женятся на наших женщинах, они породнились с нами, здесь – их родина и родина их детей. Неужели вы будете столь жестоки и потребуете от нас, чтобы мы собственными руками убивали своих родителей, своих детей и братьев?» Надо думать, что эта характеристика этнического состава населения *CCAA* в определенной мере отражала действительное положение дел по прошествии почти столетия после основания *oppida Ubiorum* и двадцати лет после основания колонии[63].

Декурионам города удалось добиться компромисса. Агриппинцы формально присоединились к бунтовщикам, частично согласились на требования тенктеров, в том числе на отмену пошлины и свободный вход в город, но только безоружным германцам и только в дневное время (*Tac.* Ann. IV.65). Вскоре, осенью 70 г., войско Цивилиса потерпело поражение, восстание было жестоко подавлено. Был восстановлен прежний статус колонии Агриппинцев. В источниках нет упоминания о наказании города за вынужденное участие в антиримском восстании. Безусловно, перевесил отказ выдать римских граждан и сохранение городских стен. Более того, *CCAA* предстояло еще повышение статуса в системе организации Империи.

Спустя полтора десятилетия после описанных событий Колония Агриппины стала главным городом провинции (*provinciae caput*). Это явилось результатом долгого поиска адекватного места для прирейнских территорий в административном устройстве Империи. Наиболее сложным оказался идеологический аспект этой проблемы. В соответ-

---

[63] Тацит считал, что причиной ненависти прочих германцев было то, что убии отреклись от своего народа и приняли имя агриппинцев (*Tac.* Hist. IV.28). Ср.: *Hachmann R., Kossack G., Kuhn K.* Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962; *Weisgerber J.* Die Namen der Ubier. Köln; Opladen, 1968.

ствии с традицией, шедшей от времен Юлия Цезаря, территории по левому берегу Рейна относились к Галлии. С другой стороны, будучи населены преимущественно германцами, они являлись частью Германии, которая мыслилась как страна, вместе с правобережными территориями, до Эльбы, превращенная в провинцию. Так сформулировал положение дел Август в своем «политическом завещании» (RGDA. 26). Но данная идеологическая фикция имела мало общего с реальностью. Правобережная Германия не входила в состав Империи, а территория вдоль левого берега Рейна со времен Тиберия административно состояла из двух военных округов: Верхне- и Нижнегерманского. Они управлялись *legati Augusti exercitus Germanici superioris* и, соответственно, *inferioris*. Несмотря на огромное стратегическое значение этого региона, после крушения грандиозных планов Августа учреждение куцей провинции на левом берегу Рейна выглядело бы как признание собственного поражения.

Решающий шаг сделал Домициан, который не слишком дорожил традициями. Через 70 лет после смерти Августа и отказа Тиберия от Большой Германии, Домициан захватил сравнительно небольшую, хотя и важную область между верховьями Рейна и Дуная – Декуматские поля (*Decumates agri*)[64]. Около 85 г. н.э., после пышного триумфа учредили две новые, сравнительно небольшие провинции[65]. Ими стали *Germania superior* (Верхняя Германия) с главным городом *Mogontiacum* (ныне Майнц), в нее, собственно, и вошли вновь завоеванные территории, и *Germania inferior* (Нижняя Германия) с главным городом *Colonia Claudia Ara Agrippinensium*.

Многое ли изменилось в Кёльне с приобретением нового статуса? В целом можно ответить отрицательно, не случайно точная дата этого события не отразилась в анналах истории. Колония фактически давно играла эту роль. Победы и триумф Домициана были фарсом (*Plin.* Paneg. 16–17; *Dio Cass.* LXVII.7), а образование провинций – видоизменением старой фикции. Следует подчеркнуть, что «столица» не получила привилегий в смысле особого финансирования из центральной казны или преимуществ в распределении государственных заказов, официальных налоговых льгот, строительства роскошных резиденций с пышным двором, – всего того, что могло бы происходить в эпохи абсолютизма или госкапитализма с его всесильной бюрократией.

---

64 Термин *decumates*, возможно, кельтского происхождения. Старый перевод «Десятинные поля» в настоящее время не употребляется.

65 Точное время учреждения двух германских провинций неизвестно. В 83 г. Домициан, вернувшись в Рим, отпраздновал триумф над германцами и получил почётное имя Германик. Первое упоминание о *Germania superior* относится к 27 октября 90 г. в одном военном дипломе: CIL. XVI.36. Между этими двумя событиями, а именно в 85 г., в Риме были выпущены монеты с надписью *Germania capta* («Германия захвачена»). См.: BMC Emp. II. P. 362. №. 294. Это официальное провозглашение захвата страны и было, повидимому, основанием для изменения статуса территорий, фактически уже давно управлявшихся легатами императора. См. также: *Raepsaet-Charlier M.T.* Germania inferior et Germania superior // Latomus. 1973. T. 32. P. 158 ff.; *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 217 ff.

Кёльн вообще на протяжении своей истории мало вкусил от «господской» щедрости, но развивался и достигал процветания, рачительно используя собственные ресурсы и возможности. Разумеется, нахождение в городе наместника и его аппарата, присутствие многочисленных просителей и гостей, как и расположение в регионе крупных воинских контингентов и флота, благоприятно сказались на экономическом развитии. Это сулило населению тем большие выгоды, что Домициан еще в начале своего правления поднял на одну треть жалование всем воинам[66].

Мы не располагаем сколько-нибудь подробным описанием того, как функционировала администрация Нижней Германии. Но в основных чертах она не могла принципиально отличаться от администрации остальных регионов Империи[67]. Официальный титул наместника звучал как *legatus Augusti pro praetore provinciae Germaniae inferioris*. Большинство его коллег распоряжались, кроме прочего, еще и казной. Исторически в Германии сложилось иначе (как и примерно в 20% других провинций). Когда-то, планируя завоевание Большой Германии на фронте огромной протяженности и с несколькими командующими, Август решил сосредоточить финансирование в глубоком тылу, в главном городе Белгики. Там, в Августе Треверов (Трир), и находился специальный прокуратор. Этот порядок сохранили, так что после учреждения Германий *procurator Belgicae et duarum Germaniarum* распоряжался финансами трех провинций. К тому времени нижнегерманские легионы со ставкой в Кёльне уже дважды (в 14 и в 68–69 гг.) отказывались признать власть законного императора, и отделение финансов от самой большой армейской группировки явилось разумной предосторожностью. В *CCAA* находилось лишь представительство прокуратора, через которого производились необходимые расчеты и выплаты наместнику[68].

Кроме финансов, полномочия наместника Нижней Германии практически не ограничивались. В их основе лежал империй – высшая гражданская и военная власть, дававшая с древнейших времен ее обладателю также право судить граждан. Наместника провинции,

---

[66] *Suet.* Domit. 7.3. Различные стороны устройства и повседневной жизни *CCAA* как столицы провинции освещались Р. Гэншем и В. Эком: *Haensch R.* Das römische Köln… S. 5 ff.; *idem.* Die Colonia Claudia Ara Agrippinensium…; *Eck W.* Die Anfänge des römischen Köln und seine politisch-administrative Stellung in der hohen Kaiserzeit // GiK. 1979. Bd. 4. S. 4–24; *Eck W.* Köln in römischer Zeit…, особенно S. 273 ff. etc.

[67] См.: *Колосовская Ю.К.* Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. 1988. № 4; *Eck W.* Niedergermanische Statthalter in Inschriften aus Köln und Nettersheim // Bonner Jahrbücher. 1984. Bd. 184. S. 97–115; *idem.* Die Statthalter der germanischen Provinzen vom 1–3 Jahrhundert. Köln; Bonn, 1985; *Haensch R.* Capita provinciarum. Mainz, 1997.

[68] В Кёльнских надписях засвидетельствованы управляющие финансами (*dispensatores*): *Galsterer B, Galsterer H.* Die römischen Steininschriften…193 = AE. 1974. 449; *eidem.* Neue Inschriften aus Köln II… 26 = AE. 1984. 664. В городе должны были также находиться управляющие собственностью императора. См.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 264–272.

как проконсула, сопровождали пятеро ликторов с фасциями, символизировавшими право высшего магистрата на месте решать вопрос о жизни и смерти[69]. Он принимал окончательное решение по важнейшим уголовным делам, тем, что могли повлечь тяжкие наказания с нанесением ущерба отдельным органам или лишением жизни. Только наместник мог принимать решения по гражданским делам, если речь шла о значительной спорной сумме, скажем, от 1000 сестерций. По текущим вопросам, находившимся в компетенции органов самоуправления, наместник выступал в качестве контрольной или апелляционной инстанции. В случае проведения крупных мероприятий, таких как строительство амфитеатра или городских укреплений, требовалось его утверждение. Императорскому легату приходилось также вмешиваться при столкновении интересов различных общин или группировок внутри общины, или если для проведения какого-либо мероприятия следовало применить силу[70]. Наместник и члены его штаба принимали решения и вершили суд не только в главном городе, но также в ходе регулярных поездок по своей провинции[71].

Таким был обычный круг обязанностей и полномочий любого римского наместника в Империи, от Темзы до Евфрата. Имеются и конкретные свидетельства из Кёльна. В первую очередь, это уникальный археологический комплекс – преторий (*praetorium*), или дворец наместника провинции Нижняя Германия[72]. Его массивные стены обнаружили в 1953 г. в ходе расчистки руин ратуши (т.н. «Испанского строения»), оставшихся после бомбежек второй мировой войны. Раскопки и консервация проводились в 50–60 гг. под руководством Отто Доппельфельда. Восстановление здания осуществили таким образом, что к законсервированным в подвальном этаже остаткам (площадью примерно 180 х 180 м) обеспечен доступ посетителей. Остальную часть вскрытой (восточной) части внушительного архитектурного

---

[69] Германские военные округа, затем провинции, управлялись проконсулами. О пяти ликторах у наместника императорской провинции см., напр.: *Dio Cass.* LIII.13.8. Ср.: *Haensch R.* Das römische Köln… S. 22.

[70] *Nörr D.* Imperium und Polis in der Hohen Prinzipatszeit. München, 1969. S. 17 f.

[71] О таких поездках сообщает Тацит: *Tac.* Hist. I.52.1; V.22.1; ср.: *Suet.* Vit. 8.1 (об инспекционной поездке Вителлия, назначенного наместником Нижней Германии, в декабре 68 г.).

[72] Уникальность Кёльнского претория заключается в его несомненной идентификации. Р. Гэнш, исследовавший письменные свидетельства о существовании *praetoria* в Империи, нашел их лишь для четверти из 48 провинций (*Haensch R.* Capita provinciarum. S. 375). Специально изучивший вопрос Ф. Шефер (*Schäfer F.F.* Das praetorium in Köln und weitere Statthalterpaläste im Imperium Romanum: eine baugeschichtliche Untersuchung und eine vergleichende Studie zu Typus und Funktion. Köln, 2005) считает, что лишь пять известных памятников могут быть надежно идентифицированы как дворцы провинциальных наместников. Кроме Кёльнского, он подробно рассматривает претории следующих провинциальных центров: *Aquincum* (Будапешт, Венгрия), *Caesarea Maritima* (Кейсария, Израиль), *Carnuntum* (Петронелль-Карнунтум, Австрия), *Apulum* (Алба-Юлия, Румыния) и *Dura Europos* (на берегу Евфрата в Сирии).

комплекса задокументировали и, кроме выходящей на площадь апсиды, засыпали. В настоящее время раскопки на прилегающей площади возобновлены[73].

Постройку характеризуют уже ее масштабы, а также количество обнаруженных *in situ* штемпелей на кирпичах (свыше 800), более нигде не встречающихся. Найденная еще в 1630 г. в непосредственной близости от ратуши надпись Квинта Тарквиция Катула[74], а также целый ряд других исторических свидетельств, позволили однозначно идентифицировать это строение в качестве претория. Вначале на этом месте находилась ставка командующего нижнегерманскими легионами и главнокомандующего всей рейнской армией, а затем – дворец наместника провинции. Здесь побывали многие известные герои римской истории, подчас разыгрывались события общеимперского значения и масштаба. Открывшаяся картина многочисленных перестроек показывает, что с размахом заложенное сооружение использовалось на протяжении длительного времени, максимально приспосабливаясь к потребностям наместника и его аппарата. Изучение перестроек претория позволяет конкретизировать и наглядно представить важные моменты политической истории Кёльна[75].

Строительство претория началось еще в первые десятилетия I в. н.э. От первой капитальной постройки (период I) сохранились остатки двух параллельных, на расстоянии 4,2 м друг от друга, фундаментов из трахита. Их протяженность в меридиональном направлении – более 60 м. К этому же этапу строительства (время Тиберия) относится открытая почти в 30 м к югу небольшая апсида. Судя по всему, это остатки выполненной в камне ставки командующего нижнегерманскими легионами[76]. Высказывавшееся мнение, что первоначально эта ставка располагалась в *Vetera* (*Xanten*), не может быть принято, уже исходя из рассказа Тацита о событиях 14 г. н.э. В здании, являвшемся предшественником обнаруженного сооружения, или уже в нем самом, родилась в 15 г. дочь Германика Агриппина Младшая[77]. Без сомнения, все это происходило в *oppidum Ubiorum*[78].

---

[73] Целью является создание археологического парка площадью ок. 10 000 м^2, основу которого составят раскопки претория и средневекового еврейского квартала. Работы продолжаются.

[74] Кёльнская «надпись Катула» – единственная на территории Римской империи, в которой однозначно читается слово *praeto[r]ium*: CIL XIII.8170 = Dess. 2298 = *Galsterer B, Galsterer H.* Die römischen Steininschriften… № 11. *Durant C.* Herrschaftsarchitektur: Das römische Praetorium der Stadt Köln // Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Köln, 1999. Bd. I. S. 30–34.

[75] См.: *Doppelfeld O.* Rom unter dem Rathaus. Köln, 1956; *Precht G.* Baugeschichtliche Untersuchung zum römischen Praetorium in Köln. Köln; Bonn, 1973; *Neu S.* // Ausgrabungen in Rheinland. 1983/4. Köln; Bonn, 1985. S. 238–242; *Wolff* G. Op. cit. S. 180–197.

[76] *Precht G.* Baugeschichtliche Untersuchung… S. 16 ff. Видимо, в этом претории (*praetorium I*) с 13 по 17 гг. жил с семьей Германик.

[77] День рождения Агриппины, 6 ноября, однозначно документирован в актах Арвальских братьев под 57 и 58 гг., когда были принесены посвященные

Второй период строительства претория (II) характеризовался существенным расширением его размеров, особенно в северном направлении. Среди важнейших конструкций укажем на «полукупольную постройку» – помещение длиной 45 м с двумя нишами в виде раковин по краям[79] и «дом у городской стены», соединенный с основным зданием «залом с колоннами». Хронологически этот этап строительства соответствует второй половине I в. н.э., когда город уже обладал статусом колонии. В этом претории, устраивая разнузданные пирушки, неумеренно радовался императорскому титулу Вителлий.

С Колонией связаны и другие известные события. В 88 г. наместник Верхней Германии Луций Антоний Сатурнин убедил находившиеся под его началом два легиона выступить против Домициана. Сатурнин пытался связаться и с соседними провинциями, возможно также с хаттами. Но его нижнегерманский коллега Лаппий Максим не позволил вовлечь себя в заговор, как Вителлий два десятилетия тому назад, и во главе своих четырех легионов, вместе со вспомогательными частями и рейнской флотилией, немедленно двинулся из Колонии Агриппины на юг, к Майнцу. Эти события тем более взволновали агриппинцев, что один из нижнегерманских легионов, *legio I Minerva*, только недавно, в 83 г., сформировали из их молодежи. Еще до подхода императора с преторианцами из Рима и Траяна с испанским легионом узурпатор вместе со своими союзниками был разгромлен. Возможно, Домициан, щедро наградивший нижнегерманских солдат, почтил своим пребыванием и Кёльн[80].

Впрочем, и без этой сомнительной чести Кёльну повезло на побывавших в нем незаурядных людей, привносивших в жизнь далекой рейнской окраины особый флер. Командующим нижнегерманским войском, а затем наместником Нижней Германии, как уже говорилось, мог стать только сенатор-консуляр, т.е. представитель римской элиты. Многих из них мы знаем лишь по именам. Кроме членов императорской фамилии при Августе и Тиберии, заслуживает упоминания Гней

ей жертвы (CIL. VI.2041 = Dess. 229). В качестве года рождения возможен и 16 г. н.э. См.: *Eck W.* Agrippina die Stadtgründerin… S. 8 + Anm. 2.

[78] *Tac.* Ann. I.33–44. Мнение о размещении ставки в Ветера высказывал Теодор Моммзен: *Mommsen Th.* Römische Geschichte. B., 1927. Bd. V. S. 108, 121. Cf: *Stein E., Ritterling E.* Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipat. Wien, 1932. S. 31 ff. В современной литературе преобладает иное мнение. Так, Вернер Эк аргументировано показал, что ставка нижнегерманских легионов и центр всего нижнерейнского региона со времени Августа и до конца римского владычества размещалась в городе Убиев/Колонии Агриппине: *Eck W.* Die Anfänge des römischen Köln… S. 16–17; *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 77 ff., 242; *Haensch R.* Das römische Köln… S. 16 sqq. + Anm. 31.

[79] Т.н. *Konchenbau* – от греч. «c*oncha*», раковина.

[80] Единственное упоминание у Плиния Младшего (*Plin.* Paneg. 82.4) не позволяет определить, в каком из мест на Рейне побывал Домициан. Ср.: *Suet.* Domit. 6.2.

Домиций Корбулон, победитель хавков в 47 г.[81], позднее успешно управлявший провинциями в Малой Азии и Сирии и добившийся блестящих побед в войнах с Арменией и Парфией. Из других наместников зримые следы оставил Сульпиций Скрибоний Руф, известный тем, что велел построить в *CCAA* некое здание, а также Луций Мартин, распорядившийся в 211 г. восстановить в городе храм Юпитера Долихена[82].

Примечательно второе пребывание на Рейне Марка Ульпия Траяна, именно в Кёльне ставшего императором. После убийства в 96 г. Домициана сенаторы избрали принцепсом своего старейшего и уважаемого коллегу, М. Кокцея Нерву. Для укрепления его положения и обеспечения поддержки армии наместником и командующим верхнегерманской армией был назначен Траян, уроженец испанской провинции Бетика, который в октябре 97 г. стал соправителем Нервы. Наделенный высшими военными полномочиями, он немедленно перебазировался из Майнца в Кёльн: в Нижней Германии находились четыре легиона. Дополнительным поводом могла стать и проявленная незадолго до этого, в 88 г., верность нижнегерманского войска по отношению к Домициану – эту особую связь с троном Траян надеялся поддержать и использовать[83].

В осенне-зимние месяцы 97/98 гг. в Колонии царило особое оживление. Сенаторы и высшие армейские офицеры, посланники провинций и общин со всей Империи, спешившие продемонстрировать свою лояльность, работники канцелярии и императорские вольноотпущенники, вновь сформированная гвардия, курьеры, – все они не только толпились в претории, но и заполняли улицы обычно спокойного северного города. Конечно, присутствовали и лояльные представители германской знати. Граждане Колонии также как могли демонстрировали свою преданность новому цезарю, приветствуя его приезд и устраивая торжественные жертвоприношения в храмах, в частности, на местном Капитолии, где находился храм Юпитера, Юноны и Минервы, и на алтаре Убиев. Преторий *CCAA* стал в эти месяцы вторым Па-

---

[81] *Tac.* Ann. XI.18–20. Тогда Клавдий, опасаясь слишком громких побед Корбулона и как следствия – популярности полководца, не позволил ему довести войну до конца.

[82] AE. 1969/70. P. 443; CIL. XIII.8201; comp.: *Dio Cass.* LXIII.17 (о братьях Скрибонии Руфе и Скрибонии Прокуле, наместниках двух Германий, которые в 66 г. были вызваны Нероном в Ахайю и по его приказу покончили собой). См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 34; *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 700–701 (список нижнегерманских военачальников и наместников, которые жили в Кёльне). Исчерпывающая информация о наместниках, сенаторах, легионных легатах и легионных трибунах сенаторского звания, которые служили в обеих германских провинциях в I–III вв. содержится в монографии: *Eck W.* Die Statthalter der germanischen Provinzen…

[83] Не исключено, что в связи с событиями 88 г. Траян уже встречался в районе Майнца с нижнегерманскими легионами. Особое положение Траяна в Кёльне демонстрирует один военный диплом, датируемый 20 февраля 98 г., в котором говорится, что войско находится под (непосредственным) командованием Цезаря Траяна Августа (*que sunt sub imperatore Caesare Traiano Augusto*). См.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 227–228.

латином. Трудно вообразить, насколько была запружена людьми Колония Агриппины, чье население в обычное время составляло едва ли 20 тыс. человек[84]. Любопытству и удивлению жителей Колонии Агриппины не было границ. В первый раз они увидели не только такое количество римлян в белоснежных тогах и германцев в кожаных штанах, но и людей всякого цвета кожи и в самых разнообразных одеждах с Востока, из Африки, Испании и Паннонии, со всех концов ойкумены.

В эти дни в Кёльнском претории обсуждались проблемы, значение которых выходило далеко за пределы недавно построенных городских стен, здесь решались и судьбы людей, занимавших ключевые посты в средиземноморской империи. Префекта претория Касперия Элиана, пытавшегося навязать свои решения Нерве, вместе с частью его преторианцев, Траян вызвал в Германию, якобы для собственной охраны. По прибытию префекта, как и других участников смуты, немедленно казнили. Эти и прочие энергичные меры оказались тем более своевременны, что престарелый Кокцей Нерва вскоре умер (28 января 98 г.). Спустя несколько дней весть достигла Траяна[85]. Доставил сообщение не кто иной, как будущий император Адриан.

CCAA стала свидетельницей невиданных еще в этих краях пышных и громких торжеств. Старшее поколение агриппинцев сравнивало происходящее с тем, что они видели 30 лет тому назад, когда приветствовали и поздравляли Вителлия. Но то был самозванец, и все знали, что еще предстоит гражданская война. Теперь же люди радовались мирному переходу власти от отца к сыну. В храмах города принесли обильные жертвы, новый принцепс провел гладиаторские игры и раздачи. Агриппинцы почувствовали себя причастными к привилегированному Римскому Народу.

В Кёльне Траян принял многие решения, определившие политику Империи на годы вперёд, провел важные назначения. Одним из префектов претория стал вызванный из Трира Секст Аттий Субуран Эмилиан, в критический момент оправдавший надежды в качестве прокуратора трех провинций. Во время церемонии введения в должность Траян сказал: «Я вручаю тебе этот меч, который должен служить моей защите до тех пор, пока я действую справедливо. Если я буду поступать несправедливо, используй его против меня» (*Aur. Vict.* Caes. XIII.9).

Ряд распоряжений Траяна касался непосредственно региона. Ремонтировались и, где необходимо, прокладывались новые участки стратегической дороги вдоль левого берега Рейна: от Кобленца через Бонн, Кёльн, Нойсс, Ксантен к Наймегену и далее, к побережью Северного моря. Укреплялись военные лагеря в низовьях Рейна. В целом

---

[84] Ср. аналогичные ситуации – наплыв людей в Александрии в 69 г., после провозглашения Веспасиана императором (*Ios.* BJ. IV.656) и в Трире, когда там в 311 г. родился Константин (Paneg. Lat. 5(8).2.1).

[85] О том, что весть о смерти приемного отца достигла Траяна в Кёльне (или недалеко от него) упоминают некоторые поздние авторы: *Eutrop.* VIII.2.1–2; [Ps.-Aur. Vict.]. Epit. de Caes. XIII.3; *Oros.* VII.12.2 etc.

Траян взял курс на поддержание мира с правобережными племенами, поскольку на горизонте маячила большая война в Дакии на Дунае. Следовало стабилизировать ситуацию на Рейне и высвободить отсюда часть легионов. В русле этой политики проводилась также широкая раздача гражданских прав солдатам вспомогательных войск и учреждение второй римской колонии в Нижней Германии, носящей имя императора – *Colonia Ulpia Traiana* недалеко от постоянного лагеря *Vetera II*, в районе современного Ксантена[86]. Агриппинцев появление конкурентов вряд ли обрадовало, как и передислокация из региона, в частности из Нойсса, ряда воинских соединений.

Летом 98 г. Траян покинул берега Рейна: его ждали завоевание Дакии, Аравии, Месопотамии. За императором тронулись в южном направлении многочисленный штаб и двор, преторианцы, семья, прислуга и множество других сопровождающих. Вначале казалось, что город опустел. Но провинциальный центр уже давно приобрел свой, и довольно интенсивный, жизненный ритм. Наместник провинции и его штаб[87], представители общин и обычные посетители, решавшие текущие вопросы с администрацией или вынужденные вести судебные разбирательства, а больше всего – народ, регулярно приходивший и приезжавший на крупнейший рынок региона, все они наполняли улицы античного Кёльна. Многие оставались, и не на один день. Раз в год прибывали участники провинциального собрания. Агриппинцы радовались всем – приезжие приносили немалый доход. Гости города пили, ели, что-то покупали у местных ремесленников, торговцев, многие ночевали, кому-то хотелось развлечься. Несмотря на отдельные не слишком радостные для агриппинцев нововведения в провинции, обстановка складывалась благоприятно. Не только на берегах Рейна, где установился мир и относительное спокойствие, но и в целом по Империи: начался «золотой век» Антонинов.

Около 151 г. хозяином претория стал один из выдающихся римских юристов Сальвий Юлиан, автор «Дигест» в 95 книгах. Он начал свою карьеру при Адриане (117–138) и продолжил при Антонине Пие (138–161) как претор, консул (148 г.) и префект Рима, входил в совет императора. Весьма характерно, что в качестве одного из сопровождающих (*comes*) Сальвий Юлиан взял с собой в *CCAA* некоего Кв. Элия Эргилия Оиарета. О нем мы знаем по надгробию, найденному недалеко от Кёльна. Установившие погребальную стелу жена и дети назвали Оиарета философом и другом Сальвия Юлиана[88]. Таких образованных

---

[86] Недалеко от этого места ранее находился лагерь двух легионов – *Vetera casta*. Он был разрушен во время восстания батавов в 70 г. Спустя некоторое время рядом был устроен новый легионный лагерь – *Vetera II*, который держал под контролем устье реки Липпе, впадавшей здесь с восточной стороны в Рейн, затем служил также охране новой колонии.

[87] О специальном здании для размещения лейбгвардии наместника в *CCAA* свидетельствует надпись: AE. 1990. 1251. См.: *Eck W.* Ein Armamentarium für die equites et pedites singulares in Köln // KJb. 1990. Bd. 23. S. 127–130.

[88] CIL. XIII.8159 = Dess. 7776. Сальвий Юлиан приходился прадедом императору Дидию Юлиану.

спутников брали себе наместники с культурными и научными интересами, чтобы в далекой стране не только не растерять, но и пополнить свое образование. Эти люди привносили в далекий провинциальный город атмосферу интеллигентности, скрашивавшую образованным жителям Колонии как будни, так и праздники, когда люди могли провести время в амфитеатре, в цирке (на ипподроме) или в театре. Это соответствовало духу времени: неслучайно у кормила Римской империи периода ее расцвета стояли выдающиеся принцепсы. Все же в далеком от ведущих культурных центров городе Сальвий Юлиан не надеялся найти достойного собеседника. Надо думать, получить хорошее образование в *CCAA* было непросто. Скорее всего, именно в этом кроется ответ на часто задаваемый вопрос, почему неизвестны уроженцы Колонии, которые бы сделали большую карьеру и вошли в высшее сословие Империи. Наперечет известны агриппинцы, достигшие всаднического ранга, среди них префект претория Тит Флавий Констанс (2-я пол. II в.?), прокуратор Г. Тит Симилис (III в.), еще два офицера всаднического ранга, но ни одного сенатора[89].

Традиция очень скупо повествует о самом благополучном периоде истории *CCAA*. Античную историографию, почти как современную журналистику, больше интересовала «большая политика», в т.ч. дворцовые интриги и интрижки, войны и конфликты, в провинциях внимание могли привлечь только экстраординарные события с пролитием крови. Поэтому хорошие времена вдали от столицы Империи могут изучаться в основном по данным археологии и надписям.

Общее представление о размерах *CCAA* и ее благосостоянии дают городские стены, построенные во второй половине I в. н.э.[90] Длиной ок. 3912 м[91], они повторили контур первоначального земляного вала с частоколом, окружавшего город Убиев. До сих пор сохранились отдельные фундаменты и основания, фрагменты самих стен и даже одна башня[92]. Мощные стены из римского бетона (*opus caementicus*) возводились на фундаменте шириной и высотой до 3 м. Толщина стен составляла 2,4 м, а общая высота вместе с зубцами достигала 7,8–

---

[89] *C. Titius Similis* (CIL. II.484); *T. Flavius Constans* (CIL. XIII.12057). См.: *Hesberg H., von.* Philosophen im römischen Rheinland – Bildung, otium und soziale Distinktion in der Provinz // KJb. 2004. Bd. 37. S. 23–38.

[90] Эти стены в 70 г. требовали снести послы тенктеров, из чего некоторые исследователи приходят к заключению, что к этому времени строительство завершилось. Но в ответе убиев содержалось упоминание о необходимости их укрепления (*Tac.* Hist. IV.63–64; 65; comp.: Ann. XIII.57).

[91] Подсчеты показали, что длина стен колонии Агриппины (3911,8 м) составляет 1/5 длины стен Рима времени Веспасиана. Некоторые исследователи видят в этом результат расчета, а не просто совпадение.

[92] О стенах античного Кёльна написаны книги и множество статей. См., напр.: *Doppelfeld O.* Die römische Stadtmauer in Köln // Kölner Untersuchungen. Kunstdenkmäler des Rheinlandes. Essen, 1950. Beiheft 2. S. 3–40. Эта работа до сих пор остается нормативной, заложенная в ней нумерация башен, ворот и отрезков стены применяется в большинстве публикаций по теме. Ср.: *idem.* Das Denkmal Nr. 1 – die römische Stadtmauer. Köln, 1979. S. 25–43; *Süßenbach U.* Die Stadtmauer… etc.

8 м[93]. Перед стенами пролегал ров. С трех сторон (кроме восточной) стены усиливались 19 башнями, 6 ворот выходили на важнейшие дороги. Некоторые ворота, в т.ч. наиболее известные северные, а также лежавшие напротив по *cardo maximus* южные и центральные западные, имели по три входа, в центре для повозок и по сторонам – для пешеходов[94]. С восточной стороны выявлено две параллельные стены. Одна, проходившая вблизи берега реки, имела три башни с воротами, обращенными к гавани. На расстоянии 8 м от нее располагалась причальная стенка. Еще одна стена, выполнявшая также функцию подпорной, проходила по контуру основания платформы, на которой располагался собственно город.

Поскольку Кёльн уже при основании получил правильную планировку, в античный период она существенно не менялась. Но вплоть до конца II в. продолжались работы по благоустройству, велось общественное и частное строительство[95]. Как уже говорилось, важнейшие сооружения располагались в восточной части города и были обращены к Рейну: храм Капитолийской триады, преторий, постройки Форума и Священный участок. Их богато украшали мраморная облицовка и статуи. На западе Форум, располагавшийся на пересечении *cardo* и *decumanus maximus* и занимавший площадь шести инсул, завершался апсидообразной экседрой шириной 141 м. С восточной стороны к нему примыкали базилика, далее священный участок и храмы. Локализованы и некоторые другие здания, в т.ч. двойной храм, подобный известному в Наймегене храму Фортуны и Меркурия, а также многочисленные святилища Митры – митреумы. К западу от Форума археологи обнаружили остатки больших терм, занимавших две инсулы. Раскопки 2007 г. показали, что по планировке они напоминали Императорские бани в Байах[96].

---

[93] Это сооружение было настолько прочным, что люди были не в состоянии его разобрать на протяжении сотен лет. Современная техника с трудом справляется с подобной задачей – как правило, с помощью небольших взрывов. Средневековую стену Кёльна, в которую частично была интегрирована римская, разрушили в конце XIX в. в ходе расширения города. Сохранившиеся фрагменты, за небольшим исключением, находятся ниже современного уровня поверхности земли.

[94] В частности, единственные северные ворота имели три арки, одну большую и две маленькие. Маленький, боковой вход с аркой можно увидеть и сегодня почти на прежнем месте, на площади перед Кёльнским собором, а большая арка с надписью *CCAA* встречает посетителей на втором этаже Римско-германского музея. Наиболее убедительная реконструкция северных ворот, ориентированная на известную Порта Нигра в Трире, предложена Штефаном Ноем (*Neu S.* Zur Rekonstruktion von Kölns römischem Nordtor // Roman Frontier Studies. Zaiau, 1999).

[95] *Hellenkemper H.* Architektur als Beitrag...; Die Römer in Nordrhein... S. 469–478; *Neu S.* Schildergasse/Ecke Herzogstraße. Fundamente des römisches Forums // Archäologie in Köln. 1992. Bd. 1. S. 31–34; *Irmler B. Colonia Claudia...* S. 324–327; *idem.* Die Criptoporticus am Forum der Colonia Claudia Ara Agrippinensium // Fundort Nordrhein-Westfalen. Köln, 2000. S. 324–327.

[96] Галло-римский храм в *Ulpia Noviomagus* (*Nijmegen*, Нидерланды, провинция Гелдерланд) был открыт в 1921–22 гг., затем еще раз исследован в 1990-

Жилые кварталы тянулись от *cardo maximus* на восток. Эта главная улица, как и *decumanus maximus*, производила на жителей провинции, прибывавших в главный город, не меньшее впечатление, чем преторий и храмы. Трудно представить себе удивление германца, выросшего среди лесов и болот, на берегах Везера или Эльбы, при виде этого великолепия. Центральные улицы по обеим сторонам имели портики шириной 5 м. Расстояние между ними было ок. 22 м. Соответственно, расстояние между строго выровненными фасадами домов составляло порядка 32 м[97]. На улицу выходили многочисленные лавки, мастерские, закусочные.

Фасады богатых особняков украшались пилястрами, фронтонами с барельефами, резными дверями с фигурными бронзовыми ручками. У входов стояли рабы-привратники, в вестибюлях посетителей встречали статуи или бюсты на постаментах. Эти добротно построенные одно- или двухэтажные особняки отличались большими размерами, в среднем ок. 220 м^2, а также прочными конструкциями. Фундаменты и цоколи делались из камня, а остальная часть зданий – из обожженного кирпича, связанного глиной. Это относится и к роскошным комфортабельным особнякам, остатки которых раскопали к югу и западу от современного собора. Там известны дома размером в 1400 и даже 3400 м^2, что сопоставимо с римскими. Примером может служить известная вилла, или дворец, с мозаикой Диониса, интегрированная в Римско-германский музей[98]. Как правило, дома состоятельных людей имели внутреннюю стену, делившую дом на две половины, а также дополнительные перегородки. Эти особняки строились по типу италийских домов с римским по происхождению атриумом, а также перистилем, заимствованным у греков, с небольшим садиком. Во II в., в ходе перестроек, под полами сооружались подвалы и отопительные системы. Большие дома и городские виллы обильно украшались фресками и мозаиками, некоторые из них были довольно высокого каче-

---

е гг. Он идентифицирован благодаря некоторым случайным находкам. См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 46, 49. О митреумах см.: *Ristow G.* Mithras im römischen Köln. Leiden, 1974. О наличии амфитеатра, популярности гладиаторских боев и травли зверей говорят, в частности, некоторые надписи: CIL. XIII.8174 (*vivarium*); ibid. 1248 (медведи, по-видимому, для травли); AE. 1962.108 (доктор гладиаторов). Один из исследователей насчитывает в *CCAA* и ближайшей округе остатки 12 общественных, армейских и частных бань (*Dodt M.* Römische Badeanlagen in Köln // KJb. 2001. Bd. 34. S. 267–331, с табл. на S. 274). См. также: Badeluxus im Zentrum des römischen Köln. Dokumentation historischer Bodefunde. Köln, 2009.

[97] Современная пешеходная *Hohe Straße*, проходящая по оси римской *cardo maximus*, примерно в 3–4 раза уже. Это – наследие тесной средневековой застройки. Следует заметить, что все улицы городов Римской империи были пешеходными. Проезд грузового транспорта разрешался только с вечера до раннего утра (примерно с 16 до 6 часов). Пассажирским повозкам ездить по городским улицам вообще не разрешалось.

[98] Некоторые из римских городских вилл, с садами и прудами, имели площадь до нескольких тысяч м^2. См.: *Сергеенко М.Е.* Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. С. 38–39. О мозаике Диониса см. монографию Г. Горна: *Horn H.G.* Mysteriensymbolik auf dem Kölner Dionysosmosaik. Bonn, 1972.

ства. В большинстве своем виллы выглядели скромнее италийских, известных по Помпеям, Геркулануму или Остии. Фигурная живопись появлялась только в самых значительных помещениях, другие стены могли окрашиваться сплошными или отличающимися цветом полями, полосами и т.п.[99]

Обычные улицы, шириной 20–23 м, выглядели проще двух главных. Инсулы разбивались на четко выраженные участки, застраивавшиеся в различной технике. Преобладали постройки с несущими деревянными конструкциями в виде столбов, балок и брусьев, пустоты между ними заполнялись утрамбованной глиной. Подобные строения могли покоиться на каменных фундаментах из трахита или серой вакки. Они напоминают фахверковые дома, до сих пор распространенные в европейских странах с умеренным климатом.

Уровень благоустройства города на далекой северо-восточной границе Империи был достаточно высок. Мостовые и тротуары первоначально засыпались галькой, во II в. многие улицы вымостили каменными блоками. Во второй половине II в., возможно, при поддержке Антонина Пия, построили, водопровод, снабжавший Кёльн чистой водой с гор Айфеля[100]. Его протяженность составляла порядка 100 км. Под улицами, на глубине до 6 м, пролегали канализационные каналы, иногда превосходившие высоту человеческого роста. Некоторые из них встроены в современную систему отвода дождевой воды. За стенами города, вдоль дорог, хоронили умерших. Известны также места захоронений, примыкающие к загородным виллам. Надгробия с надписями, иногда и с рельефами, являются важными свидетельствами, рассказывающими о *CCAA* и ее истории.

В период своего расцвета (II – перв. пол. III в.) античный Кёльн насчитывал от 20 до 40 тыс. жителей[101]. К концу II в. завершили строительство самых важных городских сооружений. В это же время в очередной раз полностью перепланировали преторий, превратившийся в настоящий дворец – символ римского владычества на Рейне (период III.1). Большую часть прежнего здания снесли, подвалы заполнили образовавшимся мусором, остальное разровняли. Среди немногих старых построек сохранили дом у городской стены и зал с колоннами. Новая галерея построена с таким расчетом, чтобы первый этаж на

---

[99] См.: *Thomas R.* Römische Wandmalerei in Köln. Mainz, 1993.

[100] *Haberey W.* Die römischen Wasserleitungen nach Köln. Bonn, 1972; *Grewe K.* Atlas der römischen Wasserleitungen nach Köln // Rheinische Ausgrabungen. Köln, 1986. Bd. 26; *Eck W.* Antoninus Pius als Stifter eines Aquädukts für die Colonia Claudia Ara Agrippinensium? // KJb. 1995. Bd. 28. S. 631–634.

[101] В последнее время исследователи, к примеру, Т. Бехерт, присоединяющийся к Хелленкемперу, предпочитает осторожную цифру в 20 тыс. человек, из которых 5 тыс. размещались вне городских стен. См.: *Bechert T.* Op. cit. S. 48; *Hellenkemper H.* Köln // Die Römer in Nordrhein-Westfalen. Stuttgart, 1987. Соответственно, вся *civitas*, включая сельское население, могла насчитывать несколько более 35 тыс. чел. См.: *Bender H.* Agrargeschichte Deutschlands in der römischen Kaiserzeit innerhalb der Grenzen des Imperiums // Deutsche Agrargeschichte. Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart, 1997. S. 263–374.

всем протяжении имел выход во двор, ограниченный с востока городской стеной. Поверх нее, со второго этажа, наместник мог наблюдать могучее течение Рейна с проходящими торговыми и военными судами. Утром над безграничными просторами *Germaniae magnae* всходило солнце. В южной части комплекса, на месте небольшого апсидного зала первого периода, вырос огромный зал, *Aula Regia*, завершавшийся с восточной стороны апсидой с внутренним диаметром 14,85 м^2. Преторий III.1 позднее сгорел, в оставшемся мусоре археологи нашли обломки черепицы с именем Дидия Юлиана. Он известен как консул 175 г., с 180 г. находившийся в Кёльне в качестве наместника, позднее император. Сравнительно недавно, в 1984 г., удалось интерпретировать надпись, обломки которой нашли в районе претория еще в XIX в. Из прочтения следует, что постройку III.1 завершил Дидий Юлиан в правление Коммода (180–192) после его похода в Британию, т.е. в 184/185 гг.[102]

Уже с конца II в. в Нижней Германии, как и во всей Империи, все явственнее проявляются признаки стагнации, а вскоре – упадка и кризиса. На Рейне это влекло за собой ослабление границы и сказывалось особенно болезненно. В III в. германская угроза нарастает. Провинция подвергается германским набегам, жители города часто живут в страхе не только за свое имущество, но и за жизнь. К этому времени относится большой клад римских золотых и серебряных монет, найденный на Гертруденштрасе. Его хозяину не повезло: спрятанные на черный день деньги так ему больше и не понадобились[103]. С другой стороны, некоторые богачи не испытывали недостатка ни в чем. Упоминавшаяся мозаика Диониса в огромной вилле с перистилем относится к первой трети III в.

Из хозяев Кёльнского претория периода III.1 следует также упомянуть Галлиена, защищавшего рейнско-дунайскую границу с 254 по 259 гг., в качестве сына и соправителя императора Валериана. Осенью 259 г. Валериан, после очередного поражения, попал в плен к персам. Галлиену, теперь единоличному правителю (до 268 г.), пришлось вести упорную борьбу не только с варварами, но и с многочисленными узурпаторами. Наступил апогей кризиса III в. Империя разваливалась.

Не получая достаточной поддержки из Рима, жители Кёльна опасались нашествия германских орд. Аристократия Западных провинций, убедившись в неспособности центральной власти защитить их от германцев, поддержала узурпатора – Постума, военачальника Галлиена. Осенью 260 г. он взял штурмом Кёльн и умертвил находившихся там сына Галлиена, Салонина, и префекта Сильвана, а затем провоз-

---

[102] О самом Дидии Юлиане еще известно, что в 189 г. он был проконсулом Африки, а в 193 г. правил в Риме 2 месяца в качестве императора. См.: *Eck W.* Die Statthalter… S. 184 ff.; *Wolff G.* Op. cit. S. 181.

[103] В Доме с перистилем на *Gertrudenstraße*, с ценными стенными росписями, построенном и перестраивавшимся на протяжении I в. н.э., было найдено четыре глиняных горшка с более, чем 30000 монет, датируемых временем между сер. I в. н.э. и 236 г. н.э. См.: *Wolff G.* Op. cit. S. 159.

гласил себя императором т.н. «Галльской империи» (Amm. XV.5–6; Zonar. XII.24). Его признали все Западные провинции, столицей стала Колония Агриппина. Из Кёльнского претория Постум довольно успешно руководил обороной рейнской границы. В период кратковременного мира по реке вновь пошли торговые корабли, оживилась экономика региона. В Кёльне чеканились монеты нового государства, отличавшиеся очень высоким качеством. Впрочем, стабилизация оказалась краткосрочной. В 268 г. Постума убили в Майнце собственные солдаты за то, что он не разрешил им грабить город. Наследовавший ему Викторин, вместе со своим сыном, также погиб в Кёльне в 271 г. Их преемники правили слабеющей «империей» из Кёльна и Трира до 273/4 гг.[104]

При всем политическом хаосе, царившем в «Галльской империи», эти годы стали примечательным отрезком Кёльнской истории. Пребывание города в статусе столицы государственного образования, простиравшегося от Британии и Испании до Рейна и Альп, отразило его особое положение на западе Римской империи. Ключевое место Кёльна в германской политике пытался использовать Галлиен. Организовывая отсюда оборону Западных провинций, и, в частности, столкнувшись с необходимостью регулярных выплат воинам, он учредил в *CCAA* монетный двор, направив сюда лучших мастеров. Но глубокий кризис Империи не позволил Галлиену реализовать свои планы. Постум использовал факт особого положения Колонии как стратегического центра Запада, воспользовавшись возможностью чеканить собственную монету как экономическим рычагом и идеологическим средством. На монетах Галльской империи, в частности, изображался покровитель узурпатора, галльский Геркулес – *Hercules Deusoniensis*. Постум, не преследуя цели возглавить всю державу и сосредоточив внимание на Западных провинциях, в сущности, первым попытался осуществить иерархическое разделение власти между собой и главным императором, каким он поначалу признавал Галлиена[105].

С огромным трудом восстановить единство Империи удалось Диоклетиану. В связи с общей реформой управления Нижнюю Германию преобразовали в провинцию Германия Секунда (*Germania II*). Главным городом, конечно, осталась Колония Агриппина (300 г.). Император Константин, который много времени провел в западной столице Империи – Трире, принял особые меры по укреплению рейнской границы. Нам известно о его многократном посещении *CCAA*, в частности, в 310, 313 и 332 гг. Отсюда он совершил несколько походов против франков. По указанию императора в 310 г. на правом берегу Рейна возвели крепость Дивициа (*Divitia*), где разместился XXII легион. Связавший крепость с Колонией Агриппины постоянный мост на сложен-

---

[104] *Drinkwater J.F.* The Gallic empire. Separatism and continuity in the North-Western provinces of the Roman empire A.D. 260–274. Stuttgart, 1987.

[105] См.: *Riedel M.* Op. cit. S. 116–121; *Biegel G.* Die Münzstätte Köln in der Zeit des gallischen Sonderreiches // ANRW. 1975. Bd. 4. Tl. II. S. 751 ff.; *Zschucke C.F.* Die römische Münzstätte Köln. Köln, 1993.

ных из камня быках (деревянный, легко разбиравшийся, наводился время от времени и раньше) не имел здесь аналогий ни ранее, ни позднее, вплоть до XIX в. У Кёльнского берега размещался один из отрядов рейнской флотилии[106].

В 313 г. Константин впервые легализовал, наряду с другими культами, христианство, подмявшее вскоре под себя другие религии[107]. Под тем же годом в качестве участника синода в Риме впервые упоминается Кёльнский епископ Матерн. Константин пригласил в Рим его, в числе трех ортодоксальных священников для дискуссии с донатистами. Император же включил Матерна в число епископов – участников синода в Арле (314 г.), осудившего донатистов как врагов церкви[108]. Примерно в это время в районе ныне известного Кёльнского собора, на месте старой молельни, появилась первая епископская церковь и баптистерий[109]. К IV в. относятся и другие постройки, позднее также превратившиеся в известные христианские храмы. Это, к примеру, первоначальный декагон церкви Св. Гереона, построенный, возможно, как мавзолей матери Константина I, Елены. Она почитается как одна из святых равно католиками и православными (Елена Равноапостольная). При раскопках этого романского храма обнаружены следы предшествовавшего ему алтаря Исиды. Небольшие молельные дома на христианских кладбищах выросли позднее в известные церкви Св. Урсулы и Св. Северина[110].

---

[106] См.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 605 ff. (о мероприятиях Константина на Западе, и в частности, в Кёльне). О крепости *Divitia* и мосте через Рейн: *Caroll-Spillecke M.* Das römische Militärlager Divitia in Köln Deutz // KJb. 1993. Bd. 26. S. 321–444; *Alföldi M.-R.* Das Trierer Stadtbild auf Constantins Goldmultiplum: ein Jahrhundertirrtum // Trierer Zeitschrift. 1991. Bd. 54. S. 239–248; *Wolff G.* Op. cit. S. 260 ff. Мост Константина, согласно преданиям, простоял до X в. и был разобран из-за опасности ночных разбойных нападений на город.

[107] Этому он просто не мог, а потому и не хотел, препятствовать. С другой стороны, известно, что 11 декабря 321 г. Константин издал декрет, в котором уравнял евреев Кёльна в их обязанностях с остальными гражданами. В частности, они должны были войти в городскую курию (*Cod. Theod.* XVI.8.3). Трудно сказать, означало это повышение статуса религиозной общины или напротив, лишало прежних привилегий. Через 10 лет, 1 декабря 331 г. еще один декрет освободил должностных лиц Кёльнской синагоги от общественных обязанностей (ibid. XVI.8.4). Подробнее см.: *Pracht E.* Jüdisches Kulturerbe in Nordrhein-Westfalen. Regierungsbezirk Köln. Köln, 1997. Tl. 1. S. 242.

[108] Участие Матерна в римском синоде: *Eus.* X.5,18 sqq.; *Optat.* I.23 sq. (упоминается как "*Maternus de Agrippa civitate*"). Участие в арльском синоде: *Optat.* ibid. ("*Maternus ex civitate Agrippinensium*"). Конечно, христианская община появилась в Кёльне раньше времени Константина. Косвенное указание на существование епископских общин в обеих Германиях мы находим под 180 г. у Иринея: *Iraen.* I.10.2.

[109] *Ristow S.* Die frühen Kirchen unter dem Kölner Dom. Befunde und Funde vom 4. Jahrhundert bis zur Bauzeit des Alten Domes. Köln, 2002; Das Baptisterium am Dom – Kölns erster Taufort. Köln, 2009.

[110] Stadtspuren – Denkmäler in Köln. Köln, 1984. Bd. 1: Die Romanischen Kirchen von den Anfängen bis zum 2. Weltkrieg.

Константин Великий не мог оставить в руинах пожарища преторий – представительство центральной власти в провинции. При раскопках Кёльнского претория в строительном мусоре в замурованном первом этаже галереи нашли монету Константина I чеканки 309–313 гг. В совокупности с уже перечисленными ранее фактами находка интерпретируется таким образом, что постройка III.1 простояла примерно 125 лет (от 184/185), а ее восстановление после большого пожара относится ко второму десятилетию IV в., т.е. ко времени Константина I. Этот новый преторий (III.2) был настоящим дворцом–*regia*[111]. Он стал кулисой событий, относящихся к 355 г., то есть уже времени правления Константина II (337–361). О них повествует Аммиан Марцеллин, оказавшийся их участником. Полководец Сильван провозгласил себя императором, и Константин II приказал расправиться с ним. Когда убийцы ворвались во дворец, самозванец безуспешно пытался спастись в помещении для собраний христианской общины. Местонахождение этой первой упомянутой в Кёльне церкви не указано[112].

События, происходившие во дворце, стали грозным предвестником грядущей катастрофы. В декабре того же 355 г. город захватили, разграбили и разрушили франки, удерживавшие его 10 месяцев. Преторий, символ римского владычества в Германии, пострадал в первую очередь. Оставалась только южная часть галереи и *Aula Regia*. Прибывший сюда позднее родственник Константина II, будущий император Юлиан, сумел оттеснить франков за Рейн и в 356 г. освободить Кёльн. Согласно описанию Аммиана, город сильно пострадал. Константину II, чтобы на какое-то время обеспечить безопасность на рейнской границе, пришлось заключить мир с одним из франкских королей (*Amm.* XV.8.19; XVI.3.1–2; comp.: *Jul.* Ep. ad Athen. 279 C).

Археологические данные подтверждают сообщение Аммиана о разрушениях в Кёльне. Многие постройки, в особенности выделявшиеся некогда своими размерами, архитектурными достоинствами и убранством, так больше и не восстановили, во всяком случае, от их прежнего великолепия ничего не осталось. Дворец с «дионисовой мозаикой» не отстроили. То же относится и к дому с не менее известной «мозаикой философов». Отдельные дома привели в жилое состояние,

---

111 CIL. XIII.8502 = Dess. 8937; cf.: *Gechter M.* Zur Überlieferung der Bauinschrift des Kastells Divitia (Deutz) // KJb. 1991. Bd. 24. S. 377–380.

112 *Amm.* XV.5.31: *Conventiculum ritus christiani.* Описание события в целом: *Amm.* XV.5.2–31, 35; cf.: *Eck W.* Köln in römischer Zeit… S. 625–627, 815 ff. Предполагают, что речь идет о первом в Кёльне молитвенном помещении христиан. С другой стороны, его предполагают к востоку от Кёльнского собора, где найден баптистерий (см. примеч. 109). В средние века (до 1424 г.) рядом с *Аула Регия* находилась синагога. Хотя наличие значительной еврейской общины в Кёльне, о чем сказано ранее, засвидетельствовано уже в 321 г., античное происхождение этого здания пока не доказано. Бесспорные следы этой синагоги прослеживаются здесь только с X–XI вв. См.: *Gechter M., Schütte S.* Ursprung und Voraussetzungen… S. 107–114; cf.: *Wolff G.* Op. cit. S. 196.

но в гораздо менее привлекательном виде, многие внутренние дворики остались засыпаны обломками руин.

Городские власти приложили усилия для восстановления города, его инфраструктуры. Главные артерии очистили от мусора, мостовые, в частности, на *cardo maximus*, восстановили. Правда, для заделывания брешей вместо прежнего трахита пришлось использовать камень других пород, известняк или песчаник, да и плиты нашлись только меньшего размера. В большие прогалины укладывались надгробные плиты, взятые из прилегающих к городу кладбищ. Даже статуя Венеры пошла в ход. Тем не менее, восстановили не только сплошное каменное покрытие, но и дренажную систему, так что дождевая вода, как и прежде, по специальным канавкам стекала в подземный канализационный канал.

Еще более масштабные мероприятия провели с целью укрепления оборонительной системы. Сравнительно недавно обнаружены следы двух дополнительных стен, датируемых второй половиной IV в. Они соединили северо-восточную и юго-восточную башни прежней стены, окружавшей город, с берегом основного русла Рейна. Таким образом, под защитой укреплений оказался и прежний остров, первоначально отделявшийся от основной территории рукавом Рейна. Он давно заилился, постепенно заполнился мусором, так что уже во II в. практически соединился с берегом (ранее это рассматривалось как результат расширения Кёльна в X в.). На территории бывшего острова выросло предместье с многочисленными мастерскими (в частности, кузнечными и стеклоплавильными), а также портовыми сооружениями и складами. Теперь, с появлением новых стен, предместье стало частью городской территории. Так получилось, что в эти тяжелые времена Колония Агриппина, в отличие от большинства других городов галло-германских провинций, территориально не только не уменьшилась, но существенно расширилась, с 96 до 120 га.

Расширение городской территории не вызывалось экономическими потребностями – на первое место вышла военная необходимость. Построенный ранее Константином I мост начинался на незащищенной территории. Его уязвимость, надо думать, отрицательно сказалась на эффективности обороны, как самого города, так и крепости *Divitia*, что и пришлось принять во внимание. Кроме того, новые стены защитили стоянку Рейнской флотилии. Экономические интересы играли подчиненную роль, тем не менее, для стабильного функционирования экономики было важно, что внутри городских стен оказались ремесленная слобода и особенно – торговые причалы.

Обороноспособности Колонии Агриппины уделялось повышенное внимание: ведь город являлся не только военным форпостом на северных границах Империи и важнейшей экономической базой Рейнской армии, но и центром провинции *Germania II*. По всей видимости, сразу после победы над франками Юлиан распорядился восстановить преторий. Дворец кёльнского наместника отстроили вновь и с еще большей внешней роскошью (фаза IV.1). С восточной стороны, обращенной к Рейну и прилегавшей к городской стене, ансамбль завер-

шался репрезентативным портиком длиной 91 м с галереей шириной 6 м. С севера и юга их ограничивали вестибюли, связанные с апсидными залами. Эти два больших зала (каждый 20 х 12,75 м^2) примыкали к галерее с запада, между ними размещалось мощное 8-угольное строение – октогон, со стороной 6 м и внутренним диаметром 11,5 м. Через него, из внутреннего двора на западе, шел парадный вход во дворец. К югу находилась базилика, перекрытия которой, шириной более 33 м, опирались на колонны. Это была новая *Aula Regia* – зал правителя, с апсидой на восточной стороне, с внутренним диаметром 14,85 м. В этом репрезентативном помещении наместник, сидя на курульном кресле, вершил суд и объявлял официальные решения, в т.ч. зачитывал императорские декреты.

Фундаменты апсиды выходят сегодня на современную площадь перед Кёльнской ратушей. Видна сводчатая конструкция и еще одно отверстие поменьше, служившие для отопления аулы горячим воздухом. С востока на запад, параллельно дворам и коридорам, тянулись анфилады комнат. Отапливаемые полы покрыли мрамором или мозаиками. Аэрофотосъемка 50-х гг. показала, что весь комплекс, включая постройки официального и частного характера, занимал четыре стандартных городских квартала (*insulae*), доходя на западе до *cardo maximus*.

К сожалению, конкретные сообщения, относящиеся к событиям во дворце наместника IV периода, отсутствуют. Монета, найденная на уровне фундаментов восточной галереи с портиком, датируется 364–378 гг. Это говорит лишь о том, что строительная фаза IV.2 началась, или еще продолжалась, после 364 г. Возможно, строительство возобновилось некоторое время спустя после нового разграбления города франками в 388 г. Нельзя исключить и того, что сооружение роскошного, хоть и не совсем качественно сделанного последнего дворца кёльнского правителя, явилось делом военачальника Арбогаста, франка по происхождению, и провозглашенного им императором Евгения (392 г.)[113].

Но дворцу оставалось недолго блистать в его новом величии. Империя больше не могла эффективно противостоять натиску германской стихии. В 402 г. верховный главнокомандующий Стилихон отозвал с Рейна войска, и стало ясно, что агриппинцам осталось уповать только на милость германских вождей. Большинство зажиточных семей начало покидать город, уходя в южные районы Галлии. В последующие десятилетия население сократилось примерно в 4 раза[114]. Аг-

---

[113] CIL. XIII.8262 = Dess. 790 = *Galsterer B, Galsterer H.* Die römischen Steininschriften... S. 188; *Eck W.* Köln in römischer Zeit... Abb. 296. Надпись, сохранившаяся на 2/3, датируется 392–394 гг. То, что речь идет о претории, не бесспорно. См.: *Grünewald Th.* Argobast und Eugenius in einer kölnischer Bauinschrift. Zu CIL XIII.8262 // KJb. 1991. Bd. 24. S. 377–380.

[114] *Salv.* Gubern. Dei. VI.39; Epist. I.5 sq.; cf.: *Brühl C.-R.* Palatium und civitas. Studie zur Profantopographie spätantikes Civitates vom 3. bis zum 13 Jh. II. Belgica I, beide Germanien und Raetien II. Cologne, 1990. S. 1–40. О времени ухода римской армии, т.е. и центральной власти, говорят монеты. Как известно, они чеканились для раздачи в армии. В Кёльне не найдено в сколько-

риппинцы еще пытались поддерживать свои дома и город в жилом состоянии. Но уже следы работ по ремонту мостовых в первой половине V в. свидетельствуют о неуклонном упадке. Раскопки в районе современного Хоймаркта показали, что каменное покрытие на этот раз уже не восстанавливалось, улицу просто засыпали 20-сантиметровым слоем галечника и битого кирпича. Город приходил в запустение, оставленные дома грабились и разрушались. Если что-то и строилось, камень добывался из прежних общественных и частных построек, брался с кладбищ. Карьеры выше по течению Рейна и на Мозеле закрылись еще в период кризиса III в., производство кирпича солдатами прекратилось. Этот процесс упадка при сохранении минимальной преемственности исследователи характеризуют как «экономику грабежа» и «континуитет руин». Нищала культура, портился язык, деградировала мораль. Колония на Рейне – отросток средиземноморской цивилизации в холодном и диком крае – впитала в себя толику ее культурного богатства, которая не могла сразу и бесследно исчезнуть. Но это лишь затягивало агонию.

В эти десятилетия анархии и беззакония единственным местом, где остатки романизованного населения могли найти хоть какое-то утешение, оставалась церковная община. Уже в силу значительности города и его административного положения Колония Агриппина стала центром епископства. Кроме упоминавшегося Матерна (ум. в 328 г.), среди первых Кёльнских епископов известны Ойфрат (ок. 345 г.) и Северин (ок. 400 г.). Церковь в определенной мере стала хранителем греко-римского наследия, обеспечивая, пусть и выборочно, преемственность традиций между античностью и средневековьем. Руководителям церкви приходилось выстраивать свою политику как в отношении к меняющемуся по составу населению, так и к новым правителям. Стремясь привлечь паству равным образом из среды римлян, галло-римлян и германцев, христианские общины способствовали их сближению, создавая одну из предпосылок последующего слияния этносов в новые народности. Но этому предшествовали реки крови, разрушения, насилия, грабежи, не говоря уже о потере прежними гражданами имущества и социального статуса. Характерен пример, содержащийся в одном из писем церковного писателя Сальвиана. Характеризуя город (*Agrippina*) между 425 и 440 гг. как наводненный врагами (*hostibus plena*), он упоминает свою дальнюю родственницу. Эта вдова, не имея средств, чтобы бежать, зарабатывала себе на пропитание как служанка у жен завоевателей-германцев (*Salv.* Gubern. Dei. VI.39; Epist. I.5–6).

Исследователи связывают переход Кёльна под власть франков с различными событиями, имевшими место между 420 и 470 гг. Согласно «Книге истории франков», Колонию захватили к концу 450-х

нибудь значительном количестве монет, выпущенных центральной властью, после серий Аркадия и Гонория. Аркадий умер в 408 г. Это согласуется с датой ухода Стилихона (401/402 г.). См.: *Päffgen B.* Die Ausgrabungen in St. Severin zu Köln. Mainz, 1992. Bd. 1. S. 147 ff.

гг.[115] Известно, что Аэций, имперский главнокомандующий при Валентиниане III (425–454), еще рассматривал Левобережье как зону влияния Империи и отвоевывал у франков земли на Рейне. Гунны во главе с Аттилой, перед тем, как получить отпор от Аэция на Каталаунских полях (451 г.), побывали под стенами Колонии. Кёльнская легенда о Св. Урсуле повествует о чудесном спасении города.

Можно считать установленным, что между 455 и 459 годами Колонией Агриппины овладели рипуарские (т.е. «прибрежные», известные также как рейнские или Кёльнские) франки. Возможно, это случилось в результате своего рода военного переворота, когда их вождь, он же военачальник на римской службе, узурпировал власть в обеих германских провинциях, его имя неизвестно[116]. Около 470 г. Колония стала центром королевства первого известного короля рипуарских франков – Зигиберта Кёльнского (ум. в 508 г.). В качестве его резиденции использовалась часть прежнего претория – *Aula Regia.*

В битве против алеманнов, происшедшей в 496 г. при Цюльпихе недалеко от Кёльна, Зигиберт поддержал короля салических франков Хлодвига (481/2–511), который в 486/87 гг. захватил власть в провинции Бельгика II. После этого Хлодвигу, опиравшемуся на союз с ортодоксальной церковью, удалось, не считаясь ни с чем, устранить соперников. Была уничтожена и рипуарская династия (*Greg. Tur.* II.40). В том же 508 г. Хлодвига провозгласили в Кёльне королем всех франков[117].

После смерти Хлодвига (511 г.) и до времени Карла Великого (768–814) в Кёльне, наряду с Метцем (Франция) находилась одна из резиденций правителя восточнофранкского королевства, Австразии. В 520 г. сюда вместе с королем Теодорихом I приехал Св. Галл. Проповедник возмутился упрямством жителей Кёльна и окрестностей, продолжавших поклоняться языческим богам, и поджег их храм. От разгневанной толпы, которую с трудом успокоил король, святой укрылся в *Aula Regia* (*Greg. Tur.* VI.2). Начиная с VI в., на некоторых франкских монетах чеканилось название города *COLVNIA/COLONIA*[118]. В Кёльне находился центр епископства (с 795 г. – архиепископства). Во

---

[115] *Liber historiae Francorum*; cf.: *Bechert T.* Op. cit. S. 133 f.

[116] Это событие связывают с гибелью Аэция в 454 г. По мнению Г. Штойера (*Steuer H.* Die Franken in Köln. Köln, 1980), оно произошло в 455/456 гг., когда потерпел поражение от франков Эгидий (*Aegidius*), командующий римской армией в Галлии.

[117] Ср.: *König D.* Bekehrungsmotive: Untersuchungen zum Christianisierungsprozess im römischen Westreich und seinen romanisch-germanischen Nachfolgern (4–8. Jahrhundert). Husum, 2008 (раздел 2.4.4 и в частности – S. 84, о принятии христианства Хлодвигом). О франках на Рейне в рассматриваемый период: *Pohl W.* Die Völkerwanderung: Eroberung und Integration. Stuttgart, 2005. S. 165–185. В этих работах содержатся дальнейшие библиографические указания. Количество литературы по данной тематике («великое переселение народов», падение Западной Римской империи и переход от античности к средневековью в Западной Европе) безгранично.

[118] *Fischer J.F.* Geld und Geldwirtschaft in Merowinger Zeit in Köln // KJb. 2002. Bd. 35. S. 281 f.

второй половине VI в. в городе появился первый епископ с франкским именем – Эверигизил/*Everigisil(us)*.

Хотя Колония Агриппины наследовала от столицы римской провинции особый флер и притягательную силу, город, наполненный руинами, представлял собой печальное зрелище остатков прежнего величия. Общественные постройки, в т.ч. преторий, оказались франкам «не по росту», они использовали лишь отдельные помещения[119]. Последнее слово сказала природа: происшедшее в период с 780 по 790 гг. сильное землетрясение привело остатки римских зданий в полную негодность. После этого оставалось разровнять мусор, а затем строить хижины и копать землянки. Руины претория спланировали, на образовавшейся площади разместился рынок, окружающее пространство было разбито на равные участки. Осуществилась ли таким образом мечта «свободных» германцев? Некогда они призывали жителей города отказаться от благ римской цивилизации, всё распахать и всё разделить. Эта цель, включая всё разрушить, была, казалось, достигнута. Но на развалинах и мусоре Колонии Агриппины начали строиться хижины Кёльна, который стал одним из крупнейших городов средневековой Европы к северу от Альп.

Ja. Ju. Mezheritsky

COLONIA CLAUDIA ARA AGRIPPINENSIS / KÖLN – DIE HAUPTSTADT DER RÖMISCHEN PROVINZ NIEDERGERMANIEN

Im Artikel wurden wichtige Momente der Geschichte der rheinischen Metropolen in römischer Zeit beleuchtet. Die ursprüngliche Siedlung, *oppidum Ubiorum,* wurde in den ersten Jahren unserer Zeitrechnung gegründet. Die führende Rolle bei den Bauarbeiten übernahmen die römischen Legionäre. Der Autor befürwortet in seiner Argumentation, dass sich das Militärlager erst innerhalb der städtischen Festigungen befand. Dort befand sich auch *ara Ubiorum (*dann *ara Germaniae*?) - Zentrum des kaiserlichen

[119] В своей статье о переходе Кёльна от античности к средневековью Вернер Эк, полемизируя с предшественниками, в частности с Г. Штойером (*Steuer H.* Die Franken in Köln…) доказывает, что Колония Агриппина не пережила цивилизационного коллапса и глубокого упадка (*Eck W.* Köln im Übergang von der Antike zum Mittelalter // GiK. 2007. Bd. 54. S. 8 et sqq.). Даже после ухода римской центральной власти, франкских штурмов и грабежей, продолжало функционировать городское самоуправление, не было «обвала», «хаоса» и т.п. Стремление кёльнского ученого указать на внутренние резервы сохранения жизнеспособности римской *civitas* и на возможные линии преемственности античного и средневекового города заслуживают самого серьезного внимания. В то же время по некоторым пунктам аргументация недостаточно убедительна. Например, автор указывает на находки отдельных импортных вещей, относящихся к концу V и VI вв. как на показатель того, что международная торговля полностью не прервалась. Признавая, что она не играла сколько-нибудь значительной роли, В. Эк, тем не менее, подчеркивает: «важнее, что такая торговля вообще имела место» (*Eck W.* Köln im Übergang… S. 24; cf.: S. 8). Но «такая торговля» имела здесь место задолго до прихода римлян.

Kultes. Die Siedlung sollte die Hauptstadt der Großgermanischen Provinz - *Germania magna* werden. Der Niedergang der Legionen des Varus im Jahre 9 u. Z. hat diese Pläne zunichte gemacht. Doch dank der vorteilhaften geographischen Lage setzte die Siedlung ihr Wachstum fort. Im Jahre 50 durch die Protektion der dort geborenen Agrippina der Jüngeren bekam die Siedlung den Status einer Kolonie und dem Namen *Colonia Claudia Ara Agrippinensis / Agrippinensium* verliehen. Die Erzählung Tacitus über die Ereignisse des Jahres 69 (Tac. *hist.* IV.69) weisen darauf hin, dass die Fiktion der Erhaltung der Rolle des gesamtgermanischen Zentrums für *Colonia* in dieser Zeit noch unterstützt wurde.

Die Bedeutung CCAA als des Zentrums der germanischen Politik des Imperiums war von der Verleihung des Status der Hauptstadt der Provinz *Germania inferior* (ungefähr Jahr 85) gefestigt. Im Folgenden spielte die Stadt weiter eine bemerkenswerte Rolle. Hier kamen die ersten Personen des Staates mehrmals an, einige von ihnen wurden da als Kaiser ernannt (Vitellius, Trajan). Köln mit seiner gemischten keltisch-germanisch-italisch-mediterranen Bevölkerung war ein Schmelztiegel der Kulturen und der Völker. Man kann sogar vermuten, dass sich in der Region die eigentümliche Subethnie gebildet hat. Selbstbenennung war *agrippinenses.* Die Krise des III. Jahrhunderts und der steigernde Druck der Germanen haben das Schicksal der Stadt vorentschieden. Die einzelnen Maßnahmen, wie die Verstärkung des Verteidigungssystems vom Domitian, konnten die Tragödie der Stadt und seiner Bewohner nicht verhindern. Dasselbe betrifft einige erfolgreiche Kriegsoperationen. Erst eroberte die Franken *Colonia* im Jahre 355. Zwischen 455 und 459 wurde die Stadt von ripuarischen Franken endgültig besetzt. *Colonia* war das Zentrum ihres Königreiches, aber es blieben nur die beklagenswerten Reste der vorherigen Größe erhalten. Einige Elemente der Nachfolge konnte die Kirche retten. Aber die Germanen und das Christentum standen der antiken Kultur feindselig und misstrauisch entgegen, deshalb unterlag sie großteils der Vernichtung. Neuer Aufschwung sollte es erst in einigen Jahrhunderten wieder geben.

А.Е. Барышников

CAMULODUNUM COLONIA VICTRICENSIS: РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Камулодун (совр. Колчестер) занимает особое место среди городов римской Британии. Это самый ранний из основанных в провинции городов и первая колония ветеранов на острове[1]. Кроме того, Камулодун – единственный римско-британский город, обстоятельства основания которого сохранила античная традиция. Данные Тацита и Диона Кассия вкупе с несколькими надписями, обнаруженными антикварами нового времени, способствовали тому, что в XX в. Камулодун наряду с Лондинием и Каллевой Атребатов оказался среди самых изучаемых городов Британии. Археологические изыскания М. Уилера, Р. Халла, Ф. Крамми позволили существенно расширить наши представления о городской жизни в провинции[2]. В последнее десятилетие раскопки Камулодуна обогатили исследователей рядом интересных и неизвестных ранее исторических памятников, среди которых выделяется цирк – уникальное для римско-британских городов сооружение[3].

В данной статье будет рассмотрена жизнь Камулодуна в 49–61 гг. н.э., с момента основания колонии до восстания Боудикки, в результате которого первый римский город был полностью уничтожен. Анализ этого, сравнительно короткого периода необходим для лучшего понимания раннего этапа урбанизации Британии и реконструкции взаимоотношений римлян с бриттами.

История доримского Камулодуна может быть реконструирована лишь частично. Есть основания полагать, что Камулодун был важным бриттским поселением уже в середине I в. до н.э. Видимо, именно здесь находилась ставка главного противника Юлия Цезаря – царя Кассивеллауна. Цезарь описывал столицу своего врага как *oppidum* «с большим количеством людей и скота», защищённый как естественными условиями (лесом и болотами), так и трудом людей, создавших сложную систему рвов и деревянные укрепления (*Caes.* BG. V.21.3). К сожалению, Цезарь не указал название поселения, поэтому отождествление Камулодуна со столицей Кассивел-

---

[1] *Jones M.J.* Cities and Urban Life // A Companion to Roman Britain. L., 2004. P. 171.

[2] *Wheeler M.* Roman Colchester // JRS. 1919. Vol. 9. P. 139–169; *Hull M.R.* Roman Colchester. Oxf., 1958; *Crummy P.* City of Victory: The Story of Colchester – Britain's first Roman Town. Colchester, 1997; 2002. В отечественной науке литература, касающаяся Камулодуна, исчерпывается единственной, хотя и достаточно подробной статьёй – см.: *Садовская М.С.* Римская колония Камулодун. К вопросу о романизации Британии // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 1991. С. 75–85.

[3] *Crummy P.* Eureka! A Roman circus! // The Colchester archaeologist. 2005. Vol. 18. P. 2–9; *idem.* The Roman circus at Colchester // Britannia. 2008. Vol. 39. P. 15–31.

лауна пока может считаться правдоподобным предположением, но не доказанным фактом[4].

Впервые само название «Камулодун»[5] появилось на бриттских монетах конца I в. до н.э. Анализ монетных легенд позволяет приблизительно восстановить историю доримского Камулодуна. Около 10 г. до н.э. Тасциован, царь катувеллаунов, подчинил соседнее племя тринованто в. Самое крупное поселение тринованто в, Камулодун, было превращено в столицу державы Тасциована. Через два десятилетия державу катувеллаунов унаследовал Кунобелин, считающийся наиболее удачливым и могущественным правителем доримской Британии. На монетах Кунобелина название «Камулодун» встречалось значительно чаще, чем у Тасциована[6]. Это обстоятельство наряду с сообщением Диона Кассия (LX.21) говорит в пользу «столичного» статуса Камулодуна в так называемом «Восточном царстве» Британии.

Археологические исследования под руководством Ф. Крамми и Р. Ниблетт в районах Госбекс и Шипен дополняют картину, созданную на основе традиции и нумизматических источников. Доримский Камулодун представлял собой большую (1000 га) площадь, огражденную с разных сторон земляными укреплениями, палисадами и природными преградами – лесами и рекой Колн. Внутри без всякого видимого порядка располагались типичные для бриттов круглые дома, хозяйственные постройки, пастбища[7]. Археологические материалы ясно указывают на то, что основным занятием жителей Камулодуна являлось скотоводство. В центре *oppidum* должен был находиться культовый центр, наподобие того, что был в Веруламии, но о нем пока нечего сказать.

Находки импортных изделий в пределах поселения и в прилегающих погребениях демонстрируют, что общество доримского Камулодуна было достаточно дифференцировано. Близость к реке

---

[4] Обычно столицу Кассивеллауна отождествляли с *oppidum* в Уэтхемпстеде (графство Хертфордшир). Однако сейчас все больше исследователей склоняется к тому, что этим поселением был Камулодун. См. аргументацию: *Crummy P.* Did Julius Caesar storm Camulodunon? // Current Archaeology. 2007. Vol. 208. P. 8–16. Интересно, что М.С. Садовская уверенно отождествляет Камулодун с городом Кассивеллауна. К сожалению, исследовательница никак не аргументирует свой тезис. См.: *Садовская М.С.* Указ. соч. С. 76.

[5] Обычно переводится как «Город Камула». Камул – кельтский бог войны. См.: *Williams J.* New Light on Latin in Pre-Conquest Britain // Britannia. 2007. Vol. 38. P. 1–2.

[6] *Allen F.D.* Cunobelin's gold // Britannia. 1975. Vol. 6. P. 1–19; *Creighton J.* Coins and Power in Late Iron Age Britain. Cambr., 2004. P. 74–79*; De Jersey P.* Cunobelin's silver // Britannia. 2001. Vol. 32. P. 1–44.

[7] *Crummy P.* Did Julius Caesar… P. 10–14; *Creighton J.* Britannia: the creation of the Roman Province. L., 2006. P. 130. Своим внутренним устройством Камулодун напоминает Веруламий, племенной центр катувеллаунов, с тем лишь отличием, что в Веруламии жилые постройки в пределах *oppidum* перемежались пашнями, а не пастбищами. Эта характерная особенность Веруламия сохранится и в городе римского времени. См.: *Niblett R.* Verulamium since the Wheelers // Roman Towns: the Wheeler Inheritance. York, 1993. P. 86.

Колн позволяла вести торговлю как с другими областями Британии, так и с континентом, откуда в Камулодун прибывали изделия из центральной Галлии, сосуды типа *terra nigra* и *terra rubra*, которые изготавливали мастера из Бельгики, амфоры, предназначенные для хранения фруктового сиропа, вина, оливкового масла, рыбных соусов[8]. Основным покупателем была местная знать. Погребения камулодунских аристократов, обнаруженные в районах Лексден (20–15 гг. до н.э.) и Стэнвей (40-е гг. н.э.), содержат сосуды, украшения и оружие, произведенное в Римской империи. Таким образом, аристократия катувеллаунов и тринованто в (или её часть) была прекрасно знакома с имперской культурой и с удовольствием перенимала отдельные элементы римского образа жизни[9].

В 43 г. территорию Камулодуна заняли римские войска под командованием Авла Плавтия (*Dio Cass.* LX.21). Внутри границ доримского *oppidum* появилось сразу два римских опорных пункта: легионная крепость в районе Шипена и деревянный форт в районе Госбекс[10]. В 49 г. по приказу пропретора провинции П. Осторий Скапулы части XX легиона были переброшены в район Кингсхолма (Глостершир) для последующего наступления на племена силуров. На месте оставленной легионом крепости была основана колония ветеранов, цель создания которой, по словам Тацита, заключалась в том, чтобы «создать оплот против непокорных и приучить союзников к законам»[11].

Данные письменных источников и археологии об основании колонии заслуживают самого пристального внимания. В рассказе Тацита создание римского Камулодуна – это конкретное решение Осторий Скапулы, принятое в рамках реализации его плана по завоеванию территории современного Уэльса. Есть два обстоятельства, которые позволяют взглянуть на основание колонии с другой стороны.

Во-первых, это роль, которую сыграл Камулодун во время римского вторжения. Он был главным опорным пунктом Каратака и важнейшей целью наступающей римской армии. В то же время поселение не стало центром сопротивления захватчикам – после поражения и бегства Каратака Камулодун, судя по всему, без особого сопротивления сдался Клавдию. Именно здесь Клавдий принял капитуляцию одних бриттских племен и подтверждения верности – других (атребатов, иценов). После этого Клавдий, как известно, отбыл на континент, поручив покорение острова Осторию (*Dio Cass.*

---

[8] *Pitts M., Perring D.* The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex // Britannia. 2006. Vol. 37. P. 200.

[9] *Creighton J.* Burning Kings // Britannia. 2001. Vol. 32. P. 401–404; *Foster J.* The Lexden Tumulus: A Re-appraisal of an Iron Age Burial from Colchester. Oxf., 1986; *Crummy P.* Stanway: An Elite Burial Site at Camulodunum. L., 2007.

[10] *Crummy P.* Colchester: the Roman fortress and the development of the Colonia // Britannia. 1977. Vol. 8. P. 89.

[11] *Tac.* Ann. XII.32: *subsidium adversus rebellis et imbuendis sociis ad officia legum.*

LX.21; *Suet.* Claud. 17). Действия императора позволяют нам сделать предположение, что Клавдий прекрасно понимал первостепенное значение Камулодуна для племён восточной Англии.

Во-вторых, здания постоянного легионного лагеря, построенные в 43–44 гг., обладали одной особенностью – прочным цоколем из камней, скрепленных известковым раствором. Как указывает Ф. Крамми, такой цоколь был нехарактерен для военных зданий, изначально сооружавшихся на время и уничтожавшихся, когда легион менял место дислокации[12]. Судя по всему, римляне строили лагерь, полагая, что он станет основой для долговременного поселения.

Действия Клавдия, особенности легионной крепости и дальнейшее развитие колонии позволяют сделать предположение, что Камулодун с самого начала завоевания рассматривался как важнейший административный центр римской Британии, будущая столица провинции. Выведение сюда колонии стало следующим шагом в реализации курса, намеченного, возможно, самим Клавдием.

Итак, оставленная войсками крепость была превращена в западную часть колонии – укрепления срывались, рвы засыпались, здания перестраивались и приспосабливались под нужды гражданского населения. *Principia* была снесена, чтобы освободить место для одной из двух важнейших дорог города – *decumanus maximus.* Во многих зданиях бывшей крепости на смену старым, изготовленным из обожженной супеси, пришли новые стены с деревянным каркасом, более прочные и долговечные. Внутренняя поверхность таких стен была покрыта штукатуркой и в ряде случаев украшалась простейшими геометрическими орнаментами, в основном, в виде ромбов[13]. Жители только что основанной колонии явно стремились украсить свой быт, несмотря на то, что в первое время существования города возможности для этого были ограниченными.

Параллельно с гражданским строительством шло сооружение общественных зданий. Из сообщений Тацита (*Tac.* Ann. XIV.32) мы знаем, что в Камулодуне были театр, здание курии и храм, посвящённый божественной особе императора Клавдия. Если о местонахождении и обустройстве театра и курии нам практически ничего неизвестно[14], то храм Клавдия подробно исследован[15].

Первым учёным, предположившим верное местонахождение храма Клавдия, был Мортимер Уилер. Он отметил, что подиум хра-

---

[12] *Crummy P.* Colchester: the Roman fortress… P. 71–72.

[13] Ibid. P. 76–80.

[14] Местоположение театра в Камулодуне определяют границами либо третьей, либо четвёртой, либо тринадцатой инсулы. Здание курии и форум предположительно относят к тридцатой или к восемнадцатой инсуле. См.: *Wacher J.* The towns… P. 120; *Crummy P.* Colchester: the Roman fortress… P. 66.

[15] Подробный археологический отчет см.: *Drury P.J., Bayley J., Blagg T.F.C., Evans J., Going C.G., Hassall M.W.C., Nibblett B.R.K., Wickenden N.P.* The temple of Claudius at Colchester reconsidered // Britannia. 1984. Vol. 15. P. 7–50.

ма может находиться под замком норманнского периода[16]. Дальнейшие археологические работы подтвердили правильность мысли Уилера, и теперь, благодаря трудам П. Друри и Д. Фишвика, в нашем распоряжении имеется относительно полная картина развития храма с 50-х гг. I в. до начала IV в.[17]

Сразу после основания колонии, в начале 50-х гг. в восточной части города был сооружен общебританский алтарь в честь Ромы и Августа, подобный тем, что в начале I в. появились в Лугдуне и Колонии Агриппины[18]. Наши знания об этом алтаре ограничены лишь представлением о его примерном местоположении. О внешнем виде и точном времени воздвижения можно лишь догадываться. В 54 г., после смерти императора Клавдия, начинается сооружение храма в его честь (*Tac.* Ann. XIV.32; [*Sen.*] Apocoloc. 8)[19]. Сравнение с другими храмами подобного масштаба и свидетельства археологии позволяют предположить, что к 60 г. строительство еще не было полностью завершено[20]. Основные расходы по строительству, видимо, легли на плечи общины Камулодуна, что, естественно, вело к усилению эксплуатации покорённого населения (*Tac.* Ann. XIV.31).

О населении Камулодуна и его окрестностей в период между основанием колонии и восстанием Боудикки нам известно немного. Оно должно было состоять из двух больших групп – мигрантов с континента и бриттов (катувеллаунов и тринованов)[21], пропорциональное отношение между которыми неясно.

---

[16] *Wheeler M.* Roman Colchester // JRS. 1919. Vol. 9. P. 139–169.

[17] *Drury P.J.* Op. cit. P. 8; *Fishwick D.* Templum Divo Claudio constitutum // Britannia. 1972. Vol. 3. P. 164–181; *idem.* Tacitean usage and the temple of divus Claudius // Britannia. 1973. Vol. 4. P. 264–265; *idem.* Seneca and the temple of Divus Claudius // Britannia. 1991. Vol. 22. P. 137–141; *idem.* The temple of Divus Claudius at Camulodunum // Britannia. 1995 Vol. 26. P. 11–27; *idem.* The provincial centre at Camulodunum: towards an historical context // Britannia. 1997. Vol. 28. P. 31–50.

[18] *Fishwick D.* Templum Divo Claudio… P. 164–165. Алтарь в Камулодуне действительно мог быть местом собраний для бриттских племён. К сожалению, наша информация о подобных собраниях весьма ограничена. Единственное свидетельство существования общепровинциальных постановлений относится уже к III в. – это надпись-посвящение либо Каракалле, либо Гордиану III, найденная в Риме. См.: *Beard M.* A British dedication from the city of Rome // Britannia. 1980. Vol. 11. P. 313–314.

[19] *Beard M.* A British dedication from the city… P. 166; Мысль о том, что храм Клавдия начал сооружаться после его смерти, Д. Фишвик отстаивает во всех своих публикациях. С критикой этой точки зрения выступил С.Дж. Симпсон: *Simpson C.J.* Once again Claudius and the temple at Colchester // Britannia. 1993. Vol. 24. P. 1–6. По сути, дискуссия Фишвика и Симпсона сводится к вопросу, мог ли Клавдий при жизни одобрить сооружение храма в честь себя как бога. Представляется, что при ограниченности источников (один пассаж из «Анналов» Тацита и фрагмент пародийного «Апофеоза Божественного Клавдия», приписываемого Сенеке), сделать какой-либо однозначный вывод просто невозможно.

[20] *Drury P.J.* Op. cit. P. 24.

[21] На данный момент археологически разделить катувеллаунов и тринованов не представляется возможным. См.: *Pitts M., Perring D.* Op. cit. P. 193.

Судя по всему, большую часть граждан колонии составляли ветераны. Имена двух ветеранов-граждан колонии дошли до нас на искусно сделанных надгробиях. Первое, одно из самых знаменитых надгробий Альбиона, принадлежит Марку Фавонию Фацилису, центуриону XX легиона (RIB. I.200)[22]. Имя и указание трибы позволяют сделать вывод, что Фавоний происходил из Италии. Погребальный монумент содержит скульптурное изображение центуриона в боевом облачении и с непокрытой головой, которое помещено в нишу, образованную закрытой с одной стороны аркой. Реализм изображения сейчас ставится под сомнение – исследователи отмечают сходство лица Фавония с бронзовой головой Клавдия из реки Элд и рядом других скульптур 40–50-х гг. В тоже время, стоит отметить, что в надгробном памятнике сочетаются разные иконографические традиции. Сама статуя Фавония сделана в классическом греко-римском стиле[23]. Памятник же содержит элементы, характерные для прикладного искусства прирейнских областей, в частности, края памятника украшены изображениями вьющихся листьев. Эклектизм монумента позволяет предположить, что мастер (или мастера), изготавливавший его, происходил из римской Германии или жил в ней достаточно долгое время, чтобы перенять местные традиции. Оказавшись в Британии, он принёс сюда свое умение работать в разных стилях и сочетать их[24].

Ещё одно надгробие, синхронное с памятником Марка Фавония, принадлежит Лонгину Сдапезу, сыну Матига, дупликарию первой алы фракийцев (RIB. I.201)[25]. Помимо надписи, на монументе находилось (сохранилось не полностью) рельефное изображе-

---

[22] *M(arcus) Fauoni(us) M(arci) f(ilius) Pol(lia tribu) Faci|(lis) c(enturio) leg(ionis) xx. Verecund|us et Novicius lib(erti) posu|erunt. H(ic) s(itus) e(st).* Мы придерживаемся точки зрения, что данное надгробие, как и надгробие Лонгина из алы фракийцев, было установлено в ранние годы существования колонии. Ряд исследователей указывает, что Марк Фавоний был погребён до основания колонии, поскольку в надписи не указывается, что он ветеран. Верное, как нам представляется, замечание по этому поводу сделал Э.Дж. Филлиппс – Фавоний был не простым легионером, поэтому вряд ли мог характеризовать себя как просто ветерана. См.: *Hull M.R.* Roman Colchester. Oxf., 1958. P. 61; *Toynbee J.M.C., Fein O.* Art in Roman Britain. L., 1963. P. 157; *Phillips E.J.* The gravestone of M. Favonius Facilis at Colchester // Britannia. 1975. Vol. 6. P. 102–105.

[23] Можно провести параллель со скульптурой Гая Офеллия с Делоса. См.: *Richter G.M.A.* Three critical periods of Greek sculpture. L., 1951. Fig. 111.

[24] *Phillips E.J.* Op. cit. P. 104–105; *Hayward K.M.J.* A Geological Link between the Facilis Monument at Colchester and First-Century Army Tombstones from the Rhineland Frontier // Britannia. 2006. Vol. 37. P. 359–363.

[25] У нас есть основания полагать, что данные памятники были установлены примерно в одно время. Во-первых, оба изготовлены из оолита, добытого недалеко от г. Бат (Эйвон), в то время, как все остальные монументы и алтари Камулодуна сделаны из «мрамора», привезённого с полуострова Пёрбек. Во-вторых, сходны структуры надписей – отсутствует формула Dis Manibus (так же, как и её сокращенная форма – D.M.), надписи начинаются именем покойного в nom. sing., а заканчиваются формулой HSE (*hic situs est*). Сочетание этих признаков позволяет отнести надписи к одному времени – 50-м гг. I в.

ние всадника и побеждённого варвара, распростершегося под копытами коня[26]. Фракийское происхождение Лонгина ясно не только из названия его алы, но и из самого текста надписи – он родился в паге Сардика (совр. София).

Помимо ветеранов в колонии должны были проживать члены их семей и вольноотпущенники. Так, логичным будет предположить, что Верекунд (судя по имени, галл или бритт) и Новиций, поставившие памятник Фавонию, остались жить в колонии, их потомки вполне могли пополнить состав городской общины.

Ещё одну группу городского населения составляли торговцы и ремесленники, прибывшие в новую колонию с континента. В нашем распоряжении есть два интересных памятника, иллюстрирующих их жизнь, – лавка, торговавшая керамикой[27], и мастерская по производству масляных ламп[28]. Эти здания располагались практически напротив друг друга, по разные стороны от *decumanus maximus*.

Торговая лавка на Хай-стрит (девятнадцатая инсула, южная сторона *decumanus maximus*) была обнаружена в августе 1927 г. строителями, занятыми на ремонте кафе. В ходе последовавших археологических исследований здесь была найдена большая коллекция керамики стиля *terra sigillata* и изделий из стекла. Подробное изучение самой девятнадцатой инсулы и найденных в ее пределах артефактов позволило Р. Халлу реконструировать расположение товаров в лавке. Пол и нижние полки были заставлены глиняными сосудами, на верхних красовалась изящная стеклянная посуда[29]. Для нас особый интерес представляет ассортимент товаров. Большая часть сосудов *terra sigillata* была изготовлена в южной Галлии, в районе Ла-Графанеск. Об этом свидетельствуют штампы известных мастеров этого региона – Аквитана, Басса, Прима, Вирилиса и Виталиса[30]. Среди продававшихся сосудов преобладали однотипные чаши и кувшины, имелось некоторое количество одинаковых масляных ламп, и потому можно сделать вывод, что торговцы ориентировались на массового покупателя, а не на ценителей предметов роскоши. Сходным образом обстоит дело со стеклянными изделиями. Подавляющее их большинство – однотип-

---

[26] О распространенности подобных изображений в провинции см.: *Ambrose T., Henig M.* A new Roman rider-relief from Stragglethorpe, Lincolnshire // Britannia. 1980. Vol. 11. P. 135–138.

[27] *Hull M.R.* Op. cit. P. 65–66; 152–159; *Millett M.* Boudicca, the first Colchester Potters' shop and the dating of Neronian Samian // Britannia. 1987. Vol. 18. P. 93–123.

[28] *Hull M.R.* Op. cit. P. 97–104; *Eckardt H.* Lamp production in West Stockwell street, Colchester // Britannia. 2002. Vol. 33. P. 77–93.

[29] *Hull M.R.* Roman Colchester… P. 154.

[30] *Tyers P.* Roman pottery in Britain. Oxf., 1996. P. 112.

ные чаши, фляги и бутыли из простого зеленого или сине-зеленого стекла[31].

Мастерская, занимавшаяся изготовлением масляных ламп (части десятой и одиннадцатой инсул, северная сторона *decumanus maximus*), была найдена в 1966 г., но полная каталогизация артефактов завершилась лишь недавно. В мастерской были обнаружены фрагменты трёх сотен ламп и девять почти целиком сохранившихся форм[32].

Масляные лампы (*lucernae*) были неотъемлемым элементом быта. Многочисленные свидетельства античной традиции показывают, что без таких предметов невозможно было представить жизнь в городах империи. Лампы были и в частных домах и в общественных зданиях, без них была невозможна работа многочисленных трактиров и публичных домов (*Mart.* Ep. III.93.14; IV.4.9; VIII.3.18; 58.11)[33]. Появление мастерской, производящей подобный товар, говорит о том, что население колонии испытывало большую потребность в подобных изделиях.

Большая часть найденных ламп содержит изображения на ламповых дисках. Содержание этих изображений весьма разнообразно и интересно. К числу наиболее частых мотивов можно отнести изображения головы Вакха, Луны, галопирующего коня[34]. Первые два были весьма распространены в Галлии и особенно среди изделий из Лугдуна[35]. Связь с континентом прослеживается и в самой конструкции колчестерских ламп – многие из них имеют ручку, что является характерной чертой римских ламп из Германии[36]. Особый интерес представляют изображения галопирующего коня на масляных лампах. Они весьма напоминают сюжеты монет Тасциована и Кунобелина[37]. В доримской Британии лошадь была символом высокого социального статуса, поэтому её частое появление на типично имперских изделиях может служить свидетельством того, как ремесленники ориентировались на вкусы покупателей, часть из которых была бриттами, поселившимися в городе.

Вопрос о положении и статусе бриттов Камулодуна представляет особую важность. К моменту прихода римлян население региона

---

[31] Есть одно исключение – часть сосуда из красного стекла, напоминающего египетские изделия. См.: *Hull M.R.* Roman Colchester… P. 157.

[32] *Eckardt H.* Lamp production… P. 79–80.

[33] Нам, к сожалению, оказалась недоступна специальная работа Х. Экардт, посвящённая римским лампам в Британии: *Eckardt H.* Illuminating Roman Britain. Montagnac, 2002.

[34] Типы M1578-9; M1869; L1807; L1827-28. См.: *Eckardt H.* Lamp Production… P. 90.

[35] *Eckardt H.* Lamp Production… P. 88.

[36] Ibid. P. 84. К сожалению, нет никакой возможности сделать предположения о происхождении ремесленников, работавших в этой мастерской. Сохранилось несколько фрагментов со следами ремесленных клейм («AIIS», «COC»), но на их основании прочитать полные имена невозможно.

[37] *De Jersey P.* Op. cit. P. 3–5; *Aldhouse-Green M.J.* Animals in Celtic life and myth. L., 1992. P. 66–73.

не было однородным по социальному статусу и имущественному положению, кроме того, мы не можем исключать возможность межплеменного, пусть и скрытого, противостояния катувеллаунов и тринованто в.

Тацит сообщает, что колонисты-ветераны грубо обращались с тринованта ми, сгоняли их с земель и лишали жилья (Ann. XIV.30). Это, казалось бы, указывает на то, что местное население оказалось в зависимом от граждан-колонистов положении. Но реальная ситуация была не столь однозначной. Нам кажется, что можно говорить как минимум о двух разных группах бриттского населения колонии и окрестностей. Первая группа – это те, кто жил в сельской округе. Именно к ним относится указанное свидетельство Тацита[38]. Словам римского историка, впрочем, нельзя безоговорочно доверять. Пример того, что местное население продолжало обрабатывать свои земли, мы находим на ферме Эбботстоун, недалеко от района Госбекс. Здесь хозяйственная деятельность не прервалась в связи с римским завоеванием и последующим основанием колонии. Обитатели Эбботстоуна, судя по преемственности керамики и отсутствию на территории фермы новых построек, продолжали заниматься своими традиционными занятиями: земледелием, скотоводством, изготовлением сыра[39]. Можно отметить, что от своеволия ветеранов пострадала лишь часть населения сельской округи.

Вторая группа бриттского населения – жители города и ближайших окрестностей. Их Тацит упоминает, рассказывая о том, почему колония оказалась не готова к отражению нападения Боудикки: «уповая на храм как на неприступную крепость и встречая противодействие в осуществлении разумных мероприятий со стороны тех, кто был тайным сообщником восставших, они не провели вала и рва и не отослали женщин и стариков» (Пер. А.С. Бобовича)[40]. Судя по словам Тацита, противодействие разумным мероприятиям оказывалось уже на стадии принятия решений, а не во время их осуществления. Именно это помогало сообщникам восставших оставаться нераскрытыми, ведь любое активное противодействие выдало бы их с головой. В таком случае, получается, что британы, жившие в колонии, отнюдь не были бесправными, наоборот, они могли влиять на принятие общих и жизненно важных для колонистов решений. Скорее всего, этими «тайными сообщниками» были полноправные члены городской общины Камулодуна,

---

[38] *Tac.* Ann. XIV.31: *quippe in coloniam Camulodunum recens deducti pellebant domibus, exturbabant agris, captivos, servos appellando, foventibus impotentiam veteranorum militibus similitudine vitae et spe eiusdem licentiae.*

[39] *Crummy P.* A British farm under Romans // The Colchester archaeologist. 2002. Vol. 15. P. 4–7. Схожая ситуация сложилась в Хэлмс-Фарм (совр. Хэйбридж), возможно, входившему в сельскую округу колонии. См.: *Pitts M., Perring D.* Op. cit. P. 200–202.

[40] *Tac.* Ann. XIV.32: *Tutela templi freti, et impedientibus qui occulti rebellionis conscii consilia turbabant, neque fossam aut vallum praeduxerunt, neque motis senibus et feminis iuventus sola restitit.*

представители местной племенной знати, добровольно принявшие римскую власть и получившие римское гражданство[41]. В пользу того, что значительная часть аристократии приспособилась к новой власти, свидетельствует судьба упоминавшихся ранее погребений в Лексдене и Стэнвее. Эти богатые захоронения бриттских аристократов не были заброшены, но продолжали почитаться. Во II в. н.э. в районе Госбекс был сооружён храмово-театральный комплекс, пространственно и визуально связывающий эти погребения. Судя по всему, захоронения в Лексдене и Стэнвее сохраняли важнейшее значение в сакральной жизни городской общины[42].

Данные о развитии города после 49 г. н.э., позволяют дополнить сообщение Тацита о целях выведения колонии. Камулодун был основан, во-первых, для обеспечения ветеранов землей, во-вторых, в качестве провинциального центра, где должны были бы собираться представители различных бриттских племён. Роль главного города провинции, отведённая Камулодуну, означала не только привилегии и почёт, но и серьёзные расходы, тяжёлым бременем ложившиеся на городскую общину, перегринов и зависимое население. Римский Камулодун стал центром взаимодействия самых разных культур империи, символом и воплощением новой, имперской власти, местом, где часть бриттов перенимала (добровольно или не очень) римский образ жизни[43]. Стремительные перемены неизбежно означали обострение социальных и культурных противоречий, вели к столкновению покоренных и покоривших. Римская власть в Британии была еще не слишком крепка и привычна, а римская культура еще не успела стать неотъемлемой частью жизни бриттов. Для тех, кто был недоволен римлянами, Камулодун и его храм Клавдия представляли главный символ чужеземного господства (*Tac.* Ann. XIV.31).

Камулодуну было не суждено сохранить свое положение в провинции. В 61 г. город полностью уничтожили восставшие бритты под предводительством Боудикки. Тацит, описывая разгром Камулодуна, отмечал, что вследствие бездействия военного командования провинции колония оказалась лишена самых простых оборонительных сооружений – рва и вала, а местные власти не смогли укрепить город самостоятельно (*Tac.* Ann. XIV.31–32). Замечание Тацита понятно, но, как кажется, представляет собой мудрость, высказанную *post factum*. Военного значения колония с самого

---

41 Причины, по которым эти аристократы изменили отношение к римской власти, сложно восстановить полностью. Кроме того, надо иметь в виду, что у каждого человека они могли быть различными. Кто-то мог быть недоволен поведением римской администрации, кто-то – сборами на строительство храма Клавдия, кто-то просто оказался в ситуации «присоединись или умри», наконец, кем-то могло двигать стремление к независимости и свободе.

42 *Creighton J.* Britannia: the Creation… P. 133–135.

43 См.: *Pitts M., Perring D.* Op. cit. P. 201; Интересные наблюдения об изменении рациона питания в римском Камулодуне, см.: *Cool H.E.M.* Eating and Drinking in Roman Britain. Cambr., 2006. P. 172–180.

начала не имела, что подтверждается намеренным уничтожением укреплений во время передислокации легионов. Ни римская провинциальная администрация, ни городские власти не опасались местного населения. Тринованты ещё во времена Цезаря заключали союз с римлянами (*Caes.* BG. V.20.1). Значительная часть катувеллаунов, судя по всему, подчинилась захватчикам без сопротивления[44]. Отчасти такое доверие к бриттам Камулодуна можно считать оправданным, ведь инициаторами восстания стали не они, а ицены[45]. Кроме того, отсутствие следов разрушений в некоторых прилегающих к Камулодуну местах, заселённых бриттами (например, на уже упоминавшейся ферме Эбботстоун), говорит о том, что часть их осталась в стороне как от восстания, так и от его подавления.

Восстание Боудикки подвело черту под развитием Камулодуна в качестве главного города провинции Британия. Следующие пятнадцать лет опустевший и выгоревший город медленно приходил в себя. Лишь с 75 г. начинается масштабное строительство, благодаря которому во II в. Камулодун вступит полностью восстановленным. Его ждёт более чем столетний период спокойного и благополучного существования. В городе шла бойкая торговля, сюда переселялись ремесленники с континента (e.g. RIB. I.193). Но это существование было лишено столичных амбиций и лоска, о которых теперь напоминал лишь вновь отстроенный храм Клавдия. Административным и коммерческим центром провинции стал теперь Лондиний (RIB. I.12; *Tac.* Ann. XIV.38).

A.Ye. Baryshnikov

CAMULODUNUM COLONIA VICTRICENSIS: THE BIRTH AND THE DEATH OF A PROVINCIAL CAPITAL

Camulodunum was the first capital of Roman Britain. Today it is one of the well-known Romano-British towns. Recent excavations, a number of inscriptions and several passages by Tacitus and Dio shows that the earliest Roman Camulodunum was an imperial project. Roman authorities supposed that the town, which before 43 AD was a capital of “Eastern kingdom”, would become the centre of Britannia. When the legionary fortress of Camulodunum was abandoned, a civil settlement with status “colonia” of veterans was established.

From 49 to 61 AD intensively developed. The temple of Claudius was constructing, streets of town were full with Roman citizens and migrants from the Continent – traders, craftsmen etc. Archaeological

[44] Во всяком случае, Веруламий (или Верламион), важнейшее поселение катувеллаунов, не был разрушен римлянами и даже получил статус муниципия. См.: *Webster G.* The Roman Invasion of Britain. L., 1993. P. 106.

[45] Степень участия различных бриттских племён (за исключением иценов, хотя и в их случае далеко не всё очевидно) в восстании не ясна и, на наш взгляд, вряд ли может быть реконструирована даже приблизительно.

evidence shows that at least a part of british tribal elite found Roman way of life attractive. But the development of the provincial capital was interrupted by Boudicca's revolt. The rebels hated Camulodunum as a symbol of greedy conquerors and burnt the town to the ground. The town was rebuilt only after 75 AD. Later Camulodunum lived in the shadow of Londinium, which replaced it as a financial and administrative centre of the region.

III. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

П. Балабанов

НЕМОНЕТНЫЕ ФОРМЫ ДЕНЕГ В СКИФИИ И ФРАКИИ

Давно подмечено, что в эпоху позднего бронзового века на территории Фракии и Северного Причерноморья появляются клады металлических предметов преимущественно из бронзы[1]. Некоторые исследователи видят в них начало накопления кладов, вызванное пониманием, что эти вещи имеют не только потребительскую, но и абстрактную стоимость. В этом смысле они могут быть интерпретированы как ранние формы протоденег.

Попытки выделения определенных категорий вещей, служивших в качестве эквивалента стоимости в торговых операциях в более древние исторические эпохи предпринимались и ранее. Однако на этом этапе исследований это не более чем рабочие гипотезы. Основные проблемы, связанные с поиском доказательств, что мы имеем дело не просто с металлическими (или изготовленными из других материалов) предметами, служащими для обыденных нужд, а с эквивалентами стоимости, предназначенными для обслуживания торговых операции, остаются в силе. Это касается и тех случаев, когда мы имеем дело с находками более поздных времен, о которых разполагаем информацией, в том числе и по письменным источникам. В первую очередь очень трудно определить (особенно когда имеем дело с бытовыми предметами), их основные и дополнительные функции в условиях натурального обмена.

В литературе с давних пор утвердилось определение любых отличных от монет форм денег как «домонетных». Термин очевидно неудачен по нескольким соображениям. Во-первых, даже сегодня основные употребляемые формы денег – это купюры, а не монеты. На протяжении всех исторических эпох в торговле и экономических операциях для овеществления стоимости употреблялись слитки разных металлов. В античные времена довольно долго после утверждения монеты как основной формы денег, возможность взаимозаменяемости между монетой и другими предметами была документирована в большом числе эпиграфических памятников. Вспомним, например, обычай отмечать, что золотой венок для героя надписи стоит столько-то статеров. Репарации при улаживании военных конфликтов чаще всего измерялись не монетами, а определенным количеством драгоценных металлов, размер которого определялся весовыми единицами. Опережая изложение отметим, что сегодня уже доказано, что формы денег в виде стилизованных стрелок или дельфинчиков циркулировали параллельно с монетами более двух веков, причем в массовом количестве. Поэтому гораздо точнее назвать эти формы денег «немонетными».

О наличии и распространении подобных денег за последние годы накопилось довольно много информации. Однако по разным причинам публикации ограничиваются изучением только формальных па-

[1] *Шалганова Т.* Съкровищата от бронзови предмети от къснобронзовата и ранножелязната епоха в България // МИФ. 2003. № 6. С. 22–26.

раметров – форм, весов, систем стандартов, к которым они привязаны. В тоже время недооцененным остается то обстоятельство, что они являются достоверными источниками информации о состоянии экономических отношений, формировании местных и региональных рынков и развитии рыночных элементов в экономике конкретных этнических образований. Для торговцев античной эпохи имели значение не происхождение и формы денежных знаков (сегодня положение в мировой торговле не изменилось), а их реальная стоимость. То есть, у нас нет никаких оснований толковать немонетные формы денег как «варварские» или указывающие на более низкий уровень развития рынка данного общества. Напомним, что, к примеру, в Китае классические монеты, характерные для европейского континента, появились довольно поздно и только как одна из употребляемых форм денег.

С этой точки зрения весьма важно отметить, что в регионе Черного моря уже в эпоху поздней бронзы параллельно с другими формами оплаты торговых операций, появляются классические для своего времени формы денег. По внешнему виду бронзовые слитки имели форму, отдаленно напоминающую обработанные шкуры животных. Во второй половине второго тысячелетия до н.э. они циркулировали на огромной территории, в том числе и довольно далеко от морских берегов (рис. 1).

Как известно, слитки с подобными формами и весом преимущественно в один талант (около 26 кг) в бассейне Средиземного моря появились не поднее XV в. до н.э.[2] За последние десятилетия число подобных находок перевалило за несколько сотен. Были сделаны попытки определить место их создания и производства, а также вычислить весовые системы, на которые они ориентировались. Однако лавинообразное увеличение находок и новая информация о них за последнее время показали, что мы имеем дело с явлением, к которому необходимо подходить весьма осторожно.

Анализы химического состава бронзы показали, что слитки с аналогичными формами и весом изготовлялись не только на Крите и Кипре, но и в других центрах, иногда весьма удаленных[3]. На сегодня все более приемлимой выглядит гипотеза, что по разным причинам именно эта форма слитков с таким весом превратилась в своего рода международнопризнанный эквивалент денег, выполнявший роль «мировой валюты» в бассейне Средиземноморья, и производились они в самых разных центрах. Показателен факт, что в отношении формы можно выделить некоторые отличия, которые пока трудно привязать к конкретным центрам производства или выстроить по ним хронологические и морфологические классификации. Иногда эти изделия имеют весьма удлиненные концы (что мы видим и на известной фре-

[2] *Budd P., Pollard A.M., Scaife B., Thomas R.G.* Oxide ingot Recicling and the Mediterranien Trade // JMA. 1995. No. 8. P. 1–15.

[3] *Lichardus J., Echt R., Iliev I., Christov Ch.J.* Die Spätbronzezeit an der unteren Tundža und die ostägäischen Verbindungen in südostbulgarien // Eurasia Antiqua. 2002. T. 8. S. 135–184.

ске из Египта), иногда одна из поверхностей имеет рельефную структуру, напоминающую шерсть животного, иногда на них ставились штемпели (рис. 2).

В последнее время стали известны новые слитки подобной формы, отличающиеся своим весом от общепринятого. Пока они немногочисленны и трудно сказать по какой причине они отклоняются от стандарта в один талант. Разброс весов не дает основания искать в них фракции стандарта. Любопытно отметить, что в музее на острове Кипр находится миниатюрный слиток весом всего в несколько грамм (рис. 2, в).

Первый подобный слиток из Фракии, весом в 26 кг, был найден возле деревни Черково, разположенной в 40 км к западу от Бургасского залива[4]. По информации учителей местной школы он найден на месте разрушенного сельскохозяйственными работами поселения позднебронзового века. На одной стороне этого слитка клеймо – буква критского линейного письма А. К сожалению анализы химического состава бронзы этого артефакта пока еще не сделаны.

В последние два десятилетия стали известны целые и фрагментированные слитки и из других районов Болгарии: из окрестностей Варны, с северных склонов горы Сакар, два слитка найдены водолазами у берегов Черного моря. В двух случаях слитки имеют клейма, состоящие из одной буквы критского линейного письма А. Этот факт доказывает, что во второй половине II тыс. до н.э. территория Фракии поддерживала устойчивые торговые контакты со Средиземноморьем. Этому имеются и другие свидетельства: печать египетского фараона Среднего царства, найденная в Пловдиве[5], фрагменты микенской керамики из ритуальных ям на берегу Дуная возле деревне Багачина[6], микенская печать из Бургасского залива[7]. Полной неожиданностью, однако, оказались результаты химического анализа фрагментов подобных бронзовых слитков, найденных в Сакаре. Оказалось, что они изготовлены из фракийской руды, добытой в известном месторождении Аи Бунар возле города Стара Загора, почти в центре современной Болгарии[8]. Это несомнено доказывает, что Фракию можно причислить к центрам не только потребления, но и производства этих немонетных форм денег.

Несколько странным выглядит то обстоятельство, что подобные находки пока не известны севернее Дуная. Можно только надеяться, что это вопрос времени, так как торговые связи между Северной

---

[4] *Карайотов И.* Критски меден слитък от село Черково, Бургаски окръг // Нумизматика. 1978. № 1–2. С. 12–16.

[5] Египетска търговска марка от Пловдив // Нумизматика и сфрагистика. 1995/97. С. 140–155.

[6] *Alexandrov St.* The earliest Mycenian pottery imports in Bulgaria // The Culture of Thracians and their Neighbors. BAR. IS. 1350. 2005. P. 47–50.

[7] *Гълъбов И.* Минойская надпись, найденная в Бургасе (Болгария) // ВДИ. 1956. № 3. С. 253–255.

[8] *Черных Е.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1976; *Lichardus J., Echt R., Iliev I., Christov Ch.J.* Die Spätbronzezeit...

Фракией и Северо-Западным Причерноморьем в эпоху поздней бронзы давно доказаны.

Хотя бронзовые слитки в форме звериной шкуры наиболее известны, это не единственная форма денег, использовавшихся в эпоху поздней бронзы. Например, до сих пор остается без ясной интерпретациии найденный при подводных исследованиях возле Калиакры небольшой по объему слиток из электрона[9]. По традиции он был объявлен копией слитков из бронзы, но, в сущности, подобная гипотеза равносильна всякой другой: что он является священным предметом, регалией власти или чем-то иным.

Известны также слитки в форме «лепешек», которые также традиционно интерпретируются как «протоденьги». Они встречаются по берегам Восточного Средиземноморья, а недавно были найдены и в Черном море возле мыса Маслен нос[10].

Список существовавших форм металлических слитков, исполнявших функции немонетных денег в позднебронзовом веке, вероятно, будет расширен за счет новых находок. Однако уже сейчас ясно – все они предназначались для обслуживания оптовой торговли. Частое использование клейм указывает на то, что в это время масштабные международные торговые операции были под контролем административной власти. Так эти артефакты превращаются в ценный источник информации об экономических отношениях и социальной структуре общества того времени.

В отличие от конца II тыс. до н.э. гораздо сложнее доказать существование немонетных денег в раннем железном веке. В 50–70-х годах прошлого века проф. Т. Герасимов опубликовал несколько сообщений о кладах, составленных из металлических предметов одинаковой формы, которые он интерпретировал как разновидности местных денег. До сих пор существуют сомнения, являются ли некоторых из них денежными знаками, или это нечто иное. Среди таких слитков, которые с наибольшей вероятностью исполняли роль денег, следует отметить, в первую очередь, серию артефактов в форме серпов. Они отличаются от стандартных орудий труда небольшими линейними размерами, отсутствием режущего угла и нефункциональным отростком на месте ручки. Обычно у них имеется только одна рельефная поверхность, а нижняя сторона оставлена ровной[11]. В последние годы стали известны еще некоторые находки подобных предметов, но все равно количество опубликованных артефактов этого типа остается ограниченным. Это обстоятельство, а также довольно широкий разброс их веса (обычно чуть более 30 грамм) не позволяют дать этим слиткам окончательную интерпретацию. Остаются гипоте-

---

[9] Нови данни за търговията по Черноморското крайбрежие през XVI–XIV в. до н.е. // Векове. 1973. № 3. С. 17–24.

[10] *Пеев П.* Метални слитъци от акваториятя ня Маслен нос // ИНМВ. 2004. С. 47–51.

[11] *Топалов С.* Аполония Понтика. Принос към проучване монетосеченето на града. София, 2007. Т. 1.

тическими и хронологические границы их бытования, поскольку все известные до сих пор деньги-серпы происходят из случайных находок. Показательно, что большинство из них, по сведениям коллекционеров, найдено в районе города Варна.

Проф. Т. Герасимов опубликовал также небольшой клад бронзовых слитков в форме лабриса, которые он также интерпретировал как местные формы денег[12]. Они отличаются небольшими линейными размерами и весом в несколько грамм. У них крохотные отверстия, шириной в два-три миллиметра, которые, очевидно, не в состоянии удержать ручку. В ходе археологических исследований за последние десятилетия было найдено еще несколько слитков подобной формы[13].

К сожалению, большинство подобных артефактов на территории Фракии происходит из случайных находок или изъято у кладоискателей, что не дает нам контекста, в котором они найдены. Это сильно затрудняет их однозначную интерпретацию и достоверно аргументированную хронологию.

Подобным образом обстоит дело и с серией слитков (в основном из бронзы), которые стали известны по публикациям последных лет[14]. Среди них особое внимание привлекают слитки в форме пелты (рис. 3), которые имеют разнообразные размеры (от 20 до 100 мм в длину и толщиной от 3 до 15 мм). Как правило, рельеф имеется только на одной стороне, а другая оставлена ровной. Нефункциональность этих предметов в быту не вызывает сомнений. Однако большой разброс в их размерах и весе пока не дает уверенности в их интерпретации в качестве денег.

Другую категорию подобных предметов можно обозначить как стилизованные цветки. Они тоже различаются своими размерами и весом, но в целом более однородны по этим характеристикам, чем пелты. И у них рельеф имеется только на одной стороне.

Весьма интересны и многочисленные находки последних лет т.н. бронзовых «колокольчиков», которые, очевидно не могли исполнять функции музыкального инструмента[15], хотя их однозначное отнесение к денежным формам пока остается дискусионным (рис. 4).

Труднее признать формами металлических немонетных денег некоторые другие предметы из бронзы, например, триксели (трехветвевые свастики)[16] и разного вида кольца с рельефными украшениями в виде бутонов[17]. Последние, к примеру, имеют аналогии в некоторых элементах конской сбруи, найденных в разных археологических комплексах

---

[12] *Герасимов Т.* Съкровище от двойни брадвички от с. Калугерово, Пазарджишко // ИАИ. 1955. № XX. С. 594–595.

[13] *Тодориева Б.* Колективна находка от четири бронзови двойни брадвилабриси от Русенско // Анали. 2001. № 9. С. 3–6.

[14] *Топалов С.* Аполония Понтика…

[15] *Балабанов П.* Домонетни форми в Тракия и Скития // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. 2006. Т. 3. Ч. 1. С. 13–33.

[16] *Манов М.* Нов тип домонетни форми от българските земи // Археология. 1998. № 3–4. С. 70–82.

[17] *Топалов С.* Аполония Понтика…

конца раннежелезного века на территории Болгарии. На северо-западных окраинах Балкан, однако, подобные предметы интерпретируются именно как немонетные деньги[18].

Есть еще одно обстоятельство, сильно затрудняющее интерпретацию упомянутых типов бронзовых артефактов. Дело в том, что до появления официальных надчеканок на металлических слитках – знака, доказывающего их абстрактную стоимость, гарантированную каким-то центром власти – их цена определялась исключительно потребительской стоимостью содержащегося в них металла. Это позволяло использовать в качестве денег любые металлические предметы. Уже известно множество кладов однородных артефактов, которые интерпретируются как немонетные формы денег, включая монеты-стрелки, в функции которых сомнений не может быть и в составе которых есть вполне функциональные бытовые предметы из металла (например, настоящие навершия стрел), а также металлические слитки неправильной формы. Поэтому в большинстве случаев отнесение предметов разной, даже на первый взгляд необычной и нефункциональной в бытовом отношении формы, к категории немонетных денег, если для этого нет достаточно веских доказательств, весьма дискусионно. Еще более дискуссионной является гипотеза, что вес подобных денег был привязан к эталонам, заимствованным из удаленных центральных областей Эгеиды[19]. На этом этапе несомнено лишь одно. В раннем железном веке, к которому относится большинство подобных слитков, они обслуживали местные торговые контакты, преимущественно ежедневную куплю-продажу. Причем изготовление немонетных денежных знаков не контролировалось государством или иной властью. Их могли изготавливать любые мастера и центры производства металлических изделий. Можно думать также о ситуациях, когда они изготовлялись специально для оплаты конкретной торговой операции или для использования в торговле между конкретными контрагентами.

В то же время накопление большого количества находок однотипных предметов, как правило, найденных в составе кладов, не оставляет сомнения, что хотя бы некоторые из них выполняли функции денег. Все это указывает на то, что в раннем железном веке можно говорить о качественных изменениях в функциях металлических немонетных денег по сравнению с более ранним временем. Очевидно, в I тыс. до н.э. роль розничной торговли в жизни населения Фракии резко возросла и для ее обслуживания понадобилось изготовление более подходящих форм металлических денег. Наблюдаемое географическое распространение разных типов упомянутых слитков дает возможность говорить о стабилизации местных и региональных рынков. Так, например, «пелты», «цветы» и «колокольчики» характерны главным образом для северо-восточной Болгарии (современная Добруджа), «лабрисы», наоборот, находят преимущественно к югу от Балканских гор, хотя есть исключе-

[18] *Stojič M.* Prämonetare Zahlungsmittelausdem Morava-Gebit und Ostserbien // AB. 2006. No. 1. P. 15–25.

[19] *Топалов С.* Аполония Понтика…

ния, которые из-за малого числа находок трудно интерпретировать. Можно предположить также, что при выполнении этих операций еще сильны были традиции натурального обмена и предметы, используемые в качестве денег, являлись не основным средством платежа, а как бы «добавкой» к стоимости товаров одной из участвовавших в торговле сторон.

Следующий шаг в специализации немонетных денег на территории Северного и Западного Причерноморья был сделан с появлением так называемых «монет-стрелок» (рис. 5). В последние годы они были подвергнуты обстоятельному анализу[20]. Вот вкратце самые важные выводы об их функционировании на протяжении почти четырех столетий с конца VII до середины IV вв. до н.э. Они появляются вдруг в довольно обширном географическом регионе: самые ранние известны из раскопок на острове Березань, но подобные находки документированы также почти во всех греческих колониях по западным и северо-западным берегам Черного моря в культурных отложениях конца VII – начала VI вв. до н.э., и позднее – до конца IV в. до н.э. В выборке опубликованных изделий можно различить две основные формы – слитки, которые больше похожи на наконечник стрелы и такие, которые передают стилизованную форму листьев ивы (до нескольких сотен вариантов). К примеру, анализ крупного комплекса с полуострова Атия в Болгарии показал, что в нем содержатся отливки более чем от 60 литейных форм[21]. Можно предположить, что листовидные слитки более характерны для земель к северу от Дуная и Добруджи, а классические монеты-стрелки – для территории современной Восточной Болгарии.

В первые два века своего существования монеты-стрелки были более крупными, хотя, в отличие от С. Топалова, я не вижу достаточных оснований считать, что все они были привязаны к одной определенной и неизменной во времени весовой системе. Немногочисленные публикации, содержащие весовые данные, указывают на значительный разброс порядка 2–2,5 грамм для каждой формы: от 6–7 до 4,5 грамм для артефактов, датированных до середины V в. до н.э.[22] Чтобы выявить вероятный стандарт при таком разбросе, необходимо иметь сведения о весе по меньшей мере нескольких сотен слитков. После середины V в. до н.э. их вес начинает падать и в конце периода их функционирования доходит до 1,5–1,0 грамма. Интересно отметить, что до сих пор неизвестны находки фракций этого типа денег, датированных ранее конца V в. до н.э. А это означает, что между производителями и потребителями существовала какая-то неписанная договоренность или привязанность к традиции – сколько они должны были примерно весить (как ранее в случае со слитками в форме бычьих шкур).

---

[20] *Топалов С.* Аполония Понтика…

[21] *Balabanov P.* Recherches nouveaux sur le tresor des monnais points des fleches d`Athia // Thracia Pontica. 1979. T. I. P. 40–47.

[22] Полную библиографию см.: *Топалов С.* Аполония Понтика…

Химические анализы, выполненные русскими исследователями[23], позволили определить месторождения меди. Оказалось, что все они находятся в пределах Фракии, но довольно далеко от морских берегов. Это означает, что уже в VII в. до н.э. в Черноморском регионе существовала регулярняя оптовая торговля сырьем для производства бронзы. Оно доставлялось из внутренных районов страны к берегам, где были расположены основные потребители. Большая часть полученного металла, очевидно, была предназначена на импорт, но и местное производство предметов из меди и бронзы тоже было значительным.

В последнее время стали известны образцы монет-стрелок, надчеканенные знаками, характерными для ранних монет Аполлонии и Истрии, может быть и Мессембрии: якорь, буква „А“ и колесо с четырьмя спицами. Эти находки позволяют с уверенностью заключить, что производство слитков осуществлялось в разных полисах по западным берегам Черного моря. Более 90% находок этого типа происходят из греческих колоний и их окрестностей. Поэтому сегодня не вызывает споров утверждение, что они обслуживали внутренную торговлю греческих городов-государств, причем именно мелкие розничные операции. Самые крупные клады монет-стрелок, содержащие (по публикациям) около 8 000 экземпляров[24] (по грубым расчетам 4–4,5 кг бронзы), по стоимости могут быть приравнены к нескольким десяткам серебрянных драхм этого времени. Это обстоятельство дает нам основание рассматривать монеты-стрелки как региональную форму немонетных денег для обслуживания мелких торговых операций, характерную для западных и северо-западных полисов по берегам Черного моря до начала эпохи эллинизма.

Остается открытым вопрос – сколько центров выпускали монеты-стрелки и насколько они были распространены на рынках окрестных племен. В небольших количествах они известны из археологических памятников глубоко в континентальной Фракии. К сожалению, эти материалы пока не опубликованы, хотя среди них есть и находки, сделанные в ходе археологических исследований. Количество подобных слитков пока крайне мало, чтобы можно было делать обоснованные выводы. Весьма интересна находка преднамеренно сломанного слитка этого типа, происходящего, по сведениям кладоискателей, из ограбленного захоронения в юго-восточной Болгарии. Можно предположить, что слиток был сломан ритуально, как и другие предметы (керамические сосуды), найденные вместе с ним.

Важно отметить, что пик изпользования монет-стрелок падает на вторую половину V – первую половину IV вв. до н.э., когда классиче-

---

[23] *Островерхов А.* Обработка цветных металлов на античных поселениях // Археологія. 1981. № 36. С. 28–37; *Смекалова Т.* Состав сплава монет Ольвии доэллинистического периода и хронология их выпусков // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2001. Ч. XV.; *Ольговский М.* Скифо-античная металлообработка архаического времени. Київ, 2005.

[24] *Poenaru-Bordea Ch., Obrländer-Tirnoveanu E.* Contributions a l`etude des monnaies-points des fleches a la lumiére des thresors de Jurilovka // Actes de II Congres International de thracologie. Bucureşti, 1980.

ские монеты уже выпускались почти всеми полисами по берегам Черного моря и были востребованы на внутренних рынках Фракии и Скифии. К примеру, горшок, в котором находился клад монет-стрелок с полуострова Атия (1967 экз.), датируется серединой V в. до. н.э., а клад из Енисала, найденный в горле амфоры с энглифическим клеймом – на 60–80 лет позже[25]. Для этого времени можно говорить о существенном упорядочении весового стандарта этих слитков. Для клада из Атии он составлял 4,45 грамма.[26] Показательно, что в его составе найдены 4 монеты-стрелки, изготовленные в одной и той же форме, но две из них подверглись дополнительной обработке (один конец отрублен), очевидно для уменьшения веса. Все 4 слитка имели разницу в весе порядка 0,25 грамма.

К концу этого периода появляется большое количество разновидностей монет-стрелок. Среди них – обработанные только с одной стороны, на большинстве из которых есть клеймо, такое же, как на монетах Аполлонии Понтийской. Несомненно, это была попытка придать слиткам номинальную стоимость бронзовых монет, выпускавшихся тогда в больших количествах этим полисом[27]. Необходимо отметить, однако, что далеко не всегда можно найти параллели в весе стрелок и монет. В это время в больших количествах появились и слитки с гораздо меньшим весом – до 1,5 грамм. Недавно стали известны и подобия наконечников стрел, вырезанных из тонких пластинок[28]. Очевидно, находки подобных предметов маркируют конец периода употребления монет-стрелок как формы немонетных денег. По имеющимся данным это происходит ко второй половине IV в. до н.э.

Можно предположить, что на территории, где обращались монеты-стрелки в период VII–IV вв. до н.э., существовали достаточно интенсивные внутренние экономические связи, обеспечивавшие оборот этих слитков как общепризнанной международной валюты (рис. 7). Это находит подтверждение в результатах анализа античного импорта (амфор и чернолаковых сосудов), который для этого региона демонстрирует весьма близкие аналогии, как в отношении ассортимента, так и по центрам производства и удельному весу отдельных категорий артефактов.

Параллельно с монетами-стрелками на большей части той же территории с VI в. до н.э. функционировали бронзовые деньги, имеющие

---

[25] *Aricescu A.* Tesarul de semen de schimbpremonetare de la Enisala // SCN. 1974. T. IV. P. 3–17.

[26] *Balabanov P.* Recherches nouveaux...

[27] *Топалов С.* Аполония Понтика...

[28] *Stojič M.* Op. cit.; *Пиворович В.* Древнейшие денежные знаки Северного Причерноморья. Летопись Причерноморья. Херсон, 2000. № 4 (www.mycity.kherson.ua/journal/litopis4/d-deneg.html); *Пиворович В.* Новые находки древнейших денежных знаков на о. Березань. Летопись Причерноморья. Херсон, 2001. № 5 (www.mycity.kherson.ua/journal/litopis5/d-deneg. html).

форму стилизованного изображения дельфина[29]. Все исследователи единодушно признают их платежным средством, созданным в Ольвии. Их систематизация и интерпретация разработана довольно подробно[30], поэтому здесь ограничимся только несколькими замечаниями.

В отличие от монет-стрелок, которые почти не изменялись по размерам, форме и весу в течение длительного времени, «дельфинчики» эволюционировали в широких границах. Первые слитки, относимые к этой категории артефактов, имеют вес 103 и более грамм[31]. Позднее появляются более легкие слитки (это в основном единичные находки), вес которых колеблется в широких границах 14,95–28,23 гр, и, очевидно, еще позднее их вес устанавливается в пределах 3,5–5,0 гр. Древнейшие изделия имеют довольно грубые детали, но со временем их рельеф становится гораздо тоньше. В течение первых 150 лет их функционирования эти слитки выпускались небольшими сериями (на сегодняшний день известно всего несколько десятков ранних экземпляров). К IV в. до н.э. относятся наиболее массовые серии (число известных слитков этого рода уже перевалило за полторы тысячи), основная часть которых имеет рельеф только с одной стороны. Другая сторона оставлена ровной и на ней часто появляется оттиск с именем монетного магистрата ольвийского полиса. К сожалению, мы не располагаем весовыми характеристиками достаточного числа слитков, чтобы можно было сделать аргументированные выводы о наличии или, наоборот, отсутствии весовых стандартов. Имеющиеся данные позволяют говорить лишь о существенном снижении веса поздних эмиссий, который в конце периода их использования устанавливается около 1,0–1,5 грамм.

До конца прошлого века исследователи считали, что эти деньги обслуживали преимущественно Ольвию и ее округу. Сведения коллекционеров и некоторых болгарских и румынских коллег (к сожалению, неопубликованные) показывают, что в эпоху эллинизма ареал их распространения гораздо шире. Их количество, однако, пока не дает основания заключить, что они имели ощутимый удельный вес в торговых операциях к югу от Дуная. В то же время, находки практически синхронных монет-стрелок и «дельфинчиков» на острове Березань, в районе Истрии и в окрестностях Одессоса дают нам основание считать, что для местных потребителей они были известны и употреблялись как деньги, невзирая на разницу форм и веса.

Интерес представляет гипотеза, что обе эти формы немонетных денег – монеты-стрелки и дельфинчики – выпускались в роли «храмовых» денег основными святилищами Аполлона по северным и запад-

---

[29] *Рубан В.В.* О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфинообразных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 15–20.

[30] *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988; *Станиславский И.М.* Античные монеты Северного Причерноморья. М., 2003.

[31] *Загинайло А.Г.* Литые монеты из Никония (к вопросу об экономических связях города в VI–IV вв. до н.э.) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 52–61.

ным берегам Черного моря. В настоящее время трудно привести аргументы «за» или «против» для наиболее ранних серий. Появление на слитках в V в. до н.э. эмблем, скопированных с монет местных полисов и еще позднее – имен монетных магистратов, однако, указывает на то, что административная власть греческих городов-государств к тому времени уже взяла на себя контроль за их выпуском.

Необходимо отметить, что кроме немонетных денег описанных форм, в Северном и Западном Причерноморье обращались и другие. Наиболее полно изучены «рыбки» Керкинитиды[32]. По линейным размерам и весу легко прослеживается их сходство с «дельфинчиками». Основная масса «рыбок» действительно найдена в районе Керкинитиды, однако отдельные экземпляры известы далеко за ее пределами, даже на территории Болгарии (рис. 7).

В последние десятилетия стали известны и другие формы металлических предметов, которые объединяют морфологические признаки наиболее распространенных традиционных немонетных денег. Хотя дискусии о каждом конкретном артефакте, очевидно, будут длиться еще долго, можно попытаться сделать некоторые обобщения.

Очевидно, к концу периода функционирования немонетных денег в Причерноморье относятся некоторые находки, которые отчетливо указывают на попытки местных купцов и властей упорядочить их стоимость и соотношение. Здесь в первую очередь нужно упомянуть о слитках с комбинированными изображениями[33], например, слитках с изображениями стрелы и рыбы по обеим сторонам. К тому же разряду относится серия гирек из бронзы, на поверхности которых есть изображения одной или двух форм немонетных денег[34]. Эта категория памятников однозначно доказывает, что последние имели стоимость, равную стоимости металла, из которого они были изготовлены. Следовательно, они функционировали в рамках торговых операций, которые сохраняли принципы натурального обмена. Это обстоятельство кажется странным лишь на первый взгляд. Мы часто забываем, что даже в современном обществе так называемые бартерные соглашения, в сущности, осуществляются без денежных трансферов. В то же время их удельный вес весьма высок. Существование подобных отношений в античности тоже доказано огромным числом эпиграфических памятников и нарративных источников.

Обычай использования немонетных денег в регионе оказал ощутимое влияние и на выпуск собственно монет из бронзы на начальных этапах[35]. Как известно, греческие полисы по берегам Черного моря присту-

---

[32] *Кутайсов В.А.* Монеты Керкинитиды V в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1. С. 77–94.

[33] *Топалов С.* Аполония Понтика…; *Пиворович В.* Указ. соч.

[34] *Граков Б.Н.* Еще раз о монетах-стрелках // ВДИ. 1971. № 3. С. 185–187; *Пиворович В.* Указ. соч.

[35] *Топалов С.* Възникване на бронзовото монетосечене, номинали, наименования на номиналите и теоретични тегла на бронзовите монети на западнопонтийските градове IV–I в. пр. н.е. // Месамбрия Понтика. Принос към проучването на монетосеченето на града V–I в. пр. н.е. София, 1995.

пили к выпуску монетных эмиссий довольно рано. Характерно, что первые выпуски бронзовых монет (в отличие от синхронных серебрянных) в Ольвии, Истрии и других городах региона производились не путем чеканки, а литьем, как и немонетные деньги. Почти в то же время некоторые племенные вожди Древней Фракии также начали выпускать собственные бронзовые монеты, причем чеканенные[36]. Пространственный анализ находок разных типов немонетных денег позволяет сделать ряд наблюдений, которые имеют принципиальную значимость. Очевидно, в конце бронзового века торговые контакты Фракии со средиземноморскими центрами были весьма интенсивны. Причем в ходе их реализации употреблялись металлические слитки, игравшие роль денег. Они, очевидно, были, с одной стороны, сырьем для изготовления предметов, а с другой, имели и абстрактную стоимость. Ее величина, однако, не гарантировалась властными центрами и поэтому была «плавающей», то есть колебалась в соответствии с конкретной рыночной конфигурацией. В силу этого соображения можно предположить, что в основом торговля велась на принципе бартерных сделок, без абсолютных оценок стоимости товаров.

Вероятно, в начале раннежелезного века эти контакты сократились в объеме или реализовывались при помощи других денежных средств (например, соль или шерсть), о которых мы не можем получить адекватной информации. В то же время интенсифицировались торговые операции в границах собственно Фракии (судя по находкам – и в части Скифии). Они в значительной степени были реализованы с помощью металлических немонетных денег, но принципы обмена товарами сохранились. Распространение металлических денег разной формы и веса дает возможность предположить формирование местных региональных рынков, которые функционировали параллельно с международным обменом. Примечательно, что немонетные деньги из бронзы распространены, как правило, на территориях, где не было рудных месторождений. Дальнейший анализ находок, несомненно, позволит значительно уточнить границы и хронологию развития экономики регионов. В свою очередь, эта информация даст нам возможность гораздо точнее определить степень прямого влияния греческих полисов на хозяйство окрестных племен в VII–IV вв. до н.э. и специфические формы их взаимодействия.

Чувствительный толчок получило изпользование немонетных денег с началом греческой колонизации. За несколько десятилетий монеты-стрелки превратились в господствующую форму денежных знаков на весьма обширной территории (рис. 8). Судя по имеющимся данным, параллельно с ними в местной торговле употреблялись мелкие слитки разной формы. Хотя доступных материалов пока явно недостаточно, уже можно наметить области наиболее интенсивного распространения некоторых из них (рис. 9). Даже после появления в регионе классических монет, имеющих государственный штемпель, гарантировавший их абстрактную стоимость, немонетные деньги продолжали обслуживать

[36] *Златковская Т.Д.* Ранние монеты южнофракийских племен // НЭ. 1968. Т. VII. С. 48–61; *Топалов С.* Възникване на бронзовото монетосечене...

большой объем внутренней торговли. Попытки придать им стоимость, аналогичную монетам, были сделаны довольно поздно – вероятно около середины IV в. до н.э. Их превращение в качественно другой тип денег, однако не состоялось из-за чисто прагматического превосходства формы монеты, гораздо более удобной для выполнения функций средства платежа на рынках. Поэтому буквально в считанные годы во второй половине столетия они практически изчезли из обращения. Несмотря на это, традиция использования металлических предметов в роли немонетных денег сохранилась и может быть четко прослежена в истории экономики античного мира.

P. Balabanov

NON-COINS FORMS OF MONEY IN THRACE AND SCYTHIA ABSTRACT

In the LBA treasures of metal pieces began to appear in the territories on the Western and Northern coasts of the Black sea. In the scholarly publications, the term “pre-coins” is used to denote this kind of money. It is incorrect by many reasons. It is stricter to use the term “non-coins” to describe the metal ingots in different forms used as money.

Some authors remarks, that in the EIA own domestic forms of bronze money arise in Thrace. The most significant money of this category is the bronze ingots in form of arrow point. Some of them were marked with figure and letters, identical of ones used in the coinage of Apollonia and others Greek polisies on the Western coast of Black sea.

Another form of non-coins money, do the ingots resemble stylized dolphins. They are produced by the polis of Olbia between the end of VI and the middle of IV c. BC. The recent years made known the finds of it in large territory include Eastern Romanian and Bulgarian lands.

In this area was known also the ingot with form of stylized fish, may be produced in Kerkinities, and some ingots with composite forms. It was published some pieces with reliefs of last three form, perhaps used like exagia.

The observations on the non-monetary form of money give us sure that they were used in first place in the Greek cities, but in the same time in lands of domestic tribes like source of realized the small trade operations in VII-V c. BC. This fact suggests close similarity of the economic development of the Greek, Thracians and Scythians during Classical and early Hellenistic times.

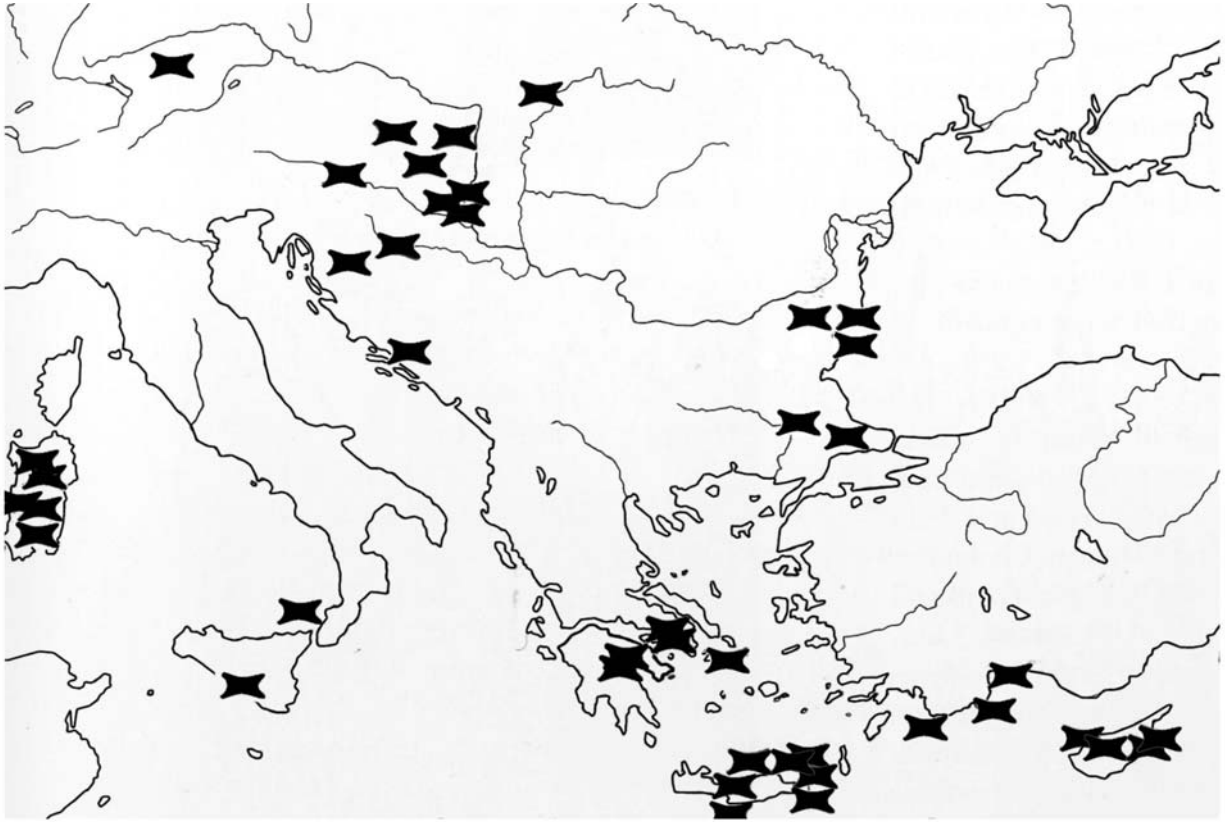


Рис. 1. Находки бронзовых слитков в форме звериных шкур на территории Северо-Западного Средиземноморья и на Балканском полуострове

а

б

в

Рис. 2. Фрагмент стенописи из гробницы в Египте
(подношение дани фараону).
Слева виден металлический слиток на плече подносящего.
Внизу: *а)* слиток из археологического музея в Афинах;
б) слиток из Британского музея;
в) слиток весом 8 г из археологического музея в Никозии

Рис. 3. Бронзовые слитки в форме пелты, найденные в Восточной Болгарии. Из коллекции г-на Ст. Топалова

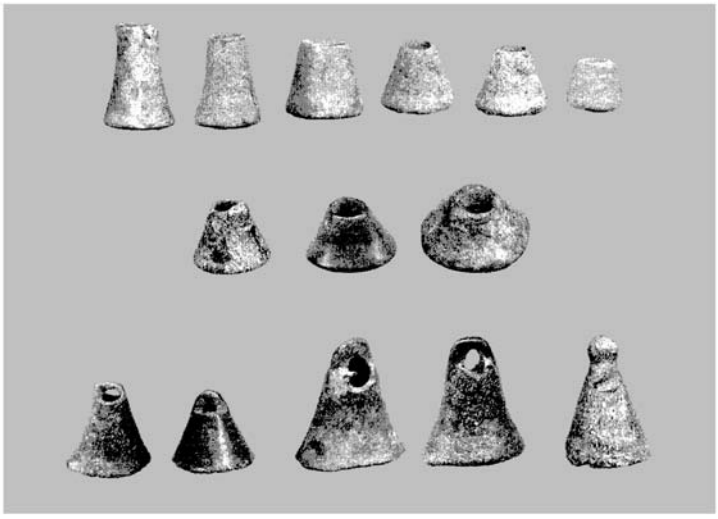


Рис. 4. Бронзовые слитки в форме колокола (из частной коллекции)

Рис. 5. Монеты-стрелки:
а) в форме стрелки; *б)* в форме листа ивы; *в)* дополнительно обрезанные для получения точного веса; *г)* дополнительно маркированные. Из коллекции г-на Ст. Топалова

Рис. 6. Бронзовые "дельфинчики", найденные на территории современной Восточной Болгарии. Из частной коллекции

а б в

Рис. 7. Слитки, очевидно родственные по функциям монетам-стрелкам: *а, б)* в форме рыбы; *в)* смешанной формы стрелы и рыбы

Рис. 8. Территория распространения монет-стрелок

Рис. 9. Районы распространения некоторых форм немонетных денег в Западном и Северо-Западном Причерноморье, по доступной информации:
• Слитки в форме Лабриса
• Слитки в форме серпа
/ "Дельфинчики" Ольвии
- Слитки в форме колокольчиков и пелты
/ Слитки в форме рыбы (из Керкинитиды?)

В.И. Кац

ПРОИЗВОДСТВО ЧЕРЕПИЦЫ В ГОРГИППИИ (ИСТОРИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ)

В Горгиппии к настоящему времени зафиксированы находки 285 боспорских черепичных клейм. Ещё 77 экземпляров обнаружено на поселениях ближней и дальней хоры города. Все клейма оттиснуты на керамидах. Коллекция относительно небольшая – около 5% от всех известных в настоящее время черепичных боспорских оттисков. Вместе с тем анализ этого материала позволяет получить новую информацию как по организации керамического производства в Горгиппии, так и по датировке отдельных серий зафиксированных здесь клейм.

Прежде всего, удалось уточнить и пополнить список клейм на керамидах изготовленных в самой Горгиппии. Впервые гипотеза о принадлежности Горгиппии серии круглых оттисков, в поле которых содержится легенда ΓΟΡ/ΓΙΠ/ΠΟΥ, обрамлённая лавровым венком (таб. 1, *1*), была высказана В.Ф. Гайдукевичем. Он предположил, что черепицы с этими клеймами были произведены в мастерской, принадлежавшей правителю города Горгиппу, связанному с правившей на Боспоре династией Спартокидов[1]. Вместе с тем, производство черепиц в Горгиппии, как он полагал, носило сугубо локальный и временный характер. Однако последний вывод оказался преждевременным. Уже во второй статье, посвящённой боспорским черепичным клеймам[2], В.Ф. Гайдукевич опубликовал несколько клейменых керамид, на одной из которых в двустрочном оттиске содержалась легенда ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ΔΙΑ ΝΟΥΜΗ (таб. 4, *2*); на второй – два рядом расположенных клейма: ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΔΙΑ ΒΑΤΑ (таб. 4, *3*)[3]. С учётом того, что эти черепицы были найдены в районе Анапы и Новоросийска, он предположил, что они являлись изделиями горгиппийских мастерских.

Дополнительные подтверждения такой локализации были приведены Д.Б. Шеловым[4]. Он ссылается на мнение И.Б. Зеест, которая при обработке черепичных находок, полученных в ходе разведочных работ в Анапе в 1949 г., установила, что большинство из них сформованы из глины отличной от той, которая характерна для изделий, изготовленных на Европейском Боспоре. Кроме того, имеются отличия и в конструктивных особенностях керамид. У горгиппийских изделий отсутствует валик у нижнего конца с обратной стороны – характерная черта пантикапейских черепиц.

---

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы) // Из истории Боспора. М.; Л., 1935. С. 302. К настоящему времени в Горгиппии зафиксировано ещё 14 аналогичных оттисков.

[2] *Он же.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. 1947. Вып. XVII.

[3] В фондах Анапского археологического музея-заповедника хранятся три фрагмента керамид, на которых находятся только клейма ΔΙΑ ΒΑΤΑ (рис. 4, *4*).

[4] *Шелов Д.Б.* К истории керамического производства на Боспоре // СА. 1954. Т. XXI. С. 125–126.

В.Ф. Гайдукевич видел в Batakos и Noumēnios либо мастеров, работавших в царской эргастерии, либо промышленников, бравших на откуп черепичное производство, принадлежавшее царю[5]. Последний вариант объяснения, как полагал Д.Б. Шелов, является более вероятным[6].

Список горгиппийских клейм пополнялся и в дальнейшем. При составлении свода IOSPE III Б.Н. Граков определил как горгиппийское клеймо ΑΡΧΕΙΑ. В связи с тем, что само клеймо он не видел, оно было помещено в раздел неопределённых оттисков (№ 10). Однако с учётом его местонахождения в предвоенные годы в фондах Новороссийского музея Б.Н. Граков предположил, что оно происходит из Анапы. Легенда же клейма – ἀρχεῖα указывает на то, что черепица перекрывала правительственное здание, где располагались власти города Горгиппии[7]. Локализация данного клейма, предложенная Б.Н. Граковым, оказалась вполне правомерной. К настоящему времени в Горгиппии и её окрестностях зафиксировано два десятка аналогичных оттисков, выполненных четырьмя разными штампами (таб. 2, *1–4*).

С началом систематических раскопок Горгиппии здесь стали в большом числе попадаться черепичные клейма в виде сокращения ΓΟΡ[8]. Сейчас известно более 50 аналогичных оттисков, выполненных тремя штампами (таб. 1, *2–4*). Обломки всего двух керамид с подобными клеймами найдены в Пантикапее, остальные происходят из Горгиппии и её окрестностей.

Новое значительное пополнение списка горгиппийских черепичных клейм произошло в ходе составлении каталога керамических клейм из Горгиппии. Не вызывает сомнения местное производство керамид, помеченных шестью штампами: в двух случаях имена фабрикантов даны в сокращении (ΑΡΤ – таб. 1, *5*; ΒΟΣ – таб. 1, *6*); в трёх других – в полной форме генетива (ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ – таб. 2, *5*; ΛΕΥΚ/ΩΝΟC – таб. 5, *4*); ΜΗΤΡΟ/ΔΩΡΟΥ – таб. 5, *5*); в одном клейме содержится легенда ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ΔΙΑ ΑΠΟΛΛΩ (таб. 4, *1*), однотипная надписи в штампе, который был опубликован В.Ф. Гайдукевичем. Все эти оттиски зафиксированы исключительно в Горгиппии и её окрестностях.

Вместе с тем есть основания считать местными и обнаруженные в Горгиппии черепицы с клеймами (ΕΥΜΗΛΟΥ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΙΚΗ), легенды которых хорошо известны по массовым находкам аналогичных оттисков на территории Европейского Боспора.

Впервые целая черепица с клеймом ΕΥΜΗΛΟΥ, обнаруженная в Керчи, была опубликована в статье В.Ф. Гайдукевича.[9] Однако в общий список имён на боспорских черепичных клеймах, приложенный к статье, Eumēlos не вошёл. И это не случайно, так В.Ф. Гайдукевич

---

[5] *Гайдукевич В.Ф.* Некоторые новые данные… С. 27.

[6] *Шелов Д.Б.* К истории керамического производства на Боспоре… С. 126.

[7] *Граков Б.Н.* Вводный очерк к клеймам на черепице в IOSPE III.

[8] *Кругликова И.Т.* Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975. С. 18; *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 47.

[9] *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы… С. 272–273. Рис. 75.

отмечает некоторые признаки публикуемой керамиды, необычные для боспорских клейменых черепиц. Оттиск на ней стоит не у нижнего края, как на остальных керамидах, а посредине. Кроме того, химический анализ глины этой черепицы показал, что она отличается от обычных боспорских. По этой причине Б.Н. Граков в IOSPE III поместил её в раздел неопределённых (№ 27). Между тем, к настоящему времени в Горгиппии зафиксировано 26 оттисков Eumēlos, выполненных двумя разными штампами (табл. 3, *1–2*). Таким образом их горгиппийская принадлежность не вызывает сомнения.

Впервые предположение о наличии при Спартоке помимо основного царского черепичного предприятия в окрестностях Пантикапея его «филиала» в Горгиппии было высказано Д.Б. Шеловым[10]. При этом, вывод опирался главным образом на анализ черепичных клейм, обнаруженных в Пантикапее. Внимание Д.Б. Шелова привлекли четыре керамиды с клеймами ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ, которые по характеру глины и конструктивным особенностям резко отличались от остальных многочисленных черепиц с аналогичными клеймами, выполненными другими штампами и зафиксированными на поселениях Керченского полуострова. Вместе с тем, эти керамиды имели несомненное сходство с уже выделенными к тому времени горгиппийскими черепицами. Анализ серии клейм Spartokos из Горгиппии подтверждает предложенную Д.Б. Шеловым гипотезу. К настоящему времени в Горгиппии зафиксировано 36 подобных оттисков, выполненных четырьмя штампами, в одном из которых присутствует лунарная сигма (табл. 3, *3–6*). Клейма, оттиснутые тремя из этих штампов, на территории Европейского Боспора вообще неизвестны[11].

К местному производству относится и два десятка керамид с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ, обнаруженные в Горгиппии и её окрестностях. Они изготовлены тремя штампами, оттиски которых среди материала Европейского Боспора, где найдены сотни клейм с аналогичной легендой, не зафиксированы.

Как отмечалось выше, подтверждают единство всей группы выделенных клейм характерные признаки глины, из которой сформована горгиппийская черепица. Эти визуальные наблюдения были подтверждены петрографическими анализами боспорской черепицы, осуществлёнными недавно С.Ю. Внуковым. По характерным признакам глины им определены две группы керамид[12]. Одну из них составляют черепицы с клеймами ΑΡΧΕΙΑ, ΒΟΣ, ΓΟΡΓΙΠΟΥ, ΓΟΡ, ΒΑΣΙΛΙΚΗ ΔΙΑ ΑΠΟΛΛΩ, ΔΙΑ ΒΑΤΑ, т.е. основная часть оттисков, включённых в список горгиппийских.

---

[10] *Шелов Д.Б.* К истории… С. 126–127.

[11] По моей просьбе Н.Ф. Федосеев сверил (за что я ему искренне благодарен) штампы клейм, обнаруженных в Горгиппии с оттисками на боспорских черепицах, хранящихся в фондах Керченского музея, Корпус которых им подготовлен к печати.

[12] *Внуков С.Ю.* Сравнительный петрографический анализ боспорской керамики // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 70.

Около трёх десятков клейм среди тех, которые обнаружены к настоящему времени в Горгиппии, относятся к двум закрытым комплексам: остаткам черепичной кровли помещения 72 на раскопе «Заповедник» (1981 г.) и черепичной вымостке в квадратах 215–216 раскопа «Океан» (1990 г.).

Комплексы боспорской черепицы из Горгиппии[13]

	помещение 72 («Заповедник», 1981)	черепичная вымостка («Океан», кв. 215–216, 1990)
ΑΡΧΕΙΑ	1/1	
ΒΟΣ	1/1	
ΓΟΡΓΙΠΠΟΥ		1/1
ΓΟΡ	2/2	1/2
ΕΥΜΗΛΟΥ	1/2	1/4
ΙΠΠΟ ←		1|1
ΠΑΙΡΙC	1/1	
ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ		3/11
итого	6/7	7/19

Эти комплексы близки по времени, о чём свидетельствует присутствие в обоих клейм с легендами ΓΟΡ и ΕΥΜΗΛΟΥ. Вместе с тем, с учётом современных хронологических разработок временная вилка, в которую укладываются все оттиски, слишком широка. Начнём с тех оттисков, хронология которых в настоящее время может считаться твёрдо установленной. Это прежде всего хорошо известные по находкам на Европейском Боспоре и там же изготовленные черепицы с клеймами ΙΠΠΟ и ΠΑΙΡΙ. Первое из них принадлежит фабриканту Hippokratēs, мастерская которого работала во второй половине IV в. до н.э.[14] Вторая черепица выпущена в мастерской Перисада I, архонта Боспора с 349 по 310 гг. до н.э. Не вызывает сомнения принадлежность к IV в. до н.э. и крупного круглого клейма Gorgippos. Оттиски с этим именем, выполненным в полной форме, относятся к мастерской ктиста города Горгиппии, сына Сатира I, Горгиппа. Так как он прожил долгую жизнь и исполнял государственные должности, как в первой, так и во второй половине IV столетия[15], то его эргастерий мог функционировать на протяжении второй-третьей четверти IV в. до н.э.

Казалось бы, и остальные представленные в обоих комплексах оттиски так же должны датироваться IV веком. Однако, как в принадлежности некоторых из них, так и в их хронологическом определении существуют значительные разночтения.

Так, после появления клейм с легендой ΓΟΡ, И.Т. Кругликова предложила два варианта, объясняющих их содержание: клеймо «может

[13] В числителе – количество штампов, в знаменателе – количество клейм.

[14] В 1962 г. в Мирмекии при раскопках на участке «И» было найдено клеймо Hippokratēs в стратиграфически вполне определенном и надежном слое второй половины IV в. (См.: *Гайдукевич В.Ф.* Новые данные по боспорской керамической эпиграфике // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 17).

[15] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия... С. 38–39.

быть началом имени Горгиппа или началом названия гражданской общины Горгиппии»[16]. Обосновать второй вариант попыталась Е.М. Алексеева. По её мнению, эти клейма относятся ко времени правления архонта Гигиенонта (последняя четверть III в. до н.э.), когда происходит ослабление центральной власти и возрастание роли городских общин. Одним из таких примеров и могла быть Горгиппия, в которой черепица в это время выпускалась от имени общины[17]. В свою очередь, В.А. Анохин посчитал, правда без должных на то оснований, что эти клейма принадлежат мастерской некого Горгия, и датировал их 293–283 гг. до н.э.[18] Между тем, имеются причины вернуться к гипотезе о принадлежности этих клейм к мастерской Горгиппа[19]. Отмеченные выше круглые клейма с его именем по характеру написания и парадной форме резко отличаются от других боспорских оттисков. Отсюда вполне правомерно предположение, согласно которому партия керамид с такими клеймами была предназначена для какого-либо общественного здания или, что более вероятно, дворца правителя. Для массового же потребителя в мастерской, принадлежащей Горгиппу, изготовлялась черепица, клеймившаяся штампами, в которых имя владельца дано в сильном сокращении, типичная форма написания для керамических оттисков Боспора середины IV в. до н.э. О временной близости этих двух типов клейм может свидетельствовать и то, что они встречены в составе одного закрытого комплекса – черепичной вымостки на раскопе «Океан».

Расхождения существуют по поводу принадлежности и датировки клейм, содержащих имя Eumēlos. У В.В. Шкорпила в перечне имён боспорских правителей, встречающихся на черепицах, находится и Евмел, который правил на Боспоре в конце IV в. до н.э.[20] Однако в дальнейшем В.Ф. Гайдукевич с учётом палеографических особенностей надписи усомнился в правомерности отнесения клейм с этим именем к мастерской царя Евмела и предположил, что эти черепицы относятся к более позднему времени[21]. Недавно была сделана попытка уточнить их датировку. А.А. Завойкин полагает, что они датируются не ранее третьей четверти III в. до н.э., а само это имя «сохранилось употребительным у младших представителей рода, связанного с Горгиппией»[22].

Вместе с тем, В.А. Анохин попытался возродить локализацию клейм, предложенную В.В. Шкорпилом и отнёс их ко времени одноименного царя (309–303 гг. до н.э.), отмечая, что аналогичные клейму

---

[16] *Кругликова И.Т.* Синдская гавань… С. 18.

[17] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия… С. 47.

[18] *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 203.

[19] См.: *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 334.

[20] *Шкорпил В.В.* К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта // Сборник археологических статей, посвящённых А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 36.

[21] *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы… С. 272–273.

[22] *Завойкин А.А.* Об институте династических имён Спартокидов // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 246.

буквы появляются в боспорской керамической эпиграфике уже в конце IV в. до н.э.[23]

Наконец, клейма Spartokos, которые составляют основную часть черепичных оттисков вымостки в раскопе «Океан» во всех хронологических системах отнесены ко времени Спартока IV и датируются концом III – началом II вв. до н.э.[24]

Таким образом, с учётом существующих хронологических систем клейма этих двух комплексов располагаются от середины IV до начала II вв. Действительно, уже давно было замечено, что временные вилки, в которые укладываются черепичные клейма, зафиксированные в том или ином закрытом комплексе, обычно достаточно широки. Это связано со спецификой использования керамид. Как правило, после того как здание, перекрытое черепицей, ветшало, оно разрушалось, а оставшаяся целая черепица (благодаря массивности этих керамических строительных деталей обычно сохранялась целой большая часть перекрытия) использовалась по назначению вторично совместно с черепицей, закупленной в период строительства нового здания. Таким образом, хронологические рамки черепичного материала, зафиксированного в том или ином закрытом комплексе, обычно укладываются в пределах нескольких десятилетий или даже полувека. Но в нашем случае, если мы будем придерживаться общепринятой хронологии, они составляют полтора столетия, охватывая почти весь период клеймения черепицы на Боспоре.

Между тем, в составе комплексов практически отсутствует амфорный материал III в. до н.э. Нет здесь ни одной черепицы, выпущенной в царских мастерских с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ, которые надёжно датируются первой половиной – серединой этого столетия и достаточно полно представлены в Горгиппии. Кроме того, амфорные клейма, зафиксированные вместе с черепичными не выходят за пределы начала III в. до н.э. В помещении 72 найдено три гераклейских клейма. Два из них принадлежат магистратам Aithēr и Aristōn (II Б ХГ – 70-е гг. IV в.); одно – фабриканту ПФГ Sōnikos (конец IV в.). В черепичном завале обнаружено клеймо синопского астинома Theopeithes (III С МГ – конец IV – самое начало III в.).

Следовательно, имеются основания датировать оба черепичных комплекса серединой IV – началом III вв. Если это так, то необходимо изменить ставшей традиционной локализацию и датировку клейм Eumēlos и Spartokos и отнести их к продукции мастерских принадлежащих архонту Боспора Евмелу и его наследнику Спартоку III, правивших в конце IV – начале III вв. до н.э.

Таким образом, клейма на черепице, произведённой в Горгиппии, могут быть разделены по четырём хронологическим группам. К первой из них (середина – вторая половина IV в. до н.э.) относятся поми-

---

[23] *Анохин В.А.* История Боспора… С. 202–203.

[24] *Граков Б.Н.* Эпиграфические документы… С. 206; *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы… С. 275; *Шелов Д.Б.* К истории… С. 126; *Анохин В.А.* История Боспора… С. 200. № 147.

мо керамид мастерской Горгиппа и фабрикантов, имена которых даны в сокращении (ΑΡΤ; ΒΟΣ), – черепицы с клеймом ΑΡΧΕΙΑ. Вторую группу (конец IV – начало III в.) составляют оттиски с именами Eumēlos и Spartokos. Видимо к ней же относятся клейма Dēmētrios. К третьей группе (вторая–третья четверть III в.) принадлежат клейма, содержащие слово ΒΑΣΙΛΙΚΗ, указывающее на производство черепицы в царской мастерской. Наконец, самыми поздними (вторая половина III в. до н.э.) являются двустрочные клейма четвёртой группы фабрикантов Leukōn и Mētrodōros.

При анализе представленных черепичных комплексов ещё два момента обращают на себя внимание. Во-первых, преобладание в их составе боспорских клейменых черепиц. Единственным исключением является гераклейская клейменая керамида (между прочим, несомненно принадлежащая к IV в.) из вымостки на раскопе «Океан». Во-вторых, среди боспорской черепицы доминируют изделия местных мастерских. Из семи клейм, зафиксированных в помещении 72 лишь одно (ΙΠΠΟ) стоит на керамиде, изготовленной на территории Европейского Боспора. Ещё более показателен материал вымостки из раскопа «Океан»: одна привозная пантикапейская черепица (ΠΑΙΡΙC) на 18 местного производства. Сходную картину даёт и общий подсчёт клейм, обнаруженных в Горгиппии. Из 226 надёжно локализованных боспорских оттисков менее 15% стоят на привозных черепицах, изготовленных в керамических мастерских Европейского Боспора. Остальные являются продукцией местных мастерских. Аналогичным образом обстоит дело и с черепицей, поступившей из центров Южного Понта. Помимо одной клейменой черепицы из Гераклеи зафиксировано всего 18 оттисков на синопских керамидах. При этом больше половины последних относятся к середине IV в. до н.э., к периоду, когда местное производство черепицы ещё не было налажено.

Эти наблюдения позволяют усомниться в правомерности заявления Е.М. Алексеевой, что горгиппийские эргастерии на протяжении эллинистической эпохи не могли полностью обеспечить город строительными керамическими изделиями и спрос на них удовлетворялся главным образом за счёт привозных боспорских и синопских черепиц[25]. Анализ черепичных клейм рисует противоположную картину. Местные керамические мастерские не только удовлетворяли по крайней мере с середины IV в. до н.э. основные потребности города в керамических строительных материалах, но и в широких масштабах снабжали черепицей другие поселения Синдики. Местная клейменая черепица встречена на 16 поселениях из 29 известных на ближней и дальней хоре Горгиппии. Показательно и то, что небольшие партии изготовленных здесь керамид вывозились в другие районы Боспора. В Пантикапее обнаружено по две керамиды мастерских Горгиппа и Евмела, четыре – Спартока, а в Фанагории – одна черепица мастерской Метродора.

[25] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия… С. 178.

V.I. Kac

THE PRODUCING TILES IN THE GORGIPPIA (Localization and Studying History)

In the Gorgippia by this time 285 bosporian tile stamps were found. More 77 copies are fixed on settlements on near and far city chore. The analysis of this material has allowed to receiving the new information as about the organization of ceramic producing in Gorgippia, so and for date of separate series of the tile stamps fixed here. First of all, it was possible to specify and fill up the list of stamps on tiles, made in Gorgippia. As a result were established not less 13 workshops which throughout one and a half centuries from the middle of IV century BC satisfied basic needs of Sindika in ceramic building materials.

1

2

3

4

5

6

Таблица 1

1

2

3

4

5

Таблица 2

1

2

3

4

5

6

Таблица 3

1

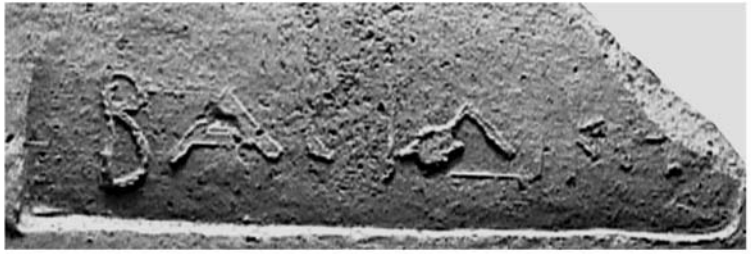
2

3

4

Таблица 4

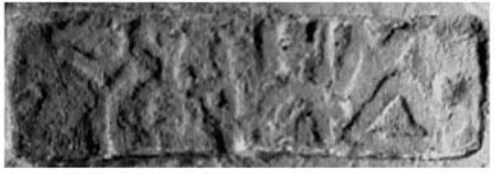
1



2

3

4



5

Таблица 5

Г.П. Гарбузов,
А.А. Завойкин

ОСВОЕНИЕ ГРЕКАМИ ЗЕМЕЛЬ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА в последней четверти VI – первой половине V в. до н.э.*

Анализ памятников на сельских территориях центров (полисов) Азиатского Боспора в период их становления и первых шагов в освоении хоры позволил затронуть ряд вопросов, связанных с колонизацией региона греками в контексте предварительной оценки палеогеографической ситуации, а также – наметить несколько зон, которые, с учетом плодородия почв и естественного районирования по границам водоразделов, в одних случаях более, а в других менее уверенно могут быть соотнесены с отдельными апойкиями или их небольшими (обычно не более двух) группами. Некоторые такие центры локализуются однозначно и сравнительно хорошо известны (Фанагория, Гермонасса, Кепы, Патрей, Корокондама). Другие либо не находят точной привязки на местности, но об их существовании доподлинно известно по письменным источникам (Ахилий, Киммерида), либо они выделяются сугубо предположительно по совокупности археологических характеристик (Береговой 4, Голубицкая 2, Ахтанизовская 4). Наконец, выделяется одна зона (5-я), ранние поселения на плодородных землях которой не могут быть сколько-нибудь обоснованно соотнесены с какой-либо из известных апойкий, а сами эти поселения не могу быть ранжированы по статусу[1]. Во многом реконструируемая нами система имеет предположительный, гипотетический характер, целиком обусловленный состоянием имеющихся на сегодняшний день источников.

Главная задача настоящей работы – попытаться проследить, каким образом реконструируемая нами ранее схема развивалась[2]. Хронологические рамки исследования определяются последней четвертью VI – второй четвертью V в. до н.э. Верхняя временна́я грань обусловлена довольно резкими изменениями в развитии Азиатского Боспора с середины V века, а именно – довольно интенсивным спадом достигнутых ранее показателей[3]. Уже сейчас совершенно очевидно (и отме-

*Исследование выполнено по проекту «Античные системы расселения на Таманском полуострове в период становления централизованного Боспорского государства», финансируемому РФФИ (№09-06-00226а).

[1] *Завойкин А.А., Гарбузов Г.П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 2010. Т. 14. С. 184 слл., 212–213. Рис. 6; *ср.*: *Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д.* Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // ДБ. 2010. Т. 14. С. 168, 170–178.

[2] Одновременно углубленное исследование памятников на более позднем этапе их истории позволяет уточнить и ряд деталей в характеристиках самых ранних комплексов.

[3] *См.*: *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н.э. // ДБ. 2010. Т. 14. С. 105 слл.

чалось исследователями ранее[4]), что указанный период в целом характеризуется быстрым развитием системы расселения, увеличением числа поселений на хоре[5]. Кроме того, система усложняется: именно в этот период рядом с некоторыми поселениями появляется серия некрополей за пределами «старых» городских. Представляется, что изучение этого феномена, характеризующего, по справедливому суждению С.Б. Буйских[6], стационарное проживание части населения полисов за пределами городских стен, чрезвычайно важно для понимания структуры организации землепользования, выделения её элементов, имевших иной (более высокий?) статус, чем другие («рядовые») поселения. В определенной мере той же цели может послужить и анализ распределения на сельских памятниках монетных находок[7]. Разумеется, и в том, и в другом случае приходится делать целый ряд оговорок, – в том числе весьма существенных, – связанных с информационными особенностями этих источников. Однако взятые в целом, если угодно, статистически, они, на наш взгляд, безусловно, в той или иной степени отражают реалии интересующего нас времени и дают в принципе возможность как-то структурировать некую «безликую массу» пятен на археологической карте Таманского п-ова. Хронологический и пространственный анализ некрополей и монетных находок, сделанных на Таманском п-ове будет представлен в другой работе, в которой мы подытожим свои наблюдения над развитием поселенческих структур на сельских территориях полисов Таманского п-ова в VI–V вв. до н.э.[8]

* * *

Начнем с попытки дифференцировать памятники интересующего нас времени хронологически. В основу этой попытки была положена та же методика оценок продолжительности временных интервалов выделяемых «хронологических признаков»[9] в хронологически более широком контексте узко датируемых критериев (табл. 1, Приложение), которая была нами апробирована ранее[10]. Первое, что бросается

---

[4] *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2. С. 77. Рис. на С. 82–83 и 84–85.

[5] Последовательный рост этого показателя отражают следующие цифры: от 30 до 63 (конец VI – начало V в. до н.э.); 80 (во второй четверти V в. до н.э. «против 62, появилось 19 и, возможно, исчезло *одно* поселение Тамань 11») – см.: *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова. С. 73, 77.

[6] *Буйских С.Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності степного Причорномор'я і Кріму. 2009. № XV. С. 229.

[7] Хотя в данном случае скорее следует говорить о направлениях преобладающих товарно-денежных потоков. Однако определенное ранжирование поселений по количеству нумизматических находок допустимо.

[8] *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Сударев Н.И., Строкин В.Л.* Динамика освоения сельских территорий греческих центров Таманского п-ова в VI–V вв. до н.э. // ДБ. 2011. Т. 15. (в печати).

[9] Т.е. датируемых артефактов, обнаруженных на памятниках в ходе сбора на поверхности.

[10] *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* О состоянии хоры центров Азиатского Боспора… Табл. 1 с комментарием.

в глаза – на целом ряде памятников отсутствуют материалы, которые определенно (узко) датируются в пределах последней четверти VI – первой четверти V в. до н.э.: из 90[11] учтенного памятника таковых 34[12] (в их числе Виноградный 8/167, с находками группы «А»[13], который предположительно учитывался в перечне поселений третьей четверти VI в. до н.э., в то время как материалы, однозначно датируемые ранее второй четверти V в. до н.э. на нём отсутствуют)[14]. Имеется же такой материал, соответственно, на 56 памятниках. Однако на ряде памятников, на которых нет находок конца VI – начала V в. до н.э., были обнаружены находки, датируемые широким интервалом около

---

[11] В Таблице 1 (Приложение) приведено 91 наименование (там же итоговый расчет приведён без поправок). Однако в 2010 г. нами была обследована площадь 96,7 га, в пределах участка, где, по данным археологической карты Я.М. Паромова, расположены поселения Кучугуры 5, Кучугуры 6 и большая часть поселения Кучугуры 7 (номера на карте соответственно 36–38). По результатам проведенной съемки очевидно, что автор археологической карты допустил неточность. На месте указанного на карте поселения Кучугуры 6 археологического материала в количествах, достаточных для выделения здесь значимого археологического памятника, нет. Кроме того, обосновано расчленить выделенную нами обширную область скопления керамического материала на два отдельных поселения Кучугуры 5 и Кучугуры 7 не представляется возможным. Несмотря на значительный объём собранного подъемного материала (1325 фрагментов атрибутированной керамики) обнаружить материал, датируемый узко третьей четвертью VI в. до н.э. не удалось. Фрагментов предположительно датируемых всей второй половиной VI в. до н.э. – всего три. Площадь поселения ориентировочно составляет около 27 га, что, без сомнения, является очень значительной величиной (достаточно напомнить, что площадь античного полиса Кепы, локализуемого у вершины Таманского залива в пределах современного пос. Сенной, оценивается исследователями в 20–25 га (*Усачева О.Н., Сорокина Н.П.* Кепы // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 84). Более подробно о ранжировании поселений по площадям на примере сельской округи Фанагории, см.: *Гарбузов Г.П.* Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории // ПИФК. 2010. № 1. Сообразно новым данным в подсчете учитывается единый памятник – «Кучугуры 5+7».

[12] Не учитывая Приморский 23 (123) и Вышестеблиевскую 11 (183), на которых материалы ранней группы представлены только монетами (см. ниже).

[13] Все «хронологические признаки», выделяемые в находках на памятниках, датируемых А.П. Абрамовым и Я.М. Паромовым (Указ. соч.) с третьей четверти VI в. до н.э., были разделены нами на две группы: «*А*» – характеризуется узкими временными рамками (захватывая третью четверть VI века); «*Б*» – с широкой датой, выходящий за пределы третьей четверти этого века, в том числе заходя в следующее столетия (*Завойкин А.А., Гарбузов Г.П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова… С. 187. Табл. 1).

[14] В это число вошла бы и Вышестеблиевская 10/182, с материалами группы «*Б*», если бы мы не учитывали материалы раскопок Г.А. Ломтадзе (*Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И.* Исследования поселения Вышестеблиевская 10 // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.; Киев, 2010. С. 166 сл.), а также – Стрелка 2/210 без учета находок опубликованных Д. В. Журавлевым с коллегами (*Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д.* Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове… С. 173 слл.).

550–480 гг. до н.э., что в ряде случаев[15] позволяет расширить перечень поселений интересующего нас времени на 7 единиц[16]. Таким образом, *минимальным счетом* количество поселений последней четверти VI – первой четверти V в. до н.э. составляет 63. С меньшей степенью вероятности сюда можно добавить поселения исключительно с находками 550–450 гг. до н.э. (признаки 30 и 37, по А.П. Абрамову, Я.М. Паромову): на *двух* из них (№ 112, 189) не встречено датируемой керамики ни последней четверти VI – первой четверти V, ни второй четверти V в. до н.э.; на *трех* (№ 14, 19, 215) – найденная керамика не раньше второй четверти V в. до н.э. Таким образом, число поселений рассматриваемого периода могло достигать 65 или 68 (интервал около 63–65 представляется нам *оптимальным*). Поскольку на 21-ом учтенном памятнике нет даже широко датируемых находок, включающих данный период, следовательно, *максимальным счетом* интересующих нас памятников – 69.

На *шести* памятниках (Таманский 6, Виноградный 4, Старотитаровские 8, 18, 19 и 22)[17] не представлены находки не только конца VI – начала V в. до н.э., но и определенно (узко) датируемые и второй четвертью V в. до н.э.[18] (т.е. они появились не раньше этого времени, а скорее даже позднее[19]). На отмеченном Я.М. Паромовым памятнике Тамань 11 (см. примеч. 5) отсутствие находок от второй четверти V в. до н.э. и до конца столетия, видимо, действительно даёт основание для исключения его из списка памятников данного периода. Почти в точности то же самое можно сказать о Таманском 4 и Старотитаровской 13 (в последнем случае с той только существенной разницей, что на этом памятнике зафиксирован материал третьей четверти V в. до н.э.), а также предположительно – о Красноармейском 6 и Приазовском 1[20]. Таким образом, *максимальное* число памятников для второй четверти V в. до н.э. – 81, а *минимальное* – 79.

---

[15] Но не всегда, если рассматривать и признаки 30, 37 (по: *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Указ. соч.), датируемые до 450 г. до н.э. (при условии, что на памятнике находки этой широко датируемой группы представлены только ими!), с учетом хронологического контекста и принимая в расчет неоднозначность (сложность) выделения этих признаков (ручки протофасосских амфор).

[16] В их числе №№ по Карте: 2, 10, 145, 160, 166, 80, 118, на которых представлены находки «550–480 гг. до н.э.».

[17] Вышестеблиевская 11, видимо, должна датироваться по керамике от второй четверти V в. до н.э. (*Паромов Я.М.* Введение в археологию Таманского полуострова // EIKON Beiträge zur antiken Bildersprache. Bd. 9. Die Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meeres. Münster, 2009. S. 85–86), хотя в совместной работе А.П. Абрамова и Я.М. Паромова (Указ. соч.) соответствующие признаки не были отмечены.

[18] Последних насчитывается 75 памятников.

[19] Самая «ранняя» находка – фрагменты ручек хиосских амфор (признак 9) от 480 до 400 гг. до н.э., которые соседствуют исключительно с фрагментами венцов хиосских «позднепухлогорлым» (тип ІД-1, признак 5) третьей четверти того же столетия.

[20] Два последних «претендуют» на вторую четверть V в. до н.э. только «слабым» признаком 9 и, при наличии признаков конца VI – первой четверти V в.

Можно посчитать количество сельских памятников второй четверти V в. до н.э. иначе. На 75-ти (из 90) фиксируются находки, датируемые узко этим периодом (это абсолютный *минимум*). К этому списку можно с определенной степенью вероятности добавить ещё *шесть* (Красноармейский 6/23; Вышестеблиевская 14/186; Приазовский 1/6; Приморский 12/112; Вышестеблиевская 10/182; Старотитаровская 1/189), на которых имеются находки 480–400 гг. до н.э., причём на двух первых отсутствуют находки третьей четверти столетия, а на четырех остальных – имеются и более ранние, и более поздние находки. Таким счётом, максимальная цифра составит 81 поселение.

Иными словами, мы наблюдаем последовательный рост числа памятников на хоре: в первой фазе периода (рис. 1) более, чем в два раза, а во второй (рис. 2) прирост выражен менее значительным показателем – не более трети. Эти показатели близки тем, которые были получены А.П. Абрамовым и Я.М. Паромовым и демонстрируют вроде бы некоторое замедление темпов освоения земель на Таманском п-ове во второй четверти V в. до н.э. Не следует, однако, забывать о том, что вторая фаза данного периода вдвое короче первой, следовательно, снижение темпов развития региона должно оцениваться не столь радикально, как могло показаться на первый взгляд. Дальнейшая наша задача – поэтапно проанализировать этот процесс в территориальном аспекте. С этой целью нами рассчитаны плотности поселений, которые представлены на рис. 1 и рис. 2 в виде контуров, ограничивающих области с плотностью выше условных пороговых значений 0.05 и 0.07 поселения на кв. км[21].

Для удобства сравнения темпов прироста численности поселений, размеров и направлений развития наиболее густо заселенных (интенсивно осваиваемых) областей стоит произвести последовательное «наложение» их друг на друга: сначала областей с плотностью поселений

до н.э., скорее, не могут быть распределены в рамках широкого периода по контексту.

[21] Приведенные на рис. 1 и 2 контуры плотности поселений выделены для плотностей, рассчитанных алгоритмом ESRI ArcGIS Desktop (Point Density/Spatial Analyst Tools). Схема расчета заключается в учете всех поселений, находящихся в пределах окружности определенного радиуса, описанной вокруг данной ячейки растра, и вычислении искомого значения плотности в этой ячейке путем деления числа учтенных поселений на площадь окружности. Размеры радиуса и ячеек растра могут варьироваться – бóльшая величина радиуса дает, например, более обобщенную картину пространственного распределения плотности, в какой-то мере восполняющую значительные пропуски в исходных данных. В наших расчетах радиус усреднения с целью получения достаточного обобщения выбран равным 5 км, сторона ячейки растра равна 500 м. Построенные по полученным плотностям контуры в свою очередь довольно сильно сглажены последующей обработкой. В связи с высоким уровнем обобщенности результатов, даваемые контурами плотности границы областей высокой/низкой плотности поселений не должны рассматриваться «буквально», они служат, скорее, ориентировочной оценкой объективно существующих неоднородностей в распределении известных поселений.

свыше 0.07 на кв. км (рис. 3а), затем – с плотностью свыше 0.05 поселений (рис. 3б).

Сопоставление этих двух парных схем, на наш взгляд, позволяет достаточно уверенно описать главные тенденции в развитии сельских округ на Таманском полуострове в интересующее нас время. Начнём рассмотрение ситуации на 525–480 гг. до н.э. На этой фазе второго этапа развития хоры четко выделяются пять изолированных *областей* повышенной плотности (0.07) распределения поселений: *1*) юго-западная оконечность полуострова; *2*) примыкающая с запада к углу лимана Цокур; *3*) центральная область, к югу от Фанагории, значительно большая, чем предыдущие; *4*) очень маленькая область к западу от Ахтанизовской 4[22]; *5*) самая значительная по площади – в центральной и северной части Фонталовского п-ова, перекрывающая бóльшую его часть. Анализ плотности поселений на кв. км с пороговым значением 0.05, во-первых, показывает, что области 3, 4 и 5 сливаются в общий массив, в котором, исходя из параметров площадей, абсолютно превалируют два «ядра» (5 и 3). За пределами этой «агломерации» остаются области 1 и 2, разделенные и между собой, и «появляется» единственная новая небольшая изолированная область (6-я) у основания выступа между Старотитаровским и Кизилташским лиманами.

За пределами обозначенных контуров, отмечающих наиболее динамично развивающиеся области, остаются отдельные поселения:

- к западу от 5-ой (поселения 1-го этапа: Патрей и Береговой 4);
- на Голубицком острове (тоже раннее поселение 221);
- к востоку от области 3 (которую с полным правом можно считать хорой Фанагории) – новые поселения 178 и 195, явно тяготеющие к ней;
- к востоку от небольшой области 6 (отмеченной единственным новым поселением 189) – возникшие ранее рассматриваемого этапа поселения 209 и 210;
- на равном примерно расстоянии от хоры Фанагории и области 2 – новое поселение 160, а севернее, на водоразделе – старое поселение 167;
- между областями 2 и 1 – изолированное раннее поселение 144;
- вдоль южного побережья Таманского залива, между Гермонассой и хорой Фанагории, в полной изоляции располагается раннее поселение 126 (Тамань 3).

В интервале между 480 и 450 гг. картина меняется заметно (хотя, как было отмечено ранее, прирост численности, возможно, несколько снизился). Динамичнее всего развиваются (расширяются) области 3 (хора Фанагории – к югу, западу и востоку, выходя к естественным водным рубежам) и 2 (к западу и северу, в направлении поселения

[22] Существование этой области именно в таком виде в какой-то степени связано с использованными параметрами алгоритма расчета плотности, тем не менее, как уже отмечено выше, расчетные аномалии плотности всегда связаны с той или иной группировкой поселений – в данном случае эта небольшая область подчеркивает достаточно явную обособленность соответствующей группы поселений.

Тамань 3, но не выходя за водораздел), на уровне 0.05 пос./кв. *км* сливаясь между собой. Заметно расширились «ядра» (с плотностью 0.07) этих областей. Особенно впечатляет рост этого показателя для 2-ой области, развивающейся в указанном временном интервале наиболее динамично. Лишь немного увеличивается площадь области 5, гораздо менее значительно по сравнению с предыдущим отрезком времени (на обоих уровнях плотности)[23]. И совсем другая картина в области 1. Здесь на обоих уровнях наблюдаем сокращение ранее достигнутых показателей. Окончательно деградирует область 6, где не только не наблюдается нарастание плотности расселения (до уровня 0.07), но и происходит как бы «смещение» её на запад, к поселениям 203 и 205 (возможно, к юго-восточной границе хоры Фанагории). Иначе говоря, восточные земли Таманского полуострова (в том числе большие массивы плодородных почв в южной их части), довольно бурно осваиваемые греками во второй половине VI – первых десятилетиях V вв. до н.э. «застывают» в своем развитии.

Прежде чем пытаться интерпретировать полученную картину в динамике, целесообразно соотнести её с некоторыми основными выводами, полученными нами ранее при исследовании распределения памятников предшествующего этапа[24], и прежде всего – с выделенными природно-ландшафтными зонами (границы и номера на рис. 3 а,б).

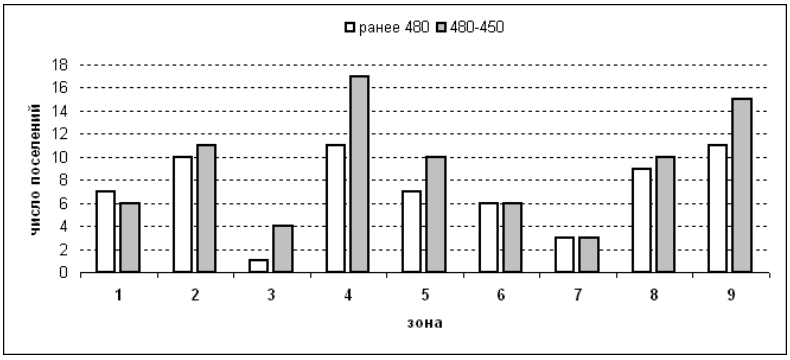


Рис. 4. Распределение поселений по зонам 1–9,
две хронологические градации

Представленный на рис. 4 график демонстрирует количественное распределение по зонам поселений, датируемых до 480 г. до н.э. и 480–450 гг. до н.э. и соотношение памятников этих двух временных интервалов между собой. На нем можно видеть разнообразие количественных соотношений в разных зонах: превалирование ранних над более поздними (*1*), примерное их равенство (*6* и *7*) и преобладание,

[23] Характеристики маленькой области 4 на уровне 0.07 сохраняются в прежних рамках, а каким образом менялись (если этот процесс происходил) вокруг неё границы с соседними областями 5 и 3 на уровне 0.05 – судить невозможно, поскольку слияние между ними произошло в предшествующей фазе.

[24] *Завойкин А.А., Гарбузов Г.П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова…

выраженное в различной степени, поселений 480–450 годов (*2* – незначительное; *3* – более, чем в двое; *5, 8, 9* – небольшое). Выделенные нами выше по плотности заселения области (в двух фазах развития), естественно, не вполне соответствуют границам зон, что отражено на рис. 3 а, б и в таблице 2.

Таблица 2

Природно-ландшафтные зоны и области высокой плотности расселения

Зоны	525–480 гг. до н.э.		480–450 гг. до н.э.		Примечания
	Области плотности				
	>0.07	*>0.05*	*>0.07*	*>0.05*	
1	1	1	1	1, 2	Область 2 «вклинивается» в зону с востока в позднее время
2	3, 5	3, 4, 5	3, 5	3, 5, 4	Пограничная зона двух (на уровне 0.07) или трех (0.05) областей уже в раннее время; преобладает область 3 (хора Фанагории)
3	–	–	2	2	Только в поздний период в южную часть зоны «проникает» область 2
4	2	2	2, 3	2, 3	Первична и преобладает область 2; в поздний период в зону «вторгается», занимая всю её восточную часть, область 3
5	–	6	–	6, 3	Зона локализации области 6, в которую в позднее время с СЗ «вторгается» периферия (0.05) области 3
6	4	4, 3, 5	5, 4	3, 5, 4	Пограничная зона трех областей (на уровне 0.05) уже в раннее время; в позднее время на уровне 0.07 – двух областей (4 и 5, восточный её край), которые, однако, не «пересекаются»
7	5	5	5	5	Южный край области 5 лишь «касается» восточной границы зоны
8	5	5	5	5	Западная часть области
9	5	5	5	5, 6	Центральная и северная часть области 5; лишь «соприкасается» с областью 6 на востоке
Области	525–480 гг. до н.э.		480–450 гг. до н.э.		Примечания
	Зоны				
	>0.07	*>0.05*	*>0.07*	*>0.05*	
1	1	1	1	1	Хора Гермонассы и Корокондамы
2	4	4	4, 3	4, 3	Хора Тамань 3
3	2, 4?	2, 4	2, 4	2, 4, 3, 5, 6	Хора Фанагории (и Кеп)
4	6	6	6	6	Хора Ахтанизовской 4/ Голубицкой 2?
5	8, 9, 7	8, 9, 7, 6	8, 9, 7	8, 9, 7, 6	Хора «Волна Революции» 1, 2; Фонталовская 1,6; Кучугуры 5+7 (Ахилий, Киммерида, +?)
6*	5	5	5	5	Хора Старотитаровской 5?

Следует отметить тот факт, что даже в позднюю фазу второго этапа (480–450 гг.), когда развитие системы расселения на Таманском п-ове достигло максимума, «ядра» областей повышенной плотности

(0.07) ни в одном случае не соприкасаются между собой. Это, разумеется, не означает, что каждой такой области соответствует только один реальный центр. С большой долей вероятности уже сейчас можно сказать лишь то, что 3-й области в основном соответствует динамично развивающаяся хора Фанагории (примечательно, что её расширение происходит во всех направлениях, исключая север, в сторону Кеп, а также – вдоль побережья Таманского залива к западу, в направлении поселения Тамань 3). С определенной степенью уверенности можно считать, что наиболее крупная область 5 на Фонталовском п-ове представляет собой агломерацию сельских территорий нескольких центров. То же самое, вероятно, позволительно думать и об очень скромной по своим площадным характеристикам области 1, примыкающей к Корокондаме и располагающейся в непосредственной близи от Гермонассы. Но прежде, чем продвигаться в своих умозаключениях дальше, имеет смысл оценить динамику прироста численности сельских поселений в ближайших округах наиболее ранних поселений Таманского п-ова (рис. 5)[25].

Рис. 5. Динамика роста численности поселений
в округах древнейших поселений (по зонам; исключая города)

Для построения рис. 5 подсчитывалось число поселений (две хронологические градации), располагавшихся внутри круговых буферных зон радиусом 5 км, проведенных нами вокруг наиболее ранних поселений[26]. У соседних ранних поселений подобные буферные зоны сильно пересекаются, соответственно, и часть поселений получается «общей», но это не столь важно. Часть выборки не попадает в

[25] При проведении расчетов поселения 36, 161 и 238 отнесены к древнейшим поселениям (согласно датировкам Я.М. Паромова), поселения Кучугуры 5 (36) и Кучугуры 7 (38) учтены раздельно.

[26] Сходные буферные зоны (области влияния) вокруг сельских поселений 1-го этапа расселения были построены в иллюстративных целях в работе (*Завойкин А.А., Гарбузов Г.П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова… Прим. 55. Рис. 6). По сравнению с этим построением в нашем случае радиус буферных зон расширен с 3,5 км до 5 км для увеличения объема «захватываемых» выборок более поздних поселений.

пятикилометровые буферные зоны: для периода 525–480 это 6 поселений, для периода 480–450 таких поселений 11. Эти «лишние» поселения располагаются вообще-то не хаотично, а образуют два относительно компактных кластера, возникших как бы на пустом месте: это восток природно-ландшафтной зоны 9 (35, 47, 40, 44) и водораздел между 4 и 5 зонами. Если усреднить рисунок – рассчитать для каждой природно-ландшафтной зоны среднее число поселений в условном пятикилометровом буфере вокруг ранних центров, то получим диаграмму, показанную на рис. 6. Она, что естественно, очень напоминает рис. 4, за исключением известной зоны 5: новые поселения возникают здесь почти исключительно вне округи старых центров, образуя тот самый кластер между 4 и 5 зонами.

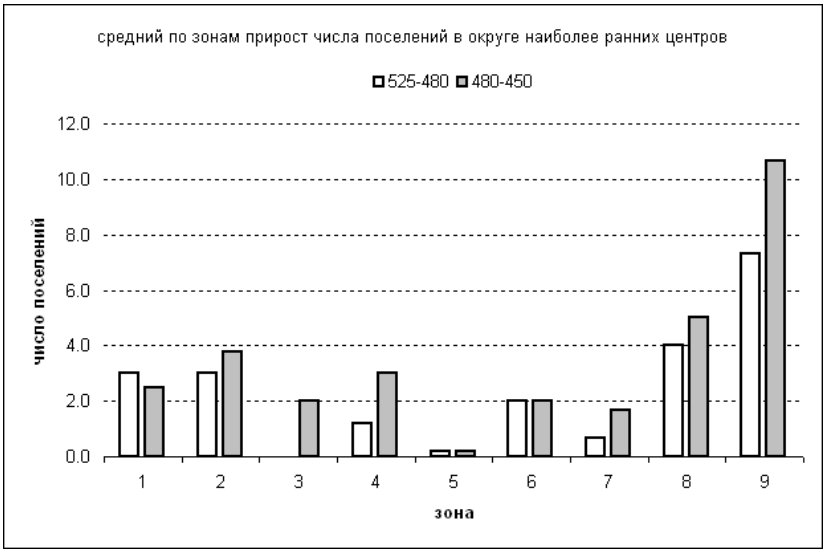


Рис. 6. Усредненные по природно-ландшафтным зонам показатели роста численности поселений в округах древнейших поселений для двух хронологических фаз

Подытоживая полученные ранее наблюдения, попытаемся оценить направления и динамику развития поселенческих структур разных центров Таманского п-ова. Для 2-го этапа освоения земель (ок. 525–450 гг. до н.э.) области наибольшей концентрации поселений, как уже говорилось, наблюдаются в пяти/шести местах (6-я область выделяется только на уровне 0.05). 1-я и 3-я области вполне определенно фиксируют состояние хоры, соответственно, Гермонассы/Корокондамы и Фанагории. Первая из них демонстрирует состояние стагнации или даже некоторого упадка во второй четверти V в. до н.э. Вторая, напротив, – весьма динамичное развитие. Очень важно, что в это время на хоре Кеп не отмечено формирование плотно (свыше 0.05) заселенных областей, а так же то, что северная граница «ядра» земельных угодий Фанагории вплоть до 450

г. до н.э. не продвинулась в сторону соседнего города[27]. На земельных угодьях в районе Патрея и Берегового 4 вообще не выявлены следы какого-либо развития. К северу и востоку от них, напротив, наблюдается чрезвычайно интенсивное освоение плодородных земель, которое можно связать с развитием сельских территорий до сих пор не выявленных археологически (известных только по письменным источникам) Киммериды и Ахиллия (и, возможно, других центров или центра). Только с большой мерой условности можно разделить эту область по границам природных зон на «подобласти»: 5.*8* (западную, возможно, связанную с городом, посвященным Ахиллу); 5.*9* (восточную, принадлежащую Киммериде?); и 5.*7* (южную, примыкающую к яркому по характеристике находок комплексу поселений «Волна Революции 1, 2»). Как раз на границе «подобластей» 5.*8* и 5.*9*, в глубине территорий, оказываются два ранних поселения (Кучугуры 5+7[28] и Фонталовская 1, 6[29]), которые, возможно, её маркируют ещё в третьей четверти VI в. до н.э. В конце VI – начале V в. до н.э. именно в этой области мы видим максимально быстрое освоение земель (снижение этих темпов в последующие десятилетия говорит в пользу того, что природные и исторически обусловленные рубежи уже были достигнуты ранее). Распределить сколько-нибудь достоверно земли к востоку и югу от области 5 (5.*9*) между нею и смежными (на уровне 0.05) областями 3 (Фанагория/Кепы) и 4 (Ахтанизовская 4/Голубицкая 2) не представляется возможным. Быть может, границей служила сухая протока, соединяющая северо-восточный угол Таманского залива и Меотийское русло Кубани (Субботин ерик), вдоль которого (с северной стороны) протянулся так называемый Киммерийский вал.

Земли к востоку от описанных областей, не смотря на довольно высокое качество земель в южной их части (зона 5), оказались значительно менее востребованными: небольшая область 6* в районе поселения 193[30] (а затем 203) едва достигла уровня плотности 0.05 / 1 кв. км. Трудно сказать, что могло повлиять на замедление этого процесса (довольно интенсивного на раннем этапе): изменение ли гидрологического режима или, например, ухудшение военно-политической ситуации (угроза с вос-

---

[27] В этом месте округи Фанагории (к северу от поселения Соленый 3/90) в весьма насыщенной различными поселениями античной системе расселения, по данным сплошных археологических разведок, выявляется пространственный разрыв площадью не менее 2,5 км^2, существовавший на протяжении всего античного времени (*Гарбузов Г.П.* Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории… С. 454. Рис. 1).

[28] См.: примеч. 11.

[29] Это поселение, кроме того, лежит и на стыке с северо-восточным краем «подобласти» 5.*7*.

[30] Старотитаровская 5, о которой Я.М. Паромов сообщает следующее: «Поселение состоит из укрепленной юго-западной части и обширной неукрепленной части… По данным аэрофотосъемок вся окружающая поселение территория в античное время была размежевана. Данный памятник является, возможно, одним из нелокализованных до настоящего времени городов азиатского Боспора» (*Паромов Я.М.* Введение в археологию Таманского полуострова… S. 87).

тока?). Но о влиянии какого-то отрицательного фактора, пожалуй, можно говорить утвердительно.

Очень яркую картину развития сельской территории представляет область 2. На уровне плотности 0.07 наблюдается последовательное расширение хоры из западного угла Цокурского лимана во всех направлениях. По «правильности» и темпам этот процесс сопоставим с аналогичным процессом на сельской округе Фанагории (лишь несколько уступая ему масштабами, в особенности в интервале 525–480 гг. до н.э.). Во второй четверти V в. до н.э. эти две сельские округи на уровне 0.05 «сливаются» между собой. К сожалению, отсутствие необходимых данных не позволяет с полной уверенностью выделить тот центр, из которого шел импульс развитию этой сельской округи. Предположительно таковым могли быть: Веселовка 1/151, Виноградный 2/161[31], расположенные у побережья лимана (менее вероятно – Таманский 3/143, несколько удаленный от него, во второй четверти V в. до н.э. оказавшийся примерно в центре наиболее густо заселенной части области). Полученная в области 2 картина развития сельской территории в данном случае со значительной долей уверенности позволяет предполагать здесь существование самостоятельной, не известной нам по другим источникам, апойкии, возникшей в ходе колонизации региона (или, во всяком случае, «*субапойкии*», связанной с одним из первичных центров).

В данной связи приходится вспомнить мнение тех исследователей, которые локализовали в районе Цокурского или Кизилташского лиманов Синдскую Гавань[32]. В целом мы по-прежнему придерживаемся тради-

---

[31] Обследования этого памятника (на площади ок. 57,6 га), проведенные нами летом 2010 г., выявили здесь ситуацию зеркально обратную ситуации на Кучугурах 5–7 (см.: прим. 11). На археологической карте Я.М. Паромова здесь дается одно очень большое поселение Виноградный 2. Реальное распределение археологического материала показывает существование на участке нескольких областей, насыщенных керамикой, и если некоторые из них можно было бы рассматривать как отдельные части одного, сравнительно небольшого, поселения (но это не так очевидно, как на участке у пос. Кучугуры; суммарная площадь областей может быть оценена в пределах 5,5–8,5 га), то одна из областей представляет собой независимое поселенческое образование, явным образом обособленное от других частей и пространственно, и хронологически. Здесь также не были выявлены находки, однозначно датируемые третьей четвертью VI в. до н.э.

[32] Обзор литературы и анализ существующих гипотез *см.*: *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-западного Кавказа. М., 1991. С. 4–5; *Завойкин А.А.* Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 135–136; *Строкин В.Л.* «…Синдская Гавань и [одноименный] город» (Strabo XI. 2. 14) // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 437 и слл. Рис. 1. В.Л. Строкин пытается аргументировать локализацию Синдской Гавани на городище Вышестеблиевская 11/183, изначально опираясь, на статистику ранних монетных находок на памятнике. Это поселение, на основании рассмотренных нами ранее керамических материалов, в сводку ранних памятников не было включено (табл. 1). Теперь же по нумизматическим материалам поселение должно датироваться не позднее последней четверти VI в. до н.э.

ционного взгляда о местоположении этого города в черте современной Анапы[33].

Однако, учитывая контекст описания Таманского п-ова как единого острова у Пс.-Скимна[34], а также оценку Страбоном (XI.2.14) расстояния от Корокондамы до «Синдской гавани и города» в 180 стадий, мы бы не исключили вероятности того, что очевидная путаница, внесенная в этот вопрос великим географом[35], могла быть в данном случае обусловлена наличием на побережье Цокурского лимана древнего города (основанного эллинами «из ближайших мест»?)[36].

За пределами нашего внимания оказался один примечательный памятник – Тамань 3/126 («Седьмой километр»). В его округе в конце VI – первой половине V в. до н.э. не возникло новых поселений. Складывается впечатление, что земельные территории трёх окружавших его полисов (Гермонассы, Фанагории и «Цокур-Лиманского»), как бы останавливаются или, лучше сказать, «сдерживаются» чем-то в своем продвижении к границам округи этого поселения. Может быть, это связано с низкой плодородностью земель в 3-й зоне. Однако этот фактор не остановил продвижения, скажем, хоры Фанагории в других местах. Понятно, что объяснение отмеченного феномена возможно лишь в гипотетической плоскости. И здесь мы, как и в предыдущем случае, можем лишь сослаться на мнение тех наших коллег, которые высказывали предположение, что именно где-то в этой области, между Фанагорией и Гермонассой, примыкавшей к Таманскому заливу, располагалось региональное святилище Афродиты – Апатур[37].

---

[33] *Завойкин А.А.* Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия… С. 134–145; *Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ // ТС. 2002. Вып. 4. С. 20–24. На её месте в 360-х гг. до н.э. Спартокидами вновь была основана Горгиппия.

[34] 886 …И Гермонасса, и Фанагория, что,
Как говорят, теосцами основана,
И Синдская есть гавань дальше; жители
В ней – эллины, из ближних мест пришедшие.
890 *Все* эти города лежат на острове;
Вдоль Меотиды до Боспора тянется
Он; земли там обширные и ровные.
Отчасти топи, речки и разливы, что
Напротив, остров недоступным делают,
Отчасти ж – море купно с Меотидою.

(*Пер.* И.Е. Сурикова, фрагмент публикуется по его любезному разрешению).

[35] См.: *Завойкин А.А., Гарбузов Г.П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова… С. 205–207.

[36] Следует ли в этом случае говорить о внутренней колонизации (и чьей?) – сказать трудно.

[37] См.: *Тохтасьев С.Р.* Апатур: история боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 139–141. Страбон (XI.2.10) сообщает, что «В озеро (Корокондамское – *авт.*) впадает один рукав реки Антикит и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекою…». На этом острове географ размещает Фанагорию и Кепы, а *за* Гипанисом (ἐν <δεξιᾷ> πέραν Ὑπάνιος) – Гермонассу и Апатур – святилище Афродиты. По мнению Страбона, этот город и святилище расположены в Синдике, как это следует из продолжения фразы: «…ἐν τῇ Σινδικῇ <ἔστι δὲ καὶ Γοργιπία> ἐν τῇ Σινδικῇ τὸ βασίλειον τῶν Σινδῶν». В Ватиканском палимпсесте выделенный угловыми скобками фраг-

Совершенно очевидно, что неопределенность ряда наших заключений в интерпретационной части исследования целиком обусловлена состоянием имеющихся источников. Вместе с тем, удалось охарактеризовать не только динамику темпов и направления развития (а в отдельных случаях – относительного упадка) сельских округ ряда греческих центров Таманского п-ова, но и, анализируя эти показатели, хотя бы и предположительно, выявить области (или их части), формирование которых может быть сопоставлено с известными лишь по упоминаниям в письменных источниках центрами (Ахилий, Киммерида) или с вовсе прежде неизвестными в таком качестве центрами (в первую очередь – область 2 в районе Цокур лимана; южная часть области 5 с комплексом поселений Волна Революции 1, 2 как её (этой части) центра). Несомненно также, что наши выводы во многом имеют предварительный, «экспертный» характер. Но все-таки эти предварительные оценки, как нам представляется, есть некоторый шаг вперед в дифференциации и осмыслении почти нерасчлененной массы памятников сельской территории Азиатского Боспора в ранний период его истории.

G.P. Garbuzov,
A.A. Zavoykin

OPENING BY GREEKS THE LANDS OF THE TAMANSKY PENINSULA In last quarter VI - first half V century BC

The main purpose of this article is to analyse a development of agricultural territories of the Asian Bosporan Greek centres in the period their maximum blossoming (the end of the 6 – 2nd quarter of the 5th century BC), before they were included in structure of the Bosporus state and on the eve of sharp recession reached before economic indicators in the second half of the 5th century BC.

The received supervision have allowed authors to outline approximate borders of agricultural areas of the *poleis* known on written sources and archaeological researches (Phanagoreia, Kepoi, Hermonassa, Korokondama, Patraeus) and also to reveal presumably rural areas of the centres which till now have been not localised (Ahilleion, Kimmeris) or not known on another sources at all.

Throughout this period a development of the rural areas passed non-uniformly. One areas extended dynamically (*chora* of Phanagoreia, regions on Fontalovskiy peninsula and around Tsokur estuary), anther areas rather degraded (*chorai* of Hermonassa and Korokondama; region to the east from Phanagoreian *chora*). The received conclusions have preliminary character. But these tentative estimations are a progress in differentiation not dismembered multitude sites in the rural territory of Asian Bosporus during the early period of its history.

мент текста отсутствует. В результате получаем: «… Фанагория и Кепы лежат на упомянутом острове – по левую руку вплывающему, а прочие города – по правую, по ту сторону Гипаниса, в Синдике…» (перевод С. Р. Тохтасьева; см. также его подробный анализ рукописной традиции и комментарий текста: *Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ… С. 11–12 и Примеч. 4–6). Далее географ сообщает, что «Есть *и* в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры» (Strabo XI.2.10). Впервые Апатур – κόλπος (залив) в Азии упоминается Гекатеем (St. Byz. s.v.).

Приложение

Таблица 1.

Распределение датированной керамики на «сельских» памятниках Таманского п-ова в последней четверти VI – третьей четверти V в. до н.э. (по материалам сборов Я.М. Паромова)[1]

№ по Карте/ Наименование памятника	**Хронологические группы признаков (по периодам)**					
	(годы VI–V в. до н.э.)					
	520–480[2]	**550–480**[3]	**480–450**[4]	**480–400**	**450–425**	
	п р и з н а к и					
	2, 8, 11, 16, 28, 32, 35, 39	17, 18, 22, 24, 25, 53 [*30, 37*][5]	3, 4, 12, 29, 33, 36, 40, 52, 72	9, 54, 57, 61, [62-64][6], [45, 46, 55, 58, 59][7]	5, 13, 67, 70, [61][8]	Полный набор признаков
2. Ильич 2		←22, 24, 25	3	←9		3, 9, 22, 24, 25

[1] *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова… Знаками «+» или «?» отмечены материалы из раскопок и разведок, дополняющие сведения Я.М. Паромова.

[2] Выделенный авторами статьи признак 20 этой группы, не нашел отражения в сборах на памятниках.

[3] Выделенные авторами статьи признаки 41, 42, 43, 44, 47, 56, 60 этой группы, не нашли отражения в сборах на памятниках.

[4] Выделенные авторами статьи признаки 48, 50, 51 этой группы, не нашли отражения в сборах на памятниках.

[5] Признаки 30, 37 (ручки протофасосских амфор) датируются в пределах ок. 550–450 гг. до н.э.

[6] Фрагменты амфор «с раздутым горлом на высокой ножке» (*КТБ* 27) датируются не позднее третьей четверти V в. до н.э. (на таблице – рис. 6: *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Указ. соч. С. 43) для этапов 4 и 5 показаны пунктирной линией).

[7] Венчики и ручки лесбосских (45, 46), датируемых *1–5* этапами (*ок.* 550–400 гг. до н.э.), также как и ручки коринфских амфор (55) и венцы и ручки самосских (58, 59).

[8] В квадратных скобках признак [61], датируемый в пределах второй половины V в. до н.э. Выделенные авторами статьи признаки [65, 49] этой группы, не нашли отражения в сборах на памятниках.

6. Приазовский 1	2, 35			←9→	5	2, 5, 9, 14, 21, 35
9. Приазовский 4	2, 8	←*30*→	3, 4, 29	←9, 45, 46, 64→	5, 13	2, 3, 4, 5, 8, 9, 13, 14, 29, 30, 45, 46, 64
10. Приазовский 5		←24	12	←9		9, 12, 24
14. Батарейка 4		*37*→	3, 33	←9→	5, 13	3, 5, 9, 13, 33, 37
15. Запорожская 1	32, 39		3	←9→	5,13	3, 5, 9, 13, 32, 39
16. Запорожская 2			33, 40	←9		9, 33, 40
18. Красноармейский 1	2, 28	←25, *30*→	3, 4, 12, 29, 33,	←9, 46→	5, 13, 67	2-5, 9, 12, 13, 25, 28, 29, 30, 33, 46, 61, 67
19. Красноармейский 2		*37*→	29, 36	←9		6, 9, 14, 29, 36, 37
20. Красноармейский 3	35	←17, 24→	12	←9		9,12, 17, 24, 35
22. Красноармейский 5	28		3, 36			3, 28, 36
23. Красноармейский 6	11			←9[9]		9, 11
31. *Береговой 4*[10]	8, 35	←24, *37*→	3, 4, 12, 29	←9, 62→	5+[11]	3-6, 8, 9, 12, 14, 24, 29, **31**, 35, 37, 52, 62
46. Кучугуры 15	35	←*37*→	3, 29, 33, 40	←9→	5	3, 5, 6, 9, 14, 29, 33, 35, 37, 40
34. Кучугуры 3	35		3, 4, 33	←9→	5	3-6, 9, 33, 35
36. *Кучугуры 5**[12]	2, 11, 28	←24→	3	←9→	5	**1**, 2, 3, 5, 9, 11, 24, 28, 29
38. Кучугуры 7*	16	←*30*→	3, 33	←9→	5, 13	3, 5, 9, 13, 16, 30, 33, 40
40. Кучугуры 9	11, 35	←24, 25→	3	←9		3, 9, 11, 24, 25, 35
44. Кучугуры 13			3	←9→	5	3, 5, 9
35-47. Кучугуры 4, 16	2, 11, 35	←24→	3, 12,	←9→	5	2, 3, 5, 9, 11, 12, 24, 29, 33, 35

[9] «Тяготение» определяется наличием признака 11 (520–480 гг. до н.э.) и отсутствием находок второй половины V в. до н.э.

[10] Курсивом отмечены поселения, появившиеся в предшествующий период (см.: *Завойкин А.А., Гарбузов Г.П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова…); полужирным выделены в полном перечне признаки этого периода (группы «*А*»).

[11] См.: *Завойкин А.А.* Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // БИ. 2005. Вып. VIII.

[12] Отмеченные звездочками памятники (Кучугуры 5 и 7), как было указано, представляют собой одно большое поселение.

			33			
49. Кучугуры 18			3	←9→	5	3, 5, 9, 66
33. Кучугуры 2	11, 32, 35	←37→	40	←9		9, 11, 14, 32, 35, 37, 40
51,56. *Фонталовская 1,6*	2, 28, 32, 35	←53, *30*→	3, 4, 29, 33, 40, 72	←9, 55→	5, 13	2-6, 9, 10, 11, 12, 13, 24, 25, **26**, 28, 29, 30, 33-35, 39, 40, 53, 55, 72
52. Фонталовская 2			33	←9		9, 33
53. Фонталовская 3	2, 32, 35	←24, 25, *30, 37*→	3, 40, 72	←9, 55→	5	2, 3, 5, 6, 9, 14, 24, 25, 30, 32, 35, 36, 37, 40, 55, 72
57. Фонталовская 7	28, 35	←*30, 37*→	3, 4, 33	←9		3, 4, 6, 9, 28, 30, 33, 35, 37
60. *Волна Революции 1*	2, 11, 28	←22, 24→	3, 12, 33	←9→	13	**1**, 2, 3, 9, 11, 12, 13, 14, 22, 24, 28, 33, 73
61. *Волна Революции 2*	11		12	←9→	13	9, 10, 11, 12, 13, **38**, 73
63. Волна Революции 4			40	←9→	13	9, 13, 40
79. Сенной 2	28, 35	←*30, 37*→	36	←9	–[13]	**1**, 9, 28, 30, 35, 36, 37
80. Сенной 3		←24	3		5, 13	3, 5, 13, 24
86. *Сенной 9*	11, 39		3, 12, 33, 40	←9→	5, 13, 67	3, 5, 6, 9, **10**, 11, 12, 13, 14, 33, 39, 40, 67, 73
90. *Соленый 3*	11, 28, 35	←17, 22, 24, *30*, 37→	29, 33	←9, 46→	5	5, 9, 11, 14, 17, 22, 24, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 37, **38**, 46, 73
92. Ахтанизовская 1	35	←24→	3, 40	←9→	5	3, 5, 6, 9, 14, 24, 35, 40
93. Ахтанизовская 2	2, 28, 32, 35, 39	←*37*→	3, 33, 72	←9, 64→	5	2, 3, 5, 9, 28, 32, 33, 35, 37, 39, 64, 72, 73
95. *Ахтанизовская 4*	28		36, 72		–[14]	**15**, **27**, 28, 36, 72

[13] Я.М. Паромов (Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 2006. Т. 10. С. 378) отмечает запустение в третьей четверти V в. до н.э.

[14] См.: *Паромов Я.М.* Ахтанизовская «батарейка» (укрепленное поселение на Таманском полуострове) // БС. 1994. Вып. 4. С. 175; *Ломтадзе Г.А., Камелина Г.А.* Первые итоги исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова – «Ахтанизовская 4» // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. II. С. 414–416. Табл. 3, 4. Я.М. Паромов отмечает лакуну во второй половине V в. до н.э.

112. Приморский 12		←*37*→		←45, 46→	5, 13	5, 13, 37, 45, 46
118. Приморский 18		←25, *37*→	72	←9		9, 25, 37, 72
123. Приморский 23	+[15]		3, 29	←9→	5, 13	3, 5, 9, 13, 29
124. Тамань 1	28, 35	←24, 25→	3, 33	←9		3, 9, 14, 24, 25, 28, 33, 35
126. Тамань 3	2, 11, 35	←17, 18, 24→	3, 4, 33, 40, 72	←9, 58→	5, 13	1, 3, 2, 6, 9, 11, 13, 17, 18, 24, 29, 33, **34**, 35, **38**, 40, 58, 72
127. Тамань 4	2, 11	←24→	3, 4, 72	←9→	13	2, 3, 4, 6, 9, 11, 13, 14, 24, **34**, 72
128. Тамань 5			3, 29, 36	←9→	5	3, 5, 9, 29, 36
129. Тамань 6			72+[16]	←9		9, 72
134. Тамань 11	28, 35	←22 , 24				22 , 24, 28, 35
135. Тамань 12	28		3	←9, 46→	5	3, 5, 9, 28, 46
137. Волна 1	8, 11, 28, 35	←18, *30*, *37*→	3, 36	←9→	5, 13	3, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 18, 28, 30, 35, 36, 37
138. *Волна 2*	11, 35	←17→	3	←9		3, 9, **10**, 11, 12, 17, 35
140. Волна 4	+[17]	←24→	3	←9, 46→	+	3, 9, 14, 24, 46, 61
143. *Таманский 3*	8	←*30*→	3	–	5	3, 5, 8, 9, 12, 14, 30, **34**
144. Таманский 4	11, 32, 35	←24, *30*			5	3-5, 11, 12, 14, 24, 30, 32, 35
145. Таманский 5		←24	3	←9, 46		3, 9, 12, 24, 46, 71
146. Таманский 6[18]				9→	13, 70	6, 9, 13, 14, 70, 71

[15] По нумизматическим данным, не позднее конца VI в. до н.э. (*Розов В.Н.* Боспорские монеты VI–V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.) // СА. 1983. № 2. С. 112, 113: № *1*, Рис. 1.*3*; № *3*, Рис. 1.*12*; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Типы 12, 13). Кроме того, здесь найдены боспорские монеты второй – последней четвертей V в. до н.э. (*Розов В.Н.* Указ. соч. *Б/н*, Рис. 1.*6*; *№ 2*, Рис. 1.*9*; *б/н*, рис. 1.*10*; *Анохин В.А.* Указ. соч. Типы 24, 40, 55) кизикский статер ок. 460–400 гг. до н.э. (*Голенко К.В.* Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. М., 1977. С. 37–41).

[16] Нумизматические данные (*Розов В.Н.* Указ. соч. С. 112. Рис. 1.*8* ; *Анохин В.А.* Указ. соч. Тип 30).

[17] См.: *Сударев Н.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении «Волна-4» Темрюкского района Краснодарского края в зоне строительства подъездных путей ЗАО «Таманьнефтегаз» в 2006–2007 гг. М., 2010 // ОПИ ИА РАН. Приложение 2 – по сводке В.И. Каца единичные фрагменты.

151. *Веселовка 1*	11, 35		3	←9→	5	**1**, 3, 5, 9, 11, 12, 14, 29, 35
157. Прогресс 1			3, 72	←9		3, 9, 72
160. Виноградный 1		←22, 24	3, 72	←9→	5	3, 5, 6, 9, 22, 24, 71, 72
161. *Виноградный 2*	2	←*30*→	3, 4, 29, 33, 72	←9→	5	**1**, 2, 3, 4, 5, 9, 14, 29, 30, 33, 71, 72
163. Виноградный 4				9→	5	5, 9
166. Виноградный 7		←24	29	←9→	5, 13	5, 9, 13, 24, 29
167. Виноградный 8			4			4, **27**
168. Виноградный 9			3		5	3, 5, 6
173. Вышестеблиевская 1	32, 35	←*37*→	3, 4	←9, 64→	5, 13	3-5, 9, **10**, 13, 14, 32, 35, 37, 64
174. Вышестеблиевская 2			33	←9→	5	5, 9, 33
178. Вышестеблиевская 6	32, 39	←*30*→	4, 29, 40	←9→	5	4, 5, 9, 14, 29, 30, 32, 39, 40
182. *Вышестеблиевская 10*	+[19]	←24, 25→		←9→	5	5, 9, **10**, 14, 24, 25
183. Вышестеблиевская 11	+[20]		+[21]	←9→	5[22]	5, 9
185. Вышестеблиевская 13			3	←9		3, 9
186. Вышестеблиевская 14		←24, *37*→		←9		9, 14, 24, 37
189. Старотитаровская 1		←*30*→		←9→	5	5, 9, 30
193. Старотитаровская 5[23]	8, 28, 32	←24→	3, 4	←9		3, 4, 6, 8, 9, 24, **27**, 28, 32

[18] Здесь и вторая четверть V в. до н.э. предположительна (по ручке хиосской амфоры, датируемой широко).

[19] См.: *Ломтадзе Г.А.* Античные керамические комплексы VI–II вв. до н.э. Из раскопок поселения Вышестеблиевская 10 // Пятая Кубанская археологическая конф. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 225–226; *Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И.* Исследования поселения Вышестеблиевская 10… С. 166 сл.

[20] По нумизматическим данным, см. примеч. 32.

[21] *Паромов Я.М.* Введение в археологию Таманского полуострова… S. 85–86: «Основу датировки поселения в античный период составляют фрагменты более 20 типов амфор второй четверти V в. до н.э. – IV в. н.э. По данным аэрофотосъемок почти вся территория полуострова, на котором оно находилось, была размежевана (разделена на земельные участки), принадлежавшие и возделывавшиеся жителями этого поселения».

[22] См.: *Рогов Е.Я., Кашаев С.В., Форназир Й.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на Таманском полуострове // БИ. 2005. Вып. VIII.

195. Старотитаровская 7	11, 39		3	←9→	13	3, 9, 11, 12, 13, 39
196. Старотитаровская 8				9[24]→		6, 9
201. Старотитаровская 13	35	←22			5	5, 6, 22, **34**, 35
202. Старотитаровская 14			4, 40	←9→	5	4, 5, 9, 14, 40
203. Старотитаровская 15			30[25]	←9, 46, 57→	5, 13	5, 9, 12, 13, 30, 46, 57
204. Старотитаровская 16	8		3, 33, 36	←9		3, 6, 8, 9, **10**, 33, 36
205. Старотитаровская 17	+[26]		3, 4	←9→	13	3, 4, 9, 13, 14
206. Старотитаровская 18				9→	5	5, 9
207. Старотитаровская 19				9→	5	5, 9
209. *Стрелка 1*	2, 32	←*30*→	3, 36	←9→	5	2, 3, 5, 9, **27**, 30, 32, 36
210. *Стрелка 2*[27]	+[28]	←24→	29, 33	←9, 46→	13	9, 13, 24, 29, 33, **34**, 46

---

[23] *Паромов Я.М.* Введение в археологию Таманского полуострова... S. 87: «...Основу датировки составляют фрагменты амфор рубежа VI–V вв. до н.э. – середины III в. н.э.».

[24] «Тяготение» к более поздней дате определяется наличием признака 6, последней четверти V в. до н.э.

[25] *Паромов Я.М.* Введение в археологию Таманского полуострова... S. 86–87: «По фрагментам более 20 типов античных амфор поселение датируется от второй четверти V в. до н.э. до середины III в. н.э. По данным аэрофотосъемок вся окружающая поселение территория в античное время была размежевана».

[26] Там же. S. 86: «...Основу датировки в античный период составляют фрагменты около 30 типов амфор от рубежа VI–V вв. до н.э. до IV в. н.э. По данным аэрофотосъемок вся прилегающая к поселению территория в античное время была размежевана его земельными наделами».

[27] *Паромов Я.М.* Введение в археологию Таманского полуострова... S. 87: «Подъемный материал также идентичен описанным выше поселениям. По фрагментам античных амфор более 20 типов оно датируется от середины VI в. до н.э. до середины III в. н.э. По данным аэрофотосъемок окружающая его территория также, как и около других поселений, была размежевана».

[28] *Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д.* Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове... С. 173: «Среди подъемного материала, собранного нами на территории поселения, отметим находки эолийских амфор с усечено-коническим (стаканообразным) дном (рис. 11. *1. б*; 12. *1*) (*Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. Тип 2.28, рис. 13; см. также: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 48. Табл. 30.*б*. Датировка этих сосудов определяется в пределах второй четверти VI – начала V вв. до н.э. Кроме того, из ранних мате-

215. За Родину 5		30→	3, 29, 30	←9		3, 6, 9, 29, 30
221. Голубицкая 2	2, 28, 32, 35	←25→	4, 29, 33, 52	←58, 59→	5	**1**, 2, 4, 5, 25, 28, 29, 32, 33, 35, 52, 58, 59
219. Пересыпь 1 («Тирамба»)[29]	+[30]		+		+	
238. Приазовский 6[31]	+		+		+[32]	
150. Артющенко 1[33]	+		+			
239. Артющенко 2[34]	+[35]		+		+	

риалов отметим многочисленные фрагменты амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (рис. 11. *5*; 12. *3–6*) (*Абрамов А.П.* Античные амфоры... Рис. 14–15), которые суммарно относятся ко второй половине VI – первой половине V в. до н.э. (*Монахов С.Ю.* Указ. соч. С. 40–42; *Ломтадзе Г.А.* Амфоры с ножкой в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона в собрании Государственного Исторического музея // БИ. 2005. Вып. VIII. С. 318). Кроме того, найдены обломки хиосских (рис. 11. *2, 8*; 12. *7–8*)... и других амфор... Несмотря на то, что наиболее ранние керамические фрагменты, обнаруженные при сборе подъемного материала, относятся лишь к концу VI в. до н.э. (некоторые – с широкой датой – вторая половина VI – начало V вв. до н.э.), *можно предположить* (курсив наш – *авт.*), что это поселение возникло несколько раньше, еще во время первого этапа греческой колонизации региона (т. е. во второй четверти VI в. до н.э.)... Из определимых фрагментов керамики, найденных на поселении, подавляющее большинство может быть датировано VI–IV вв. до н.э.».

[29] *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Указ. соч. С. 70.

[30] Судя по наиболее ранним материалам из раскопок городища, поселение было основано около рубежа VI–V вв. до н.э. (*Коровина А.К.* Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3. С. 127; *она же.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961–63 и 1965 годы // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 54, 55, 57, 63). Памятник более известен материалами раскопок некрополя, в котором исследованы погребения от конца VI в. до н.э. до II–III вв. н.э.

[31] *Паромов Я.М.* Таманский полуостров в раннеантичное время... С. 372.

[32] Третья и последняя четверти V в. до н.э. (*Паромов Я.М.* Таманский полуостров в раннеантичное время... Рис. 2–5).

[33] *Паромов Я.М.* Таманский полуостров в раннеантичное время... С. 368, 378. Рис. 3, 4.

[34] Там же. Рис. 3–5.

[35] Находки из культурного слоя относятся к концу VI – середине III в. до н.э. В основном это фрагменты амфор Хиоса, Лесбоса, Фасоса, Менды, Гераклеи, Синопы и Родоса; см.: *Кашаев С.В.* Раскопки поселения Артющенко-2 // АО 2000 г. М., 2001. С. 132; *Рогов Е.Я.* Работы на юге Таманского полуострова // АО 1999 г. М., 2001. С. 164; *Стоянов Р.В.* Материа-

240. Сенной 11[36]	+		+		+	
262. Таманский 12[37]	+		+		+	
263. Таманский 13[38]			+		+	
258. Старотитаровская 22[39]					+	
ИТОГО: **91**	**57**	*49*	**76**	*74*	**63**	
В том числе:		←(6)		←(22)		
		←(40)→		←(47)→		
		(3)→		(5)→		

лы конца VI – начала III вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко-2 в южной части Таманского полуострова // АМА. 2010. Вып. 14. С. 218 слл. Рис. 3–10.

[36] *Паромов Я.М.* Таманский полуостров в раннеантичное время... С. 372.

[37] Там же.

[38] Там же. С. 377. Рис. 4, 5.

[39] Там же. С. 378. Рис. 5.

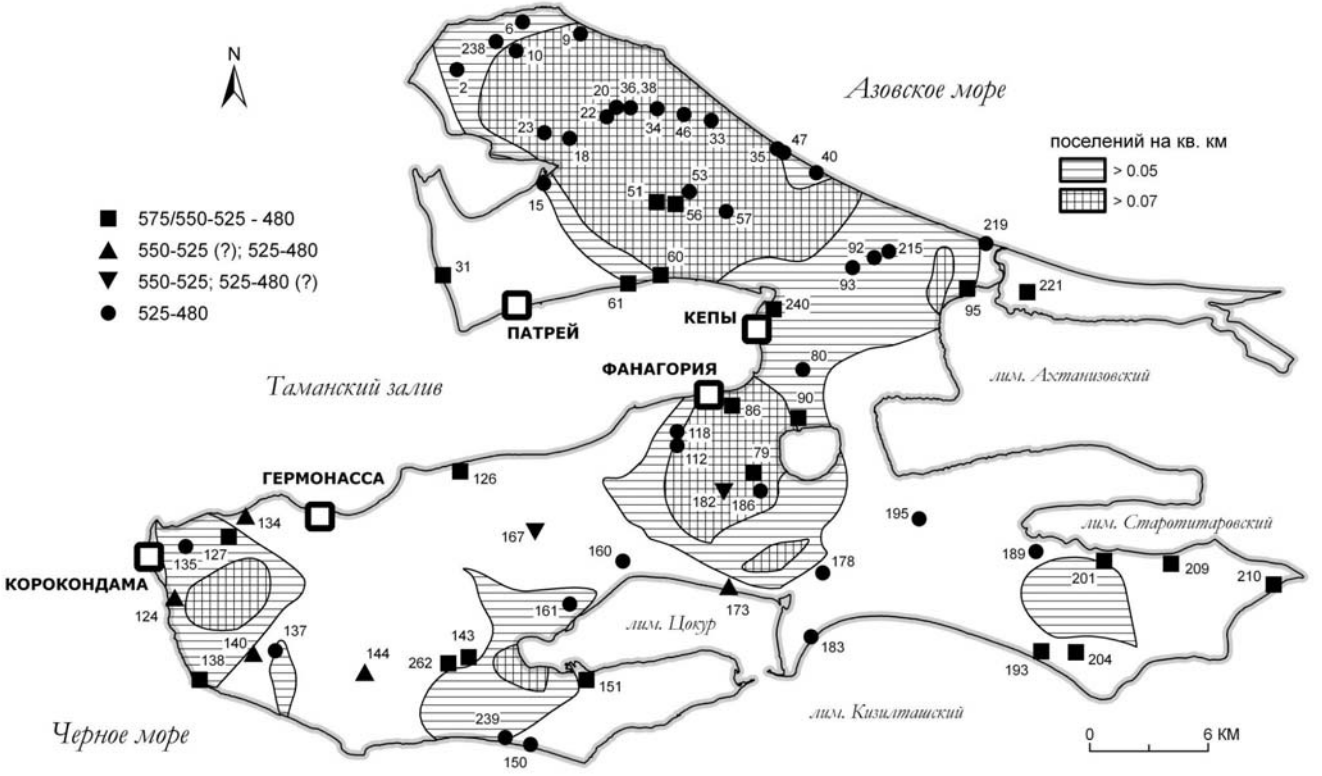


Рис. 1. Поселения 525–480 гг. до н.э. и расчетные контуры плотности поселений (уровни 0.07 и 0.05 поселения на 1 км^2)

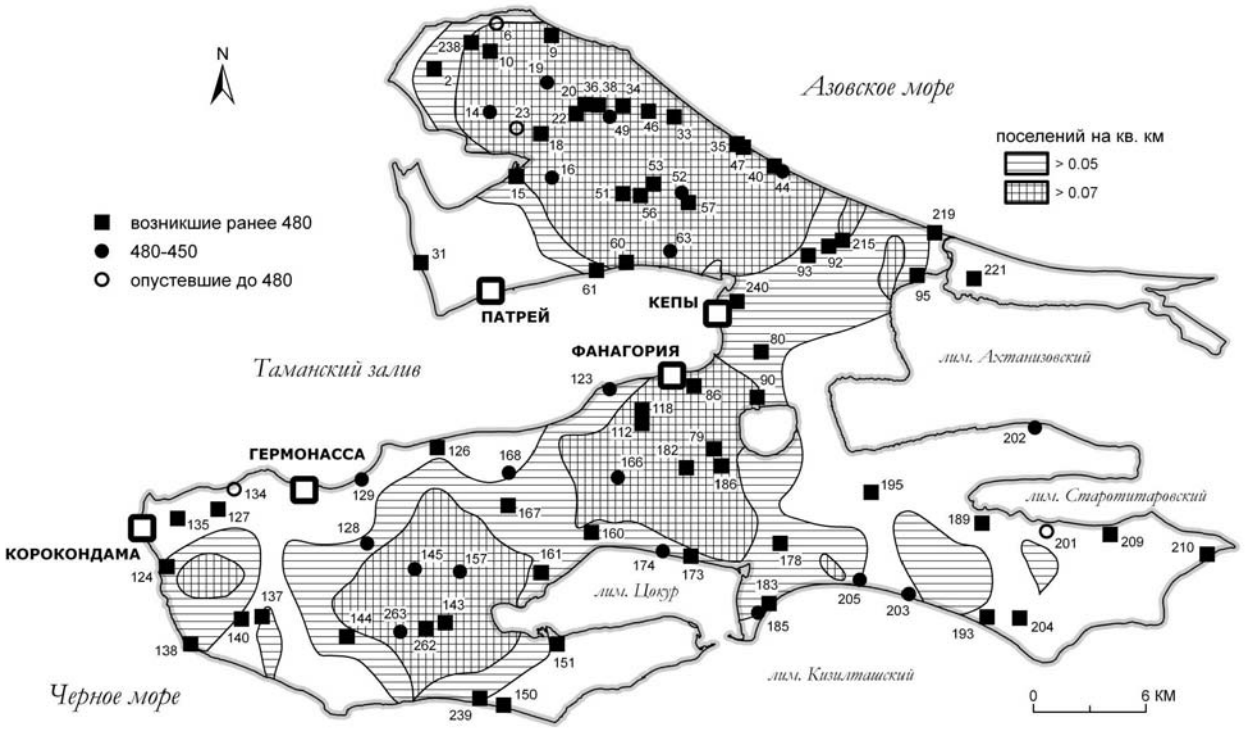


Рис. 2. Поселения 480–450 гг. до н.э. и расчетные контуры плотности поселений (уровни 0.07 и 0.05 поселения на 1 км^2)

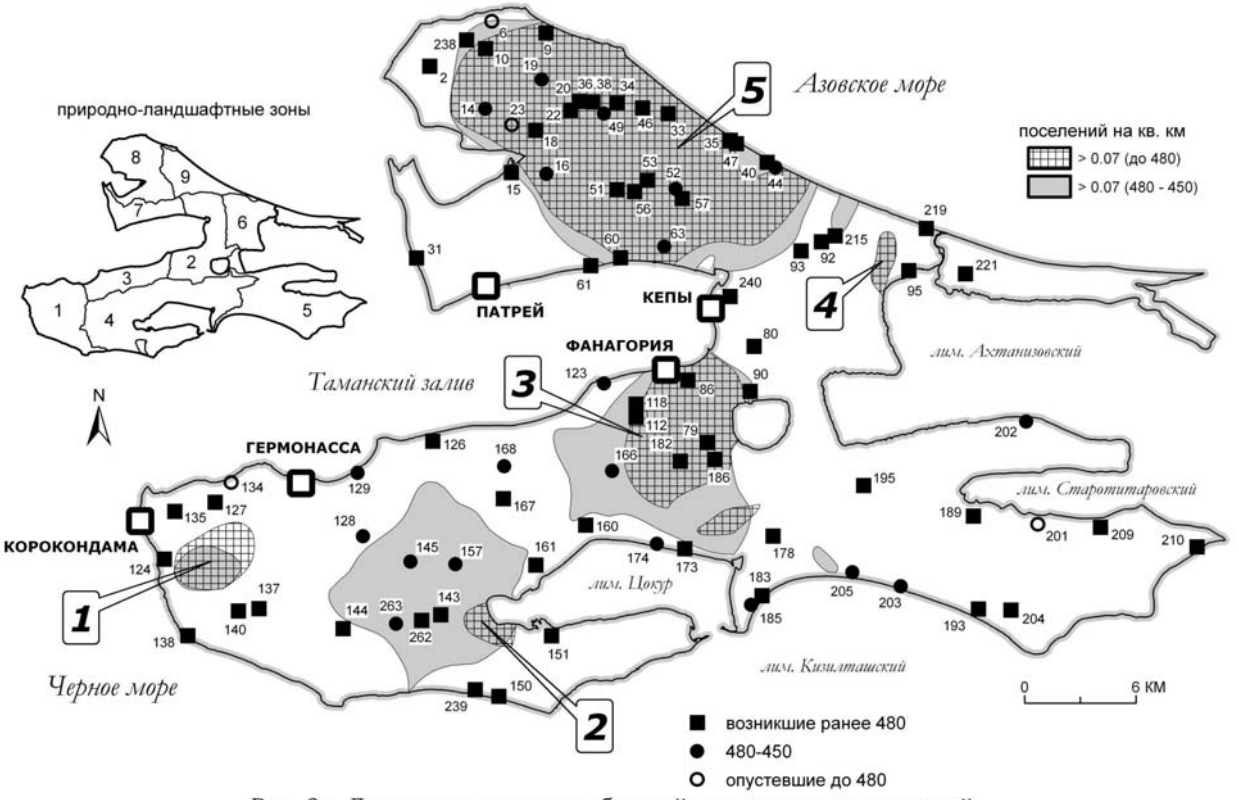


Рис. 3а. Динамика развития областей с плотностью поселений свыше 0.07 на км^2 в 525–480 (заштрихованы) и 480–450 гг. до н.э. (заливка). Цифры с выносками обозначают области наиболее высокой плотности поселений

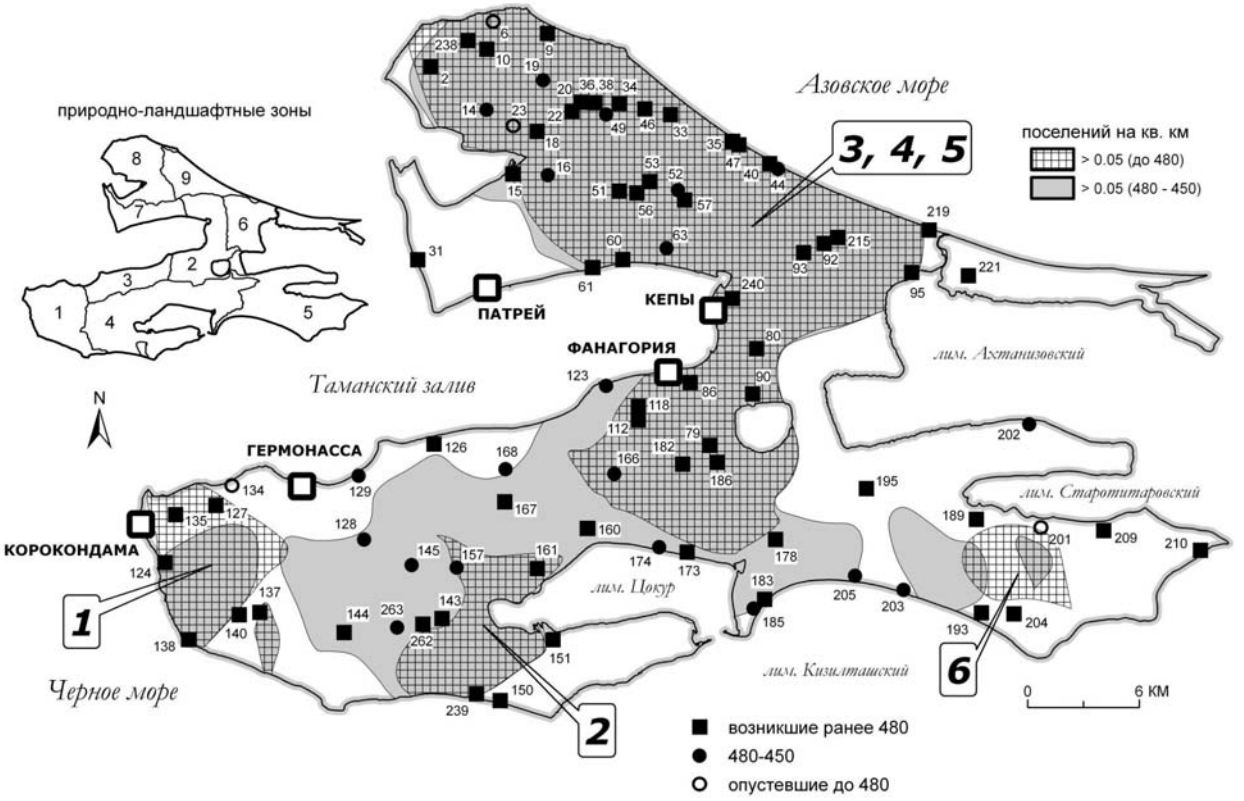


Рис. 3б. Динамика развития областей с плотностью поселений свыше 0.05 на км^2 в 525–480 (заштрихованы) и 480–450 гг. до н.э. (заливка). Цифры с выносками обозначают области наиболее высокой плотности поселений

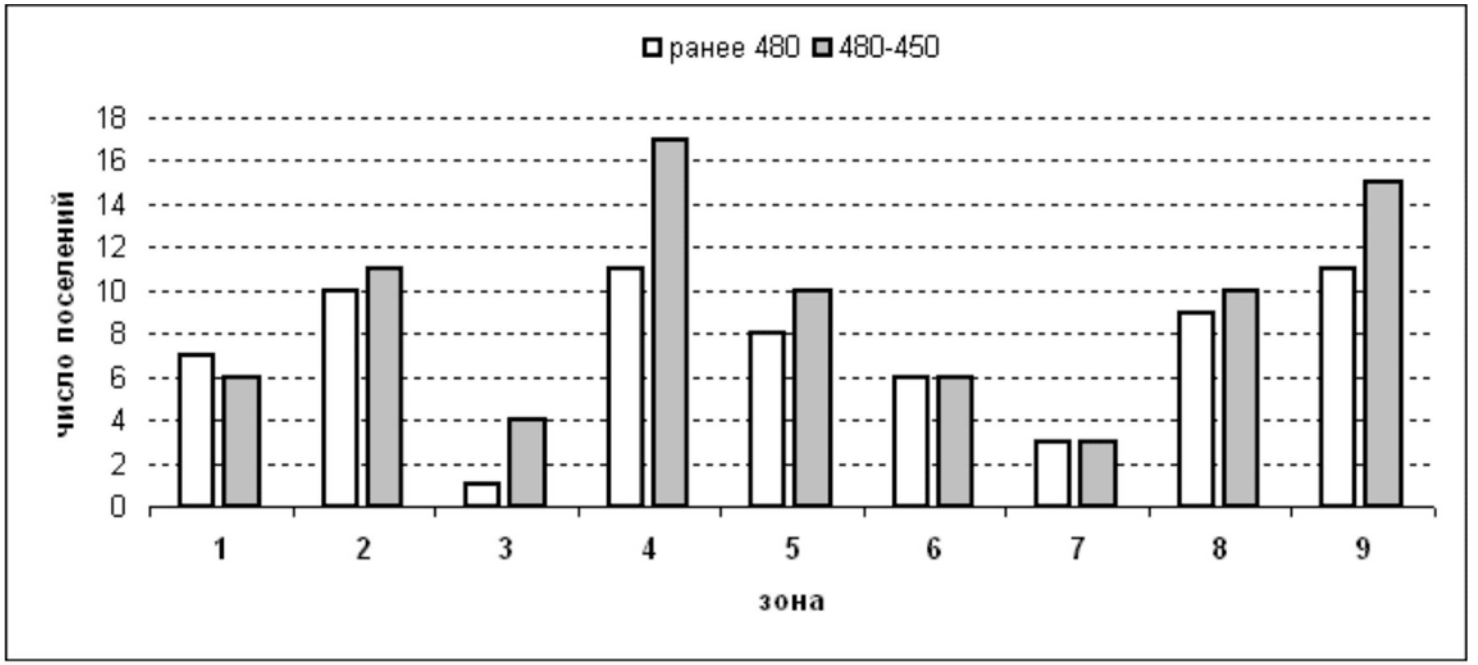


Рис. 4. Распределение поселений по зонам 1–9, две хронологические градации

Рис. 5. Динамика роста численности поселений в округах древнейших поселений (по зонам; исключая города)

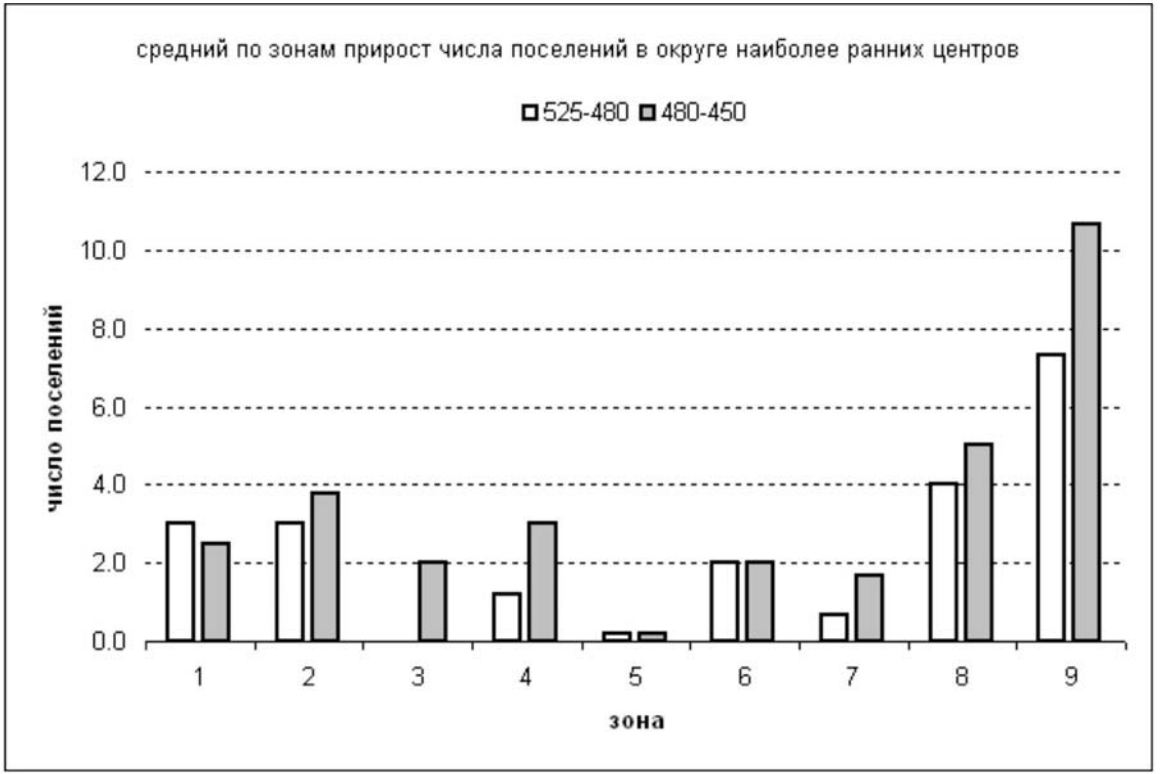


Рис. 6. Усредненные по природно-ландшафтным зонам показатели роста численности поселений в округах древнейших поселений для двух хронологических фаз

В.П. Копылов

ТАГАНРОГСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ – ГАВАНЬ КРЕМНЫ? (письменные источники и археологические реалии)

Район устьевой области реки Танаис (рис. 1) в архаический период являлся одной из наиболее активных зон греко-варварских взаимодействий в Северо-Понтийском регионе[1]. Нам представляется, что культурно-историческое развитие Нижнедонского историко-культурного района в VII–VI вв. до н.э. следует рассматривать как систему взаимодействий варварских общественно-политических образований, контролировавших данную территорию, с Таганрогским поселением – греческой колонией, находящейся в настоящее время на дне Таганрогского залива. В предложенной работе анализируется вся совокупность источников, касающихся информации о времени функционирования, характере и наименовании этой наиболее ранней греческой колонии на территории современной России.

Упоминание Меотиды в раннегреческой мифологии может свидетельствовать о знакомстве греков с Приазовьем еще до начала колонизации побережья Северного Причерноморья. Так, Эсхил, излагая миф о Прометее, сообщает о многолюдных племенах скифов, обитающих на краю земли вокруг Меотийского озера (*Aischyl.* Prom. 427–440).

Миф об амазонках (*Hdt.* IV.110), избежавших греческого плена после поражения у реки Фермодонт, корабли которых «прибывают к берегам Меотийского озера – к Кремнам. А Кремны, находятся на земле свободных скифов»[2], также может относиться к начальному этапу колонизации. В этой связи отметим, что специалисты считают гидроним Меотида одним из древнейших в топонимике Северного Причерноморья[3]. Впервые эта мысль была высказана Ю.Г. Виноградовым в личной беседе с автором данной работы в 1990 году.

Примечательно, что Геродот, который достаточно хорошо был информирован о Скифии, упоминает Меотиду 15 раз и в шести случаях (IV.20, 21, 57, 100, 116, 120) речь у него идет именно об интересующем нас районе. Малочисленные и скудные письменные источники не

---

[1] *Книпович Т.Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII–V веках до н.э. // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 90 сл.; *Брашинский И.Б.* Греки и варвары на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в VI–IV вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1979. Тбилиси, 1981. С. 84; *Копылов В.П.* Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону. 2009. С. 28 сл.

[2] *Доватур А.И., Калистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 143

[3] *Ильюшечкина Е.В.* Дионисий Александрийский (Периэгет) Описание ойкумены. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии // ВДИ. 2005. № 4. С. 221.

позволяют установить время и характер начала освоения греками берегов Меотиды и района устьевой области реки Танаис. Не исключено, что отдельные греческие корабли с разведочными целями могли посещать эти места еще до основания здесь постоянных греческих апойкий. Главной целью этих посещений, несомненно, являлось выявление пунктов, где можно было установить контакты с туземным населением ради получения сырья и других необходимых грекам товаров. Не исключено, что информация, которую греки получали в ходе этих разведочных экспедиций, могла являться основой при составлении древних периплов и периэгез, столь необходимых грекам при выборе мест для своих будущих колоний.

О довольно раннем интересе греков к области устья р. Танаис могут свидетельствовать сведения Страбона (XI.2.4), упоминавшего в этом районе клазоменские наблюдательные пункты[4]. В этой связи примечательна недавняя находка фрагментов транспортных амфор архаического времени, в том числе ножки клазоменской амфоры (рис. 2) в районе косы Долгенькая на южном побережье Таганрогского залива[5]. Ранний интерес малоазийских греков к району устьевой области реки Танаис, очевидно, засвидетельствован сообщением Плиния Старшего, указавшего в своей *Естественной истории* (VI.20), что районом устья Танаиса первоначально владели карийцы, затем клазоменцы и меоны, а после них пантикапейцы[6]. Особо отметим, что присутствие карийцев, клазоменцев и меонов в Причерноморье зафиксировано в источниках только для устья Танаиса, что, по нашему мнению, может свидетельствовать о довольно раннем присутствии греков в этом районе. А ведь именно отсутствие иных письменных источников, упоминающих карийцев и меонов в Северном Причерноморье, является основным аргументом противников достоверности их присутствия в устьевой области реки Танаис[7]. Так А.И. Иванчик, указывая «изолированное свидетельство Плиния, согласно которому территорией вокруг устья Танаиса до греков владели карийцы» отмечает, что толкования этого свидетельства в качестве подтверждения древних контактов между Средиземноморьем и Северным Причерноморьем вряд ли могут быть признаны удачными[8]. Однако, в тексте Плиния нет указания, что карийцы владели территорией устья Танаиса до греков, а говорится о том, что пантикапейцы владели этой территорией после карийцев, клазоменцев и меонов. Мы полагаем, что информация Плиния Старшего, который, по определению М.И. Ростовцева, вобрал в свои труды сведения, идущие еще от ио-

---

[4] *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 45.

[5] Мы признательны с.н.с. Азовского музея А.Н. Масловскому, ознакомившему нас с этими материалами.

[6] *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. С. 3.

[7] *Шелов Д.Б.* Указ. соч. С. 45; *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 104.

[8] Там же. С. 104.

нийских писателей[9], может свидетельствовать о поэтапном освоении греками устьевой области реки Танаис. Очевидно, первыми приступили к освоению этого района выходцы из городов, расположенных в Карии (Милет, Миунт, Приена), население которых по свидетельству Геродота (I.142) говорило на одном наречии. Этнолингвистический анализ гидронимов и топонимов в районе устья Танаиса позволил Л.С. Баюн засвидетельствовать здесь отзвуки древнего пребывания греческих колонистов из Карии[10]. Геродот (V.120, 121; VI.25) и, очевидно, вслед за ним Плиний могли называть карийцами жителей греческих городов, расположенных в Карии. Для времени Плиния название населения не по этнической принадлежности, а по наименованию территории их обитания засвидетельствовано для Боспора Киммерийского эпиграфически (КБН. 1965. № 133). В процесс освоения территории устьевой области реки Танаис, вероятно, включились также жители городов, расположенных в Меонии (Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея), которые говорили на наречии, отличном от наречия жителей карийских городов (Hdt. I.142), а приоритет в практическом освоении этого района, вероятно, принадлежал клазоменцам. В этой связи заслуживает внимания наблюдение С.Р. Тохтасьева о том, «что меоны могли владеть этой областью сообща с клазоменцами»[11]. Примечательно, что вслед за информацией о городах, расположенных в Карии и Меонии, Геродот (I.142) перечисляет ионийские города – Самос и Хиос на островах и Эрифры – на материке. Таким образом, говоря о карийцах, лидийцах и ионянах Геродот мог иметь в виду жителей перечисленных им городов расположенных в Карии, Меонии и Ионии, а среди жителей греческих городов в Карии и Меонии несомненно присутствовали этнические карийцы и меоны.

Анализ керамических комплексов ионийских колоний архаического времени в Причерноморье – Борисфениды и Истрии показал, что в составе ионийских переселенцев, несомненно, были представители анатолийских народов[12]. Что касается присутствия аборигенного населения Карии и Меонии в составе населения Таганрогского поселения, то этот вопрос нам ещё предстоит выяснить.

Признавая тесную связь между ранним периодом греческой колонизации Северного Причерноморья и событиями в греческих мало-

---

[9] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 43.

[10] *Баюн Л.С.* К проблеме этнолингвистической интерпретации некоторых топонимов и гидронимов Восточной Меотиды. Доклад был прочитан на VI Донской археологической конференции в марте 1988 года.

[11] *Тохтасьев С.Р.* SCYTHICA в «Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979)» // ВДИ. 1984. № 3. С. 134.

[12] *Соловьев С.Л.* Западные анатолийцы в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы XII международной научной конференции (26–31 мая 2007 г.). Ростов-на-Дону, 2007. С. 12–13; *Dupont P., Lungu V., Solovyov S.* Ceramiques Anatoliennes du Pont-Euxin // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2009. С. 22–26. Рис. 1–22.

азийских городах, отметим, что появление колонистов в районе устьевой области реки Танаис можно связать с войнами против греческих городов в Карии и Меонии, которые начал царь Лидии Гигес, умерший в 644 г. до н.э.[13], а позже продолжили его приемники Ардис и Алиатт (Hdt. I.14–18). Окончательно подчинить греческие города и племена Малой Азии удалось только Крезу (560–46 гг.)[14]. Следовательно, греческие колонисты могли появиться в районе Меотиды в период с середины VII до середины VI вв. до н.э. Насколько, однако, эта версия соотносится с археологическими материалами?

Как уже отмечалось, ранний период колонизации греками района Восточной Меотиды связан с Таганрогским поселением[15] и поэтому, прежде всего, необходимо чётко определить время функционирования этой греческой колонии. Мы осознаём, что важным условием надежности хронологического анализа всего массива археологических материалов является учет возможно большего числа разнородных фактов, однако, учитывая специфику Таганрогского поселения, мы лишены возможности комплексно проанализировать всю совокупность данных. В нашем случае определение времени существования колонии может базироваться только на всестороннем изучении всей совокупности находок греческой импортной керамики. Для определения начальной даты появления колонии необходимо учитывать, что среди самых ранних находок могут присутствовать материалы несколько более древнее времени ее основания, но их количество должно быть незначительным.

В массиве раннего керамического комплекса Таганрогского поселения можно выделить два хронологических пласта. Первый пласт – третья четверть VII в. до н.э. – представлен в выборке фрагментами киликов, украшенных фризами с изображением ромбов и птиц. На таких киликах рисунок выполнен четко, линиями разбавленного лака, а на отдельных фрагментах сохранились орнаментальные розетки и кружочки (рис. 3, 1–5). Эти признаки характеризуют ранние образцы подобных киликов, которые встречаются практически во всех центрах Ионии и в их колониях[16]. Нами было отмечено, что для росписи ранних киликов характерны тщательная прорисовка головы и частая

---

[13] *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003. С. 282.

[14] *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975. С. 193.

[15] *Книпович Т.Н.* Танаис. М.; Л., 1949. С. 8; *Блаватский В.Д.* Подводные археологические исследования на северных берегах Понта в 1957–1962 гг. // Античная археология. М., 1985. С. 169, сл.; *Копылов В.П.* Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции. Тамань (Россия). Октябрь 2000. СПб., 2006. С. 80.

[16] *Копейкина Л.В.* Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 30, 31; *Kerschner M.* Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jh. s v. Chr. aus dem Artemision von Ephesos. Beiblatt, 1997. S. 147–148. Taf. 74–78; *Cook R.M., Dupont P.* East Greek pottery. L.; N.Y., 1998. P. 26 .

штриховка туловища птицы. Считалось, что подобные килики производились родосскими мастерскими, однако Р.М. Кук полагает, что они могли производиться и другими центрами восточно-греческого региона. Крайне важно, что целый экземпляр подобного килика был обнаружен в закрытом комплексе Этрурии (склеп 4 некрополя Монте Абатоне) совместно с тремя амфорами: коринфской типа А, хиосской и типа SOS; а также протокоринфским арибаллом второй четверти VII в., родосским киликом середины VII в. до н.э., хронология которых подтверждается многочисленной керамикой буккеро из этого комплекса[17]. Вся совокупность находок позволила автору публикации М.А. Риззо датировать этот погребальный комплекс 660, но не позднее 650–640 гг. до н.э.[18]

В коллекции керамики из Таганрогского поселения нами был выделен также довольно представительный пласт греческой импортной керамики, относящейся к последней четверти VII – началу VI до н.э. (рис. 4–5)[19].

Среди керамических находок из Таганрогского поселения большинство принадлежит фрагментам амфорной тары и простой столовой керамики. Значительный процент в коллекции керамики расписной и единичные фрагменты лепной посуды объясняются субъективностью выборки в процессе сборов материалов, выброшенных морем, что не позволяет судить об истинном соотношении отдельных групп керамики на памятнике. Разведочные работы российско-германской группы в составе экспедиции НМЦА в прибрежной зоне, в районе, где происходит регулярный выброс морем фрагментов керамики архаического времени, показали, что эта греческая колония находилась на дне Таганрогского залива уже в хазарское время. Результаты палинологических исследований донных отложений Таманского полуострова с параллельным определением их радиоуглеродного возраста[20], позволяют соотнести хронологический интервал, связанный с появлением поселения греков в районе Таганрогского мыса, с максимумом «фанагорийской регрессии». Специалистами было установлено, что во время относительно краткосрочной фанагорийской регрессивной фазы, в результате отступления вод Азовского моря, в вершинной части Таганрогского залива образовалась суша площадью около 1500 км^2 с весьма плодородными землями. Реконструкция уровня «фанагорийской регрессии» показывает, что к пику этой фазы море прекратило свое отступление, достигнув отметки – 5.0–5.5 м.

---

[17] *Rizzo M.A.* Complessi tombali dal l Etruria Meridionale. Roma, 1990. P. 51. Fig. 45.

[18] Ibid. P. 49.

[19] Искренне признателен Я. Боузеку, П. Дюпону, М. Кершнеру, У. Шлотцауеру и Я. Эрзою за консультации и помощь при определении хронологии отдельных видов керамики из Таганрогского поселения.

[20] *Болиховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б., Фауш Э.* Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 257–272.

Впоследствии, замедление оттока воды приводит сначала к заболачиванию устьевой области р. Танаис, а затем и к полному восстановлению исходных контуров древнеазовского залива. Окончательно береговая линия складывается в ходе наступившей нимфейской фазы трансгрессивного развития Азово-Черноморского бассейна.

К пласту наиболее ранней керамики Таганрогского поселения можно отнести и фрагмент горла амфоры, который находился в частной коллекции, а сейчас хранится в фондах НМЦА ПИ ЮФУ (рис. 4, 6). Морфологические особенности и пропорции рассматриваемого фрагмента, а также сохранившаяся роспись на части горла, позволяют отнести обломок к типу амфор SOS, которые М.А. Риззо считает аттическими и подобный тип датирует 650 г. до н.э.[21] Близкая по размерам и форме венчика амфора SOS происходит из того же этрусского склепа, что и упоминавшийся выше килик с птицами. Наши наблюдения позволяют отметить, что для амфор конца второй – последней четвертей VII в. до н.э. характерно наличие под венчиком небольшого выступа (рантика), который на более поздних амфорах SOS уже отсутствует[22]. Именно в закрытых комплексах с амфорами типа SOS без выступа под венчиком встречаются сосуды, относящиеся к первой половине VI в. до н.э. Не исключено, что выступ под венчиком исчезает на амфорах типа SOS на рубеже VII–VI вв. до н.э. Помимо вышеописанного фрагмента, в коллекции амфор из Таганрогского поселения имеются еще мелкие фрагменты венчиков, принадлежащих амфорам типа SOS, которые датируются временем не позднее третьей четверти VII в. до н.э.[23] Очень важно, что среди керамических находок раннего пласта из Таганрогского поселения имеются обломки транспортных амфор, которые в отличие от других видов керамики, как правило, дают дату наиболее приближенную ко времени образования археологического комплекса[24].

Второй пласт ранней керамики Таганрогского поселения, относящийся к последней четверти VII в. до н.э., представлен значительно шире. Прежде всего, это фрагменты восточно-греческих киликов украшенных фризами с изображением ромбов и птиц (рис. 4, 1–7), которые по характеру росписи могут датироваться последней четвертью VII в. до н.э. Хотя не исключено, что и среди них отдельные фрагменты могут датироваться более ранним временем. По нашим подсчетам в материалах Таганрогского поселения присутствует одна из самых представительных серий фрагментов таких киликов из ранних греческих колоний Северного Причерноморья. В греческих колониях на Боспоре, основанных в первой четверти VI в. до н.э., отсутствуют фрагменты киликов с птицами, которые широко представлены в коллекции керамики Таганрогского поселения. Отсутствуют они и в са-

---

[21] *Rizzo M.A.* Complessi tombali… P. 23. Tab. I. Fig. 42, 361.

[22] Ibid. P. 64–67. Fig. 79, 364; 80, 365. P. 68–70. Fig. 92, 363.

[23] Ibid. P. 43. Fig. 26, 360.

[24] *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 128; *Монахов С.Ю., Рогов Е.Я.* Амфоры некрополя Панское I // АМА. 1990. Вып. 7. С. 147.

мых ранних погребениях некрополя Березанского поселения начала – первой четверти VI в. до н.э. Можно предположить, что уже к началу VI в. до н.э. производство киликов с фризами, украшенными изображениями ромбов и птиц, в восточно-греческих центрах прекратилось.

На территории азиатского Боспора нам известен всего один фрагмент подобного килика, обнаруженный случайно в районе поселка Алексеевка близ Анапы[25].

К последней четверти VII – началу VI в. до н.э. можно отнести и фрагменты венчиков милетских амфор из таганрогской коллекции (рис. 4–5, 7), типа (а) по классификации П. Дюпона[26].

Таким образом, анализ керамического комплекса, представленного фрагментами, относящимися к VII в. до н.э., позволяет достаточно уверенно говорить, что греческая колония в районе Таганрога была основана не позднее рубежа третьей и последней четверти VII в. до н.э.

Среди профильных частей амфор из коллекции Таганрогского поселения довольно большой процент приходится на фрагменты амфор с высоким и тонким венчиком (рис. 6, 1–15). Амфоры с такими венчиками были первые отнесены к милетским П. Дюпоном[27], а в керамическом комплексе Таганрогского поселения автором этой работы в 1990 году[28]. На основании хронологических разработок П. Дюпона[29] можно говорить, что среди материалов Таганрогского поселения представлены только фрагменты венчиков милетских амфор тех типов, которые датируются последней четвертью VII – третьей четвертью VI в. до н.э. Особо отметим, что среди фрагментов милетских амфор из Таганрогского поселения не встречаются типы, которые можно было бы уверенно отнести к последней четверти VI – началу V в. до н.э. Преобладание милетских амфор в материалах Таганрогского поселения, косвенно подтверждается и тем, что из пяти греческих амфор, обнаруженных в раннескифских погребальных комплексах на Нижнем Дону, одна тарная и две столовые принадлежат к продукции именно этого центра.

В коллекции Таганрогского поселения отдельные фрагменты венчиков относятся к клазоменским амфорам (рис. 7, 1–7). Среди представленных в коллекции образцов также отсутствуют венчики, которые относятся к амфорам, датирующимся позже третьей четверти VI в. до н.э. Несомненно, что именно из Таганрогского поселения по-

---

[25] *Новичихин А.М.* Древнейший образец раннегреческой керамики с территории Синдики // Археология, древний мир и средние века. Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. IV. С. 37–39.

[26] *Cook R.M., Dupont P.* East Greek pottery… P. 170–174. Fig. 23–7a; 23–8a; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. М.; Саратов, 2003. С. 30–31. Табл. 17–*1*.

[27] *Dupont P.* Amphores commerciales de la Grece de l'Est // PP. 1982. Fasc. CCIV–CCVII. P. 203–205. Fig. 6, 7.

[28] *Kopylov V.* Taganrog et la premiere colonisation grecoue du littoral Nord-Est de la mer d Asov // Sur les traces des argonautes. Actes du 6e symposium de Vani (Colchide) 22–29 September 1990. P., 1996. P. 332. Pl. III, 1–9.

[29] *Cook R.M., Dupont P.* East Greek pottery… P. 170–177. Fig. 23, 7–8.

ступила клазоменская амфора, обнаруженная в раннескифском погребении могильника Красногоровка III, которая и нами, и С.Ю. Монаховым первоначально была отнесена к хиосским. Тщательный анализ морфологических признаков, а также характера глины, отсутствие ангоба и особенностей росписи позволил нам отнести эту амфору к амфорам 1-ой группы клазоменских[30], которые исследователи Клазомен датируют 650–620 гг. до н.э.[31]

Многие обломки профильных частей амфор из материалов Таганрогского поселения из-за крайней фрагментарности очень сложно отнести к определенным центрам и чётко их продатировать, однако, в коллекции нет фрагментов, которые можно было бы уверенно отнести к последней четверти VI в. до н.э. Так, в коллекции не представлено ни одного фрагмента хиосских пухлогорлых амфор, ранние разновидности которых появляются в последней трети VI и бытуют до 480 г. до н.э.[32]

Нам уже приходилось отмечать, что особые затруднения, учитывая специфику памятника, вызывает определение верхней границы существования Таганрогского поселения. Традиционно, время прекращения функционирования Таганрогского поселения связывалось с основанием в дельте Дона в начале V в. до н.э. Елизаветовского скифского городища. Разгром Таганрогского поселения в начале V в. до н.э. В.Г. Житников связывал с появлением на Дону скифов, основавших Елизаветовский зимник[33]. Одно время автор данной работы также придерживался традиционной датировки гибели Таганрогского поселения, хотя и отмечал отсутствие в материалах этой греческой апойкии отдельных категорий керамики конца VI – начала V в. до н.э.[34] Важно отметить, что среди фрагментов расписной керамики Таганрогского поселения нет ни одного, который можно уверенно отнести к обломкам аттических чернофигурных сосудов. Примечательно, что аттическая керамика не представлена и в материалах Немировского городища[35].

---

[30] *Копылов В.П.* Нижне-Донской культурно-исторический район… С. 30–31. Рис. 4.

[31] *Sezgin Y.* Clasomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sexth Century // Clasomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Thessaloniki, 2004. P. 170. Fig. 1.

[32] *Брашинский И.Б.* Методы… С. 96; *Cook R.M., Dupont P.* East Greek pottery… P. 148–149. Fig. 23.2; Монахов С.Ю. Греческие амфоры… 2003. С. 16 сл.

[33] *Житников В.Г.* Политическая и демографическая ситуация конца VI – нач. V в. до н.э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тезисы докладов конференции. Новочеркасск, 1987. С. 12.

[34] *Копылов В.П.* Первая греческая колония в Приазовье // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1991. Вып. 10. С. 45.

[35] *Вахтина М.Ю.* Греческая столовая керамика VI в. до н.э. из раскопок Немировского городища в // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 216.

Анализ всей совокупности греческой импортной керамики из коллекции Таганрогского поселения позволяет заключить, что эта греческая колония прекратила существование в третьей четверти VI в. до н.э.

Анализ письменных источников и археологического материала позволил в свое время нам высказать предположение, что метрополией греческой колонии в районе Таганрогской бухты являлся Милет[36]. Тщательный анализ, пока единственного эпиграфического источника, происходящего из Таганрогского поселения (рис. 8), который Ю.Г. Виноградов посчитал возможным отнести к третьей четверти VI в. до н.э., ближе к его середине, свидетельствует в пользу того, что большинство обитателей этого поселения были милетянами[37].

Материалы из Таганрогского поселения позволяют, как нам кажется, еще раз обратиться к вопросу о локализации гавани Кремны. Рассматривавшие эту проблему украинские археологи убедительно показали, что, опираясь на данные античной письменной традиции, разные исследователи помещали Кремны на всём протяжении северного побережья Меотиды: от устья Танаиса до Крымского полуострова[38]. Попытка определить местонахождение гавани Кремны, комплексно рассматривая данные письменных источников, исторической географии и топографии, заслуживает самого пристального внимания. Однако тезис о том, что Кремны следует локализовать в районе устья реки Корсак[39], не подтвержденный археологическими материалами, продолжает оставаться достаточно гипотетичным. Как уже отмечалось, упоминание Геродотом Кремн в связи с изложением мифа об амазонках, предполагает существование этой гавани уже в архаический период. Отсутствие на северном побережье Меотиды поселений, содержащих находки греческой импортной керамики VII – начала V в. до н.э., несомненно, затрудняет точную локализацию гавани. Сегодня археологические материалы позволяют, как нам представляется, только Таганрогское поселение идентифицировать с Кремнами. А если допустить, что в вопросах этногеографии Скифии основным информатором Геродота был доверенное лицо скифского царя Ариапифа (Hdt. IV.76), который носил карийско-ионийское имя Тимн[40], то можно предположить, что именно он мог указать Геродоту основные реперные пункты Скифии, среди которых была и хорошо известная Тимну милетская колония Кремны. Эта колония к моменту передачи информации о ней Геродоту уже не функционировала, чем может объясняться скудность сведений о гавани Кремны у “отца истории”.

---

[36] *Копылов В.П.* К вопросу о метрополии греческой апойкии в районе Таганрога // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 113.

[37] *Vinogradov Yu.G.* An ostrakon from the Taganrogs settlement (epigraphic commentary) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1999. Vol. 6. No. 1–2. P. 18.

[38] *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* К вопросу о локализации гавани Кремны // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 41–42.

[39] Там же. С. 46.

[40] *Доватур А.И., Калистов Д.П., Шишова И.А.* Указ. соч. С. 316. Прим. 463.

Археологические материалы из Таганрогского поселения являются ценнейшими источниками, которые позволяют выявить роль этой греческой колонии в экономической, политической и культурной жизни Северного Причерноморья. Именно они дают возможность правильно оценить значение этого поселения в формировании греко-варварских взаимоотношений, а также в определении места этой колонии в системе политического и экономического сотрудничества раннегреческих колоний в Понте Евксинском.

Мы прекрасно осознаем, что отдельные положения данной работы не могут быть признаны окончательными и лишь последующие исследования материалов постоянно пополняющейся археологической коллекции Таганрогского поселения позволят подтвердить или опровергнуть эти положения и выводы. Однако основной вывод о том, что Таганрогское поселение, наряду с Истрией и поселением на о. Березань, являлось одной из наиболее ранних греческих колоний Северного Причерноморья, уже пересмотрен не будет.

V.P. Kopylov

THE TAGANROG SETTLEMENT – THE HARBOR OF KREMNY(?)
(written sources and archaeological realia)

Materials of the Taganrog settlement, as the author of the article states, make it possible to turn once again to the problem of localization of Kremny harbor. Basing on the data of ancient writing tradition various scientists located Kremny along the whole Northern shore of Meotida: starting from the mouth of the Tanais and till the Crimea. Mentioning of Kremny by Herodotys in connection with the Amazon myth, supposes the existence of this harbor already in the archaic period. Absence of settlements on the North shore of Meotida, which would contain material dated the 7th – beginning of the 5th century BC, complicates precise localization of Kremny harbor. It is stated in the article that at the present moment archaeological materials enable us to identify the Taganrog settlement as Kremny. Presuming that the authorized representative of Ariapythys, who bore the Karian-Ionian name of Timn, was the major informer of Herodotys in the questions of ethnogeography (Herodotys, IV, 76) we can assume that he could specify for Herodotys the major reference points of Scythia, among which there was the Milet settlement of Kremny, well-known by Timn. By the moment of transfer of information about this settlement to Herodotys it was already not functioning, which can be the reason why the information about Kremny, given by “the Father of History”, is so poor.

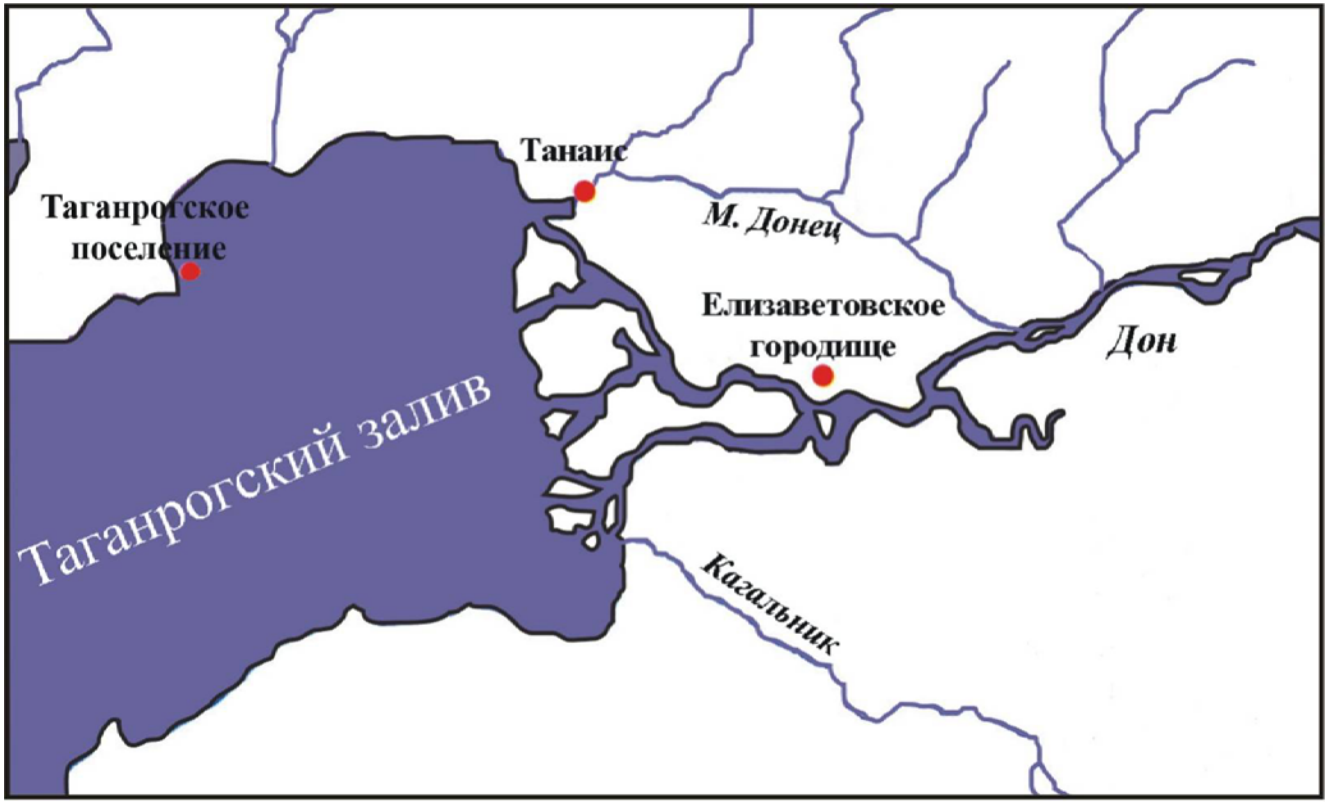


Рис. 1. Устьевая область реки Танаис

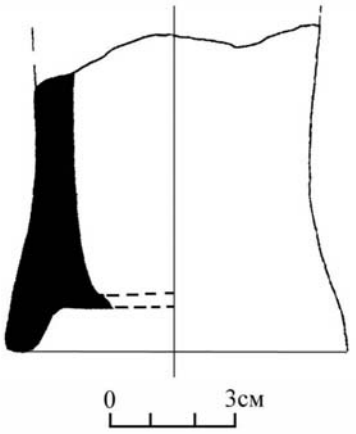


Рис. 2. Ножка клазоменской амфоры. Южное побережье Таганрогского залива

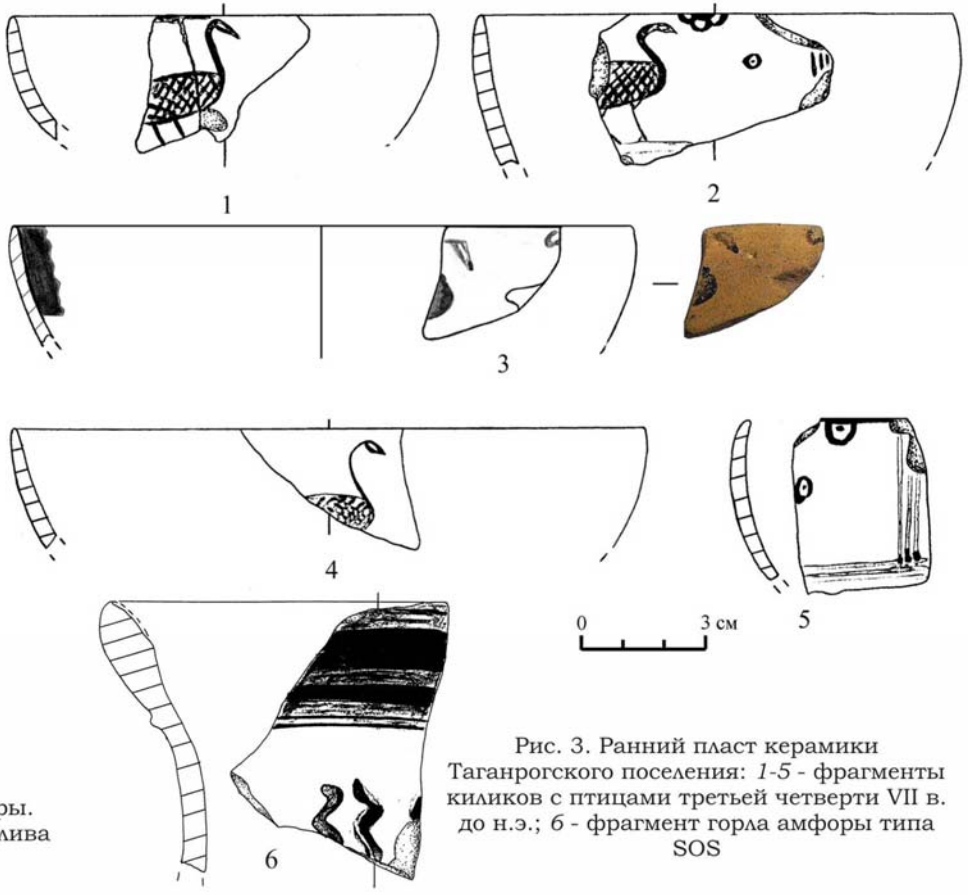


Рис. 3. Ранний пласт керамики Таганрогского поселения: *1-5* - фрагменты килико в с птицами третьей четверти VII в. до н.э.; *6* - фрагмент горла амфоры типа SOS

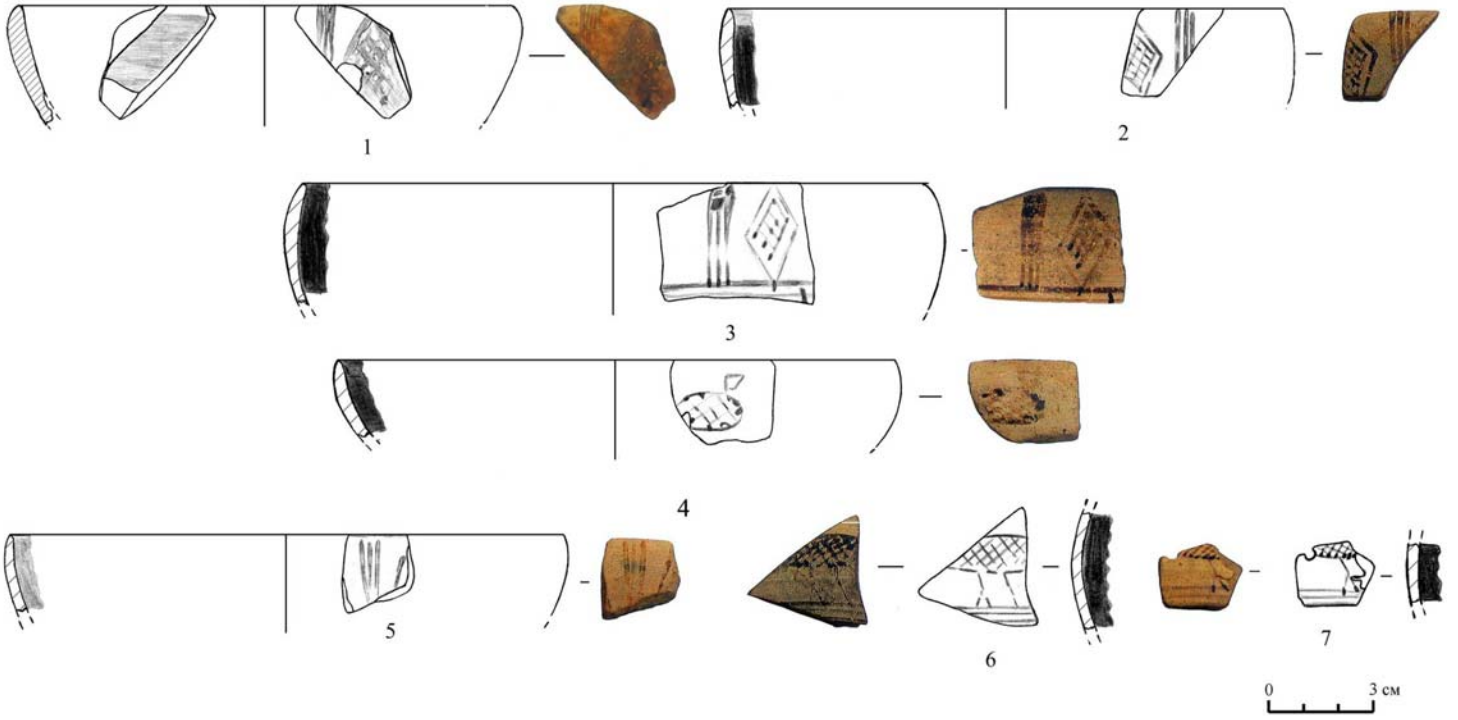


Рис. 4. Фрагменты килик ов с птицами последней четверти VII в. до н.э.

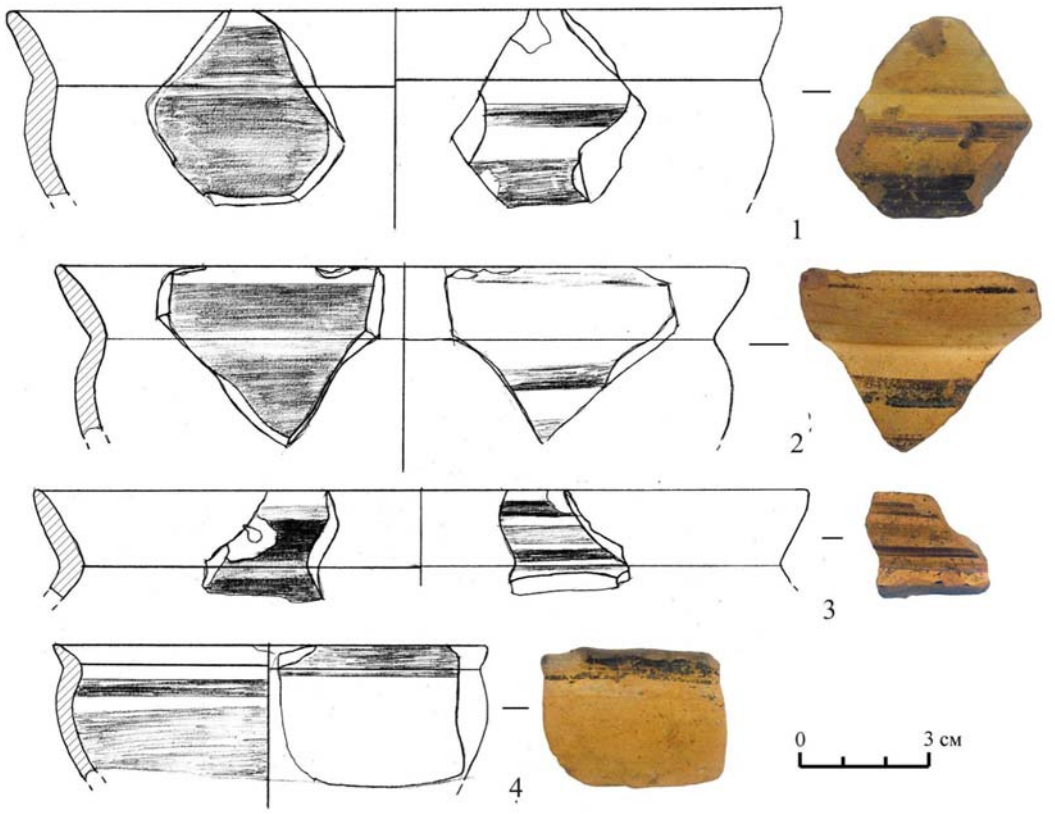


Рис. 5. Фрагменты киликов с изломом линии стенки

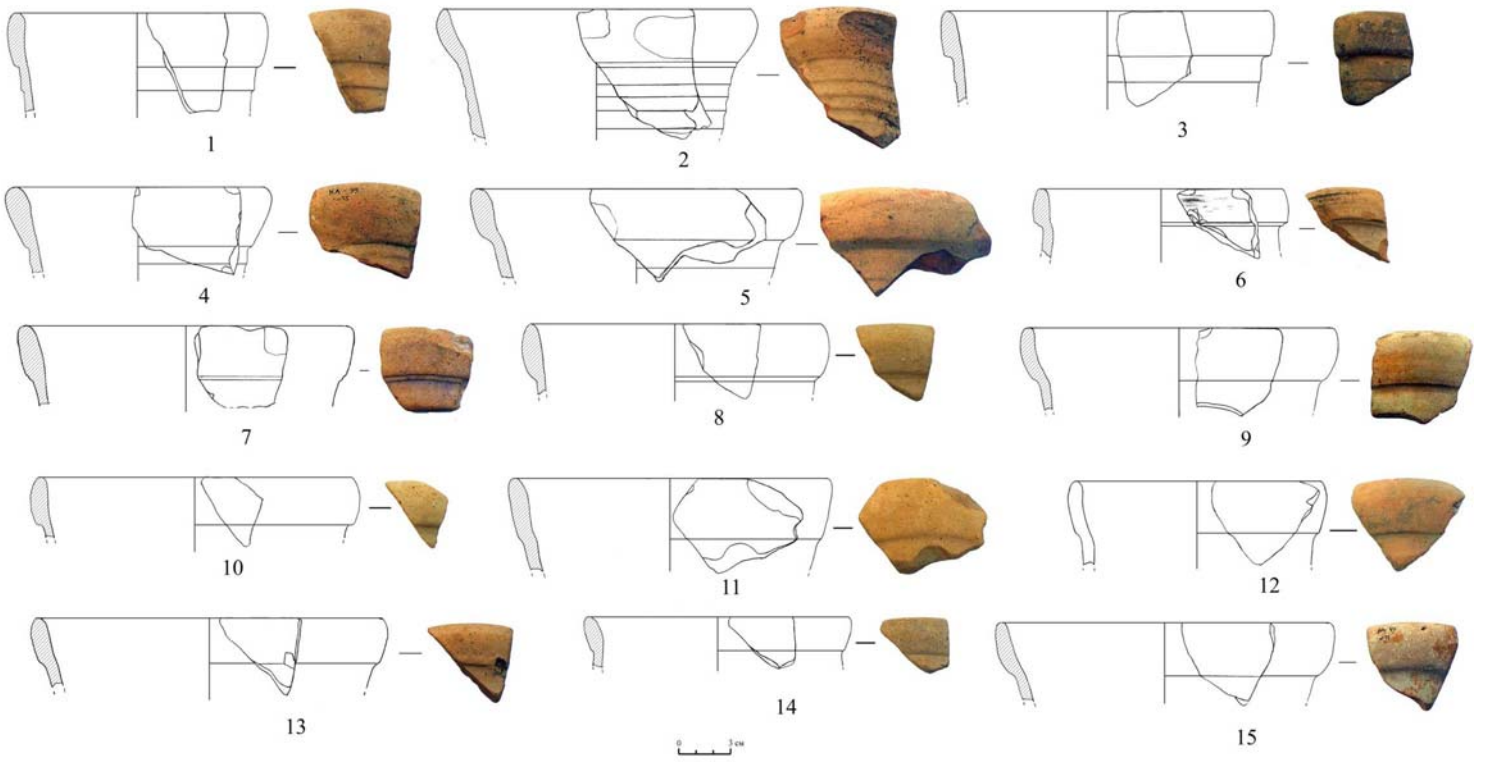


Рис. 6. Фрагменты венчиков милетских амфор

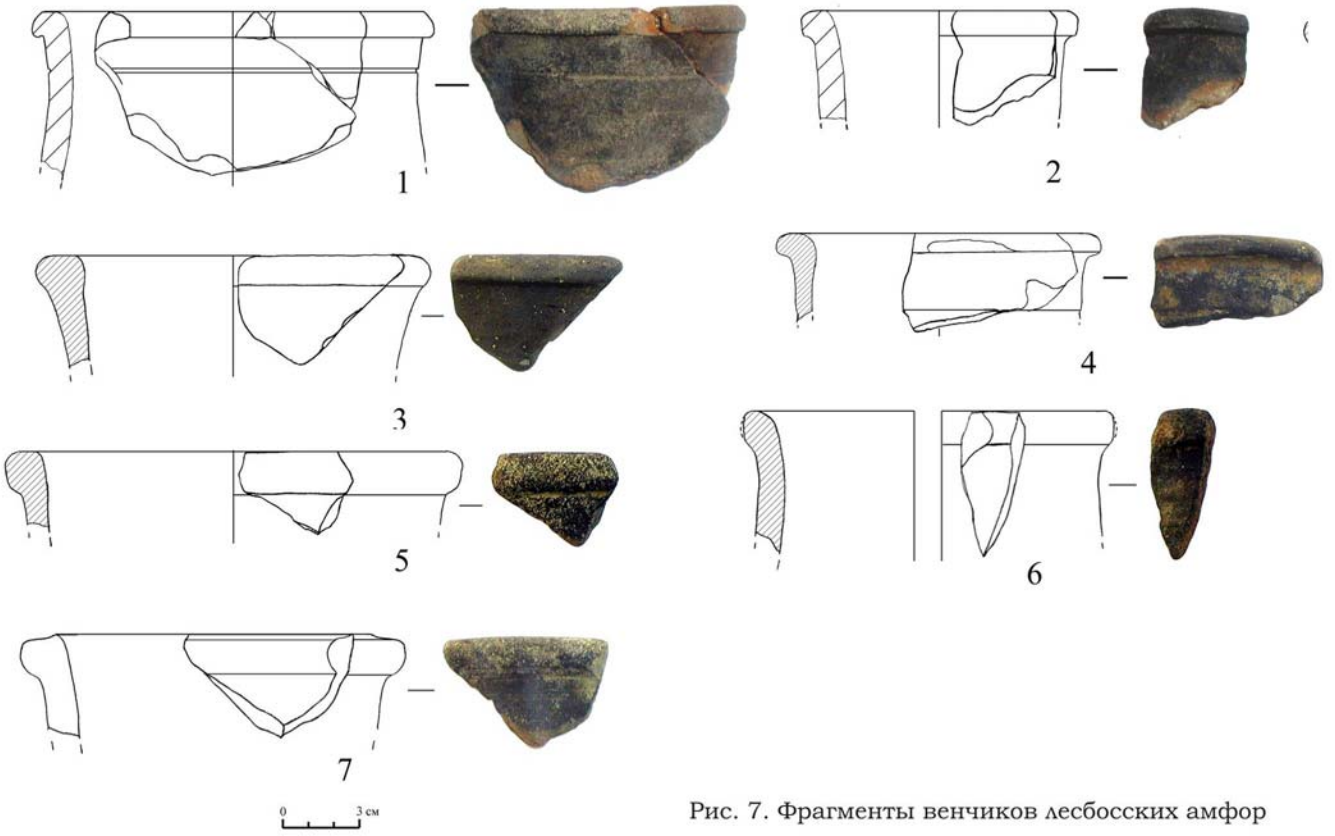


Рис. 7. Фрагменты венчиков лесбосских амфор

Рис. 8. Остракон из Таганрогского поселения

С.В. Полин

АМФОРЫ И КЛЕЙМА ИЗ КУРГАНА № 32 У Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АМФОРНОЙ ХРОНОЛОГИИ

В 2007 г. Орджоникидзевская экспедиция ИА НАНУ под руководством автора провела раскопки ряда курганов у с. Старая Катериновка на карьерах Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината в 8 км к северо-востоку от г. Орджоникидзе Днепропетровской области. В данной статье рассматриваются амфорные материалы из скифского кургана № 32[1].

Курган № 32 высотой 2 м и диаметром 21 м был самым крупным в группе. Содержал 4 погребения: 3 скифских IV в. до н.э. и 1 средневековое венгерское. Курган был сооружен в один прием над центральным погребением № 3 и обнесен по краю крепидой из плит белого рыхлого известняка размерами до 1 м в поперечнике. Скифские погребения (детское погребение-кенотаф № 2 и воинское № 4) впущены в край кургана с северной и юго-западной сторон.

Сооружение кургана началось с выкапывания кольцевого рва, что традиционно для скифских курганов[2]. Это подтвердилось характером залегания остатков тризны во рву. Развалы, отдельные части и фрагменты амфор, а также кости и черепа домашних животных были уложены непосредственно на дно рва[3]. Обычно во рвах скифских курганов Северного Причерноморья остатки тризны лежат на затечном слое заполнения рва, примерно на середине его глубины, что свидетельствует о совершении тризны после завершения строительства кургана. Кроме того, в кургане № 32 на уровне погребенной почвы под материковым выкидом из первичного центрального погребения № 3, уложенным возле его входной ямы, обнаружено 50 фрагментов амфор. Ножка фасосской амфоры принадлежит амфоре № 4, остальные фрагменты которой найдены во рву возле западного и восточного проходов, фрагменты венчика синопской амфоры подклеились к венчику с клейменой ручкой амфоры № 19 из рва возле восточного прохода, фрагменты тулова хиосской амфоры подклеились к амфоре № 22, найденной во рву возле восточного прохода, обломок ручки хиосской амфоры соединился с амфорой № 15 из рва возле западного прохода. Под выкидом особенно многочисленными были обломки амфоры Менды № 37, большая часть которой обнаружена во рву возле

---

[1] Предварительная информация: *Полин С.В., Черных Л.А., Дараган М.Н., Разумов С.Н.* Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина), сезон 2007 г. (предварительное сообщение) // Revista Arheologica. 2008. Vol. IV. Ht. 1. С. 140–144. Рис. 4.

[2] *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005. С. 296.

[3] Кольцевой ров диаметром 30,2–33,5 м, шириной 1,5 м, глубиной 1,0 м. С западной и восточной сторон имел проходы шириной 0,5 м. Прилегающие к обоим проходам участки рва протяженностью до 10 м заполнены остатками поминальной тризны – развалами амфор различной полноты, а также черепами и конечностями лошадей, уложенными непосредственно на дно рва.

восточного прохода. Кроме того, под выкидом также обнаружены венчик, фрагмент ручки и до десятка мелких обломков стенок псевдохерсонесской амфоры, аналогичной амфорам № 7–8, обломок венчика амфоры Пепарета (Солоха-II), аналогичный амфорам № 6, 9, 11–12, 36, три обломка стенок и ручки не менее чем от 2 синопских амфор, три фрагмента стенок от амфор неустановленного центра типа № 10, 45–48, а также крупный фрагмент тулова хиосской колпачковой амфоры типа № 14–15, 22–24, не соотносящийся по тесту ни с одной из амфор во рву.

Таким образом, помимо остатков 48 амфор, найденных во рву, под выкидом из центрального погребения обнаружены обломки 6 амфор, части которых зафиксированы во рву, а также остатки еще не менее 6 амфор, не представленных находками во рву. Общее число амфор, использованных в тризне, составляло не менее 54 экз.

В результате выяснились интереснейшие детали. Сооружению кургана № 32 предшествовало совершение поминальной тризны где-то в стороне от места будущего кургана. Подобные площадки, на которых отправлялась околокурганная тризна, обнаружены в последние годы возле Александропольского кургана[4], в Желтокаменской Толстой Могиле, Бабиной, Водяной, Двугорбой, Чмыревой, Плоской могилах и в некоторых других курганах[5]. Но поминальные тризны во рву и околокурганные тризны в этих и во всех остальных известных мне курганах были совершены по завершению строительства курганов.

В кургане № 32 у г. Орджоникидзе зафиксирована принципиально иная последовательность – тризна была совершена до начала сооружения кургана[6]. Затем был выкопан кольцевой ров, обособивший подкурганное пространство. Сразу после этого в ров непосредственно на дно были уложены остатки тризны в виде развалов амфор, отдельных частей и фрагментов, а также черепа и отдельные кости животных[7]. Тогда же были уложены обломки амфор в центре кургана и только после этого началось сооружение центральной гробницы кургана № 3.

---

[4] *Полин С., Дараган М.* Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь (сезон 2006 г.) // Revista Arheologica. S.N. 2008. Vol. IV. Ht. 2. С. 152–155; *Полин С.В., Дараган М.Н.* Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // ΣΥΜΒΟΛΑ 1. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М., 2010. С. 194–197. Рис. 6; *Полин С.В.* Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 267–270. Рис. 1, 2.

[5] *Полин С.В.* К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Методика полевых археологических исследований. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. М., 2011. С. 213–214.

[6] Мы искали место совершения тризны с западной стороны кургана № 32 на удалении до 20 м. Безуспешно.

[7] Судя по недостающим частям амфор, не меньшее количество амфорного материала, в том числе около десятка клейм Синопы, Фасоса и Гераклеи, осталось на месте совершения околокурганной тризны. Этим объясняется различная полнота найденных во рву сосудов – от нескольких фрагментов до полной формы.

В общей сложности во рву и под выкидом из центрального погребения найдены обломки 54 амфор различных центров производства – Гераклея (6 экз.), Фасос (16), Синопа (3), Хиос (6), Пепарет (6), псевдохерсонес (3), Менда (8), неустановленный центр (6). На 10 амфорах Гераклеи, Фасоса и Синопы имеются клейма[8]. Все находки во рву и под выкидом связаны исключительно с первичным в кургане погребением № 3. Впускные погребения не сопровождались тризнами – верхние слои рва не содержали находок. Судя по амфоре из впускного воинского погребения № 4, оно практически синхронно первичному захоронению № 3.

Амфоры Гераклеи (№ 3, 5, 13, 18, 20, 44) разной степени сохранности – от почти целых до нескольких фрагментов (рис.1, *1–3*). Высота 64,2–66,6 см, диаметр тулова 21,9–25,9 см. Тесто грубоватое, светло-коричневое с красноватым отливом, насыщено примесью крупного песка и отдельными частицами пироксена. Целые конические амфоры № 3 и 20 (рис.1, *1, 3*) принадлежат к типу I-А-2 или скорее типа II–1 по С.Ю. Монахову, существовавших в пределах 380–340 гг. до н.э.[9] Амфора № 6 (рис.1, *2*) относится к типам II–3 или II–4, датирующимся 370–330 и 360–310 гг.[10] На горловинах амфор № 3, 5, 13 и 18 имеются энглифические клейма (рис. 1, *5–8*).

На амфоре № 3 – оттиск двустрочного клейма в прямоугольной рамке, во второй строке сохранились лишь начальные две буквы ΕΠ. В правом нижнем углу между эмблемой и второй строкой оттиснуты три перевернутых литеры ΘΕΟ и дальше как будто заметно смазанное продолжение вплоть до эмблемы, по-видимому, случайный повторный перевернутый оттиск угла этого же клейма с именем Теогена (рис. 1, 5). Легенда ΘΕΟΓΕΝ / эмблема копье / ΘΕΟ(-) (перевернуто) ΕΠ[ΙΣΑΤΥ]ΡΟ.

С.Ю. Монахов во второй строке в начале по первой букве «Е» и далее отчетливо просматривающейся «П» видит начало магистратского предлога ΕΠΙ. От имени магистрата, по его мнению, не сохранилось ни одной буквы. По данным картотеки Н.Ф. Федосеева и другим материалам эмблема «копье» именно в такой прорисовке чаще всего встречается у магистрата Сатира. С.Ю. Монахов относит этого магистрата к 330-м гг. до н.э.[11] По хронологии В.И. Каца он входит в группу III-Б 360–350-х гг. до н.э.,[12] что в целом соответствует всему комплексу материала из кургана.

---

[8] Искренне признателен С.Ю. Монахову и В.И. Кацу (Саратовский государственный университет) за прочтение клейм и их определение.

[9] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 132–135. Табл. 91; 92, *1–4*; 93, *1–6*.

[10] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Типология... С. 136–137. Табл. 94, *5–7*; 95, *1–4*.

[11] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 635.

[12] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Т. XVIII. С. 429.

На амфоре № 5 ниже венчика оттиск двустрочного клейма № 5 в прямоугольной рамке того же магистрата Saturos и фабриканта Blasthos (рис. 1, *6*: ΕΠΙ ΣΑΤΥΡΟ / палица / ΒΛΑΣΘΟ). Аналог этому клейму имеется на амфоре из кургана № 44 некрополя Панское I[13].

На фрагменте горловины амфоры № 13 сохранился уголок двустрочного энглифического клейма в прямоугольной рамке, где читается только начало 2-й строки с магистратским предлогом ΕΠΙ… (рис. 1, *7*). Возможно, это аналог клейму на амфоре № 3.

На фрагменте верхней части горловины амфоры № 18 сохранилась половина двустрочного клейма в прямоугольной рамке магистрата Lusitheos и фабриканта Histieios (рис. 1, *8*: ΙΣΤΙΕΙ[ΟΣ] / ΛΥΣΙΘ[ΕΟ]). Такое клеймо зафиксировано в корпусе IOSPE III (№ 895–896). Магистрат Lusitheos по С.Ю. Монахову датируется около 350–345-х гг. до н.э.,[14] а по В.И. Кацу входит в группу III-Б 360–350-хх гг. до н.э.[15], что больше соответствует контексту нашего комплекса.

Амфоры Синопы в нашей тризне представлены фрагментом горловины с венчиком и частью ручки и придонной частью тулова амфоры № 19, а также отдельными обломками еще двух амфор, найденных под выкидом из центрального захоронения № 3. Для характеристики морфологии данных нет. Можно лишь отметить округлую форму венчика. На изгибе ручки сохранилась половина рельефного прямоугольного трехстрочного клейма (рис.1, *19*) с легендой: ΑΣΠΑ[ΣΙΟ / ΕΠΙ ΑΠ[ΟΛΛ] / ΟΔΩ Α[ΣΤΥ] орел на дельфине.

Оттиски подобного штампа по данным В.И. Каца и С.Ю. Монахова в Северном Причерноморье зафиксированы (IOSPE III, № 704–705). В каталогах Н. Коновичи и И. Гарлана приведены иные штампы[16]. По В.И. Кацу магистрат Apollodōros I относится к группе I-В, по Н. Коновичи – к группе I-с, оба датируют его 355–350-х гг. до н.э.[17], Н. Федосеев относит к 374 г. до н.э.[18]

Амфоры Фасоса (№ 1–2, 4, 16–17, 25–35) являются наиболее многочисленной группой в тризне, сосуды различной степени полноты (рис. 1, *4, 15–18*; 2, *1, 2*). Все относятся к типу классических фасосских амфор развитой биконической серии II-В-2 или II-В-3, которые С.Ю. Монахов датирует в пределах 375–330 гг. до н.э.[19] Единственная

---

[13] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 219. Табл. 92, *9*; *Монахов С.Ю., Рогов Е.Я.* Амфоры некрополя Панское I // АМА. 1990. Вып. 7. С. 149. Амфора № 14.

[14] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 358–362, 634.

[15] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 429.

[16] *Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbres comprises) // Histria. 1998. Vol. VIII. P. 53. Cat. 3. Pl. I, *3*; *Garlan Y.* Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. P., 2004. Cat. 16–17.

[17] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 434; *Conovici N.* Les timbres amphoriques… P. 24. Pl. I, *3*.

[18] *Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 31, 41.

[19] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 67–71. Табл. 45; 46, *1–2*.

установленная высота амфоры №17 составляет 75,3 см, диаметры тулова в пределах 24–29,5 см. На пяти амфорах на изгибах ручек сохранились клейма «раннего» периода (рис. 1, *9–14*).

На амфоре № 1 – прямоугольное рельефное клеймо с эмблемой в центре и ретроградной надписью по длинным сторонам магистрата Aristokratēs (рис. 1, *9*: [ΛΥ]ΣΙΚΛ[ΕΙ] / лира → / [ΑΡΙΣΤΟ]). В каталоге И. Гарлана он находится в конце группы G-2 (345–335 гг. до н.э.)[20].

Амфора № 2 **–** прямоугольное рельефное клеймо с эмблемой в центре и надписью по длинным сторонам (рис. 1, *10*): ΑΡΙΣΤΟ[. . .] / рыба / [Θ]ΑΣΙΩ[Ν]. В каталоге «ранних» клейм И. Гарлана такой штамп отсутствует. Это может быть клеймо магистрата Aristophōn-1 самого начала позднего периода (начало 20-х годов по И. Гарлану).

На амфоре № 4 на изгибе ручки прямоугольное рельефное клеймо с эмблемой в центре и надписью по трем сторонам (рис. 1, *11*): ΘΑΣΙΩΝ / ΑΡ[ΧΕΣ/ΤΡΑ/ мышь /[ΠΑΥΣ]ΑΝ[ΙΗΣ]. Точная аналогия клейму имеется у И. Гарлана в группе F-2 (350–345 гг. до н.э.)[21]. С.Ю. Монахов датирует магистрата Archestratos около 345 г. до н.э., а В.И. Кац – в пределах 360–350 гг.[22], что хорошо согласуется с датировками синопского и гераклейских клейм комплекса.

На амфоре № 16 в нижней части горловины красной краской нанесено крупное дипинто – монограмма размерами 4,0 х 4,5 см (рис. 1, *13*). На ручке оттиснуто прямоугольное клеймо с эмблемой в центре и надписью по четырем сторонам (рис. 1, *12*: [ΛΑΓ]ΕΤΑΣ / ΘΑ/ΣΙ лабрис [ΩΝ ΙΣΑΓΟΡΗΣ]). Такой штамп магистрата Lagetas имеется в группе G-1 И. Гарлана (около 345 г. до. н.э.)[23]. В.И. Кац датирует его в пределах 350–345 гг.[24]

При том же магистрате в мастерской Megōn изготовлена амфора № 17, на изгибе ручки которой имеется прямоугольное клеймо с двумя эмблемами в центре и надписью из двух имен и этникона по трем сторонам (рис. 1, *14*: ΛΑΓΕΤΑΣ/ΘΑ/ΣΙΩΝ стригиль; лист [ΜΕΓΩΝ]).

Амфоры Хиоса представлены пятью экземплярами (№ 14–15, 22–24) и фрагментами шестой амфоры, найденными во рву и под выкидом из центрального погребения № 3 (рис. 2, *3–5*). Достаточно полно сохранилась только амфора № 22. Ее реконструируемая высота около 110 см, диаметр тулова 36,5 см (рис. 2, *5*). Остальные представлены крупными частями от амфор того же типа, может быть чуть меньших размеров, судя по диаметру тулова в 32,5 см у амфоры № 23. Это хиосские конические амфоры с колпачковой ножкой варианта V-B по С.Ю. Монахову, существовавшие от рубежа V–IV почти до конца IV в. до н.э. без видимых изменений[25].

---

[20] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens. P., 1999. № 965; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 415.

[21] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos… № 786.

[22] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 415.

[23] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos… P. 256. № 797.

[24] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 415.

[25] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 21–22. Табл. 11, *6*; 12, *1–3*.

Амфоры Пепарета представлены пятью экземплярами (№ 6, 9, 11–12, 36) и фрагментами шестой амфоры, найденными во рву и под выкидом из центрального погребения № 3. Полностью собрана амфора № 6, на две трети амфора № 9, от остальных сохранились отдельные части. Амфора № 6 высотой 89,4 см и диаметром тулова 29,5 см, принадлежит к чертомлыцкому варианту I-В по С.Ю. Монахову (рис. 3, *1*). Сходные габариты имеет амфора № 9 (рис. 3, *2*). Амфора № 6 обнаруживает ближайшее сходство с амфорами из Чертомлыка и Гайматовой Могилы, которые С.Ю. Монахов датирует в пределах 350–320 гг. до н.э.[26]

По данным С.Ю. Монахова пепаретские амфоры в комплексах Северного Причерноморья датируются в пределах 400–390 – 330-х гг. до н.э. После открытия значительной серии таких амфор в Чертомлыке предполагался довольно активный ввоз пепаретской тары в Северное Причерноморье и на протяжении 340–330 гг до н.э. Этот вывод опирался на датировку комплексов пепаретских амфор из Гайматовой Могилы около 335 гг. и Чертомлыка 345–335 гг. до н.э., амфоры которых аналогичны[27]. После пересмотра хронологии Северной Гробницы Гайматовой Могилы в пределах 365–350 гг. до н.э.[28] нуждается в корректировке и дата комплекса пепаретских амфор из Чертомлыка в пределах 350–340 гг. до н.э., по-видимому, ближе к середине столетия.

Среди пепаретских амфор из Гайматовой Могилы по профилировке ножки выделяются две группы. У первой ножки с широкой пяткой и плоской выемкой снизу по всей площади[29], у второй – широкая пятка с косой подрезкой края и небольшой выемкой в центре, сходная с профилировкой ножек амфор Менды мелитопольского типа[30]. Такая ситуация для пепаретских амфор отмечена только в комплексе тризны кургана Чертомлык[31], что указывает на временную связь обоих комплексов.

Согласно датировкам мастерских в Асклепионе и Панермосе на о. Скопелос (древний Пепарет), первая прекращает функционирование в середине столетия, вторая сразу после 340 г. до н.э. Датировки остальных мастерских не определены, однако, судя по однотипности

---

[26] Там же. С. 99. Табл. 69, *3–5*; 70, *1*.

[27] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Комплексы... С. 365–368, 390, 423; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры ... Типология... С. 97–98.

[28] *Полин С.В.* Датировка Гайматовой Могилы // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Т. XV. С. 140. В.И. Кац сейчас датирует группу F-1 365–360 гг. (*Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 415).

[29] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Комплексы... Табл. 172, *2–3*.

[30] Там же. Табл. 173, *1,2*.

[31] *Полин С.В.* Амфоры кургана Чертомлык // *Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991. С. 368–370; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Комплексы... С. 389; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Типология... С. 99.

продукции, их остановка произошла в то же время[32]. По наблюдению С.Ю. Монахова, именно мастерская в Панермосе была одним из изготовителей пепаретских амфор из Чертомлыка[33].

Псевдохерсонесские амфоры. В нашей тризне представлены тремя экземплярами (№ 7–8), найденными во рву и фрагментами из-под выкида из центрального погребения № 3 (рис. 3, *3, 4*). Полностью склеилась амфора № 8 высотой 74,2 см и диаметром тулова 38,2 см. В основании горловины оттиснуто мелкое энглифическое клеймо в виде колечка с выпуклой точкой в центре. Амфора № 7, сохранившаяся частично, имеет диаметр тулова 35,5 см. Третья амфора сохранилась в единичных фрагментах.

До недавнего времени такие амфоры определялись как боспорские или раннехерсонесские. Ныне относятся к продукции неустановленного центра в Пропонтиде или северной Эгеиде и датируются в пределах от середины первой по третью четверть IV в. до н.э. включительно. Наши амфоры из тризны относятся ко второй группе псевдохерсонесских амфор[34].

Амфоры Менды представлены 8 экз. (№ 21, 37–43 – рис. 4, *1–3*). Практически полностью склеены две амфоры № 21 и 37 высотой 86,5 см с диаметром тулова 34,5 см. От остальных сохранились горловины, тулово, придонные части, ножка. В средней части горловин красной краской нанесены дипинти в виде буквы Λ размерами 1,2 х 1,2 см на амфоре № 21, восьмеркообразный знак высотой около 1 см в нижней части горловины амфоры № 37. Амфоры относятся к классическому мелитопольскому типу II-С по С.Ю. Монахову, датирующемуся в пределах 380 до начала последней четверти IV в. до н.э.[35] Однако основания для датировки мендейских амфор началом последней четверти IV в. до н.э. отсутствуют и по всем имеющимся данным их датировка ограничена пределами третьей четверти IV в., вероятно, не позднее 330 гг. до н.э.[36]

Во впускном погребении № 4 кургана № 32 найдена целая мендейская амфора классического мелитопольского типа II-С второй-третьей четверти IV в. до н.э. Высота 81,3 см, диаметр тулова 33,3 см (рис. 4, *4*). На середине горловины красной краской нанесено дипинто размерами 2,5 х 1,8 см из двух букв: АР. По морфологии и размерам

---

[32] *Doulgeri-Intzessiloglou A., Garlan Y.* Vin et amphores de Peparethos et d'Ikos // BCH. 1990. Vol. 114. No I. P. 379. Fig. 11–20; *Гарлан И.* Про походження амфор типу Солоха // Археологія. 1992. № 4. С. 39.

[33] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 99.

[34] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 94. Табл. XVII, б, г; *Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989. С. 43–50. Табл. 1–11; *Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 159–160. Табл. 5, *3*; 6, *3*.

[35] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 92–94. Табл. 64, 65.

[36] *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса… С. 322–323.

идентична мендейским амфорам из тризны, в частности – амфоре № 21, и отличается от них лишь непривычным серым цветом поверхности и теста. По-видимому, датировка погребения № 4 мало отличается от даты первичного погребения № 3 и связанной с ним тризны в пределах 360–350 гг. до н.э. и дополнительно подтверждает правильность этой даты еще в пределах второй четверти IV в. до н.э.

Амфоры неустановленного центра представлены 6 экз. (№ 10, 45–48), найденными во рву и под выкидом из центрального погребения (рис.4, *5–8*). К сожалению, нет ни одного полного экземпляра. По имеющимся частям восстанавливаются некрупные амфоры высотой до 50 см с узким веретенообразным туловом диаметром 24–29,8 см на высокой тонкой цилиндрической ножке со слегка расширенной пяткой со слабой выемкой снизу. Тесто амфор светло-терракотовое с большим количеством мелкого песка и изобилием блесток, отдельных мелких включений толченого кварца и пироксена. Профилировка ножки напоминает ножки некоторых амфор Пепарета[37], однако небольшие размеры амфор и абсолютно чуждый для Пепарета цвет и состав теста исключают даже отдаленную связь.

Датировка комплекса тризны кургана № 32 у г. Орджоникидзе и первичного погребения кургана, к которому она приурочена, имеет чрезвычайно важное значение как для этого конкретного случая, так и для общей методики и практики датирования комплексов амфор и амфорных клейм. Сочетание в одном комплексе синопского клейма 355–350-х гг., гераклейских клейм 360–350 гг. и фасосских клейм трех подгрупп F-2, G-1 и G-2, датирующихся в пределах 350–330 гг. (в рамках принятой хронологии), могло бы послужить основанием для рассуждений о длительности бытования амфор или смешанности комплекса, его квалификации как «нечистого». Однако, в нашем случае, благодаря необычности обстоятельств абсолютная однородность и синхронность всего без исключения комплекса тризны кургана № 32 представляется бесспорной и причины разнобоя в датировках вызваны лишь несовершенством в хронологии амфорных клейм.

На сегодня представляются достаточно обоснованными хронология начального этапа синопского клеймения и гераклейского клеймения первой половины IV в. до н.э., что дает основания для твердой датировки комплекса тризны кургана № 32 в пределах 360–350 гг. до н.э. Хронология фасосских клейм раннего типа групп F-2, G-1 и G-2 по И. Гарлану вызывает определенные сомнения. Ч. Цочев считает, что расположение первых трех групп клейм фасосского клеймения (A, B и C) в алфавитном порядке также требует определенных изменений[38]. Требует уточнения хронология заключительного этапа существования фасосских «ранних» клейм и время перехода к «поздним» клеймам, а также хронология перехода от фасосских биконических амфор к позднеконическим.

---

[37] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… Табл. 69, *1*; 70, *2*.

[38] *Tzochev Ch.* Notes on the thasian amphora stamps chronology // Archaeologia Bulgarica. 2009. No. XIII. Part 1. P. 56. Tabl. 1.

Прежде всего вызывает большие сомнения принцип построения фасосской хронологии на основе типологической группировки клейм с применением синхронистического метода. В Бердянском кургане найден набор из 19 однотипных фасосских биконических амфор, 12 из которых имеют клейма, принадлежащие трем магистратам. По набору чернолаковой и краснофигурной керамики определяется датировка кургана концом первой – началом второй четверти IV в. до н.э.[39], т.е., около 380–370 гг. до н.э. С.Ю. Монахов синхронизирует эти клейма в пределах 370–365 гг. до н.э.[40], хотя и непонятно каким образом, если учесть, что эти магистраты по существующим хронологическим схемам не очень близко сопряжены во времени. Согласно И. Гарлану эти клейма принадлежат к трем последовательным типологическим группам[41] и в целом эти клейма должны датироваться по его хронологии в интервале от 7 до 20 лет, в зависимости от расположения магистратов внутри групп. Согласно схеме В.И. Каца эти магистраты функционируют в пределах 9 лет[42].

В тризне кургана № 32 у г. Орджоникидзе отмечается та же картина – здесь присутствуют фасосские клейма трех групп – F-2, G-1 и G-2, существование которых по И. Гарлану охватывает 15 лет в интервале 350–335 гг. или 25 лет по В.И. Кацу в интервале 360–335 гг. до н.э.[43] По хронологии И. Гарлана датировки этих клейм полностью не совпадают с датировками синопского и гераклейских клейм из тризны и лишь отчасти совпадают по хронологии В.И. Каца.

Дополнительный ключ к объяснению противоречия дает находка в Гайматовой Могиле. Здесь в позднейшей тризне кургана, связанной с Северной Гробницей № 1, найдено фасосское клеймо с эмблемой в центре и остатками плохо читаемой легенды вдоль двух сторон. По определению И. Гарлана клеймо относится к «ранним», а на эмблеме изображен сфинкс, сочетающийся в известных клеймах магистрата Aristokratēs с именем фабриканта Theophilos. И. Гарлан включил этого магистрата в группу G-2 (345–335 гг. до н.э.)[44]. Однако находка такого клейма в тризне Гайматовой Могилы, связанной с позднейшей в кургане Северной Гробницей № 1, где найдена фасосская амфора с клеймом, содержащим имя фабриканта Kaliphōn, постоянную магистратскую эмблему «звезда» и дополнительную эмблему «палица» (ΘΑΣΙΩΝ / ΚΑΛΛΙ) группы F-1 (360–350 гг. до н.э. по И. Гарлану или

---

[39] *Полін С.В., Ковальов М.В., Чередніченко М.М.* Про датування Бердянського кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. 2000. № 1.

[40] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 287.

[41] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos… P. 153, 173, 183, № 346, 393, 395, 399, 402, 447, 458. Dikēkratēs (№ 346) – группа C – 380–370 гг., Arist(---) (№ 393, 395, 399, 402) – группа D – 370–365 гг. до н.э., Kleophōn (№ 447, 458) – группа E 1 – 365–360 гг. до н.э.

[42] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 414–415.

[43] У И. Гарлана в трех группах насчитывается 18 магистратов, у В.И. Каца – 21.

[44] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos… P. 266, 292. № 962–963.

365–350 гг. по В.И. Кацу)[45], по мнению И. Гарлана, свидетельствует в пользу принадлежности этих клейм к группе F или G[46].

В кургане T-IV в Оргамэ найдено большое количество фасосских клейм группы F (28 экз.) и первой группы клейм позднего типа (5 экз.), представленных наиболее ранними магистратами (Kleitos, Tēlephanēs-II, Aretōn), что позволило В. Лунгу сделать вывод о непосредственной смене клейм раннего типа группы F клеймами позднего типа[47]. Таким образом, для группы G не остается места между группой F раннего типа и клеймами позднего типа.

В свете перечисленных находок представляется абсолютно закономерной находка в тризне кургана Водяна Могила «раннего» клейма с именами магистрата Hērakleidēs и фабриканта Aristo(. . .) и «позднего» клейма магистрата Aretōn[48]. Первого И. Гарлан включил в группу G-2 (345–335 гг. до н.э.), по В.И. Кацу он находится в пределах 350–338 гг. до н.э.[49] Aretōn же принадлежит к числу наиболее ранних магистратов в поздних клеймах (см. ниже).

По всем этим случаям устанавливается синхронность фасосских клейм групп F-1, F-2, G-1 и G-2 в интервале 365–350 гг. Такая синхронизация, как и в случае с клеймами из Бердянского кургана, вновь неумолимо возвращает нас к вопросу о магистратах – осуществлялось ли клеймение амфор в один год от имени одного магистрата или в каждый год амфоры клеймились группами лиц (каждый собственным именным клеймом).

Конечная дата существования фасосских клейм «раннего» периода определяется датировкой перехода к клеймам «позднего» периода. Эта дата всегда определялась путем отсчета от предполагаемой даты начала клеймения амфор на Фасосе (по количеству имен магистратов). Последнее же обычно связывается с принятием на острове законов, регламентировавших производство вина и виноторговлю и датирующихся 425–415 гг. до н.э. или самым концом V в. до н.э.[50] Но, как отмечала В. Грэйс, анализ комплексов Афинской Агоры не дает оснований для датировки фасосских клейм ранее 400 г., а возможно даже и

---

[45] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos… P. 68–69, 197, 201, 220. № 614, Pl. VI; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 415.

[46] *Полин С.В.* Датировка Гаймановой Могилы… С. 139–140.

[47] *Lungu V.* Remarques sur la chronologie des timbres thasiens à propos d'une tombe du IV s. av. J.-C. // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 77–78, Cat. 1–33.

[48] *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы… С. 81, Рис. 14.

[49] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques… P. 266, № 959; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 415.

[50] *Daux G.* Nouvelles Inscriptions de Thasos // BCH. 1926. Vol. 50. P. 214; *Граков Б.Н.* Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции в VI–IV вв. до н.э. // ИГАИМК. 1935. Вып. 108. С. 176; *Grace V.* Stamped Wine Jar Fragments. Pnyx // Hesperia. 1956. Suppl. X. Part III. P. 117–122; *Salviat F.* Le vin de Thasos. Amphores, vin et sourses ecrites // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 185.

390 г. до н.э.[51] По этой причине И. Гарлан датирует первые фасосские клейма лишь с конца 390-х гг., а В.И. Кац после 400 г. до н.э.[52] В. Грэйс предполагала переход от клейм раннего типа к позднему около 340 г. или несколько ранее[53]. М. Дебидур отнес переход к 346/345 гг.[54] Позднее произошел решительный сдвиг этой даты на 330 г. до н.э.[55] В целом дата перехода от клейм «раннего» типа к «поздним» определяется с помощью простой арифметики – прибавлением количества известных по клеймам имен ранних магистратов (каждый из которых по мысли исследователей соответствует одному году) к предполагаемой начальной дате клеймения. В последнее время таким образом получена дата перехода в пределах 334/333 гг. до н.э.[56] По мнению В.И. Каца, это произошло на пять лет раньше – около 339/338 гг.[57] В сущности, датировка перехода к поздним клеймам ни в одном случае не определена по археологическим данным.

Комплексные археологические находки позволяют уточнить дату этого перехода. В тризне кургана № 8 группы Чередниковой Могилы близ г. Орджоникидзе из 35 амфор 14 гераклейских сосудов имели клейма с именами магистратов Amphitas и Bakchos, деятельность которых С.Ю. Монахов относит к интервалу 350–340 гг. до н.э.[58] Согласно последней хронологической схеме В.И. Каца оба эти магистрата (группа IV-A) трудились в 355–350-х гг. до н.э.[59], что в целом совпадает с моей датировкой этого комплекса[60]. В центральном захоронении кургана, с которым связана тризна, найдена фасосская биконическая амфора с «поздним» клеймом магистрата Dealkos, который в схеме М. Дебидура стоит в числе первых в группе 345–335 г. до н.э.[61], у И. Гарлана ранее числился в группе 335–330 гг. до н.э., а ныне – в интервале 333–327 гг. до н.э.[62] В свою очередь, у А. Аврама он находит-

---

[51] *Grace V.* The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. Vol. 54. No. 1. P. 13, 18. № 43.

[52] *Garlan Y.* A propos de la chronologie des timbres amphoriques Thasiens // MNHMH D. LAZAPIDH. ΘΕΣΣΑLONIKH, 1990. P. 76; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 414.

[53] *Grace V.* Stamped wine... P. 122–123; *Grace V.* The Middle Stoa... P. 4–5.

[54] *Debidour M.* En classant les timbres Thasiens // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 330.

[55] *Garlan Y.* A propos de la chronologie... P. 482; *Кац В.И.* Основные закономерности распределения фасосских амфорных клейм // АМА. 1999. Вып. 10. С. 107.

[56] *Garlan Y.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. 2004–2005. Vol. 128–129. P. 323.

[57] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 194, 415.

[58] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры ... Комплексы... С. 347.

[59] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 430, 432.

[60] *Полин С.В.* Комплекс амфор второй четверти IV в. до н.э. из кургана у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1994. С. 56–57.

[61] *Debidour M.* En classant les timbres Thasiens... P. 322, 330.

[62] *Garlan Y.* Quelqes nouveaux ateliers amphoriques a Thasos // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 248; *idem.* Nouvelles remarques sur la chronologie des timbres

ся в числе первых в группе 325–316 гг. до н.э.[63] С.Ю. Монахов, констатируя принадлежность Dealkos по датировкам И. Гарлана к 335–330 гг. до н.э., отметил вопиющее несоответствие гераклейской и фасосской хронологии, поскольку по типологической схеме клеймо относится к числу «поздних» и по этой причине не может датироваться ранее 335 г. до н.э. В качестве варианта объяснения было предположено существование более раннего Dealkos-I, работавшего в 350 г. до н.э. Но прекрасно понимая, что такое предположение влечет за собой целый ряд других, полностью переворачивающих традиционные представления о хронологии фасосских клейм, С.Ю. Монахов остановился на констатации необъяснимого противоречия[64]. Приведенные новые данные свидетельствуют о необходимости датировки фасосского клейма Dealkos по гераклейским клеймам не позднее 350 г. до н.э.

Эту датировку подтверждает давно известная находка «позднего» клейма магистрата Aretōn, выполненного тем же штампом, что и оттиск из Водяной Могилы ΘΑΣΙΩΝ – кадуцей – ΑΡΕΤΩΝ в Олинфе, разрушенном Филиппом II в 348 г. до н.э.[65] И. Гарлан считает, что эта дата не может быть принята для клейма, поскольку разрушение города не было окончательным и отдельные кварталы продолжали существовать и после гибели большей части города[66]. Однако нет ни малейших оснований предполагать какие-то «недоработки» в уничтожении города со стороны Филиппа. Несомненно, в 348 г. до н.э. Олинф был уничтожен до основания и вряд ли кто мог осмелиться поселиться в проклятом месте ранее ухода из жизни Филиппа и даже Александра. И то обстоятельство, что после смерти Александра, к 316 г. в Олинфе вновь возникли некие очаги обитания[67], не имеет отношения к данному клейму из-за больших расхождений во времени при любых предполагаемых датировках[68]. Клеймо Aretōn найдено в Олинфе в комнате «g» дома A-VIII-7 среди прочих материалов второй четверти IV в. до н.э., что и дало Д.М. Робинсону основание датировать эту находку второй четвертью IV в. до н.э.[69] Несомненно, это клеймо относится

---

amphoriques thasiens // Journal des Savants. P., 1993. Vol. 2. P. 180; *idem*. En visitant et revisitant… P. 323.

[63] *Avram A.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos // Histria. 1996. T. VIII.1. Tabl. I.

[64] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 348.

[65] *Robinson D.M.* Excavations at Olynthus: Vases found in 1934 and 1938. Ba1timore, 1950. Part XIII. P. 260. No. 1097; *Bon A.-M., Bon A.* Les timbres amphoriques de Thasos // Etudes Thasiennes. 1957. Vo1. IV. No. 1876.

[66] *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos… P. 53.

[67] *Sparkes B.A.* Greek Pottery: an Introduction. Manchester; N.Y., 1991. P. 37.

[68] У М. Дебидура Aretōn стоит в числе первых в группе 345–335 гг. до н.э. (*Debidour M.* En classant… P. 330), А. Аврам датирует Aretōn 325 г. до н.э. (*Avram A.* Les timbres amphoriques… Tabl. I), И. Гарлан включил Aretōn в группу 333–326 гг. до н.э. (*Garlan Y.* En visitant et revisitant… P. 323).

[69] *Robinson D.M.* Excavations at Olynthus… P. 429. Pl. 260. No. 1097.

к культурному слою города до разрушения 348 года, что и определяет его датировку не позднее 350–348 гг. до н.э.[70]

Имеется много косвенных аргументов для достаточно ранней датировки «позднего» фасосского магистрата Kleitos еще в пределах периода существования клейм раннего типа. М. Дебидур первоначально включил Kleitos в первую группу поздних магистратов 345–335 гг. до н.э.,[71] а позднее синхронизировал с деятельностью фабриканта Aristagorēs[72], работавшему при магистратах групп E и F[73]. Сочетание «позднего» клейма магистрата Kleitos с биконической формой амфоры из Горгиппии дало основание С.Ю. Монахову датировать клеймо Kleitos 340–335 гг., вопреки тому, что общепринятая датировка клейм позднего типа начиналась с 330 г.[74] Ранняя датировка Kleitos не была принята коллегами и И. Гарлан датирует Kleitos 327 г., а с поправками В.И. Каца это должен быть 332 г. до н.э.[75] Точку в этом споре ставит находка во фракийской гробнице в Славчовой Могиле близ древнего Севтополя гераклейской амфоры с клеймом магистрата Lusitheos и фасосской амфоры с клеймом Kleitos[76]. Как отмечалось выше, клеймо Lusitheos по комплексу кургана № 32 у г. Орджоникидзе датируется в пределах 360–350 гг.,[77] что совпадает с предполагавшейся М. Дебидуром датировкой.

Таким образом, время перехода от «ранних» фасосских клейм к «поздниму» приходится примерно на 350 г. до н.э. Новые находки в Александропольском кургане полностью подтверждают эту дату.

Новый комплекс амфор из тризны Александропольского кургана, который не может датироваться позднее 340–330 гг. до н.э. из-за большого количества ранних форм различных амфор, входящих в его состав, продемонстрировал полное отсутствие в нем фасосских биконических амфор. Это предполагает прекращение изготовления фасосских биконических амфор не позднее 345–340 гг. до н.э. В александропольской тризне фасосские амфоры представлены амфорой позднеконической серии типа II-C-3 по С.Ю. Монахову, который да-

---

[70] Такая датировка клейм Aretōn (в пределах 350–348 гг. до н.э.) имеет чрезвычайно важное значение для определения даты Куль-Обы и Водяной Могилы, где найдены аналогичные клейма.

[71] *Debidour M.* En classant… P. 330.

[72] *Idem.* Kleitos, un magistrat thasien atteste sur les rives de la Mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix de Provence, 1999. P. 88; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 69; *Tzochev Ch.* Notes… P. 58).

[73] *Garlan Y.* Quelques nouveaux ateliers… P. 233. Tabl. A.

[74] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 69, Табл. 45, *3.*

[75] *Garlan Y.* En visitant et revisitant… P. 323; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 186, 194, 416.

[76] *Китов Г.* Славчова Могила край с. Розово, Казанлъшко (Монументална тракийска гробница) // Археология. 1996. № 1. С. 6, Рис. 10; *Tzochev Ch.* Notes… P. 58. Fig. 2.

[77] См. сноску 16. Ч. Цочев приводит датировку Lusitheos по И. Гарлану около 350 г.: *Tzochev Ch.* Notes… P. 58. Note 7.

тирует их начиная с 320-х гг. до н.э.[78] Однако амфора этого типа в александропольской тризне имеет граненый трапециевидный венец, в отличии от известных позднеконических амфор, имеющих исключительно валикообразные венцы[79].

В александропольской тризне также найдена ножка фасосской конической амфоры типа «Топраисара» (тип II-C-2 по С.Ю. Монахову), датирующегося в пределах первой половины IV в. до н.э.[80] Амфоры типа «Топраисара» также имеют трапециевидный в разрезе венчик, единственный вариант фасоских венчиков в александропольской тризне.

Таким образом, в александропольской тризне найдены несколько фасосских амфор промежуточного типа – между коническими амфорами типа «Топраисара» II-C-2 и позднеконической серии II-C-3. В целом их датировка в пределах третьей четверти до н.э. представляется оптимальной. С ними, видимо, связаны четыре клейма одного штампа магистрата Nausōn (ΘΑΣΙΩΝ / щит / ΝΑΥΣΩΝ). А. Аврам включил его в группу 316–310 гг. до н.э. К 322 г. до н.э. относит деятельность Nausōn И. Гарлан, хотя, как полагает В.И. Кац, датировки И. Гарлана омоложены как минимум на 5 лет, что соответствует 327 г. до н.э.[81] М. Дебидур поместил его в группу 335–325 гг. до н.э.,[82] что значительно больше соответствует хронологическому контексту амфорного комплекса Александрополя[83].

Установленный по материалам Александрополя факт смены фасосских биконических амфор коническими и позднеконическими не позднее 340 г. до н.э. и подтверждение датировки позднего магистрата Nausōn в пределах 340–330 гг. позволяет четко выделить ряд наиболее ранних магистратов «позднего» периода фасосского клеймения. Безусловно наиболее ранними, датирующимися в пределах 350–340 гг. до н.э., являются поздние магистраты, клейма которых известны только на классических биконических амфорах, а также магистраты, клейма которых встречены на биконических и позднеконических амфорах, которые можно датировать около 340 г. до н.э.

Это, прежде всего, упоминавшийся выше Dealkos, клеймо с именем которого стоит на биконической амфоре из центрального погребения кургана № 8 группы Чередниковой Могилы[84], а также Aretōn, клейма которого оттиснуты на ручках классических биконических амфор из Куль-Обы, Водяной Могилы и кургана Т-IV в Оргаме[85].

---

[78] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 72–73. Табл. 49, *3–6*.

[79] Там же. Табл. 49, *1–2, 4–5*.

[80] Там же. С. 72. Табл. 48, *1*.

[81] *Avram A.* Les timbres amphoriques… P. 53, 118–119. № 269. Tabl. I. Pl. XXI; *Garlan Y.* En visitant et revisitant… P. 324; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 186, 194, 416.

[82] *Debidour M.* En classant… P. 324, 331.

[83] *Полин С.В.* Амфоры Александропольского кургана… С. 280–281. Рис. 10.

[84] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 344. Табл. 149, *1*.

[85] *Брашинский И.Б.* Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Вып. XL. Рис. на С. 37; *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса… С. 81, 357. Рис. 12, *9, 17*; 14, *1, 2; Lungu V.* Remarques… P. 77. Cat. 30.

Точно также клейма «позднего» периода магистрата Hērophōn известны только на биконических амфорах, найденных в Желтокаменской Толстой Могиле (ΘΑΣΙΩΝ / ΗΡΟΦΩΝ эмблема буква " Ξ")[86] и в Каллатисе (ΘΑΣΙΩΝ / ΗΡΟΦΩΝ эмблема буква «N»)[87]. Все это позволяет датировать клейма Герофона в пределах 350–340 гг. до н.э.

Клеймо позднего периода магистрата Krinis (ΘΑΣΙΩΝ / голова Медузы / ΚΡΙΝΙΣ) оттиснуто на ручке биконической амфоры, найденной в Трехбратнем кургане № 1 (Старшем) в гробнице № 1. М. Дебидур включил Krinis в первую группу поздних магистратов 345–335 гг. до н.э.[88] Впоследствии он был перенесен во вторую группу и датирован более поздним временем: 325–317 гг., 330–320-ми гг. или 325 г. до н.э.[89] Эта дата принята авторами публикации Трехбратних курганов с отнесением гробницы № 1 Трехбратнего кургана к последней трети IV в. до н.э.[90] Однако то обстоятельство, что клеймо стоит на биконической амфоре, показывает, что наиболее правильной является датировка М. Дебидура, но и ее необходимо понизить до 350–340 гг. гг. до н.э., с чем хорошо согласуются и остальные керамические материалы из этой гробницы и насыпи кургана.

Клейма позднего периода магистрата Kleitos стоят на биконических амфорах развитой серии из Горгиппии и некрополя Широкой Балки, не имеющих ничего общего с позднебиконическими образцами[91], что еще раз подтверждает предлагаемую мною датировку в пре-

---

[86] *Мозолевский Б.Н.* Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 204. Рис. 33; 34, *25-26*; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 397. Табл. 176, *3*. В публикации описаны только целые амфоры Менды мелитопольского типа из обеих входных ям и фасосские клейма из Центральной гробницы. Имеются рисунки ножек амфор из тризны и Центральной гробницы, однако, их определения отсутствуют (*Мозолевский Б.Н.* Скифский царский курган Желтокаменка… С. 185, 201. Рис. 11; 30; 31; 32; 34, *25, 26*). В результате изучения амфорных материалов из Желтокаменской Толстой Могилы я убедился, что среди преобладающего большинства обломков амфор Менды мелитопольского типа и в Центральной гробнице, и в тризне присутствуют не менее четырех ножек, венчиков, ручек и фрагменты стенок фасосских биконических амфор, которые сложно опознать на мелких рисунках. С ними и связаны клейма Герофона.

[87] *Buzoianu L.* Types d'amphores hellenistiques decouverts a Callatis // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix de Provence, 1999. P. 206. No. 6. Pl. III. No. 177.

[88] *Debidour M.* En classant… P. 330.

[89] *Avram A.* Les timbres amphoriques… P. 58; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 70; *Garlan Y.* En visitant et revisitant… P. 324.

[90] *Лоренц А., Трейстер М.Ю.* Трехбратние курганы. Каталог комплексов и находок // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н.э. в Восточном Крыму. Симферополь; Бонн, 2008. С. 26. Кат. 29; *Ломтадзе Г.А., Лоренц А.* Остродонные амфоры и их фрагменты // Там же. С. 70. Табл. 28, *1*; 65, *1*; *Трейстер М.Ю.* Датировка Трехбратних курганов // Там же. С. 145.

[91] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Типология… С. 69, Табл. 45, *3*; *Лейпунская Н.А., Папанова В.А.* К характеристике экономических связей Ольвии (по материалам амфор из некрополя Широкая Балка) // Археологічні відкриття в Україні 2001–-2002 рр. Київ, 2003. С. 320. Рис. 1–*7*.

делах 350–340 гг. Такое же сочетание клейм Kleitos с классической биконической формой демонстрируют амфоры из Славчовой Могилы и кургана Т-IV в Оргаме[92].

Известны также клейма поздних магистратов Hērakleito и Telemachos с надписью по трем сторонам вокруг эмблем на биконических амфорах из кургана Топала в Румынии. И. Гарлан и М. Дебидур относили обоих магистратов к последней четверти IV в. до н.э., тем не менее, С.Ю. Монахов, учитывая, что смена биконических амфор поздеконическими произошла в 320-х гг., датировал клейма, амфоры и курган Топала не позднее 330–320 гг. до н.э.[93]

Интересно, что в свое время М. Дебидур отнес Hērakleitos к первой группе «поздних» фасосских магистратов (345–335 гг.), а Telemachos – ко второй (335–325 гг.)[94]. Однако сочетание имен Hērakleitos и Telemachos в одном комплексе кургана Топала с разнообразыми эмблемами в клеймах обоих магистратов указывает на их теснейшую сопряженность во времени. На Афинской Агоре также найдена биконическая амфора с клеймом магистрата Hērakleitos (ΘΑΣΙΩΝ / лук / ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΣ)[95]. В Кабиле клеймо этого магистрата (ΤΕΛΕΜΑΧΟΣ / ΘΑΣΙΩΝ с эмблемой «лук») стоит на позднеконической амфоре (см. ниже). Все это позволяет датировать клейма обоих около 340 гг. до н.э.

Если правильно отнесение клейма на амфоре № 2 из публикуемого здесь комплекса кургана № 32 (рис.1, *10*) к магистрату Aristophōn-1 самого начала позднего периода по М. Дебидуру, то мы получаем еще одного «позднего» магистрата из числа наиболее ранних, клейма которого известны на биконических амфорах.

Известно три случая клеймения штампами «позднего» периода как биконических, так и сменяющих их позднеконических амфор для магистратов Tēlephanēs-II, Kleophōn-I и Telemachos. Биконические амфоры с клеймами первого из них найдены в Марьевском кургане, беспаспортная биконическая амфора с таким же клеймом хранится в Керченском музее, с классическими биконическими амфорами связаны также клейма Tēlephanēs-II в кургане Т-IV в Оргаме[96]. С другой стороны, из Керамейкоса происходит позднеконическая амфора с клеймом позднего периода с именем Tēlephanēs-II[97], представляющая промежуточный вариант между амфорами типа «Топраисара» первой

---

[92] *Tzochev Ch.* Notes… P. 58. Fig. 2; *Lungu V.* Remarques… P. 77. Cat. 31–33.

[93] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 394. Прим. 127. В последней работе И. Гарлан датировал Hērakleitos 324 г., а Telemachos 316 г. до н.э. (*Garlan Y.* En visitant et revisitant… P. 324–325), так же и В.И. Кац (Греческие керамические клейма… С. 416).

[94] *Debidour M.* En classant… P. 330.

[95] *Bon A.-M., Bon A.* Les timbres… P. 17. Fig. 3, *1*. No. 718, d; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье… Типология… Табл. 46, *3*.

[96] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 390. Табл. 174; *он же.* Греческие амфоры… Типология… С. 70. Табл.45, *4,5; Lungu V.* Remarques… P. 77–78. Cat. 29, 35.

[97] *Schmid S.G.* Eine Gruppe Nordagaischer Transportamphoren // Mittelungen des Deutschen Archaologischen Institutes. Atenische Abteilung. 1999. Bd. 114. S. 144–145, 152. Kat. 1. Abb. 1. Taf. 20, *1,4*.

половины IV в. до н.э. и позднеконическими амфорами по С.Ю. Монахову[98]. Tēlephanēs-II, согласно датировкам А. Аврама, относится к 329–326 гг. до н.э., по И. Гарлану – около 333 г. до н.э., с поправками В.И. Каца это соответствует 330 г. до н.э.[99] М. Дебидур включил его в наиболее раннюю группу магистратов позднего клеймения 345–335 гг. до н.э.[100] С учетом предполагаемой более ранней даты исчезновения биконических амфор, деятельность Tēlephanēs-II должна датироваться около 340 г. до н.э.

Также должны датироваться клейма позднего периода магистрата Kleophōn-I, встреченные на биконических и позднеконических амфорах. В частной коллекции в Дамон-хаусе в Стамбуле хранится биконическая амфора с клеймом, где читается эмблема в виде пентаграммы, а не сохранившаяся вторая строка надписи, содержавшая имя магистрата Kleophōn I, успешно восстанавливается по оттиску из коллекции Эрмитажа[101]. Клейма Kleophōn-I стоят на позднеконических амфорах из цистерны на Афинской Агоре и поселения у с. Пивденное[102]. Kleophōn-I входит во II группу М. Дебидура (335–325 гг.), С.Ю. Монахов датирует его клейма 320-ми гг. до н.э.[103] Однако наличие клейма на биконической амфоре все же указывает на дату около 340 г. до н.э.

Для понимания распределения самых ранних эпонимов в группе «поздних» клейм важны материалы из фракийского города Кабиле, основанного после 342/341 г.[104] Здесь представлены исключительно

---

[98] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Типология... С. 71–72.

[99] *Avram A.* Les timbres amphoriques... P. 53, 108. Cat. 191-196; *Garlan Y.* En visitant et revisitant... P. 323; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 186, 194, 416.

[100] *Debidour M.* En classant... P. 321, 330.

[101] *Bon A.-M., Bon A.* Les timbres... Fig. 3, *2*. No. 973; *Придик Е.М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917. С. 45. № 206. Табл. VII, *24*; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Типология... С. 71. В книге С.Ю. Монахова значится Kleophōn-II, отнесение к которому клейм на биконических амфорах из-за его слишком поздней датировки совершенно невозможно. Из переписки выяснилось, что С.Ю. Монахов придерживается сквозной нумерации Клеофонов в фасосском клеймении, где Kleophōn-I – это магистрат времени существования ранних клейм (см.: клейма Бердянского кургана), а его Kleophōn-II в данном случае является Kleophōn-I позднего клеймения.

[102] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Типология... С. 72–73. Табл. 49, *1,2*; *Bon A.-M., Bon A.* Les timbres... P. 46. Fig. 4, *3*. No. 980.

[103] *Debidour M.* En classant... P. 324; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... Типология... С. 72.

[104] *Виноградов Ю.Г.* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Т. X. С. 39, 55; *Tzochev Ch.* Notes... P. 67–68; *Гетов Л.* Амфори и амфорните печати от Кабиле (IV–II вв. пр.н.е.). София, 1995. С. 23–25. Л. Гетов клейма №№ 1–15 из Кабиле первой половины IV в. до н.э. определял как фасосские. Ч. Цочев установил принадлежность части из них к Самофракии, а остальные к иным центрам. По данным Ч. Цочева самые ранние фасосские клейма из Кабиле относятся к группе G-2 по И. Гарлану. Но отсутствие здесь клейм наиболее ранних эпонимов из «поздней» группы, которые я датирую 350–340 гг., все же

клейма позднего типа, хотя отсутствуют самые ранние эпонимы, такие как Аретон, Деалк, Герофон, Кринис, Клит. При этом найдено клеймо позднего эпонима Telemachos, известное по оттискам на биконических амфорах[105]. Но в Кабиле такое же клеймо стоит на ручке амфоры типа II по Бон[106], (или позднеконической по С.Ю. Монахову), что указывает на его принадлежность к переходной группе около 340 г. Имеются клейма магистрата Kleophōn[107], встреченные и на биконических, и на позднеконических амфорах, датировку которых около 340 гг. прекрасно подтверждает основание города Кабиле после 342/341 гг. до н.э. О том же свидетельствует найденное в Кабиле клеймо «позднего» периода магистрата Aristotelēs[108], непосредственно сменившего Telemachos, о чем ниже.

Ч. Цочев приводит случаи перегравировки штампов фасосских клейм «позднего» периода. В Бизоне найдено клеймо, где поверх имени Telemachos было выгравировано имя магистрата Aristotelēs. Ранее уже были известны перегравированные «поздние» клейма, в которых имя Timarchidas перекрыто именем Hērophōn, имя Kleophōn-I перекрыто именем Eualkidēs[109]. Все известные амфоры с именем Hērophōn являются биконическими и следует предполагать, что амфоры с клеймами Timarchidas, пока еще не найденные, также будут биконическими. Форму амфор с клеймами Eualkidēs и Aristotelēs угадать труднее.

Таким образом, по наличию оттисков «поздних» клейм на биконических амфорах, а также перегравированного клейма, надежно выделяется наиболее ранняя группа «поздних» фасосских магистратов в составе Aretōn, Dealkos, Hērophōn, Krinis, Kleitos, Hērakleitos, Timarchidas и, возможно, Aristophōn-I, датирующаяся в пределах 350–340 гг. до н.э., а также Telephanēs II, Telemachos, Kleophōn I, Eualkidēs, Aristotelēs – около 340 г., поскольку их клейма встречены и на биконических, и на позднеконических амфорах, а также в перегравированных клеймах. Возможно, датировка Kleitos уходит в 360–350 гг. В эту самую раннюю группу поздних фасосских магистратов попало 9 или даже 10 из 11 «поздних» магистратов из группы I, два из группы II и один из группы III М. Дебидура. К ним вплотную примыкают клейма Nausōn (группа II М. Дебидура) на позднеконических амфорах, датирующиеся 340–330 гг. по комплексу александропольской тризны[110].

указывает на их принадлежность к поселению, предшествовавшему городу Кабиле, который возник после македонского завоевания.

[105] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… Комплексы… С. 392.

[106] *Гетов Л.* Амфори… С. 36. № 83.

[107] Там же. С. 31–32. № 49–56.

[108] Там же. С. 27. № 26.

[109] *Tzochev Ch.* Notes… P. 60. Fig. 3. Tabl. 3.

[110] В схемах М. Дебидура и А. Аврама Nausōn расположен непосредственно перед Telemachos, у И. Гарлана Telemachos трудился даже на пять лет позднее Nausōn (*Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 416). Все это указывает на их теснейшую сопряженность во времени, вероятно, в обратном порядке.

Безусловно, открытие разновременных мастерских по производству амфор на Фасосе дало огромную информацию для создания схемы относительной последовательности имен магистратов, «поздних» в особенности. Однако эти материалы не дают возможности для определения абсолютных датировок как для мастерских в целом, так и для конкретных магистратов в частности. Также и состав имен магистратов, установленный для каждой мастерской, наличие или отсутствие конкретных имен в каждой из мастерских (на чем, собственно, и строится распределение магистратов во времени и по группам), остаются достаточно случайными, поскольку ни одна мастерская не исследована полностью[111]. Предлагаемый здесь подход позволяет более надежно выделить самую раннюю группу поздних фасосских магистратов в пределах 350–340 гг. до н.э.

S.V. Polin

AMPHORAS AND STAMPS FROM A BARROW No. 32 AT ORDZHONIKIDZE AND SOME QUESTIONS OF AMPHORAE CHRONOLOGY

In 2007 at Ordzhonikidze of the Dnepropetrovsk region the Scythian barrow No. 32 was excavated. In the funeral feast connected with the central burial place of the barrow, fragments of 54 amphoras are found. Amphoras of three centres have stamps. Heraclean stamps of magistrates Saturos and Lusitheos are dated by V.I. Kac 360–350th BC. The Sinopian stamp of magistrate Apollodōros by the accepted chronology dated 355-350 BC. Phasian stamps of magistrates Aristokratēs, Lagetas and Pausaniēs are including in groups F-2, G-1 and G-2 and are dated 350-335 BC by I.Garlan.

Well-founded enough dates of the beginning stages of stamping of Sinopa and Heraclea in the limits of first half IV century BC, that allows dating the complex of funeral feast within 360–350 BC. Chronology of early phasian stamps of groups F-2, G-1 and G-2 by I. Garlan arouse the doubts and demands specification

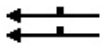
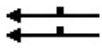
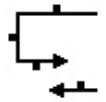
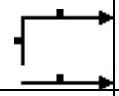
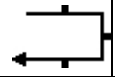
Materials of funeral feast of a barrow No. 32, and also a number of other complexes allow to consider as time of transition from "early" stamps to "late" ca. 350 BC. There are serious bases to assume that release of phasion biconical amphorae stops in the range of 345–340 BC

.It was possible to sort out the earliest magistrates (350–340 BC) of "late" stage of phasien stamping (Aretōn, Dealkos, Hērophōn, Krinis, Kleitos, Hērakleitos and, probably, Aristophōn I). Into this group enters and Timarchidas what name is blocked by name Hērophōn in the reengraved stamp. Magistrates Telephanēs II, Telemachos, and Kleophōn I should be dated ca. 340 BC. In this transitive group also enter Eualkidēs, Aristotelēs, names of which blocking in reengraved stamps names Kleophōn-I and Telemachos. To them adjoined stamps of Nausōn, dated of 340–330 BC.

---

[111] *Амперер Ж.И., Гарлан И.* Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 23–28.

КАТАЛОГ АМФОР, ОТМЕЧЕННЫХ В ТЕКСТЕ

Место находки	Чтение легенды	Расположение легенды	Таблица
ФАСОС			
Курган Гайманова Могила, тризна при гробнице № 1	Θεοφίλος сфинкс ᾽Αριστο(κράτης)		
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 1	[Λυ]σικλ[εῖ] лира [᾽Αριστο(κράτης)]		Рис. 1–*9*
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 4	Θασίων ᾽Αρχέσ/τρα(τος)/ мышь [Παυσ]αν[ίης]		Рис 1–*11*
Курган Водяна Могила, тризна	῾Ηρακλ/ εἰδ(ης) заяц ᾽Αριστο(κράτης)		
Курган Гайманова Могила, гробница № 1	Θασίων палица, звезда Καλλι(φῶν)		
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 16	[Λαγ]έτας/ Θα /σι(. .) лабрис [᾽Ισαγόρης]		Рис. 1–*12*
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 17	Λαγέτας/ Θα/σι. .) стригиль, лист [Μϵ]γῶν		Рис. 1–*14*
Курган Водяна Могила, тризна Олинф курган Куль-Оба курган Т-IV в Оргаме	Θασίον кадуцей ᾽Αρϵτῶν Θασίον рыба ᾽Αρϵτῶν Θασίον ритон ᾽Αρϵτῶν		
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 2	᾽Αριστο[φῶν] рыба [Θ]ασίω[ν]		Рис. 1–*10*
курган № 8 группы Чередниковой Могилы	Δεάλκος - должно быть Δειάλκος собака Θασίων		
Афинская Агора Курган Топала	Θασίων лук ῾Ηράκλειτος		
курган Желтокаменская Тол-	Θασ/ίων		

стая Могила	Ξ Ἡρο/φῶν		
Каллатис	Θασίων N Ἡροφῶν		
Горгиппия	Θασίων Ξ Κλείτος		
Придик Э. ЭК. Пг., 1917. С. 45. № 206. Табл. VII, *2*	Θασίων пентограмма Κλεοφῶντος - м.б. Κλεοφῶνος?		
Трёхбратний курган № 1, гробница № 1	Θασίων Голова Медузы Κρῖνις		
Александропольский курган	Θασίων щит Ναύσων		
курган Топала	Θασίων «пилос» Τηλέμαχος		
Кабиле	Τηλέμαχος лук Θασίων		
курган Марьевский	ἐπί / Τηλεφάνε/ος «букраний» Θα[σίων]		
ГЕРАКЛЕЯ			
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 18	Ἰστιεί[ος] Λυσιθ[έο(υ)]		Рис. 1–*8*
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 5	ἐπί Σατύρο(υ) палица Βλάστο(ς)		Рис. 1–*6*
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 3	Θεογέν(εος)] копьё ἐπ[ί Σατύ]ρο(υ)		Рис. 1-*5*
Курган № 32, у г. Орджоникидзе, амфора № 13	[. . . . . .] ? ἐπ[. . . . .]		Рис. 1–*7*
СИНОПА			
Курган № 32 у г. Орджоникидзе, амфора № 19	Ἀσπά[σιο(ς) орёл] ἐπὶ Ἀπ[ολλ на] οδώ(ρου) ἀ[στυ(νόμου) дельфине]		Рис. 1–*19*

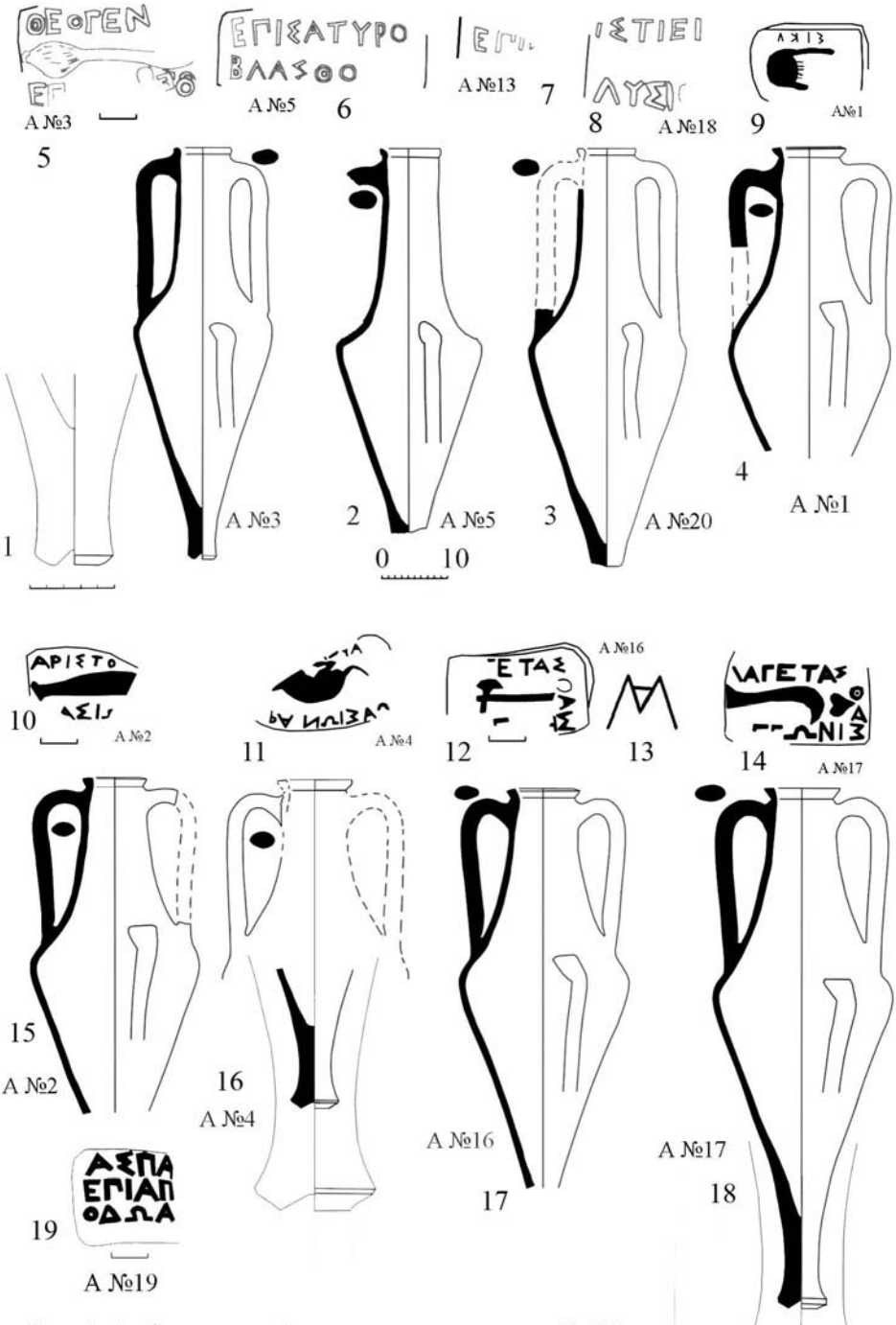


Рис. 1. Амфоры и клейма из тризны кургана № 32 у г. Орджоникидзе: *1–3, 5–8* – Гераклея; *4, 10–18* – Фасос; *19* – Синопа

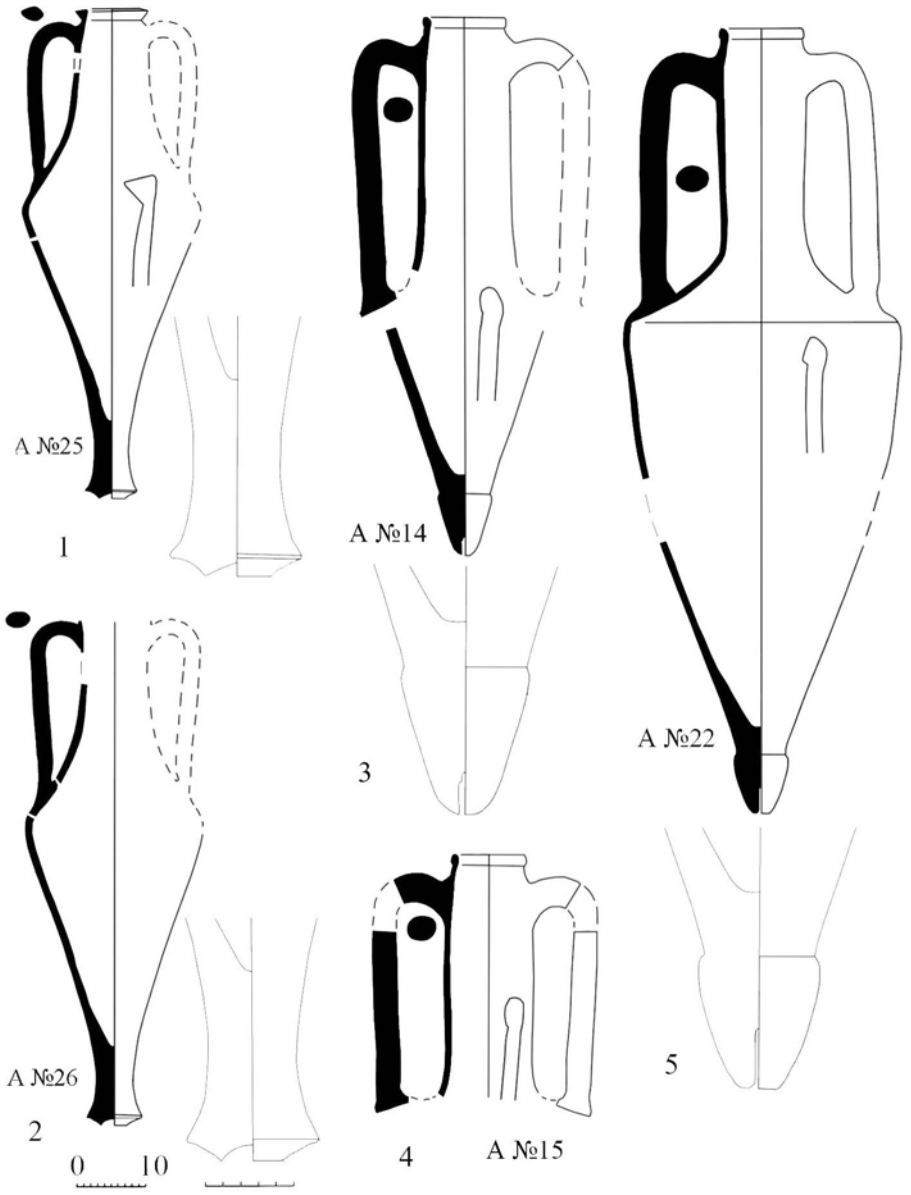


Рис. 2. Амфоры из тризны кургана № 32 у г. Орджоникидзе:
1, 2 – Фасос; *3–5* – Хиос

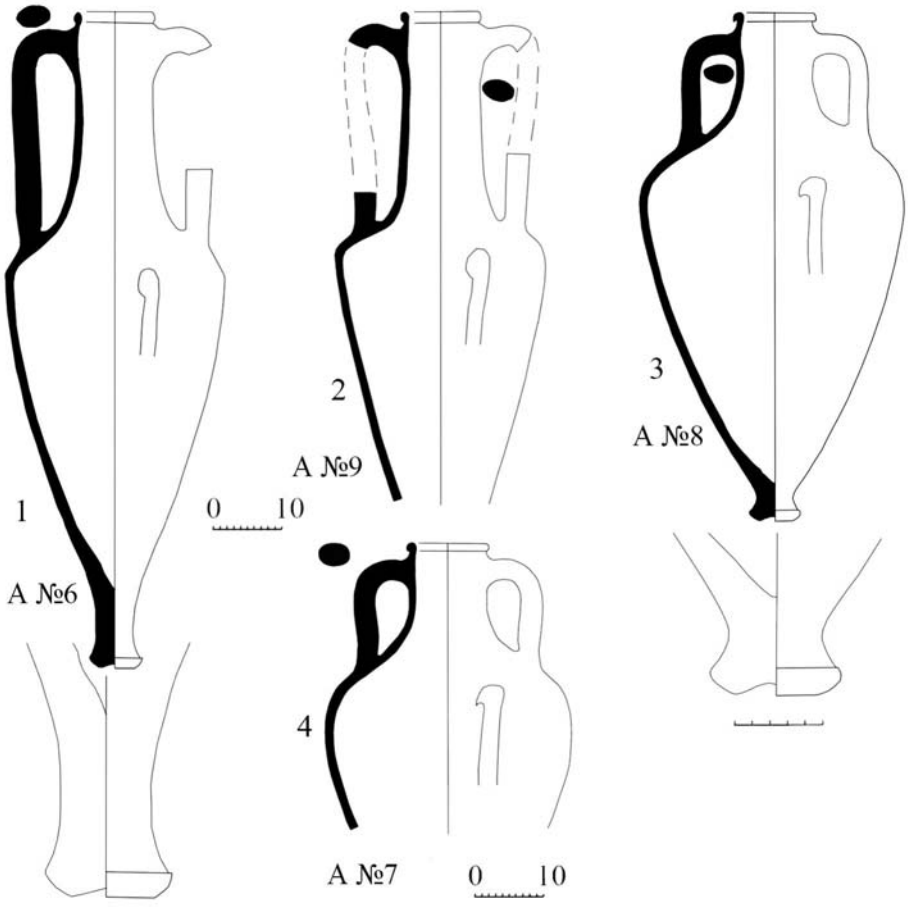


Рис. 3. Амфоры из тризны кургана № 32 у г. Орджоникидзе:
1, 2 – Пепарет; 3, 4 – псевдохерсонес

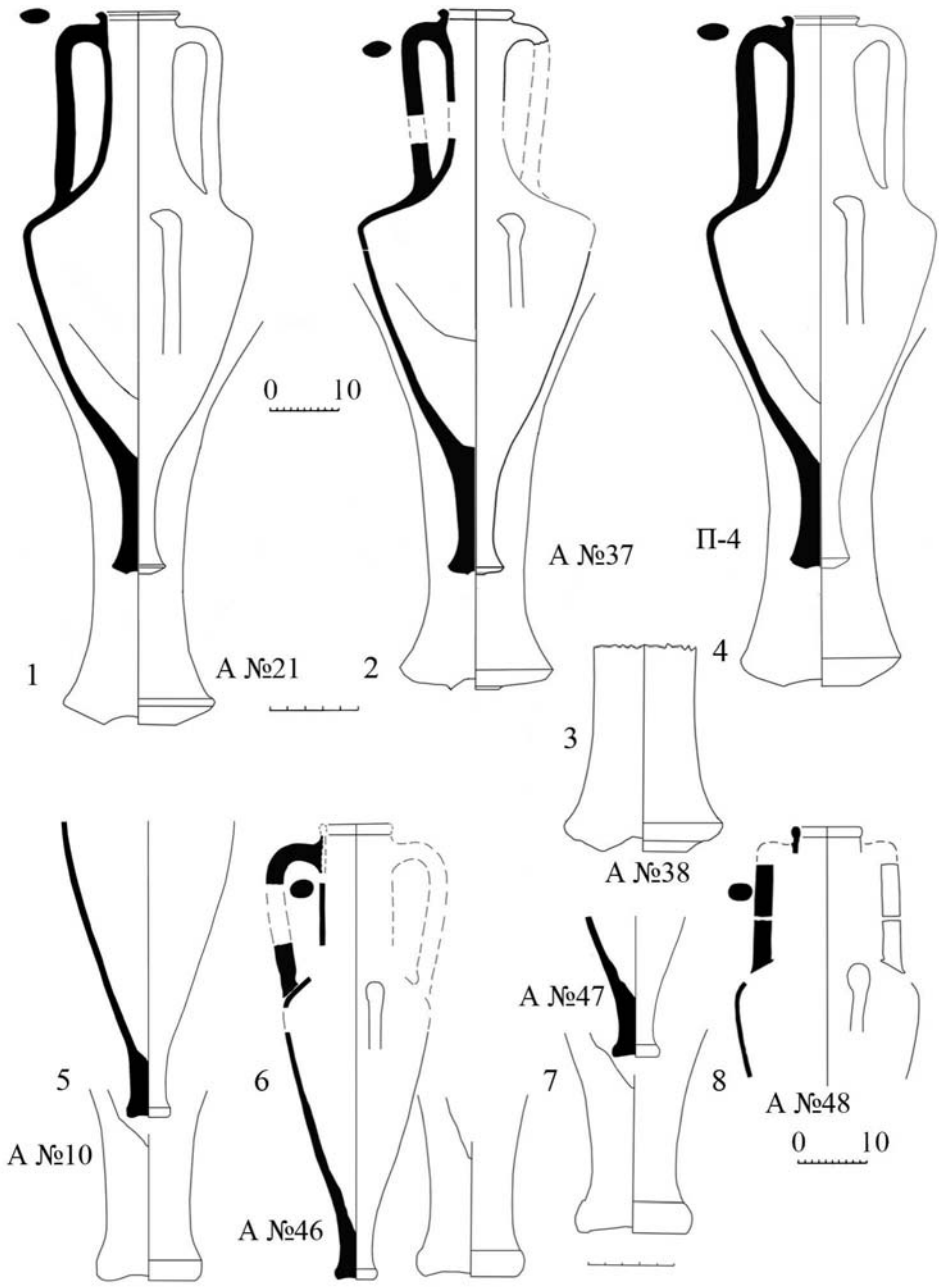


Рис. 4. Амфоры из тризны и погребения № 4 кургана № 32
у г. Орджоникидзе: 1–4 – Менда (1 – погребение № 4);
5–8 – неустановленный центр

Н.Ю. Лимберис,
И.И. Марченко,
С.Ю. Монахов

НОВАЯ «ПРИКУБАНСКАЯ» СЕРИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ АМФОР

В настоящее время можно говорить о выделении новой, достаточно представительной серии эллинистических амфор, более чем в два десятка экземпляров. При некоторой вариабельности морфологических характеристик, все эти сосуды характеризуются единством глиняного теста, отличающегося очень тонкой структурой, цветом от розового до светло-красного, с редкими включениями золотистой или серебристой слюды. Встречаются и другие примеси: песок, известняковые включения. Глина очень плотная, по внешней поверхности хорошо заглажена, ангоб в цвете глины, встречается лощение.

Первый из известных нам сосудов этой серии был обнаружен в богатом погребении № 237 некрополя Танаиса[1]. Все остальные находки происходят из двух меотских грунтовых некрополей правобережья среднего течения Кубани. Наибольшее количество амфор (13) было найдено в некрополе Старокорсунского городища № 2, еще 8 сосудов происходят из некрополя городища № 3 хут. им. Ленина. Профильные фрагменты таких амфор часто встречаются и в культурных слоях этих памятников. Именно поэтому мы предлагаем назвать всю эту серию амфор *«прикубанской»*. Предварительная хронология амфор была разработана на основании их взаимовстречаемости в комплексах с меотскими сероглиняными канфарами. В частности, высказано мнение, что для ранних экземпляров (второй четверти II века) «характерны широкое пифоидное тулово и короткая цилиндрическая ножка…», а для поздних (последней четверти II века) отмечено, что их «корпус удлиняется, ножка становится почти конической» как у синхронных синопских амфор этого времени[2]. Помимо обозначенной выборки, имеется один сосуд из случайных находок на некрополе Старокорсунского городища № 2.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем более двух десятков целых сосудов «прикубанской» серии, которые с учетом морфологии и уточненной хронологии можно распределить на три типа.

Тип I «танаис». Единственная амфора (№ 1) этого типа *из погребения № 237 некрополя Танаиса* отличается ярко выраженным пифоидным обликом: широкое яйцеобразное тулово, которое более или ме-

---

[1] *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 143; *он же.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975. С. 45, 83; *Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 36 сл. Табл. XI, XII. Последний анализ комплекса см.: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 553 сл. Табл. 233.

[2] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. № 5. С. 219 сл., 228–229.

нее плавно переходит в короткое припухлое горло, отделенное желобком от плеча. Венец валикообразный, ножка кубаревидная, с четкими гранями (табл. 1 -*1*).

Необходимо еще раз уточнить хронологию танаисского комплекса. Найденная в нем синопская неклейменая амфора (табл. 1а) относится к варианту IIIC, который, по нашим представлениям, появляется в Синопе не ранее конца III века[3], но в основном датируется первой половиной II века. Однако главным хронологическим репером для комплекса является клейменая родосская амфора (табл. 1b) «поздней серии варианта вилланова» с клеймом магистрата Архилаида, который традиционно включается в III хронологическую группу. Временные рамки этой группы за последние десятилетия несколько раз незначительно корректировались[4], но, главное, по последней схеме Г. Финкельштейна эпоним Архилаид включается в подгруппу IIIe, т.е. датируется 169–161 гг. до н.э.[5] Исходя из узкой хронологии клейменой родосской амфоры, весь комплекс, в том числе и интересующий нас сосуд, должен, таким образом, датироваться в пределах 60-х годов II в. до н.э., или, если брать шире, – второй четвертью этого столетия.

Остальная выборка амфор «прикубанской» серии по морфологическим характеристикам может быть распределена по двум типам: тип II – *«старокорсунский»,* включающий 3 варианта, и тип III – *«хуторской».*

Тип II целесообразно назвать *«старокорсунским»,* поскольку большинство амфор (19 сосудов, из них – 17 целых) происходит из некрополя Старокорсунского городища № 2. Тара этого типа при той же примерно профилировке пифоидного тулова имеет ряд существенных отличий, позволяющих выделить три варианта сосудов.

Вариант II-A. Для амфор этого варианта характерно широкое пифоидное тулово с плавным переходом к горлу. Само горло относительно невысокое, слегка припухлое или цилиндрическое. Венцы различной профилировки – валикообразные или высокие уплощенные с подрезкой, иногда отогнуты наружу. Ножка короткая, чаще с округленным основанием.

2. Амфора из *погребения № 417з могильника Старокорсунского городища № 2.* В средней части горла – три желобка, венчик уплощенный и слегка отогнут наружу (табл. 2 -*2*)[6]. Датировка погребения ос-

---

[3] *Монахов С.Ю.* Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 177. Табл. 11. № 68.

[4] В. Грейс по материалам афинской Агоры относила Архилаида к 182–176 годам. См.: *Grace V.* The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. Vol. 54. № 1. P. 10. Известно еще несколько амфор с клеймами Архилаида от других штампов (см.: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 119. Табл. 83).

[5] *Finkielsztejn G.* Chronologie détailée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan // BAR. IS. Oxf., 2001. P. 128, 192. Tabl. 19; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. С. 216, 420. Прил. III.

[6] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 264 сл. Рис. 38.

нована на совместной находке трехручного сероглиняного канфара на высоком поддоне и бронзовой фибулы-броши с двуигольчатым аппаратом. По нашим наблюдениям, рельефный поясок, как бы делящий тулово канфара на две части, и шипы на ручках – признаки, уходящие в III в. до н.э. Однако хронология трехручных канфаров этого типа ограничивается второй четвертью II века, так как подобные сосуды ни разу не были встречены с родосскими амфорами начала или второй половины этого столетия[7]. Простые серебряные и бронзовые двуигольчатые фибулы-броши (группа 14, серия II по В.В. Кропотову) являются частой находкой в варварских погребениях второй половины II–I в. до н.э. на территории Северного Причерноморья[8]. На этом основании представляется возможным датировать данную амфору в пределах второй четверти II в. до н.э.

3. Амфора из *погребения № 258з могильника Старокорсунского городища № 2*. В целом повторяет морфологические признаки предыдущей амфоры, хотя имеет несколько меньшие параметры, массивный венец и более плавный переход от горла к плечам (табл. 2 -*3*)[9]. Вместе с амфорой найдены сероглиняные миска и кувшин. Именно последний позволяет установить хронологию комплекса, поскольку точно такой кувшин зафиксирован в погребении № 244з этого некрополя в комплексе с буролаковой импортной мисочкой второй четверти II в. до н.э.[10]

4. Амфора из *случайных находок в размытой части некрополя Старокорсунского городища № 2*[11]. По своим размерным характеристикам и массивному венцу (табл. 2 -*4*) ближе всего стоит к предыдущей амфоре, что и позволяет ее датировать тем же временем.

Две следующие амфоры варианта II-А представляют собой более поздние выпуски такой тары, поскольку вместе с ними встречены сероглиняные канфары на низком кольцевом поддоне с двумя ручками без шипов, которые зафиксированы в погребальных комплексах середины – последней четверти II века с родосским клеймом и «мегарской» чашей[12].

5. Амфора из *погребения № 13 (2007) могильника № 3 у хут. Ленина*. Имеет высокий уплощенный, отогнутый наружу венец с подрезкой снизу (табл. 2 -*5*)[13]. Хронология погребения по сероглиняному канфару может быть ограничена последней четвертью II в. до н.э. Эта дата подтверждается и наличием бронзового зеркала с треугольной

---

[7] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 229, 237. Рис. 38.

[8] *Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. С. 291–293.

[9] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 259. Рис. 28.

[10] Там же. С. 226, 229. Рис. 25, 28. Аналогии таким мискам по материалам Афинской Агоры см.: *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX. P. 158. Fig. 61. No. 943, 945. Датируются в пределах 175–150 гг. до н.э.

[11] Амфора ранее не публиковалась.

[12] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 228, 238. Рис. 27; 44.

[13] Комплекс не опубликован.

ручкой. Аналогичное зеркало без орнамента было найдено в погребении № 278з некрополя Старокорсунского городища № 2 с «мегарской» чашей с клеймом мастера Филона[14].

6. Амфора из *погребения № 30 (2008) могильника № 3 у хут. Ленина*. Также имеет уплощенный венец с подрезкой снизу (табл. 3 -*6*). Из хронологически определимых вещей в составе комплекса, помимо сероглиняного канфара, встречен сероглиняный подвесной светильник с крышкой[15]. Однотипный светильник происходит из погребения 170в Старокорсунского некрополя, которое по родосскому (?) лагиносу датируется последней четвертью II века[16].

7. Амфора из *погребения № 498з могильника Старокорсунского городища № 2*. Сохранилась верхняя часть сосуда с очень пологими плечами (табл. 3 -*7*). Вместе с ней найдена только сероглиняная миска, которая не может дать узкой хронологии. Поэтому датировка комплекса ограничивается рамками второй половины II в. до н.э.[17]

8. Амфора из *погребения № 475з могильника Старокорсунского городища № 2* (табл. 3 -*8*). Морфологически аналогична двум предыдущим сосудам. Предположительно комплекс может датироваться последней четвертью II в. до н.э.[18]

9–10. Амфоры из *погребений № 602з* и *145в могильника Старокорсунского городища № 2* (табл. 3 *–9, 10*). В средней части горла амфоры № 9 – два желобка. В этих погребениях не встречено знакового с хронологической точки зрения инвентаря. Ориентировочно амфоры могут датироваться второй половиной II в. до н.э.[19]

Вариант II–В. У амфор этого варианта тулово также пифоидной профилировки, но горло чаще всего цилиндрическое (у двух сосудов слегка припухлое) и, как правило, четко отделяется от плечиков. Основание горла часто выделено двумя-тремя желобками, в одном случае – орнаментальным пояском из волнистых линий. Желобки могут располагаться и выше основания горла, посередине или под венчиком. Венец в основном валикообразный, может быть слегка отогнутым, трапециевидным или уплощенным, с подрезкой. Ножка короткая цилиндрическая с плоским или закругленным основанием.

11. Амфора из *погребения № 188в могильника Старокорсунского городища № 2*. Она имеет слегка воронковидное горло, как у амфор типа II, но более высокое и, вместе с тем, меньшие, по сравнению с другими амфорами этого варианта, размеры и более стройные пропорции. В нижней части горла – три желобка (табл. 4 -*11*)[20].

Вместе с амфорой найден разнообразный инвентарь, однако более или менее точную хронологию для комплекса дает сероглиняный трехручный канфар на высоком коническом поддоне с шипами у

---

[14] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 228. Рис. 27.
[15] Комплекс не опубликован.
[16] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 228. Рис. 18.
[17] Там же. С. 229, 265. Рис. 40.
[18] Там же. С. 229, 265. Рис. 39.
[19] Там же. С. 229, 253, 266. Рис. 16, 41.
[20] Там же. С. 255. Рис. 19.

верхних прилепов ручек. Хронология этого типа сосудов, как мы уже писали, пока ограничивается второй четвертью II в. до н.э.[21] Такая дата, в некоторой степени, подтверждается и наличием узкогорлой лепной курильницы подтипа IIIБ[22]. Аналогичная курильница происходит из погребения № 5 (раскоп III 1982 г.) некрополя городища № 3 хут. Ленина, которое датируется по родосской амфоре александрийского варианта и канфару, покрытому тусклым черным лаком, началом второй половины II в. до н.э.[23]

12. Амфора из *погребения № 38 (2009) могильника № 3 у хут. Ленина* (табл. 4 -*12*). Морфологически она близка предыдущему сосуду, на переходе от горла к плечам – два слабовыраженных желобка. Совместно найдена сероглиняная миска, которая не может служить хронологическим индикатором[24]. Дату погребения и амфоры, скорее всего, следует ограничить в пределах второй половины II в. до н.э.

13. Амфора из *погребения № 291в могильника Старокорсунского городища № 2*. Размерные и морфологические характеристики практически повторяют амфору № 15. В нижней части горла – два желобка и две волнистые линии между ними (табл. 4 -*13*). Из прочего инвентаря погребения знаковыми являются двуручный сероглиняный канфар на высоком поддоне, как в погребениях 250з и 355з с «мегарскими» чашами и родосской амфорой 126 г. до н.э.[25] Здесь же найдена крышка от сероглиняного подвесного светильника (как и в погребении № 30 (2008) с хут. Ленина), типичного для последней четверти II в. до н.э.

Любопытно, что орнаментация в виде прочерченных волнистых линий характерна и для иных категорий керамики. Подобный орнамент нередко встречается на импортных красноглиняных кувшинах и кружках с горизонтальной ручкой из сарматских погребений степного Прикубанья[26]. Таким же образом орнаментированы красноглиняные сосуды из могильника городища № 3 хут. Ленина: горшок (раскоп II, погребение 2 1982 г.), найденный с родосским клеймом около 119 г. до н.э., и миска (раскоп VI, погребение 7 1983 г.) из комплекса с родосской амфорой 138/137 гг. до н.э.[27] Все это позволяет датировать амфору из погребения № 291в началом последней четверти II в. до н.э.

14. Амфора из *погребения № 67 (2010) могильника № 3 у хут. Ленина* (табл. 5 -*14*). В ограбленном в древности погребении со-

---

[21] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 229, 237. Рис. 23, *4*; 40, *5*; 50, *12*; 51, *4*. (Погр. № 205з, 278з, 499з, Л-3, Л-8, Л-9).

[22] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // МИАК. 2006. Вып. 6. С. 139, 140. Рис. 5 –*4*.

[23] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 226, 227. Рис. 49. На странице 269 погребение ошибочно датировано первой четвертью II в. до н.э.

[24] Комплекс не опубликован.

[25] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 227, 238. Рис. 36, *4, 5*.

[26] *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. Рис. 24–*13, 14*. *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Раскопки курганной группы «Пластуновская-52» // МИАК. 2007. Вып. 7. С. 30, 36. Рис. 26.

[27] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология… С. 227, 228. Рис. 44, 48.

хранилась только верхняя часть сосуда. Другой инвентарь представлен сероглиняной и красноглиняными мисками, характерными для всего II в. до н.э., и сероглиняным сосудиком, тип которого имеет очень широкую хронологию[28]. С учетом морфологии амфоры, комплекс предположительно можно датировать второй половиной II в. до н.э.

15. Амфора из *погребения 11 (раскоп II 1983) могильника № 3 у хут. Ленина*. У амфоры – небольшой валикообразный венец и несколько желобков на переходе от горла к плечу (табл. 5 -*15*). Интерес представляет сероглиняный двуручный канфар на низком кольцевом поддоне, распространение которых приходится на последнюю четверть II в. до н.э.[29] Подтверждает датировку сероглиняная курильница на трех зооморфных ножках редкого типа III. Такие курильницы известны всего в двух комплексах, и в обоих встречены с одинаковыми канфарами[30].

16. Амфора из *погребения № 205з могильника Старокорсунского городища № 2*. Имеет уплощенный, чуть отогнутый наружу венец с двумя подрезками снизу (табл. 5 -*16*). По внешней стороне ручек слабовыраженный валик. С амфорой найден сероглиняный двуручный канфар на низком кольцевом поддоне того же типа, что и в предыдущем случае. Это дает основание отнести комплекс к последней четверти II в. до н.э.[31]

17. Амфора из *погребения 19 (раскоп I 1983) могильника № 3 у хут. Ленина*. По морфологии она ближе всего стоит к амфоре № 15 и также имеет несколько желобков в нижней части горла (табл. 5–*17*). С нею найден сероглиняный двуручный канфар на низком кольцевом поддоне и сероглиняная чашечка того же типа, что и в погребении № 44 (2009) этого же могильника. Комплекс датируется последней четвертью II в. до н.э.[32]

Вариант II–С. Базовым морфологическим признаком, позволяющим отделить этот вариант тары от предыдущего, является заметная грацильность профилировки этих амфор с плавным переходом от горла к плечу, явная уплощенность венца, иногда отогнутого наружу, едва выделенная ножка со слабо округленным основанием.

18. Амфора из *погребения № 499з могильника Старокорсунского городища № 2*. Сосуд имеет валикообразный венец с подрезкой снизу, в средней части тулова – желобок (табл. 6 -*18*). Погребение было ограблено в древности. Сохранился сероглиняный двуручный канфар на низком кольцевом поддоне, датирующийся последней четвертью II в. до н.э.[33]

---

[28] Комплекс не опубликован.

[29] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология... С. 229, 238, 269. Рис. 51, 24.

[30] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Типология и хронология курильниц... С. 137, 141. Рис. 6–*7, 8*; 9.

[31] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология... С. 257. Рис. 23. На этом рисунке ошибочно помещена амфора из комплекса СК–2 145в.

[32] Там же. С. 229, 238, 239, 269. Рис. 50.

[33] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология... С. 229, 238, 266. Рис. 40.

19. Амфора из *погребения № 158в могильника Старокорсунского городища № 2*. Судя по небольшим размерам, это фракционная амфора (табл. 6–*19*). В нижней части тулова – четыре слабовыраженных желобка, ножка едва выделена. Инвентарь погребения широко датируется II в. до н.э. Пожалуй, только бронзовое кованое зеркало с гравированным и пуансонным орнаментом и треугольной ручкой без фестонов может сузить датировку. Хронология орнаментированных зеркал этого типа по совместным находкам с родосскими амфорами может быть ограничена третьей четвертью II века, а такие же зеркала без орнамента характерны для комплексов последней четверти этого столетия. Кстати, в комплексах этого времени неоднократно встречаются и красноглиняные кружки с горизонтальными ручками[34]. Нужно заметить, что зеркало из рассматриваемого погребения использовалось длительное время, и даже было отремонтировано в древности. Учитывая позднюю морфологию амфоры, дату погребения можно ограничить последней четвертью II в. до н.э.

20. Амфора из *погребения № 228з*/236з *могильника Старокорсунского городища № 2*. Морфологически аналогична двум предыдущим сосудам (табл. 6 -*20*). Хронология прочего инвентаря укладывается в рамки II в. до н.э. Однако, учитывая датировку двух предыдущих погребений с амфорами этого варианта, комплекс, вероятно, должен датироваться второй половиной II в. до н.э.[35]

Тип III – *«хуторской»*. Сюда относятся два сосуда из некрополя городища № 3 хут. Ленина. Тулово пифоидное, плечи округленные, горло короткое воронковидное, заметно суженное в основании, но без подрезки или желобка, венчик уплощенный, слегка отогнут, ножка едва выделена, с плоским основанием.

21. Амфора из *погребения № 14 (раскоп V 1983) могильника № 3 у хут. Ленина* (табл. 7 -*21*)[36]. Она имеет слегка припухлое воронковидное горло, как у типа «танаис», и такое же пифоидное тулово. Этот комплекс предварительно был датирован второй половиной II в. до н.э. Именно в этот период были широко распространены сероглиняные чашечки с отогнутым краем[37]. Однако все-таки есть возможность для более узкой хронологической привязки, так как аналогичные чашечки были встречены в погребениях № 19 (раскоп I 1983)[38] и № 44 (2009) того же могильника вместе с канфарами на кольцевом поддоне последней четверти II в. до н.э.

22. Амфора из *погребения № 5 (2007) могильника № 3 у хут. Ленина* (табл. 7 -*22*)[39]. Сосуд фрагментирован, отсутствует нижняя часть тулова, но в целом он повторяет морфологию амфоры № 21. Погребе-

---

[34] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология... С. 229, 253, 260, 267, 268. Рис. 16, 27, 44, 48.

[35] Там же. С. 229, 257. Рис. 41.

[36] Там же. С. 269. Рис. 52.

[37] Там же. С. 229, 239, 269.

[38] Там же. С. 238. Рис. 50.

[39] Комплекс не опубликован.

ние ограблено в древности, других вещей нет, хронологические привязки отсутствуют.

В целом третий тип амфор пока может быть широко датирован в пределах второй половины II в. до н.э.

Таким образом, на сегодняшний день можно достаточно уверенно считать, что с конца III и на протяжении всего II в. до н.э. некий неизвестный нам центр (центры?) амфорного производства достаточно активно поставлял местному населению свое вино в керамической таре. Характер глины очень хорошего качества с примесью мелкой слюды свидетельствует о глубоких традициях керамического производства. Концентрация практически всех находок на территории расселения меотских племен и то обстоятельство, что по всем данным именно на Боспоре в эпоху эллинизма активно развивается товарное виноделие, позволяют в осторожной форме предположить, что местом производства этих амфор был один из центров Боспорского царства, возможно Горгиппия. Косвенным подтверждением этому может быть то, что в составе инвентаря меотских погребений II в. до н.э. встречается довольно много красноглиняной керамики разных форм (кувшины, миски, кружки с горизонтальной ручкой и др.), которые по цвету глины, примесям, способам обработки поверхности (лощение, ангоб) повторяют технологию изготовления рассматриваемых амфор. Маловероятно, чтобы такая посуда поступала из Средиземноморья, тем более, что красноглиняную керамику в изобилии производили ближайшие боспорские города и меоты покупали ее, чтобы внести разнообразие в свои серые сервизы. Особенно трудно представить, чтобы в средиземноморских мастерских изготовляли кружки с горизонтальными ручками по типичной сарматской моде. Учитывая достаточно выраженное разнообразие морфологических признаков всей серии «прикубанских» амфор, нельзя исключить, что они производились не в одном, а в нескольких центрах Боспора одновременно.

Наши попытки найти среди огромных коллекций эллинистических амфор из Средиземноморья аналогии рассмотренным образцам, дали весьма скудные результаты. По сути, единственной такой аналогией, причем не прямой, является амфора из так называемой «могилы амфор» некрополя **Арпи** в южной Италии, где, помимо интересующей нас в данном случае амфоры (табл. 8 -*23*), обнаружено 5 амфор типа Коринф А′, 4 амфоры бриндизийского производства (табл. *23a, 23b*) и одна греко-италийская амфора[40].

Амфора из Арпи отличается от Прикубанской серии большими размерами, судя по чертежу, ее высота около 75 см, диаметр тулова – около 43 см, диаметр венца – 12 см. Тулово яйцевидной формы, ножка кубаревидной профилировки, как у косской тары эллинистического

[40] *Volpe G.* Contenitori da Trasporto // Arpi. L'ipogeo della Medusa e la necropoli. Bari, 1995. P. 222, 231–237. Fig. 146, 147. Последовательно коринфские – No. 222–226, бриндизийские – No. 218–221. Автор публикации предположительно отнес интересующую нас амфору «прикубанской» серии к продукции Коса (P. 222. Fig. 147).

времени, ярко выраженное припухлое горло при валикообразном венце (табл.8 -*23*). Аналогии этому сосуду в публикации не приводятся.

Определение узкой хронологии этой амфоры, как и всего комплекса тары из «могилы амфор», представляется весьма важным. Пожалуй, единственным основанием для этого является найденная там же партия амфор типа Коринф А′ (которые, кстати говоря, могут быть как коринфского, так и керкирского производства). Автор публикации Дж. Волпе почему-то предполагает, что весь комплекс должен датироваться второй половиной II в. до н.э.[41], хотя все существующие на сегодняшний день хронологические разработки по амфорам типа Коринф А′ дают однозначный вывод – самые поздние серии датируются в пределах середины-второй половины III в. до н.э.[42] В связи с этим целесообразно ограничиться этой датировкой и для интересующей нас амфоры типа «арпи-танаис».

У нас нет оснований включать амфору из Арпи в общую типологию «прикубанской» серии, поскольку мы не имеем описания глины, да и морфологические характеристики ее явно выделяются. Тем не менее, можно в осторожной форме предположить, что такой тип амфор мог зародиться в одном из средиземноморских центров и уже оттуда был воспринят и тиражировался в видоизмененной форме в Причерноморье. Нужно надеяться, что новые находки дадут более ясное понимание для этого сюжета. Ведь не секрет, что наши представления о масштабах и характере торговых контактов в античную эпоху частенько явно примитивизируются. Удивление вызывает находка пунийской амфоры в Причерноморье[43], а с другой стороны – синопской клейменой амфоры на крайнем западе Средиземноморья – у Балеарских островов[44].

Метрические характеристики амфор «прикубанской» серии

В первом столбце указываются паспортные данные амфоры, прежде всего место хранения и происхождение. Далее приводится минимальный набор линейных размеров: H – высота, H_o — глубина сосуда, H_1 — высота верхней части, H_3 — высота горла, D — наибольший диаметр тулова, d — диаметр устья. В завершающем столбце дается отсылка к чертежу данного сосуда (номер таблицы и позиция).

---

[41] *Volpe G.* Contenitori da Trasporto... P. 233.

[42] *Koehler C.G.* Evidence Around the Mediterranean for Corinthian Export of Wine and Oil // The Proceedings of the Ninth Conference on Underwater Archaeology. Texas, 1978; *idem.* Corinthian Developments in the Study of Trade in the Fifth Century // Hesperia. 1981. Vol. 50. No. 4. P. 449–458; *idem.* Amphoras on Amphoras // Hesperia. 1982. Vol. 51. No. 3. P. 284–292; *Келер К.* Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 271. Табл. 2-*с*; *Juliis E.M. de,* La tomba del vaso dei Niobidi di Arpi. Bari, 1992. P. 87. No. 161. Fig. 389–390.

[43] *Marcenko K., Zitnikov V., Kopylov V.* Die Siedlung Elizavetovka am Don. Moskau, 2000. C. 162. Рис. 55 -*1.*

[44] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры… комплексы … С. 372 сл.

Сокращения: РОМК – Ростовский областной музей краеведения; КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник; СК–2 – могильник Старокорсунского городища № 2; Л–3 – могильник городища № 3 хут. им. Ленина.

Местонахождение, публикация	**H**	**H_o**	**H_1**	**H_3**	**D**	**d**	**Табл.**
Тип I «танаисский»							
1. РОМК ИКП 11137 // Археологические памятники Нижнего Дона. Материалы и исследования. Вып. 237 (1966) Танаис	561	527	225	105	294	79	1-*1*
Тип II «старокорсунский»							
Вариант III-А							
2. КГИАМЗ // КМ 11474/1 // п. ц 417 СК–2	610	588	285	115	048	74	2-*2*
3. КГИАМЗ // КМ 10225/167. п. ц 258 СК–2	562	541	245	105	002	80	2-*3*
4. КГИАМЗ // ПМ № 7421 // слх нахх 1987 гх СК–2	610	596	286	127	045	95	2-*4*
5х КГИАМЗ // КМ 12294/08 // пх 10 (2007) Л–3	555	504	265	100	296	80	2-*5*
6х КГИАМЗ // КМ 12487/21 // пх 00 (2008) Л–3	580	550	024	106	001	82	3-*6*
7х КГИАМЗ // КМ 11510 /3 // пх ц 498 СК–2	-	-	280	110	000	68	3-*7*
8х КГИАМЗ // КМ 11421/106х пх 475 СК–2	562	508	260	105	004	90	3-*8*
9х КГИАМЗ // КМ 12097/6 // пх ц 602 СК–2	~620	~600	~280	~100	004	80	3-*9*
10х КГИАМЗ // КМ 10049/272х пх 145в СК–2	547	522	244	110	288	84	3-*10*
Вариант III-В							
11х КГИАМЗ // КМ 10049/492х пх 188в СК–2	574	550	270	125	294	102	4-*11*
12х КГИАМЗ // КМ 12666 /12 // пх 08 (2009) Л–2	604	615	079	120	028	86	4-*12*
1ух КГИАМЗ // КМ 12665/11ух пх 291в СК–2	508	616	044	140	002	80	4-*13*
14х КГИАМЗ (пока не ц) // пх 67 (2010) Л–3	-	-	-	120	~280	95	5-*14*
15х КГИАМЗ // КМ 6850/ 168х пх 11 (рх II 198) Л–3	547	510	205	105	290	80	5-*15*

16х КГИАМЗи КМ 10046/89 пх205з СК–2	548	525	225	105	28у	64	5-*16*
17х КГИАМЗи КМ 6850/105х пх19 (I 198у) Л–у	585	55у	уу0	120	у20	86	5-*17*
Вариан2 III-С							
18х КГИАМЗи КМ 11510/4 пх499з СК–2	628	595	275	128	у00	82	6-*18*
19х КГИАМЗи КМ 10049/уу6х пх158в СК–2	540	489	22у	105	260	80	6-*19*
20х КГИАМЗи КМ 10450/60 пх228/2у6з СК–2	580	562	256	98	280	75	6-*20*
Тип III «ху2орской»**я**							
21х КГИАМЗи КМ 6850/ 499х пх14 (рх V 198у) Л–у	5у8	519	28у	115	у15	90	7-*21*
22х КГИАМЗи КМ 12294/9и пх5 (2007) Л–у	-	-	260	118	уу4	94	7-*22*

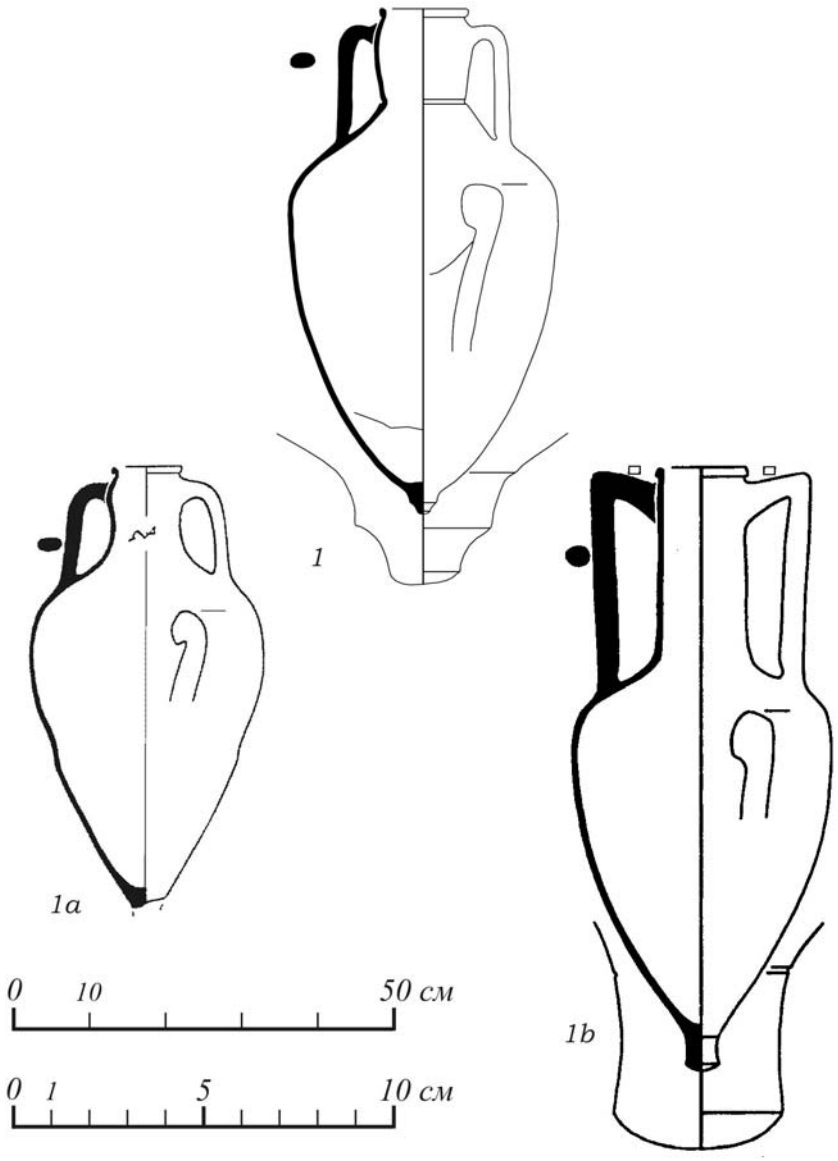


Табл. 1. Амфоры из погребения 237 некрополя Танаиса:
1 - типа I “танаис” (№ 1); *1a* - синопская; *1b* - родосская

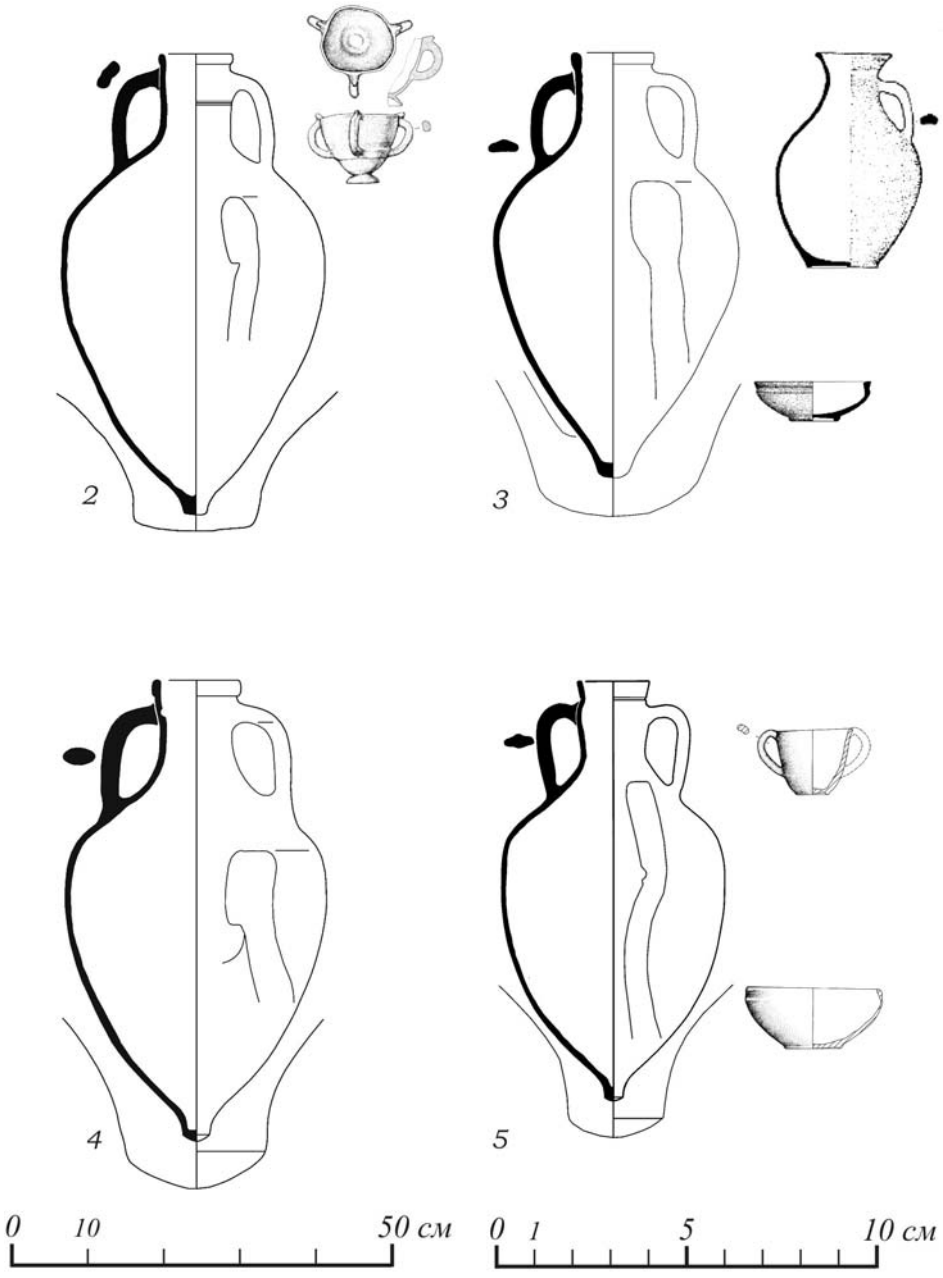


Табл. 2. Амфоры “старокорсунского” типа II
(вариант IIA - № 2-5)

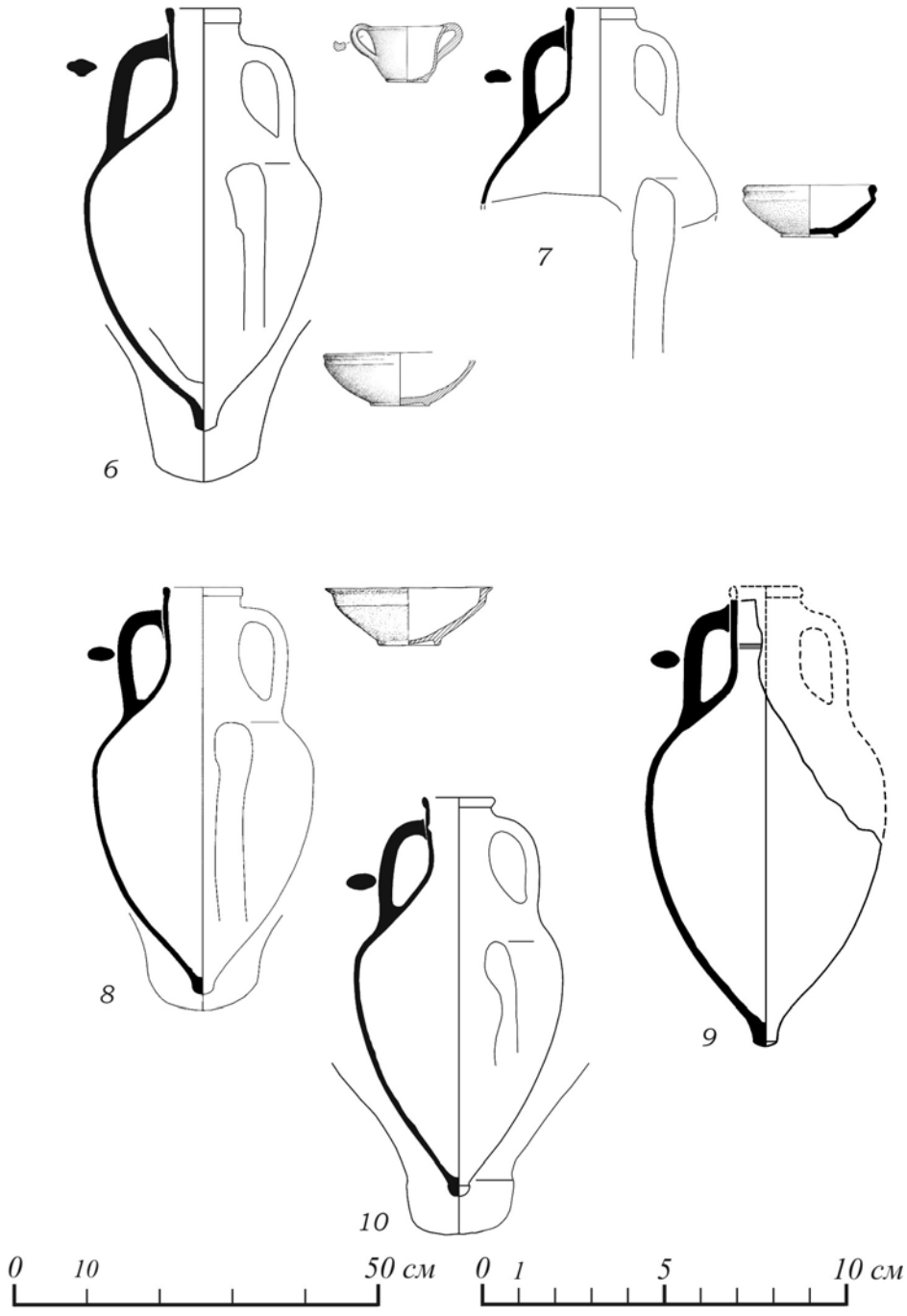


Табл. 3. Амфоры “старокорсунского” типа II
(вариант IIA - № 6-10)

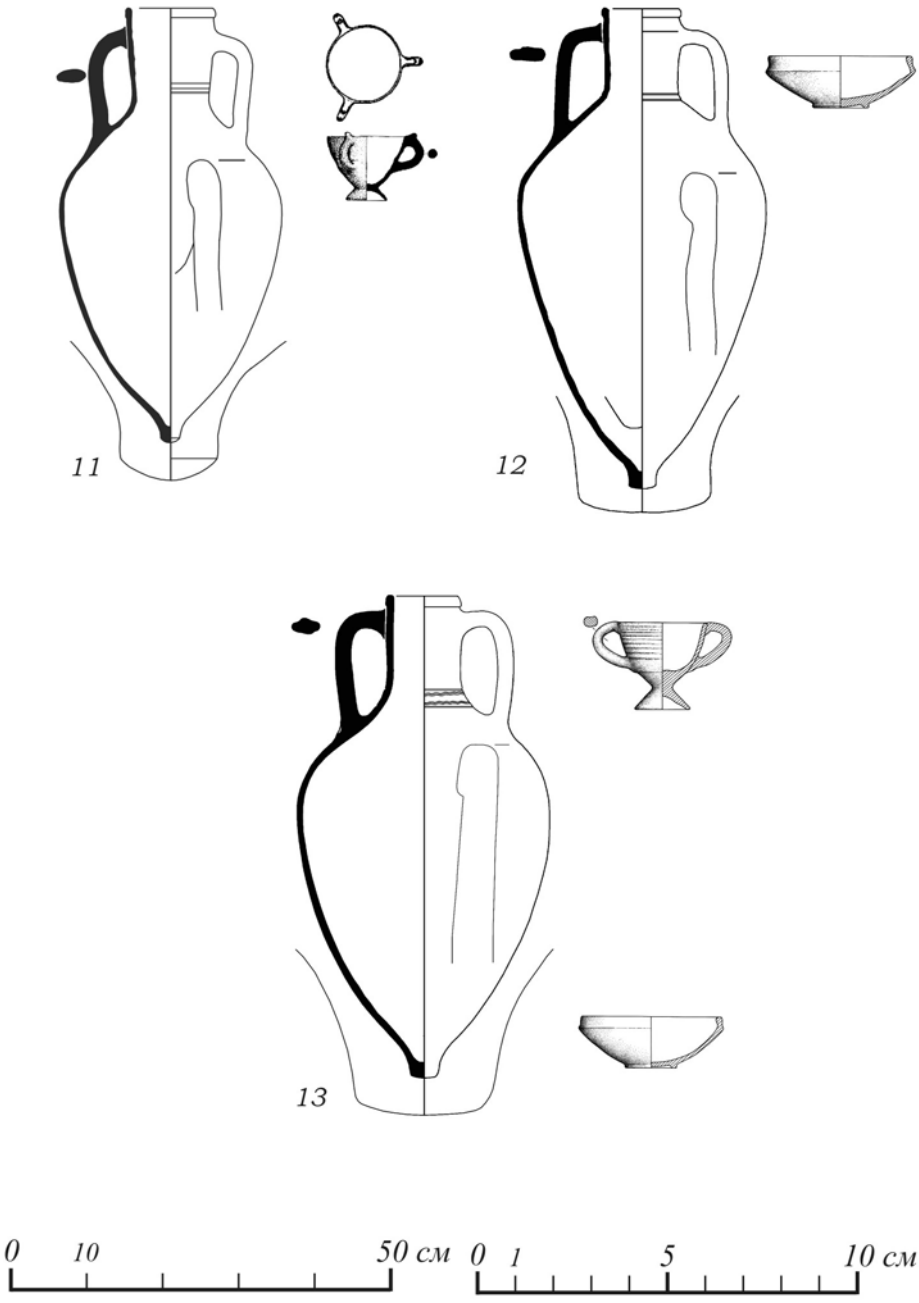


Табл. 4. Амфоры “старокорсунского” типа II
(вариант IIВ - № 11-13)

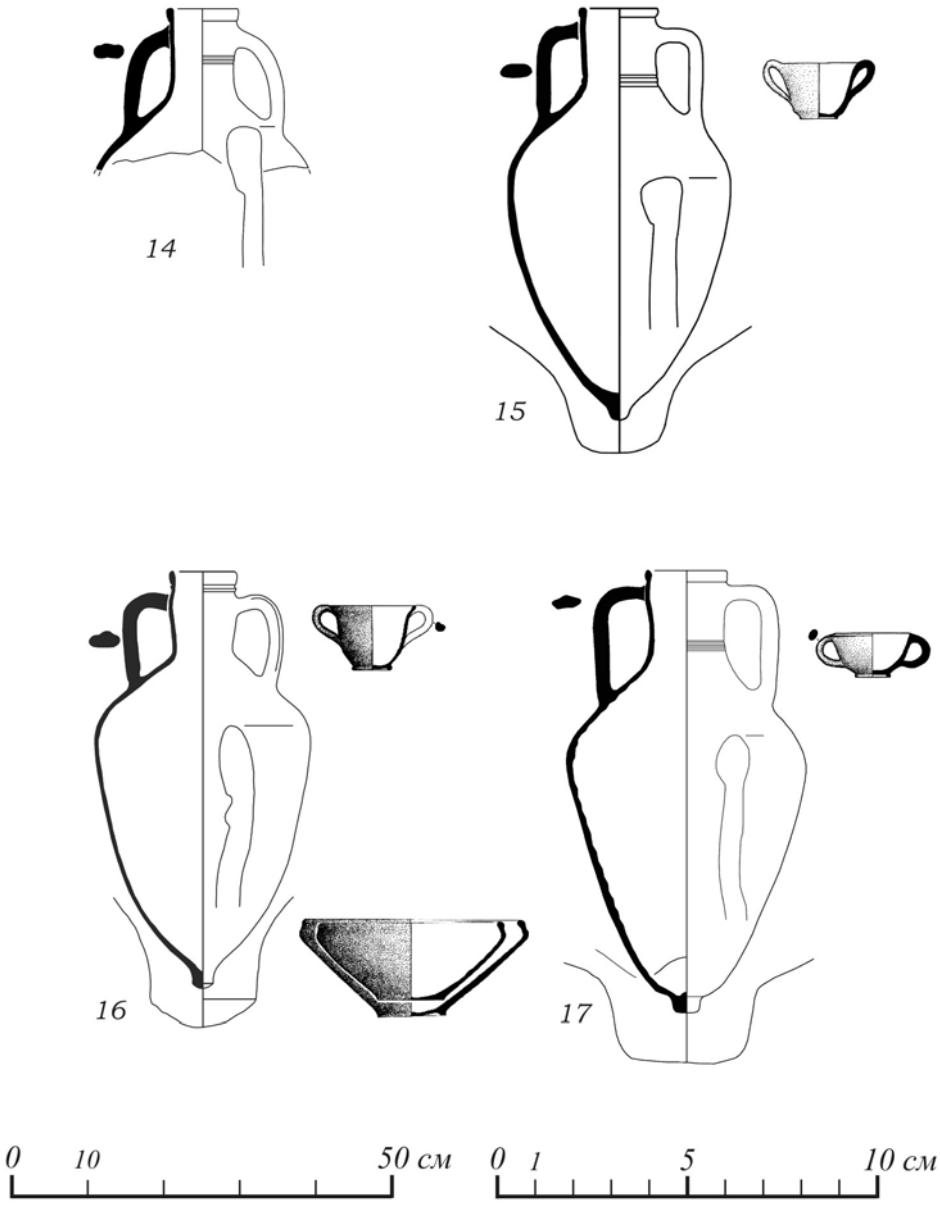


Табл. 5. Амфоры "старокорсунского" типа II
(вариант IIВ - № 14-17)

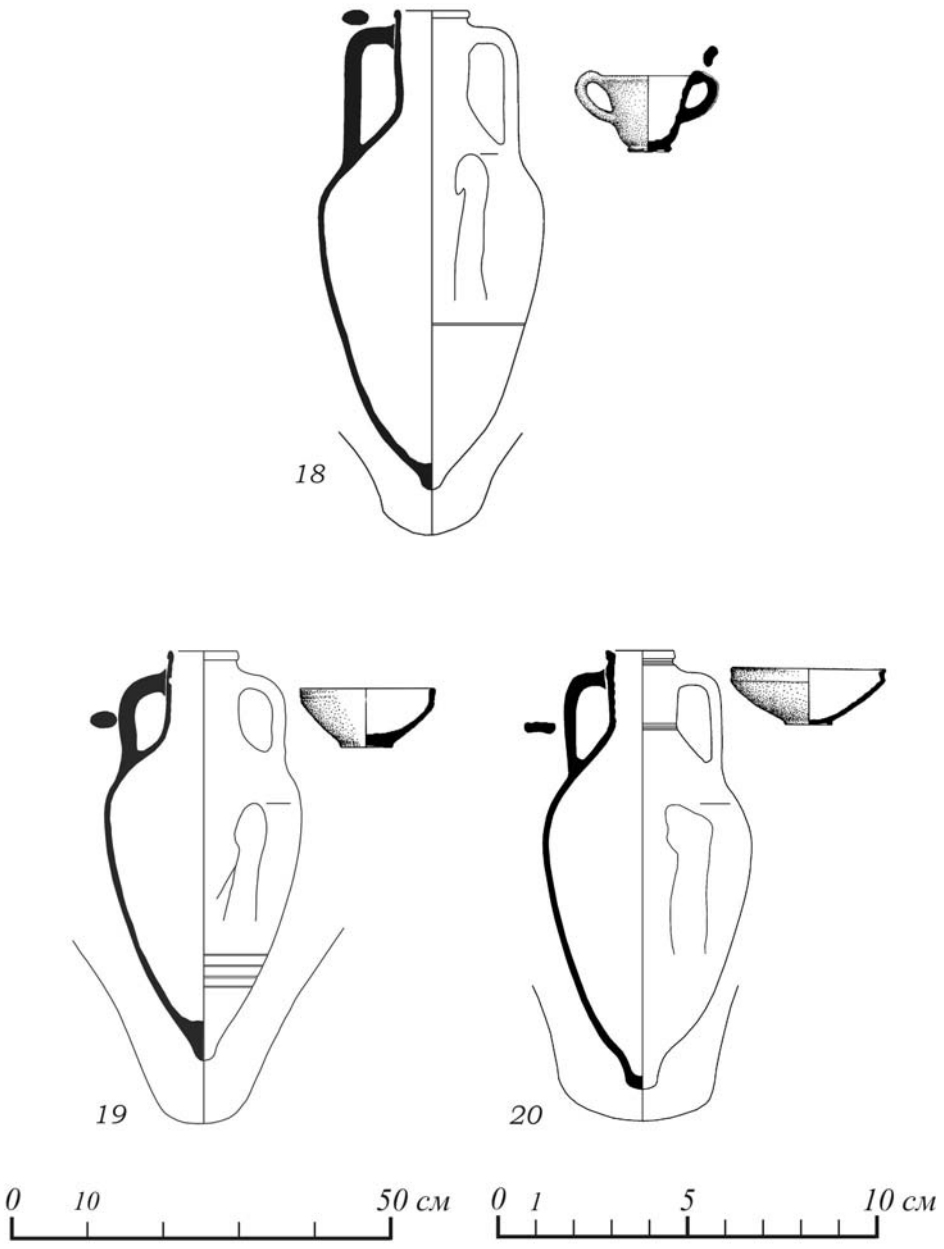


Табл. 6. Амфоры "старокорсунского" типа II
(вариант IIC - № 18-20)

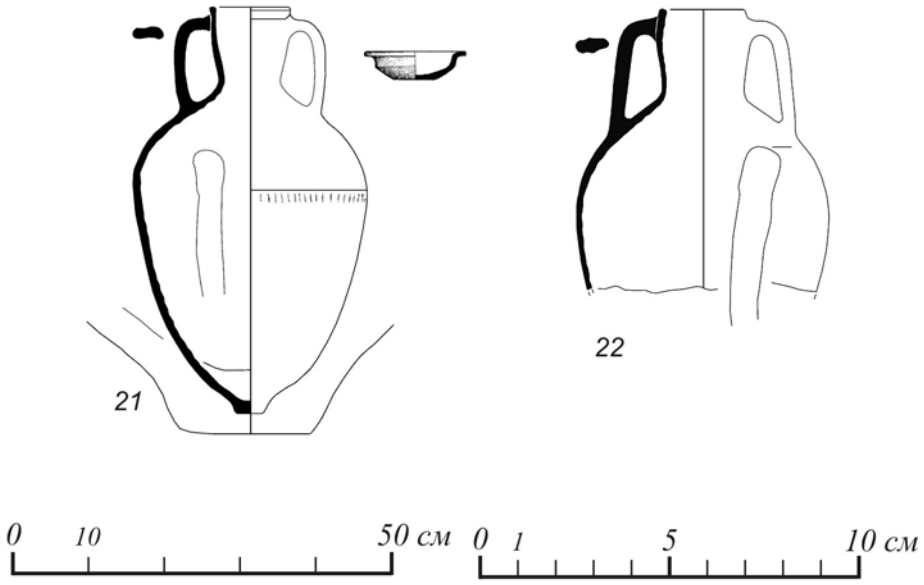


Табл. 7. Амфоры “хуторского”типа III (№ 21-22)

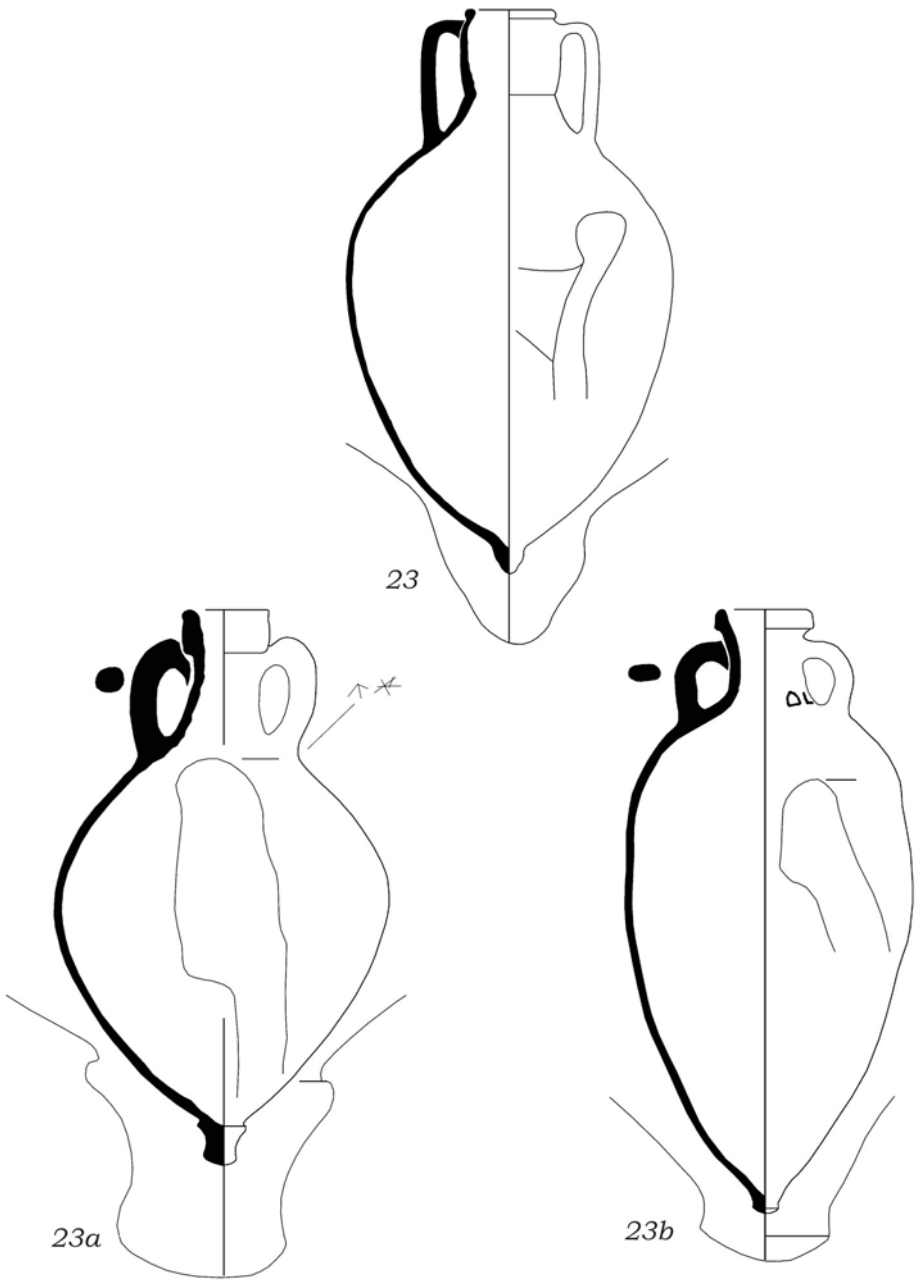


Табл. 8. Амфоры из некрополя Арпи:
23a - коринфская; 23b - брундизийская амфоры

Н.В. Ефремов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(к проблеме локализации коричневоглиняных амфор)

1. «Колхидские» амфоры и клейма на них[1]

Прежде чем обратиться к означенной теме, следует сказать несколько слов о том, что мотивировало меня вновь заняться ей. В вышедшей в 1994 г. в Германии статье о клеймах с именем Мирсилеи[2], я впервые коснулся этой группы материала, которая, как мне известно, более специально не рассматривалась. Проведя анализ ономастических, грамматических и палеографических особенностей, я пришёл к выводу, что место их производства не связано с Колхидой, куда обычно относят т.н. «*амфоры коричневой глины*», субгруппу среди которых образуют и клейма Мирсилеи[3]. Предположительно я локализовал их в одном из южно-причерноморских центров из круга Гераклеи Понтийской, что показалось ряду коллег «*малоубедительным*»[4]. Высказанная мною гипотеза не была нова. Уже начиная с 50-х годов мысль о южнопонтийском происхождении коричневоглиняных амфор высказывалась подспудно без дальнейшего обоснования в ряде работ советских исследователей, прежде всего у И.Б. Зеест, которая первой выделила их в отдельную группу[5].

Локализацию в Колхиде предложил Б.А. Куфтин[6]. Причина, побудившая его к этому, была количественного порядка, ибо по накопленным к тому времени данным, эта категория амфор наиболее часто встречалась на территории современной Грузии[7]. В последующий за

---

[1] Хочу поблагодарить С.Ю. Внукова (Москва), В.И. Каца, С.Ю. Монахова (Саратов) и Н.Ф. Федосеева (Керчь) за возможность ознакомиться с их печатными работами и за разного рода мотивацию. Именно В.И. Кац вольно или невольно привёл меня к мысли снова заняться этой группой материала. *Tibi multam gratiam ago*!

[2] *Jefremow N.* Die Amphorenstempel des Myrsilos // Klio. 1994. Bd. 76. S. 263–270 с комментариями; *Empereur J.-Y., Garlan Y.* Bulletin archéologique. Amphores et timbres amphoriques (1992–1996) // REG. 1997. T. 110. No. 1. P. 187. No. 122.

[3] Именно Мирсилея (Nominativus), а не Мирсила, как это имя читалось в ряде работ: *Шелов Д.Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1976. С. 152; *Jefremow N.* Die Amphorenstempel des Myrsilos. Вместе с тем Е.М. Штаерман привела форму номинатива Μυρσίλης, что невозможно по правилам грамматики, о чём будет сказано ниже.

[4] *Empereur J.-Y., Garlan Y.* Op. cit. P. 187. No. 122. „*L'argumentation est peu convaincante*".

[5] *Зеест И.Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2. С. 114 сл. Рис. 7; *она же.* Керамическая тара Боспора. МИА. 1960. Вып. 83. С. 108, 126. Табл. XXVI–59, 60.

[6] *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. I. С. 5–18; Тбилиси, 1950. Т. II. С. 84.

[7] *Лордкипанидзе О.Д.* Античный мир и древняя Колхида в VI–II в. до н.э. Тбилиси, 1966. С. 137–140, 173. Табл. XXXIV. Эта, написанная на грузинском языке книга, цитируется в многочисленных статьях Г.Р. Цецхладзе, перечис-

этим период времени исследователи уже целенаправленно искали сохранившиеся следы локального амфорного производства. Эти усилия «*увенчались успехом*», после обнаружения керамических печей в окрестностях Сухуми[8]. С этого времени факт собственного амфорного производства в Колхиде стал неоспорим.

Важной вехой в изучении коричневоглиняных амфор явилась статья Б.Ю. Михлина[9]. Опираясь прежде всего на материалы из раскопок в Северо-Западном Крыму, он выделил две группы, объединяющие три типа сосудов, которые обозначил как «*ранняя*» и «*поздняя*». Им правильно была отмечена условность объединения типов I–III в одну группу, ибо само название этой категории материала, опирающееся на характеристику цвета глины неверно, т.к. цвет зависит от термической обработки сосуда. Так, например, среди «*коричневоглиняных*» амфор встречаются оттенки красного и оранжевого цветов. Кроме того также технологические приёмы, такие как примесь пироксена или наличие «*завитка*» на внутренней поверхности донышка известны и в других центрах. Все три типа выделенных им амфор бытовали одновременно во II–I до н.э. – I–II вв. н.э. и встречаются по всему Северному Причерноморью[10]. Поэтому, по его мнению, они выпускались тремя различными центрами. Сравнение с известными к тому времени материалами раскопок позволило ему отнести тип III к Колхиде, в то время как типы I–II были предположительно локализованы в Южном Причерноморье (Амис, Амастрий, очевидно, Гераклея)[11]. Само появление амфор типа II в Северо-Западном Крыму, по его мнению, могло стать следствием походов Диофанта против скифов и включения последних в состав Понтийского царства[12].

лять которые здесь не имеет смысла, ибо во всех них автор оперирует одним и тем же материалом и даже приводит те же иллюстрации. См. далее: *Хоштария Н.В.* Археологическое исследование Уреки // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1955. Т. I. С. 61; *Лордкипанидзе О.Д.* Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 235; *Путуридзе Р.В.* Колхидские амфоры эллинистического и позднеэллинистического времени // Тезисы докладов, посвящ. итогам полевых археолог. исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 197; *он же.* Колхидские амфоры из Вани // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 68–71; *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. С. 50. № 85; *он же.* Об Эшерском городище // СА. 1972. № 1. С. 108, 110. Рис. 4; *он же.* Гиенос // СА. 1976. № 4. С. 47 сл. Рис. 2–3. С. 50.

[8] *Воронов Ю.Н.* К изучению керамического производства Диоскуриады // СА. 1977. № 2. С. 162–171.

[9] *Михлин Б.Ю.* Амфоры «коричневой глины» из Северо-Западного Крыма // СА. 1974. Вып. 2. С. 60.

[10] Там же. С. 60 с прим. 3, 64.

[11] Там же. С. 60, 62, 65 сл. Третья группа амфор Б.Ю. Михлина была отнесена к Колхиде уже О.Д. Лордкипанидзе, а затем А.Ю. Кахидзе, работы которых упоминают: *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Колхидские амфоры эллинистического периода в Херсонесе // ВДИ. 1991. № 2. С. 62. Прим. 12.

[12] *Дашевская О.Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961–1962 гг. // КСОГАМ. 1964. С. 52–54; *Михлин Б.Ю.* Амфоры... С. 66.

Попытка локализации конкретного южнопонтийского центра производства этих амфор была предпринята Ю.Г. Виноградовым и Н.А. Онайко[13]. Исходя из данных письменных источников и общих соображений, они предложили в качестве вероятного кандидата Гераклею Понтийскую. Однако не всё из высказанных соображений представляется убедительным. Граффито, которое было прочитано: *Vini. Her*(*acliensis*?) | *emi Simo* |[*υ*]*inar*[*ia*] допускает в первой строке иную расшифровку с *genetivus generis*[14], где атрибут указывает на вкусовые свойства, а не на происхождение продукта, например: *Vin*(*i*). *her*(*bosi*) – «*терпкого вина*». Примечательно, что как раз гераклейское вино Феофраст называет «*терпким*» (σκληρός) (*Theophr.* apud Athen. I.58(32b))[15], что, разумеется, не исключает те же качества для вина из какого-либо иного центра. Вместе с тем подобный эпитет характеристики свойств вина (скорее «*травянистый*», т.е. настойка на травах) пока не засвидетельствован.

Особый интерес представляет датировка коричневоглиняных амфор. Если верить принятым в настоящее время хронологическим определениям, то они поступали на рынок практически без перерыва примерно с середины или даже первой половины IV в. до н.э. вплоть до средневековья[16]. Случай такого континуитета хотя и не уникален, но поразителен. Поэтому само-собой напрашивается желание видеть не одного, а нескольких разновременных производителей. Вместе с тем не вдаваясь в разъяснения «*феномена*» коричневоглиняных ам-

---

[13] *Виноградов Ю.Г.* Дипинто из раскопок поселения в Широкой Балке близ Новороссийска // Новое в археологии. М., 1972. С. 92; *Онайко Н.А.* Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н.э. – IV в. н.э.) // Там же. С. 85; *Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А.* Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1. С. 88. Ср.: *Михлин Б.Ю.* Амфоры... С. 66 сл. *Воронов Ю.Н.* Об Эшерском... С. 110 отмечал, что "*выделяются несколько, видимо, привозных, образцов, отличающихся более тщательной фактурой и большим числом пироксеновых частиц*".

[14] См., напр.: *Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка. М., 1938. С. 154 сл.

[15] Ср. современное нем.: «*herb*» для сорта пива.

[16] *Зеест И.Б.* Керамическая тара... С. 121. № 103; *Воронов Ю.Н.* Археологическая... Табл. XXIX. 22, 24; *Путуридзе Р.В.* Колхидские... С. 69; *Леквинадзе В.А.* Богатое погребение конца IV в. из Уреки (Грузия) // СА. 1975. С. 194 сл. Рис. 1а; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999. С. 382, 483, 495 сл., 509 сл., 515, 550 сл., 559, 564 (далее *Монахов С.Ю.* Комплексы...); *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Колхидские... С. 62 датируют начало производства амфор в Колхиде второй половиной IV в. до н.э., приводя при этом в качестве доказательства лишь абстрактную фразу: "*как показывают раскопки городов Восточного Причерноморья*". Как раз в этом месте хотелось бы увидеть немного более конкретную аргументацию. См. далее: *Цецхладзе Г.Р.* Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 92, 109; *Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Y.* Colchian Amphorae: Typology, Chronology, and Aspects of Production // BSA. 1992. Vol. 87. P. 357–386; *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003. С. 160, 164, 192, 194.

фор, их просто относят к продукции одного региона – Колхиды. Как раз грузинские исследователи просто «*одержимы*» такой идеей. Этот факт стал практически аксиомой в которую поверило и подавляющее большинство учёных соприкасающихся с данной тематикой[17]. Отдельные голоса против такой интерпретации, или за её ограничение либо просто замалчиваются, либо отвергаются без должной критики. Из числа современных апологетов в пользу локализации «*коричневоглиняных амфор*» в Колхиде следует назвать Г.Р. Цецхладзе[18]. Единственной попыткой усомниться в самом факте существования «*колхидских*» амфор является работа В.И. Каца, которая уже своим названием определяет направление дискуссии, которая, к сожалению, так и не состоялась[19].

Итак, обратимся к самим амфорам. Выше был отмечен немаловажный факт их распространения по всему Северному Причерноморью[20]. Кроме того, они однозначно засвидетельствованы в его запад-

---

[17] *Воронов Ю.Н.* Об Эшерском.. С. 110; *Внуков С.Ю.* К вопросу о месте производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья // Греческие амфоры. Саратов. 1992. С. 68–89; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 114 сл. с прим. 23, но с оговорками на С. 161–162. Ср.: о*н же*. Комплексы... С. 530: «*вероятно, южнопонтийские по происхождению и так называемые «коричневоглиняные» амфоры*».

[18] В целом ряде публикаций он специально занимался этой темой или касался её, многократно переиздавая одни и те же материалы в различных изданиях и на разных языках. Ср.: *Tsetskhladze G.R.* Organization of Ceramic Production in Colchis during the Hellenistic Period // Eirene. 1990. Vol. XXVII. P. 93–100; *Цецхладзе Г.Р.* Производство амфорной тары... С. 90–110; *Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Y.* Colchian Amphorae... P. 357–386; *Tsetskhladze G.R.* The cult of Mithras in ancient Colchis // Revue de l'histoire des religions. 1992. T. 209. P. 115–124; *Tsetskhladze G.R.* Kolchis im System des antiken Handels (6. – 2. Jh. v.u.Z.) // MBAH. 1992. Bd. XI. Ht. 1. S. 80–107; *idem*. Griechen in der Kolchis: ökonomische Aspekte // MBAH. 1993. Bd. XII. Ht. 1. S. 56–74; *idem.* Archaeological investigations in Georgia in the last ten years and some problems of the ancient history of the eastern Black Sea Region // REA. 1994. T. 96. No. 3–4. P. 385–414; *Цецхладзе Г.Р., Внуков С.Ю., Созник В.В.* К происхождению коричневоглиняных амфор из Херсонеса // Археологія. 1991. № 1. С. 57–62; *Внуков С.Ю., Цецхладзе Г.Р.* Колхидские амфоры Северо-Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 170–185; *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Указ. соч. С. 61–67.; *Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Ju.* Les amphores Colchidiennes // Anatolia antiqua. 1993. T. II. P. 81–105.

[19] *Кац В.И.* Амфоры Колхиды: миф и реальность // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону. 2001. С. 51–53; *он же*. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Симферополь, 2007. С. 102, 108–110, 289–293; *Внуков С.Ю.* О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор // ПИФК. 2001. Т. X. С. 144–165.

[20] *Цецхладзе Г.Р.* Колхидские амфоры эллинистического периода в городах Северного Причерноморья // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим даным. Тез. докл. IV конф. молодых учёных ИА АН СССР. М., 1988. С. 72–74; *он же*. Восточное и Северное Причерноморье в VI–I вв. до

ной части[21]. За пределами Понта Евксинского клеймёные коричневоглиняные амфоры мне неизвестны, что не исключает вероятности их единичного обнаружения в одном из регионов Средиземноморья, как в случае с клеймами Синопы или Херсонеса[22]. Эти данные однозначно свидетельствуют о черноморском происхождении этой группы клеймёных сосудов. Среди амфор эллинистического/раннеримского времени следует различать по меньшей мере две группы, IV–III вв. до н.э., и I в. до н.э. – I в. н.э.[23] По мнению С.Ю. Внукова и Г.Р. Цецхладзе эти группы «*являются лишь разновидностями одного долго существующего типа*», который они отнесли к Колхиде (тип Кх I)[24]. В своей обобщающей монографии С.Ю. Внуков отмечает два типообразующих признака: 1. наличие перехвата тулова (Рис. 4,*8*); 2. наличие острого ребра на горле. Это позволило ему выделить три сменяющих друг друга морфологических варианта: КХ IA, КХ IB, КХ IC с дальнейшими подвариантами[25]. Время их бытования определяется соответственно: середина IV – конец III-начало II вв. до н.э.; конец III – начало II вв. до н.э.; со второй половины I в. н.э., причём амфоры различных разновидностей какое-то время сосуществовали[26]. Вероятно, во избежание недоразумений отмечается: «*Вместе с тем, не исключено, что в конце II–III вв. н.э. в результате расширения ареала производства коричневоглиняных амфор начинается выделение некоторых локальных морфологических разновидностей такой тары, которое продолжается и в период поздней античности*»[27]. Следом за «*каскадом*» публикаций Г.Р. Цецхладзе установилось мнение, что производство коричневоглиняных амфор осуществлялось в нескольких центрах Колхиды одновременно. При этом утверждается, что вначале собственное про-

---

н.э. (из истории торговых отношений) // Археологія. 1990. № 2; *он же*. Производство... С. 109.

[21] Об этом свидетельствуют хотя бы опубликованные клейма Мирсилеи. См.: *Saucius-Sareanu Th.* Callatis. I-er rapport préliminaire. Fouilles et recherches de l'année 1924 // Dacia. 1924. T. I. No. 427e; *Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh.* Amfore stampilate din Tomis // SCIV. 1968. T. 19. 1. P. 60. No. 86 (как книдское); *iidem.* Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia. 1969. T. XIII. P. 266. No. 1169; *Buzoianu L., Bärbulescu M.* Albeşti. Monografie arheologică. I. Constanţa, 2008. P. 138. Pl. LXI. A. 81. Pl. XXIX. S 616–619, 622,

[22] Напр.: *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos // BCH. 1952. T. 76. Pl. XXVI. No. 39–45; *Alabe F.* Les timbres amphoriques de Sinope trouvés en dehors du domaine pontique // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 375–389; *Jefremow N.* Einige vergessene Keramikstempel von Sinope aus dem Mittelmeerraum // Klio. 1989. Bd. 71.2. S. 550–554.

[23] *Зеест И.Б.* Новые данные... С. 114 сл. и Рис. 7; *она же*. Керамическая тара... С. 108. Табл. XXVI 60а-в, 126; *Воронов Ю.Н.* Об Эшерском... С. 110.

[24] *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 109 сл.; *Внуков С.Ю., Цецхладзе Г.Р.* Колхидские амфоры... С. 170; *Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Y.* Colchian Amphorae... P. 372; *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 74 сл.; *он же*. О выделениии... С. 144–165; *он же*. Причерноморские... С. 160, 164 сл., 166 сл.

[25] *Внуков С.Ю.* Причерноморские... С. 161–165.

[26] *Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Y.* Colchian Amphorae... P. 385 f.; *Внуков С.Ю.* Причерноморские... С. 173.

[27] *Внуков С.Ю.* Причерноморские... С. 160, 164.

изводство амфор началось в Колхиде в первой половине IV в. до н.э. «*as result of the migration of Sinopean potters*»[28], а в III в. «*even Dioscuria stamped its own amphorae with the abbreviation of the city's name in Greek*»[29]. Следовательно, сходство в технологии производства амфорной тары, а также частично в составе глиняного теста, объяснялись вероятностью переселения синопских гончаров в Колхиду и их участием в керамическом производстве на новом месте[30]. То, что в некоторых работах о подобных миграциях высказывалось в качестве гипотезы[31], в публикациях Г.Р. Цецхладзе – С.Ю. Внукова превратилось в установленный факт[32]. Получается, что в IV в. до н.э. синопские гончары просто «*разбегались*» в разные стороны. Однако сам факт подобных миграций нуждается в более надёжных доказательствах, чем схожесть технологии производства керамики. Возникает парадоксальная ситуация, когда гончары вдруг покидают родину, отправляясь «*за море*» и налаживают там керамическое производство. При этом возникает целый ряд вопросов о причинах, побудивших их на этот шаг, о приоритете с выбором мест поселения и, наконец, внезапным ростом спроса на квалифицированную рабочую силу с необходимым *know-how* в Колхиде. Как раз в последнем случае вызывает недоумение предположение, что производство амфорной тары зародилось в местной среде. Прежде всего, обоснован вопрос, почему синопские гончары, если их эмиграция была вынужденной, не отправились в полунезависимые владения Синопы, отдав предпочтение «*заморским*» центрам. И не были ли «*милетские*» поселения в Восточном Причерноморье продуктом колонизации из самой Синопы[33]? Нам практически ничего неизвестно об этом роде деятельности полиса, хотя возможность подобной активности оттуда куда более вероятна, чем раздутая из тенденциозно рассматриваемых археологических находок афинская колонизация. Если исходить из приведённых выше

---

[28] *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 91; *Tsetskhladze G.R., Vnukov S.Y.* Colchian Amphorae... P. 357–386; *Tsetskhladze G.R.* Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Population // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 1998. Bd. 121. P. 42 f.

[29] *Tsetskhladze G.R.* Greek Colonisation... P. 43; *idem.* Die kolchischen Stempel... S. 377.

[30] *Кахидзе А.Ю.* К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Тбилиси, 1965. С. 20; *Брашинский И.Б.* Синопа и Колхида // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник). Тбилиси, 1973. Вып. IV. С. 187 сл.; *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 84.

[31] *Лордкипанидзе О.Д.* К истории древней Колхиды. Тбилиси. 1970. С. 82 (цитируется у: *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 168 прим. 24). О Херсонесе см.: *Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989. С. 76; *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 106.

[32] *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 108; *Tsetskhladze G.* Kolchis im System... S. 106; *idem.* Pichvnari and Its Environs. P., 1999. P. 109ff.; *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 84. Ср. также: *Федосеев Н.Ф.* Датам и Синопа. Монеты и клейма // Acta musei Varnaensis. 2010. Т. VII–1. С. 21.

[33] Ср.: *Braund D.* Georgia in Antiquity. L., 1994. P. 84. Ср. примечания: *Polyb.* VI.56; *Брашинский И.Б.* Синопа и Колхида... С. 180, 182, 184.

высказываний о хронологии амфорного производства в Восточном Причерноморье, то, начавшись во внутренней Колхиде (!), куда для этого привлекли синопских гончаров, оно было затем с некоторым промедлением (около ста лет!) перенято греческой Диоскуриадой, которая поспешила засвидетельствовать своё участие периодическим наложением клейм с этноконом в сокращении. На основании такой «*локализации*» строились и строятся гипотезы о торговых связях[34]. С одной стороны утвердительно говорится о «*значительном подъёме керамического производства в Колхиде в IV–I вв. до н.э.*», но почти одновременно отмечается, что керамические мастерские этого времени там «*почти неизвестны*», а «*о высоком уровне этого ремесла можно судить на основании изучения местной керамики*»[35].

Самыми вескими аргументами сторонников «*колхидской теории*» являются факт обнаружения «*отбросов керамических мастерских*» с фрагментами названных амфор, а в последние десятилетия также данные петрографического анализа глины[36]. Наибольший интерес заслуживает обнаружение «*коричневоглиняных амфор*» III в. до н.э. на Эшерском городище, где они представлены керамическим браком, ошлакованными фрагментами, а кроме того находкой керамической печи и обломков амфоры, в частности с клеймом Διοσ|κου(ριαδέων) на ручке[37]. Такие аргументы, вроде бы, не оставляют места для сомнений о местном производстве этих сосудов. Однако достоин примечания тот факт, что находки клеймёных «*амфор Диоскуриады*» были сделаны на Эшерском городище и «*in the vicinity of Dioskurias*», а не в самой Диоскуриаде[38]. Остановимся для начала на известных на сегодня керамических печах. Они выявлены в посёлках Гвандра, Красный Маяк и Гульрипш; кроме того «*следы керамических производственных центров отмечены*» на Эшерском городище и Лечкопском плато»[39]. Однако сам их открыватель Ю.Н. Воронов сетовал, что во всех упомяну-

---

[34] *Брашинский И.Б.* Экономические связи Колхиды с Северо-Восточным Причерноморьем в V–IV вв. до н.э. // XI республиканская юбилейная научная сессия, посвящённая 50-летию создания СССР. Тезисы докладов. Тбилиси, 1972. С. 32–33; *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Указ. соч. С. 61–66.

[35] *Лордкипанидзе О.Д.* Колхида в IV–I вв. до н.э. // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 51.

[36] Они были проведены разными исследователями практически одновременно, а их результаты опубликованы в одном сборнике: *Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б.* Оптико-петрографическое исследование причерноморских клеймёных амфор IV–III вв. до н.э. // Греческие амфоры... С. 40, 43 сл.; *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 68–89.

[37] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 161–171; *Лордкипанидзе О.Д.* Колхида... С. 52; *Брашинский И.Б.* Синопа и Колхида... С. 186 восстанавливал: Διοσ|κου(ριαδέων).

[38] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 164; *Tsetskhladze G.R.* Organization.... P. 93 с no. 5. Интерпретация Эшерского городища не однозначна. Возможно, что оно относилось к числу внешних укреплений Диоскуриады. О них см.: *Воронов Ю.Н.* Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // СА. 1991. № 1. С. 226. Возможно, оно было ранним городищем Диоскуриады. См.: *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 143.

[39] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 162 (с дальнейшей литературой).

тых случаях не может привести материалы, раскрывающие конструкцию печей, так как *«в Гвандре, Лечкопе и Гульрипше прослежены лишь остатки примыкавших к ним производственных площадок с соответствующими отходами, в то время как плана раскопок красномаяцкой печи не сохранилось»*. В приведённых им *«исключительно выразительных»* материалах гвандрской печи, которая в настоящее время уже полностью уничтожена морем, речь идёт о заполнении углубления в глинистом слое фрагментами пифосов, амфор, столовой посуды, черепицы, керамического шлака из характерной местной глины[40]. Но наряду с «*характерной местной глиной*», имеющей в изломе мелкозернистую фактуру оранжево-коричневого цвета с лёгкой примесью редких пироксеновых включений и мелких блёсток слюды автор отмечает в глине некоторых изделий *«значительную примесь песка»*. Кроме того «*встречаются отдельные фрагменты из глины красного обжига, а также из оранжевой хорошо отмученной мажущейся глины*». Возникает закономерный вопрос: на каком основании все эти разновидности глин отнесены к местной продукции? Примечательно, что «*гвандрский тип амфоры*» из «*характерной глины*», который Ю.Н. Воронов закономерно сравнивает с синопскими образцами (за исключением выемки на подошве)[41] не нашёл отражения в других типах «*колхидских амфор*»[42]. Именно в этом «*комплексе*» впервые были зафиксированы керамические клейма ΔΙΟΣ|ΚΟΥ, в которых видят сокращённое название полиса ΔΙΟΣΚΟΥ[ΡΙΑΔΕΩΝ]. Из дешифровки клейма делается вывод о государственном (полисном) характере керамического производства Диоскуриады в это время[43]. Резюме же Ю.Н. Воронова звучит так: «*материалы Эшерского городища позволяют допустить существование местного производства античной керамики во всяком случае с III по I в. до н.э.*»[44] При этом сам «*комплекс*» в Гвандре расценивается по разному. Так, если Ю.Н. Воронов склонен был видеть в нём керамическую печь, то А.Н. Щеглов и Н.Б. Селиванова – лишь сброс отходов керамической мастерской, а С.Ю. Внуков – мусорную свалку[45].

Красномаяцкая печь (III–I вв. до н.): материал здесь был обнаружен «*в культурном слое, связанном с печью*» (?!)[46]. Часть амфор напоминает синопские образцы III в.[47], в то время как другие известны среди местных изделий III–II вв. на Эшерском городище[48]. Только с

---

[40] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 163 сл. Рис. 2; *он же.* Диоскуриада... С. 59.

[41] *Он же.* К изучению... С. 163 сл. Рис. 2б 2–2; 11–13.

[42] *Внуков С.Ю.* Причерноморские... С. 161. № 272–276.

[43] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 165 со ссылкой на *Цехмистренко В.И.* О характере керамического клеймения в античную эпоху // КСИА. 1972. Вып. 128. С. 16 сл.

[44] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 168.

[45] Там же. С. 163, 165; *Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б.* Указ. соч. С. 43; *Внуков С.Ю.* О выделении... С. 161.

[46] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 165 сл. Рис. 3.

[47] Там же. С. 165 сл. Рис. 3, 10, 12; *он же.* Об Эшерском... Рис. 4, 28, 39.

[48] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 165 сл. Рис. 3, 3, 7–8.

существенными натяжками можно признать комплекс Красного Маяка за остатки керамической печи[49].

Гульрипшская печь (II–I вв. до н.э): самим автором отмечена в качестве таковой под знаком вопроса. Обнаруженная зачисткой «*производственная площадка*» содержала фрагменты профильных частей амфор, пифосов, черепицы, столовой посуды[50]. Назначение этого археологического памятника неясно, а предположение о «*какой-то части производственных отходов, прошедших специальную обработку*» не убеждает, ибо порождает новые вопросы. Хочется подчеркнуть, что планомерных раскопок «*печей*» не проводилось, а кроме того имеющаяся документация не позволяет делать какие-либо далеко идущие выводы.

Второй важный аргумент в пользу локализации амфор в Колхиде – это данные петрографического анализа их глины. Подробнейшую характеристику всех достоинств и недостатков этого «*нового направления*» дал В.И. Кац[51]. В целом высоко оценивая достижения этой методики, он одновременно подчеркивает и сложности, возникающие на основании полученных результатов, отмечая, что и здесь нельзя полностью избежать ошибок. Так, анализ глиняного теста херсонесских амфор дал четыре разнородные группы, с аналогиями в Синопе и Гераклее[52]. Равным образом не бесспорны и выводы С.Ю. Внукова[53]. Из выделенных в его работе двух «*ядер*» беспорно колхидскими можно считать лишь образцы подгруппы Б, в то время как подгруппу А следует локализовать за пределами Колхиды. Сам Внуков отмечает, что эти амфоры встречаются только в Северном Причерноморье. Однако, это никак не пошатнуло его убеждённости в их колхидском происхождении, выраженного выводом, что все они шли на экспорт (!?). Наоборот образцы подгруппы $Б_2$ в подавляющем большинстве обнаружены в Колхиде и позволяет утверждать, что «*... продукция местных керамических мастерских в основном шла на внутренний рынок и экспортировалась в значительно меньших количествах*»[54]. Особенно пристального внимания заслуживает его гипотеза об организации керамического производства в Колхиде. «*Уникальность*» её заключается в том, что для каждой типологической группы в качестве «*лакмусовой бумажки*» для определения назначения сосудов взяты места их находок. Полученные результаты при этом следующие: а) подгруппа А – представлена находками в Северном Причерноморье и посему является продукцией греческих мастерских Колхиды «*на экспорт*»; б) подгруппа $Б_2$ – находки в основном в Колхиде, т.е. производство местных

---

[49] Находки на Лечкопском плато – «*небольшое скопление обожжённых кусков глины, керамического шлака, фрагментов амфор и черепицы*» (*Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 168) слишком невыразительны, чтобы рассматривать их как керамическую печь.

[50] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 166 сл. Рис. 4; *он же.* Диоскуриада... С. 63.

[51] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 105–109.

[52] *Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б.* Указ. соч. С. 38, 40 сл.

[53] *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 84 сл.

[54] Там же. С. 86.

мастерских – «*на внутренний рынок*»; с) подгруппа $Б_1$ – встречается в основном за пределами Колхиды и является промежуточной между А и $Б_2$. Кроме всего прочего амфоры разнятся хронологически, А-$Б_1$- IV-I вв.; подгруппы $Б_2$ – I–IV в. н.э. Сама идея ориентация различных типов сосудов на различные рынки является беспрецедентной[55]. После, очевидно, верного вывода, что греческие мастерские прекратили свою деятельность к I в. н.э., внезапно делается поразительное заявление: «*Но внешняя торговля Колхиды не прекратилась. В первых веках н.э. потребности в таре удовлетворялись местными мастерскими*». Спрашивается, каким образом должно было удовлетворять такую потребность ориентированное на внутренний рынок производство?

Установленным можно считать тот факт, что «*коричневоглиняные*» амфоры IV–III вв. до н.э. производились по синопским прототипам[56]. Вместе с тем в клеймении наблюдается также влияние Гераклеи Понтийской, когда клеймо наносилось на горло сосуда (Рис. 1)[57]. Примечательно, что схожая практика обнаруживается в Амастрии, также налаживавшей собственное амфорное производство в начале III в. до н.э.[58] и, возможно, в западнопонтийских центрах[59].

Наличие торговых связей Северного Причерноморья с Колхидой считается сегодня неоспоримым[60], хотя их интенсивность и устойчи-

---

[55] В статье *Desbat A., Picon M.* Les importations d´amphores de Meditteranee orientale a Lion (fin du I-er siecle avant J.-C. et I-er apres) // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 646–648 (в работе С.Ю. Внукова страницы указаны неверно), которая призвана подкрепить его тезис. Речь идёт не о специализации мастерских на внутреннюю и внешнюю торговлю, а о производстве части амфор за пределами собственно Родоса на территории его Переи.

[56] *Лордкипанидзе О.Д.* Колхида... С. 52; *Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А.* Дапнарское селище и могильник // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 57 Рис. 2; *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 92, 94, 108 сл.; *Внуков С.Ю.* О месте производства... С. 80; *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 109.

[57] *Шамба Т.К.* Предварительные итоги работ на Эшерском городище // КСИА. 1977. Вып. 151. Рис. 4.

[58] *Ščeglov A.N.* Les amphores timbrées d'Amastris // BCH. 1986. Suppl. 13. P. 365–373; *Кас V.I., Pavlenkov V.I., Scheglov A.N.* The Amastrian Stamped Pottery // Archaeologia (Warszawa). 1989. Vol. 40. P. 15–27; *Кругликова И.Т., Сапрыкин С.Ю.* Херсонес и Амастрия по данным амфорных клейм // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 89, 92; *Stolba V.F.* Some Reflections on Amphora Stamps with the Name of Amastris // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on occasion of his 70th birthday. Aarhus, 2003. P. 279–301; *Кац В.И.* Греческие... С. 279–289.

[59] *Монахов С.Ю.* Комплексы... С. 530.

[60] См., напр.: *Скуднова В.М.* Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1952. № 2. С. 239–242; *Зеест И.Б., Марченко И.Д.* Типы толстостенной керамики из Пантикапея // МИА. 1962. Вып. 103. С. 154–155; *Лордкипанидзе О.Д.* К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI IV вв. до н.э. // История и культура античного мира. М., 1977. С. 113 сл.; *Кахидзе А.Ю.* Привозные монеты из могильника Пичвнари // ВДИ. 1974. № 3. С. 88–93; *Вартанов Г.А.* Колхидская дидрахма, найденная в Гермонассе // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 71–74; *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Указ соч. С. 61–67; *Цецхладзе Г.Р.* Клеймо Диоскуриады из Нимфея // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 95–97.

вость по праву ставятся под сомнение[61]. Едва ли может оспариваться утверждение, что массовое производство керамической тары было вызвано, как правило, товарным производством вина/масла. Но никакие источники прямо или косвенно не упоминают вина из Колхиды. Основной аргумент в пользу колхидского происхождения коричневоглиняных амфор – это их повсеместная встречаемость на территории Колхиды[62]. Находки ранних экземпляров единичны. В корпусе комплексов греческих амфор С.Ю. Монахова одна такая амфора указана как происходящая из помещения № 52 позднего «*эмпория*» Елизаветовского городища[63]. Другие «*твёрдодатированные образцы*», отличаются от более ранних экземпляров большей стройностью корпуса и меньшим объёмом[64]. Далее к ранним образцам относится амфора из усадьбы У 7 поселения Панское[65]. При этом даже беглый взгляд на опубликованные экземпляры (Рис. 3) позволяет отметить существенные различия во внешнем облике, а приводимые параметры сосудов лишь подтверждают это мнение.

Увеличение количества колхидских монет и амфор I до н.э. – I в. н.э. связывают с включением Северного и Восточного Причерноморья в державу Митридата Евпатора[66]. Тем более поразительно, что, например, в скифских слоях городища «*Чайка*» у современной Евпатории фрагменты коричневоглиняных амфор стоят на третьем месте после продукции Херсонеса и Синопы[67]. Кроме того, они составляют

---

[61] *Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиС. 1968. № 3. С. 18. Следует отметить, что довольно часто отдельные или даже единичные находки импорта трактуются как показатель торговых связей. См., напр.: *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Указ. соч. С. 63, 66; *Tsetskhladze G.* Kolchis im System... S. 93, 106, что недопустимо. См.: *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 22.

[62] *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Указ. соч. С. 62 с прим. 17. Ср.: *Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В.* Археологические раскопки в Вани // АО 1969 г. М., 1970. С. 363; *они же.* Работы Ванской экспедиции // АО 1970 г. М., 1971. С. 382; *Воронов Ю.Н.* Об Эшерском... С. 110.

[63] *Монахов С.Ю.* Комплексы... С. 495 сл. Табл. 210, 3; *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 95. Рис. 2, 2.

[64] *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 95. Рис. 2, 1; 3, 1-2; 4, 1–6; *Монахов С.Ю.* Комплексы... С. 496. Табл. 210, 3.

[65] *Монахов С.Ю.* Комплексы... С. 509 сл. Табл. 215–221.

[66] *Капанадзе Д.Г.* К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 145 сл.; *Гилевич А.М.* Указ. соч. С. 18; *Шелов Д.Б.* Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3. С. 43; *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада... С. 70; *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987. С. 99, 132; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 151, 158.

[67] *Внуков С.Ю.* Скифские слои городища Чайка (Опыт статистической обработки) // СА. 1984. № 2. С. 61–63; *Попова Е.А.* Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 49. Рис. 4, 7. С. 57; *Внуков С.Ю., Цецхладзе Г.Р.* Колхидские амфоры Северо-Западного Крыма // Там же. С. 179. Ср. о Северо-Западном Крыме в целом: *Дашевкая О.Д.* Археологические исследования близ оз. Донузлав // АО 1966 г.. 1967. С. 212; *она*

значительный процент среди амфорного материала Боспора, в Неаполе Скифском, на скифских городищах и позднеантичных памятниках[68]. В Горгиппии ими просто «*забиты*» позднеантичные подвалы, в то время как в Колхиде они составляют лишь незначительный процент[69]. Подобный факт не случаен и требует объяснения. По мнению С.Ю. Внукова: «*амфорная продукция греческих мастеров в Колхиде уходила почти вся на экспорт, в частности в Северное Причерноморье. Это вполне объяснимо, так как сама организация амфорного производства в Колхиде была вызвана потребностями черноморской торговли*»[70]. Такой вывод просто поражает. Мало того, что он оставляет в тени модернисткие теории начала XX в., но и подразумевает ориентированную *только* на вывоз целую отрасль производства, а стало быть ещё и связанных с ней отраслей. Недаром В.И. Кац справедливо характеризует эту «*теорию*» как «*фантастическое объяснение*» без параллелей в каком-либо ином античном центре-экспортере товаров в керамической таре[71]. Несмотря на существенные достижения амфорологии остаётся невыясненным и в конечном итоге препятствует локализации керамической тары в Восточном Причерноморье следующий комплекс проблем: чем было вызвано внезапное начало массового производства амфор (причины, хозяйственная основа); на какой рынок оно было ориентировано; где и кем осуществлялось. Как раз последний вопрос очень важен, ибо трудно представить одновременное производство амфор в нескольких центрах под эгидой монархической власти. На эти вопросы я попытаюсь ответить ниже. Для на-

---

же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966–1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 66; *Михлин Б.Ю.* Указ. соч. С. 60.

[68] См., напр.: *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. Вып. 25. С. 120. Рис. 149, 1; *Зеест И.Б.* Новые данные... С. 114 сл.; *Погребова Н.Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. Вып. 64. С. 147; *Сорокина Н.П.* Раскопки некрополя в Кепах в 1959–1960 годах // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 104 с рис. 41, 8; *Богданова Н.А., Гущина И.И.* Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960–1961 гг. // СА. 1964. № 1. С. 325 сл. Рис. 2, 1; *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 149. Рис. 37, 12; *Каменецкий И.С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969. С. 152 сл.; *Онайко Н.А.* Раскопки поселения на Малой Земле // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 76, 78; *Максімов Е.В.* Про датування зарубінецкої культури // Археологія. 1971. № 1. С. 75; *Попова Е.А.* Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окресностях Евпатории. М., 1991. С. 49. Рис. 4, 7. С. 57; *Цецхладзе Г.Р.* Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы // ВДИ. 1998. № 3. С. 91; *Монахов С.Ю.* Комплексы... С. 382, 495 сл., 509 сл., 530, 550 сл., 559, 564.

[69] *Цецхладзе Г.Р.* Производство керамической... С. 101–104; *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 109. *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 86 пишет, что они, судя по его выборке, встречаются только в Северном Причерноморье.

[70] *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 86. Ср.: *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 109. Иначе см.: *Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б.* Указ. соч. С. 44. Авторы отмечают, что как раз амфоры с клеймами Διοσ|κου практически не были задействованы во внешней торговле.

[71] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 109.

чала проследим, что представляла собой Колхида в эллинистический и римский периоды[72].

2. Колхида в период эллинизма

Усилия ряда исследователей привели к тому, что в последнее время всё чаще говорят не только о греко-милетской колонизации, но и о эллинизации Колхиды, причём совершенно необоснованное выражение «*античная Грузия*» укоренилось в качестве *terminus technicus*, оставаясь уникальным явлением в антиковедении. Не вдаваясь в суть этой проблематики отмечу лишь некоторые моменты. Существование на территории Колхиды (современной Грузии-Абхазии) поселений греческих либо греческого типа является фактом. Однако это не является указанием на греческую полисную культуру, ибо характер поселений и их датировка оспариваются[73]. Кроме того забывается, что Колхида продолжительное время находилась под персидским влиянием или входила в состав царства Ахеменидов (*Hdt.* III.97)[74], что налагало существенный отпечаток на развитие региона. Завоевания Александра, равно как и период смут в эпоху диадохов, обошли стороной этот регион. При разделе владений Александра Колхида в целом не учитывалась, а крайняя граница на востоке пролегала у Трапезунта[75], захватывая, таким образом, отчасти и владения соседних колхов. Может быть, границу образовывало колхидское царство, хотя размер владений последнего неизвестен. Нет никаких данных о том, что происходило в Колхиде до Митридата Евпатора. Видимо, она уже не существовала как царство в III в. до н.э.[76] Если принять предположение, что

---

[72] Источники о Колхиде см.: *Ломоури Н.Ю.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1957. № 4. С. 96–110; *Инадзе М.П.* Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968. С. 41–96; *Lordkipanidzé O., Mikéladzé T.* La Colchide aux VIIème–Vème siècle. Sources écrites antiques et archéologie // Le Pont-Euxin vu par les grecs. Sources écrites et archéologie. Symposium de Vani (Colchide)-septembre-octobre 1987. P., 1990. P. 167–187

[73] См. указания на литературу: *Waşowicz A.* Problems of Greek Colonisation on the Northern and Eastern Black Sea Littoral, Tsakhltubo, 1977 // DHA. 1980. T. 6. P. 6–20 особ: 13–16; *Ehrhardt N.* Zur Gründung und zum Charakter der ostpontischen Griechensiedlungen // ZPE. 1984. Bd. 56. S. 153–158; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 87 c no. 60. Примечателен вывод Н. Эрхардта (S. 158): «Beim Fehlen aller Anzeichen für städtische Verfassung ist zumindest die Einreihung dieser Orte unter die „normale" Apoikien zweifelhaft, ohne dass ein Gegenbegriff wie „Emporion" den Charakter der Siedlungen hinreichend erfasst»; *Высокий М.Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. 2004. Т. XIV. С. 414. Прим. 1–2.

[74] *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 122 ff.; *Knauss F.* Ein silbernes Trinkhorn aus Mtisdziri. Die Kolchis zwischen Achämeniden und Griechen // Proceedings of the XVth International Congress of Classical Archaeology, Amsterdam, July 12–17, 1998. Amsterdam, 1999. P. 220 f.

[75] *Plut.* Eum. 3; *App.* Mithr. 8; *Arr.* Succ. FGH. 156. F. 1, 5; *Dexipp.* FGH. 100. F. 8, 2; *Curt.* X.10.3.

[76] *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 144 f.; *Vinogradov Ju.G.* The inscribed bronze from Vani // *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Stuttgart, 1994. S. 594.

т.н. «*колхидки*» чеканились в Диоскуриаде, или Фасисе[77], которые подчинялись Колхидскому царству, то освобождение от его власти могло стать причиной появления собственного чекана[78] или клеймения амфор штампами с сокращением этникона, если будет доказано местное происхождение последних.

Важные изменения поистине глобального порядка в Причерноморье приходятся на правление Митридата VI. Пойдя на открытую конфронтацию с Римом, этот правитель вынашивал идею объединения под своей властью черноморского бассейна[79]. Особая роль при этом отводилась Колхиде[80]. Когда она была включена в державу Митридата, там царили хаос и раздробленность. Наведя порядок, он не изменил внутреннее управление страной. Хотя туда и отсылались в качестве наместников его доверенные лица, но местное самоуправление было оставлено за колхидскими «*скептухами*»[81]. Установление сильной централизованной власти, вне всякого сомнения, сыграло позитивную роль. Страбон даже пишет о процветании Колхиды при Митридате[82]. Именно понтийский властитель провёл целый ряд мероприятий, которые должны были укрепить его присутствие в стране, но одновременно способствовали её развитию. В числе этих его действий особенно следует отметить урбанистическую политику. Развитие производства, в первую очередь, разумеется, связанных с сельским хозяйством отраслей, должно было гарантировать бесперебойное снабжение армии[83], но влекло за собой его подъём в целом. Как уже было отмечено выше, существовенное увеличение поступления «*колхидских*» амфор в Северное Причерноморье приходится как раз на это время. В этом случае оправдано предположить одновре-

---

[77] См. различные точки зрения: *Лордкипанидзе О.Д.* К проблеме греческой колонизации... С. 252–54; *Голенко К.В.* Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С. 11; *Капанадзе Д.Г.* Монетные находки Мухетской экспедиции (1938–1948 и 1951 гг.) // ВДИ. 1955. № 1. С. 160–173; *Дундуа Г.Ф.* Ещё раз о происхождении колхидок // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979. С. 280 сл.; *он же.* Нумизматика... С. 21–23; *Doundoua G.* Les Kolchidki // DHA. 1982. T. 8. No. 1. P. 53–60; *Болтунова А.И.* Колхидки // ВДИ. 1973. № 4. С. 92; *Лоркпипанидзе Г.А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI–IV вв. до н.э. // ВДИ 1982. № 2. С. 33–35; *Tsetskhladze G.* On the numismatics of Colchis: the classical archaeologist' perspective // DHA. 1993. T. 19. P. 236 ff.; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 118–121; *Высокий М.Ф.* Указ. соч. С. 402.

[78] Однако более поздние чеканы Фасиса не известны, Диоскуриада эмитировала медь при Митридате VI, а исчезновение «*колхидок*» связывают с проникновением золота Александра и Лисимаха. См. *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика... С. 33, 49 сл., 105.

[79] *Шелов Д.Б.* Понтийская держава Митридата Евпатора // Цхалтубо. 1985. Т. III. С. 551–572; *он же.* Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36–48.

[80] *Шелов Д.Б.* Колхида в системе... С. 28–43.

[81] *Strabo* VII.4.4(310); XI.2.18 (498); *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 152, 154.

[82] *Strabo* VII.4.4(310). Ср.: *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 122.

[83] О важности Колхиды для снабжения армии, см.: *Plut.* Luc. 14.6; *App.* Mithr. 5.

менное производство керамической тары на «*имперском уровне*». В целях бесперебойного обеспечения войск, задействованных на северопричерноморском театре военных действий и относительной близости последнего к метрополии, можно в качестве гипотезы принять, что были задействованы монархические инструменты регулирования производства в южном и восточном Причерноморье. Именно здесь, где Чёрное море являлось своего рода «*mare ponticum*», угроза блокады портов или каперных операций была минимальной.

3. К вопросу о торговле Колхиды в эллинистический период

По меньшей мере с первой половины XX в. укоренилось мнение, что Синопа являлась важным перевалочным пунктом для вывоза вина из Иберии, Албании, Колхиды, Армении, Понта, Каппадокии и, вероятно, Крыма[84]. Часто рассматриваемая как само собой разумеющееся её посредническая деятельность в транзитной торговле между Эгеидой и Северным Причерноморьем является весьма вероятным, но отнюдь не доказанным фактом, ибо уже сам маршрут или маршруты заключали в себе «*конкуренцию*» Гераклеи Понтийской, а затем и Амастрии[85]. Кроме того краткий путь через Чёрное море[86] сделал необязательным каботажное плавание вдоль кавказского побережья. Другой аксиомой стало утверждение о торгово-транзитном пути через Колхиду с Востока. На основании некоторых малоинформативных сообщений античных авторов высказывалось мнение, что в эллинистическую эпоху он вёл из Индии к Фасису[87], а из «*этнографических*» свидетельств Страбона постулировался тезис о превращении черноморских (колхидских!) городов в крупные торгово-промышленные центры (*Strabo* XI.2.16 f.(497 f.))[88]. Высказанный почти полвека назад постулат: «*В эллинистический период в процесс международного товарообмена были вовлечены широкие слои населения Колхиды как её низменных, так и горных районов. Интенсивность внешних торговых связей способствовала дальнейшему росту товарного производства*»[89], превратился в теорию об «*особой роли*» Колхиды в торговле античного мира: «*Есть все основания предполагать, что благодаря „международным“*

---

[84] *Broughton T.R.S.* Roman Asia Minor // An Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore, 1938. P. 532 f., 858; *Charlesworth M.P.* Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Hildesheim. 1961. P. 79, 83; *Mehl A.* Der Überseehandel von Pontos // Akten des I. historisch-geographischen Kolloquiums in Stuttgart 8/9. Dez. 1980, Bonn, 1987. S. 109, 130; *Marek Chr.* Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galathia. Tübingen, 1993. S. 19.

[85] *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 109f.

[86] *Максимова М.И.* Античные города... С. 145–168. О морских коммуникациях в Чёрном море в античости см.: *Arnaud P.* Les relations maritimes dans le Pont-Euxin d´après les données numériques des géographes anciens // REA. 1992. T. 94. No. 1–2. P. 57–77.

[87] *Лордкипанидзе О.Д.* О транзитно-торговом пути из Индии к Чёрному морю в античную эпоху // Сообщения АН ГССР. 1957. Т. XIX. № 3. С. 377–384; *он же.* Торгово-экономические... С. 232.

[88] *Лордкипанидзе О.Д.* Торгово-экономические... С. 233.

[89] Там же. С. 235.

торговым путям через Колхиду рос объём торговли с эллинистическими государствами Востока (*Египтом, Сирией, Бактрией, Парфией и т.д.*)»[90]. Результатом такого подхода стало то, что Колхида безаппеляционно была занесена в число эллинистических государств[91]. В этом нашло выражение либо незнание, либо полное игнорирование установленных кропотливым трудом коллег торговых путей античного мира, где Колхида если и играла какую-либо роль, то далеко не первостепенную[92], либо, действительно, горячее желание выдать желаемое за действительное и доказать какую-то исключительность страны «*золотого руна*». Чтобы не быть голословным, остановимся несколько подробнее на этом вопросе, который, несомненно, нуждается в ревизии и специальном исследовании. Уже беглый просмотр источников, на которые обычно опираются для доказательства означенного тезиса, показывает необоснованность подобных предположений[93]. Совершенно очевидна была труднодоступность Колхиды с континента, что делало её в отличие от Иберии, открытой на восток, частью понтийского мира[94]. С другой стороны в римское время существовали два сухопутных сообщения от черноморского побережья во внутренние районы Малой Азии, Закавказье и в Переднюю Азию: 1) от Трапезунта через Зинган на Байбурт, Эрзурум и далее в Закавказье или на юг в Месопотамию; 2) из Амиса на Цезарею в Киликию[95].

Г.Р. Цецхладзе обычно ограничивается перечислением статей экспорта Колхиды в античную эпоху. Приведём дословно одно из них: «*Помимо колхидского вина, привозимого в амфорах, в Херсонес, вероятно, доставляли колхидский мёд и смолу в пифосах. Не исключён импорт корабельного и строительного леса из Восточного Причерноморья, о богатстве которого свидетельствуют письменные источники. В судостроении большим спросом пользовались также колхидский воск, смола и льняные ткани, из которых изготавливали паруса для кораблей*»[96]. Как раз местное производство амфор в Колхиде, кои

---

[90] «Man kann auch durchaus unterstellen, dass dank des „internationalen" Handelsweges durch die Kolchis das Volumen des Handels mit den hellenistischen Ländern des Ostens (Ägypten, Syrien, Baktrien, Parthien usw.) wuchs», *Tsetskhladze G.R.* Kolchis im System... S. 106. Ср.: *он же.* Производство... С. 109.

[91] *Tsetskhladze G.R.* Organization... P. 101.

[92] Ср., напр.: *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1951. P. 488–490*; Голенко К.В., Раджабли А.М.* Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье // ВДИ. 1975. № 2. С. 75. Прим. 21; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 40 f.

[93] См.: *Plin.* NH. VI.30(425) (описание Кавказских ворот); 52(434) (исследование возможностей использования такого пути при Помпее). Ср.: *Ptol.* Geogr. V.8.11; 16.

[94] *Plin.* NH. VI.13(418 f.); *Procop.* BP. I.12, 13 f.; 16; *Браунд Д.* Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4. С. 37 сл.; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 42.

[95] Tab. Peut. IX.2; Itin. Ant. 216.4–217; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 77, 81 сл.

[96] *Tsetskhladze G.R.* Kolchis im System... S. 96 f.; *Лордкипанидзе О.Д.* Торгово-экономические... С. 233 сл.; *Mehl A.* Der Überseehandel... 123; *Lipka M.* Anmerkungen zu geographischen, wirtschaftlichen und sozialen Verhältnissen an

«*встречаются повсеместно*», «*свидетельствует, с одной стороны, о довольно крупных масштабах керамического ремесла, а с другой – о высоком уровне товарного производства*»[97]. Альтернативно этому «*открытию*» звучит вывод С.Ю. Внукова: «*Колхидская продукция, наоборот,* (в отличие от Гераклеи – *Н.Е.*) *в основном шла на внутренний рынок, и лишь относительно небольшая её часть экспортировалась*»[98]. Возникает вопрос, чем был вызван такой повышенный спрос на транспортную керамическую тару в Колхиде? Хорошо известно, что в античный и средневековый период амфоры предназначались для морской перевозки жидких продуктов. Для транспортировки по суше они совершенно не годились[99], а наличие всего трёх-четырёх гаваней в Колхиде в античное время вряд ли является достойным аргументом в пользу развития внутренней торговли через эти пункты. Такая схема была бы слишком искусственной. Торговые или военные суда из Колхиды неизвестны. Для западной части Римской империи характерно уже с I в. н.э. употребление деревянных бочек для транспортировки вина речным и гужевым транспортом[100]. Кроме того, в античном мире употреблялись кожаные меха[101]. Так в Галлии эпигра-

---

der südöstlichen Schwarzmeerküste Ende des fünften/Anfang des vierten Jhs. v. Chr. // Klio. 1995. Bd. 77. S. 71 f.

[97] *Лордкипанидзе О.Д.* Торгово-экономические... С. 235 сл.

[98] *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 86; *он же.* Причерноморские амфоры... С. 192. Иначе см.: *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 109: «Колхидские амфоры использовались для перевозки вина внутри страны (по речным путям) и, особенно за её пределы. На это указывают находки амфор колхидского производства практически на всех памятниках Северного Причерноморья».

[99] Это, в частности, верно отмечает *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры... С. 165. Прим. 36. Против: *Путуридзе Р.В.* Колхидские амфоры... С. 69. О проблематике транспортировки амфор см., напр.: *Grace V.* Amphoras and the Ancient Wine Trade. Princeton, 1979 (sine paginis); *Garlan Y.* Greek amphorae and trade // Trade in the Ancient Economy. L., 1984. P. 27–35; *Lawall M.* Amphoras and Aegean Trade: Structure and Goals for Future Research // Proceedings of the XVth International Congress of Classical Archaeology, Amsterdam, July 12-17, 1998. Amsterdam, 1999. P. 230 f.

[100] *Strabo* V.1.8; *Plin.* NH. XIV.134(122); *Espérandieu E.* Recueil générale des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule Romaine. P., 1911. T. 4. No. 8533; P., 1925. T. 9. No. 6699 ff.; *Baltzer M.* Die Altagsdarstellungen der treverischen Grabdenkmäler // Trierer Zeitschrift. 1986. No. 46. S. 73. No. 309. Abb. 111. S. 76 No. 319. Abb. 116 f.; *Massow W. von,* Die Grabdenkmäler von Neumagen. B., 1932. S. 203 ff. No. 287. Abb. 124 ff., Taf. 54 ff.; *Baldacci P.* Le principali correnti del commercio di anfore romane nella Cisalpina. Importazioni ed esportazioni alimentari nella Pianura Padana centrale del III sec. a. C. al II d. C. // I problemi della ceramica romana in Ravenna, della Valle Padana e dell'Alto Adige. Bologna, 1972. P. 107; Die Römer in Schwaben. Jubiläumsausstellung 2000 Jahre Augsburg. Arbeitsheft 27. Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege. München, 1985. S. 127. Abb. 96; *Ulbert G.* Römische Holzfässer aus Regensburg // BVBl. 1959. Bd. 24. S. 6 ff. Этим опровергается точка зрения А. Черния, что бочки начали применять только с III в. н.э. См.: *Tchernia A.* Quelques remarques sur le commerce du vin et les amphores // Mem. Acc. 1980. T. 36. 307ff.

[101] Напр.: OGIS. 629; *Lauffer S.* Diocletians Presedikt. B., 1971. S. 249. Z. 10, 13–15.

фически засвидетельствованы *utriclarii* (от лат.: *uter* – мех из кожи животного) – очевидно, торговцы и поставщики вина[102]. Следует задаться вопросом, на каком основании была достигнута унификация формы и стандарта амфор по всей Колхиде? Кто следил за этим в политически раздробленной (с III в. до н.э.) стране? Как можно объяснить, что сосуды, предназначенные для морских перевозок могли производиться в лежащtм внутри страны Вани[103]? Как могли несколько сравнительно небольших центров Колхиды заполнить своей продукцией рынки Северного Причерноморья и что конкретно они могли поставлять? Чем объяснить почти бесперебойное поступление «*колхидской*» керамической тары с периода поздней классики и до раннего Средневековья? Амфоры изготовлялись в первую очередь для масла и вина, хотя как раз последнее и не упоминается в античных источниках никоим образом. Прокопий Кессарийский говорит о изобилии виноградников и других плодов у границ Персоармении[104]. По сообщению Ксенофонта виноделие наличествовало у моссинойков – соседей колхов, но не у последних[105]. Во всяком случае в это время оно не носило там товарного характера. Его вкусовые качества, очевидно, оставляли желать лучшего. Если верить выкладкам Цецхладзе-Внукова, то производство амфорной тары на территории Колхиды осуществлялось с IV в. до н.э. до периода Средневековья, после чего амфоры, вероятно, просто «*вышли из моды*». Опираясь на сообщение Страбона о том, что горцы «*спускались с гор за солью*» в Диоскуриаду и на факт присутствия «*колхидских*» амфор в Херсонесе, был постулирован херсонесский экспорт соли в регион в качестве платы за колхидское вино[106]. Но находки херсонесских монет на территории Абхазии-Грузии единичны, всего 2 экземпляра на начало 90-х гг. прошлого столетия[107]. Обладая собственным развитым виноделием и массово ввозя вино и масло из южного Причерноморья и Эгеиды, Херсонес едва ли был заинтересован в массовых поставках колхидского вина в обход Боспора. Кроме того, соль в Колхиду могла быстрее доставляться из южнопонтийского региона. Так для ранневизантийского периода известен её ввоз в Лазику из Византии[108].

---

[102] *Kneißl P.* Die utriclarii // BJ. 1981. Bd. 181. S. 169 ff.

[103] Такую локализацию части амфор «*коричневой глины*» предложил Внуков *С.Ю.* (К вопросу... С. 88.). Но Вани интерпретируется как храмовый центр. См.: *Лордкипанидзе О.Д.* Город-храм Колхиды. М., 1978.

[104] *Procop.* BP. I.15, 26. В наше время основные сорта грузинского вина происходят из Иберии. См.: *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 48.

[105] *Xen.* Anab. IV. 5.26. Неверно: *Lipka M.* Op. cit. S. 72 со ссылкой на *Xen.* Anab. IV.8.24. Но как раз в этом месте вино у колхов никак не упомянуто.

[106] *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Указ. соч. С. 67; *Tsetskhladze G.* Kolchis im System... S. 98. О херсонесских солеварнях см.: *Strabo* XI.5.6 (506).

[107] *Созник В.В., Цецхладзе Г.Р.* Указ. соч. С. 61. В целом, см.: *Капанадзе Д.Г.* К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным // Проблемы истории Северного Причерноморья. М., 1959. С. 139–151.

[108] *Procop.* BP. II.15.5; 11.

Из продуктов Колхиды источники указывают производства льна и полотна[109]. Далее известны мёд и воск[110], равно как наличие металлургии, деревообработки и скорнячества[111]. Выращивались также зерновые культуры, но преобладало просо[112], что существенно затрудняло снабжение войск в регионе и в частности послужило причиной ухода византийских войск Юстиниана и персидских – Хосрова[113]. Если согласиться с мнением Г.Р. Цецхладзе, что имеется в виду товарное производство этих продуктов и они, действительно, «*пользовались большим спросом*», то логично предположить, что такой широкий ассортимент должен был обмениваться на какой-то стоимостный эквивалент. Для самого апологета торговой экспансии Колхиды в Причерноморье таким продуктом являлось зерно с Боспора, в пользу чего приводятся находки пантикапейских амфор[114]. Но, во-первых, находки транспортных сосудов сами по себе редко дают возможность определённо говорить о перевозимых в них продуктах не опускаясь до догадок[115]; во-вторых, боспорские амфоры – это анахронизм, а виноградорство и виноделие на Боспоре, а, следовательно, и потребность в керамической таре, там появились лишь в конце III в. до н.э.[116] Не учитывается и тот факт, что южнопонтийские полисы также производили товарное зерно, либо обменивали его у окрестных варваров[117]. Не в меньшей мере проблематично заявление, что Колхида являлась

---

[109] *Hdt.* II.105; *Strabo* XI.2.17(498). Шерсти в понтийском регионе было мало: *Strabo* XII.3.13(547); *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 114 и она едва-ли могла вывозиться за пределы страны.

[110] *Xen.* Anab. IV.8.20; *Diod.* XIV.30,1 и, вероятно, *Polyb.* IV.38.4.

[111] *Arr.* PPE. 9; *Hdt.* VII.79; *Xen.* Anab. V.5.1; *Vitr.* II.1.4; *Ps. Hippokr.* De aer. 15; *Strabo* XI.2.15(497); *Verg.* Georg. 440 ff.; *Amm. Marc.* XXVII.12.11; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 53 f.

[112] *Procop.* BP. I.12.17; II.15.5; *Agath.* II.21.2; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 53 с no. 59.

[113] *Procop.* BP. I.12, 15–19; *Agath.* IV.30.7.

[114] *Tsetskhladze G.* Kolchis im System... S. 91, 98. О транспортировке сухих и сыпучих продуктов в амфорах см.: *Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А.* Указ. соч. С. 91. Прим. 19.

[115] См.: *Gassner V.* Amphoren aus Carnuntum. Überlegungen zu ihrem wirtschaftsgeschichtlichen Aussagewert // MBAH. 1989. Bd. VIII. Ht. 2. S. 52.

[116] Напр.: *Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА. 1958. Вып. 85. С. 352–457; *он же.* Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. 1966. № 1. С. 55 сл.; *Коровина А.К.* Виноделие Гермонассы // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 60–67; *Алексеева Е.М.* Виноделие Горгиппии // БС. 1995. Т. 6. С. 7–44. Эти т.н. «*боспорские амфоры*» С.Ю. Монахов переатрибутировал как херсонесские, см.: *Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического. Саратов, 1989. С. 43–45. Недавно эта точка зрения была пересмотрена и амфоры отнесены к одному их североэгеидских или пропонтидских центров, предположительно, Византию или Калхедону: *Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону. 2009. С. 148–161. За информацию об этой работе хочу поблагодарить Е.В. Кузнецову (Саратов).

[117] *Xen.* Anab. IV.8.24; V.5.6; *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 108; *Lipka M.* Op. cit. S. 71.

для Афин источником корабельного леса. Не говоря уже об удалённости региона, в то время как ближе были Македония/Фракия, Киликия и, наконец, владения Синопы, стоит отметить гипотетичность в трактовке ряда греческих поселений в Колхиде как афинских[118]. Из простого перечня товаров и характеристики путей их возможного поступления невозможно представить ясную картину торговой активности какого-либо центра или региона[119]. Одно лишь упоминание наличия каких-либо продуктов или сырья в Колхиде не может рассматриваться как свидетельство их товарного характера. Между тем, в качестве *terminus technicus* прочно укоренились выражения – колхидский или Колхида в определении происхождения товаров, хотя в этом случае, если дальнейшая конкретизация пока невозможна, более подошло бы: «*один из центров в Колхиде*» или что-то подобное. В противном случае не делается различия между продукцией греческих поселений в IV–III вв. и, например, изделиями местных царских мастерских. Характерны общие фразы *типа «оживлённые связи эллинистических государств с Колхидой»*, «*обилие находок эллинистических монет*». Что касается первого положения, то именно в эллинистический период Колхида практически совершенно исчезает из письменных источников. Монетные находки не всегда обязательно являются свидетельством торговых связей[120], ибо как раз драгоценные металлы могли «*кочевать*» на большие расстояния уже в качестве слитков. Так отдельные синопские и амисские серебряные номиналы классического периода были найдены в Персеполе и даже Старой Нисе[121]. На что же опирается постулат об «*оживлённых связях*»? Очевидно, что, прежде всего, это археологический материал в котором преобладает керамика. Хотя и здесь, если судить по имеющимся публикациям, объём поступлений извне был скорее умеренным.

По известным примерам других центров производелей керамической тары, в частности Херсонеса Таврического, Гераклеи Понтийской, Синопы можно с уверенность говорить о том, что именно политические неурядицы, приведшие в конечном итоге к экономическому кризису, стали причиной прекращения производства керамической тары и её клеймения[122]. В центральной Колхиде уже в III в. до н.э. на-

---

[118] *Tsetskhladze G.* On the numismatics... P. 251 f.; *idem.* Kolchis im System... S. 104; *idem.* Pichvnari... P. 103 ff. Ср. критику: *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 77.

[119] *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 105.

[120] Верно отмечено: *Лордкипанидзе О.Д.* Торгово-экономические... С. 234 в отношение находок афинских драхм «*нового стиля*» в Колхиде. О монетных находах в Колхиде см.: *Зограф А.Н.* Находки понтийских монет Мифрадатовского времени в Ольвии // Ольвия. Киев, 1940. С. 296; *он же.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 1941. Вып. 4. С. 163; *Голенко К.В.* Клад синопских и колхидских монет из Кобулети // ВДИ. 1961. № 1. С. 42–50; *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика... С. 34 сл.

[121] *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 82.

[122] См., напр.: *Авдеев А.Г.* О времени и причинах прекращения регулярного клеймения амфор в Гераклее Понтийской // ВДИ. 1986. № 1. С. 192; *он же.* О времени и причинах прекращения регулярного клеймения амфор в

ступает период нестабильности и упадка. Практически исчезают богатые захоронения, а существующие поселения укрепляются[123]. Этот процесс связывают с началом вторжения иберов, заселивших восточную и юго-восточную части Колхиды[124]. Начало упадка сельскохозяйственных поселений в окрестностях Диоскуриады относится уже ко II в. до н.э.[125] Основными причинами угасания жизни в них считают события сорокалетней войны между Римом и Митридатом, «*приведшие к нарушению традиционных связей с метрополией*»[126]. Действительно, последствия войн были фатальными. Известно, что некогда цветущий Питиунт был разрушен гениохами (*Plin.* NH. VI.16(420)). Далее где-то на рубеже эр замирает жизнь в Диоскуриаде и окрестных населённых пунктах[127]. В сер. I в. н.э. на р. Фасис оставался один единственный город – Сириум (*Plin.* NH. VI.13–16(418–420)). Такой акт не мог быть скоропостижным, но явился результатом негативных процессов имевших место в течение определённого промежутка времени. Процесс упадка продолжался до IV в. н.э.[128], что едва ли позволяет говорить о товарном производстве и торговой активности Колхиды в это время. Исходя же из выводов С.Ю. Внукова, получается наоборот, именно во II–III вв. н.э. ареал производства коричневоглиняных амфор расширяется[129]. Не совсем понятно, что явилось исходной точкой для такого рода суждений? Если согласиться с точкой зрения С.Ю. Внукова, то в первые века н.э. происходит существенное увеличение товарного производства в Колхиде, что никак не сходится с известными историческими фактами. В то время как большинсво поселений было покинуто населением, и страна в целом находилась в глубоком упадке, внезапно начинается хозяйственный подъём и продукция Колхиды заполняет рынки Причерноморья. В VI в. Прокопий Кесарийский пишет следующее о Колхиде, в то время Лазике: «... (*они*) *всегда вели морскую торговлю с римлянами, живущими у моря.* (5) *Нет у них ни соли, ни зерна, никаких других благ; продавая невыделанные шкуры, кожи и добытых на войне рабов, они приобретают себе всё необходимое*»[130]. По мнению Д. Браунда, эта точка зрения была обусловлена тем, что Лазика не была в состоянии снабдить огром-

---

Гераклее Понтийской // Эпиграфический вестник. 1995. Вып. 3. С. 3–16; *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Клейма Синопы с датами // РА. 1999. № 2. С. 137, 139.

[123] *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 144 f. с no. 98.

[124] Ibid. P. 145 f., 150 f.

[125] *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М., 1980. С. 73; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 173.

[126] *Воронов Ю.Н.* Гиенос. С. 53. Прим. 65.

[127] *Он же.* К изучению... С. 170. *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 63 датирует этот процесс серединой I в. н.э.

[128] *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 173.

[129] *Внуков С.Ю.* Причерноморские... С. 160, 164, 193.

[130] *Procop.* BP. II.15.4 f. Ср. о приграничных с Иберией районах: Ebd. I.12,15; 15,21. О рабах колхах см.: *Braund D., Tsetskhladze G.R.* The export of slaves from Colchis // CQ. 1989. Vol. 39. P. 114–125.

ную византийскую армию[131]. Но уже Гиппократ писал о районе Фасиса: «*Эта страна болотистая, тёплая, водянистая и густо заросшая, и во всякое время года там идут дожди, частые и сильные. Люди проводят жизнь на болотах и имеют дома деревянные и тростниковые, устроенные на воде; редко посещают города и рынки, но на лодках, выдолбленных из одного дерева, переезжают вверх и вниз, так как каналов там весьма много... Плоды, которые там рождаются, не имеют никакого роста, ослаблены и несовершенны вследствие обилия вод и потому не дозревают*»[132]. Где уж тут место товарному производству вина!

4. Южнопонтийские полисы

Среди продуктов южного побережья Понта источники называют, прежде всего, вино[133]. Оливковое масло вырабатывалось в районе Синопы, Амиса и Фанарои[134]. Многократно упоминается мёд, обладавший особенно хмельными качествами[135]. Понтийский воск Плиний относил к числу наиболее ценных сортов (*Plin.* HN. XXI.83). Кроме этого обычным продуктом региона являлись орехи[136], хотя на экспорт они вывозились прежде всего из Гераклеи[137]. Далее следует отметить

---

131 *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 68. В качестве контраргумента он приводит более позитивное, но не настолько конкретное сообщение Агафия (*Agath.* III.5.2–4). Ср.: *Braund D.* Procopius on the Economy of Lasica // CQ. 1991. No. 41. P. 221–225.

132 *Hippokr.* De aer. 15. Перевод приводится по изданию: Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М., 1994. Заболочена была вся прибрежная зона от Пичвнари до Гиеноса и вглубь страны до Вани. См.: *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 48. Несмотря на это он утверждает, что виноград рос там в обилии. Ebd., P. 55.

133 *Strabo* XII.3.30(556); 36(559); *Theophr.* apud Athen. I.58(32b); *Plin.* NH. XIV.76(105); 109(115); XXVI.91(366); XXVII.45(400); *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 110. О хозяйстве понтийского региона см.: *Weimert H.* Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phönomen. Die antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt am Main, 1984.

134 *Strabo* II.1.15(73); XII.3.12(546), 30(556).

135 *Xen.* Anab. IV.8.20; *Diod.* XIV.30.1; *Strabo* XII.3.18(549); *Polyb.* IV.38.4 ff.; *Plin.* NH. XXI.74(95); 77(75); 83(97); *Dion. Chrys.* IX.6. Скептически: *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 113 c anm. 21, который причисляет его, прежде всего, на основании сообщения Плиния к числу ядовитых. Однако едва ли он был бы удостоин стольких упоминаний, если действительно был негоден к пище.

136 *Xen.* Anab. V.4.29; *Theophr.* Hist. plant. passim; *Strabo* XII.3.15(548); *Ageloch.* apud Athen. II.43(54d); *Athen.* II.41(53c); *Plin.* NH. XV.86 ff. (153 f.); *Galen.* VI.355; *Macr.* Sat. III.18.6; P. Cair. Zen. 59012:2; 48; 59013:23f.; 59702:22; P. Ryl. 554; *Rostovtzeff M.* Alexandrien und Rhodos // Klio. 1937. Bd. 30. S. 70–76; *idem.* Gesellschafts-und Wirtschaftsgeschichte der hellenistischen Welt. Darmstadt, 1955. 174–176, 307, 465; *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 110 f.

137 *Theophr.* Hist. plant. IV.2.1; Hist. plant. I.3.3; III.3.8; *Athen.* II.42 (53d); IG. II² No. 1013:19 = *Pleket H.W.* Epigraphica I. Leiden, 1964. No. 14; *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 112.

лечебные и ядовитые растения[138] и, наконец, красную синопскую охру и другие краски[139]. Из числа минералов вне всякого сомнения важную роль играло халибское железо, вывоз которого мог осуществляться через моссинойков и Амис[140]. В связи с лесными богатствами региона Синопы[141] и практически полного их отсутствия в Греции, Италии и Северном Причерноморье можно предположить также экспорт древесины[142]. Море давало рыбу, прежде всего пеламиду и другие продукты[143]. По мнению А. Меля можно говорить о трёх группах экспортного товара, которые имели особое значение для понтийского региона: древесина, солёная рыба и керамика (строительная и транспортная тара)[144]. Эти положения, на мой взгляд, нуждаются в уточнении. Если вывоз морских продуктов, прежде всего рыбы, едва ли может оспариваться, то экспорт леса логически весьма вероятен[145], но недоказуем. Ввоз строительной керамики из Синопы известен, напротив, уже в классический период[146]. Связи Синопы с восточным Причерноморьем зафиксированы уже в середине IV в. до н.э.[147] Было высказано предположение, что в Синопе производились и «*коричневоглиняные*» амфоры[148]. Но тара этого центра хорошо известно начиная с классического и заканчивая римским периодом[149] и там просто не остаётся места для «*колхидских*» амфор. Совсем недавно В.И. Кац и С.Ю. Внуков отнесли выделенную последним первую группу амфор этого типа с большой вероятностью к Трапезунту, ибо геоло-

---

138 *Plin.* NH. XXVII.45 ff. (400 f.); *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 614 f.; *Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А.* Указ. соч. С. 91–93.

139 *Theophr.* De lap. 52; *Vitr.* VII. 7, 5; *Strabo* XII.2.10(540); *Plin.* NH. XXXIII. 117 ff. (40 f.); XXXV. 31 ff. (121 f.); 50(128) и т.д.; *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 119 ff.

140 *Xen.* Anab. V.5.1; *Strabo* XII.3.19(549); *Steph. Byz.* s.v. Χάλυβες; *Максимова М.И.* Указ соч. С. 27, 31, 69, 82, 143 сл. Скептически о ценности в качестве экспортного товара, см.: *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 119; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 90 c no. 68.

141 *Theophr.* Hist. plant. IV.5.5; *Strabo* XII.3.12(546); *Catull.* 4; *Arr.* PPE. 6 (Roos).

142 *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 113 (с литературой).

143 *Athen.* I.(27e); II.(118c); (119b); VII.(295c); (307c); (319a); (326f); *Galen.* VI.563; 728f.; 746f.; *Strabo* VII.6.2(320); XII.3, 11(546); 19(549); *Plin.* NH. XXXII.146(254); *Polyb.* XXXI.24.3 f.; *Plut.* Ant. 29.6 и т.д.; *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 115 ff.

144 *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 123.

145 *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 835–837; *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971. S. 110.

146 *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 159–161, 168.

147 *Голенко К.В.* Клад синопских... С. 42–50.

148 *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н.э. Харьков, 1970. С. 131–132.

149 *Монахов С.Ю.* Синопские амфоры. Динамика форм и стандартов // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Белгород Днестровский, 1990. С. 59–61; *он же.* Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры... С. 163–204; *Monachov S.J.* Les Amphores de Sinope // Anatolia Antiqua. 1993. T. II. P. 107–132; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры... С. 145–160; *Внуков С.Ю.* Причерноморские... С. 130–158.

гически этот центр связан с Колхидой, а форма амфор с Синопой[150]. По их мнению, первоначально амфоры там производились синопскими гончарами. Вторая же группа амфор изготавливалась *«в некоторых греческих и «варварских» мастерских собственно Колхиды»*[151]. Как раз предположение о трапезунтском происхождении части амфор заслуживает особого внимания. Мы остановимся на нём подробнее, после того как рассмотрим других возможных «*кандидатов*».

Гераклея Понтийская. Клеймёная керамическая тара Гераклеи Понтийской хорошо известна в Причерноморье с конца V до первой четверти III в. до н.э.[152] Также локализована поздняя неклеймёная тара этого центра, относящаяся к римскому времени[153]. Несмотря на некоторую схожесть глиняного теста, маловероятно происхождение оттуда ещё и «*коричневоглиняных*» амфор.

Тий[154]**.** Город был на короткий период захвачен Фарнаком во время войны против Пергама (183–179), по мирному договору передан Вифинии, но, очевидно, остался автономным, ибо 25 лет спустя упоминается как «*друг и союзник*» Вифинии[155]. Этот городок на границе Вифинии и Пафлагонии, примерно посреди пути от Гераклеи к Амастрии, правда, чеканил свою монету какое-то время после освобождения от власти Лисимаха или, вероятнее, расторжения синойкизма с Амастрией, а также довольно продолжительно в римский период[156], но никогда не играл существенной роли в истории региона.

Амастрия. Этот, основанный женой гераклейского тирана Дионисия посредством синойкизма Тия, Сесама, Кромны и Китора полис[157], стал в 279 г. до н.э. первым владением Митридатидов на побережье (*Memn.* FGH. 434. F. 5.3 ff. и 9.4). Дальнейшая его судьба была связана с понтийским царским домом и позднее с римской провинцией Понт и Вифиния. Известны клеймёные амфоры этого центра

---

[150] *Кац В.И.* Амфоры Колхиды... С. 51–53; *он же.* Греческие керамические... С. 110, 292; *Внуков С.Ю.* О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 164; *он же.* Problems of „Brown clay“ (Colchean) amphora studies: typology, chronology; productions centres, distribution // International round table conference „Production and trade of amphorae in the Black Sea“. Batumi-Trabzon, 27–29 April 2006. Batumi, 2006. P. 5–8.

[151] *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 110.

[152] *Авдеев А.Г.* О времени... С. 3–16; *Bittner G.* Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998. S. 50; *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 232–249.

[153] *Внуков С.Ю.* Причерноморские... С. 28–96.

[154] *Wüst E.* Tios // RE. 1937. Bd. VI. Sp. 1411–1412.

[155] *Polyb.* XXV.2.7; XXXIII.12.8–9; *Meyer E.* Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich; Leipzig, 1925. S. 148 ff.; *McShane R.B.* The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 162 c no. 45.

[156] *Wüst E.* Op. cit. S. 1412; *Franke P.R.* Zur Chronologie der „autonomen“ Münzen des bithynischen Tios // AA. 1966. S. 58–67.

[157] *Memn.* FGH. 434. F. 4, 10; *Diod.* XX.109.7; *Ps. Skymn.* 962; *Strabo* XII.3. 10(544); *Anonym.* PPE. 115, 116; *Burstein S.M.* Outpost... P. 83 ff.; *Marek Chr.* Stadt... S. 16 ff.; *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. Berkeley, 1995. P. 383 f.; *Bittner A.* Op. cit. S. 45.

раннеэллинистического времени[158], что не исключает возможности их выпуска и позднее.

Амис. Для Амиса обычно также постулируется его подчинение Понту самое позднее ок. сер. III в. до н.э. В пользу этого приводят обычно монетные выпуски с монограммами понтийских царей[159]. Однако не стоит забывать, что полис продолжал чеканить серебро, в то время как, например, после захвата Синопы Фарнаком там эмитировалась лишь бронза. Поэтому, наверняка, справедливо замечание М.И. Максимовой, что в случае с Амисом был скорее всего установлен понтийский протекторат с частичным контролем над выпуском монеты[160].

Синопская архе. К сожалению, история этих синопских апойкий практически неизвестна. Отрывочные данные датируются ещё периодом классики, но они как и более поздние свидетельства ничего не дают для возможности каких-либо суждений об экономике синопской архе, к которой также относились Котиора, Керасунт, Армена, Птерия, Гермонасса, ещё один Керасунт и, возможно, Абонутейх[161]. Колонизация Синопы носила весьма своеобразный характер. Часть собственных граждан высылалась в новые поселения, остававшиеся зависимыми от метрополии, и, таким образом, расширялась зона влияния последней[162]. Из числа владений Синопы *Керасунт*, равно как Армена и Китор, никогда не играл существенной роли в истории и экономике региона. С утверждением на черноморском побережье, цари Понта, возможно, сократили хоры Синопы и Амиса[163]. Только так можно объяснить основание Фарнакии из *Котиоры*, которая затем превратилась в деревню[164]. Кроме Фарнакии в землях халибов находились городки Сиде, Фабд, Хабакта. Последняя из них даже чеканила собственную монету при Митридате[165]. Далее между Трапезунтом и Фасисом существовал целый ряд поселений: Одиний, Белирий, Стамения, Тетракия,

---

158 См.: прим. 58.

159 WBR. I. P. 53; *Hirschfeld G.* Amisos // RE. 1894. Bd. I. Ht. 2. Sp. 1840.

160 *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 177.

161 *Xen.* Anab. IV.1.15; 8, 22; V.3.2; 5.3; 7.10; VI.1.15; *Diod.* XIV.30.3; 31.1; *Ps. Skyl.* 89; *Ps. Skymn.* 911; *Arr.* PPE. 24; *Lendle O.* Kommentar zu Xenophons Anabasis (Bücher 1–7). Darmstadt, 1995. S. 288, 310f., 337f., 352f., 364ff.; *Ruge W.* Sinope // RE. 1927. Bd. III. Sp. 254; *Hampl F.* Poleis ohne Territorium // Klio. 1939. Bd. 32. S. 5 ff.; *Gschnitzer F.* Abhängige Orte im griechischen Altertum. München, 1958. S. 18 f., 160; *Seibert J.* Metropolis und Apoikie. Diss. Würzburg, 1963. S. 169 ff.; *Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983. P. 201 ff.; *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, 1988. S. 57, 329 f. Anm. 418 f.; *Marek Chr.* Stadt... S. 19 и Anm. 167.

162 *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 75.

163 Там же. С. 191.

164 *Strabo* XII.3.17(548); *Arr.* PPE. 16; *Olshausen E., Biller E.* Historisch-gejographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithridatiden. Wiesbaden, 1984. Tl. I. S. 156.

165 *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 196.

которые античные географы и периплы именуют «πόλεις Ἑλληνίδες»[166]. Вблизи от Трапезунта был городок Гермонасса[167]. Едва ли вероятно, чтобы один из них, за исключением Фарнакии, обладал настолько солидным экономическим потенциалом, чтобы буквально наводнить своим экспортом черноморский бассейн. Наконец Абонутейх уже в 137/36 г. до н.э. не имел полисного статуса[168].

Трапезунт. Для рассматриваемой здесь темы немаловажен вопрос о правовом статусе малых полисов из владений Синопы, прежде всего, Трапезунта, Котиоры и Керасунта. Единственным источником на этот счёт остаётся Ксенофонт. По его данным лишь Котиора находилась в непосредственном подчинении у Синопы, управляясь присланным оттуда гармостом[169]. Два других полиса были скорее союзными метрополии единицами, плативши ей денежный налог (δάσμος или φόρος)[170]. Вместе с тем, как уже было подмечено М.И. Максимовой, при обилии монет, надписей и других свидетельств торговой деятельности Синопы и Амиса, за исключением одной монеты Трапезунта из Дура Европоса, совершенно отсутствуют подобные свидетельства для владений Синопы, что может говорить о том, что вывоз их продукции осуществлялся через метрополию[171]. Археологически Трапезунт совершенно не исследован[172]. Этому обстоятельству препятствуют многометровые средневековые слои и современная застройка. Географически он являлся «*колонией Синопы в стране колхов*»[173]. Как раз факт, что колхи проживали не только в той части Колхиды, которая охватывала территорию современной Грузии, но и Турции подчас не учитывается, хотя для любых изысканий касающихся древней истории региона он очень важен. Анализ литературных источников позволяет утверждать, что со времён Гекатея до похода 10 000, колхи продвину-

---

166 См. источники, указанные у: *Хайнд Дж.* Памятники античных городов Южного Причерноморья (По данным поездки 1962 г.) // СА. 1964. № 3. С. 172.

167 *Olshausen E., Biller J.* Op. cit. S. 141, 161.

168 *Reinach Th.* A Stele from Abonuteichos // NC. 1905. Vol. V. P. 111 ff.; *Wilhelm A.* Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909. S. 263 Anm. 8. Максимова М.И. считала возможным, что этот полис уже до захвата Синопы Фарнаком сделался понтийским владением (Указ. соч. С. 183).

169 *Xen.* Anab. V.5.19–20; *Hampl F.* Poleis... S. 5 ff.; *Seiber J.* Metropolis... S. 169–173; *Werner R.* Probleme der Rechtsbeziehungen zwischen Metropolis und Apoikie // Chiron. 1971. Bd. 1. S. 58; *Courtils J. des, Rémy B.* Remarques sue l'inplantation des colonies grecques au sud-east du Pont-Euxin // EA. 1986. Bd. 8. P. 53–64.

170 *Xen.* Anab. V.5.10; *Gschnitzer F.* Abhängige Orte... S. 18 f.; *Seibert J.* Metropolis... S. 173.

171 *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 76. В этой связи можно сравнить запрет вывоза хлеба с «*равнины*» владений Херсонеса Таврического из других гаваней, кроме самого Херсонеса. IOSPE. I². № 401: 47–50.

172 *Ruge W.* Trapezunt // RE. 1937. Bd. VI. Sp. 2214 ff.; *Хайнд Дж.* Указ. соч. С. 185 сл.

173 *Xen.* Anab. IV.8.22 с комментарием: *Lendle O.* Op. cit. S. 288; *Arr.* PPE. 1.15; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 25, 74; *Lipka M.* Op. cit. S. 65 (с дальнейшими источниками).

лись на запад от Фасиса до Керасунта[174]. И если Арриан говорит, ссылаясь на Ксенофонта: и Τραπεζουντίοις… Κόλχοι ὅμοροι, то это не только ссылка на авторитетный источник, но и продукт личных впечатлений от посещения тех мест[175]. Очевидно, население от Фасиса до Диоскуриады оставалось в классический период и, вероятно, позднее неизменным[176]. Уже Ксенофонт называет Трапезунт «*многолюдным эллинским полисом*» (*Xen.* Anab. IV.8.22). Именно оттуда 10 000 получили в качестве дара быков, ячмень и вино, в то время как дружественные полису равнинные колхи прислали лишь скот[177]. В этом сообщении Ксенофонта прослеживается указание на хозяйственную специализацию региона. При этом виноделие оставалось, однозначно, приоритетом греков[178]. Трапезунт же уже в это время играл роль посредника в отношениях с колхами.

Первый вопрос, которым следует задаться, это насколько автономны были синопские апойкии. С одной стороны во времена Ксенофонта они управлялись синопскими «*гармостами*»[179] и платили дань метрополии, но это положение могло быть иным в эллинистический и прежде всего позднеэллинистический период. Уже в конце V в. Трапезунт обладал собственным флотом (*Xen.* Anab. V.1.15; *Diod.* XIV.30.4). Кроме того, известно, что в IV в. он чеканил собственную монету[180]. Интересно, что послужило поводом для этих эмиссий. Монетный чекан считался в античности неоспоримым правом независимого полиса. Если Трапезунт, являвшийся ещё в самом конце V в. зависимой от метрополии апойкией внезапно прибег к автономному чекану, то не означает ли этот факт приобретения им независимости? Как раз в

---

[174] *Braund D.* Georgia in Antiquity… P. 76. No. 9, 132. No. 45; *Жордания Э.* Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Часть I: Лазы // ByzSlav. 1996. С. 124, 135, 138. Ср.: *Lipka M.* Op. cit. S. 65 f., который пишет о «*Колхидском царстве*», хотя у Ксенофонта говорится лишь об отдельных племенах колхов.

[175] *Arr.* PPE. 1.15. Ср.: *Xen.* Anab. IV.8.22; *Diod.* XIV.30.3.

[176] *Меликишвили Г.А.* Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды // ВДИ. 1966. № 1. С. 86. Иначе см.: *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 194 со сылками на *Strabo* XI.2.17–19(498–99); XII.3.18(499).

[177] *Xen.* Anab. IV.8.24; V.7.13; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 124. Совершенно необосновано мнение со ссылкой на это место у Ксенофонта, что в район Трапезунта вино могло завозиться извне. *Mehl A.* Der Überseehandel… S. 110 (со ссылкой на Э. Ольсхаузена).

[178] Неточно: *Danoff Ch.* Pontos Euxeinos // RE. 1962. Suppl. IX. Sp. 1034 f., хотя верно отмечает «untergeordnete Rolle der Landwirtschaft» у колхов Ebd., Sp. 1035. Ср. *Ruge W.* Trapezunt… Sp. 2215; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 70 сл., 286 сл.

[179] Ксенофонт скорее просто употребляет здесь более обиходный, современный ему термин для спартанских наместников чем действительный *terminus technicus* для синопских чиновников в подчинённых областях. О спартанских гармостах см. *Bockisch G.* Ἁρμοσταί (431–387) // Klio. 1965. Bd. 46. S. 129–239.

[180] *Head B.V.* Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics. 2. ed. Oxf., 1911. P. 502; WBR P. 148. No. 1-3a-b. Tab. XV. 11–15; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 74, Табл. II. 10б.

IV в. предпосылкой этому могли послужить Анталкидов мир с последующей реорганизацией территорий, кампания Датама против Синопы и, наконец, поход Александра с его декларациями свободы и последовавшими за этим подтверждениями диадохами. Всё это пока лишь предположения, которые нуждаются в дальнейших доказательствах, но факт собственных монетных эмиссий Трапезунта остаётся очевидной действительностью.

Что касается статуса полиса при Митридатидах, то единственным источником для этого является Страбон (XII.3.1(541)). Неизвестно, что стало с Трапезунтом после покорения Синопы Фарнаком. Во всяком случае, нет основания утверждать, что судьба метрополии постигла и её хору. В коротком пассаже Страбона говорится, что при воцарении Митридата VI его владения на восток распространялись до области тибаренов, т.е. западнее Трапезунта и до Малой Армении. По мнению М.И. Максимовой, вплоть до укрепления власти Митридата эта часть побережья входила во владения Малой Армении, которой она была уступлена Фарнаком за поддержку в войне 179 г. до н.э.[181] Следует, однако, отметить, что источники дают совершенно иную картину. Так, по сведениям Полибия, все участники антипергамской коалиции в войне Понта против Пергама (183–179 гг. до н.э.), за исключением Фарнака, за которым была оставлена Синопа, принуждены были возвратить свои территориальные и прочие приобретения и, кроме того, обязались уплатить солидную денежную контрибуцию[182]. Наряду с Синопой упоминается лишь Тий, также захваченный Фарнаком и после мирного соглашения возвращённый Вифинии. Во-первых, Митридат Армянский являлся «*предателем*», нарушившим договор с Пергамом и перешедшим на сторону противника и обложенный в наказание за это огромной контрибуцией в 300 талантов; во-вторых, Полибий, очевидно, назвал оба и единственные греческие полисы, затронутые войной, говоря лишь обобщённо о варварских территориях. Едва ли Трапезунт был менее значителен, чем Тий, что не заслужил особого упоминания. Скорее Трапезунт, а возможно и некоторые другие внешние владения Синопы, стали независимыми после того, как метрополия пала жертвой понтийской агрессии[183]. Едва ли Фарнак обладал в этот период достаточными средствами, чтобы одновременно с Синопой захватить и её владения, а добровольная их капитуляции при удалённости от владений Понта маловероятна. В пользу этого свидетельствует и Страбон. Трапезунт обладал, правда, неудобной гаванью, которую из-за северо-западных ветров можно было использовать лишь в летнее время года[184]. Но, несмотря на это, уже в классический период он являлся важным транзитным портом для товаров идущих на запад (*Xen.* Anab. V.2.16). В период парфянской

---

[181] *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 193 сл.

[182] *Polyb.* XXV.2; *McShane R.* Op. cit. P. 161–163.

[183] *Кац В.И.* Амфоры Колхиды… С. 53; *он же.* Греческие керамические… С. 293.

[184] *Ruge W.* Trapezunt… Sp. 2215 f.; *Mehl A.* Der Überseehandel… S. 128.

войны Нерон использовал его в качестве базы для римского флота и он остался ею в последующий период, будучи расширен при Адриане[185]. Кроме того существовала ещё одна гавань восточнее Трапезунта – Дафн[186].

Итак, в правовом, политическом и экономическом плане ничто не может свидетельствовать против вероятности собственного амфорного производства с одновременным эпизодическим клеймением в Трапезунте в эллинистический период.

4. Римский период

Нам практически ничего неизвестно о правовом статусе полисов в период понтийского владычества, охватывающего, по меньшей мере, почти полуторастолетний промежуток. Полуавтономные полисные монетные эмисии свидетельствуют об определённой мере свободы, равно как и возросшее количество представителей полисов в надписях за рубежом. Синопа являлась некоторое время столицей Понтийского царства, а присоединение её и других полисов к владениям Митридатидов принесло с собой включение в обширный рынок внутренних регионов Малой Азии[187]. Важнейшей вехой в истории региона стало крушение Понтийского царства Митридата VI. В 70 г. до н.э., в год капитуляции Гераклеи, были взяты войсками Лукулла и разграблены Амис и Синопа[188]. Особенно пострадал Амис. Однако «*жалость к побеждённым*» и «*угрызения совести*» побудили Лукулла вернуть оставшихся в живых жителей полиса и даровать ему, а также Синопе статус *civitates liberae*, увеличив одновременно территорию первого[189].

Таким образом, до периода гражданских войн в Риме в понтийском регионе наступило время политической стабильности, что, несомненно, оказало положительное влияние на его экономическую жизнь. Важную роль в этом направлении сыграли реформы Помпея. Спорным остаётся вопрос о границах провинции Понт и Вифиния. Вместе с тем против мнения Б. Низе, включавшего в состав провинции на востоке земли вплоть до Колхиды, за исключением Газелонитиды и прибрежной полосы вокруг Фарнакии и Трапезунта, в последнее время преобладает точка зрения Й. Марквардта, что её крайним восточным пределом являлся Галис с территорией Амиса[190]. Малую Армению

---

185 *Tac.* Ann. XIII.39.1; *Arr.* PPE. 16.6.

186 *Mehl A.* Der Überseehandel... S. 128.

187 О Границах Понтийского царства см.: *Strabo* XII.3.1(541); *Marek Chr.* Stadt... S. 27 Anm. 219 (с литературой).

188 *Plut.* Luc. 19.1–3; *Memn.* FGH. 434. F. 30.3–5.

189 *App.* Mithr. 83; *Plut.* Luc. 19.5; 23.2–3; *Cic.* De imp. Gn. Pomp. 21; *Strabo* XII.3.11(546); 12(547); *Memn.* FGH. 434. F. 37; *Eutrop.* VI.8.2; *Oros.* VI.3.2–3; *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 584; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. P. 184 f., 337 f., 1215. No. 40; *Bernhardt R.* Imperium und Eleutheria. Die römische Politik gegenüber den freien Städten des griechischen Ostens. Diss. Hamburg, 1971. S. 137–139.

190 *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung I // Handbuch der römischen Altertümer. 2. Aufl. Bd. IV. 1. B., 1883. S. 350; *Niese B.* Straboniana III. Strabo XII 544. Die Einrichtung der Provinz Pontus durch Pompeius // RhM 1883. Bd. 38.

и Колхиду Помпей передал династам, сражавшимся на его стороне, а также полисам Фарнакии и Трапезунту, причём последний получил владения до границ Колхиды[191]. Из числа династов Аттал и Пиламен получили области в южной Пафлагонии за горами Олгасса, Колхида была передана некоему Аристарху, Комана Понтийская – Архелаю, предводителю галатов-трокмов Брогитару – Митридатий[192]. Особенно был одарен Дейотар, правитель толистобогов. Ему были переданы Газелонитида, а также побережье у Фарнакии и Трапезунта вплоть до границ Колхиды[193]. Правда, Цезарь наказал его позднее за помпеянскую приверженность, лишив части владений, но оставил за ним Понт[194]. После смерти диктатора он несколько расширил свои владения, но умер в 40 г. до н.э. бездетным.

Кроме территориальных перетурбаций были проведены существенные преобразования в самих полисах. При этом *lex Pompeia* ориентировался на римские управленческие практики[195]. Очевидно, что, в первую очередь, эти новшества коснулись *civitates stipendiariae*, а не свободных полисов (*civitates liberae* или *foederatae*): Амастрии, Синопы, Амиса и, возможно, также Калхедона и Прусия *apud mare*[196]. Вместе с тем их статус не оставался неизменным. Так, Страбон отмечает, что в последующий период римские полководцы назначали новых

S. 577–583; *Wellesley K.* The Extend of the Territory Added to Bithynia by Pompey // RhM. 1953. Bd. 96. P. 303 f.; *Olshausen E.* Pontos und Rom (63 v. Chr.-64 n. Chr.) // ANRW. 1980. Bd. II. Ht. 7. Tl. 2. S. 906. Anm. 8; *Marek Chr.* Pontus et Bithynia. Die römischen Provinzen im Norden Kleinasiens. Mainz, 2003. S. 8 Karte II.

191 *Strabo* XII.3.1(541); 3.13(547); *Plut.* Pomp. 42. Ср.: *Cary M.* Pompey's Settlement of the East // CAH. 1932. Vol. 9. P. 390–396; *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 530–534; *Magie D.* Op. cit. P. 351–378, 1220–1241; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 191; *Gelzer M.* Pompeius. München, 1959. S. 95–111; *Marshall A.J.* Pompey's Organization of Bithynia-Pontus: the Neglected Textes // JRS. 1968. Vol. 58. P. 103–109; *Marek Chr.* Stadt... S. 30 ff.

192 *Eutrop.* VI.14.1; *App.* Mithr. 114; *Strabo* XII.3.1(541); 3.4(558); 5.2(567); *Magie D.* Op. cit. P. 372–374, 1094. No. 58, 1234 f. No. 37, 48, 1238. No. 42; *Hoben W.* Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik. Diss. Mainz, 1969. S. 35, Anm. 122, 70. Anm. 80, 120. Anm. 325; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 168.

193 *Strabo* XII.3.13(547). Ср.: 3.29 (555); *Dio. Cass.* XLII.63; *Ruge W.* Trapezus. Sp. 2217; *Meyer E.* Die Grenzen... S. 88; *Magie D.* Op. cit. P. 1237. No. 41; *Liebmann-Frankfort T.* La frontière orientale dans la politique extérieure de la République romaine depuis le traité d'Apameé jusqu' à la fin des conquêtes asiatiques de Pompée (189/8–63). Brussel, 1969. P. 280 f.; *Hoben W.* Op. cit. S. 69–71.

194 *Hoben W.* Op. cit. S. 92. Anm. 183; S. 98. Anm. 185; S. 108–116; *Ritter H.-W.* Caesars Verfügung über Kleinarmenien im Jahre 47 // Historia. 1970. Bd. 19. S. 124–127

195 *Dio. Cass.* XXXVII.20.2; *Plin.* Ep. X.79, 112, 114; Digest LI.1.2; *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary. Oxf., 1966. P. 669 ff.; *Wörrle M.* Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien. Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda. München, 1988. S. 91; *Marek Chr.* Stadt... S. 42. Anm. 299 (литература).

196 Об их статусе см.: *Bernhardt R.* Op. cit. S. 137 ff.; *Marek Chr.* Stadt... S. 37, 43 с anm. 316.

династов и наказывали или награждали полисы (*Strabo* XII.3.1(541)). Амис, например, был порабощён сыном Митридата Фарнаком в 48 г. до н.э, устроившим там резню (*App.* Mithr. 120). Лишь на следующий год после разгрома понтийского царя у Замы Цезарь вернул свободу этому полису[197]. Цезарь стал первым, кто создал римские колонии на востоке[198]. Большинство из них было выведено в *civitates stipendiariae*. В двух случаях, в Синопе (*Colonia Iulia Felix Sinopensis*)[199] и Парионе (*Colonia Iulia Pariana*)[200] – в свободные полисы. Примечательно, что обе колонии получили *ius italicum*[201], т.е. самое лучшее, что можно было себе представить. Изменение статуса Амиса произошло при Марке Антонии, который передал полис «*царям*», а в результате он попал под власть тирана Стратона[202]. Конец этим мытарствам положил Август после сражения у Акция. При нём Амису была не только возвращена свобода, но и дарован *foedus*[203]. Очевидно, что полис сохранил и в последующие времена свои привилегии. Во всяком случае, его автономные монетные эмиссии известны вплоть до 260 г. н.э.[204] Схоже

---

[197] *Strabo* XII.3.14(547); *App.* Mithr. 120; *Dio. Cass.* XLII.46.3; 48,4; *Diehl E.* Pharnakes // RE. Bd. XIX. 1938. Sp. 1849 ff. Ср.: IGRP. IV. No. 314; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 64, 68; *Bernhardt R.* Op. cit. S. 158. Другими свободными полисами были Гераклея, Кизик и Лампсак. См.: *Strabo* XII.3.6(542 f.); *Properz.* III.22; *App.* BC. V.137[570]; *Bowersock G.W.* Augustus and the Greek World. Oxf., 1965. P. 64; *Bernhardt R.* Ebd. S. 165, 182 c anm. 438.

[198] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus // Akad. der Wiss. und Liter. Abh. der Geistes- und Sozialwiss. Wiesbaden, 1951. Jh. 14. Klasse. 1951. Jahrgang 14. S. 49–95; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 62 f., 66–68; *Marek Chr.* Stadt... S. 49.

[199] *Strabo* XII.3.11(546); *Plin.* NH. VI.6(416); *Plin.* Ep. X.90 f.; Digest. L.15.1; *Magie D.* Op. cit. P. 1267. No. 33. Литературу о нумизматических свидетельствах см.: *Bernhardt R.* Op. cit. S. 164.

[200] *Plin.* NH. IV.48(315); V.141(410); Digest. L.15,8 f.; CIL. III. No. 386; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 63f. c no. 2; *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 582. *Jones A.H.M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1971. P. 86 считал основателем колонии Августа.

[201] *Premerstein A. von* Ius Italicum // RE. 1918. Bd. X. 1. Sp. 1238–1253; *Vittinghoff F.* Römische Stadtrechtsformen der Kaiserzeit // ZRG. 1951. Bd. 68. S. 465–472. Считается, что греки, т.е. греческая часть населения этих полисов, были исключены из новой римской организации. О различных точках зрения на этот счёт, см.: *Magie D.* Op. cit. P. 1267 f. No. 33; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 24 f.; *Colin J.* Les villes libres de l'orient gréco-romain et l'envoi au supplice par acclamations populaires. Bruxelles, 1965. P. 55. No. 4. Ср.: *Strabo* XII.3.6(543); 4.3(564); ILS. No. 314; Digest. LXV.1.10.

[202] *Strabo* XII.3.14(547); *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 426. No. 39; *Magie D.* Op. cit. P. 1285. No. 24; *Marek Ch.* Stadt... S. 49 ff. Под «*царями*», очевидно, имелся в виду Полемон Понтийский. См.: *Hoffmann W.* Polemon No. 2 // RE. 1952. Bd. XXI. Ht. 2. Sp. 1282. В неримских кварталах Гераклеи в это время известен тиран Адиаторикс. См.: *Strabo* XII.3.6(542 f.); *Bernhardt R.* Op. cit. S. 168, 182. Anm. 438.

[203] *Strabo* XII.3.14(547); *Plin.* NH. VI.7(417); *Henze W.* De civitatibus liberis. Diss. B., 1892. P. 65; *Bernhardt R.* Op. cit. S. 180. Anm. 433; *Marek Ch.* Stadt... S. 51 f.

[204] При Траяне см.: *Plin.* Ep. X.92 f. Монеты: *Malloy A.G.* The Coinage of Amisus. South Salem; N.Y., 1970. P. 19, 30.

сложилась судьба Трапезунта. По сообщению Страбона этот полис и соседняя Фарнакия находились под властью Полемона и его жены Пифодориды, владевших также Колхидой[205]. Совершенно очевидно, что это произошло при Марке Антонии и оставалось в силе до учреждения провинции Понт и Вифиния при Нероне.

История бывшего Понтийского царства в позднереспубликанское время и период раннего принципата настолько насыщена событиями, что пересказать их здесь можно лишь вкратце. Период гражданских войн в Риме ознаменовался беспорядками и разбродом в понтийском регионе (*Strabo* VI.2.17(498)). После разгрома Фарнака II Цезарь передал его царство вместе с Боспором и Колхидой Митридату Пергамскому[206]. В 37 г. до н.э. Марк Антоний уступил престол Полемону[207]. Тот расширил своё царство, включив в него Колхиду и Малую Армению. Несмотря на проантониновскую политику Август сохранил за ним его владения[208]. После этого карьера его пошла по возрастающей. В 26 г. до н.э. он получил почётный титул «*друга и союзника*» римского народа, а в 14 г. после смерти правителя Боспора Асандра, он посредством женитьбы на его вдове Динамии присоединил к своему домену также это царство[209]. В это время владения Полемона охватывали большую часть южного, всё восточное и часть северного Причерноморья. Однако царствование его было недолгим. Ок. 8 г. он погиб в войне с аспургианами[210]. После его смерти царство развалилось. На Боспоре осталась править Динамия, а в Понте Пифодорида. В 8 г. н.э. Пифодорида вышла замуж за Архелая Каппадокийского[211], объединив таким образом, оба царства. Однако и этот брачный союз продлился недолго. В 17 г. н.э. Архелай умер и римляне отправили своего наместника в Каппадокию Квинция Верания[212], оставив Пифодоре власть в Понте. После её смерти в 22/23 или даже 34/35 гг. н.э. власть перешла по очереди к её дочери Антонии Трифее и, наконец, внуку Полемону II, последнему властителю царства, которому на короткое вре-

---

[205] *Strabo* XI.2.18(499); XII.3.29(556); XII.3.31(556); 3.37(559); XIV.1.42 (649).

[206] *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 169 f.

[207] *App.* BC. V.75(319); *Strabo* XI.2.18(499); XII.6.1(568); 8.16(578); XIV.2.24(660); *Hoben W.* Op. cit. S. 34–38; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 51–53. О нём см.: *Hoffmann W.* Polemon No. 2. Sp. 1281–1285; *Hoben W.* Op. cit. S. 39–56; *Barret A.A.* Polemo II of Pontus and M. Antonius Polemo // Historia. 1978. Bd. 27. P. 437–448; *Sullivan R.D.* Dynasts in Pontus // ANRW. 1980. Bd. II. Ht. 7. Tl. 2. P. 915 ff.

[208] *Dio. Cass.* XLIX.25.4; 33.1–2; *Plut.* Ant. 61.1–2; *Strabo* XII.8.16(578); *Magie D.* Op. cit. P. 443.

[209] *Dio. Cass.* LIII.25.1; LIV.24.4–6; *Hanslik R.*, *Schmitt H.H.* Pythodoris // RE. 1963. Bd. 24. Sp. 581–586; *Leschhorn W.* Antike Ären. Stuttgart, 1993. S. 96 ff.

[210] *Strabo* XI.2.11(494). Ср.: XI.2.8(499); XII.3.29(556); *Leschhorn W.* Op. cit. S. 52, 60.

[211] *Strabo* XI.2.18(499); XII.3.29(556); *Tac.* Ann. VI.41.1; WBR. P. 21 f.; *Sullivan R.D.* Dynasts... P. 920 ff.

[212] *Tac.* Ann. II.56.4; *Gordon E.A.* Veranius No. 2 // RE. 1955. Bd. 8. Sp. 937 f.

мя был также подчинён Боспор[213]. Во всяком случае династия Полемонидов объединяла под своим господством практически без перерыва с 37 г. до н.э. до 63 г. н.э. значительную часть владений Митридата Евпатора[214].

Существенные политические изменения произошли в имперский период. В 17/18 г. н.э. была учреждена новая римская провинция Каппадокия[215]. По мнению К. Марека в её состав вошли также бассейн реки Галис и вся Малая Армения, и наименование Πόντος Καππαδοκικός восходит к этой аннексии побережья от Керасунта до Трапезунта[216]. Если это действительно так, то Трапезунт в результате сделался важнейшей и, фактически, единственной каппадокийской гаванью на побережье Чёрного моря. С другой стороны, когда в 64 г. н.э. Нерон учредил провинцию Понт и Вифиния[217], то Трапезунту была гарантирована его свобода[218]. Это не было препятствием для использования его гавани римским флотом. С экономической точки зрения это, несомненно, было выгодно. Известно, что в правление Веспасина узурпатор Аникет, бывший вольноотпущеник понтийского царя Полемона, сжёг часть римского флота на рейде, ненадолго захватил Трапезунт, но вскоре потерпел поражение[219]. Не ясно, какие последствия это имело для полиса. Во всяком случае с этого времени Трапезунт фигурирует как *liberum oppidum*. Вплоть до нападения готов в 257 г. н.э. он оставался большим и многолюдным городом[220]. От этого разгрома полис уже не сумел оправиться вплоть до раннего средневековья.

Что касается Закавказья, то около ста лет спустя после вторжения Помпея в Иберию Рим, очевидно, удовлетворялся тем, что контроль над Колхидой осуществляли его клиенты Аристарх, Полемон, Пифорида[221]. Точные обстоятельства «*аннексии*» Колхиды неизвестны. Веро-

---

213 *Dio. Cass.* LIX.12.2; *Reinach Th.* L'histoire par les monnaies. Essays de numismatique anciennes. P., 1902. P. 146 ff.; WBR. P. 9; *Magie D.* Op. cit. P. 1368 f. No. 50–53; *Hanslik R., Schmitt H.H.* Pythodoris... Sp. 585 f.; *Hoffmann W.* Polemon No. 3 // RE. 1952. Bd. 21. Sp. 1285–1287; *Anderson J.G.C.* The East under Gaius and Claudius. The Bosporan Kingdom // CAH². 1952. Vol. 10. P. 751; *Sullivan R.D.* Dynasts... P. 922 f., 925 ff.; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 175; *Leschhorn W.* Op. cit. S. 99 ff.

214 См. библиографию: *Sullivan R.D.* Dynasts... P. 915. No. 3.

215 *Mitford T.B.* Cappadocia et Armenia Minor: Historical Setting of the Limes // ANRW. 1980. Bd. II. Ht. 7. Tl. 2. S. 1173 f. (с источниками); *Rémy B.* L'evolution administrative de l'Anatolie aux troix premiers siècles de notre ère. Lyon, 1986. P. 30 ff.

216 *Marek Chr.* Stadt... S. 52, 59 f. Anm. 416.

217 *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 133, 170, 427. No. 45; *Schur W.* Die Orientpolitik des Kaisers Nero. B., 1923. S. 85 ff; *Magie D.* Op. cit. P. 1417. No. 62.

218 *Plin.* NH. VI.11(418); *Bernhard R.* Op. cit. S. 211.

219 *Tac.* Hist. III.47 f.; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 176.

220 *Zosim.* I.33.1; *Ruge W.* Trapezus... Sp. 2217. Автономные монетные эмиссии полиса известны до времени правления Филиппа Араба и его сына. См.: WBR. P. 156 f. Pl. XVI. Fig. 10–12; Pl. Suppl. M. Fig. 3.

221 *Eutrop.* VI.14; *App.* Mithr. 114; *Strabo* XI.2.18(499); *Head B.V.* Op. cit. P. 496; *Голенко К.В.* Аристарх Колхидский и его монеты // ВДИ. 1974. № 4.

ятно, упразднение власти Полемона II при Нероне и последовавшая в правление Флавиев реорганизации территории на восточной границе подразумевали контроль Рима над этими областями[222]. По мнению Д. Браунда к аннексии Колхиды Рим могло побудить нарастание беспорядков на восточном берегу Понта[223]. И, действительно, немногие свидетельства письменных источников и данные археологии подтверждают это предположение. Прибрежные племена восточного Причерноморья издревле «*славились*» своими наклонностями к пиратству и разбою, составлявшими часть традиционной общественной и экономической структуры[224]. В частности Плиний свидетельствует, что ранее цветущие города Диоскуриада и Питиунт лежали в развалинах и были покинуты жителями, что могло произойти в период гражданских войн в Риме в 68–69 гг.[225] Поэтому одной из важнейших задач римских войск в Иберии и Колхиде была борьба с разбоем и пиратством[226]. После того как Нерон аннексировал Колхиду, она стала считаться частью административной единицы *Pontus Polemonianus*, входившей в провинцию Каппадокия[227]. Постоянное римское присутствие в Колхиде, возможно, началось уже до 77 г. и, совершенно очевидно, для времени перипла Арриана в 132 г. Римские кастеллы засвидетельствованы в это время в Себастополе, и Апсаре, а с правления Адриана также в Питиунте[228]. Для II в. н.э. Арриан отмечает поселение торговцев и ветеранов в Фасисе, а Страбон называет там эмпорий колхов[229].

С. 105–110; *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада... С. 68;. *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика... С. 99, 132; *Tsetskhladze G.R.* On the numismatics... P. 245 ff.; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 168. Он не был царём. Его титул на монетах: ΤΟΥ ΕΠΙ ΚΟΛΧΙΔΟΥ ΑΡΙΣΤΑΡΧΟΥ и внизу дата ΒΙ= 12 г., т.е. 52/51 г.

[222] *Cumont F.* L'annexion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie // Anatolian Studies presented to Sir W.M. Ramsay. Manchester, 1923. P. 109–119; *Crow J.* A review of the physical remains of the frontiers of Cappadocia // The Defence of the Roman and Byzantine East. Oxf., 1986. P. 77–91; *Heil M.* Die orientalische Außenpolitik des Kaisers Nero. München, 1997. S. 148–150, 155 f.

[223] *Браунд Д.* Указ. соч. С. 35; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 176 f. Ср.: *Joseph.* BJ. II.366; *Strabo* XI.2.12(496); XVII.3.24(839).

[224] *Plin.* NH. IV.16(420); *Arr.* PPE. 11; 18; *Agath.* V.1; *Браунд Д.* Указ. соч. С. 39, 48.

[225] *Plin.* NH. VI.15 f. (420); *Леквинадзе В.А.* Понтийский лимес // ВДИ. 1969. № 2. С. 75–93; *Браунд Д.* Указ. соч. С. 35.

[226] *Браунд Д.* Указ. соч. С. 48 сл.

[227] *Syme R.* The enigmatic Sospes // JRS. 1977. Vol. 67. P. 38–49; *Браунд Д.* Указ. соч. С. 49; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 42; *Heil M.* Op. cit. S. 150 ff.

[228] *Arr.* PPE. 6–11; 26; ILS. 2660; *Спейдел М.П.* Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар // ВДИ. 1985. № 4. С. 176–179; *Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т.* Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. 1987. № 2. С. 88–92; *Браунд Д.* Указ. соч. С. 36 сл.; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 178.

[229] *Arr.* PPE. 9; *Patsch G.* Arrian's Periplus Ponti Euxini // Klio. 1904. Bd. IV. S. 69-76; *Strabo* XI.2.17(498). Также эмпорием была в раннеримский период Диоскуриада. См.: *Plin.* NH. VI.16(420); *Strabo* XI.2.16(498).

Неизвестно, насколько политические изменения коснулись эллинского или эллинизированного населения. Во всяком случае, территория между редкими римскими кастеллами контролировалась местными царьками, правившими «*милостью Рима*»[230]. Даже 300 лет спустя нет никакой речи о эллинизации Лазики/Колхиды[231]. Время после фактического уничтожения Колхиды (сер. I в. до н.э.) и до возникновения Лазского царство (II в. н.э.) является «*белым пятном*» в истории региона и обусловленно полнейшей сменой этнических, социальных и политических доминант. Очевидно, что последним штрихом в уничтожении прибрежных полисов и их округи стали готские набеги 256–276 годов, в частности на Себастополь, Трапезунт, Фасис[232].

6. Материал клейм

Г.Р. Цецхладзе разделил клейма «*Колхиды*» на две «*большие группы*»: эпиграфные и анэпиграфные, хотя первая из них объединяет лишь несколько десятков экземпляров, а вторая – два анэпиграфных клейма и 9 меток, процарапанных по сырой глине (Рис. 5)[233]. Уже при первом взгляде становится очевидной разница в традиции клеймения. Бесспорно колхидской можно признать лишь вторую группу, которая происходит из внутренних районов страны[234]. При этом речь идёт однозначно о «*варварских*» подражаниях, что известно и в других регионах античного мира.

К первой группе относят двустрочные ретроградные клейма ΔΙΟΣ|ΚΟΥ, в которых видят сокращение этникона Диоскуриады. Локализация в Колхиде обусловлена также тем фактом, что их значительное количество обнаружено именно там. Вместе с тем выражение «*значительное число*» весьма относительно. Пять из известных на сегодняшний день 15-ти клейм найдены на Европейском Боспоре[235]. Интересно, что находки клейм в Грузии довольно компактны. Одно из них найдено на Эшерском городище, а остальные девять в «*комплексе*» в Гвандре[236]. Не стоит говорить, что Διοσκουρίδης, Διοσκουρίδα(ς), Διοσκόρος, Διοσκόρις являются распространёнными ЛИ[237]. При этом Διοσκοῦς, Διοσκου(ρίδες) известны на Хиосе, Паросе, Фасосе, а Διοσκουρίς на Делосе[238]. Кроме того, сокращение Διοσ(κουρίδου) встречено в клеймах Коса, а полное имя Διοσκουρίδας в т.н.

---

[230] *Arr.* PPE. 11; *Braund D.* Hadrian and Pharasmanes // Klio. 1991. Bd. 73. P. 210 f.

[231] *Procop.* BP. II.15.4 f.

[232] *Zosim.* I.31; *Braund D.* Hadrian and Pharasmanes… P. 262 f.

[233] *Tsetskhladze G.R.* Die kolchischen… S. 378; *Цецхладзе Г.Р.* Производство амфорной тары… С. 104 с критикой: *Кац В.И.* Греческие керамические… С. 289, где клейма воспроизведены на рис. 65, 1–11.

[234] *Кац В.И.* Греческие керамические… С. 289.

[235] *Цецхладзе Г.Р.* Производство амфорной… С. 105; *Кац В.И.* Греческие керамические… С. 102 с прим. 3. С. 289.

[236] *Воронов Ю.Н.* К изучению… С. 165.

[237] *Pape W., Benseler G.E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Wörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig, 1911. Bd. 3. Ht. 2. S. 311 f.; LGPN. II. P. 140, 428, IIIA. P. 131, IIIB. P. 123.

[238] LGPN I. P. 140.

«*группе Никандра*» и в Херсонесе Таврическом[239]. Имя Δίος известно далее в клеймах Гераклеи[240], а Διοσκουρίαδας было названием филы в Амастрии[241]. Поэтому не исключено, что и в случае с клеймами *Dioskou* мы имеем не сокращение этникона полиса, а личное имя Диоск в генетиве[242]. Внешне клейма напоминают амастрийские (Рис. 5; 7–8). Целые сосуды с этими клеймами пока не известны, но глина исследованных образцов не имеет аналогий[243]. Кроме всего прочего, следует отметить, что Диоскуриада не чеканила собственной монеты до времени Митридата VI, являясь скорее эмпорием-торжищем для окрестных варварских племён[244], чем производственным центром.

Следующую группу «*колхидских*» клейм образуют оттиски Тимарха (Рис. 5,*1*; 6,*2*). Эти однострочные клейма в генетиве ΤΙΜΑΡΧΟΥ на ручках амфор грубой коричневой глины датируются, очевидно, III–II вв. до н.э.[245] Имя хорошо известно, в частности, в Северной Греции[246], в то время как в Колхиде эти клейма не найдены. Сказать что-либо более конкретное о них пока не представляется возможным.

Особенно сомнительны выводы об организации керамического производства в Колхиде. Для Г.Р. Цецхладзе совершенно очевидно, что клейма на амфорах гарантировали их стандарт и отсюда делается вывод, что «*the stamps bear the town name (Diodkurias) testifies to the fact that the workshop was state-owned*»[247], что далеко не бесспорно, равно как и аргумент, что метки на черепицах по сырой глине являются знаками отдельных керамевсов, на основании чего делаются выводы по организации производства[248]. Разумеется, нельзя исключить клеймение керамики «*на государственном уровне*» (?) сокращением этникона полиса и «*на частном*» (?) – именем фабриканта, так как они, вероятно, разновременны, а кроме того могут относиться к разным производственным центрам. Но метки по сырой глине известны также на черепицах из

---

239 *Criscuolo L.* Bolli d'anfora greci e romani. La Collezione dell'Università Cattolica di Milano. Studi di Storia Antica 6, Bologna. 1982. P. 114. No. 144, P. 119 No. 159; *Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 93. № 40–43. Табл. XV–XVII.

240 *Ameling W.* Prosopographia Heracleotica // The inscriptions of Herakleia Pontica. Bonn, 1994. S. 134.

241 *Marek Chr.* Stadt... S. 164. No. 19:16.

242 *Jefremow N.* Die Amphorenstempel des Myrsylos. S. 265; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 102; 289.

243 *Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б.* Указ. соч. С. 40.

244 *Plin.* NH. VI.16(420); *Tsetskhladze G.* On the numismatics... P. 241 ff.; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 158; *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика... С. 105 сл.

245 IOSPE. III. № 2292–2296; *Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А.* Указ. соч. С. 88 Рис. 6; *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 105–107 Рис. 8, 1; *Монахов С.Ю.* Комплексы... С. 483; *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 291.

246 *Pape W., Benseler G.E.* Op. cit. S. 1526; *Fick A., Bechtel F.* Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet. Göttingen, 1894. S. 265; LGPN. IIIB. P. 405.

247 *Tsetskhladze G.R.* Organization... P. 94.

248 *Цецхладзе Г.Р.* Производство... С. 107; *Tsetskhladze G.R.* Organization... P. 100 f.; *Внуков С.Ю.* К вопросу... С. 84.

Иберии[249]. Характер этих часто грубопрочерченных знаков и греческих букв не ясен, хотя клеймами их назвать никак нельзя. Сравниваемые Г.Р. Цецхладзе как аналогичные анэпиграфные клейма в виде «*врезанного креста*» на «*колхидских пифосах*» и на амфорах[250] таковыми вовсе не являются[251]. Можно говорить о схожести, но не идентичности указанных символов, а так как речь при этом идёт о довольно банальных сюжетах, то и любое «*сходство*» не играет особой роли.

Кроме полисных и частных мастерских Г.Р. Цецхладзе «*выделяет*» также царские мастерские с применением рабского труда[252]. В доказательство приводятся черепицы с клеймами: ΒΑΣΙΛΙΚΗ | ΜΗΛΑΒΗΣ и ΟΡΑΖΟ[253]. Если какая-то связь с царским домом и очевидна, то нет никаких оснований приписывать изготовление черепиц рабам. Вторые имена наряду с βασιλικὴ κεραμίς едва ли принадлежат непосредственным производителям. Скорее это могли быть частные лица, получившие царский заказ, либо управляющие царскими мастерскими. Возможно, что черепица красновато-коричневого, редко серого обжига с многочисленными примесями производилась также в Диоскуриаде в III–I в. до н.э.[254] Устаревшая хронология клейм Синопы способствовала ложным выводам о развитии торговых отношений с этим центром. Так, например, указание

---

[249] *Цкитишвили Г.Г.* Результаты работ на «Цихиа-гора» (1971–1974 гг.) // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 90. Рис. 3, 3. Ср.: *Zkitischwili G.* Der frühhellenistische Feuertempel von Kawtiskhewi // AA. 1995. S. 95. Abb. 12. О знаках на черепице, см., напр.: *Романчук А.И.* Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе // СА. 1977. № 2. С. 181–192; *Szalay A., Boehringer E. von,* Die hellenistischen Arsenale. „Garten der Königin“ // AvP. 1937. Bd. X. S. 40–48; *Boeringer E.* Ziegel und Henkelstempel // AvP. 1937. Bd. IX. S. 132–146.

[250] *Tsetskhladze G.R.* Organization... P. 94 f. Fig. 2, 1–2. Как отмечает автор: «All these artifacts were discovered in the ruins of a kiln». Факт этот не имеет значения, ибо материал из этой «обжигательной печи» являлся засыпкой разновременным материалом вплоть до средневековья (Ebd. P. 95). Датировка клейм началом III в. до н.э. также не обоснована, ибо произведена «according to its morphological features», которые не расрыты конкретно и на устаревшем мнении (Ebd. P. 96. No. 14) о начале клеймения пифосов в конце IV – начале III вв. до н.э.

[251] Кроме того, они вовсе не уникальны. Ср. аналогичный значок на гето-дакийском подражании косской амфоре: *Canarache V.* Importul amforelor stampilate la Istria. Bucuresti, 1957. P. 389. Fig. 79. No. 1579.

[252] *Апакидзе А.М.* Результаты археологического исследования античных городов Грузии // Античный город. М., 1963. С. 150; *Цецхладзе Г.Р.* Производство амфорной тары... С. 108.

[253] *Ахвледиани Д.Б.* Черепица Грузии эллинистичекой эпохи по материалам Ванского городища. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Ереван, 1987. С. 6–7, 18; *Akhvlédiani D.* Les tuiles estampillées de Vani // Le Pont-Euxin vu par les grecs. Sources écrites et archéologie. Symposium de Vani (Colchide)-septembre-octobre 1987. P., 1990. P. 283–285; *Цецхладзе Г.Р.* Царская керамическая мастерская в Вани и проблема боспорско-колхидских связей в эллинистическую эпоху // Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР. Тезисы докладов XX республиканской конференции. Киев, 1989. С. 240–241; *Tsetskhladze G.R.* Organization... P. 99 f.; *idem.* Archaeological investigations... P. 403. Fig. 10.

[254] *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 169.

на то, что со второй половины III в. ввоз синопской черепицы был прерван «*durch einheimische Produktion*», но с середины II в. возобновился вновь[255], мало убедителен. В Северном Причерноморье, например, ввоз черепицы продолжался параллельно с местным её производством.

Вторую группу (*cross-like stamps*), по мнению Г.Р. Цецхладзе, следует отнести к мастерским, принадлежавшим местной аристократии или скептухам «*страны Вани*». Спекулятивность таких суждений очевидна[256], ибо как раз организация керамического производства и связанные с этим административные и социальные процессы, являются наиболее спорными в керамической эпиграфике. Не менее фантастична попытка вывести на основании единичного клейма с изображением божества (?) с лучезарной головой культ Митры в Колхиде, ибо почитание этого бога было особенно распространено в Трапезунте[257]. Скорее в этих символах следует видеть знаки собственности[258].

Производство керамики в Колхиде имело длительную традицию ещё до прихода греков. Начиная с периода архаики, когда греческая импортная керамика становится знаком престижа в варварской среде[259], местные гончары наряду с традиционными формами выпускают свои подражания[260]. Импорт синопской черепицы в Колхиду привёл к её «*копированию*» в частности в Эшере[261]. Это не было узколокальным явлением. Известны, например, варварские подражания клеймам Родоса и Книда во Фракии и на Кипре[262]. Золотые статеры Александра и Лисимаха циркулировали в Колхиде и вызвали всплеск подражаний[263]. Поэтому

---

255 *Tsetskhladze G.* Kolchis im System... S. 92; *idem.* Griechen in der Kolchis... S. 68.

256 Ср.: *Garlan Y., Empereur J.-Y.* Bulletin archéologique: amphores et timbres amphoriques (1992–1996) // REG. 1997. T. 110. P. 173. No. 60: „ses interprétations très aventereuses quelques timbres sur amphores, tuiles et pithoi attributables à la Colchide. A une connaissance sérieuse des timbres céramiques grecs se substituent ici des vues inspirées d'un symbolisme fumeux ou d'un modernisme débridé".

257 WBR P. 148. Pl. XV. 16 ff. Критику статьи *Cecchladze G.R.* The cult of Mithras... P. 115–124, см.: *Garlan Y., Empereur J.-Y.* Op. cit. P. 166. No. 21.

258 Ср. оттиск эмблемы «*лев*» на крышке пифоса: *Zkitischwili G.* Op. cit. S. 91.

259 См.: *Genière J. de la,* La colonisation grecques en Italie méridiona et en Sucule et l'acculturation des non-Grecs // RA. 1978. P. 271 f.

260 *Воронов Ю.Н.* К изучению... С. 169; *Воронов Ю.Н., Вознюк А.С.* Новые археологические находки в Гадаутском районе Абхазской АССР // СА. 1975. № 2. С. 269; *Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А.* Указ. соч. С. 60 Рис. 5; *Pirtskhalava M.* La céramique colchidienne de Vani aux VIème-IVème siècles // Le Pont-Euxin vu par les grecs. Symposium de Vani (Colchide)-septembre-octobre 1987. P., 1990. P. 257–260.

261 *Воронов Ю.Н.* Об Эшерском... С. 114, 116; *он же.* Гиенос. С. 50; *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 142.

262 *Canarache V.* Op. cit. P. 387–390. Fig. 78–80; *Empereur J.-Y., Hesnarsd A.* Les amphores hellénistiques du monde égéen // Céramiques hellénistiques et romaines. P., 1987. P. 13, 56 f. Fig. 4, 58 f. Fig. 5–6.

263 *Golenko K.V.* Literaturüberblicke der griechischen Numismatik: Kolchis // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 570–572, 595–599; *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика... С. 42–102.

в анэпиграфных колхидских «*клеймах*» стоит, скорее всего, также видеть подражания греческим образцам без определённой смысловой нагрузки. Более того и сами колхидские амфоры, производившиеся в местной среде, являлись, очевидно, простым копированием греческой тары. За образец при этом были взяты амфоры Синопы и Трапезунта (?) составлявшие наибольший процент в импорте. Нельзя определённо сказать в каких целях осуществлялся этот «*плагиат*», как уже было отмечено, имевший проявления также в других «*отраслях*» и других регионах античного мира.

Целый ряд клейм на «*коричневоглиняных*» амфорах не учтён в перечне Г.Р. Цецхладзе. Интересно круглое монограмное клеймо – оттиск на горле амфоры первых веков н.э. из Херсонеса, опубликованное В.И. Кацем (Рис. 6,5)[264]. Мне удалось рассмотреть в нём четыре строки с сокращениями: AP|TP|ΠO или TO|ΔI. По всей вероятности это сокращения личных имён, носители которых могли образовывать коллегию. Ещё один экземпляр клейма оттиска геммы на «*коричневоглиняной*» ручке также даёт несколько имён (Рис. 9). Первое, что приходит на ум – это сравнение с коллегиями агораномов, чьи клейма хорошо известны на мерных сосудах[265]. Эпизодическое или длительное появление нескольких чиновников одновременно известно в керамических клеймах Синопы и Книда[266]. Имеем ли мы аналогичную ситуацию и здесь, сказать трудно, особенно в случае с оттиском геммы, хотя и предложенная интерпретация монограмм – это лишь гипотеза.

Следующую группу составляют клейма Мирсилеи (Рис. 6, 2–4; 7). Коротко я уже касался вопросов ономастики. Здесь же следует затронуть наряду с этим вопросом и данные диалекта. Остановимся для начала на имени, давшем название группе Мирсилея[267]. Оно не нашло никакого отражения в словарях греческих имён равно как и в TLG. В словаре имён Папе-Бенслера приводится лишь вариант Μυρσίλος, что в переводе с греческого означает «*плод мирты*» (μυρσίνη *myrthus communis*)[268]. Близкие ему, либо даже его варианты, имена на Μυρτι-, Μυρσι-: Μυρτίλος («*зерно перца*»), Μυρσῖνος имели распространение на Лесбосе[269]. Созвучное

---

[264] *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 290. Рис. 66, 5.

[265] См., напр.: *Федосеев Н.Ф.* Мерные сосуды Херсонеса Таврического // ХС. 2005. Вып. XIV. С. 337–340. Фотография клейма любезно предоставлена А.Б. Колесниковым.

[266] *Jefremow N.* Die Keramikstempel des hellenistischen Knidos. München, 1995. S. 57-60; *idem.* Die Aisymnetai von Sinope // Klio. 2003. Bd. 85. S. 9–14; *Ефремов Н.В.* Период фрурархов в эллинистическом Книде // ВЭ. 2008. Вып. II. С. 116–122; *Федосеев Н.Ф.* Датам... С. 25.

[267] IOSPE. III. No. 579–586 (Книд); *Штаерман Е.М.* Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935–1949 гг. // МИА. 1952. Вып. 25. С. 394 относила эти клейма к Херсонесу. См. далее: *Кац В.И.* Греческие керамические... С. 290–292.

[268] *Pape W., Benseler G.E.* Op. cit. S. 963.

[269] Ibid. S. 963; *Fick A., Bechtel F.* Op. cit. S. 212, 326; LGPN. I. P. 322. *Hall H.R.* Mursil and Myrtilos // JHS. 1909. Vol. 29. P. 19–22. С другой стороны топонимы Μορσή, Μουρσία, Μοῦρσα, Μουρσίλα, Μουροέλα в Паннонии и Испании: (*Pape W., Benseler G.E.* Op. cit. S. 949 f.) никак не связаны с ЛИ Мирсил.

Μύρσιλος было греческим именем Кандавла, правителя Сард (*Hdt.* I.7), а кроме того тирана Митилены, противника Алкея[270]. Далее имя Мирс носил отец Кандавла (*Hdt.* I.7). Так же звали сына Гигеса, посла сатрапа Орета (*Hdt.* III.122; V.121). Вариант Μυρσίλος известен кроме того в Киренаике, Аттике[271], а Μυρτίλος, Μυρτιλλίς в Аттике, Беотии, Локриде, Эпире, Иллирии, Мегариде, Фессалии, в Пелопоннесе, в Великой Греции, на Сицилии и т.д.[272] При этом характерно чередование дифтонга ου (Μουρ-) с длинным ϋ (Μυρ-)[273]. Само слово, а соответственно и производное от него ЛИ передавались по разному: μυρρίνη, μυρσίνη, μυρσίνα. Последний вариант – это дорийская форма. Кроме того, необходимо отметить наличие топонимов с этим корнем в Карии и прилегающих частях Ионии: Μυρσ[ιονουσα], Μυρσηλα, Μυρσιλεια[274]. На южном побережье Понта существовала колофонская апойкия Мирлейя[275]. В метрополии Гераклеи Понтийской – Мегарах, которые возводили свою родословную к мифическим карийцам[276], известно имя Μύρτιλος, а в самой Гераклее – женское имя Μύρσινη[277].

Что касается грамматических особенностей, то оно не может относиться к именам с суффиксом на «-λεύς, -λάος», ибо они склоняются по III или I склонению с окончаниями в генетиве: на «-λέως, - λάου». Для ряда дорийских центров характерно смешение онончаний генетива личных имён на - ου -ευ. В нашем случае мы можем иметь характерный пример койне, где более привычная форма -εας уступает место – είας[278]. Если это так, то появление элементов койне является дополнительным аргументом в пользу сравнительно поздней датировки клейм, а кроме того позволяет до определённой степени сделать выводы иного характера. Окончания на -α являются характерным признаком дорийского диалекта[279]. Если принять, что данное ЛИ относится к категории имён склоняемых по типу: ἀνδρεία, то номинатив должен быть Μυρσιλε(ί)α, а не Μυρσίλης, ибо в противном случае окончание генетива было бы – έως. Стоит ли в этом случае рассматривать носителя имени как женщину?

---

270 *Alkai.* 20.2; *Plut.* Arat. 3.5; *Mor.* (959); *Athen.* X.35, 38 fr. 20; *Dion. Hal.* AR. I.23.5; 28.4; *Strabo* I.3.19(60); XIII.1.58(611) и т.д.; *Bechtel F.* Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917. S. 593.

271 LGPN. I. P. 322; II. Oxf., 1994. P. 323.

272 LGPN. II. P. 323; IIIA. Oxf., 1997. P. 308; Vol. IIIB. Oxf., 2000. P. 294 f.

273 LGPN IIIB. P. 294.

274 *Zgusta L.* Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 412. § 864–5 (местность вблизи Приены), S. 413. § 866–1(τόπου τοῦ ἐν Μυρσηλοις у Миласы); 866-2 (τῶν ἐν Μυρσιλεία ἀγρῶν у Магнезии).

275 *Corsten Th.* Die Inschriften von Apameia (Bithynien) und Pylai. Bonn, 1987. S. 7–9; *Marek Chr.* Stadt... S. 15, 23.

276 *Paus.* I.39.5; 40.6; 44.6; *Pfister F.* Der Reliquienkult im Altertum. Giessen, 1909. S. 284 f.

277 IG. VII 27; 41; SEG. XXXIX. No. 411 (Мегары); КБН. № 246 (гераклеотка в пантикапейской надписи III в. до н.э.); *Ameling W.* Op. cit. P. 153.

278 *Bechtel F.* Op. cit. S. 76. Ср., однако, контракцию в имени Βασίλειος: *Ameling W.* Op. cit. S. 129.

279 Следует отметить, что генетивы на *-α* встречаются и за пределами «*дорийской зоны*», например на Фасосе. См.: SGDI. P. 242.

Разумеется, нет. В дорийских центрах, например, в Мегарах и некоторых других регионах северной Греции существовал ряд имён оканчивающихся на -α с генетивом на -ας, например: ’Αριστοκλέα, Τιμέα[280]. Таким образом, обладатель имени был Мирсилея.

Последнее имя, известное в клеймах данной группы, могло быть Θίων (Рис. 10). Подобного рода номинативы на – ίων чаще всего являются производными от этникона или гентилия[281]. Как ЛИ имя оно мне не известно, но присутствует как составная в имени Προμαθίων, например в клеймах Херсонеса[282]. Из «*фабрикантских*» имён в оттисках Мирсилеи имя Σοτάδας известно в клеймах Гераклеи и Херсонеса[283], а Маникос и Ман в клеймах Синопы[284].

7. Выводы:

Приведённые выше данные из истории юго-восточного и восточного Причерноморья показывают, что нет никаких оснований опираясь на мнимую локализацию колхидских амфор говорить о высоком уровне развития связанных с ней отраслей производства на протяжении эллинистического и римского времени. Сам тезис о полицентричности и континуитета в производстве амфор в Колхиде является явным заблуждением. Длительное время Колхида представляла собой раздробленную культурно и политически страну[285], и хотя бы поэтому там отсутствовала инстанция, способная унифицировать производство керамической тары по одинаковым типам и стандартам. В случае же с «*коричневоглиняными*» их регулярное производство с периодическим клеймением осуществлялось с периода поздней классики до раннего Средневековья. Унификация производства керамической продукции в этом случае в целом ряде центров могла быть достигнута при Митридате VI, а затем при Полемонидах, объединивших под своей властью всю восточную половину черноморского бассейна. Однако и в это время, скорее всего, «*львиная доля*» продукции приходилась на южное Причерноморье. Экземпляры же из Колхиды вне этого временного отрезка представляют собой «*копии*», местные подражания греческим прототипам, расчитанные на «*колхидского потребителя*».

Ещё большую вариабельность дают керамические клейма. В них присутствует этникон (?), личное имя в генетиве, пара имён (клейма Мирсилеи), монограммы, оттиски гемм. Кроме того, существует группа «*монархических*» клейм на черепице. Это слишком пёстрая картина, что-

---

280 *Buck C.D.* Introduction to the Study of the Greek Dialects. Grammar. Selected Inscriptions. Glossary. Boston; N.Y.; Chicago; L., 1910. P. 36, 81. No. 105. 2b, P. 248. No. 90; *Ameling W.* Op. cit. S. 126.

281 *Fick A., Bechtel F.* Op. cit. S. 342 f., 259.

282 *Кац В.И.* Керамические клейма... С. 127. № 39. Табл. CVII.

283 *Ameling W.* Op. cit. S. 160; *Кац В.И.* Керамические клейма... С. 113. № 116. Табл. XCVI; Гентилия на -δης см.: *Fick A., Bechtel F.* Op. cit. S. 356 ff.

284 *Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores en mer Noire. Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994. Aix-en-Provence, 1999. P. 38. No. 161–163.

285 *Braund D.* Georgia in Antiquity... P. 91 c no. 77–78. P. 145.

бы признать все клейма происходящими из одного греческого центра Колхиды. То, что до сих пор неизвестны трапезунтские амфоры вовсе не означает их отсутствия. Полицентричность в производстве амфорной тары внутри одного центра является фактом[286]. Мы не знаем, каким образом строились отношения метрополии с апойкиями внутри владений Синопы, но маркировка керамики и, возможно, контроль над керамическим производством без различия в какой именно форме он выражался, не обязательно подразумевали повсеместную унификацию этих институтов. Так, если Книд и Родос дают примеры однотипной системы клеймения во всех владениях этих полисов, то перея Фасоса и округа Милета свидетельствуют об обратном. Кроме того и монеты Трапезунта скорее «*автономные*» чеканы с собственной иконографией и прочими атрибутами[287]. Очевидно в этом не существовало общепринятых норм. Следует отметить, что в период принципата во II – первой половине III в. н.э. в Колхиде особенно многочисленны монеты Трапезунта[288], что однозначно говорит о развитых экономических связях и может служить дополнительным аргументом в пользу локализации части «*коричневоглиняных*» амфор в Трапезунте. Единственным контраргументом против этого является дорийский диалект в некоторых клеймах Мирсилеи. Здесь в качестве «*кандидата*» может быть рассмотрена, например, Амастрия, имевшая смешанное население. Очевидно, что вопрос с их локализацией пока следует оставить открытым.

N. JEFREMOW

EINIGE ASPEKTE DER WIRTSCHAFTSGESCHICHTE DES SÜD-ÖSTLICHEN SCHWARZMEERRAUMES (Zum Problem der Lokalisierung von «Brauntonamphoren»

Eine eingehende Analyse der wirtschaftlichen und politischen Gegebenheiten des süd-östlichen und östlichen Schwarzmeerraumes zeigt, dass es keine Anlässe gibt über den hohen Entwicklungsgrad der Kolchis zu sprechen. Außerdem ist ohne Zweifel unrichtig die Behauptung über die polyzentrische und langfristige Produktion von keramischen Waren-

---

286 Ср., напр., производство амфор книдских, родосской Переи, «*круга Фасоса*» и, наконец, округи Милета: *Амперер Ж.-И., Гарлан И.* Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры… С. 8–31; *Empereur J.-Y., Hesse A., Tuna N.* Les ateliers d´amphores de Datca, péninsule de Cnide // Production et commerce des amphores en mer Noire. Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994. Aix-en-Provence, 1999. P. 105–115; *Empereur J.-Y.* Hiérotélès pottier rhodien de la périée // BCH. 1989. T. 113. P. 277–89; *Jöhrens G.* Funde aus Milet XXVII. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899-2007 // AA. 2009. S. 205–238. О континентальных владениях Фасоса и округе Милета, см.: *Gschnitzer F.* Abhängige Orte… S. 27–31, 118–123; *Pébarthe Chr.* Thasos, l´empire d´Athènes et les emporia de Thrace // ZPE. 1999. Bd. 126. S. 134 f., 136 ff.

287 Ср. монетные эмиссии из региона золотых приисков Фасоса на материке с легендой: Θασίων ἠπείρο. *Head B.V.* Op. cit. P. 265; *Hill G.F.* Historical Greek Coins. L., 1906. P. 781.

288 *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада… С. 82.

transportbehältern in jener Gegend. Sämtliche Voraussetzungen dafür waren nicht vorhanden. Der Verfasser kehrt zu der alten Hypothese von B.Ju. Michlin zurück, dass die sog. „*Brauntonamphoren*“ sowohl im südpontischen Raum als auch in der Kolchis hergestellt wurden. Gleichzeitig mit Bekräftigung seiner Beweise wird hingewiesen, dass eine mögliche Unifizierung in der Keramikproduktion unter Mithridates VI. und den Polemoniden, die unter ihrer Herrschaft die ganze Osthälfte des Schwarzmeergebietes vereinigten, möglich gewesen war. Die Stücke aus der Kolchis stellen Nachahmungen von griechischen Prototypen dar. Dabei wurde die Markierung von Amphoren mit Stempeln gelegentlich in verschiedenen Zentren des südlichen und östlichen Pontosgebietes praktiziert. Der Möglichkeit der Provenienz eines Teils der Amphoren aus Trapezunt wird zugestimmt, dennoch wird diese Lokalisierung nicht als einzig mögliche angesehen.

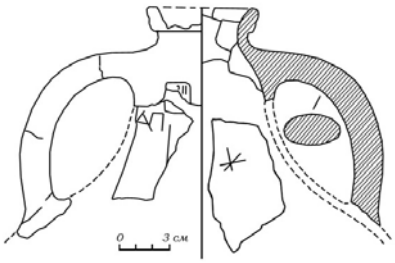


Рис. 1. Амфора из Эшеры
(по Т.К. Шамба)

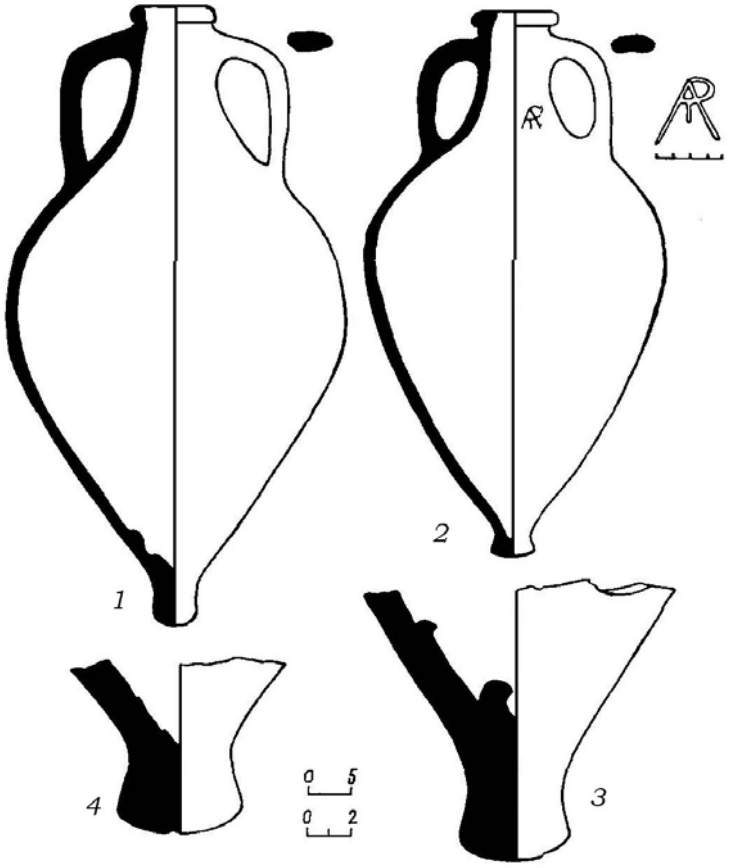


Рис. 2. Амфоры “Колхиды” (по Г.Р. Цецхлвдзе, 1992)

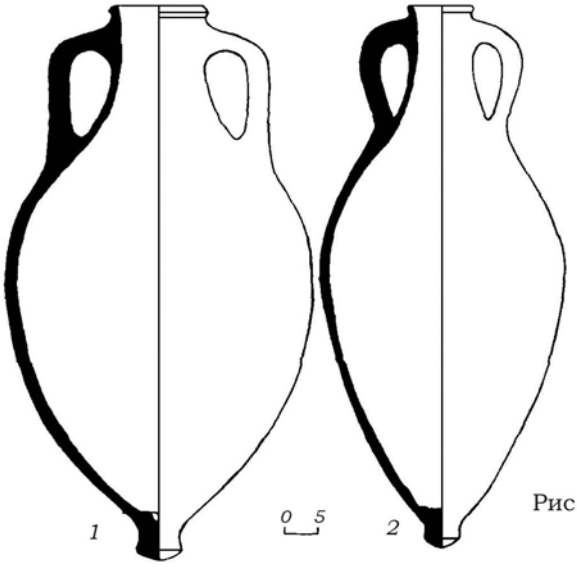


Рис. 3. Амфоры “Колхиды” (по Г.Р. Цецхлвдзе, 1992)

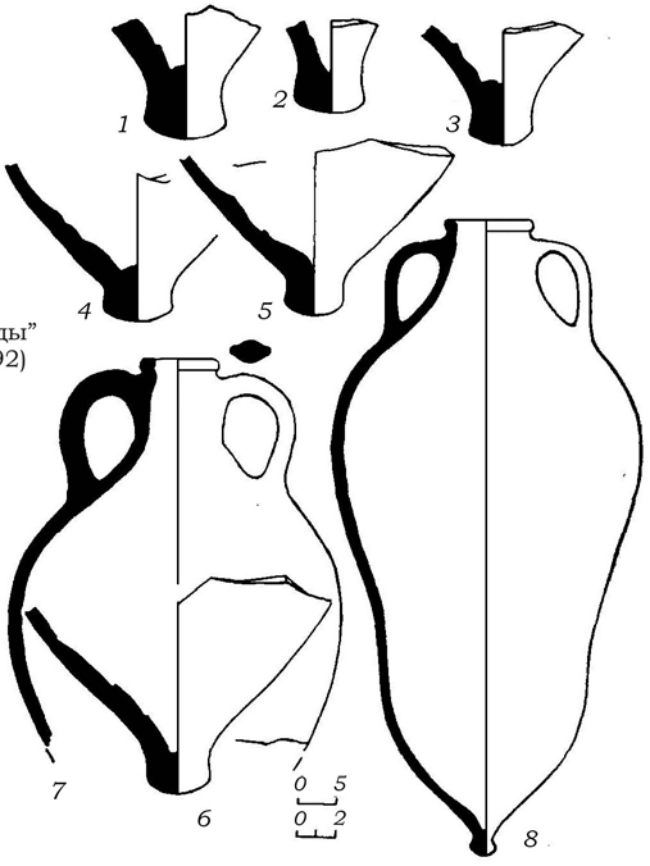


Рис. 4. Амфоры “Колхиды” (по Г.Р. Цецхлвдзе, 1992)

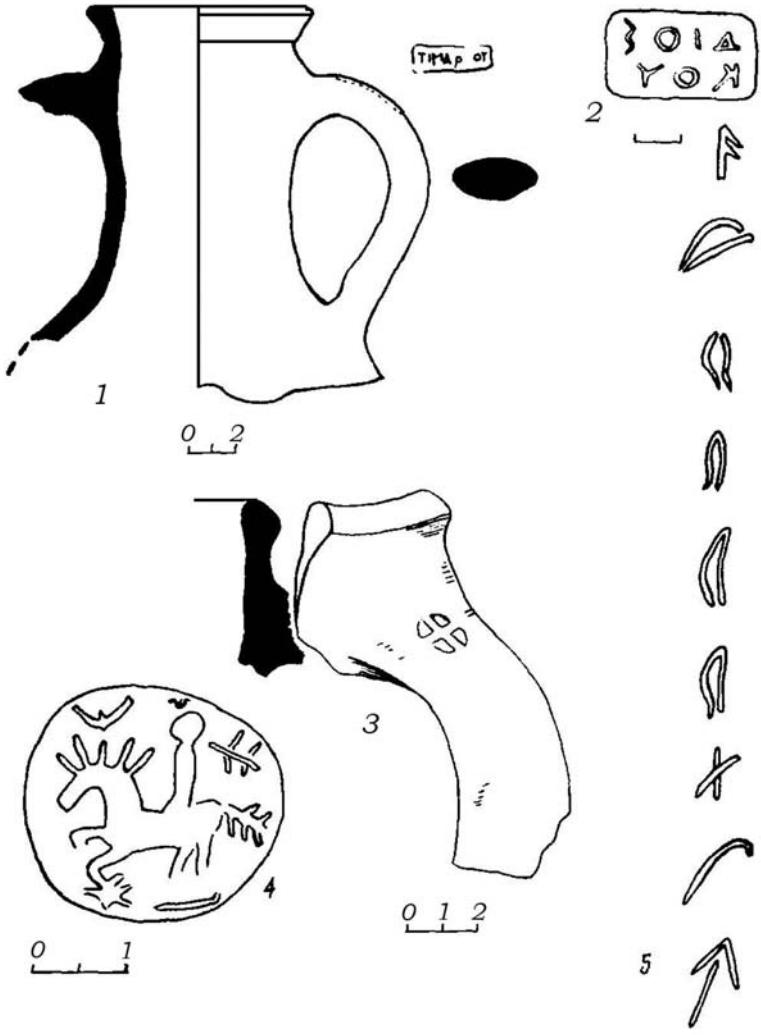


Рис. 5. Колхидские клейма (по Г.Р. Цецхладзе, 1992 г.)

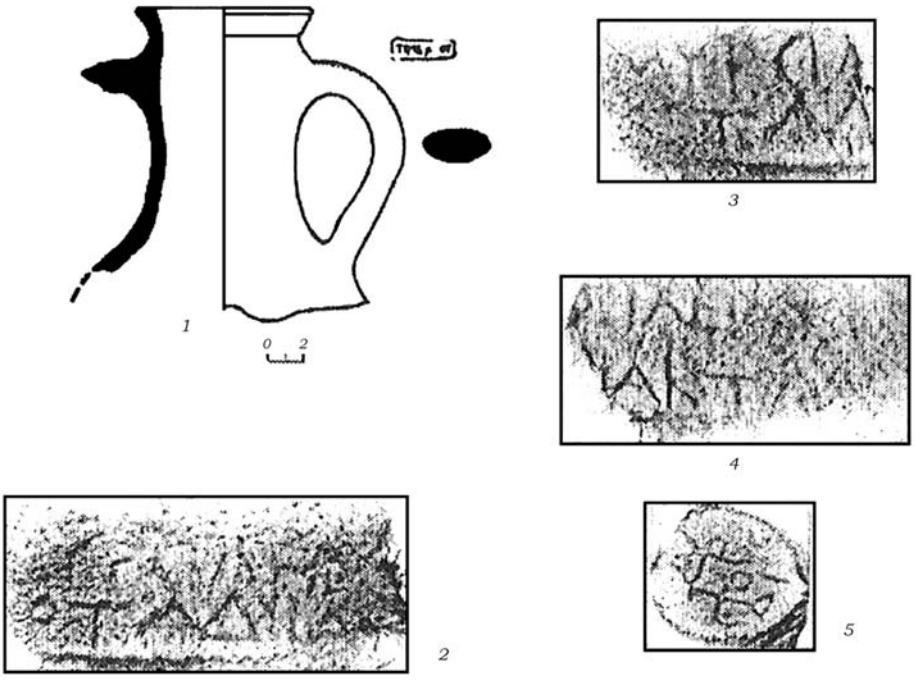


Рис. 6. Клейма из Херсонеса (по В.И. Кацу)

Рис. 7. Клеймо с поселения Витино в Северо-Западном Крыму (ЕКМ)

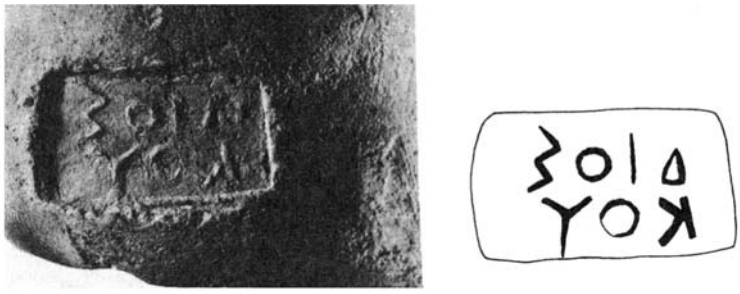


Рис. 8. Клейма ΔΙΟΣ|ΚΟΥ (по Г.Р. Цецхладзе, 1992)

Рис. 9. Оттиск геммы (троекратное увеличение) (фото А.Б. Колесникова)

Рис. 10. Клеймо с городища Чайка в Северо-Западном Крыму

В.И. Мордвинцева

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ по материалам комплексов с предметами из драгоценных металлов (III в. до н.э. – сер. III в. н.э.)

Регион Нижнего Поволжья относится к наиболее засушливой части Русской равнины с умеренно континентальным климатом. Здесь выделяются различные природные зоны: Приволжская и Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность, террасы Волги и Ахтубы[1]. В рамках этих зон есть несколько районов с определенными географическими особенностями.

Волго-Донское междуречье находится в южной части плато Приволжской возвышенности (Доно-Медведицкая гряда), которое на юге переходит в Ергенинскую возвышенность. На севере, в районе г. Камышина, Волга вплотную сближается с верхним течением р. Иловли – притока Дона. Несколько южнее г. Волгограда, в месте поворота течения реки в юго-восточном направлении, Волга наиболее близко подходит к руслу Дона. Восточная часть региона находится в пустынно-степной, а западная – в сухостепной зоне. Рельеф местности изрезан неглубокими долинами мелких рек – притоков Дона[2]. Вплоть до времени строительства Волго-Донского канала в этом месте существовала переволока, которая с древности использовалась в торговых и военных целях[3]. Левобережье Волги (Заволжье) отличается от междуречья Волги и Дона более низменным рельефом и сухостепным климатом[4].

Район нижнего течения Волги, к югу от Волгограда, характеризуется общим понижением Ергенинской возвышенности, переходящим в Прикаспийскую низменность. Территория отличается равнинным рельефом, часто встречаются замкнутые бессточные впадины (соленые озера, лиманы и пр.)[5]. По обе стороны реки тянутся сплошные сухие и полупустынные степи. В нижнем течении Волга разделяется на рукава, слева от нее отделяется р. Ахтуба, которая течет параллельно основному руслу Волги вплоть до ее дельты при впадении в Каспий. Дельта окружена с обеих сторон рядами бугров Бэра, которые представляют собой насыпи, снизу песчаные, а сверху – лессовидные.

---

[1] *Демкин В.А., Алексеев А.О., Борисов А.В., Демкина Т.С., Якимов А.С.* Палеопочвы и природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья // НАВ. Волгоград, 2005. № 7. С. 114–115.

[2] *Борисов А.В., Ельцов М.В., Демкина Т.С., Демкин В.А., Клепиков В.М.* Палеопочвы и природные условия Северных Ергеней в сарматскую эпоху // НАВ. Волгоград, 2002. № 5. С. 117.

[3] БСЭ. 1928. Т. 12. С. 678, 691.

[4] *Демкин В.А., Сергацков И.В., Алексеев А.О., Ельцов М.В.* Палеопочвы курганного могильника Колобовка III в Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. № 1. Волгоград, 2001. С. 64–65.

[5] *Демкин В.А., Алексеев А.О., Борисов А.В., Демкина Т.С., Якимов А.С.* Указ. соч. С. 115.

На западе Нижнее Поволжье соприкасается с регионом Подонья с греко-варварской факторией Танаис в устье Дона, на юго-западе граничит с Предкавказьем, северную границу региона определяет линия лесостепи, восточная граница пролегает по левому берегу Волги.

Сравнительная удаленность Нижнего Поволжья от античных центров сказалась на ничтожно малом количестве информации о проживающих здесь племенах и их обычаях, которая содержится в трудах древних авторов. Из письменных и эпиграфических источников создается впечатление, что население, жившее в греческих полисах Северного Причерноморья и Боспорского царства, рассматривало окружающих их варваров, прежде всего номадов, как враждебную и угрожающую их существованию периферию. Однако этих данных недостаточно, чтобы составить мнение о том, как относились обитающие в степях к северо-востоку от Боспорского царства кочевые племена к наличию в сравнительной близости от них эллинской цивилизации, а также других варварских племен. Восполнить недостающую информацию помогают, в какой-то мере, археологические источники.

Одним из перспективных подходов в этом отношении является сравнительный анализ погребальных и жертвенных комплексов, содержащих предметы из драгоценных металлов. Золото и серебро – редкий материал, который за отсутствием собственных месторождений в регионе, должен был поступать извне, и, соответственно, высоко цениться[6]. Помещение предметов из этих металлов в могилу или в ритуальный комплекс, влекущее за собой их утрату для владельцев, должно было выполнять особую ритуальную функцию. Поэтому сам набор таких вещей в погребении или кладе отражает круг представлений, характерных для всего данного общества. Эти представления могли отличаться от представлений других обществ или сближаться с ними.

В большинстве случаев речь идет об инсигниях власти – знаках, призванных отличать лица особого социального статуса от обычных людей[7]. В обществе с развитой иерархией различные виды инсигний могут характеризовать разные слои социальной элиты. Одни знаки вырабатывались самим обществом, другие – навязывались или воспринимались извне. С помощью анализа этих знаков, обнаруженных в погребальных и культовых комплексах различных хронологических периодов, можно определить центры концентрации варварской элиты, показать направления ее внешних контактов и их изменение с течением времени, выявить периоды их наибольшей интенсивности.

Для анализа была выработана следующая исследовательская процедура.

---

[6] *Randsborg K.* Social Stratification in Early Iron Age Denmark: a Study in the Regulation of Cultural System // Prähistorische Zeitschrift. № 49. 1974. S. 47.

[7] *Hauk K.* Halsring und Ahnenstab als herrliche Würdezeichen // Herrschaftszeichen und Staatsymbolik. Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechsten Jahrhundert. Stuttgart, 1954. S. 197.

Большинство комплексов с предметами из драгоценных металлов известно по отдельным публикациям, часто кратким, без контекста могильников. В то же время, место этих погребений в культуре варваров региона не может быть до конца понято без исследования всего некрополя. Анализ хотя бы нескольких полностью опубликованных могильников может показать долю погребальных и ритуальных комплексов с предметами из золота и серебра, а также определить спектр этих предметов, их связь с соответствующими половозрастными группами погребенных. Для этой цели необходимо выбрать могильники с проведенными половозрастными определениями, поскольку знаки социального ранга могут существенно отличаться в погребениях мужчин, женщин и детей[8]. Для выявления погребений различного социального статуса внутри могильника обычно составляются два вида таблиц – по количеству и качеству погребального инвентаря в соответствии с различными половозрастными группами[9]. В таблицы не включаются ограбленные погребения, могилы, где возраст и/или пол погребенных не были установлены, и те из коллективных погребений, где инвентарь нельзя сопоставить с конкретными костяками.

Количественный анализ (подсчет единиц инвентаря в каждом погребении) помогает выявить отличия социального статуса погребенных различных половозрастных групп, дает представление о максимальном и минимальном показателе в каждой из них. Некоторые предметы обладают значением только в своей совокупности – например, бусы[10], наконечники стрел, детали пояса, золотые нити одежды, нашивные бляшки одного типа. В таких случаях они засчитываются обычно как единица инвентаря.

Качественный анализ определяет, какие предметы погребального инвентаря специфичны для погребенных разного пола и/или возраста, а какие являются общими безотносительно пола, и поэтому являются, скорее, отражением общественного статуса индивида, не связанного с его полом.

В результате анализа могильников можно выделить различные группы погребений по уровню социального статуса. Хотя предметы из драгоценных металлов издавна часто использовались как инсигнии, сама по себе такая находка в погребальном комплексе еще не может служить достаточным основанием для вывода о высоком социальном статусе погребенного. Так, если погребение, в котором обнаружены предметы из драгоценных металлов, существенно не отличается от остальных погребений по количеству и составу погребального инвентаря, не исключено, что речь идет, скорее, о более высоком имущественном положении. В то же время, даже в этом случае важно учиты-

---

[8] *Brather S.* Alter und Geschlecht zur Merowingerzeit Soziale Strukturen und frühmittelalterliche Reihengräberfelder // Alter und Geschlecht in ur- und frühgeschichtlichen Gesellschaften. Bonn, 2005. S. 159.

[9] *Becker M.* Bemerkungen zu Aussagekraft und Struktur kaiserzeitlicher Grabinventare // Alter und Geschlecht... S. 151.

[10] В этом случае должны различаться места их находки – в области груди, рук, ног, отдельно от погребенного.

вать другие факторы, например, экстраутилитарный характер или редкость таких предметов, а также место их изготовления (местное производство, импорт с соседних территорий, дальний импорт).

Составив представление о роли предметов из драгоценных металлов в погребальном обряде на примере могильников, можно приступать к анализу выборки всех погребений с такими вещами, учитывая и те из них, о которых имеются только краткие сведения. В этом случае нужно также по возможности учитывать пол и возраст погребенных. На основе этого анализа можно построить иерархию комплексов, основанную на удельном весе в них предметов из золота и серебра. К набору ценностей стандартного (низшего) уровня, как правило, относятся предметы из драгоценных металлов, которые сравнительно часто встречаются в обряде. Комплексы с редкими и необычными ценностями формируют элитные наборы[11]. Кроме того, отдельно надо рассмотреть вопрос о месте производства этих вещей, их принадлежности к определенному культурному кругу, а затем проследить, в каких социальных группах встречаются золотые и серебряные изделия разного происхождения. Это даст основания для выводов о направлении и интенсивности различных внешних связей, а также для интерпретации изменений, происходивших в этом отношении в различные хронологические периоды.

Комплексы Нижнего Поволжья анализировались в трех хронологических группах: III–I вв. до н.э., I – первая половина II вв. н.э., вторая половина II – первая половина III вв. н.э. в соответствии с принятыми в настоящее время рамками ранне-, средне- и позднесарматской культур[12].

В качестве базовых комплексов для выделения наборов ценностей разного уровня были выбраны полностью изданные материалы могильников в бассейне р. Иловли, могильника Первомайский VII (Волго-Донское междуречье), могильника Калиновский (Заволжье), курганные группы Кривая Лука I-V (Нижняя Волга), ритуальные клады, а также отдельные погребения варварской знати (Рис. 1а, 1б).

Могильник Калиновский

Могильник находился на левом берегу р. Волги, 35 км севернее современного Волгограда (Рис. 1а-*11*), раскопан Калиновским отрядом Сталинградской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В.П. Шилова в 1952–1954 гг.[13].

В могильнике исследовано 189 погребений в 131 могиле сарматского времени в 49 курганах. Из них 148 погребений относятся к раннесарматской (III–I вв. до н.э.), 18 – к среднесарматской (I – первая половина II вв. н.э.), и 23 – к позднесарматской (вторая половина II – III вв. н.э.) культуре Нижнего Поволжья. Основаниями для датировки

---

[11] *Kossack G.* Prunkgräber. Bemerkungen zu Eigenschaften und Aussagewert // Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65 Geburtstag. München, 1974. S. 22.

[12] *Скрипкин А.С.* Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997. С. 8–43.

[13] *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. Вып. 60.

в рамках обозначенных периодов выступают фибулы, импортная металлическая посуда, керамика, некоторые типы зеркал и оружия, стратиграфические данные.

В могилах были похоронены 189 погребенных[14]: 54 женского пола, 52 мужского, 8 подростков, 57 детей. У 14 женских костяков и 8 мужских не определен возраст, в 18 случаях пол и возраст умерших неизвестны. 14 погребений ограблены.

В Калиновском могильнике предметы из драгоценных металлов найдены в 8 погребениях из 189 (4%), из них 7 (5%) относятся к раннесарматскому периоду[15], 1 (6%) – к среднесарматскому.

Предметы из драгоценных металлов обнаружены в 7 женских погребениях (к. 8 п. 40, к. 12 п. 20, к. 12 п. 24, к. 19 п. 12, к. 20 п. 1, к. 55 п. 8, к. 55 п. 10) и 1 погребении подростка (к. 19 п. 3). В мужских погребениях такие предметы полностью отсутствуют, даже в тех случаях, когда они выделяются по своему количественному и качественному составу от захоронений соответствующих половозрастных групп (Рис. 6А).

В комплексах III–I вв. до н.э. предметы из драгоценных металлов представлены преимущественно височными кольцами – в трех случаях золотыми, и в четырех – серебряными (Рис. 2А). Могилы, где из драгоценных предметов обнаружены только простые проволочные височные кольца, в большинстве случаев незначительно выделяются по количеству и качеству остального материала среди основной массы женских погребений. В них обнаружено от 6 до 8 наименований погребального инвентаря (Рис. 6А). В одном случае (к. 8 п. 40) в могиле обнаружено 18 категорий предметов, в том числе такие редкие находки как кости лошади, различные амулеты, глазчатые бусы. Число предметов погребального инвентаря в погребении подростка с сереб-

---

[14] В тексте публикации (*Шилов В.П.* Указ. соч.) есть случаи несовпадений со статьей, в которой помещены и антропологические данные по могильнику (*Гинзбург В.В.* Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. 1959. Вып. 60). Так, описанное в публикации как средневековое детское погребение 62-1 (*Шилов В.П.* Указ. соч. С. 408), в статье по антропологии фигурирует как детское погребении I в. до н.э. под шифром 62-2 (*Гинзбург В.В.* Указ. соч. С. 533). Соответственно, погребение 2 в кургане 62, относящееся к возмужалому мужчине, I в. до н.э., в антропологической таблице отнесено к X–XII вв. н.э. В тексте публикации имеются определения пола, не вошедшие в антропологическую статью, при этом основания для них не указаны. Пол костяка в погребении 10 кургана 19, первоначально обозначенный (по инвентарю?) как женский, В.В. Гинзбург определен как мужчина старческого возраста. В статье В.В. Гинзбург в некоторых случаях даны также датировки погребений, несовпадающие с определениями В.П. Шилова (например, к. 1 п. 2, к. 3 п. 3Б, к. 3 п. 5, к. 8 п. 24).

[15] Погребения отнесены к определенному периоду в соответствии с уточнением верхней даты раннесарматской культуры (*Скрипкин А.С., Клепиков В.М.* Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 95–106; *Сергацков И.В.* К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии… С. 107–116).

ряными височными кольцами – самое высокое в группе (7). Бронзовые височные кольца того же типа обнаружены еще в 11 погребениях могильника. Возможно, само по себе наличие височных колец из драгоценных металлов свидетельствует о прижизненном благосостоянии погребенных, и не служит признаком их высокого социального статуса.

Другие категории предметов из драгоценных металлов обнаружены только в одном погребении могильника (к. 55 п. 8), которое датируется 2 пол. I в. до н.э. – рубежом эр[16]. Они многочисленны и разнообразны: золотые височные подвески сложной формы, гривна, браслеты с окончаниями в зверином стиле, 2 типа нашивных бляшек, серебряные украшения обуви, подвеска, сосуд. Высокий социальный ранг погребенной подчеркивают также редкие предметы из других материалов: стеклянная чаша, бронзовые литой и кованый котлы, таз и кувшин. В могилу были также положены в качестве жертвенной пищи кости лошади – исключительная редкость для могильника (Рис. 2). Количество категорий предметов (21) в этом погребении почти в три раза превышает ближайшее по высоте значение в соответствующей половозрастной группе и вообще в могильнике (Рис. 6А). Это позволяет сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с погребением высшей элиты.

В одном погребении I – первой половины II вв. н.э. была найдена фибула с серебряной обмоткой. Небольшое количество сравнительного материала в могильнике не позволяет сделать вывод о роли данного предмета в обозначении социального статуса погребенной. По количеству категорий инвентаря это погребение выделяется среди прочих женских комплексов этого времени (13 наименований инвентаря при стандарте от 3 до 5). Среди них обнаружены такие редкие предметы как бронзовый сосуд, сердоликовые и янтарные бусы, большое количество лепных сосудов.

В погребениях Калиновского могильника позднесарматского времени предметы из драгоценных металлов не обнаружены.

Могильник Первомайский VII

Могильник располагался в междуречье Волги и Дона (Рис. 1а-*28*), раскопан Донской экспедицией НИС Волгоградского государственного педагогического института под руководством В.И. Мамонтова в период с 1983 по 1998 гг.[17]

В могильнике исследовано 93 погребения в 82 могилах из 45 курганов. Из них 42 могилы относятся к раннесарматской (III–I вв. до н.э.), 28 – к среднесарматской (I – первой половине II в. н.э.), и 12 – к позднесарматской (второй половине II – первой половине III в.н.э.) культуре Нижнего Поволжья. Датирующими предметами в рамках

---

[16] *Moser E.* Italische Bronzegefäße in Kalinovka, Wolgograd // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1975. Bd. 5. S. 136; *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 143; *Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Симферополь; Бонн, 2007. Кат. А101.

[17] *Мамонтов В.И.* Древнее население Левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000.

обозначенных периодов выступают керамика, некоторые типы зеркал и оружия.

В могилах обнаружены остатки 93 погребенных: 26 женского пола, 24 мужского, 7 подростков, 14 детей, в одной могиле погребенного не оказалось (кенотаф). У 7 женских и 4 мужских костяков не определен возраст, у 22 погребений взрослых людей не определен пол. 23 погребения ограблены, пол и возраст погребенных в них людей не установлен.

Изделия из драгоценных металлов были обнаружены в 3 погребениях могильника из 93 (3%) – по одному на каждую хронологическую группу, что составляет 2%, 4% и 8% соответственно для ранне-, средне- и позднесарматского периодов. Во всех случаях они найдены в погребениях взрослых людей.

Женское погребение 4 кургана 42 раннесарматского времени[18] содержало золотые нити и височные кольца (Рис. 3А). Подобные височные кольца, но из бронзы встречены в могильнике еще в 6 случаях. Золототканые одежды больше не отмечены в могильнике ни разу. Всего в могиле обнаружены предметы погребального инвентаря 8 наименований, что является достаточно высоким показателем в этой хронологической группе (Рис. 6В).

По-другому выглядит состав погребения мужчины старческого возраста (к. 14 п. 3), которое относится к среднесарматскому периоду[19]. Количество погребального инвентаря в этой могиле (18 предметов) в три раза превышает самый высокий показатель в соответствующей половозрастной группе (Рис. 6В). В могиле найдены: пояс с серебряными деталями, в т.ч. крупными поясными пластинами, оселок с золотым колпачком и расшитая золотыми бляшками одежда (Рис. 3). Подобные вещи больше ни разу не встречены в могильнике, и играли, видимо, особую роль в подчеркивании высокого социального статуса покойного.

В погребении взрослого человека позднесарматского периода (к. 7 п. 1)[20] в состав погребального инвентаря из 6 наименований входит обкладка бронзового предмета из золотой фольги. Такой показатель количества предметов погребального инвентаря в могиле – довольно высокий в этой хронологической группе, но все же ненамного выше, чем в остальных погребальных комплексах. Поскольку бронзовая основа предмета, обложенного фольгой, не сохранилась, трудно сказать, имеет ли этот предмет аналогии среди погребального инвентаря других погребений некрополя.

Курганы в бассейне р. Иловли

Курганы располагались между р. Волгой и Доном, в бассейне р. Иловли: могильники Лебяжье (Рис. 1а-*41*), Барановка I (Рис. 1а-*19*), Петрунино II, Петрунино IV (Рис. 1а-*20*), Костарево (Рис. 1б-*66*), Б. Ивановка (Рис. 1а-*43*), Тары, М. Воробцовка (Рис. 1а-*44*), Бердия

[18] *Мамонтов В.И.* Указ. соч. С. 47.
[19] Там же. С. 17–19.
[20] Там же. С. 11.

(Рис. 1а-*23*), Писаревка (Рис. 1а-*21*), Авиловский II (Рис. 1а-*45*), Желтухин (Рис. 1а-*22*). Эти курганные группы раскопаны в 1982–1997 гг. Иловлинской экспедицией Волгоградского государственного университета под руководством И.В. Сергацкова[21].

Из 98 опубликованных погребений сарматского времени в 90 могилах из 62 курганов 43 относятся к раннесарматской (III–I вв. до н.э.), 35 – к среднесарматской (I – первой половине II в. н.э.) и 20 – к позднесарматской (второй половине II – первой половине III в. н.э.) культуре Нижнего Поволжья. Погребения датированы на основании импортной и местной керамики, бронзовой посуды, фибул, типов оружия, бус, зеркал, формы могильных сооружений.

Всего зафиксировано 98 погребенных: 26 женского пола, 37 мужского, 2 подростка, 17 детей, в 15 случаях пол и возраст умерших не определены, зафиксирован также 1 случай кенотафа (Петрунино IV, к. 4 п. 1) позднесарматского времени. 32 погребальных комплекса ограблены.

В могильниках Иловлинской группы предметы из золота и серебра представлены в 23 комплексах из 98 (23%). 6 погребений (14%) относятся к периоду II–I вв. до н.э. 17 (49%) датируются I в. н.э. 8 погребений с предметами из драгоценных металлов не были ограблены, что позволяет сравнить количественный и качественный состав вещей с остальными неграбленными захоронениями группы (Рис. 4; Рис. 6С).

В неграбленых комплексах II–I вв. до н.э. предметы из драгоценных металлов представлены височными кольцами в женских погребениях[22], золотыми обкладками меча и колчана в мужском погребении[23] и парой браслетов в детской могиле[24]. В еще одном граблено женском погребении найдена золотая подвеска, сделанная из серьги[25].

В могиле 9 кургана 10 могильника Барановка I обнаружено парное погребение взрослого мужчины и женщины старческого возраста[26]. В целом, количество предметов погребального инвентаря при каждом из костяков (7 и 7) соответствует среднему его числу в соответствующих возрастных группах (Рис. 6С). Находка золотых височных колец, как показывает анализ других могильников, при отсутствии других предметов социального престижа вряд ли отражает высокий социальный статус. В то же время, наличие нескольких предметов вооружения с золотыми обкладками чрезвычайно редко встречается в раннесарматских погребениях, и может свидетельствовать об особо высоком социальном статусе погребенных в этой парной могиле.

Находка в погребении ребенка трехлетнего возраста двух золотых браслетов говорит о высоком социальном статусе покойного, несмотря на то, что с погребенным был обнаружен невыразительный сопровождающий инвентарь (2 категории). Многочисленные захоронения детей и подростков этой хронологической группы либо вообще не имеют вещей,

---

[21] *Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
[22] Барановка I к. 10 п. 9/2; Желтухин к. 1 п. 1.
[23] Барановка I к. 10 п. 9/1.
[24] Петрунино II к. 4 п. 8.
[25] Бердия к. 1 п. 7.
[26] *Сергацков И.В.* Сарматские курганы… С. 30–31.

либо их количество колеблется в пределах от 1 до 4 предметов. В то же время браслеты сами по себе являются весьма редкой находкой даже в погребениях взрослых людей, а в Иловлинских памятниках вообще не отмечены для данного периода.

Состав предметов из драгоценных металлов изменяется в следующий период, существенно увеличивается также количество содержащих их погребений. Они обнаружены в 4 неграбленых[27] и 13 грабленых комплексах[28].

Неграбленые комплексы с предметами из драгоценных металлов представлены одним мужским и тремя женскими захоронениями. По количественному составу погребенного инвентаря они являются самыми выдающимися в соответствующих возрастных группах (мужское погребение: 8; женские погребения: 21, 17 и 16 категорий инвентаря) (Рис. 4; Рис. 6С).

Женские погребения, помимо золотых и серебряных предметов, содержали также другие ценные и редкие предметы: наборы бус из полудрагоценных камней (хрусталь, халцедон, сердолик, агат и пр.), бронзовые сосуды (котел, ковш), импортную керамику, морские раковины[29]. Во всех трех погребениях найдены золотые подвески, из двух погребений происходят золотые бляшки от расшивки одежды, в одном погребении обнаружены также золотые височные кольца с подвесками, пронизи, и серебряный кубок с изображением тамг (Рис. 4).

В мужском погребении (Писаревка к. 1 п. 3) найден кинжал с серебряными деталями ножен, одежда погребенного была выткана золотыми нитями[30]. Эта могила отмечена таким важным с точки зрения социального престижа предметом, как литой бронзовый котел. К сожалению, малое количество неграбленых погребений этой хронологической группы не позволяет сделать вывод о том, насколько редкой является находка кинжала с серебряными деталями. Грабленые погребения Иловлинской группы не содержали подобных находок. Золотые нити одежды обнаружены еще в 4 грабленых погребениях: в 2 погребениях мужчин старческого возраста, 1 женском погребении и 1 могиле с неустановленным полом погребенного. Судя по набору инвентаря, все эти комплексы принадлежали погребенным высокого социального ранга.

Позднесарматские погребения Иловлинской группы памятников не содержали предметов из драгоценных металлов.

Могильники Кривая Лука I–V

Курганы располагались в районе сухого русла протоки Волги Кривая Лука в Черноярском районе Астраханской области (Рис. 1а-*33*).

---

[27] Мужское: Писаревка к. 1 п. 3. Женские: Барановка I к.1 п. 1; Бердия к. 8 п. 2; Авиловский II к. 11 п. 1.

[28] Лебяжье к. 8 п. 1; к. 12 п. 1; к. 13 п. 1, 2; Барановка I к. 3 п. 1; к. 4 п. 1; к. 14 п. 1; Б. Ивановка к. 7 п. 1; М. Воробцовка к. 3 п. 1; Бердия к. 3 п. 1, к. 5 п. 1; к. 6 п. 1; к. 8 п. 1.

[29] *Сергацков И.В.* Сарматские курганы… С. 20–22, 75–77, 84–87.

[30] Там же. С. 80–81.

Раскопки курганных групп I-V проводились в 1973 г. Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР и МГУ[31].

Из 38 погребений (в 31 могиле сарматского времени из 20 курганов) 20 погребений (13 могил) относятся к раннесарматской (III–I вв. до н.э.), 3 – к среднесарматской (I – первая половина II в. н.э.), и 15 – к позднесарматской (вторая половина II–III в. н.э.) культуре Нижнего Поволжья. Они датированы на основании погребального обряда, импортной и местной керамики, типов оружия, бус, зеркал.

В могилах были похоронены 38 погребенных: 12 женского пола, 13 мужского, 3 подростка, 1 ребенок 4–5 лет, в 9 случаях пол умерших не определен. 9 погребальных комплексов ограблены.

Предметы из золота и серебра обнаружены в 3 неграбленых женских погребениях из 38 (8%), 1 (5%) из них относится к раннесарматскому периоду, 2 (13%) – к позднесарматскому (Рис. 5; Рис. 6D).

В погребении Кривая Лука VI 1–14, датированном 1 пол. III в. до н.э. по гераклейской амфоре с клеймом[32] и чернолаковой чашке, обнаружены 2 гагатовые подвески в виде лунниц, украшенные золотыми деталями[33]. Количество единиц инвентаря в этом захоронении (12) в два раза превышает следующее по высоте значение в группе женских погребений (Рис. 6D). О высоком социальном статусе погребенной женщины свидетельствует также наличие здесь импортных вещей.

Предметы из драгоценных металлов в позднесарматских комплексах представлены серебряными пронизями (Кривая Лука I 9–1; Кривая Лука VI 12–1). Количество вещей в этих погребениях (соответственно 9 и 10) – самое высокое в этой группе, однако ненамного отличается от остальных захоронений (Рис. 6D). Качественный состав представленных в них вещей также незначительно отличается от других комплексов. Возможно, что наличие предметов из драгоценных металлов в данном случае свидетельствует о прижизненном материальном достатке погребенных здесь женщин.

Сравнение данных по всем группам могильников

Раннесарматский период (III–I вв. до н.э.)

Женские погребения. Абсолютное большинство предметов из драгоценных металлов в женских могилах представлено категорией украшений. Чаще всего в женских погребениях встречаются височные кольца из золота и серебра. Однако их наличие само по себе еще не является признаком высокого социального статуса погребенной, и может быть отнесено к стандартному набору ценностей. Для захоро-

---

[31] *Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Труды Поволжской археологической экспедиции. М., 1977. Т. 4. С. 3–77.

[32] *Яценко И.В.* О клейме на гераклейской амфоре из могильника Кривая Лука VI // Труды Поволжской археологической экспедиции… С. 78.

[33] *Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. С. 65–67.

нений высшей элиты характерным является наличие драгоценной посуды, а также большее разнообразие украшений.

Мужские погребения. В большинстве случаев мужские погребения не содержат предметов из драгоценных металлов. Иерархия мужских погребений в исследованных могильниках базируется, прежде всего, на количестве и составе предметов вооружения. К элитному набору ценностей относятся исключительно редкие находки украшенных золотом предметов вооружения (меч, колчан).

Детские погребения. Детские погребения в этот период многочисленны, и, как правило, не содержат предметов из драгоценных металлов. Единственный случай находки золотых браслетов в детском погребении свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного здесь ребенка.

Среднесарматский период (I – первая половина II в. н.э.)

В этот период наблюдаются существенные региональные различия. Среди рассмотренных некрополей по богатству погребального инвентаря выделяется Иловлинская группа памятников, которую характеризует высокий процент погребений с предметами из драгоценных металлов.

Женские погребения. Височные кольца перестают быть ведущей формой украшений из драгоценных металлов. В Иловлинской группе довольно часто женская погребальная одежда украшена золотыми нашивными бляшками, в них появляются разнообразные подвески ожерелий, височные кольца с шумящими подвесками. Элитные наборы по-прежнему включают в себя драгоценные сосуды для питья.

Мужские погребения. В мужских захоронениях высокого статуса, кроме драгоценного оружия, появляются украшения упряжи, детали пояса, ритуальные пластины из драгоценных металлов, а также украшения, характерные и для женских могил – расшитая золотыми нитями и нашивными бляшками одежда.

Детские погребения. Количество детских погребений существенно сокращается. Они не содержат предметы из драгоценных металлов.

Позднесарматский период (вторая половина II–III в. н.э.).

Количество как женских, так и мужских погребений с предметами из драгоценных металлов сильно сокращается. По своему статусу они незначительно отличаются от остальных погребений могильников. Наличие в них драгоценных предметов свидетельствует, скорее, об имущественных различиях погребенных. Детские погребения очень малочисленны, предметы из золота и серебра в них отсутствуют.

Анализ репрезентативной выборки погребений с предметами из золота и серебра

Для получения более полной и объективной картины к анализу были привлечены комплексы знати, содержащие предметы из драгоценных металлов, опубликованные с разной степенью полноты. Сравнение их между собой (Рис. 7–9) позволяет уточнить выводы о хронологических и территориальных различиях стандартных и элитных наборов ценностей.

Раннесарматский период (III–I вв. до н.э.). Рис. 1а-**I**. Рис. 7.

Комплексы с предметами из драгоценных металлов представлены 61 погребением[34], в большинстве случаев неграбленными, и двумя жертвенными комплексами – ритуальными кладами без человеческих остатков. Основное количество комплексов с предметами из драгоценных металлов сосредоточено в районе Заволжья (33), меньше их в Волго-Донском междуречье (18) и на Нижней Волге[35] (12).

Женские погребения. Стандартной находкой, обозначающей, видимо, относительно высокий прижизненный материальный достаток погребенной, были височные кольца из драгоценных металлов. Они обнаружены в 34 из 37 погребений, причем в 28 случаях они представлены простыми проволочными кольцами, которые являлись единственным предметом из драгоценного металла в погребальном инвентаре.

Девять женских погребений по набору инвентаря отличаются более высоким социальным статусом. Среди них можно выделить две группы – погребения элиты среднего и высшего уровня.

К группе элиты среднего уровня относятся семь комплексов, в которых обнаружено от двух до четырех категорий предметов из драгоценных металлов[36]. Все эти предметы относятся к украшениям – личному убору погребенной. В этих комплексах вместо обычных простых височных колец в 1,5 оборота находят височные кольца с припаянным сложным украшением. Среди других ювелирных изделий наиболее часто встречаются перстни (7 случаев), единично – многовитковые браслеты, гривны, нашивные бляшки и пронизи. Наибольшая концентрация комплексов с перстнями наблюдается в районе Левобережья Волги (5 случаев), в могилах, которые датируются III–II вв. до н.э.[37] Один такой комплекс расположен в южной части Волго-Донской переволоки[38], еще один, самый ранний из всех[39], в районе Нижней Волги.

К погребениям высшей элиты относятся, очевидно, два захоронения из Заволжья: Майеровский III к. 4 п. 3Б, которое датируется 2 пол. II в. до н.э.[40], и п. 8 к. 55 Калиновского могильника 2 пол. I в. до н.э.[41]. В них, помимо разнообразных, сложных по исполнению украшений обнаружены драгоценные сосуды и ритуальные предметы. Дополнительными знаками высокого социального статуса этих погребений служат литые бронзовые котлы, импортные бронзовые сосуды, морские раковины и другие редкости. Важно отметить, что в трех из

---

[34] 37 женских, 16 мужских, 5 с неустановленным полом погребенного, 4 детских.

[35] В данном контексте под Нижней Волгой понимается географический регион Правобережья Волги южнее черты Волгограда.

[36] Белокаменка к. 6 п. 5; Быково к. 11 п. 3; Бережновка II к. 14 п. 21; Жутово к 27 п. 5; Заплавное к. 8 п. 9; 15 поселок к. 5 п. 3/2; Черный Яр к. 3 п. 2.

[37] Белокаменка к. 6 п. 5; Быково к. 11 п. 3; Бережновка II к. 14 п. 21; 15 поселок к. 5 п. 3; Майеровский III к. 4 п. 3Б.

[38] Жутово к. 27 п. 5.

[39] Черный Яр к. 3 п. 2.

[40] *Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С.* Погребение сарматкой знати из Волгоградского Заволжья // НАВ. Волгоград, 2008. № 9. С. 100–103.

[41] *Шилов В.П.* Очерки… С. 143; *Moser E.* Op. cit. S. 136.

женских комплексов самого высокого ранга были обнаружены предметы, украшенные изображениями – зооморфными, а в одном случае также антропоморфными и растительными.

Мужские погребения. Количество мужских погребений с предметами из драгоценных металлов значительно меньше, чем женских. Как уже было показано при анализе могильников, в это время драгоценные предметы вообще редко встречаются в мужских захоронениях. Поэтому наличие даже какой-то одной инсигнии может свидетельствовать о высоком социальном статусе погребенного.

Столь же четких границ между стандартными и элитными наборами ценностей, как в женских захоронениях, здесь не прослеживается. Возможно, социальное положение погребенного мужчины выражалось через количество статусных вещей, представленных в погребальном инвентаре. В выборке представлены 5 комплексов с одной, 1 – с двумя, 4 – с тремя, 1 – с четырьмя, 1 – с пятью, 2 – с шестью, 1 – с четырнадцатью категориями предметов из драгоценных металлов. При этом три самых богатых комплекса находятся в районе нижнего течения Волги, а четвертый – в южной части Волго-Донского междуречья.

В районе Заволжья выше черты Волгограда, где расположены элитные женские погребения высшего ранга, и в Волго-Донском междуречье мужские захоронения (11 комплексов) выглядят беднее, и содержат от 1 до 4 категорий предметов из драгоценных металлов. Предметы личного убора редки, и представлены браслетами (3 комплекса), нашивными бляшками (2 комплекса), пронизями (1 комплекс), которые встречаются и в женских погребениях, а также деталями пояса (2 комплекса) и украшениями обуви (1 комплекс). Помимо личных украшений комплексы знати отмечены предметами вооружения. Для всей группы элитных погребений этого региона характерны мечи или кинжалы с рукоятью и ножнами, обложенными золотой фольгой (7 комплексов), и украшения колчана (4 комплекса). Кроме того, в погребениях знати среднего уровня (3 и более категорий предметов из драгоценных металлов) найдены деревянные сосуды (видимо, чаши для питья) с золотыми обкладками (3 комплекса) и ритуальные пластины с зооморфными изображениями (4 комплекса). Изделия с зооморфными изображениями найдены в 5 погребениях.

На Нижней Волге, в отличие от Заволжья и Волго-Донского междуречья, в богатых мужских погребениях помимо предметов вооружения и деталей пояса имеются драгоценные детали конской упряжи – фалары и псалии (4 случая), а личные украшения и детали костюма в элитных наборах среднего уровня представлены нашивными бляшками и пуговицами. Имеется только один случай находки ритуальной пластины с зооморфными и антропоморфными изображениями. Во всех богатых мужских захоронениях региона найдены предметы с изображениями – зооморфными (3 комплекса) и антропоморфными (3 комплекса). В самом выдающемся мужском погребении Нижней Вол-

ги (Косика п. 1)[42] имеются личные украшения, которые отсутствуют в других богатых мужских погребениях региона: пектораль, наконечник гривны, браслет, золототканая одежда, подвески. Кроме того, в погребении найдены драгоценные сосуды, пиксида, оселки в золотой оправе, туалетная ложка, футляр для бритвы, листья погребального венка.

Детские погребения. Несмотря на большое количество детских погребений в этот хронологический период комплексы с драгоценными предметами среди них малочисленны. Все они расположены к северу от черты Волгограда: в районе Левобережья Волги (3 комплекса) и Волго-Донском междуречье (1 комплекс). В трех могилах обнаружены браслеты, в одном – височные кольца. Драгоценные предметы с изображениями не встречены ни разу.

Клады. Интересное явление, зафиксированное только для района Волго-Донского междуречья и Волжского Левобережья, представляют собой находки жертвенных комплексов – ритуальных захоронений без человеческих остатков (Жутово к. 27 и Качалинская). В этих «кладах» драгоценные предметы представлены частями сосудов[43], но прежде всего украшениями и деталями упряжи, которые ни разу не встречены в мужских погребениях этого района, зато характерны для мужских захоронений района Нижней Волги.

Среднесарматский период (I – первая половина II в. н.э.).

Рис. 1а-**II**. Рис. 8.

Комплексы с предметами из драгоценных металлов представлены 65 погребениями[44]. Большинство из них ограблено. В этот период основное число богатых погребений сосредоточено в Волго-Донском междуречье (45 комплексов). Значительно уменьшается количество элитных комплексов в районе Заволжья (10 комплексов) и несколько сокращается на Нижней Волге (9 комплексов).

В отличие от раннесарматского периода, различия между наборами статусных вещей между мужскими погребениями разных районов Нижнего Поволжья незначительны. Для стандартного набора богатых погребений обоего пола становятся характерны золотые бляшки (42 комплекса), пронизи (17 комплексов), ткани с золотыми нитями (9 комплексов).

Женские погребения. Для стандартного набора ценностей, насколько можно судить по нерабленым комплексам, по-прежнему характерны личные украшения. В первую очередь это находки височ-

---

[42] *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179. Погребение датируется серединой I в. до н.э. (*Treister M.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the "Ampsalakos School" // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2005. Vol. 11. P. 229 ff.).

[43] Предмет, который был опубликован как пряжка необычной формы (*Сергацков И.В.* Клад II в. до н.э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. 2009. № 4. Рис. 4: 3) является на самом деле атташем серебряного сосуда.

[44] 27 женских, 21 мужских, 15 с неустановленным полом погребенного, 2 детских.

ных колец (8 комплексов). В погребениях Левобережья Волги это простые проволочные кольца, а в Волго-Донском междуречье – кольца с шумящими подвесками. В одном случае зафиксирована находка серьги[45]. В более богатых погребениях встречаются подвески, бусы и ожерелья. Комплексы высшей знати включают драгоценную посуду (2 комплекса), детали шкатулки, а также деревянные сосуды с золотыми обкладками, которые в предшествующий период встречались только в мужских погребениях. В двух случаях найдены драгоценные предметы с зооморфными изображениями. Самое выдающееся женское погребение данного периода обнаружено в Волго-Донском междуречье, в низовьях р. Иловли (Бердия к. 3).

Мужские погребения. Стандартный набор, помимо бляшек, пронизей и золотого шитья, включает детали пояса (9 комплексов) и упряжные наборы (7 комплексов). При этом фалары и другие детали упряжи теперь становятся частью инвентаря погребений Волго-Донского междуречья, в то время как раньше их клали в погребения только в районе Нижней Волги. В элитный набор ценностей, кроме перечисленных категорий предметов, входят также драгоценная посуда (4 комплекса), деревянные сосуды с золотыми обкладками (4 комплекса) и ритуальные пластины с зооморфными изображениями (2 комплекса). Очень редко встречаются мечи с золотыми обкладками ножен (Писаревка к. 1 п. 3), но не исключено, что такая ситуация является следствием ограбления могил. В то же время, число погребений с предметами, украшенными изображениями, увеличивается (11 комплексов). Большинство из них зооморфные (10 комплексов), в редких случаях – антропоморфные (2 комплекса) и растительные (3 комплекса). Мужские погребения высшей элиты сосредоточены теперь в южной части Волго-Донского междуречья (Жутово к. 28, Октябрьский V к. 1 п. 1).

Детские погребения. 2 комплекса с предметами из драгоценных металлов расположены в Волго-Донском междуречье и на Левобережье. В одном из них найдены височные подвески, в другом – нашивные бляшки.

Позднесарматский период (вторая половина II – III в. н.э.)

Рис. 1б-**III**. Рис. 9.

В позднесарматский период существенно сокращается количество комплексов с предметами из драгоценных металлов (15 комплексов, многие ограблены)[46]. Их количество распределяется по районам Нижневолжского региона следующим образом: Волго-Донское междуречье – 7 комплексов, Левобережье – 4 комплекса, Нижняя Волга 4 комплекса. В это время, по сравнению с предшествующими периодами, погребения знати выглядят беднее, и содержат от одной до трех категорий драгоценных предметов.

Женские погребения. Стандартные наборы ценностей включают традиционно височные кольца (3 комплекса), в одном случае найдена

[45] Серьги отличаются от височных колец по конструкции: они имеют застежку.

[46] 5 женских, 6 мужских, 4 с неустановленным полом погребенного.

серьга. Элитные наборы более высокого уровня содержат подвески (2 комплекса), перстни (1 комплекс), нашивные бляшки (1 комплекс), фибулы-броши (1 комплекс). В самых богатых погребениях представлены драгоценные предметы трех категорий, эти комплексы располагаются в южной части Волго-Донского междуречья (Аршань-Зельмень к. 3 п. 1, Нагавский II к. 11 п. 1).

Мужские погребения. К стандартным наборам ценностей относятся детали пояса (4 комплекса). Погребения знати более высокого уровня, где было найдено более одной категории ценностей, содержали нашивные бляшки, оружие, а также ожерелья и пронизи из драгоценных металлов.

Комплексов высшей элиты, признаком которых является, прежде всего, драгоценная посуда, в регионе не отмечено. Показательно при этом, что ни в одном из богатых погребений позднесарматского периода не найдено предметов звериного стиля.

Стандартные и элитные наборы предметов из драгоценных металлов из региона Нижнего Поволжья в контексте древностей Северного Причерноморья и других территорий

Раннесарматский период (III–I вв. до н.э.)

В наиболее ранний период (III – начало/первая пол. II вв. до н.э.) в Нижнем Поволжье отсутствуют погребальные комплексы, которые по обряду, количественному и качественному составу инвентаря резко бы выделялись среди остальных могил. При этом предметы из драгоценных металлов представлены, в основном, личными украшениями в женских погребениях, наибольшая концентрация которых фиксируется в районе Левобережья Волги. Это височные кольца простых форм (из свернутой в несколько оборотов проволоки) в стандартных наборах, височные кольца и перстни – в наборах более высокого уровня. Такие украшения изготавливались, скорее всего, на месте. Погребения этого периода сложно датировать из-за отсутствия в них импортных вещей. Но в некоторых случаях на раннюю дату указывают находки перстней с гладкими выпуклыми щитками, аналогии которым имеются в скифских древностях Северного Причерноморья и Прикубанья[47]. Таким образом, контакты местного населения с соседними и более отдаленными регионами, видимо, были незначительны в этот период.

Ситуация меняется с середины – второй половины II в. до н.э. Появляются комплексы, которые по составу и качеству инвентаря резко отличаются от большинства захоронений. В погребениях знати, содержащих предметы из драгоценных металлов, теперь выделяются несколько уровней.

В *женских погребениях* стандартные наборы по-прежнему включают в себя простые височные кольца, а элитные наборы среднего

[47] *Ильинская В.И., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 169; *Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В.* Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар, 2010. Кат. 69.

уровня представлены перстнями и височными кольцами с напаянными филигранными деталями и зернью, видимо, местного производства[48]. Единственным определенно импортным украшением в них являются серьги с головками львиных грифонов из погребения у Химкомбината, которые судя по деталям орнамента, были сделаны в Танаисе[49]. Комплексы высшей элиты характеризуются наличием попавших в Нижнее Поволжье издалека импортных вещей, расшитых золотыми бляшками одежд и украшений в зверином стиле – браслетов с зооморфными окончаниями.

Среди импортов важное место занимают сосуды для питья. Так, в погребении Майеровского могильника найдена неглубокая коническая серебряная фиала с гравированным изображениям розетты в центре и двумя полосами венков по краю и в середине, покрытыми позолотой[50]. Профиль сосуда ближневосточного происхождения и, наряду со схемой и стилем орнаментации, находит параллели в ахеменидском и эллинистическом Иране[51]. В коллекции музея П. Гетти в Малибу имеется иранская чаша первой пол. II в. до н.э., по декору почти идентичная майеровской[52]. Аналогичная чаша происходит из Мазандарана, Иран, и датируется II в. до н.э.[53]

Калиновское погребение содержало серебряный кубок с петлевидной ручкой, форма которого характерна для целой серии сосудов с зооморфными ручками из сарматских комплексов Северного Причерноморья[54]. Форма кубка не имеет соответствий среди керамических сосудов местного производства. Не исключено его импортное происхождение.

К импортным предметам относится также обнаруженное в Майеровском погребении зеркало с золотой ручкой. Как отмечают Н.Б. Скворцов и А.С. Скрипкин, форма зеркала и характер его орнаментации имеют ближайшие аналогии на Кубани[55]. Прикубанского производства, судя по схеме и элементам орнаментации, также перстни и височные подвески, найденные в этом погребении.

Предметы звериного стиля в элитных женских погребениях данного периода представлены многовитковыми браслетами. Само по себе оформление окончаний гривен и браслетов в виде зооморфных фигур по своему происхождению связано с ахеменидской традицией. Браслеты из Черного Яра украшены головками баранов, спаянными

---

[48] *Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Древнее золото Поволжья. Симферополь, 2006. С. 10–12.

[49] *Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Указ. соч. С. 12. Рис. 2: 229.

[50] *Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С.* Указ. соч. Рис. 11: 2; Рис. 15: 5.

[51] *Pfrommer M.* Studien zu alexandrinischer und grossgriechicher Toreutik frühhellenistischer Zeit. Archäologische Forschungen 16. B., 1987. P. 252; *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993. P. 21.

[52] *Pfrommer M.* Metalwork... P. 151. № 24.

[53] Idid. P. 36 Fig. 34.

[54] *Трейстер М.Ю.* Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. // *Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Указ. соч. С. 26.

[55] *Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С.* Указ. соч. С. 104.

из двух половинок и насаженными на концы прута. Переход к пруту выполнен в виде длинного манжета, который отделен от головки животного рядами проволоки и кольцом напаянных из проволоки ов. И мотив, и способ оформления окончаний браслетов характерны для прикубанской художественной традиции. Браслеты из Калиновки отличаются от черноярских по сюжету и технике изготовления. Зооморфные окончания отлиты вместе с прутом, у одного браслета средняя часть вырезана, а оставшиеся фрагменты механически соединены друг с другом, другой свернут в 8 витков. Концы браслетов оформлены в виде двух продолжающих линию прута, следующих друг за другом животных: лосихи и нападающего на нее сзади хищника[56]. Проволочные браслеты, у которых стилистически сходные с калиновскими окончания в виде фигур животных являются продолжениями прута, имеются в Сибирской коллекции Петра I[57].

Таким образом, попавшие издалека драгоценные вещи и предметы звериного стиля представлены в женских погребениях только самого высокого ранга. Наибольшее число импортных статусных вещей указывает на связи с Прикубаньем. Часть вещей связана по происхождению с эллинистическим Востоком (прежде всего, селевкидским Ираном).

Мужские погребения этого периода демонстрируют другую тенденцию. В захоронениях знати всех уровней появляются неизвестные ранее категории статусных вещей из драгоценных металлов: золототканая и украшенная золотыми бляшками одежда, предметы вооружения, деревянные чаши, ритуальные пластины, поясные наборы, украшения упряжи. Многие из этих вещей являются либо прямыми импортами с далеких восточных территорий, либо сделаны на месте по образцам, также указывающим на дальние связи.

Прежде всего, это касается деталей поясов: поясных пластин, пряжек и подвесок. Они найдены в 3 погребениях района Нижней Волги (Кривая Лука, Яшкуль, Косика) и 2 комплексах Заволжья (Питерка, Верхнепогромное). Они отличаются друг от друга по стилю и технике изготовления. В мужских погребениях Нижнего Поволжья встречаются также поясные пластины и пряжки, изготовленные из других, недрагоценных материалов, например бронзы и гагата[58]. Аналогии этим предметам известны во II–I вв. до н.э. на территории Средней Азии[59], Монголии[60] и Сибири[61]. До II в. до н.э. у населения Нижнего Поволжья была, видимо, другая традиция ношения поясов, где вместо поясных пластин и пряжек использовались заканчиваю-

---

[56] *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник... С. 402–404. Рис. 51.

[57] *Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I. Археология СССР. САИ. Д3-9. М., 1962. Табл. IX: 3–5; X: 3; XI: 3–5.

[58] *Скрипкин А.С.* Указ. соч. С. 12.

[59] *Обельченко О.В.* Кую-Мазарский могильник // Труды института истории и археологии. Ташкент, 1956. Т. VIII. С. 209, 217. Рис. 5: 13.

[60] *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. Рис. 215.

[61] *Дэвлет М.А.* Сибирские ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. САИ. Д4-7. М., 1980. С. 14, 16-17.

щиеся ворворками завязки[62]. Поэтому данная инновация может свидетельствовать о существенных инокультурных влияниях, в числе которых могло быть и появление новых этнических групп населения.

Другим новшеством в культуре являются украшения упряжи – фалары, обнаруженные в погребениях (Нижняя Волга) и ритуальных комплексах (междуречье Волги и Дона). При этом распространенные в северной части региона типы и стилистические группы фаларов обнаруживают сходство с находками в Северном Причерноморье (налобники, фалары оголовья, Причерноморский графический стиль)[63], а фалары южной группы (Нижняя Волга) являются либо иранскими импортами (седельные фалары из Косики)[64], либо подражают фаларам Греко-Бактрийского стиля I тип упряжи[65] (Яшкуль, Кривая Лука).

Совершенно новым явлением в северной части Нижневолжского региона стали ритуальные пластины вытянутой подпрямоугольной формы с зооморфными изображениями. Они изготовлены в единой художественной традиции местными мастерами[66]. Только одна аналогичная пластина была обнаружена в комплексе за пределами региона, на Правобережье Кубани, у станицы Раздольная[67]. В тех случаях, когда зооморфное изображение сохранилось достаточно полно, животные изображены с телом, перевернутым в средней части на 180° (S-видная композиция). Техника изготовления пластин (резьба по дереву с дальнейшей плакировкой изображения золотом) – тоже новое явление в регионе.

В комплексе из Верхнепогромного обнаружены несколько сосудов. Чаша с накладным орнаментом, по мнению М.Ю. Трейстера, относится к селевкидской школе торевтики и должна датироваться не позднее середины III в. до н.э.[68] Другая чаша, конической формы, к которой была впоследствии приделана боковая ручка, имеет многочисленные аналогии в средиземноморских древностях II–I вв. до н.э. Особенно широко такие чаши были распространены в Западном Причерноморье[69].

Особое место среди элитных мужских захоронений занимает погребение 1 Косики[70]. Оно содержало большое количество статусных вещей, очевидно, прикубанского производства: браслет-наручь, серебряная ложка с головкой хищника на конце (полная аналогия – Песчаный к. 1 п. 9), малые бляхи-фалары, футляр для бритвы.

---

[62] *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002. С. 78–79.

[63] *Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Rahden, 2001. S. 37.

[64] Ibid. S. 38.

[65] Ibid. S. 36–37.

[66] *Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Указ. соч. С. 39–42.

[67] *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 51–52. Комп. 356; *Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В.* Указ. соч. Кат. 453.

[68] *Трейстер М.Ю.* Указ. соч. С. 28–29.

[69] Там же. С. 29–30.

[70] *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.И.* Указ. соч.

Из погребения в Косике происходит целая серия серебряных сосудов, в том числе эллинистическая полусферическая чаша с позолоченным гравированным орнаментом, таз италийского производства, сосуд с крышкой и ручками в виде кабанов, возможно, выполненный сарматским мастером, а также туалетный сосудик греческого происхождения – пиксида с гравированным орнаментом[71]. Чаша, судя по схеме орнамента, происходит, видимо, из эллинистического Ирана[72]. Гравированные изображения на сосуде с зооморфными ручками и на пиксиде говорят также в пользу их иранского производства[73]. Там же были изготовлены, по-видимому, седельные парные фалары[74]. Ножны меча с выступами по краям имеют аналогии в памятниках Алтая[75]. Поясные пряжки традиционно соотносятся с предметами из Сибирской коллекции, хотя точное их происхождение трудно установить с определенностью[76]. Ложковидные подвески встречаются в поясных наборах на широкой территории Евразийской степи: в Западном Прибайкалье[77], в Хакасско-Минусинской котловине (тагарско-таштыкский этап II–I вв. до н.э.)[78].

Самой удивительной находкой в этом погребении являются золотые листья апия от погребального венка[79]. Венки играли важную роль в погребальной практике греков и римлян[80]. Золотые венки находят в греческих и римских погребениях, начиная с классического периода до конца римского времени, в том числе на некрополях греческих городов Северного Причерноморья. На варварской периферии Боспора, в могильниках Нижнего Поволжья, Прикубанья и Северного Кавказа, остатки погребальных венков неизвестны. Захоронение Косики – это единичный случай использования этого типично греческого погребального обряда на обширной варварской территории от Кубани до Волги.

Таким образом, женские и мужские элитные погребальные комплексы этого периода показывают различное направление связей. В

---

[71] *Трейстер М.Ю.* Указ. соч. С. 38–39, 47–48, 55.

[72] *Pfrommer M.* Studien... S. 155–156. KTK. 8–9. Taf. 11, 12.

[73] *Галль Х. фон,* Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики. Истоки и восприятие одного иранского мотива в южной России // ВДИ. 1997. № 2. С. 174.

[74] *Mordvinceva V.* Op. cit. S. 38; *Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003. С. 52.

[75] *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. С. 76. Рис. 17; *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. С. 171. Рис. 41: 9; *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 109. Рис. 36: 16, 18 .

[76] *Мордвинцева В.И.* Указ. соч. С. 44.

[77] *Угольков Ю., Уголькова В.* Древности Тункинской котловины. Кемерово, 2001. Табл. CIII: 1.

[78] *Кызласов Л.Р.* Указ. соч. С. 82. Рис. 29: 8.

[79] *Anisimova L., Bonora G.L., Franchi C., Karavaeva L., Plakhov V.V.* I Tesori della Steppa di Astrakhan. Milano, 2005. Cat. 79–85.

[80] *Kurtz D.C., Boardman J.* Greek Burial Customs. Aspects of Greek and Roman Life. L., 1971. P. 163.

женских погребениях превалируют предметы социального престижа, указывающие на контакты с Прикубаньем, и, в меньшей степени, в самих погребениях высшей знати, с эллинистическим Ираном. Мужские погребения выявляют связи, в первую очередь, с культурами Алтая и Минусинской котловины, а комплексы высшей элиты указывают, как и в случае с женскими захоронениями, на контакты с эллинистическим Ираном и Прикубаньем.

Среднесарматский период (I – первая половина II в. н.э.)

Стандартные наборы статусных вещей в *женских погребениях* представлены височными подвесками. Новшеством является появление височных колец с щитками подтреугольной формы и шумящими подвесками, ожерелий, подвесок и бус производства античных городов Северного Причерноморья. Чаще, чем в предыдущий период, встречаются комплексы с нашивными бляшками и пронизями-трубочками. Совершенно не встречаются перстни.

Элитные наборы (Бердия к. 3) сопровождает бронзовая посуда италийского происхождения[81], где предметы звериного стиля представлены серебряными чашами с ручками в виде грифонов, возможно, иранского производства[82]. Знаменательна находка в этом погребении деталей шкатулки[83]: наличие шкатулки в погребении является чертой обряда, не характерной для Нижнего Поволжья.

Мужские погребения. Среди поясных украшений, помимо поясных пластин и пряжек восточных типов, украшенных изображениями, появляются пряжки обычных типов, выполненные из драгоценных металлов, сделанные в местных или северо-причерноморских мастерских[84].

Среди украшений упряжи появляются новые типы – гладкие бляхи с прорезями в центре, местного производства[85]. Наборы фаларов с зооморфными и растительными мотивами выполнены в северо-причерноморских центрах[86]. Драгоценные сосуды в элитных наборах датируются часто более ранним временем, чем сами погребения[87]. При этом «запаздывающие» предметы также происходят из эллинистического Ирана, как и сосуды, попавшие в погребения нижневолжской элиты в предыдущий период. А сосуды, одновременные погребению, обычно изготовлены в западных производственных центрах[88].

---

[81] *Мордвинцева В.И., Сергацков И.В.* Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. 1995. № 4. Рис. 5: 3; 6: 1–2.

[82] *Мордвинцева В.И., Сергацков И.В.* Указ. соч. С. 121.

[83] Там же. С. 118. Рис. 4: 1, 9–12.

[84] *Мыськов Е.П.* Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 1; *Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Указ. соч. Кат. 128–130.

[85] *Mordvinceva V.* Op. cit. S. 53.

[86] Ibid. S. 52.

[87] *Мордвинцева В.И.* Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // РА. 2000. № 1. С. 150.

[88] *Мордвинцева В.И.* Набор серебряной посуды... С. 148–149.

В нескольких мужских погребениях этого периода найдены браслеты западных типов (с завязками, с расширяющимися концами), без зооморфных украшений.

В двух комплексах (случайные находки у с. Саломатино и станицы Голубинской) обнаружены браслеты с зооморфными окончаниями. Саломатинские браслеты были доставлены вместе с инвентарем, характерным для мужского погребения, включавшим, в частности, меч, оселок и бронзовый литой котел[89]. По мнению И.П. Засецкой, ближайшими аналогиями этим браслетам являются украшения из Сибирской коллекции Петра I, и вещи из Пазырыкских курганов на Алтае[90]. Браслеты, найденные у Голубинской[91], судя по типу окончаний, были изготовлены в Северном Причерноморье.

Очевидно, что в период I – первой пол. II вв. н.э. в элитных комплексах Нижнего Поволжья начинают преобладать вещи, изготовленные в Северном Причерноморье, хотя часто и по восточным образцам. В комплексах высшей элиты среди «дальних» импортов, современных погребениям, большую долю составляет римская бронзовая и серебряная посуда. Таким образом, в это время происходит определенная переориентация верхушки сарматского общества на античные центры Северного Причерноморья.

Позднесарматский период (вторая половина II–III в. н.э.)

В это время наблюдается стандартизация погребального обряда, элитные погребения незначительно отличаются от обычных по количеству и качеству сопровождающего инвентаря.

Все личные украшения, и в мужских и в женских погребениях, относятся теперь к типам, распространенным в Северном Причерноморье. В поясных наборах уже не встречаются крупные поясные пластины. Украшения упряжи относятся к наборам, наибольшее распространение которых отмечено в ареале Боспорского царства. Полностью отсутствуют предметы звериного стиля.

Выводы

В период III–I вв. до н.э. очевидно существование в Нижнем Поволжье двух региональных центров, отличающихся культурными особенностями: северного (Заволжье и Волго-Донское междуречье) и южного (Нижняя Волга).

Отмеченные региональные особенности могли являться следствием различного общественного устройства (в первой группе ясно проявляет себя высокий социальный статус женщин), а возможно и этнического состава племен, оставивших эти памятники.

Ситуация меняется в первом веке н.э., когда региональные различия в составе элитных наборов нивелируются, а центр элитных захо-

---

[89] *Берхин И.П.* Сарматское погребение у с. Саломатина // СГЭ. 1959. Вып. 15. С. 37.

[90] *Берхин И.П.* Указ. соч. С. 41.

[91] ОАК за 1890. С. 118. Рис. 71; *Minns E.H.* Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambr., 1913. P. 63–64. Fig. 15.

ронений смещается в междуречье Волги и Дона. Некоторые черты погребального обряда захоронений знати нижневолжского региона воспринимаются населением междуречья Волги и Дона. Это, по-видимому, говорит о том, что вся территория была объединена под контролем одной этнополитической группировки. Во II–III вв. н.э. такое положение вещей, в целом, сохраняется. Однако какого-то определенного центра элиты в Нижнем Поволжье не наблюдается.

Исследование качественного состава статусных предметов из драгоценных металлов показало, что в III – первой половине II вв. до н.э. социальное разделение было незначительным. Примерно в середине II в. до н.э. происходят резкие изменения как в социальном расслоении населения региона, так, по всей видимости, и в его этническом составе. В это время основным направлением этнополитических связей элиты Нижнего Поволжья было южное (видимо, через Прикубанье и Кавказ с эллинистическим Ираном) и восточное (через степи Евразии с кочевыми культурами Алтая и Трансбайкалья).

В первые века н.э. происходит переориентировка кочевой элиты на античные центры Северного Причерноморья. Неслучайна отмеченная концентрация погребений знати в этот период в районе Волго-Донской переволоки, которая играла, видимо, важную роль на торговом пути, ведущим из Средиземноморья через Боспорские города, Нижний Дон через евразийские степи к границам государств Средней Азии и Китая. С середины II в. н.э. связи нижневолжского населения с северо-причерноморскими центрами заметно усиливаются, и становятся преобладающими. Отсутствие центров сосредоточения власти в это время является, вероятно, знаком нестабильности обстановки в регионе, а может и в целом в евразийской степи, следствием чего могла быть переориентация мировых торговых маршрутов.

V.I. Mordvintseva

CULTURAL CHANGES IN THE LOWER VOLGA REGION based on The Study of Assemblages with Objects made of Precious Metals (III C. BC. – MID III C. AD)

The Lower Volga region was relatively remote from the centres of the antique civilization. Therefore there is very little written information left by the ancient authors about this area and its population.

One of the perspective approaches to get more information about history of the region may be a comparative analysis of the burial and cult assemblages containing objects of precious metal. For this purpose there were analyzed all published burials of high social status divided in three chronological groups (III-I c. BC, I – 1st half of the II c. AD, and 2nd half of the II – 1st half of the III c. AD). The analysis was resulted in following conclusions.

In the period from the III to the I c. BC there were two regional centres of power in the Lower Volga region: northern (north from modern Volgograd) and southern. The main direction of social contacts in this time was the south-western (with barbarian population of the Kuban re-

gion) and eastern (over Eurasian steppes with nomadic cultures of Altai and Transbaikal regions). The elite assemblages of the highest rank show connections with the Hellenistic Iran (perhaps via Kuban region and Caucasus).

In the I c. AD the situation changed. Instead of two regional centres was formed one centre of power – in the territory between Volga and Don. Regional differences in the content of elite assemblages disappeared. In this time the nomadic elite of the Lower Volga redirects towards the antique centres of the North Pontic region. In this period the sets of Roman bronze and silver vessels appeared in the elite graves of the region. The concentration of elite burials between Volga and Don might be explained by the growing importance of this place for the world-wide trade route, which connected shores of Mediterranean and Black Seas via Azov Sea and Lower Don with the steppe belt of Eurasia and great civilization of Middle East and China on its south-eastern edges.

From the mid II c. AD the connections of the population of the Lower Volga region became stable and strong. However, in this time there was no any distinctive centre of regional power. It might be explained by a possible instability of the situation in the Eurasian steppe and, as a consequence, other orientation of world trade routes.

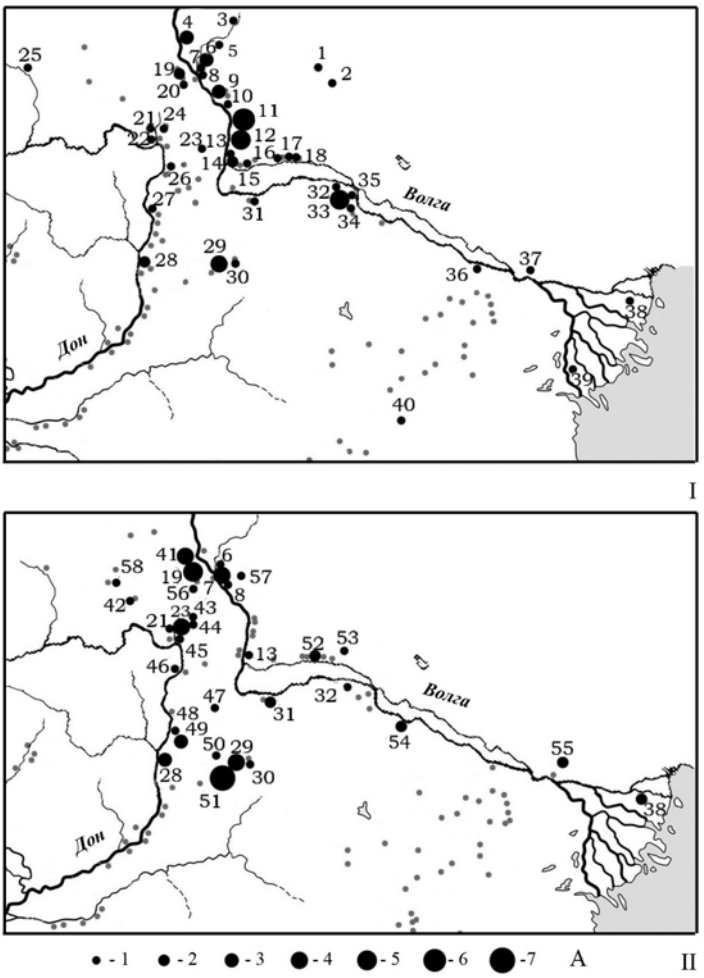


Рис. 1а. Карты распространения погребений знати в Нижнем Поволжье в III в. до н.э. – сер. III в. н.э.
I – Комплексы III-I вв. до н.э. **II** – Комплексы I – 1 пол. II в. н.э.
А – количество комплексов с предметами из драгоценных металлов в могильнике (от 1 до 7)
Цифры на картах: 1 – Венгеловка. 2 – Приозерное. 3 – Питерка. 4 – Белокаменка. 5 – Майеровский. 6 – Западные Могилы. 7 – Бережновка. 8 – Политотдельское. 9 – Быково. 10 – В. Балыклей. 11 – Калиновка. 12 – Верхнепогромное. 13 – Волжский, Киляковка. 14 – 15 поселок. 15 – Заплавное. 16 – Царев. 17 – Журов. 18 – Маляевка. 19 – Барановка I (Иловлинский район, Волгоградская обл.). 20 – Петрунино. 21 – Писаревка. 22 – Желтухин. 23 – Бердия. 24 – Варламов. 25 – Короли. 26 – Качалино. 27 – Ильевка. 28 – Первомайский. 29 – Жутово. 30 – Перегрузное. 31 – Химкомбинат, Заканалье (г. Волгоград). 32 – Старица. 33 – Кривая Лука. 34 – Соленое Займище. 35 – Черный Яр. 36 – Косика. 37 – Барановка (Черноярский район, Астраханская обл.). 38 – Чиковский. 39 – Маячный. 40 – Яшкуль. 41 – Лебяжье. 42 – Ветютнев. 43 – Б Ивановка. 44 – М. Воробцовка. 45 – Авиловский. 46 – Голубинская. 47 – Н. Рогачик. 48 – Приморский. 49 – Вербовский. 50 – Антонов. 51 – Октябрьский. 52 – Колобовка. 53 – Дмитриевка. 54 – Никольское. 55 – Комсомольский. 56 – Саломатино. 57 – Раздолье. 58 – Королева Могила

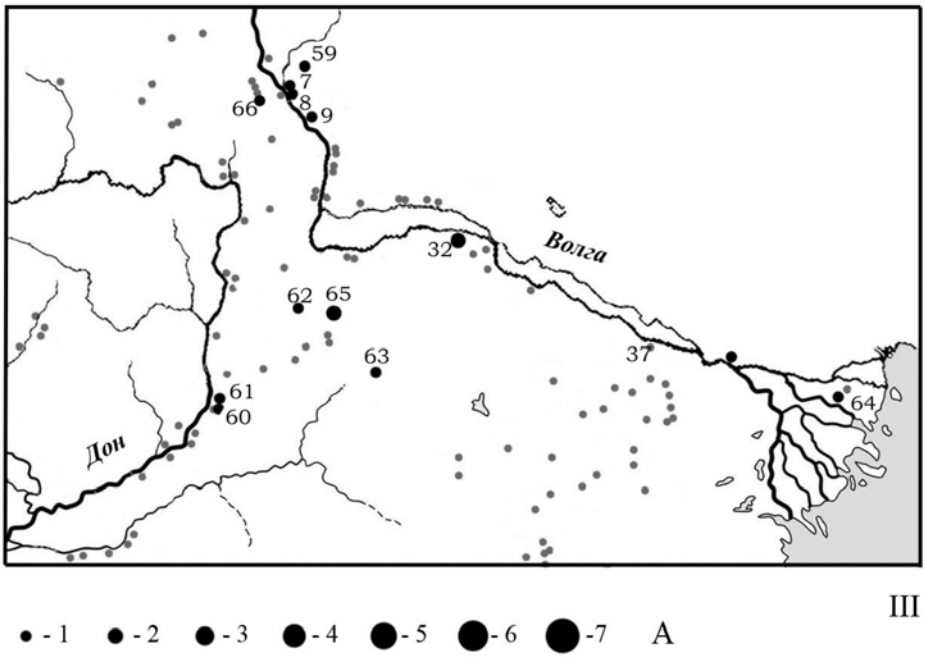


Рис. 1б. Карты распространения погребений знати в Нижнем Поволжье
в III в. до н.э. – сер. III в. н.э.
III – Комплексы 2 пол. II – 1 пол. III в.н.э.
А – количество комплексов с предметами из драгоценных металлов
в могильнике (от 1 до 7)
Цифры на картах: 7 – Бережновка. 8 – Политотдельское. 9 – Быково. 32 – Старица.
37 – Барановка (Черноярский район, Астраханская обл.). 59 – Солянка.
60 – Нагавский. 61 – Веселый. 62 – Ивановка. 63 – Аршань-Зельмень. 64 – Лбище.
65 – Абганерово. 66 – Костарево

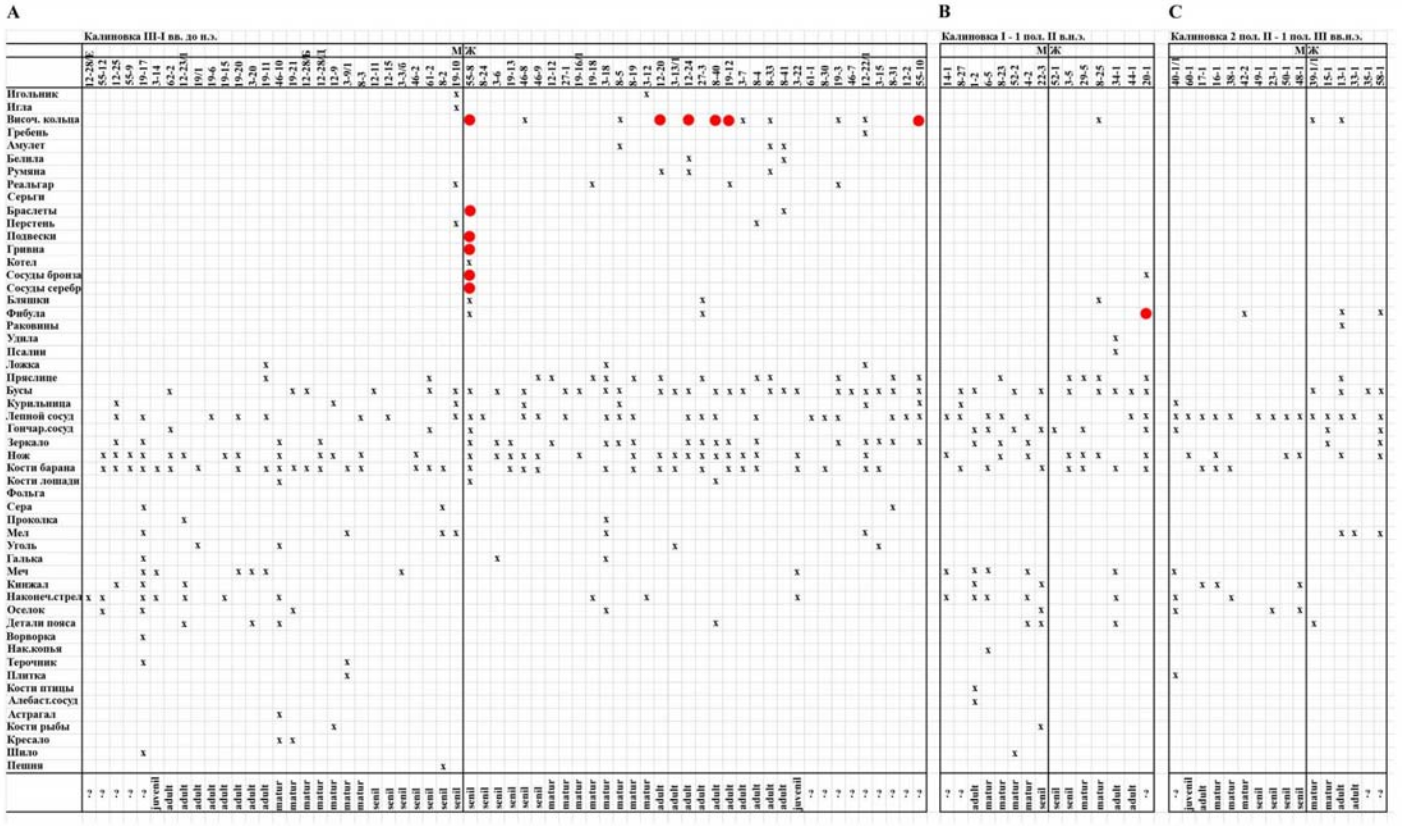


Рис. 2. Качественное распределение инвентаря в погребениях Калиновского могильника.
A – III-I вв. до н.э. **B** – I – 1 пол. II вв. н.э. **C** – 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э.

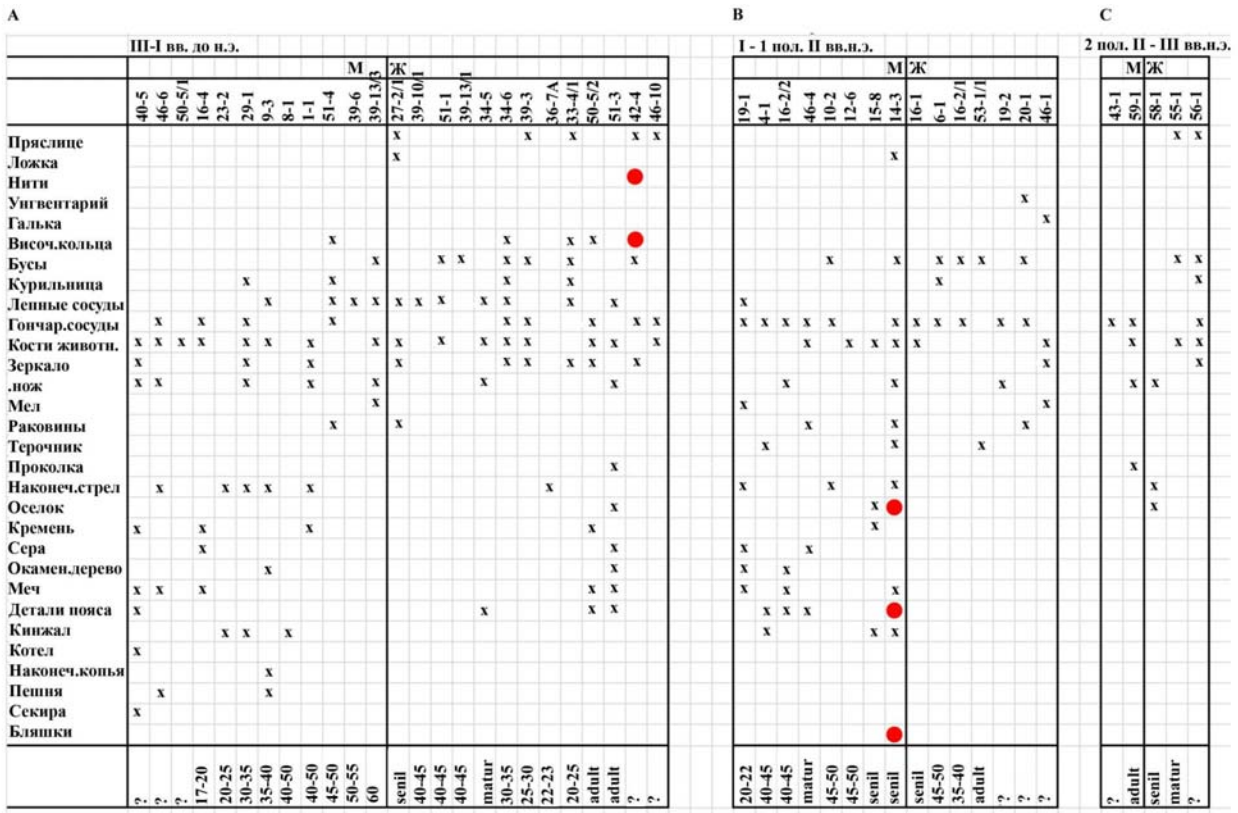


Рис. 3. Качественное распределение инвентаря в погребениях могильника Первомайский VII.
А – III-I вв. до н.э. **В** – I – 1 пол. II вв. н.э. **С** – 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э.

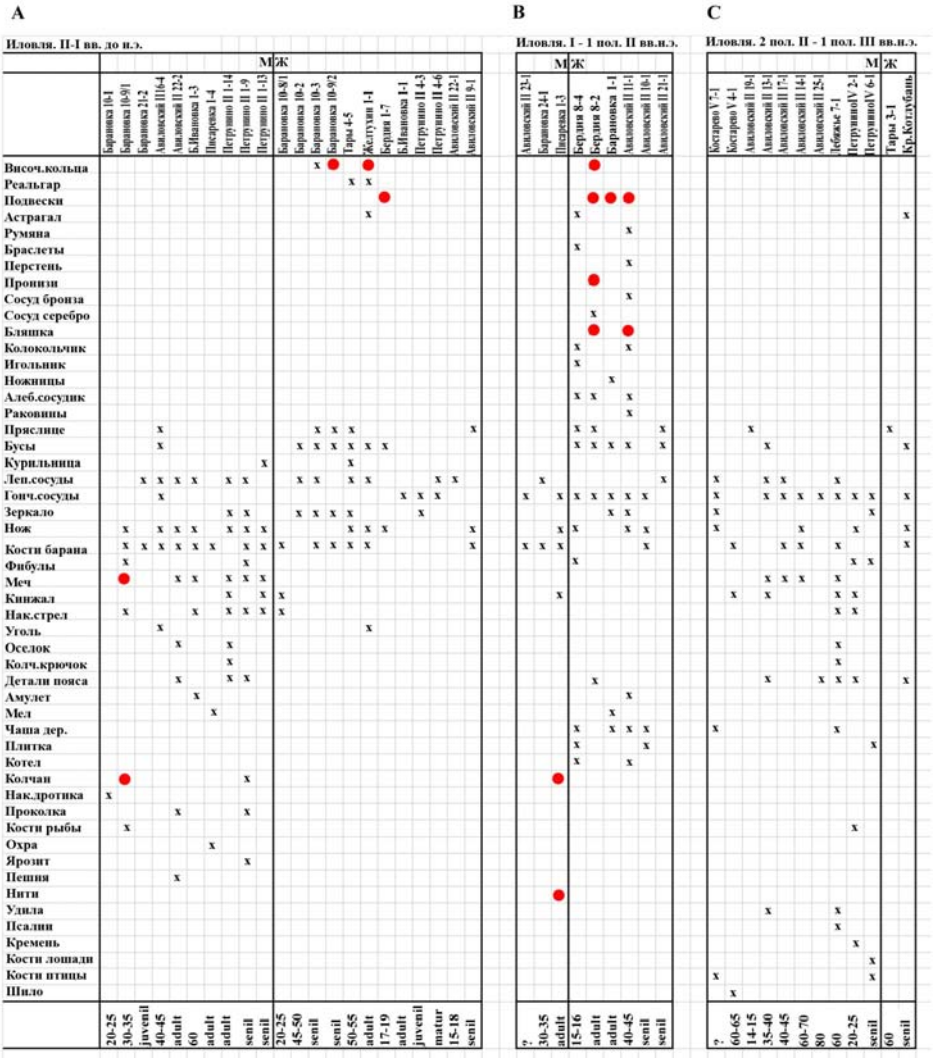


Рис. 4. Качественное распределение инвентаря
в погребениях могильников Иловлинской группы.
А – III-I вв. до н.э. **В** – I – 1 пол. II вв. н.э.
С – 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э.

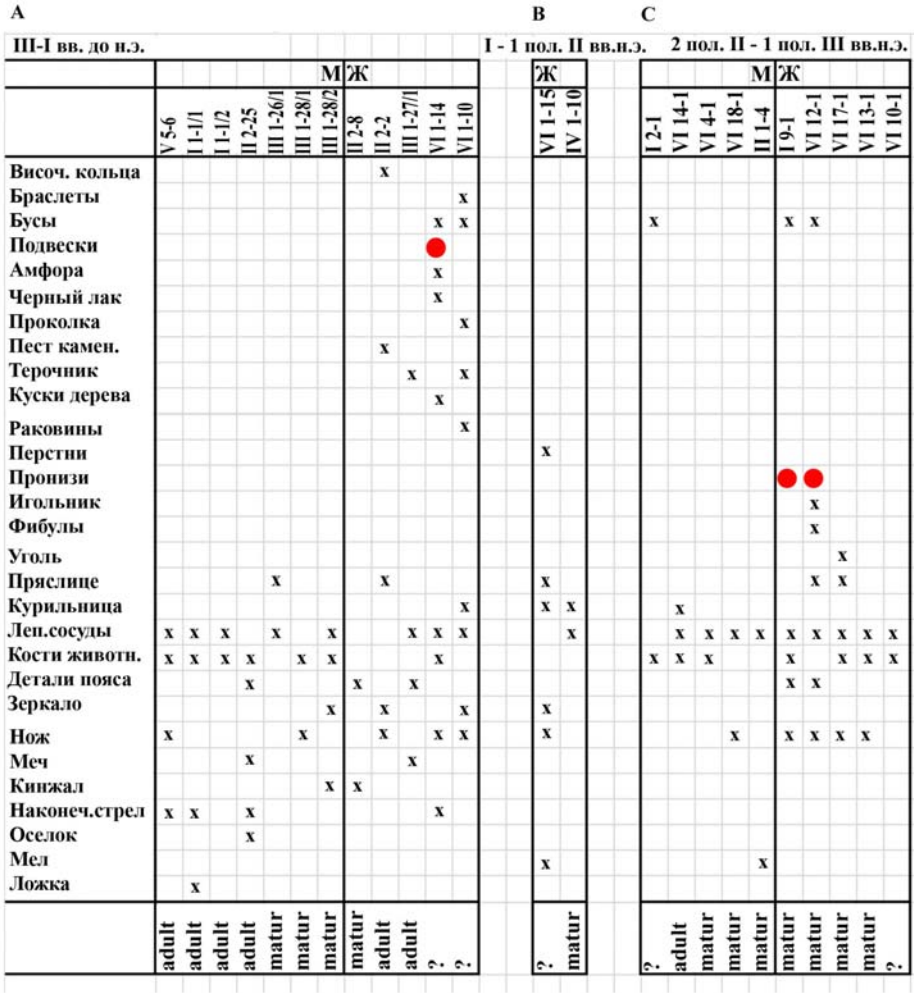


Рис. 5. Качественное распределение инвентаря в погребениях могильников Кривая Лука I-VI.
A – III-I вв. до н.э. **B** – I – 1 пол. II вв. н.э.
C – 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э.

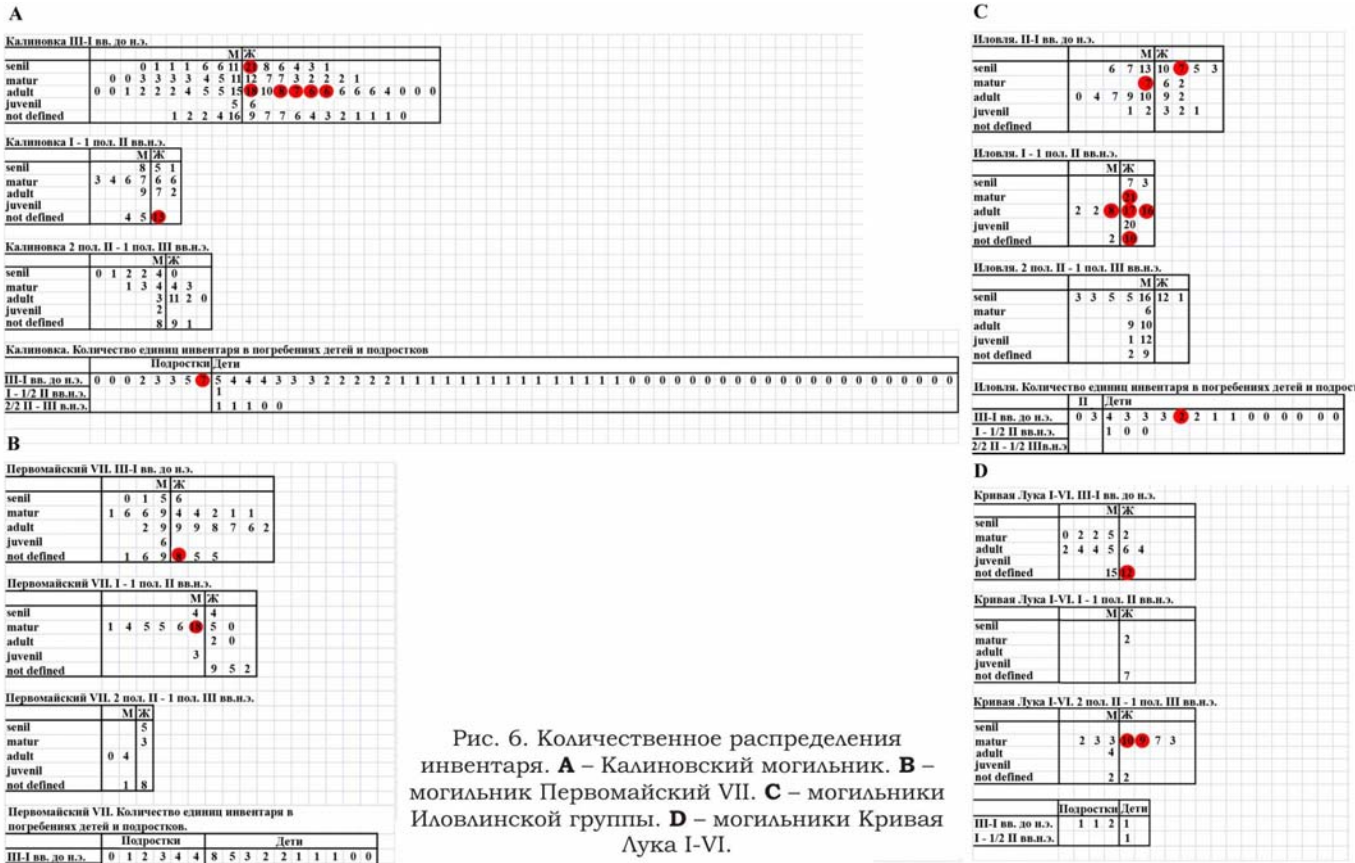


Рис. 6. Количественное распределения инвентаря. **A** – Калиновский могильник. **B** – могильник Первомайский VII. **C** – могильники Иловлинской группы. **D** – могильники Кривая Лука I-VI.

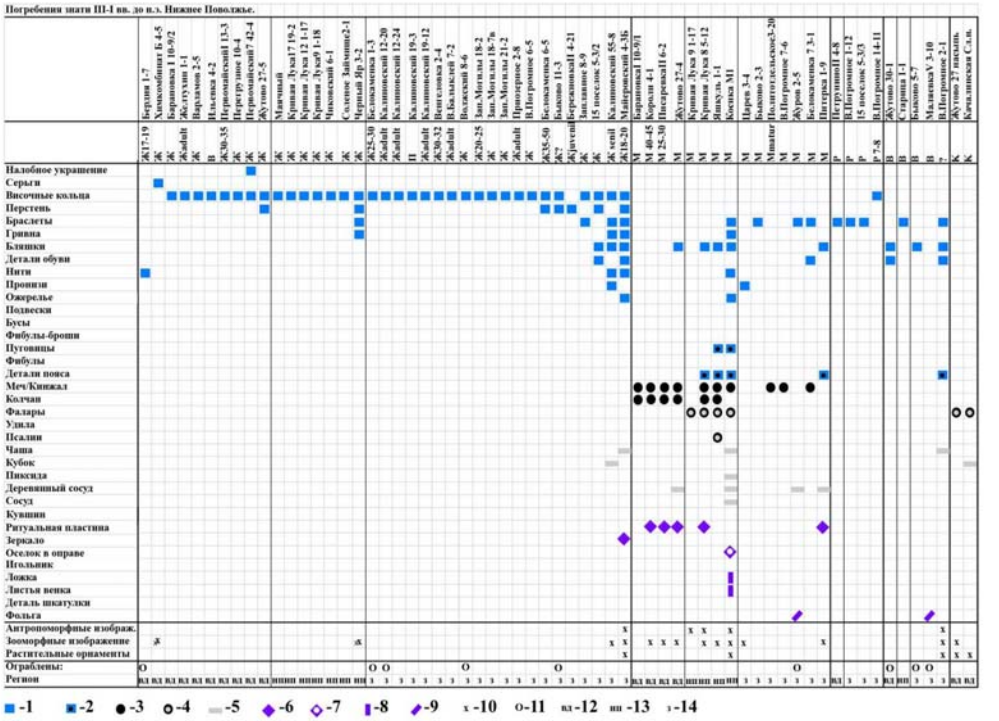


Рис. 7. Таблица корреляции комплексов с предметами из драгоценных металлов III-I вв. до н.э.
Ж – женские погребения. М – мужские погребения. Р – детские погребения. В –захоронения с неустановленным полом погребенного. К – ритуальный клад. 1 – украшения. 2 – детали костюма. 3 – предметы вооружения. 4 – предметы упряжи. 5 – сосуды. 6 – ритуальные предметы. 7 – орудия труда. 8 – элементы инокультурного обряда. 9 – прочее. 10 – наличие изображений. 11 – Волго-Донское междуречье. 12 – Нижняя Волга. 13 – Заволжье. 14 – ограблено.

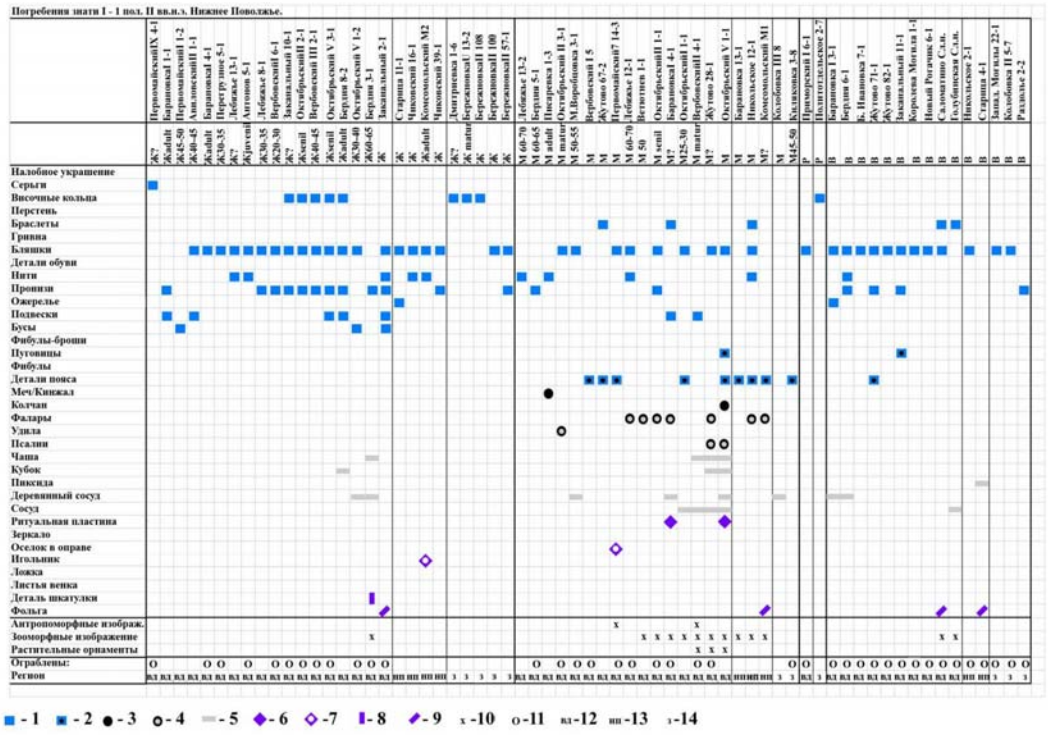


Рис. 8. Таблица корреляции комплексов с предметами из драгоценных металлов I – 1 пол. II вв. н.э. Ж – женские погребения. М – мужские погребения. Р – детские погребения. В – захоронения с неустановленным полом погребенного. 1 – украшения. 2 – детали костюма. 3 – предметы вооружения. 4 – предметы упряжи. 5 – сосуды. 6 – ритуальные предметы. 7 – орудия труда. 8 – элементы инокультурного обряда. 9 – прочее. 10 – наличие изображений. 11 – Волго-Донское междуречье. 12 – Нижняя Волга. 13 – Заволжье. 14 – ограблено.

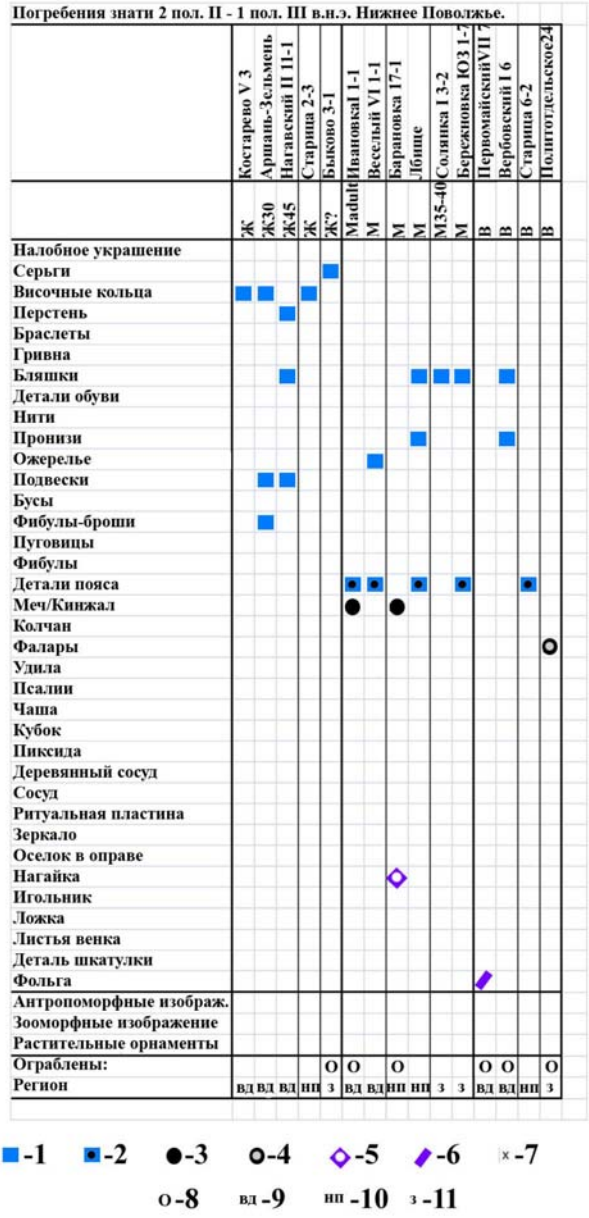


Рис. 9. Таблица корреляции комплексов с предметами из драгоценных металлов 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э. Ж – женские погребения. М – мужские погребения. Р – детские погребения.
В – захоронения с неустановленным полом погребенного.
1 – украшения. 2 – детали костюма. 3 – предметы вооружения.
4 – предметы упряжи. 5 – орудия труда. 6 – прочее. 7 – наличие изображений. 8 – Волго-Донское междуречье. 9 – Нижняя Волга.
10 – Заволжье. 11 – ограблено

А.П. Медведев

ПОЗДНЕАНИЧНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ РАСКОПОК ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ В 2007 Г.*

При исследовании Восточного некрополя Фанагории в 2007 г. открыто позднеантичное погребение 118, совершенное в склепе. Следует заметить, что на этом участке некрополя погребения IV–V вв. н.э. практически не встречались. Основная их масса была исследована нами ранее на участке раскопа 2005 г., расположенном примерно в 200 м западнее, где они концентрировались вокруг кольцевого ровика.

Погребение 118 обнаружено в северной части раскопа в кв. 52 (рис. 1). Еще в 2006 г. в его западном борту был замечен профиль дромоса. Большая его часть оказалось в площади раскопа 2007 г., когда было исследовано все погребение. Оно было совершено в грунтовом склепе, при этом камера находилась на одной оси с дромосом (рис. 3, а).

Дромос. Располагался к юго-востоку от камеры. Он ориентирован длинными сторонами по линии юг-юго-восток – север-северо-запад. Дромос имел в плане правильную прямоугольную форму. Его размеры: длина 2,4 м, ширина южной стенки 0,9 м, ширина дромоса перед коридорчиком 1,18 м. Заполнение дромоса – темно-серая супесь с прослойками желтой глины. Глубина залегания пола в материке 1,1 м (– 4,7 м от «0»). Его стенки ровные, вертикальные, хорошо обработаны. Пол – ровный, имел слабый наклон в сторону камеры. На полу у западной стенки найдены кольцо и звено от железных удил (рис. 1, *1*). У восточной стенки дромоса в заполнении, чуть выше уровня пола лежали два разбитых светильника (рис. 1, *2–3*). Помимо них в заполнении дромоса встречена бронзовая пряжка (рис. 1, *4*).

Заклад. Не сохранился, но при зачистке пола обнаружена поперечная полоса, заполненная темным грунтом. После ее выборки обозначилась неглубокая канавка шириной 0,22 м и глубиной до 0,1 м (-4,76 м от «0»). Скорее всего, в ней стоял заклад камеры склепа из сырцового кирпича плохого качества, разрушенный грабителями.

Коридорчик. Перед канавкой в полу дромос заметно сужался, образуя узкий коридорчик. Его ширина 0,95 м, длина 1,15 м. Заполнение коридорчика оказалось идентично заполнению дромоса. Пол коридорчика залегал на том же уровне – 4,7 м, что и пол дромоса. В месте перехода коридорчика в камеру имелась ступенька высотой 0,5–0,6 м.

Камера. Находилась к северу от дромоса (рис. 2; 3, б). На уровне зачистки материка она имела округлую форму. Ее размеры по верху 2,6 × 2,65 м. Стенки камеры ровные, хорошо обработанные, почти вертикальные. Они были вырублены в плотном материковом суглинке с включениями прослоек глины синеватого цвета. Заполнение – темно-серая супесь, перемешанная с глиной. Пол камеры ровный, хорошо обработанный, залегал на уровне -5,3 м от «0». На уроне пола камера

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 10-01-00343а.

сохраняла округлую форму, но имела несколько меньшие размеры 2,3 × 2,5 м. На полу камеры в ее западной половине обнаружены останки трех погребений. От них остались лишь нижние части гробов, тлен и отдельные человеческие кости.

Гроб 1 (рис. 2; 4, а). В полу у западной стенки камеры с уровня -5,24 м от «0» обнаружено прямоугольное пятно, заметно расширяющееся к югу. Оно представляло собой отпечатки небольшого гроба в глиняном полу камеры. Длина гроба 0,9 м, ширина в изголовье 0,3 м, в ногах 0,2 м. Судя по его размерам, здесь было совершено детское захоронение. От скелета погребенного уцелела лишь черепная крышка (череп 1), найденная в заполнении чуть выше уровня гроба. В заполнении северной половины гроба обнаружена крупная меловая бусина (рис. 2, *7*) и маленькая бронзовая пряжка с позолоченным язычком (рис. 2, *8*). У северной стенки гроба найдена другая бронзовая пряжка с округлой накладкой (рис. 2, *9*).

Южнее гроба к западной стенке камеры склепа был приставлен восьмиугольный мраморный столик (рис. 2, *5*; 4, б). Восточнее его в полу расчищены четыре прямоугольных пятна от сырцовых кирпичей грязно-серого цвета (рис. 2, *11*). Возможно, они служили в качестве подставки для мраморного столика, позднее сдвинутого грабителями к стенке камеры.

Гроб 2. Обнаружен к востоку от гроба 1. От него сохранились нижние доски, лежавшие на полу (–5,21 м от «0»). В северной части доски дна гроба 2 перекрывали гроб 1. От скелета погребенного сохранились лишь отдельные кости и костный тлен. Из сопровождающего инвентаря уцелел только костяной орнаментированный резьбой стержень (рис. 2, *10*) и крупная стеклянная бусина (рис. 2, *14*).

Гроб 3. Находился к востоку от гроба 2. От него сохранились отдельные доски, лежавшие на полу на глубине –5,25 м от «0». На досках местами заметен тлен от костей. В западной части гроба среди древесного тлена найден железный гвоздь (рис. 2, *15*).

На полу камеры склепа вне гробов найдены другие находки, вероятно, оставшиеся от разрушенных погребений. К югу от гроба 2 обнаружена часть черепной крышки взрослого человека (череп 2). Рядом с ней находилась бронзовая оковка с гвоздиками (рис. 2, *13*). В 0,25 м к востоку от гроба 3 на полу лежало скопление железных наконечников стрел (рис. 2, *6*). У восточной стенки камеры на полу встречено фрагментированное второе звено железных удил (рис. 2, *18*). На полу камеры в ее южной части перед ступенькой найден фрагмент железной накладки (рис. 2, *16*) и бронзовая обойма с ремешком внутри (рис. 2, *17*).

Находки в дромосе:

1. Два красноглиняных светильника (рис. 6, *2–3*). Один удалось практически полностью склеить (рис. 5, б), другой фрагментированный. Судя по сохранившимся частям, сосуды были практически идентичны. Целый светильник представляет собой вазочку на высокой рюмкообразной ножке с перехватом. Диаметр его верха 13 см,

диаметр дна 15 см, высота 10,5 см. Светильники на высоких ножках характерны для позднеантичной эпохи[1].

2. Фрагменты железных удил (рис. 6, 8). От них уцелело кольцо и стержень одного из звеньев, конец которого закручен в кольцо. Судя по уцелевшим фрагментам, они принадлежат наиболее распространенному типу железных двухколенчатых удил сарматской эпохи. От удил первых веков н.э. они отличаются более крупными размерами колец, что более характерно для узды позднесарматского и гуннского времени[2].

3. Небольшая бронзовая пряжка (рис. 6, *10*). Ее рамка имеет форму равнобедренного треугольника, вытянутого в сторону ремня. У его вершины находится заклепка. Пряжка изготовлена из бронзовой пластины толщиной 1,2 мм. Внутри нее вырезано широкое прямоугольное отверстие. Язычок подвижный с характерным вырезом в основании в виде ступеньки. Его конец не заходит за край рамки. Размеры пряжки 1,4 × 2,2 × 2,2 см.

Гроб 1:

4. Бронзовая пряжка с накладкой (рис. 6, *11*). Круглая рамка заметно утолщается к месту наложения язычка. Язычок массивный, хоботовидный, его конец заходит за край рамки. Диаметр рамки 1,7 см. Округлая накладка на пряжку изготовлена из перегнутой медной пластины, ее половины скреплены тремя заклепками. Пряжка относится к поясной гарнитуре ступеней D1–D2 среднеевропейской системы хронологии[3], то есть к раннегуннскому времени.

5. Маленькая бронзовая пряжка без накладки (рис. 6, *12*). Имеет круглую рамку, утолщающуюся к месту наложения язычка. Язычок массивный, хоботовидный, его основание срезано под прямым углом и образует ступеньку. Конец язычка загнут и заходит за рамку. Ее диаметр 0,7 см. На рамке и язычке сохранились следы позолоты. Пряжка принадлежит тому же раннегуннскому хронологическому горизонту, что и вышеописанная с круглой накладкой.

6. Крупная круглая бусина из мела (рис. 6, *14*). Ее диаметр 2,6 см. Канал – широкий, просверлен с одной стороны. Бусы такой формы имеют весьма широкий диапазон бытования[4].

Гроб 2:

7. Костяной орнаментированный стержень (рис. 6, *4*). Он сохранился на высоту 5,8 см. Оба конца обломаны в древности. Диаметр стержня 1 см. Резной орнамент состоит из поперечных горизонтальных линий, чередующихся с волнистыми линиями и рядами насечек.

---

[1] АГСП. Табл. CXXXII. *32*.

[2] *Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 151–154.

[3] *Tejral J.* Neue Aspekte der frühvolkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997. S. 32. Abb. 17, *11–15*; *Щукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005. С. 330. Табл. V. *19–25*.

[4] *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М., 1982. С. 29.

Назначение костяного стержня неясно. Может быть, это часть костяного веретена.

8. Крупная круглая стеклянная бусина с накладным поперечным волнистым орнаментом (рис. 6, *15*). Ее диаметр 2 см. Основа из глухого черного стекла с блестящей поверхностью. Орнамент в виде двух волнистых нитей красного и желтого цвета. Экземпляр наиболее близок бусам типа 307 классификации Е.М. Алексеевой, датированным ей III–IV вв. н.э.[5] Однако, судя по находкам бус этого типа в комплексах эпохи Великого переселения народов, этот тип украшений бытовал и в V в. н.э.[6]

Гроб 3:

9. Фрагментированный железный гвоздь от гроба (рис. 2, *15*).

Находки в камере склепа:

10. Мраморный восьмиугольный столик, точнее столешница (рис. 5, а; 6, *1*). В восьмиугольную плоскость вписана окружность, ограниченная невысоким бортиком. Внешний диаметр столика 51 см, диаметр внутренней углубленной круглой части 48 см, толщина 2 см, высота бортика 0,7 см. Внутренняя поверхность изделия тщательно обработана, но довольно шершавая. При этом нижняя (внешняя) сторона покрыта множеством радиально расходящихся от центра бороздок.

11. Железные наконечники стрел – 10 экз. (рис. 6, *5–7*). За исключением одного, все они – черешковые, трехлопастные с высотой головки от 3,5 до 5 см (рис. 6, *5–6*). Они принадлежат к наиболее распространенному типу сарматских наконечников стрел со срезанными под прямым углом лопастями[7]. Один наконечник имеет узкую, треугольную в сечении головку (рис. 6, *7*). Скорее всего, он – бронебойный.

12. Часть звена тех же железных удил, что были найдены на полу дромоса (рис. 6, *8*). Судя по ним, удила были крупные, массивные. Диаметр их внешнего кольца составлял 5,5 см.

13. Бронзовая оковка с гвоздиками (рис. 6, *9*). Имеет вид узкой, слегка изогнутой пластинки толщиной 1 мм. Сквозь нее проходят четыре медных гвоздика – один длинный посередине и три более короткие по краям. Назначение находки не ясно.

14. Бронзовая обойма с остатками ремешка внутри (рис. 6, *13*). Она имеет треугольную форму. Обойма изготовлена из сложенной вдвое тонкой пластинки, ее верхний край скреплен медным гвоздиком. Внутри обоймы сохранились остатки ремешка. Возможно, принадлежит небольшой треугольной пряжке, найденной в дромосе (рис. 6, *10*).

Дата погребения: Погребения склепа сильно нарушены грабителями, что затрудняет их датировку. Однако найденные в гробе 1 брон-

---

[5] *Алексеева Е.М.* Указ. соч. С. 51. Табл. 31, *53–55*.

[6] Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. Каталог выставки. München, 2007. С. 388. Рис. V. *3. 4. 8*; *Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009. С. 110–111.

[7] *Симоненко А.В.* Указ. соч. С. 92. Рис. 67, *7–12*.

зовые пряжки с массивными рамками и хоботковидными язычками, характерные для ступеней D1 и D2 среднеевропейской системы хронологии, позволяют датировать его позднеантичным временем – то есть концом IV – первой половиной V в. н.э. Этому не противоречит находка бусины типа 307 из гроба 2. По-видимому, в склепе были и другие позднеантичные погребения, на что указывают некоторые находки из камеры и дромоса (маленькая треугольная пряжка, высокие рюмкообразные светильники и др.).

Публикуемый комплекс, как по устройству погребального сооружения, так и по уцелевшему сопровождающему инвентарю, существенно отличался от ранее открытых фанагорийских погребений раннегунского времени IV–V вв.[8] Так у большинства склепов этого времени камера располагалась к югу от дромоса, здесь же – к северу. В погребениях гуннской эпохи редко встречались захоронения в деревянных гробах. То же самое следует сказать об античной традиции помещать в погребения светильники. К сожалению, полное разрушение грабителями костяков не позволяет что-либо сказать об особенностях погребальной обрядности. Однако судя по уцелевшему инвентарю, здесь помимо детского захоронения (гроб 1) явно находилось мужское воинское погребение. От его инвентаря сохранились фрагменты удил и скопление железных наконечников стрел. Возможно, одно из захоронений (гроб 2) принадлежало женщине, на что указывает наличие бусины и фрагмент костяного изделия (веретена?), найденного рядом с ним.

A.P. Medvedev

LATE ANCIENT BURIAL FROM EXCAVATIONS OF EASTERN NECROPOLIS OF PHANAGORIA IN 2007

The article is dedicated to publication of materials from burial 118 from the eastern necropolis of Phanagoria explored in 2007. It is a vault with a long dromos arranged in line with a chamber. On its floor we found remains of three burials in wooden coffins. They had been disrupted by grave-robbers. However, remained goods allow us to date the vault to late antiquity (phases D1 and D2 of Central European chronological system), i.e. end of 4th – first half of 5th centuries AD. At that, we did not find any evidences of Hunnic presence there.

---

[8] *Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории: (раскопки 2005 г.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Т. 1. С. 224–229; *он же.* Воинское погребение из Восточного некрополя Фанагории // Ostrogotika. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Харьков, 2009. С. 180–185; *он же.* Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009. С. 167–182; *он же.* Позднеантичное погребение из раскопок Восточного некрополя Фанагории в 2005 г. // Археология, древний мир, средние века. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. V. С. 96–103.

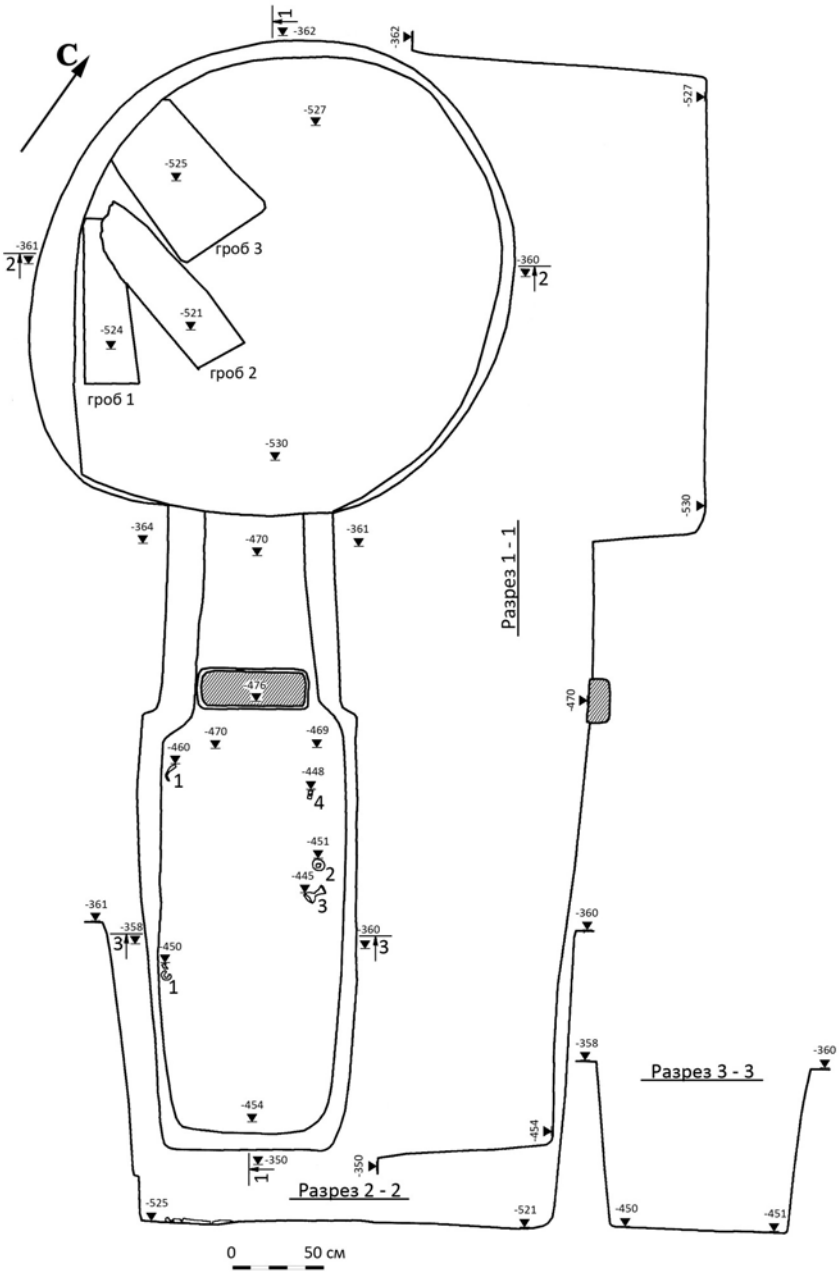


Рис. 1. План и разрезы погребения 118:
1 – фрагменты железных удил; *2, 3* – глиняные светильники;
4 – бронзовая пряжка

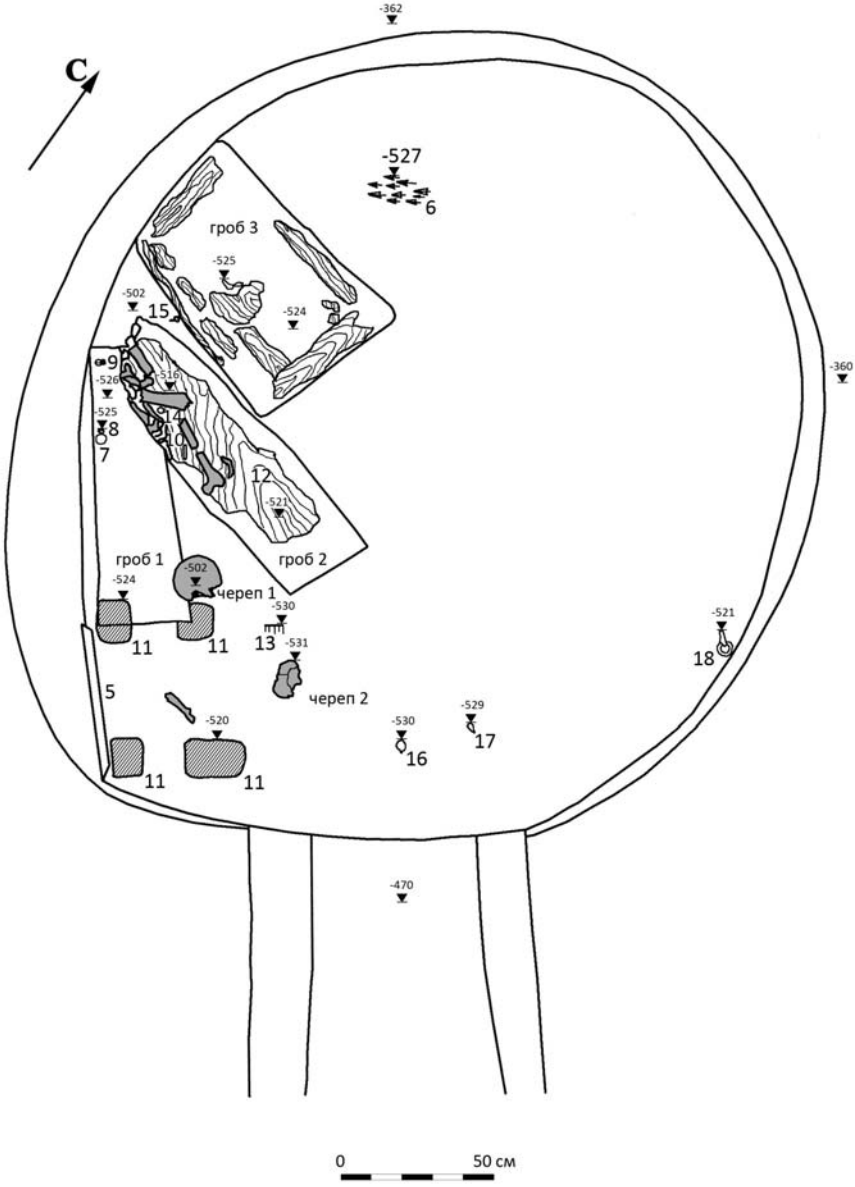
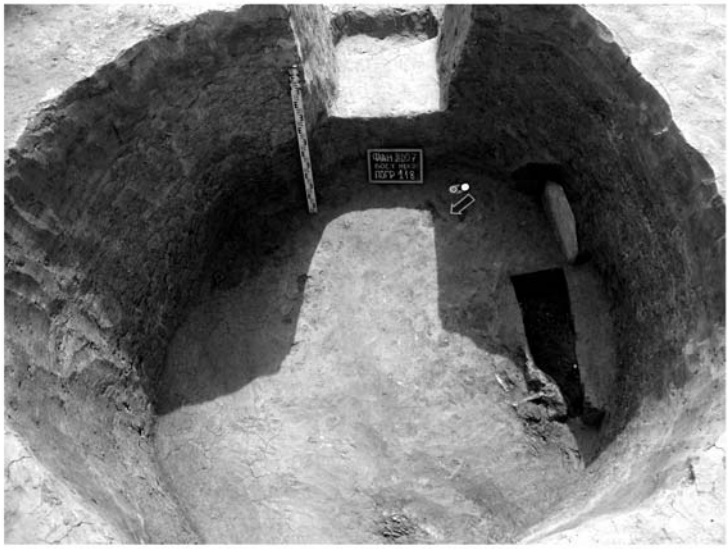


Рис. 2. План камеры склепа:
5 – мраморный столик; *6* – железные наконечники стрел; *7* – меловая бусина; *8* – бронзовая пряжка с позолоченным язычком; *9* – бронзовая пряжка с округлой накладкой; *10* – крупная стеклянная бусина; *11* – остатки сырцовых кирпичей; *12* – древесный тлен от гроба; *13* – бронзовая оковка; *14* – костяной орнаментированный стержень; *15* – железный гвоздь; *16* – фрагмент железной накладки; *17* – бронзовая обойма с ремешком; *18* – второе звено железных удил

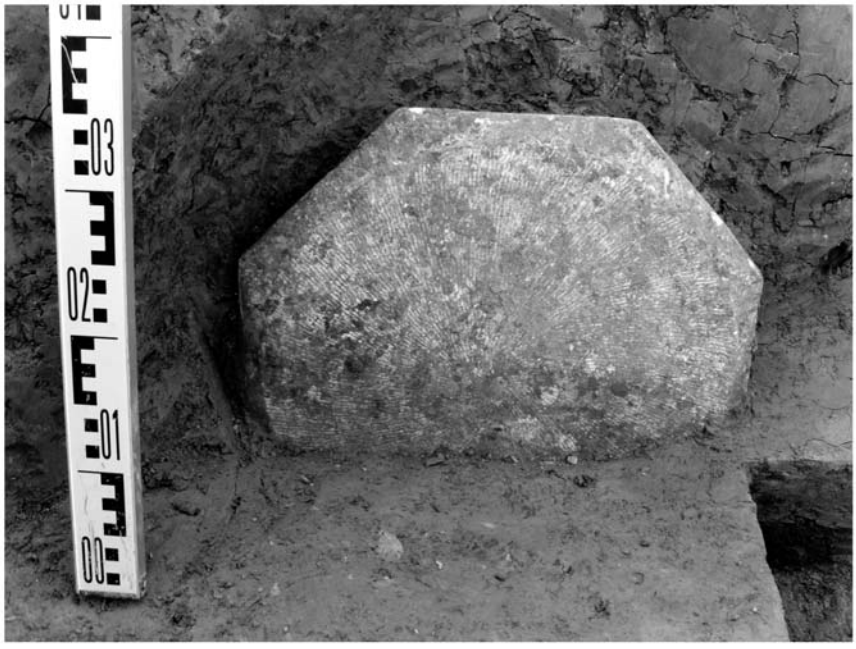
а



б

Рис. 3. Погребение 118:
а – вид склепа с юго-востока;
б – вид камеры склепа с северо-запада

а



б

Рис. 4. Погребение 118, детали внутри камеры
а – остатки гробов, вид с северо-востока;
б – мраморный столик у западной стенки камеры

а

б

Рис. 5. Погребение 118,
фото инвентаря:
а – мраморный столик;
б – светильник

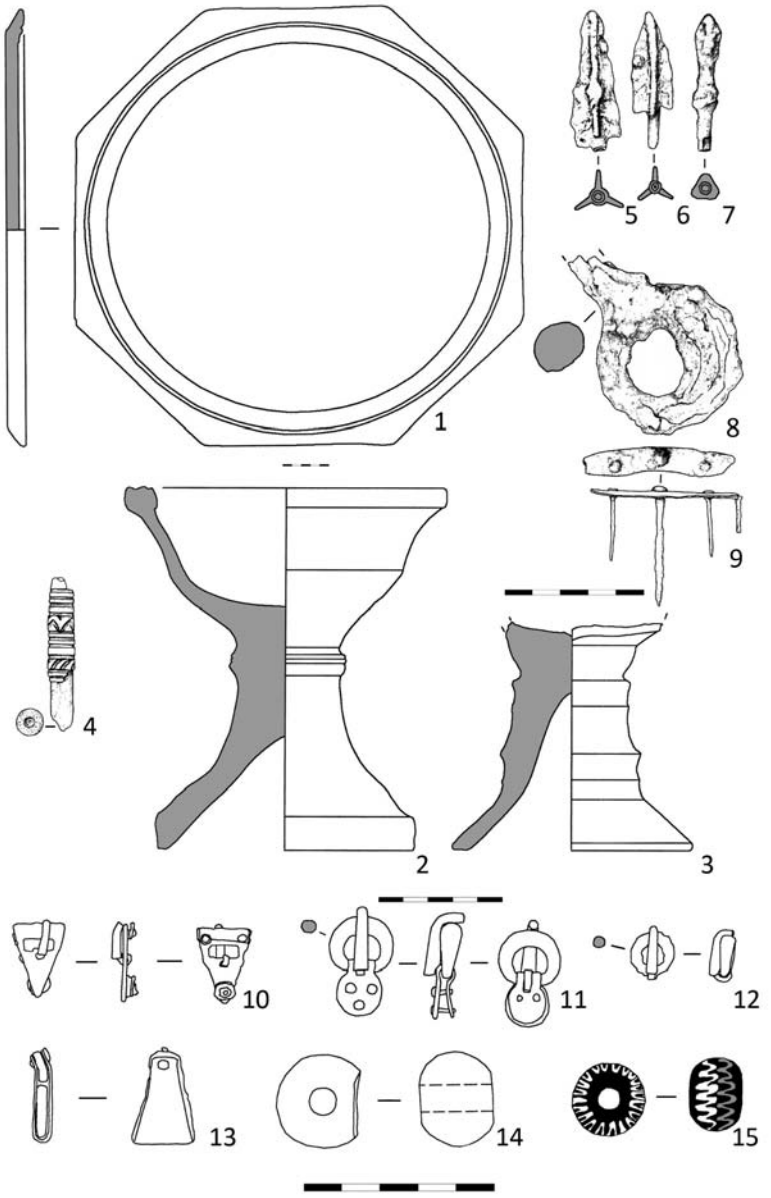


Рис. 6 Погребение 118, инвентарь:
1 – мраморный столик; *2, 3* – глиняные светильники; *4* – костяной орнаментирован-ный стержень; *5–7* – железные наконечники стрел; *8* – фрагмент железных удил; *9* – бронзовая оковка; *10–12* – бронзовые пряжки; *13* – бронзовая накладка; *14* – меловая бусина; *15* – крупная стеклянная бусина

IV. VARIA

А.Б. Кисельников

АНТИЧНОЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Античное кораблекрушение представляет собой археологический комплекс, в исследовании которого можно выделить два основных направления: всестороннее изучение самого корабля, как транспортного средства, управляемого людьми и анализ сохранившегося груза. Для решения вопросов, связанных с эксплуатацией грузового судна, большое значение имеют материалы, полученные в результате раскопок кормовых участков затонувших судов.

Как правило, в районе кормы обнаруживают личные вещи моряков, монеты, которые являются надежным средством для датировки памятника, миски, посуду для приготовления пищи, кувшины для вина, плотницкие инструменты. Если на месте аварии отсутствуют якоря, чье местоположение позволяет сориентировать судно, лежащее на грунте (нос – корма), как в случае с крушениями «Портичелло», «Улу Бурун», «Арле IV»[1] и др., то иногда ориентировку корабля удается определить благодаря предметам хозяйственного и личного пользования экипажа. Подобным образом, например, были сориентированы корабли, затонувшие у Ашкелона[2] и на банке Скерки (рис. 1) в Тирренском море[3].

Предметы хозяйственного назначения и религиозного культа позволяют судить о количестве экипажа и национальной принадлежности моряков, и лучше представить жизнь человека на борту древнего корабля. В отличие от амфорного груза, чье время пребывания на борту торгового парусника исчислялось несколькими днями, кухонная (корабельная) посуда использовалась из рейса в рейс и являлась постоянным компонентом на судне. Чаще всего ее происхождение бывает связано с местом, которое условно можно назвать портом приписки судна, а это означает, что и происхождение затонувшего корабля надежнее устанавливать на основании типов керамических сосудов «с камбуза»[4].

---

[1] *Eiseman C.J., Ridgway B.S.* The Porticello Shipwreck. Texas, 1987; *Arribas A., Trias G., Gerda D., Hoz J.* El Barco de el Sec (Costa de Calvia, Mallorca). Estudio de los materials. Mallorca, 1987. P. 33; *David W.J. Gill.* The date of the Porticello shipwreck: Some observations on the Attic bolsals **//** The Nautical Archaeology Society. 1987. Vol. 16. P. 31–33; *Pulak C., Ray Mr. and Mrs.* 1994 Excavation at Uluburun: The Final Campaign; Bronze Age Shipwreck Excavation at Uluburun; *Pulak C.* The Uluburun Shipwreck // Journal of Nautical Archaeology. 1998. Vol. 27. No. 3. P. 188–224; Arles IV – http://www.culture.gouv.fr/culture/archeosm/archeosom/en/arles-s.htm.

[2] *Ballard R.D., Stager L.E., Daniel M. Master.* Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon // AJA. 2002. Vol. 106. No. 2. P. 151–169.

[3] *Ballard R.D., McCann A.M., Yoerger L.D.* The Discovery of Ancient History in the Deep Sea Using Advanced Deep Submergence Technology // Deep-Sea Research. 2000. Vol. I. № 47. P. 1591–1620.

[4] *Pulak C.* Op. cit. P. 216.

Отсутствие на месте крушения какой-либо хозяйственной посуды или предметов быта, также может служить основанием для некоторых умозаключений. Например, груз торгового корабля, затонувшего в I в. до н.э. у мыса Кизилбурун состоял из восьми массивных мраморных барабанов (по 7 т каждый), трех больших мраморных плит, капители, значительного числа крупных строительных блоков. Здесь же находились два мраморных лутерия, надгробная стела, незавершенная мастером, сотни гвоздей, фрагменты обшивки корпуса, керамическая посуда и амфоры[5]. Ничего, что можно было однозначно отнести к предметам повседневного пользования экипажа, не найдено. Такое судно вполне могло оказаться баржей, которая в момент гибели шла на буксире. Известно, например, что при строительстве одного из храмов Милета камень из порта Ионаполис перевозили на судах λιθηγός и ἀμφίπρυμνος. Первый представлял собой большой тяжелый корабль, второй – судно типа баржи с «двумя кормами, т.е. круглое спереди и сзади»[6]. Такие суда были способны нести грузы весом более 50 тонн.

Находки личных вещей на участке крушения «Улу Бурун» обеспечивают нас информацией относительно истории межрегиональных контактов в восточном Средиземноморье в эпоху поздней бронзы. Их анализ показал, что в момент гибели судна, кроме финикийских моряков, на борту находились, по крайней мере, два богатых микенских торговца или посланника, о высоком статусе которых говорят несколько ножей микенского типа, украшения из кварца, янтаря, стекла и что более важно, два микенских меча и пара печатей. В районе кормы также было обнаружено большое количество корабельного имущества: плотницкие инструменты, шила и иглы для починки парусов, крючки, гарпун и трезубец для ловли рыбы.

Рыба, как известно, составляла основной рацион питания моряков, плававших на древних и средневековых судах. Кроме рыбы туда входили различные фрукты, овощи, бобы, зерновые и злаковые культуры. Под кормовым палубным настилом «Кирении» сохранились остатки пищевых продуктов, среди которых были маслины, фисташки, веточки высушенных трав, виноград. Здесь же были найдены четыре миски и ложки, принадлежавшие членам судовой команды[7]. Очень интересной находкой стала амфора, поднятая с кораблекрушения V в. до н.э. «Текташ Бурун». В ней содержалось более 100 костей, принадлежавших крупному рогатому скоту. Подобное свидетельство консервации и перевозки говядины, для того времени явление весьма редкое[8].

---

[5] *Pulak C., Rogers E.* The 1993–1994 Turkish Shipwreck Surveys // http://ina.tamu.Edu/kizilburun/index.htm.

[6] *Haussoullier B.* Inscriptions de Didymes // RPh. 1926. Vol. 50. P. 89, 91. Цит. по: *Кузнецов В.Д.* Организация общественного строительства в Древней Греции. М., 2000. С. 369.

[7] *Katzev M.L.* Lost harbor for the oldest ship // National Geographic Magazine. 1974. No. 11. P. 852–853.

[8] *Carlson D.N.* The Classical Greek Shipwreck at Tektax Burnu, Turkey // AJA. 2003. Vol. 107. No. 4. P. 589–590.

До сих пор широко распространено мнение, что на античных судах не было возможности приготовить горячую пищу ввиду отсутствия жаровен или очагов, и ее готовили только во время стоянки на берегу. Возможно, ограниченное пространство на кормовом участке палубы некоторых судов действительно не позволяло оборудовать настоящий камбуз, но ведь для того, чтобы развести огонь и приготовить несложный обед, вовсе не требуется постоянного очага. Достаточно использовать медный котел или керамический горшок большей емкости, закрепив над ним меньший по диаметру. В таком импровизированном очаге не составит труда нагреть воду или потушить рыбу. Большое количество фрагментов угля и обугленных веточек терновника (*sarcopoterium spinosum*), обнаруженное на кораблекрушении «Улу Бурун», по мнению исследователей, говорит именно о процессе приготовления пищи на борту[9].

Для тушения рыбы использовались кухонные горшки, типа найденных в кормовых участках крушения «Танит» и «Элисса»[10]. Всего было поднято и восстановлено шесть – два с «Танит» и четыре с «Элиссы». Их типологическое сходство с кухонной посудой VIII в. до н.э., встречающейся в прибрежных и внутренних районах Финикии, как и груз амфор, указывало на принадлежность судна. Два горшка с «Танит» (рис. 2–*1; 2*) были подобны сосудам найденным в Арге[11], на побережье Ливии. Их форма широко датируется серединой VIII – концом VII в. до н.э. Тот же профиль у двух небольших горшочков (рис. 2–*4; 5*) и одного более крупного керамического сосуда (рис. 2–*3*), поднятых с участка крушения «Элиссы». Горшок № 3 однотипен сосудам, найденным в Хазоре V[12].

В районе камбуза «Элиссы», по левому борту, находилась и большая толстостенная чаша, которая обычно использовалась для размола приправ и измельчения пищевых продуктов (*mortarium*) (рис. 2–*6*). На суше посуду такой формы в основном находили в комплексах, датируемых VII в. до н.э.[13] Однако похожие чаши были известны в Киликии уже в VIII в. до н.э. Экземпляр с «Элиссы» по своему профилю соответствует большинству поздних мортариев, происхождение которых связано с северо-восточной частью Средиземноморья[14]. Видимо, здесь мы имеем дело с образцом, чья форма отмечает начало специализированного производства посуды подобного вида. При раскопках в Галилее на участке Хорбат-Рош-Зайет был обнаружен мортарий того же

---

[9] *Haldane Ch.* Direct Evidence for Organic Cargoes in the Late Bronze Age // World Archaeology. 1993. Vol. 24. No. 3. P. 356.

[10] *Ballard R.D., Stager L.E., Daniel M. Master*. Op. cit. P. 161.

[11] *Lehmann G.* Untersuchungen zur späten Eisenzeit in Syrien und Libanon: Stratigraphie und Keramikformen zwischen ca. 720 bis 300 v. Münster, 1996. P. 85.

[12] *Yadin Y.* An Account of the Second Season of Excavations Hazor 1956. Jerusalem, 1960. P. 135.

[13] *Lehmann G.* Op. cit. P. 107.

[14] *Ballard R.D., Stager L.E., Daniel M. Master*. Op. cit. P. 162.

типа, что и чаша с «Элиссы», причем, как и на месте крушения, он прослеживался параллельно с «торпедовидными» амфорами[15].

Исследуя затонувшее в 200-х милях к юго-западу от острова Кипр судно III в. до н.э., археологи установили, что за усиленной переборкой, отделявшей грузовой трюм от камбуза, находилась каменная кладка очага[16]. Это был довольно большой корабль, длина которого составляла порядка 20 м. О том, что подобные очаги могли сооружать и на судах меньших размеров, свидетельствует кораблекрушение у местечка Племмирио в Сицилии (II в. н.э.)[17]. Корма судна практически не пострадала, что позволило восстановить устройство камбуза в деталях. Сам камбуз имел вид небольшой постройки с черепичной крышей. Внутри находился каменный очаг, рядом с очагом стояла фарфоровая посуда, миски, стеклянные бутыли, четыре масляные лампы, мортарий и маленькие амфоры, вероятно для хранения воды. Обнаруженные в районе камбуза свинцовые грузила говорят о том, каким образом экипаж пополнял свой рацион. Возможность приготовления пищи на борту древних судов служит для нас еще одним подтверждением способности моряков совершать в течение нескольких дней безостановочные переходы.

В некоторых случаях, выяснить национальную принадлежность команды позволяют предметы религиозного культа. Вокруг «морской» темы уже в самой глубокой древности складывалось множество разнообразных мифов и легенд, часть из которых нередко находила отражение в произведениях античных авторов. В источниках упоминаются различные монстры, обитающие в морских глубинах. Море, населенное чудовищами, мы встречаем у Гомера (πόντος μεγακήτης – Od. III.158). Суеверный страх могли внушать не только хищные обитатели моря, но даже мирные тюлени (*Tac.* Ann. II.24). К реальным опасностям добавлялись и разного рода химеры вроде сирен или Скиллы и Харибды. Иногда слухи о подобных «ужасах» распространяли намеренно, как это делали, например, финикийцы, чтобы отпугнуть возможных конкурентов от плаваний за Столпы Геракла.

По словам А.В. Болдырева, уходя в море, античный человек «попадал в какой-то иной мир, мир повышенных религиозных возможностей, где божественные силы проявлялись легче и непосредственнее, чем на суше...»[18]. Найденная на месте аварии «Улу Бурун» бронзовая

---

[15] *Ballard R.D., Stager L.E., Daniel M. Master*. Op. cit. P. 163.

[16] *Ballard R.D.* Dakar // Nauticos LLC. Ships of Ancient Greece. http://www.nauticos.com/ancientwreck/conceptpaper-wrecksite.htm.

[17] *Gibbins D.* The Roman wreck of c. AD 200 at Plemmirio, near Siracusa (Sicily): third interim report: The domestic assemblage 2: kitchen and table pottery, glass, and fishing weights // Journal of Nautical Archaeology. 1991. Vol. 20. No. 3. P. 227.

[18] *Болдырев А.В.* Религия древнегреческих мореходов (Опыт изучения профессиональной религии) // Религия и общество. Сборник статей по изучению социальных основ религиозных явлений древнего мира. Л., 1926. С. 154–156.

женская статуэтка, украшенная золотом[19], возможно, олицетворяла божество, которое должно было оберегать моряков от опасностей (рис. 3). Известно, что для совершения безопасного плавания ханаанские моряки поклонялись таким богам как Баал-Цор и Астарта (известная на пуническом западе, как Танит или Тинит).

Кувшин с узким горлом, курильница и маленькая амфора (рис. 2–*7–9*)[20], предназначенные для совершения священных ритуалов, были обнаружены в районе камбуза судна «Элисса». По своему профилю найденная амфора подобна большим «торпедовидным» амфорам (рис. 2–*10*), но имеет только половину их высоты и четверть объема. Скорее всего, в ней хранилось посвятительное (священное) вино, которое капитан разливал после отплытия или после удачно завершившегося плавания.

Керамический сосуд с узким горлом имеет характерное для профилей последней четверти восьмого столетия острое плечо. Этот тип керамики наиболее ярко представлен в тех районах, которые охватывала финикийская морская торговля. То, что этот кувшин служил для хранения вина ясно из надписи, выгравированной на другом таком же кувшине, найденном на южном побережье Ливана и описывающей его содержание, как некое вино[21]. Определяющей явилась надпись, сделанная еще на одном кувшине подобного типа. Его объем составлял 1,27 литра, а надпись читалась как «Принадлежащий Маттаньяху, вино для возлияний, четвертая часть»[22]. В Библии, в 29-ой главе Исхода (40-й абзац) и 23-ей главе Левита (13 абзац), мы находим, что для совершения обычного культа возлияния требовалась одна четвертая часть *hin* или гина (в русском переводе) вина, возможно упомянутая в краткой надписи на кувшине. Если *hin* составляет 5,4 л, то четвертая часть *hin* соответственно – 1,3 л. Количество священного вина, содержавшегося в кувшине с «Эллисы» объемом 1,3 л, вполне могло соответствовать находившемуся «в кувшине Маттаньяху».

Неоценимый ключ к разгадке духовной культуры финикийских моряков предоставляют курильница с «Эллисы», найденная вместе с кувшином. Подобные курильницы, в большинстве своем, датируются периодом поздней бронзы и раннего железного века. При священнодействии их, как правило, держали в руках. Чаще всего, в качестве примера приводится фрагмент египетской настенной живописи из могилы Хенамун, относящийся к XIV в. до н.э. На нем, мореплаватель из Ханаана преподносит драгоценные ароматы, типа ладана, морскому божеству. В правой руке он держит небольшую зажженную курильницу, а в левой посвятительный кубок. Сопровождающий его человек, только что наполнил кубок вином. Курильница и кубок на

---

[19] Institute of Nautical Archaeology. Photo Galleries. INA. KW-10769. http://inadiscover.com/projects/all/southern_europe_mediterranean_aegean/uluburun_turkey

[20] *Ballard R.D., Stager L.E., Daniel M. Master*. Op. cit. P. 163.

[21] *Avigad N.* Two Hebrew Inscriptions on Wine Jars // Israel Exploration Journal. 1972. No. 22. P. 1–9.

[22] *Ballard R.D., Stager L.E., Daniel M. Master*. Op. cit. P. 163.

фреске служат той же цели, что курильница и кувшин, найденные в районе камбуза «Элиссы». Вероятно, для осуществления жертвоприношений предназначалась и мраморная чаша найденная на месте крушения «Кирении».

Многие артефакты, поднятые археологами с кормовых участков крушений, еще не опубликованы. Хотелось бы подчеркнуть, что с целью получения более полной информации о техническом оснащении транспортных кораблей и организации морских перевозок необходимо комплексное исследование всего имеющегося материала. В результате такого анализа расширяются наши представления о жизни человека в море, его повседневном быте, духовной культуре. Открывается целостная картина мира человека в контексте истории мореплавания.

A.B. Kisel`nikov

ANCIENT WREK AS THE ARCHEOLOGI COMPLEX

The general problem raised in the article is the significance of the artifacts from the stern areas of shipwrecks in the study of the history seafaring. Have we can find different things such as personal things of crewmen, coins, carpenter's instruments, galley pottery, sacral objects. All this allows us to get a full picture of a person's life and work in the sea.

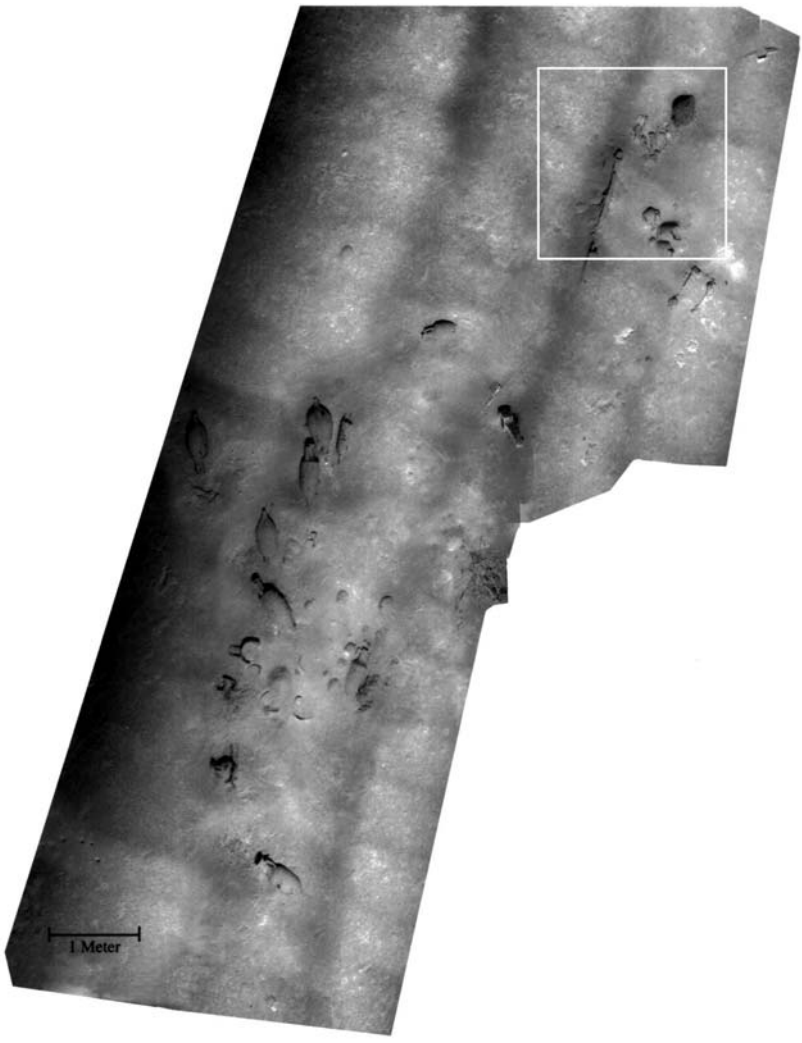


Рис. 1. Кухонная посуда в кормовой части крушения «Скерки G».
(Ballard R. D., McCann A. M., Yoerger L D. The Discovery of Ancient History in the Deep Sea Using Advanced Deep Submergence Technology // Deep-Sea Research. 2000. Vol. I. № 47. P. 1605. Fig. 9)

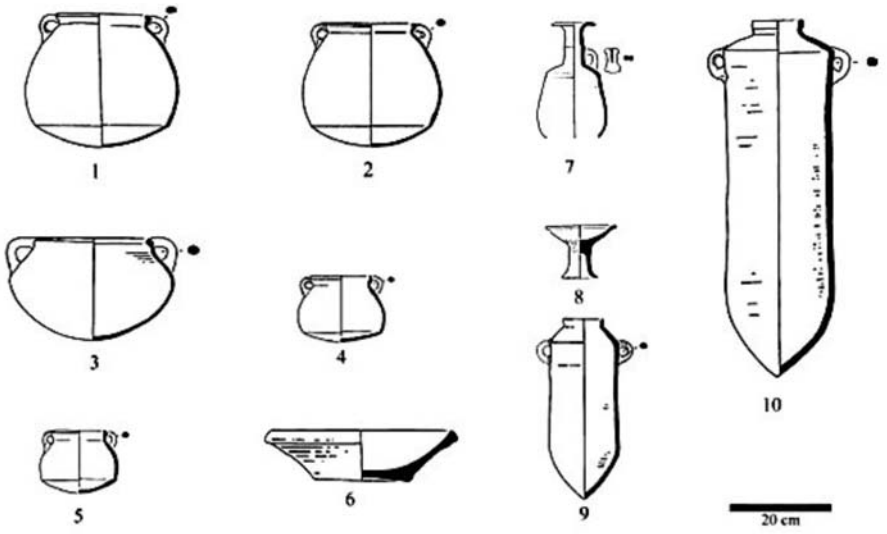


Рис. 2. Керамическая посуда и торпедовидные амфоры с крушений «Танит» и «Элисса» (Ballard D. R. Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon // AJA. 2002. Vol. 106. №. 2. P. 158; 160)

Рис.3. Бронзовая женская статуэтка украшенная золотом с крушения «Улу Бурун» (Institute of Nautical Archaeology. Photo Galleries. INA. KW-10769 [электр. ресурс] http://inadiscover.com/projects/all/southern_europe_mediterranean_aegean/uluburun_turkey/photo_galleries/)

М.М. Казаков

ХРИСТИАНСКИЕ ХРАМЫ В ЯЗЫЧЕСКИХ СВЯТИЛИЩАХ (к вопросу об утверждении христианства в Малой Азии)

Весной 2010 г. в составе группы преподавателей из разных учебных заведений мне довелось посетить целый ряд античных центров в западной Малой Азии на территории современной Турции. Целью этой поездки по маршруту «Семь церквей Апокалипсиса» являлся поиск христианских древностей, но наше внимание, в том числе, привлекали и античные археологические объекты, например, Приены, Милета и Дидим.

Одна из проблем, обратившая на себя внимание во время поездки, и давно нуждающаяся в разрешении – вопрос о том, где античные христиане строили свои церкви и как они определяли место для строительства.

С определенной уверенностью можно сказать, что до начала IV в. христиане вообще не занимались строительством и собирались для молитв либо в частных домах, либо на открытом воздухе, либо в катакомбах. С юридической точки зрения христианство было в положении «недозволенной религии» (*religio illicita*), а общины христиан подпадали под категорию «незаконных собраний» (*collegia illicita*) и, соответственно, не могли обладать собственностью и строить свои здания.

Миланский эдикт 313 г. предписывал немедленно и безвозмездно вернуть христианам – «всему их обществу и каждому собранию» – места их собраний и другую собственность, а также обещал возмещение ущерба из государственной казны через суд, если такие места были куплены частными лицами (*Eus.* Hist. Eccl. X.5, 9–11; *Lact.* De mort. 48). В этом положении эдикта можно усмотреть признание христианской церкви как юридического лица, обладающего собственностью и, следовательно, правоспособностью. Начатая Миланским эдиктом христианизация Римской империи сопровождалась в числе прочих явлений строительством христианских церквей и зданий другого назначения.

Источники IV – начала V века содержат довольно много информации об активном строительстве христианских храмов, начиная с Константина (306–337 гг.). Однако эта информация весьма разрозненна и поиск ее, а тем более систематизация, вряд ли была возможна еще не так давно ввиду обилия текстов и их труднодоступности. С другой стороны, несколько лет назад было крайне затруднительно увидеть руины первых христианских храмов на местности в связи с неразработанностью туристических маршрутов.

Сейчас значительная доля письменных источников оцифрована и частично доступна в Интернете. Кроме того, существуют электронные библиотеки, в которых содержатся источники и литература, в том числе по античной истории и истории христианства. Подбор источников и ключевых слов позволяет провести поиск по огромным масси-

вам электронных текстов, что было совершенно немыслимо в «докомпьютерную эру».

Разумеется, и такая работа требует огромных затрат времени, и она еще продолжается, но промежуточные результаты уже позволяют выделить несколько типов мест для строительства церквей, которые в обобщенном и систематизированном виде могут быть представлены таким образом:

1. Места, связанные с жизнью и смертью Иисуса Христа. Первым христианским археологом была мать императора Константина – Елена, обнаружившая крест, на котором был распят Христос, и на этом месте в Иерусалиме была возведена по приказу самого императора христианская церковь, как сообщают церковные историки Сократ и Созомен. Так, Сократ Схоластик пишет: «Мать царя Елена, … получив наставление во сне, отправилась в Иерусалим. …она начала ревностно искать гробницу, где Христос был погребен и воскрес и, хотя с трудом, однако, при помощи Божией, отыскала. А какая была причина затруднения, скажу кратко. Мудрствующие о Христовом чтили эту гробницу со времени страстей; а убегающие от Христа зарыли то место и, построив на нем капище Афродиты, поставили идола, чтобы истребить самую память о месте. В древности все это им удалось. Но матери царя дело стало известно. Сняв идола, откопав и очистив место, она нашла в гробнице три креста… Между тем, мать царя предложила создать на месте гробницы многоценный молитвенный дом и, построив его против того древнего разрушенного Иерусалима, назвала Иерусалимом новым. … Все материалы для постройки церквей царь доставлял сам, и писал… о поспешном созидании их. А мать царя, выстроив новый Иерусалим, предначертала создать не меньшую Церковь и в пещере Вифлеемской, где произошло рождение Христа по плоти. И не только здесь, даже на горе вознесения…» (*Socr.* Hist. Eccl. I.17).

2. Места, которые связаны с деятельностью или кончиной св. апостолов. Примером может служить церковь св. Иоанна в Эфесе, построенная, по традиции, на месте погребения апостола во II в. Сначала был построен небольшой мартириум, а в IV в. на этом месте началась постройка базилики. В V в. базилика и мартириум апостола Иоанна становятся известным местом паломничества (Peregrinatio Egeriae 23. 10). Другой пример – мартириум апостола Филиппа в Иераполе и церковь, обустроенная рядом с местом его гибели в римских термах[1].

3. Места мученичества или захоронений христианских мучеников I–III вв. Например, Амвросий Медиоланский в письме к своей сестре рассказывает, как он по указанию «свыше» нашел останки двух христианских мучеников Гервасия и Протасия, погибших якобы во времена Нерона (*Ambr.* Ep. 22). На этом месте при жизни Амвросия

[1] Описание мартириума св. Филиппа см.: Стопами святых апостолов. Церковно-исторический альманах Смоленской Православной Духовной Семинарии. Малая Азия 2009–2010. Смоленск, 2010. С. 132–135.

началось строительство церкви, которая известна и сейчас как Амвросианская базилика в Милане, и в которой под алтарем покоятся мощи этих мучеников и самого Амвросия.

4. Места скопления христианских отшельников и первые монастыри. Например, в Каппадокии можно увидеть множество древних христианских церквей, обустроенных в скалах и песчанике, рядом с обителями монахов и отшельников[2].

5. Христианские кладбища. Например, кладбищенская церковь в Милете. Изучение этого района Милета, относящегося к византийским временам, сейчас проводит Немецкий археологический институт. Первые результаты раскопок показывают, что церковь была построена прямо на римской гробнице, и что весь комплекс церковных зданий занимал около 2000 кв.м[3].

6. Места, открытые по указанию «свыше». Например, Евсевий Кесарийский приводит Торжественное слово, сказанное Тирскому епископу Павлину по поводу созидания церквей: «…ты воздвиг на земле дом Христу… Сам Господь исполнил духом премудрости, разума и всякого знания в искусствах и науках и призвал его к строительству храма, передав в символах небесные первообразы» (*Eus.* Hist. Eccl. X.4.2). Феодорит рассказывает о том, как пленная христианка исцелила царицу иберийцев с помощью молитв, а та, в свою очередь, убедила царя построить в честь этого храм: царь, «отправившись к той дивной пленнице, просил ее показать образ храма. Тогда Тот …даровал и этой жене благодать начертания божественного храма. Итак, жена начертывала, а они рыли и строили» (*Theodoret* Hist. Eccl. I.24).

7. Места, удобные для посещения с точки зрения планировки города (близость театра, торговой площади и т.п.). Интерес представляет расположение христианской церкви в еще одном городе Малой Азии – Приене. Она находится в центре города, рядом с античным театром, который, возможно, использовался в культовых целях. Примерно в 100 м восточнее находилось святилище египетских богов, на таком же расстоянии к северу – внушительный храм Афины, а южнее располагалось еще несколько храмов, включая храм Зевса, Деметры, Асклепия, а также большая синагога. Сама церковь, которую считают епископской, отличалась сравнительно небольшими размерами: примерно 30 м в длину и метров 5 в ширину. Важно отметить, что христиане построили церковь в Приене на своеобразном пересечении языческих объектов – в самом центре города.

8. Языческие святилища. Использование языческих храмов и святилищ стало возможным после указа Феодосия I о запрете языческих культов (CTh. XVI.10, 12 – 392 г.). Закон касался всех без исключения, запрещал любые жертвоприношения (они приравнивались к

---

[2] См. описание некоторых каппадокийских церквей в моей статье: *Казаков М.М.* Христианская Каппадокия // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 3. С. 105–115.

[3] О раскопках кладбищенской церкви в Милете см. на сайте университета Мичигана: http://sitemaker.umich.edu/late-antiquity/miletus.

оскорблению величества) и почитание ларов, гениев и пенатов; осуждал людей, почитавших изображения, созданные человеческой рукой, предписывал конфискацию храмов и мест отправления языческого культа и передачу их в фиск; устанавливал штраф за потворство нарушениям, поощрял информаторов и угрожал должностным лицам, не применяющим этот закон. Таким образом, Феодосий запретил все виды языческой религиозной практики. Этот эдикт справедливо называют «свидетельством о смерти язычества»[4] и «концом легальной протекции древней религии»[5]. Проводя аналогию с современностью, С. Вильямс и Г. Фрилл отмечают, что издание этого эдикта равносильно тому, как если бы сегодня какой-нибудь авторитарный атеистический режим запретил пасхальные яйца, рождественские открытки и даже застольные тосты[6].

После эдикта Феодосия христиане стали обустраивать места своего культа либо рядом со святилищами языческих богов, либо, что весьма любопытно, непосредственно в них. Так, в Эфесе, как уже говорилось, на месте мартириума апостола Иоанна Богослова в IV в. был возведен храм. В следующем столетии базилика пострадала в результате землетрясения, а в VI в. была отстроена заново по указу Юстиниана и значительно увеличена: до 130 м в длину и, предположительно, до 30 м в высоту. При этом обращает на себя внимание тот факт, что базилика строилась всего в нескольких сотнях метров от храма Артемиды и оба сооружения хорошо просматривались – одно было в прямой видимости другого, хотя при том же Юстиниане руины храма Артемиды были использованы для строительства храма Святой Софии в Константинополе и, видимо, самого храма Иоанна Богослова. Вероятно, строительство столь грандиозного сооружения, каким стал храм Иоанна Богослова в Эфесе, имело целью подчеркнуть своей монументальностью превосходство над языческим чудом света, которое, по словам Плиния, имело «всего» 115 м в длину, а ионические колонны, обрамлявшие святилище, достигали 18 м в высоту (Фото 1 и 2).

Храм Артемиды в Сардах уступал эфесскому чуду света в размерах и славе. По всей видимости, и христианская община здесь была не столь богатой и многочисленной, как в Эфесе. Тем не менее, в IV–V вв. в непосредственной близости с языческим храмом христиане возводят небольшую базилику, не демонстрируя никакого намерения превзойти монументальностью античное творение. Вместе с тем, близость языческого святилища заставила христиан оградить себя от возможного «влияния» со стороны «демонов», которые ассоциировались с языческими культами. С этой целью на косяках входа в святилище Артемиды были выцарапаны кресты и христианские слоганы («свет», «жизнь»). Сам же храм, как считают исследователи, так и не

[4] *Донини А.* У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). М., 1989. С. 266.

[5] *Hyde W.W.* Paganism to Christianity in the Roman Empire. Philadelphia, 1946. P. 216.

[6] *Williams S., Friell G.* Theodosius. The Empire at Bay. New Haven; L., 1994. P. 123.

был никогда превращен в церковь, хотя наличие «охранных» христианских надписей может свидетельствовать и в пользу того, что непосредственно в пределах языческого храма могли совершаться какие-то христианские обряды и церемонии (Фото 3).

В Пергаме сохранились остатки многих культовых зданий, но одно из них особо поражает своими размерами и монументальностью. Это – Серапеум, который был расположен в нижнем городе. Стены этого сооружения и сегодня возвышаются на добрых два десятка метров, и даже самое смелое воображение не позволяет представить его подлинного вида. Весь религиозный комплекс имел еще более внушительные размеры – 100 на 200 м. В ранневизантийский период после разрушения Серапеума в Александрии и указа императора Феодосия I о запрещении языческих культов пергамский Серапеум был преобразован в христианскую церковь, которая, будучи обрамленной высокими стенами из красного кирпича, получила название «Красный двор» (Фото 4). Обустройство места христианского культа в непосредственной близости от пьедестала, на котором незадолго до этого возвышалась 10-метровая статуя Исиды и Сераписа, прислоненных спинами друг к другу, свидетельствует о стремлении пергамских христиан продемонстрировать силу своей веры и ее преимущество над ушедшими в прошлое языческими богами.

Это же стремление, вероятно, доминировало и в христианской общине, которая сформировалась в еще одном центре малоазийского язычества – Дидиме, где существовал один из самых величественных и почитаемых храмов Аполлона. Этот храм едва не стал восьмым чудом света в силу грандиозных размеров и 122 окружавших его колонн диаметром 3 м каждая. В V–VI вв. и внутрь святилища этого храма также была встроена христианская церковь. Ее руины были удалены оттуда в ходе раскопок в начале XX в. Тем не менее, на косяках обоих узких входов в святилище и сегодня можно увидеть процарапанные или выбитые кресты, «охранявшие» христиан от языческих демонов таким же образом, как и в храме Артемиды в Сардах. Кроме того, христианские изображения можно видеть на плитах и ступеньках снаружи храма Аполлона. Некоторые из них представляют интерес, как, например, изображение человека со щитом и копьем в руке рядом с пронзенной копьем птицей и надписью «demonizomenos».

Таким образом, сравнение топографии христианских церквей в различных античных центрах западной Малой Азии позволяет прийти к выводу, что христиане намеренно выбирали для своего культа места либо близкие к древним языческим центрам, либо прямо в них. Вероятнее всего, главной целью такого выбора являлось то, что сторонники новой веры стремилась продемонстрировать свое превосходство над старыми религиями и тем самым склонить на свою сторону последних приверженцев древних богов. Христианизация языческих святилищ может рассматриваться как свидетельство окончательного утверждения христианства в Малой Азии в период Поздней Римской империи и в эпоху Ранней Византии.

M.M. Kazakov

CHRISTIAN TEMPLES IN PAGAN SANCTUARIES (To a question on the Christianity statement in Asia Minor)

The article is dedicated to the research of the topography of ancient Christian churches. Basing on the written sources and the observation of the ancient sites, the author marks out eight types of location of the churches during the period of Christianization of the Roman Empire. After the edict of the emperor Theodosius of 392, the Christians started using pagan sanctuaries for their cults and ceremonies. Several ancient pagan temples in Asia Minor are the examples of such usage, which was aimed at the demonstration of the superiority of Christian religion over paganism.

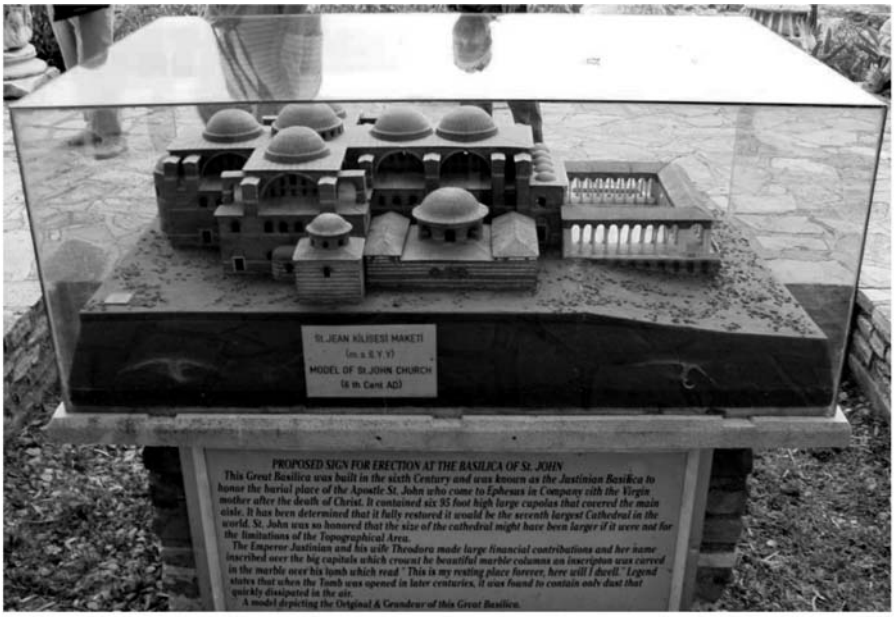


Фото 1. Современная реконструкция храма Иоанна Богослова в Эфесе

Фото 2. Современное состояние храма Иоанна Богослова в Эфесе

Фото 3. Храм Артемиды в Сардах

Фото 4. «Красный двор» в Пергаме

Фото 5. Храм Аполлона в Дидиме

А.А. ПОПОВ,
А.В. БАННИКОВ

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В КАРФАГЕНСКИХ АРМИЯХ

Говорят, что когда Пирр покидал Сицилию, он оглянулся и с горечью сказал своим приближенным: «Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!» (*Plut.* Pyr. 23). Его слова оказались пророческими. Пройдет немного времени, и остров превратится в арену величайших битв. Но, если эпирский царь и смог предугадать главных действующих лиц грядущей исторической драмы, то вряд ли он отдавал себе отчет в том, что постановщиком ее был именно он сам. Война, которую Пирр вел с римлянами, стала для последних великолепной школой, научившей их сражаться со слонами, фессалийской конницей и македонской фалангой. Эти навыки сослужат им прекрасную службу, когда они встретятся на поле боя со слонами, кавалерией и пехотой карфагенян. Возможно, что если бы Пуническим войнам не предшествовал опыт, приобретенный в борьбе с Пирром, они могли бы закончиться для Рима печально[1].

Столкновение с Пирром имело не меньшее значение и для карфагенян. На протяжении столетий они ожесточенно сражались с греками за право обладания Сицилией. Однако никому из противников не удавалось добиться решающего перевеса. Знакомство с эпирской армией произвело в военном деле карфагенян настоящую революцию, не оставившую сицилийским эллинам никакого шанса на победу в затянувшемся противостоянии.

В V–IV вв. армия Карфагена состояла из отрядов разноплеменных наемников (галлов, испанцев, нумидийцев), вооруженных и обученных в соответствии со своими национальными традициями. Ее отличительной чертой было наличие большого количества серпоносных колесниц[2]. Когда Пирр появился на Сицилии, карфагеняне увидели силу, противопоставить которой им было решительно нечего. Их варварская пехота и колесницы были бессильны перед сплоченным натиском македонской фаланги, и обращались в паническое бегство, лишь заслышав рев боевых слонов. Именно отсталость карфагенян в военном деле стала главной причиной того, что Пирру удалось так стремительно завоевать весь остров.

После ухода армии эпирского царя карфагеняне сразу же отказались от использования колесниц и заменили их боевыми слонами. Этот новый род войск принес в дальнейшем большую пользу Карфагену и позволил ему неоднократно и с успехом противостоять армиям римлян. Пирр вложил в руки карфагенян страшное оружие, используя которое они смогли более 60 лет оспаривать у Рима власть над всем Западным Средиземноморьем.

---

[1] *Armandi P.D.* Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. P., 1843. P. 129–130.

[2] Ibid. P. 136.

Карфагеняне всегда придавали особое значение боевым слонам. В самом Карфагене с внутренней стороны крепостных стен были обустроены стойла, приспособленные для содержания 300 четвероногих гигантов. Несомненно, где-то поблизости находились и загоны для их дрессировки[3]. Карфагеняне использовали только африканских слонов, в большом числе водившихся в лесах Нумидии (*Front.* Strat. IV.7.18)[4]. Некоторые исследователи полагают, что североафриканские слоны были слишком маленького размера для того, чтобы на них могли устанавливать башни (рис. 1)[5]. К подобному заключению приходит Дж. Тойнби[6], а также М.Б. Чарльз, который опирается на данные Полибия, Ливия и Аппиана[7].

Впрочем, вряд ли существуют достаточно веские основания для подобной гипотезы. Африканские слоны, которых использовали карфагеняне, египтяне и нумидийцы, были в действительности не настолько малы, чтобы не поднять башню с двумя или даже тремя легковооруженными солдатами. В качестве примера отметим, что некоторые народы древности использовали в военных целях верблюдов, которые без особых усилий могли нести на себе двух воинов. Естественно предположить, что такое крупное животное, как слон, могло сохранять во время сражения достаточную подвижность, неся на себе трех и даже более человек. Здесь нужно отметить, что *ливийский слон*, которого древние использовали в военных целях, – это *Loxodonta Africana cyclotis* – африканский лесной слон, некогда весьма широко распространенный в Северной Африке (*Hdt.* IV.191; *Arist.* Cael. II.4.298a; *Strabo* XVII.3.8) и исчезнувший в этом регионе во времена римского господства. Самцы данной группы достигают в среднем высоты 7–8 футов (около 2–2,5 м), что значительно меньше роста индийских слонов[8]. В наше время этот подвид обитает только в экваториальной части африканского континента[9].

Башни[10], которые устанавливали на спинах слонов, делались из дерева, и поэтому их вес не мог превышать нескольких десятков килограммов. Подобное сооружение, укрепленное на спине животного с помощью ремней, веревок или цепей, не должно было мешать его движениям и позволяло ему сохранять подвижность, необходимую во время боевых действий.

---

[3] *Armandi P.D.* Op. cit. P. 136.

[4] «*quibus ferax est Numidia*». Впрочем, существует мнение, что Ганнибал мог получать из Египта и более крупных индийских слонов (*Bagnall N.* The Punic Wars: 264–146 BC. Oxf., 2002. P. 20).

[5] *Ouiza Aïr Amara.* Les soldats d'Hannibal. Clermont-Ferrand, 2009. P. 27.

[6] *Toynbee J.M.C.* Animals in Roman Life and Art. L., 1973. P. 34.

[7] *Charles M.B.* Elephants at Raphia: Reinterpreting Polybius 5.84–5 // CQ. 2007. Vol. 57. P. 308.

[8] *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 164; *Head D.* Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982. P. 186.

[9] *Sukumar R.* The Living Elephants: Evolutionary, Ecology, Behavior and Conservation. Oxf., 2003. P. 54.

[10] Скорее даже только их каркас. См.: *Armandi P.D.* Op. cit. P. 259–272.

Мнение ученых, полагающих, что на африканских слонах не устанавливали башен, опирается, прежде всего, на тот факт, что наши литературные источники якобы не приводят подобных примеров. В действительности это не так. О башнях на карфагенских слонах говорит поэт Силий Италик:

> На иссиня-черной спине возвышается башня,
> Грозная и огнем, и мужами, и дротиками.
> (*Sil. Ital.* Punic. IX.577–578)[11].

Его слова подтверждает Лукреций:

> Там и луканских волов, змееруких и видом ужасных,
> С башней на спинах, сносить приучили ранения пуны
> И на войне приводить в смятение полчища Марса.
> (*Lucret.* De rer. nat. V.1302–1304; пер. Ф.А. Петровского)[12].

Возможно, конечно, что это всего лишь отражение укоренившегося представления о боевых слонах. Однако в наших источниках есть вполне определенные указания на то, что нумидийцы устанавливали башни на спинах своих слонов. Согласно утверждению автора «Записок об Африканской войне», нумидийский царь Юба, боровшийся вместе с помпеянцами против Цезаря, привел своим союзникам слонов, которые несли на себе башни (*Ps.-Caes.* Bell. Afr. 30). Несомненно, что научиться вооружать слонов подобным образом нумидийцы могли только от карфагенян.

После поражения помпеянцев большое количество слонов Юбы попало в руки победителей. Позднее эти животные были использованы Цезарем во время цирковых зрелищ, которые он устроил для народа. Согласно утверждению Плиния, во время одного из этих боев Цезарь вывел на арену 20 слонов, на которых находилось 60 бойцов, следовательно, по три человека в башне (*Plin.* NH. VIII.7)[13]. Определенно, это были африканские слоны, захваченные в битве при Тапсе, поскольку вряд ли в Риме, после крушения державы Селевкидов могли тогда видеть индийских слонов.

Есть еще одно указание в тексте источника, позволяющее утверждать, что башни на африканских слонах были вполне обычным делом. Согласно описанию Полибия, в сражении при Рафии (217 г. до н.э.) в египетской армии было 73 слона африканской породы, которые несли на себе башни (*Polyb.* V.84). Существует мнение, что в действительности историк говорит не об африканских, а об индийских слонах: во время войны Птолемея III Эвергета (246–222 гг. до н.э.) против Селевка Каллиника

---

[11] «*Liventi dorso turris, flammaque, virisque,*
Et jaculis armata sedet…».

[12] «*Inde boves Lucas turrito corpore tetros*
Anguimanos belli docuerunt volnera Poeni
Sufferre, et magnas Marlis turbare catervas».

[13] «Iterumque totidem turriti *cum sexagenis propugnatoribus*, eodem quo priores numero peditum, et pari equitum ex adverso dimicante».

множество этих животных было захвачено египетскими войсками[14]. Тем не менее, результат сражения при Рафии наглядно демонстрирует, что слоны египтян были намного слабее слонов их противников: 16 египетских слонов были убиты, а почти все остальные животные – захвачены сирийцами; последние потеряли всего 5 слонов, из которых 3 пали не поле сражения, а 2 умерли позднее от полученных ран (*Polyb.* V.86).

К этим литературным свидетельствам мы можем прибавить также и археологические данные. В нашем распоряжении имеются, по крайней мере, две терракотовые статуэтки II в. до н.э., подтверждающие возможность установки башен на спинах африканских слонов. Одна из этих статуэток представляет слона, который несет на своей спине башню в форме клетки, другая – слона, несущего башню «классической» формы (рис. 2, 3). Выпуклый лоб и широкие большие уши вполне определенно указывают, что обе эти статуэтки изображают слонов африканской породы.

Карфагеняне не только устанавливали башни на своих слонах, они использовали и другие способы, чтобы сделать этих животных как можно более грозными для врагов. Согласно описанию Силия Италика, к бивням слонам они прикрепляли копья или же насаживали металлические острия[15]. У нас нет прямых указаний на то, что карфагеняне облачали своих слонов в броню, однако тот факт, что в I в. до н.э. к подобному средству защиты прибегали нумидийцы (*Ps.-Caes.* Bell. Afr. 72) с большой долей вероятности позволяет утверждать, что научились они этому от карфагенян.

Число слонов, принимавших участие в сражениях на стороне карфагенских армий, было первоначально очень велико. В начале Первой Пунической войны Ганнон высадился на Сицилии с армией, в составе которой было 60 слонов (*Diod.* XXIII. Excerpt. 8). В столкновении с римлянами он потерял 44 слона, но карфагеняне очень быстро восполнили понесенный урон, и спустя всего несколько лет смогли противопоставить легионам Регула 100 слонов. Одержав победу при Тунете, карфагеняне отправили на Сицилию новую армию, в которой этих животных было уже 140 (*Polyb.* I.38.3).

Когда число слонов было достаточно большим (около 100 голов), карфагеняне предпочитали использовать их в качестве живого тарана против тяжеловооруженной пехоты противника; если же слонов было не более трех-четырех десятков, то во время сражения их обычно держали в резерве. Наиболее ярким примером использования слонов для прорыва строя тяжеловооруженной пехоты является произошедшая в 256 г. бит-

---

[14] *Gowers W.* African elephants and ancient authors // African Affairs. 1948. Vol. 47. P. 174.

[15] «*Stat niveis longum stipata per agmina vallum*
Dentibus, atque ebori praefixa cominus hasta
Fulget ab incurvo devecta cacumine cuspis».
(«Стоит стеной нескончаемая вереница, ощетинившаяся белоснежными
Клыками, а копья прикреплены прямо к бивням,
Над загнутыми вершинами которых возвышаясь сверкают наконечники»).
(*Sil. Ital.* Punic. IX.581–583).

ва при Тунете (*Tunes* или *Tunetum*), городе, находившемся на небольшом расстоянии к юго-востоку от Карфагена. Спартанец Ксантипп, командовавший пунийской армией, имел в своем распоряжении 12 000 человек пехоты, 4 000 всадников и приблизительно 100 слонов. Он поставил слонов в одну линию, а за ними на достаточно большом расстоянии развернул фалангу. Это была необходимая предосторожность, позволявшая снизить до минимума опасность того, что обращенные вспять животные приведут в замешательство собственные войска. Наемников карфагенский полководец поместил справа от фаланги, а конницу и легковооруженных – на флангах, поставив их несколько впереди линии фронта пехоты (*Polyb.* I.33.6–7).

Римская армия под командованием консула Марка Аттилия Регула насчитывала, согласно одним данным, 15 000 человек пехоты и 500 всадников, согласно другим – 30 000 воинов. Полибий говорит, что консул, опасаясь атаки слонов, поставил впереди легкую пехоту, а позади нее плотными рядами манипулы тяжеловооруженных. Конница была размещена на обоих флангах.

Атаку начали карфагеняне. Римская конница на обоих флангах обратилась в бегство. «Что касается пехоты, то левый фланг ее частью из желания уклониться от нападения слонов, частью из презрения к наемникам, ударил в правый фланг карфагенян, принудил их к отступлению и гнался за ними по пятам до самого лагеря» (*Polyb.* I.34)[16].

Слоны сразу же опрокинули передние ряды римлян, состоявшие из велитов и яростно обрушились на тяжеловооруженных. Однако благодаря плотности построения они не смогли прорвать римский боевой порядок. Передним рядам легионеров удалось пробиться между животными, но когда они оказались уже за их спинами, то увидели перед собой стройные ряды карфагенской фаланги, еще не вступившей в сражение. В то же самое время пунийская конница атаковала оставшихся без прикрытия легионеров с флангов. Не в силах сопротивляться врагу, наседавшему на них с трех сторон, римляне обратились в бегство. Поскольку сражение происходило на открытой равнине, то почти все они были перебиты кавалерией пунийцев или раздавлены слонами. Спастись удалось только консулу с отрядом в 500 солдат, но и их, спустя некоторое время, захватили в плен карфагеняне. Из всей римской армии осталось в живых только 2 000 человек, которые в начале сражения обратили в бегство наемников. Карфагеняне потеряли около 800 человек из числа наемников, подвергшихся нападению левого крыла пехоты противника (*Polyb.* I.34) (рис. 4).

Удалось ли слонам в этой битве прорвать густой строй римской легионной пехоты? Полибий говорит, что слоны опрокинули только передние ряды строя, и римляне продолжали сопротивляться этим колоссам до тех пор, пока не столкнулись с карфагенской фалангой, а нумидийская конница не обрушилась на них с флангов. Впрочем, ниже историк утверждает как раз обратное и заявляет, что слоны разорвали римскую боевую линию, растоптав при этом большое количество воинов (*Polyb.*

[16] Здесь и далее перевод Ф.Г. Мищенко.

I.39.11). Ф. Уолбанк полагает, что под первыми рядами нужно понимать велитов, отряженных сражаться с гигантскими животными и именно они были обращены в бегство[17]. Как бы там ни было, битва при Тунете произвела сильнейшее впечатление на римлян, поскольку еще в течение двух лет они ни разу не отважились вступить в бой с карфагенской армией, в составе которой были слоны (*Polyb.* I.39.13). Только победа, одержанная над слонами под Панормом, вновь вдохнула в римлян уверенность в своих силах. Согласно утверждению Полибия, когда в Рим пришла весть о происшедшем сражении, то среди жителей началось ликование «не столько потому, что с потерею слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан» (*Polyb.* I.41.1).

Тем не менее, Карфаген достаточно быстро обзавелся новыми слонами и, когда в Африке вспыхнуло восстание наемников (241–238 гг. до н.э.), карфагеняне смогли бросить на его подавление целую сотню ужасных четвероногих, которые оказали им неоценимую услугу. Истощенное карфагенское государство не имело средств ни на то, чтобы расплатиться со своими наемными солдатами, ни на то, чтобы собрать новую армию. Поэтому слоны и гений Гамилькара Барки стали едва ли не единственной надеждой пунийцев (*Polyb.* I.76; 78.11, 12; 84–85).

После подавления восстания наемников карфагеняне предприняли масштабное завоевание испанских территорий. Определенно, успеху этого предприятия во многом способствовало неизменное присутствие в карфагенских армиях слонов. Согласно Диодору, Гасдрубал, возглавивший после гибели Гамилькара карфагенские военные силы в Испании, имел в своем распоряжении 50 000 пехоты 6 000 всадников и 200 боевых слонов (*Diod.* XXV. 12). Эти животные оказались очень полезными для Ганнибала, когда он, уже в ранге командующего армией, встретился у реки Таг со стотысячным войском карпетанов (*Liv.* XXI.V.9–10; *Polyb.* III.14.6).

Вторая Пуническая война отмечена большим количеством сражений, в которых приняли участие слоны[18]. Отправляясь в поход против Италии, Ганнибал оставил для защиты карфагенских владений в Испании своего брата Гасдрубала, под командованием которого находились крупные воинские силы: пехоты – 11 850 ливийцев, 300 лигуров, 500 балеаров; кавалерии – 450 ливиофиникиян, 300 илергетов и 800 нумидийцев и, кроме того, 21 слон (*Liv.* XXI.22.1–3). С собой Ганнибал повел армию, в составе которой было 37 гигантских животных. Им предстояло совершить трудный переход через негостеприимные земли Галлии, населенные воинственными племенами и неприступные заснеженные Альпы. Во время последнего испытания эти животные очень сильно страдали от холода и отсутствия корма (*Polyb.* III.55.8–9; *Liv.* XXI.37.4). Полибий и Тит

---

[17] *Walbank F.W.* Op. cit. P. 92.

[18] «Было немного войн, в которых слонов использовали столь же широко, как во Второй Пунической войне. Карфагеняне выводили на поле боя этих страшных животных во время шестнадцати кампаний в Италии, Испании и Африке» (*Armandi P.D.* Op. cit. P. 172).

Ливий сообщают о фантастических потерях, которые понесла армия Ганнибала при переходе через горы. Возникает вопрос, сколько слонов оставалось в живых, когда карфагеняне, наконец, спустились с гор? Евтропий утверждает, что все 37 животных достигли Италии (III.8.2). Полибий сообщает, что в битве при Требии слоны стояли на обоих флангах карфагенского войска, а, если верить Ливию, – не только на флангах, но и в центре (*Polyb.* III.72.10; *Liv.* XXI.53.2). Это свидетельствует о том, что слонов было еще достаточное число и, возможно, всем им, действительно, удалось перейти через Альпы.

Впервые об участии слонов мы узнаем из описания битвы при Требии. Согласно Ливию, легковооруженной пехоте римлян удалось обратить слонов в бегство. Однако Ганнибал предпринял маневр, который способствовал окончательной победе карфагенян. «Заметив, что слоны в исступлении начинают уже бросаться на своих, Ганнибал велел удалить их из середины и отвести на левый край, чтобы они пришлись против вспомогательных отрядов галлов. Тут они сразу вызвали повсеместное бегство, и ужас римлян достиг пределов, когда они заметили, что их союзники разбиты» (*Liv.* XXI.56.1; пер. Ф.Ф. Зелинского). Полибий утверждает, что римлянам не удалось отразить атаку слонов на флангах, и огромные животные продолжали теснить их, пока легионеры не оборотили тыл (III.74.1).

Но непривычные климатические условия оказались для четвероногих гигантов страшнее римских копий и дротиков. Почти все они, кроме восьми, пали от дождя, снега и холода (*Liv.* XXI.56.6)[19]. Семь слонов погибли при переходе карфагенской армии через Апеннины (*Liv.* XXI.58.11), после чего у Ганнибала остался только один слон, на спине которого карфагенский военачальник переправлялся через болота во время его похода к Арреции (*Liv.* XXII.2.10). В сражениях при Тразименском озере и Каннах у Ганнибала уже не было более слонов.

После победы, одержанной армией Ганнибала при Каннах, карфагенский сенат принял решение отправить в Италию 40 слонов (*Liv.* XXIII.13.7). Эти животные приняли самое активное участие в боевых действиях во время осады Касилина (*Liv.* XXIII.18.6), в сражении под Нолой (*Liv.* XXIII. 46. 4), при попытке прорыва блокады Капуи (*Liv.* XXVI.5.3; 6.2), в битве под Канусием (*Liv.* XXVII.14).

К концу Второй Пунической войны у Ганнибала, очевидно, уже не оставалось слонов. Силы его армии стремительно таяли. Карфагенское правительство приняло решение попытаться переломить ход военных действий в свою пользу и приказало Гасдрубалу перейти Альпы и идти на соединение с армией Ганнибала. Однако римлянам стало известно об этом замысле и, как только Гасдрубал оказался в Италии, путь ему преградила римская армия под командованием консула Ливия Салинатора, к которому присоединился отряд его коллеги консула Клавдия Нерона. Решительная битва между противниками состоялась у реки Метавр. Согласно Полибию, в армии карфагенян было 10 слонов (XI.1.1). Ливий говорит о 15 животных. Гасдрубал поставил своих слонов в центре вперед

[19] Согласно Полибию, пали все слоны, за исключением одного (III.74.10).

ди фронта армии. Основной удар карфагенский полководец направил против левого крыла римлян, поскольку видел, что из-за неровностей почвы правое крыло неприятеля, которым командовал консул Нерон, не сможет помешать его атаке. Бой шел с чрезвычайным ожесточением, при этом слоны, которые оказались зажатыми и обстреливаемыми с обеих сторон, «производили расстройство в рядах и римлян и иберов» (*Polyb.* XI.1.9). Исход боя был решен искусным маневром, произведенным Нероном: он прошел со своими воинами за строем римской армии, обогнул ее левое крыло и ударил с фланга на карфагенян. Карфагенская армия была уничтожена. Гасдрубал, отважно сражаясь, предпочел смерть позору поражения, а из слонов шесть были убиты на месте, а четыре, прорвавшись через ряды сражавшихся, были позднее пойманы живыми (*Polyb.* XI.1.12). Ливий добавляет интересную подробность, касающуюся участия слонов в этой битве. «Большинство слонов перебили не враги, а сами их вожаки; у каждого из них были долото и молоток; когда слоны приходили в неистовство и начинали кидаться на своих, вожак между ушей, как раз в том месте, где шея соединяется с головой, ставил долото и бил по нему изо всех сил. Это самый быстрый способ умертвить громадного зверя, когда с ним уже нет сладу. Гасдрубал первым ввел его в употребление» (*Liv.* XXVII.49.1–2)[20].

В 203 г. до н.э. карфагенское правительство решило вновь отправить армию в Северную Италию. Ее возглавил брат Ганнибала Магон, который высадился в Лигурии, имея под своим командованием армию, состоявшую из 12 000 человек пехоты и 2 000 всадников, Неожиданность появления позволила Магону легко захватить Геную, Альбенгу и Савону, а большое количество денег – пополнить свои силы цизальпийскими галлами. Через некоторое время он получил из Карфагена значительное подкрепление в 6 000 пехотинцев, 800 всадников и 7 слонов (*Liv.* XXVIII.36; 46; XXIX.4). Навстречу карфагенянам выступили проконсул Корнелий Цетег и претор Квинктилий Вар, которые столкнулись с неприятелем между Аддой и Тезеном. Магон разместил своих слонов во второй линии боевого порядка и приказал пехоте начать атаку. Сражение было упорным, и никто не желал отступать. В это время Квинктилий атаковал противника во главе своей кавалерии. Однако Магон бросил вперед слонов. Лошади римских всадников пришли в ужас, перестали слушаться седоков и поскакали прочь. Атака римской кавалерии захлебнулась (*Liv.* XXX.18). Карфагенская конница бросилась преследовать римскую, слоны развернулись и ворвались в ряды легионов. Поражение римлян было бы неизбежным, если бы гастаты одиннадцатого легиона, не метнули все разом свои пилумы в гигантских четвероногих. Четыре слона были убиты тут же, остальные, получив ранения и страдая от боли, повернули назад и смешали ряды карфагенской армии. Когда римляне подвели находившийся в резерве легион, Магон приказал дать сигнал к отступлению. Но карфагенский вождь получил тяжелое ранение и после того, как его вынесли с поля боя, пунийская армия обратилась в бегство.

[20] Перевод М.Е. Сергеенко.

Италия была не единственным театром военных действий, на котором в составе карфагенских армий действовали слоны. В Испании под командованием брата Ганнибала Гасдрубала была сосредоточена армия из 70 тысяч пехоты, 5 000 кавалерии и 36 слонов (*Liv.* XXVIII.12, 13–14; *App.* Iber. 25). Ей противостояла римская армия под командованием Сципиона, насчитывавшая всего 45 тысяч пехотинцев и 3 тысяч всадников. В 206 г. до н.э. между противниками произошло решающее сражение при Кармоне, которое поставило точку в вопросе о том, кому обладать Испанией. Гасдрубал поставил своих слонов на флангах, однако это не принесло ему успеха: «слоны, испуганные беспорядочным сражением всадников, велитов и легкой пехоты, бросились с флангов в середину строя» (*Liv.* XXVIII.15.5). Карфагенская армия потерпела сокрушительное поражение, и Карфаген навсегда лишился своих испанских владений.

Кроме того, карфагеняне попытались возобновить борьбу за Сицилию и высадили на этот остров армию, в составе 5 000 пехотинцев, 3 000 всадников и 12 слонов (*Liv.* XXIV.35.3). Карфагенский корпус был разбит Марцеллом у реки Гимеры в 212 г. до н.э., при этом 8 слонов были захвачены римлянами живыми (*Liv.* XXV.41.7).

Последней битвой, в которой карфагеняне использовали боевых слонов, была битва при Заме. У нас сохранилось два описания этого эпохального сражения, сделанные Полибием и Ливием. Дополнительную информацию о нем мы можем почерпнуть у Аппиана. Относительно численности обеих армий и их боевого построения все три источника в основном согласны между собой. Армия Ганнибала насчитывала около 50 000 человек из них 2–3 тыс. всадников и 80 или даже больше слонов. У Сципиона было 23 000 пехотинцев, 1 500 всадников италийцев и римлян, и кроме того на помощь ему подошел царек Декама с 600 всадниками и Масанасса (Масинисса) с 6 000 пехотинцами и 4 000 всадниками (*App.* Lib. 40, 41).

Ганнибал поставил слонов перед фронтом армии, «за ними отвел место наемникам, коих насчитывалось до двенадцати тысяч: это были лигистины, кельты, балеаряне, мавры. За наемниками выстроены были туземцы ливияне и карфагеняне, а последними стояли войска, прибывшие вместе с Ганнибалом из Италии, на расстоянии стадии с лишним от передних рядов» (*Polyb.* XV.11.1). «Сципион построил свои войска в следующем порядке: впереди поставил манипулы гастатов в некотором расстоянии один от другого, за ними принципов, но не против промежутков в передних рядах, как бывает у римлян обыкновенно, а за самыми манипулами, в некотором расстоянии от них, ибо у неприятеля было множество слонов. Последними были поставлены триарии. На левом из флангов Публий поместил Гая Лелия во главе италийской конницы, на правом Масанассу со всеми подвластными ему нумидянами. Промежутки между передними манипулами он заполнил отрядами легковооруженных, которым и отдал приказ начинать битву: если б они не устояли перед натиском слонов, то должны были отступить более быстрые из них в самый тыл войска через промежутки, следовавшие один за другим по прямой линии, другие, замешкавшиеся по вине неприятеля, в

боковые проходы между рядами манипулов» (*Polyb.* XV.9.6; ср.: *Liv.* XXX.32.11; 33.1–3).

На первый взгляд, такая диспозиция обеих армий вполне оправдана и логична: Ганнибал, имевший большое число слонов, рассчитывал повторить маневр Ксантиппа и прорвать римский боевой строй, а Сципион предпринял контрмеры, чтобы избежать участи Регула. Однако не нужно забывать, что, в отличие от Ксантиппа, Ганнибал сильно уступал противнику в коннице. Поэтому без дополнительной поддержки его всадники, стоявшие на флангах, были бы неминуемо обращены в бегство, а пехота подверглась бы двойному фланговому удару неприятельской кавалерии. Г. Дельбрюк задается вполне логичным вопросом: почему Ганнибал, имея так много слонов, не разместил какую-то их часть на флангах своей армии[21]. Ведь нам хорошо известно, что слонов с наибольшим успехом всегда применяли именно против конницы, поэтому карфагенский полководец мог свести подобным образом римское преимущество на нет. Так почему же он не сделал этого? Г. Дельбрюк приходит к выводу, что сообщения наших источников относительно числа слонов у Ганнибала являются явным преувеличением[22].

Ход битвы у Полибия и Ливия представлен практически одинаково. Карфагенская конница отступила на обоих флангах; слоны, попали в промежутки, оставленные в римском боевом порядке, и были уничтожены римлянами; карфагенские наемники, повернули против второй линии карфагенского строя и перебили многих карфагенян, наконец, вступили в бой ветераны Ганнибала, но в этот момент «возвратились из погони за конницей Масанасса и Лелий и каким-то чудом вовремя подоспели к делу. Нападение произведено было ими с тыла, благодаря чему большая часть воинов Ганнибала истреблена была на месте, а из бежавших уцелели лишь весьма немногие, потому что в деле участвовала конница, и местность была ровная» (*Polyb.* XV.12–15.1; ср.: *Liv.* XXX.33.12–16; 34; 35.1).

По мнению Г. Дельбрюка, план битвы, задуманный Ганнибалом, был гораздо более виртуозным, чем это представлено у Полибия и следующего ему Ливия. Понимая, что он не сможет противостоять римской кавалерии, карфагенский полководец будто бы отдал приказ всадникам обратиться в начале боя в притворное бегство и тем самым увести за собой конницу неприятеля. Чтобы выиграть время для проведения решающего маневра, Ганнибал подкрепил первую линию своей армии, полностью состоявшую из легковооруженных застрельщиков, тем *небольшим* числом слонов, которое у него имелось. Тяжелая пехота была выстроена в две боевые линии, причем вторую составляли ветераны Ганнибала, которые и должны были нанести главный удар.

Как только неприятельские эскадроны покинули поле боя, карфагенский полководец вывел из боя легковооруженных и двинул вперед фалангу карфагенских граждан. После того как она завязала бой с против-

---

[21] *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории / Пер. В.И. Авдиева. СПб., 1994. Т. 1. Античный мир. С. 271.

[22] Там же. С. 277.

ником, Ганнибал разделил вторую фалангу на две части, которые стали обходить справа и слева строй сражавшихся карфагенян. «Это то же самое движение, которое африканцы произвели при Каннах, с тою лишь разницей, что оно началось позднее; поэтому отрядам предстояло совершить более длинный путь»[23]. Если бы ветераны Ганнибала смогли нанести фланговый удар по римской пехоте, в то время как с фронта ее теснила фаланга карфагенских граждан, судьба битвы была бы решена. Однако Сципион вовремя заметил и разгадал маневр своего гениального противника. Чтобы парировать его, он также разделил свою вторую линию и противопоставил ее наступавшей справа и слева второй линии карфагенян. Сражение затянулось и приняло еще более ожесточенный характер. Неизвестно, на чью сторону склонилась бы фортуна, если бы в этот момент на поле боя вновь не показалась римская кавалерия, которая ударила в тыл карфагенянам[24]. Это решило судьбу битвы, судьбу войны, судьбу Карфагена и поставило точку в военной карьере величайшего полководца древности. У Дельбрюка получается красивая картина битвы, и даже если она не соответствует действительности, она гораздо лучше соответствует нашему представлению о Ганнибале, чем рассказы Полибия или Ливия.

Несколько моментов, касающихся участия слонов в этом сражении, не могут не привлечь внимания. Прежде всего, удивляет странное поведение гигантских животных в самом начале битвы. Согласно Полибию, звуки рожков и труб, давшие сигнал к началу битвы, испугали нескольких слонов, которые кинулись на свои же войска. Ливий утверждает, что лишь немногих животных удалось погнать на врага, остальные повернули назад (*Liv.* XXX.33.12). Если слонов можно было напугать звуками труб и рожков, то тогда становится непонятным, почему римляне и другие народы, которым приходилось бороться против этих четвероногих, никогда не прибегали к этому простому и эффективному средству. Ответ напрашивается сам собой: в сражении при Заме участвовали животные, непривычные к такого рода звукам. Другими словами, *последние* слоны, на которых возлагали свои *последние* надежды карфагеняне, были плохо обучены и не имели никакого боевого опыта. Эти животные были отловлены не ранее 203 г. до н.э. Согласно сообщению Аппиана, только когда в Карфагене стало известно, что Сципион уже готовится высадиться в Африке, карфагеняне отправили Гасдрубала, сына Гескона на охоту за слонами (*App.* Lib. II.9).

Данное наблюдение представляется нам весьма важным. Выше мы уже говорили, что в Карфагене были сделаны стойла для 300 животных. Однако к концу войны их оставалось только 80, да и те были недавно пойманы. Вероятно, возросшие потребности Карфагена в боевых слонах привели к тому, что слоны исчезли из областей, где обычно происходил их отлов, и карфагеняне испытывали все больше трудностей, пытаясь обеспечить ими свою армию. Если во время Первой Пунической войны пунийцы могли выставить 60, 100 и даже 140 громадных животных, то

[23] *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 273.
[24] Там же. С. 271–274.

количество их в карфагенских армиях, действовавших в период Второй Пунической войны, не превышало четырех десятков голов. Под конец войны, когда решалась судьба самого Карфагена, пунийцы уже не могли обеспечить свои армии необходимым числом зверей: Гасдрубал должен был вторгнуться в Италию, имея всего 10 или 15 слонов, а его брат Магон получил их от правительства всего 7 голов. Сама природа обрекала Карфаген на поражение.

В соответствии с заключенным мирным договором карфагеняне должны были выплатить победителю огромную контрибуцию, выдать оружие и боевых слонов (*Liv*. XXX.43.11). Когда же во время Третьей Пунической войны Карфаген уже стоял на пороге гибели, пунийцы в отчаянии «звали по именам слонов, как будто те были еще здесь, они поносили и своих предков и самих себя, говоря, что следовало, не передавая ни кораблей, ни слонов, не внося дани, не передавая оружия умереть вместе с родиной, когда она была в полном вооружении» (*App*. Lib. 93; пер. С.П. Кондратьева). Но, что сделано, то сделано…

A.A. Popov,
A.B. Bannikov

WAR ELEPHANTS IN CARTHAGINIAN ARMY

For the first time Carthaginians had seen the war elephants on Sicily during the war against Pyrrhus. After that they had made war elephants' divisions, which Carthaginians had being caught on the Atlas mountain foot. This threatening form of armament they had used during the conquering of Spain and against Romans during Punic wars. With their help Carthaginians had broken through the Roman formation in the Battle of Tunis in 256 BC, and Hannibal could carry them out over Rhone and Alps. To the end of the Second Punic War Carthaginians had depleted the resources of these beasts to their army, and it became one of the factors of Carthaginian war power weakening. The alive elephants were given to the Romans after capitulation in 201 BC.

1

2

3

Рис. 1. Изображения слонов:
1 - монета; *2* - статуэтка с клеткой; *3* - лампа с башней

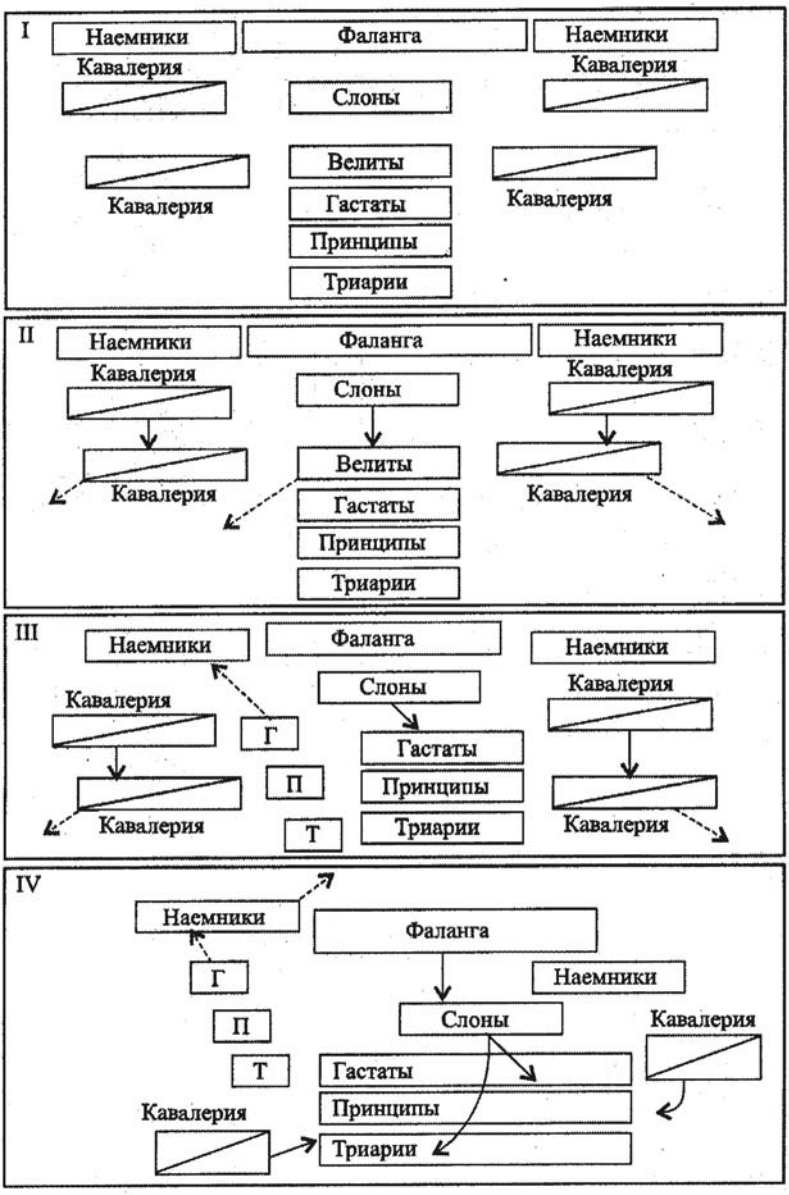


Рис. 2. Схема битвы при Тунете

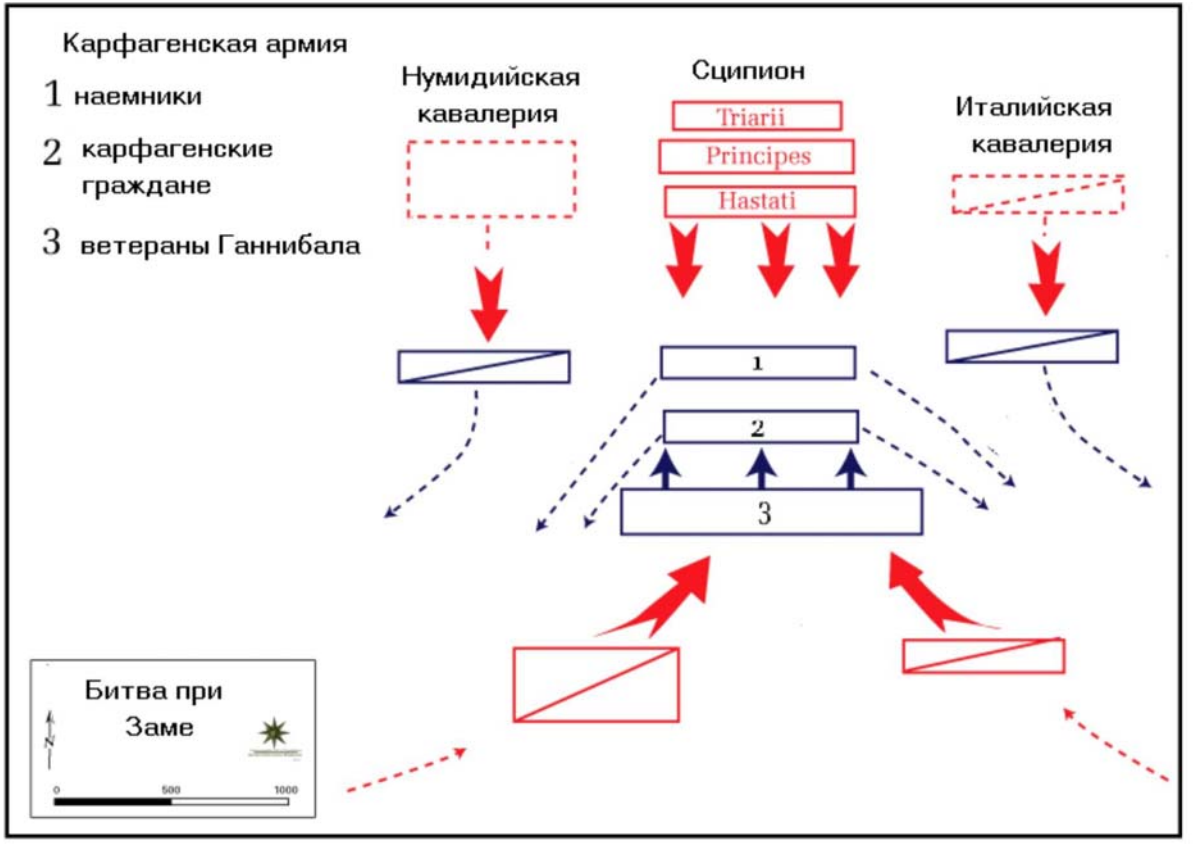


Рис. 3. Схема сражения при Заме

И. Гарлан,
Н. Боду

ГРЕЧЕСКИЕ АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА: ОТ СБОРА МАТЕРИАЛА К ПУБЛИКАЦИИ

Хотя изучение амфорных клейм начало оформляться в особую дисциплину полтора века тому назад, до сих пор уделяется крайне мало внимания методологическим аспектам различных этапов их изучения (от сбора материала до публикации)[1], хотя, по идее, это должно быть органично целым. Этому противопоставлялись эмпирические правила, обусловленные волею случая или желанием авторов, либо же воспринятые из сочинений лучших специалистов (главным образом, американки В. Грейс). При этом никто не задавался вопросом, как соотносятся между собой принципы обработки материала, идентификация систем клеймения и конечная цель клеймения.

Традиционно эти «маленькие объекты» не избалованы вниманием археологов (особенно со стороны дебютантов). И хотя в области греческой амфорной эпиграфики имеются серьезные достижения, осуществленные группой специалистов в течение последних десятилетий, ее настоящее положение не может считаться удовлетворительным, как в количественном, так и в качественном отношениях.

Задача представляется действительно большой сложности: опубликовать и интерпретировать массив клейм, который уже сейчас превышает 300 000 экз. и увеличивается ежегодно на несколько сотен или даже тысяч. Клеймение осуществлялось главным образом в V–I вв. до н.э. (или чуть позже) во множестве известных центров, а также в других, пока еще неизвестных. В настоящий момент эти клейма разбросаны по множеству музеев или более или менее легкодоступным хранилищам.

На сегодняшний день лишь меньшая часть обнаруженных клейм (мы осмелимся сказать – одна десятая) хорошо или плохо опубликована. К тому же эти публикации столь рассеяны по множеству изданий и столь разнородны, что легко ускользают от библиографических описаний и плохо согласуются между собой.

---

[1] За исключением русского исследователя В.И. Каца, который недавно рассмотрел этот вопрос более или менее кратко: *Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994; *он же.* Опыт создания каталогов-определителей керамических клейм // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1996. С. 77–80; *он же.* Основные требования к фиксации и публикации керамических клейм // БФ. 1999. С. 274–280); *Kac V.I.* Les timbres amphoriques de Chersonèse Taurique (essai d'analyse documentaire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 97–98. См. также главу у М. Дебидура в его: *Debidour M. Note de synthèse sur les timbres amphoriques thasiens de type récent*, представленную на защиту в 1999 году, и пока еще не опубликованную, а также см.: *Garlan Y.* La publication des timbres amphoriques grecs // Epigrafia Anfórica. Barcelone, 2004. P. 11–19; *Garlan Y.* Les particularités de l'épigraphie amphorique grecque // Acta XII Congressus Internationalis Epigraphiae Graecae et Latinae. Barcelona, 2007. P. 565.

Отсюда явный дефицит информации, связанный не только с нехваткой специалистов или отказом некоторых музейных бюрократов и некомпетентных раскопщиков разрешить доступ к тому, что они рассматривают в качестве «своего» материала[2], но и из-за отсутствия методологической рефлексии и издательской политики.

Для того чтобы «разморозить» такое положения дел мы, опираясь на наш личный опыт, предлагаем ряд практических советов по изучению греческих амфорных клейм по следующему алгоритму: сбор материала, промывка и шифровка, маркировка, сохранение, подготовка иллюстраций, описание и регистрация на карточках, публикация. В конце мы предлагаем некоторые размышления об использовании возможностей информационных технологий.

I. Сбор клейм

Учитывая тот факт, что множество амфорных клейм уже обнаружены в ходе раскопок на территории греческого мира и его периферии классической и эллинистической эпох, нет смысла советовать тем, кто хочет заниматься изучением этого материала, начинать скромный собственный поиск (пешком, на велосипеде или на машине) по местам диким и нетронутым, или же, наоборот, подвергшимся серьезной урбанизации, но в которых, согласно древним литературным текстам, есть наибольшие шансы найти клейма. Интерес представляют не только места предполагаемого потребления продукции в керамической таре, но еще перспективнее – свалки керамических мастерских, в которых производились клейменые амфоры. Впервые такие мастерские были открыты в конце 70–80-е годы прошлого века (на Фасосе, Самофракии, Икосе, в Египте, Пепарете, Книде, Синопе и т.д.), что привело к настоящей «революции» в «амфорологии».

Но этот физический опыт, во всех отношениях полезный для здоровья (если не считать опасность административных осложнений…), имеет еще и большую педагогическую ценность. Он быстро формирует как опытный взгляд, так и развивает интуицию в отношении распознавания этих объектов, а так же вырабатывает определенную «керамическую культуру», имеющую свою специфику в местах производства и местах потребления.

II. Промывка и чтение клейм

Первым этапом обработки амфорных клейм, который обычно осуществляется на месте раскопок, является промывка. Эта чисто техническая операция обычно поручается одному из рабочих (энергичному, умелому и добросовестному), который помещает фрагменты клейм в таз с водой, очищает их от грязи мягкой кистью и, наконец,

[2] В настоящих политических обстоятельствах вряд ли кто заподозрит нас в оппортунизме, если мы подчеркнем, что в 1980-х гг. один из нас гораздо реже сталкивался с такими препятствиями в Советском Союзе, Румынии и в Болгарии, чем в других местах.

обеспечивает их полную просушку. При этом он должен следить за тем, чтобы в ходе этих операций стратиграфически разнородный материал не был перемешан.

Но эта операция при всем усердии работника не всегда дает требуемый результат. Фрагменты керамики могут оказаться очень хрупкими (глина грубая, или плохо обожженная), снаружи они могут быть сильно заизвесткованы, либо оттиск штампа оказывается столь некачественным, что его могут навечно отправить в категорию «неразборчивых». Происходит это по простой причине – никакой рабочий при всем усердии не сможет увидеть под известью плохо оттиснутое клеймо.

Единственное средство сократить информационные потери, к которым может привести эта операция, состоит в том, чтобы эту работу поручить опытному археологу, имеющему представление о разнообразных вариантах клейм, которые могут быть встречены. Таким образом, он одновременно осуществляет промывку и чтение клейм, или, точнее, проводит их постепенную дешифровку: имея соответствующий опыт, он прибегает для этого к соответствующим инструментам (кисти, щепке дерева или обломку кости, даже кислоте с необходимыми предосторожностями), будучи готовым прервать или переориентировать работу в благоприятный момент.

Промывка-дешифровка греческих амфорных клейм включает несколько ответственных операций, которые нельзя поручить дилетанту или дебютанту. Она требует исключительных качеств: остроты зрения, опыта, интуиции, критического склада ума и предполагает, помимо хорошего общего представления о клеймах, большое терпение и уважение к самому материалу.

III. Маркировка клейм

Третий этап обработки амфорных клейм – их маркировка несмываемой краской (тушью), которую мы рекомендуем осуществлять на стороне, противопоположной той, на которой оттиснуто клеймо. Надпись необходимо выполнять четким шрифтом хорошо читаемого размера и периодически подновлять. В надписи нужно указывать непрерывную нумерацию, отражающую собственный инвентарный номер из числа амфорных клейм, найденных в слое, а не общую нумерацию из числа объектов раскопок или музея.

IV. Хранение и складирование клейм

В большинстве музеев клейма хранятся в пакетах вместе с прочим керамическим материалом, происходящим из одного стратиграфического слоя (по крайней мере теоретически). Они хранятся никому неизвестными до тех пор, пока вдруг после усиленных просьб специалиста чудесным образом не превращаются на глазах своих хранителей в произведения искусства и первостепенной важности источники. Но обнаружение хранящихся таким образом клейм – дело случая. Главным образом это происходит, когда появляется административное решение о перемещении фондов с полинявшими этикетками в какой-нибудь другой склад. Иными словами, а это

специалисты осознают достаточно хорошо, они не имеют доступа ко всему добытому с большими сложностями амфорному материалу, в результате чего возникают серьезные трудности в оценке реальной значимости коллекции…

Между тем существует несколько больших или малых музеев, где на протяжении многих лет работали специалисты-археологи и где оказывался лучший прием как амфорным клеймам, так и тем, кто интересуется ими. В таких музеях клейма отделены от прочего материала и им отведены отдельные площади в выставочных залах и фондах, где они *сознательно* разложены по ящикам (которые должны быть одинаковыми и небольшими по размеру и где помещена эта единственная категория находок…).

К сожалению, пока мы не можем констатировать, что амфорные клейма пользуются тем же вниманием на стадии их полевой обработки и при хранении в музеях, как некоторые другие «малые предметы» лучшей репутации (монеты, драгоценности, даже светильники и терракоты). Нельзя также забывать и о том, что клейма – лишь «малая часть более крупных объектов», то есть самих амфор, сохранение которых является еще более трудной задачей!

V. Иллюстрирование клейм

Сразу хотим заметить, что в керамической эпиграфике должны быть обеспечены наилучшие возможности для иллюстрации *всех клейм*.

А) На протяжении длительного времени для иллюстрирования клейм за неимением лучшего использовались **рисунки**. Но этот метод сегодня следует считать архаичным, даже при наличии талантливого рисовальщика, работающего в тесном контакте со специалистом. Даже если он делает один или несколько вариантов рисунка[3], он не может избежать неправильных интерпретаций и малых неточностей, искажающих идентификацию и мешающих тщательному изучению штампов (это хорошо видно по некоторым современным работам, где для отдельных клейм даются одновременно фотографии и рисунки)[4]. Если ещё недавно этот метод иллюстрирования находил оправдание в плохом качестве бумаги и методов печати[5], то сегодня он практически потерял свое право на существование. Он может быть использо-

---

[3] Методы, рекомендованные В.И. Кацем: *Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса… С. 150–151*; он же*. Основные требования к фиксации и публикации… С. 274–275.

[4] *Palaczik M., Schönenberger E.* Amphorenstempel. Grabungen 1965–2001 // Eretria. Ausgrabungen und Forschungen. Lausanne-Montreux, 2003. T. XII. P. 163–233. Авторы реализовали хорошую инициативу – они в тексте помещают уменьшенный рисунок клейма, а в приложении – фото в масштабе 1:1.

[5] Хороший пример качественных фотографий см. в корпусах фасосских и синопских клейм из Истрии, изданных в 1996 и 1998 гг. А. Аврамом и Н. Коновичи (совместно отредактированных румынской Академией и l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres; см. ниже, ссылка 19), что ярко контрастирует с иллюстрациями в более ранних публикациях этих знаменитых специалистов.

ван только в том случае, если имеется необходимость в графической интерпретации клейм, трудных для чтения и нормального иллюстрирования. Не предоставляя читателям никакой возможности проверить и улучшить предложенное чтение, этот метод не только худший и порою бесполезный, но он может быть и опасен (особенно когда клейма просто описываются как «нечитаемые»!).

B) К этой традиционной технике в керамической эпиграфике добавляется создание с клейм **протирок** на папиросной бумаге[6], которые изготовливаются с помощью покрытого графитовым порошком пальца. Некоторые энглифические серии (например, клейма Гераклеи Понтийской) не всегда дают качественные протирки, в то время как другие штампы, выполненные в слабом рельефе (например, клейма Родоса), могут дать несравнимо лучшие результаты.

C) В революционном Петрограде в 1917 году Е.М. Придик при издании своего «Инвентарного каталога клейм… эрмитажного собрания» для иллюстрирования штампов довольно широко использовал **фотографии**[7]. Этот опыт сразу был признан успешным. По сути, это маленькая научная революция во время Революции[8], которая обеспечила возможности для успешных исследований в области амфорологии в период между двумя мировыми войнами, прежде всего, со стороны советского учёного Б.Н. Гракова и американки В. Грейс. Этот опыт привнес в публикации и в изучение клейм точность и надежность, которых до того явно не хватало.

К этому нужно добавить, что фотографии должны быть хорошего качества…

– Они должны быть читаемыми, то есть одновременно *четкими* и на хорошем контрастном фоне, что зависит не только от фотографии[9], но и от возможной корректировки с помощью программного обеспечения. В том случае, когда клеймо оттиснуто слабо (например, оттиски Родоса) или повреждено, не надо стесняться использовать лучшую по качеству фотографию, которую мы получили с этого клейма или фотографию другого экземпляра, оттиснутого тем же штампом.

---

[6] Этот продукт, предназначенный для технических целей, может быть заменен соскобами с грифеля мягкого карандаша.

[7] Лучшие авторы второй половины XIX века (*Dumont A.* Inscriptions céramiques de Grèce. P., 1871) и начала XX-ого века (*Nilsson M.P.* Timbres amphoriques de Lindos // Exploration archéologique de Rhodes. Copenhagen, 1909) опубликовали только единичные фотографии.

[8] Е.М. Придик был ученым, в мировоззрении которого не было ничего революционного, см.: *Павличенко Н.А.* Е.М. Придик, петербургский филолог и эпиграфист // Древний мир и мы. СПб., 2000. Вып. II. С. 189–206.

[9] Техника изготовления фотографий клейм разработана В. Грейс и М. Дебидуром. В ящике с белым песком, размещенном снизу и справа от источника искусственного или преимущественно естественного освещения (скорее на грани тени, чем на солнце), клеймо помещается наклонно таким образом, чтобы быть освещенным под острым углом и на приемлемом расстоянии, чтобы иметь максимальную глубину резкости. Ныне фотографирование клейм благодаря цифровой технике стало делом более легким.

– В том случае, когда фотография не перекрывает гармонично всё клеймо (когда оно плохо оттиснуто или располагается на изгибе ручки), то её специально можно «ориентировать» на те элементы, которые исследователь признает наиболее значимыми и намеревается их подчеркнуть: в первую очередь это касается эмблем, интерпретация которых особенно деликатна; в этом случае (в виде исключения) могут быть даны две дополнительные иллюстрации того же клейма.

VI. Описание и регистрация клейм в картотеке

Именно через описание клеймо превращается из музейного артефакта в предмет научного изыскания. Значимость этого этапа до сих пор почти не признается в связи с тем, что многие специалисты и поныне рассматривают его в качестве простой фазы наблюдения, которая, якобы, не является частью научной интерпретации[10]. Хотя описание далеко от того, чтобы быть естественным процессом, однако оно суть элемент анализа, в связи с чем карточка картотеки материализует артефакт.

При описании античных клейм учитываются два типа критериев: первые, используемые со времен античности, могут быть квалифицированны как «**пертинентные**» (*сущностные* – прим. ред.), так как они *присущи* объекту и определяют его оригинальную функцию; вторые, используемые только современными археологами, будут квалифицированы как «**контингентные**» (*второстепенные, возможные*), потому что они отражают не сущностные характеристики объекта, а *связи с ним*, чтобы расширить его описание[11].

Сочетание этих критериев анализа обеспечивает одновременно гибкость и строгость, и позволяет, с одной стороны, лучше понять системы клеймения и их конечные цели, а с другой – дает возможность разрабатывать относительную и абсолютную хронологию клейм, а также изучить происхождение и распространение амфор и т.д.

А) «Сущностные» критерии

Сущностные критерии относятся к вариантам (переменным величинам) одного **кода,** ключ к которому был известен организаторам клеймения, и который сегодня важно реконструировать. Речь идет:

1) о форме штампа, который обычно прямоугольный, но может быть и «фигурным» (круглым, листовидным, ромбическим, трапециевидным и т.д.);

2) о легенде, чаще всего состоящей:

---

[10] См.: *Finkielsztejn G.* Corpus et catalogues des timbres amphoriques rhodiens // Epigrafía anfórica. Barcelone, 2004. P. 55–66.

[11] Здесь нас вдохновила работа Ф. Брюно и П.-И. Балю (Bruneau *Ph., Balut P.-Y.* Artistique et archéologie. P., 1997. P. 247–251), которые предложили термин «конгруентный» (соответствующий, совмещающий, подобный) заменить на «контингентный», менее расплывчатый, но не менее точный.

– из даты, отраженной именем магистрата-эпонима[12] (в родосских клеймах имя эпонима регулярно сопровождается названием месяца, начиная со времени около 240 г. до н.э.), или, в очень редких случаях, эрой;
– из имени «фабриканта», ответственного за производство амфоры в глазах магистратов;
– реже из этникона;
– в виде исключения – из указания емкости, которое регулярно применялось только в клеймах Аканфа[13];
– из разной дополнительной информации, изредка встречающейся в одной или нескольких мастерских;

3) об эмблеме или эмблемах, способных либо дополнить легенду, либо заменить один из её элементов (эпонима, фабриканта, этникона).

B) Критерии «контингентные»

Этому, по определению ограниченному списку «сущностных» критериев, противостоит теоретически неограниченный список критериев «**контингентных**» (сопутствующих).

Некоторые из них, такие как место находки клейм и их стратиграфический контекст, связаны с внешней средой. Другие связаны с непосредственными характеристиками, такими как характеристики корпуса (состав глиняного теста, типология амфоры), а также местом клейма на ручке, горле или ножке, построчным разбиением легенды и стиль гравировки.

Многие из этих критериев банальны с точки зрения археологии, но два последних заслуживают особого внимания, так как они позволяют идентифицировать **резчиков** штампов, «тайных героев греческого амфорного клеймения», которые должны были изготавливать штампы для клеймения по просьбе магистратов (как на Фасосе) или фабрикантов (как в большинстве других центров производства). В период «раннего» клеймения на Фасосе (ок. 395 – ок. 335 гг.) мы можем довольно легко выделить их общие черты (например, первоначальная разметка эмблемы в центре штампа) и черты индивидуальные, которые проявляются в стиле эмблем и, особенно, в расположении легенды по периметру (выбор места для начала надписи, расположение букв по вертикали с направлением внутрь или к внешнему краю, расположение букв по направлению влево или вправо и т.д.). Во многом граверы обладали большой свободой: при единственном условии строго соблюдать определенные указания ответственных магистратов. Таким образом, мы располагаем критериями классификации (о которых в античности, конечно, и не думали), которые позволяют современным

---

[12] Как отмечал Л. Робер, необходимо делать различия между «истинными» и «ложными эпонимами». На клеймах Родоса и Книда жрец Гелиоса и демиург (настоящие эпонимы) присутствуют только для того, чтобы указать на дату, как на декрете. Они, вне всякого сомнения, не участвовали в контроле за производством амфор, в отличие от подчиненных им магистратов (ложных эпонимов), указываемых в клеймах большей части других центров.

[13] *Garlan Y.* Interprétation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos // BCH. 2006. Vol. 130. P. 263–291.

специалистам объединить магистратов в группы (в соответствии с «карьерами» различных граверов). Тот факт, что один гравер каждый год изготавливал штампы для группы фасосских фабрикантов, достаточен для того, чтобы констатировать официальный характер клеймения в полисе.

C) «Сущностные» критерии или «сопутствующие»?

Опыт показывает, что трудно найти различия между сущностными критериями и сопутствующими. В случае с Родосом возникает вопрос, считать ли сущностной характеристикой стиль гравировки, поскольку она имеет множество вариантов, свободно создававшихся с целью «изменения внешнего вида легенды при наступлении каждого нового месяца», что явно облегчало работу контролеров[14]. Если мы хотим разрешить этот вопрос, то необходимо последовательно ввести два определяющих понятия, которыми являются **повторяемость** и **правдоподобие**.

Если бы стиль надписи использовался в качестве различающего элемента, это не объясняет того, что он существовал только в определенном городе(?) и только в определенный период. Отсутствие повторяемости противоречит, таким образом, представленной здесь гипотезе.

С другой стороны, стилистическое разнообразие – весьма случайное явление, и в нашем случае его признание предполагает возможность сравнивать клейма, произведенные в различные месяцы года. Следовательно, мы не можем предполагать, что гравер мог их использовать по своему усмотрению, а контролер придавал им какое-то значение.

Таким образом, стилистическое разнообразие является не сущностным, а сопутствующим критерием: оно приобретает важное значение для того, кто желает лучше представить себе функционирование системы клеймения.

D) Картотека: алгоритм прочтения надписи

Цель картотеки – анализ структуры археологического артефакта, который имеет тенденцию сливаться с самим археологическим объектом. Работа по регистрации клейм, будучи повторяемой, очень быстро вырабатывает алгоритм чтения, от которого сложно, а иногда в профессиональном отношении рискованно абстрагироваться. Нет необходимости акцентировать внимание на том, что предварительным условием при разработке системы любой картотеки должно быть осознание того, что правильное описание легенды в конечном счете открывает возможности выяснить конечную цель амфорного клеймения.

VII. Публикация клейм

Наконец мы дошли до последнего этапа нашего обзора: до публикации амфорных клейм, которые часто заявляются, намного реже реализуются, при этом не всегда тщательно и продуманно[15].

---

[14] *Conovici N.* Rev.: Gérald Finkielsztejn, Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan, BAR International Series 990, Oxf., 2001. – 260 p. // Dacia. 2002–2003. No. 46–47. P. 221.

[15] Мы здесь опираемся на «правила публикации», предложенные N. Badoud на сайте www.amphoreus.org, где также можно загрузить критические знаки

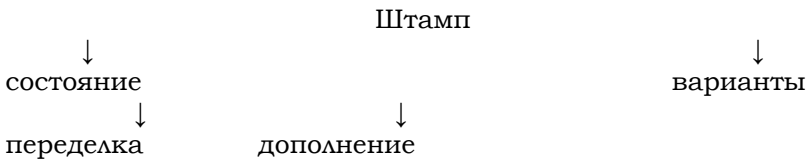
А) Фундаментальные принципы

В данном вопросе, как нам кажется, должны главенствовать три фундаментальных принципа:

1) Экономия ресурсов

Пустой иллюзией было бы намерение опубликовать все существующие клейма, но это, к счастью, не является жизненной потребностью, так как речь идет о серийных торговых клеймах. Из этого следует, что, когда мы встречаемся с новым **экземпляром**, уже имеющим точные аналогии (выполненным тем же штампом), хорошо сохранившимся и качественно иллюстрированным в доступном авторитетном труде (например, в корпусе клейм одного из центров производства), будет достаточно на него сослаться, не затрудняясь многословным описанием. Таким образом, работа по публикации будет относительно облегчена, поскольку нет необходимости фиксировать сотни тысяч **разновидностей** клейм, происходящих от определенного количества **штампов**[16], которые для современных специалистов представляют собой обычные научные учетные единицы амфорного клеймения.

Эти штампы по определению одинаковы, но они могут иметь множество **состояний** (в случаях, когда они были повторно перегравированы в целях переделки или дополнения) и насчитывать множество **вариантов** (когда множество штампов несут по сути одну и ту же информацию, расположенную одинаковым способом). Совокупность вариантов одного и того же штампа образовывает **тип**, в то время как его различные состояния представляют собой **подтипы,** количество которых определяется модификациями конкретного исполнения (в случае реконструкции, переделки) или смысловым содержанием оттиска (в случае дополнения).



Штампы могут быть объединены в **стилистическую группу**, по граверу, которого магистрат-эпоним или, чаще, фабриканты нанимали изготавливать штампы, в то время как типы могут быть объединены в **эпонимическую группу** (по тому или иному магистрату) и группу **фабрикантную** (если они исходили от одного фабриканта, различие делается, конечно, для омонимов).

и необходимые значки. Кроме того, там имеется список сокращений для всех периодических изданий по керамической эпиграфике. См. также: *Garlan Y.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. 2004–2005. Vol. 128–129. P. 285–289.

[16] От 2000 до 5000 штампов для таких центров, как Фасос, Синопа, Гераклея Понтийская, Книд и, без сомнения, – несколько десятков тысяч для Родоса.

Ввод клейм в научный оборот и их анализ оказываются в этом случае весьма простыми и позволяют избежать любых повторов и нагромождения материала.

2) Строгая адекватность содержания публикаций их конечной цели

В идеале было бы хорошо включить все амфорные клейма в **корпусы по центрам производства**, распределяя их в хронологическом порядке (а не в алфавитном, как это иногда рекомендуется). Но в настоящий момент этот идеал, как представляется, реально не достижим[17], как по практическим причинам (рассеивание материала), так и по научным причинам (трудности в определении функции и конечной цели различных систем клеймения). Наилучший выход может состоять в том, чтобы попытаться осуществить издания по очереди – начать с публикации небольших **корпусов производителей,** главным образом, свалок мастерских фабрикантов[18].

От этих *корпусов производителей* отличаются **корпусы потребителей**, которые содержат описание находок различных клейм, сделанных в определённом месте или хранящихся в определённом музее. Этот тип издания, в более или менее развитых формах, сегодня остается наиболее распространенным по ряду как практических, так и чисто научных причин[19]. Они очень

---

[17] К настоящему моменту работы по созданию корпусов амфорных клейм реализовывались только Французской школой в Афинах: в 1957 году для всех фасосских клейм (Антуаном и Анной-Мари Бон в сотрудничестве с Вирджинией Грейс), в 1999 году для клейм «протофасосских» и «ранних» фасосских (И. Гарланом) и в скором времени предполагается выход корпуса «поздних» фасосских клейм М. Дебидура. Что-либо похожее было предложено в 1994 году В.И. Кацем в его «каталоге-определителе» херсонесских клейм, который, в принципе, имеет два главных недостатка: штампы иллюстрированы рисунками и нет информации об экземплярах, происходящих от различных штампов.

[18] Так, И. Гарлан последовательно опубликовал материалы из 7 фасосских мастерских: Koukos, Vamvouri Ammoudia, Kalonéro, Kéramidi, Kounophia, Chioni, Molos. Итоги подведены в работе: *Garlan Y.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos... Им же опубликованы 3 синопских мастерских (в местностях Tuğcu-Birincioğlu et Çandar à Zeytinlik, Nisiköy), о чем см.: *Garlan Y.* Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope, Présentation et catalogue // Varia Anatolica. 2004. Vol. XVI). Мастерские Самофракии и Книда на сегодняшний день известны только по кратким отчетам.

[19] Можно привести примеры: *Шелов Д.Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975; *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980; *Sztetyllo Z.* Les timbres céramiques dans les collections du Musée National de Varsovie. Varsovie, 1983; *Avram A.* Les timbres amphoriques 1. Thasos // Histria. 1996. Vol. 8; *Conovici N.*, Les timbres amphoriques 2. Sinope // Histria. 1998. Vol. 8. No. 2; *Börker Chr., Burov J.* Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon // Pergamenische Forschungen. B.; N.Y., 1998; *Jöhrens G.* Amphorenstempel im Nationalmuseum von Athen. B., 1999. Нельзя не упомянуть о 32 000 амфорных клейм из Северного Причерноморья, систематизированных в 1957 году Б.Н. Граковым в рукописи III

удобны в использовании, просты в плане сбора материала, напрямую соотносятся с историей (главным образом экономической) поселения и позволяют в большой степени учитывать местные контексты находок. Но они эффективно работают в деле изучения систем клеймения различных центров производства[20] только в том случае, если каждый такой корпус поручен одному специалисту, а не тогда, когда всем материалом занимается один единственный археолог, более или менее сведущий в амфорологии[21], и который чаще всего довольствуется тем, что публикует лишь наиболее читаемые (или наиболее известные!) экземпляры, с которых можно получить отличные фотографии...

3) Координация индивидуальных усилий в рамках коллективного труда

Начало этому было положено в 1980 году международными конференциями при поддержке академического Союза в рамках проекта «Corpus International des Timbres Amphoriques» (CITA); затем выходом через каждые 5 лет «Bulletin amphorologique», содержащего не только библиографические данные, но и критические материалы[22], и имеющего теперь еще и электронную версию[23], и особенно в результате интенсивной научной переписки между специалистами, которая, благодаря электронной почте стала главным средством информирования и обмена мнениями внутри ученых сообществ!

B) Составление амфорного корпуса

Корпус амфорных клейм производителей или потребителей, какой бы ни была область его применения, должен отвечать определенным нормам публикации и состоять из следующих частей, содержание которых каждый автор, естественно, может видоизменять исходя из своих нужд.

1) Общее введение с характеристикой (характеристиками) рассматриваемого(мых) центра(ов) клеймения: с характеристикой тех систем клеймения, которые там применялись и их относительной и абсолютной хронологии.

2) Список входящих в корпус номеров различных штампов, составленный в хронологическом, а не в алфавитном порядке, каждый номер сопровождается кратким чтением содержащихся в штампе элементов.

3) В следующих строках обобщенное описание рассматриваемых разновидностей (включая все известные экземпляры):

тома «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae», а также многочисленные статьи В. Грейс.

[20] Такие работы по материалам Истрии были представлены А. Аврамом и Н. Коновичи (см. ссылку 19).

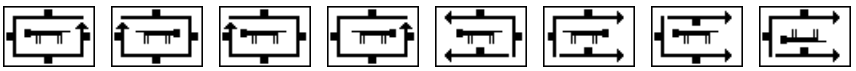
[21] В наши дни ни один специалист не может знать все обширные разделы греческого амфорного клеймения.

[22] Начиная с 1987 года в «Revue des études grecques».

[23] См.: www.amphoreus.org.

– описание легенды на греческом языке прописными буквами[24] со всеми диакритическими знаками и знаками препинания, в том порядке, в котором сделана надпись при гравировке (при сравнении построчного написания разных штампов появляются неплохие шансы преуспеть в определении граверов)[25];
– описание эмблемы (или эмблем) нужно делать таким образом, чтобы различать то, что различали древние, и синтезировать то, то они синтезировали, принимая во внимание, что речь идет не о произведениях искусства, а о деловых документах, значение которых нельзя недооценивать и без которых мы можем составить ложное представление о функциях всей системы античного клеймения;
– все это сопровождается традиционными аббревиатурами, которые используются в лапидарной эпиграфике, а также другими условными знаками, регулируемыми в зависимости от центров производства, что позволяет выиграть в лаконичности и ясности, как, например, для Фасоса, ←, →, ↘, ↻, и т.д.

или же


и т.п.

4) Количество экземпляров, происходящих от конкретного штампа с указанием места находки и музейным номером того клейма, которое является предметом иллюстрации (другие наши номера появляются, как мы увидим ниже, в компьютерной версии).

5) Подробное описание внутренних и внешних элементов, относящихся к этому штампу: либо к самим клеймам (форма, качество оттиска[26], ретроградные или перевернутые буквы, вдавленные или рельефные, и т.д.); либо к сосудам, на которых они стоят (характер теста глины, типологические характеристики, наличие граффити и дипинти), либо к археологическому контексту находки (ясно, четко и понятно для читателя, а не в «черновом» варианте).

6) Предшествующие публикации штампа упоминаются более или менее кратко или, наоборот, развернуто ретроспективно, в зависимости от интереса упоминаются другие примеры наличия

[24] Этот момент позволяет в известных случаях отделить имя магистрата от имени фабриканта.

[25] См.: *Garlan Y.* Amphores et timbres amphoriques grecs, entre érudition et idéologie // Mémoire de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, nouvelle série XXI. P., 2000. P. 93–112.

[26] Эта последняя характеристика часто недооценивается, в то время как она из числа тех, которые позволяют заключить, что клейма были предназначены для распознавания их контролерами, и не должны были читаться основной массой потребителей!

данного магистрата или фабриканта, исходя при этом из здравого смысла и чаще всего избирательно, с целью избежать обильных и скучных библиографических замечаний, которые не нужным образом раздувают самую маленькую публикацию (особенно в отношении родосских клейм!).

7) «Нечитаемые» клейма обязательно должны быть отмечены со ссылкой на их музейный номер, а не по-настоящему опубликованы, даже если они имеют признак, по которому возможна их идентификация.

8) Дешифровка амфорного клейма (как легенды, так и эмблемы), – достаточно трудное и деликатное занятие. Отсюда – большой процент нечитаемых клейм и ошибки в чтении у неофитов, а также у специалистов по общей эпиграфике, которые отваживаются читать клейма, игнорируя специфику керамической эпиграфики. Амфорологи же осмеливаются доверять своей интуиции на основании имеющихся у них списков и картотек с достаточной выборкой в несколько десятков тысяч экземпляров. Именно поэтому столь важно уделять внимание качественным иллюстрациям.

Для каждого штампа должна быть приложена самая удачная фотография (фото самого клейма или при ее отсутствии – протирка) в масштабе 1:1 (в виде исключения допустим масштаб 1:2 для редких клейм очень большого размера).

Возникает так же вопрос – как лучше размещать иллюстрации, – в тексте или сгруппировать их в приложении. Первое решение дает очевидные преимущества, но и второе этого так же не лишено, так как позволяет наилучшим образом выделить единство той или иной совокупности, что отмечала еще В. Грейс. Каждый выбирает один из этих путей в зависимости от приоритетов и финансовых возможностей.

9) В конце публикации должны быть представлены индексы имён магистратов и фабрикантов (всегда в именительном падеже, иначе появляются варианты имен), а так же эмблем, и, конечно, необходимая библиография со списком принятых сокращений. Список соответствия между музейными номерами и номерами корпуса может также оказаться весьма полезным.

VIII. Информатизация

Информатика ныне является лучшим средством для создания и управления картотеками при изучении греческих амфорных клейм. Появление относительно недавно сканеров, способных преобразовывать объекты в цифровую форму в трех измерениях открывает перспективу получения вполне стандартизированных изображений, а также дает возможность автоматизировать процесс идентификации

штампов и граверов[27]. Кроме того, кажется, пришло время использовать при анализе распределения клейменных и неклейменных амфор великолепный потенциал «географических информационных систем» (ГИС). В области же публикации амфорных клейм информатика, и особенно приход Интернета породили наибольшие надежды, так как они позволяют:

- хранить большую информацию на очень маленьком носителе;
- организовывать и вводить в научный оборот эту информацию;
- быстро распространять информацию с наименьшими затратами.

Несмотря на эти преимущества, информатика еще весьма далека от того, чтобы отвечать ожиданиям специалистов в области публикации. Откуда же этот парадокс?

Дело в том, что информатика остается средством того же качества, что чернила и бумага[28], она подчинена научному проекту, в котором не участвует. Фактически, единственными доступными корпусами амфорных клейм в настоящее время являются книги по оттискам Фасоса и Синопы. Естественно, нельзя забывать о том, что продукция Родоса, на которую часто ссылаются с целью подчеркнуть мощь информационных технологий, превышает продукцию Фасоса и Синопы. Но для сравнения: гигантская работа Берлинской Академии над единственным корпусом латинских надписей, где насчитывается 180 000 текстов, (в то время, как *Inscriptiones Graecae* включает 50 000 документов, часто сомнительной сложности), осуществлялась малым количеством сотрудников и техническими средствами XIX века. Конечно, это объемные проекты, реализация которых требовала длительного периода, но они были сделаны средствами того времени.

Весьма досадно, что в нашей дисциплине столь часто смешиваются цели и средства, представляя информатизацию как самоцель: информатизация служит ширмой для тех, кто обещает то, чего никогда не сделает. Если более четверти века различные размышления по этому поводу не дали ощутимых результатов, то это говорит о том, что настоящие, систематически упускаемые из виду проблемы лежат в другой плоскости. Они касаются, главным образом, трех факторов:

- объективные трудности в организации корпуса большого объема в плане юридическом (право публикации), экономическом (финансирование проекта) и научном (утверждение специалистами результатов проведенных исследований над выборкой в десятки, а то и сотни тысяч экземпляров);

- процесс накопление материала из раскопок некоторых поселений, длящийся порою более века, разлагает дисциплину и естественным образом становится предметом обсуждения некоторых «певцов» информатизации;

---

[27] См. доклад Ч. Цочева на коллоквиуме «Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs», организованный Французской школой в Афинах и университетом Ренн-2 (Афины, 3–5 февраля 2010), который скоро будет издан.

[28] *Carriere J.-Cl., Eco U.* N'espérez pas vous débarrasser des livres. P., 2009.

- университетская практика, придающая большое значение индивидуальным публикациям в ущерб участию в интернетных проектах.

Оставаясь убежденными в способности специалистов преодолеть все трудности по координации усилий, в том числе и в отношении средств преодоления, мы выскажемся за гибкое и разумное использование двух средств коммуникации, которые нам сегодня доступны. Действительно, любая публикация предполагает соблюдение определенного количества норм, прибегая же к помощи информатики, необходимо с особым вниманием отнестись к понятию «**совместимости**»: не только между различными системами, принятыми во всем мире (в этом отношении, появление программы под названием «уникод» – настоящая революция), но также между различными программами, развивающимися, но и быстро «**морально устаревающими**», что является нормальным явлением прогресса.

При современном состоянии информационных технологий мы все же отказываемся от полной замены печатного корпуса корпусом электронным и пытаемся найти промежуточное решение, используя оба способа коммуникации. Например, на бумажном носителе издается текст с иллюстрациями, которые обеспечивают существенную часть документации и соответствующие размышления[29], а на специальном сайте Интернета приводятся все частные данные, которые могут при случае интересовать только специалистов. От намерения каждого специалиста, его финансовых возможностей и формата публикации зависит последний раздел информации.

Заключение

Внедрение информатики и ее техническое развитие ведет нас в некотором отношении к «улучшению жизни» в мире амфорологии. Любой зарегистрированный специалистами экземпляр отныне может быть проиллюстрирован цифровой фотографией, полученной в результате разового сканирования самого объекта, негатива или протирки, в тоже время распределение клейм между штампами и сравнение штампов между собой весьма облегчено возможностью синхронной индикации на экране нескольких вариантов. Стало возможным продвинуть вперед не только вопросы датирование клейм, но и, что очень важно, их формальное изучение, а также понимание различных систем клеймения – прежде всего, огромного родосского амфорного материала, который на сегодняшний день, с этой точки зрения, явно отстает в сравнении с другими, более ограниченными сериями (которые, следовательно, легче контролировать традиционными техническими методами).

[29] Такое решение предусматривалось в фасосском корпусе И. Гарлана (*Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. Athenes; P., 1999. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens Anciens. P. 95), – даже если эта работа не была закончена...

MAGISTRA NOSTRA
К юбилею Таисии Павловны Кац

14 июля 2011 года исполнилось 75 лет Таисии Павловны Кац, биография которой более полувека была связана с кафедрой истории древнего мира Саратовского государственного университета.

В 1954 г., окончив среднюю школу с медалью, Т.П. Кац поступила на исторический факультет СГУ, где начала специализироваться по древней истории. С теплыми чувствами она часто вспоминает о своих педагогах и старших коллегах: А.А. Кирееве, который с первого курса привил ей любовь к латыни, читая со студентами Цезаря и Тита Ливия, своем научном руководителе Э.К. Путныне, археологе И.В. Синицыне, филологе-классике А.А. Дерюгине, медиевисте Т.М. Негуляевой и других.

Окончив в 1959 г. с отличием университет, она по распределению работала учителем средней школы в Западной Сибири. Вернувшись в Саратов, Таисия Павловна в 1961 г. приступила к работе на кафедре истории древнего мира СГУ сначала в качестве лаборанта, а через год – ассистента, затем доцента, вплоть до выхода на пенсию в 2007 году.

Под руководством профессора А.И. Немировского Т.П. Кац в 1973 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сардиния в нурагическую эпоху и ее финикийско-карфагенская колонизация». Продолжая работу над этой темой, она опубликовала серию статей по истории и культуре древней Сардинии. За годы работы в университете Т.П. Кац принимала активное участие в издании ряда коллективных трудов: методических пособий и хрестоматий по истории древнего мира, учебников и книг для чтения по мифологии и истории и др.

Т.П. Кац – внимательный читатель, строгий, но доброжелательный критик, человек ответственный и требовательный, в первую очередь, к самой себе. Она любит повторять, что ее никогда не хватало для серьезной науки, поскольку она была «простым шкрабом». Но многие из ее студентов признают, что они состоялись в науке во многом благодаря навыкам и знаниям, привитым Таисией Павловной. О Т.П. Кац можно сказать, что она является Педагогом, Учителем от Бога. Под ее руководством были подготовлены десятки дипломных сочинений, через ее руки прошли сотни курсовых работ студентов-первокурсников. За почти 50 лет преподавания на истфаке Т.П. Кац читала множество лекционных курсов, но ее «коньком», бесспорно, были семинарские занятия по истории древнего Востока, которые проходили «в начале начал» – в первом семестре первого курса. Т.П. Кац была мастером практических занятий: здесь она всегда выступала и актером, и режиссером в одном лице. Ее любимой темой на семинарах по древнему Востоку были Законы Хаммурапи. Для историков-первокурсников это было первое погружение в древность, знакомство с новым, удивительным миром, который каждый мог открыть для себя сам (под умелым руководством Таисии Павловны, разумеется). И это «погружение» не казалось делом простым: до седь-

мого пота через статьи законов вавилонского царя студенты пытались растолковать загадочные слова: «авилум», «мушкенум», «вардум» etc. Но дело не в самих терминах, Т.П. Кац учила работе с текстами, помогала «вчитываться» в прошлое через источник, чтобы представить целостную историческую картину. На своих занятиях Таисия Павловна учила, что через анализ текста приходит ещё что-то, помимо понимания материала, приобретается самое важное, то, что трудно определить, но что ощущает каждый, кто овладевает умением истолковывать прочитанное. Т.П. Кац умело направляла студента, задавая ему вопросы, и ставила их так, что каждый должен был найти и сформулировать точный (и, по возможности, исчерпывающий) ответ.

Таисия Павловна – человек вежливый и удивительно простой, интеллигентный, внимательный к словам и суждениям собеседника. Она способна понять другого, пережить его проблему, не только поддержать сочувственным словом, но и разделить чужую боль, принять личное участие, заступиться, если нужно. Всегда и всюду Т.П. Кац активно включалась в общественные дела. Многие годы она была куратором студенческих групп, являлась секретарем партийной организации и ученым секретарем совета факультета.

Т.П. Кац – счастливый человек: у нее две дочери, два внука и сотни учеников, которые знают ее как человека, владеющего секретами педагогического мастерства, честно служившего своему делу, умеющую удивляться и до сих пор продолжающего задавать вопросы.

Спасибо Вам, дорогая Таисия Павловна!

Коллектив кафедры истории древнего мира СГУ, редколлегия сборника «Античный мир и археология» поздравляют Т.П. Кац с юбилеем и желают здоровья, долголетия и благоденствия.

К юбилею Виктора Николаевича Парфенова

21 июня 2011 г. исполнилось 60 лет Виктору Николаевичу Парфёнову, доктору исторических наук, профессору, одному из ведущих отечественных специалистов в области военно-политической истории древнего Рима.

На протяжении почти тридцати лет (не считая времени учебы) трудовая деятельность В.Н. Парфенова была связана с кафедрой истории древнего мира Саратовского государственного университета. Именно здесь он под руководством профессора В.Г. Боруховича получил первые навыки антиковедческих исследований в годы студенчества (1968–1973), сюда, после семи лет работы в Астраханском государственном педагогическом институте имени С.М. Кирова, он вернулся старшим преподавателем, здесь стал доцентом, профессором, заведующим кафедрой. За годы работы на кафедре молодой преподаватель превратился в видного ученого, члена редколлегии ряда сборников по истории античности, постоянного участника Всесоюзных/Всероссийских и международных конференций, научного руководителя, давшего путевку в науку нескольким аспирантам, автора двух монографий и множества статей – иногда вызывающих дискуссию, но всегда интересных и блестяще написанных.

Восемнадцать лет, на протяжении которых В.Н. Парфенов заведовал кафедрой, были непростым временем. Для кафедры оно начиналось с того, что прервались старые связи, в силу объективных причин на время прекратился выход кафедрального сборника «Античный мир и археология», редкими стали выезды сотрудников кафедры на конференции. Сделано за эти годы было немало, и конечно, достижения кафедры навсегда будут связаны с именем ее заведующего. Едва ли не впервые в истории кафедры прошли защиты кандидатских и докторских диссертаций, укрепился кадровый состав, саратовцы стали желанными гостями на конференциях разного уровня, новую жизнь обрел «Античный мир и археология», существенно увеличившийся в размерах и ставший одним из авторитетных российских изданий в области антиковедения. Появилась у него и «младшая сестра» – сборник «Antiquitas Iuventae», публикующий работы молодых исследователей, студентов и аспирантов. Набрала силу конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории», одним из инициаторов проведения которой тоже был В.Н. Парфенов.

Коллектив кафедры истории древнего мира СГУ желает Виктору Николаевичу Парфенову сохранения творческой активности, здоровья, долголетия и новых научных достижений!

К юбилею Евгения Владмировича Смыкова

Nel mezzo del cammin di nostra vita
mi ritrovai per una selva oscura…

Dante Alighieri.
La divina commedia. Inferno. I. 1–2

– Но ты же советский человек! –
настаивал Комиссар.

Полевой Б.Н.
Повесть о настоящем человеке

Если представить себе греческий пантеон, то нелегко решить, с кем из богов можно отождествить Женю. С Зевсом? Несомненно, и с Громовержцем, и – ещё более – с Ксением. Или с Дионисом? Бесспорно, ибо он знает толк в дружеской пирушке и в веселье вообще. А с Гераклом? Разумеется, ибо он великий труженик, и столько авгиев конюшен, сколько довелось (и удалось!) расчистить ему, мало на долю кому из нас выпало. Не будем спорить, ибо всё это в нём есть, но главное – не с Гермесом, ибо Женя не ворует, не обманывает, не торгует (и не торгуется), да и путешествует редко (последнее – жаль!).

Впрочем, ему больше по сердцу римляне, и здесь всё ясно – его легко представить среди тех сенаторов, которые делили тяготы с воинами, а не нежились в роскошных шатрах, и при управлении провинциями, скорее тратили собственные деньги, нежели отбирали их у беззащитных подданных Рима. Или вспомнить почти неимущего воина, который призывал сограждан записываться в войско, думая не о добыче, а о победе над врагом.

Но лучше всего сказать, что Женя – крепкий русский мужик, настоящий советский человек со всей него цельностью характера. На таких пока ещё держится и наша многострадальная Родина. И мы пожелаем Жене такого здоровья и такой крепости духа, чтобы никакие беды и трудности не помешали ему ещё долго быть с нами и являть всю щедрость души, на которую он способен!

Друзья, коллеги, коллектив кафедры истории древнего мира СГУ
и редколлегия сборника «Античный мир и археология»
желает Евгению Владимировичу здоровья,
новых научных достижений и творческого долголетия!

В.И. Кащеев

ФИЛОЛОГ И ФИЛОЛОГИЯ: 70-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ А.К. ГАВРИЛОВА

docte sermones utriusque linguae
Horat. III.8.5

est animus tibi
rerumque prudens et secundis
temporibus dubiisque rectus
Horat. IV.9.34–36

Александр Константинович Гаврилов родился 23 мая 1941 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге) – в городе, с которым связана вся его жизнь и его служение. В 1958 г. он окончил школу (ныне это гимназия) № 209, размещенную в историческом здании Павловского женского института недалеко от Невского проспекта. Условия обучения в школе, а затем на филологическом факультете Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета по кафедре классической филологии – вначале в качестве студента (до 1964 г.), а потом аспиранта – благоприятно сказались на его развитии. Александру Константиновичу посчастливилось учиться в среде, духовное напряжение которой определяли, прежде всего, его университетские учителя, видные филологи – А.И. Доватур, Я.М. Боровский и А.И. Зайцев.

Зачастую с первого взгляда невидимые, но прочные нити связывают А.К. Гаврилова со многими другими представителями ленинградской / петербургской школы классической филологии. Он слушал выступления папиролога и эпиграфиста О.О. Крюгера о своем учителе М.И. Ростовцеве, воспоминания непревзойденного переводчика древнегреческих авторов А.Н. Егунова о Ф.Ф. Зелинском[1], живые рассказы замечательного знатока античных реалий М.Е. Сергеенко, посвятившей многие годы служению в Саратовском университете[2], о М.И. Ростовцеве и С.В. Меликовой-Толстой, стоявшей у истоков классической филологии в Саратове. Живым носителем филологической традиции для него был Я.М. Боровский, который в свое время учился у Ф.Ф. Зелинского, С.А. Жебелева, А.И. Малеина и Г.Ф. Церетели[3]. Выбранные места из переписки трех старших коллег – А.И. Доватура, А.Н. Егунова и Я.М. Боровского – Александр Константинович подготовил к публикации (совместно с В.В. Зельченко) позднее, когда все

Благодарю коллегу А.Л. Верлинского, прочитавшего текст статьи и сделавшего полезные замечания.

[1] См.: *Гаврилов А.К.* Журфиксы на Весельной: [Встречи с А.Н. Егуновым] // Греко-латинский кабинет. М., 1997. Вып. 2. С. 84–88.

[2] *Гаврилов А.К., Казанский Н.Н.* К 100-летию М.Е. Сергеенко // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1993. Вып. XXIV. С. 316–328.

[3] См.: *Боровский Я.М.* Григорий Филимонович Церетели // *Боровский Я.М.* Opera philologica / Изд. подгот. А.К. Гаврилов, В.В. Зельченко, Т.В. Шабурина. СПб., 2009. С. 369–382.

трое уже ушли из жизни[4]. Постоянный интерес у него вызывали труды и личность еще одного яркого представителя этой школы – исследователя античности, историка греческой философии и науки, микенолога и эпиграфиста С.Я. Лурье[5]. Одну из лекций Соломона Яковлевича, жившего тогда в Львове, А.К. Гаврилову посчастливилось слышать.

Отчетливо осознавая важность для европейской цивилизации ее классических основ, понимая насущную необходимость следования классической традиции для образования и культуры современной России, проявляя благодарность по отношению к своим учителям и предшественникам и, наконец, будучи достойным преемником этой традиции, А.К. Гаврилов на протяжении более сорока лет оживляет и бережно ее развивает как преподаватель высшей школы, исследователь и организатор науки. В этом направлении его деятельность многогранна, но мы отметим только некоторые ее аспекты.

Служение в университете. На протяжении многих лет и непрерывно, начиная с 1968 г., в Ленинградском / Санкт-Петербургском университете А.К. Гаврилов вел, помимо занятий по элементарной грамматике классических языков, семинарские занятия по комментированному чтению разнообразных греческих и латинских авторов. Способ чтения у него, однако, меняется в зависимости от характера автора, состава участников и поставленной цели. Так, в осеннем семестре 1989 г. со студентами классического отделения Александр Константинович неспешно читал *Евангелие от Марка*. Сопровождавший это чтение комментарий включал в себя проблемы рукописной традиции, языка и стиля памятника, особенности грамматики новозаветной *койне*, обсуждение реалий и вполне уместные при этом вопросы библеистики. Внимание к экзегетическим проблемам не исключало эстетических аспектов восприятия текста.

Обширной эрудицией отмечены и лекционные курсы Александра Константиновича: «Введение в античную культуру», «История классической филологии», «Информационный поиск в классической филологии» (в *Античном кабинете*)[6]. В настоящий момент А.К. Гаврилов является профессором кафедры классической филологии.

Исследователь. Начальный период исследовательской деятельности Александра Константиновича всецело связан с его службой в уни-

---

[4] См.: Выбранные места из переписки друзей-филологов (А.И. Доватур – А.Н. Егунов – Я.М. Боровский) / Подгот. к публ. А.К. Гаврилова, В.В. Зельченко // Древний мир и мы. СПб., 2000. Вып. 2. С. 162–186.

[5] См.: *Гаврилов А.К.* С.Я. Лурье и У. фон Виламовиц-Мёллендорф: История заочного сотрудничества // Всеобщая история и история культуры: Петерб. историограф. сб. СПб., 2008. С. 45–67 (= *Гаврилов А.К.* О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет / Отв. ред. О.В. Бударагина, А.Л. Верлинский, Д.В. Кейер. СПб., 2011. С. 122–143).

[6] См., напр.: *Гаврилов А.К.* Информационный поиск в классической филологии: [Программа спецкурса] // СПбГУ. Филологич. фак-т. Кафедра классич. филологии: Учеб. программы. СПб., 1999. С. 77–78; *Гаврилов А.К.* История классической филологии // Учебные программы для магистратуры кафедры классической филологии / СПбГУ. СПб., 2010. С. 54–58.

верситете. В 1984 г. он перешел на работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, одновременно сохранив за собой право преподавания на университетской кафедре[7]. С этого момента начался новый период в жизни юбиляра – его научная деятельность стала более напряженной, проблематика исследований значительно расширилась. Основание *Античного кабинета* (*Bibliotheca classica Petropolitana*) и связанных с ним двух периодических изданий по классической филологии (1994) положило начало третьему и самому плодотворному периоду его жизни как исследователя, при этом он оставил за собой и должность в академическом институте, являясь в настоящий момент главным научным сотрудником Санкт-Петербургского Института истории РАН. Среди разносторонних научных интересов и направлений работы А.К. Гаврилова необходимо выделить следующие наиболее важные тематические циклы.

1. *Интерпретация античных авторов.* Искусству интерпретации Александр Константинович учился у своих университетских наставников. Я.М. Боровский был подлинным мастером в «грамматически точном и эстетически пережитом восприятии классических текстов». Студенты в его окружении во что бы то ни стало стремились к доказуемо правильным и по возможности новым истолкованиям даже вполне понятных мест. Торжествовал филологический лозунг «Die Seele der Philologie ist die Interpretation»[8]!Нет сомнений в том, что А.К. Гаврилов постиг душу филологии.

Несколько первых его статей, как и защищенная в 1975 г. под научным руководством Я.М. Боровского кандидатская диссертация, были посвящены комедии Аристофана «Плутос»[9]. К этой же пьесе он возвратился позднее, в конце 1990-х гг.[10] В сфере его научных интересов оказались и такие комедии великого афинского поэта, как «Облака» и «Ахарняне».

Другим близким сердцу А.К. Гаврилова поэтом был Еврипид – ему он посвятил множество статей, по-новому и подчас весьма неожиданно интерпретируя тексты из «Алкестиды», «Медеи», «Ифигении в Тавриде», «Иона», «Вакханок» и других трагедий. Отдельные аспекты жизни и поэтического творчества Еврипида рассматриваются в кон-

---

[7] *Верлинский А.Л.* Об авторе книги «О филологах и филологии» // *Гаврилов А.К.* О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. СПб., 2011. С. 352.

[8] *Гаврилов А.К.* Труды и дни Я.М. Боровского // Там же. С. 180–181.

[9] См.: *Гаврилов А.К.* Аристофан. Плутос. Ст. 45–47: Опыт толкования // Вест. Ленингр. ун-та. 1975. № 8. Вып. 2. С. 124–131; *Гаврилов А.К.* «Плутос» Аристофана: Старое в редакции 388 г. до н.э.: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1975. 22 с.; *Гаврилов А.К.* Первый встречный в «Плутосе» 1-ом Аристофана // Вопр. филологии. Л., 1976. Вып. 5. С. 196–203; *Gavrilov A.K.* Zur Exposition des aristophanischen “Plutos” // Philologus. 1981. Bd. 125. S. 188–200.

[10] *Гаврилов А.К.* Силлогизм Блепсидема (*Arsph.* Plut. 332–414) // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Профессору А.И. Зайцеву ко дню 70-летия. СПб., 1997. С. 74–86.

тексте исторической эпохи великого трагика[11]. В 1995 г. А.К. Гаврилов защитил диссертацию «Театр Еврипида и афинское Просвещение»[12], за которую ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

К излюбленным поэтам юбиляра относятся, кроме того, Гомер и Феогнид[13], Гораций и Катулл. Поэтические мотивы он заметил и изучает также в греческой прозе Марка Аврелия[14].

2. *Эпиграфика Северного Причерноморья.* В 1992 г. под редакцией А.К. Гаврилова был опубликован сборник статей по истории и культуре Северного Причерноморья[15], ставший важной вехой в изучении истории, археологии и эпиграфики этого региона в эпоху античности. В нескольких статьях А.К. Гаврилова дается оригинальная интерпретация греческих эпиграфических памятников, в частности декрета в честь Диофанта (IPE I^2. 352 = Syll.^{3} 709)[16] и знаменитой клятвы херсонеситов. Он детально исследовал эпиграмму в честь боспорского воина Аполлония в работе, посвященной видному эпиграфисту и историку античности Ю.Г. Виноградову[17]. С научным докладом на эту тему он выступил в Саратовском университете во время первого своего пребывания в городе на Волге.

В 2004 г. под общей редакцией А.К. Гаврилова был опубликован *Альбом иллюстраций* к *Корпусу боспорских надписей*[18]. Этим изданием завершился важный этап публикации эпиграфических памятников Боспора, начатый еще в конце XIX в. академиком В.В. Латышевым и не законченный в 1965 г., когда вышел из печати *КБН*[19], не содержавший иллюстраций. Таким образом, *Альбом иллюстраций*

---

[11] См., напр.: *Gavrilov A.K.* Euripides in Makedonien // Hyperboreus. 1996. Vol. 2.1. S. 38–53; *Gavrilov A.K.* Sizilische Katastrophe und Euripideische Götter // Festschrift für Martin Hengel. Tübingen, 1996. Bd. 1. S. 213–231.

[12] *Гаврилов А.К.* Театр Еврипида и афинское Просвещение: Источниковедческое исследование: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. СПб., 1995. 34 с.

[13] См.: *Гаврилов А.К.* Две родины Феогнида // Hyperboreus. 2000. Vol. 6.2. С. 279–295; *Гаврилов А.К.* Феогнид о долге поэта, или Требовательные симпозиасты // Древний мир и мы. СПб., 2000. Вып. 2. С. 25–53.

[14] См.: *Гаврилов А.К.* Гимн мудрецу у Марка Аврелия (III, 4, 4) // Hyperboreus. 2001. Vol. 7.1–2. С. 152–174.

[15] Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб., 1992. 270 с.

[16] *Гаврилов А.К.* Скифы Савмака: восстание или вторжение? (IosPE I^2, 352 = Syll.^{3} 709) // Там же. С. 53–73; см. также: *Гаврилов А.К.* О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. С. 293–306; *Gavrilov A.K.* Das Diophantosdekret (IosPE. I^2 352) // Die Antike und Europa. 17. Internationaler Eirene-Konferenz: Resumees. Berlin, 1986. S. 66–67; *idem.* Das Diophantosdekret und Strabon // Hyperboreus. 1996. Vol. 2.1. S. 151–168.

[17] *Гаврилов А.К.* Боспорский воин Аполлоний и его поэт (*КБН* 119) // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. P. 60–85, 215–241.

[18] Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций (*КБН*-альбом) [= Corpus Inscriptionum regni Bosporani: Album imaginum (*CIRB*-Album)] / Ред. колл.: А.К. Гаврилов (отв. ред.), Н.А. Павличенко, Д.В. Кейер, А.В. Карлин. СПб., 2004. 431 с.

[19] Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.

стал важным дополнением к *Корпусу* 1965 г. Издатели пополнили свод фотоиллюстраций, которые содержались в фотоколлекции Санкт-Петербургского Института истории и Института истории материальной культуры РАН. Для этой цели были дополнительно собраны и сделаны фотографии камней, эстампажей и прорисовок, которые во многом восполнили пробелы прежней фотоколлекции и дали более полные сведения о надписях. В результате были представлены иллюстрации 1172 памятников, а вместе с прорисовками – 1225 надписей из 1325, изданных в *КБН*. Специально для этой публикации была проведена огромная работа: выяснены инвентарные номера лапидарных памятников Боспора, хранящихся в музеях, в том числе и за рубежом; в ряде случаев удалось уточнить место хранения памятника или констатировать его утрату[20]. В этом издании помещена статья о долгой и трудной истории *Корпуса боспорских надписей* и *Альбома иллюстраций*, которая была воссоздана А.К. Гавриловым на основе анализа печатных материалов, воспоминаний участников этого длительного проекта и архивных документов – важное исследование по истории отечественной эпиграфики[21].

3. *Переводы античных авторов*. Обращение Александра Константиновича к искусству и ремеслу перевода не случайно – превосходными переводчиками классических текстов были его учителя Я.М. Боровский и А.И. Доватур. Его первой научной публикацией стал выполненный под редакцией Аристида Ивановича перевод IV книги написанного на греческом языке сочинения «История императорской власти после Марка» Геродиана[22]; затем последовали «Размышления» Марка Аврелия, прозаический перевод I книги Феогнида и «Сатирикон» Петрония[23]. Длительное время Александр Константинович работает над «Энхиридионом» греческого философа-стоика Эпиктета, в ближайшем будущем перевод будет опубликован в серии «Литературные памятники» вместе с древнерусским текстом этого сочинения XIV – начала XV в., подготовленным к печати Д.М. Буланиным[24].

Перевод «Размышлений» римского императора и философа Марка Аврелия, выполненный А.К. Гавриловым и изданный в академической

---

[20] О полемике в связи с изданием *Альбома* см.: *Левинская И.А., Тохтасьев С.Р.* Из новейшей истории Боспорской эпиграфики // ВДИ. 2005. № 4. С. 179–198; *Гаврилов А.К., Павличенко Н.А., Кейер Д.В.* К полемике вокруг *КБН-Альбома*: Письмо в редакцию по поводу обзора И. А. Левинской и С.Р. Тохтасьева «Из новейшей истории Боспорской эпиграфики» // ВДИ. 2008. № 2. С. 155–168.

[21] См.: *Гаврилов А.К.* К истории *КБН* и его фотоархива // Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций. СПб., 2004. С. 395–413.

[22] *Геродиан.* История императорской власти после Марка. Книга IV / Пер. с древнегреч. А.К. Гаврилова; Под ред. А.И. Доватура // ВДИ. 1972. № 3. С. 241–253; То же. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1995. С. 166–193.

[23] *Феогнид.* Книга I / Пер. с древнегреч. А.К. Гаврилова // *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 147–181; *Петроний.* Сатирикон / Пер. с лат. А. Гаврилова (проза) и Б. Ярхо (стихи); Коммент. А. Гаврилова // Римская сатира. М., 1989. С. 131–235; 465–500.

[24] См.: *Верлинский А.Л.* Указ. соч. С. 348, прим. 11.

серии «Литературные памятники»[25], можно считать образцовым, поскольку ему предшествовала тщательная текстологическая работа, результаты которой частично опубликованы[26]. В издании этого значительного памятника приняли участие также А.И. Доватур и один из его учеников эстонский филолог Яан Унт.

Интерес А.К. Гаврилова к новолатинской прозе выразился, в частности, в осуществленном им переводе латинской диссертации о Степане Разине, написанной ученым саксонцем Иоганном Юстусом Марцием[27], который посетил Россию при царе Алексее Михайловиче. Кроме того Александр Константинович редактировал переводы новолатинских текстов.

4. *Рецепция античного наследия в России.* Судьбам русского классицизма посвящена первая часть недавно опубликованной книги А.К. Гаврилова «О филологах и филологии». Здесь содержатся только некоторые его статьи о восприятии античной культуры в русском обществе, например, переведенный с немецкого языка основательно написанный раздел из энциклопедии *Der Neue Pauly*[28], полезный всякому, кто начинает знакомиться с этой темой. Мастерство Александра Константиновича проявилось в детальном исследовании малоизученных страниц отечественной культуры, связанных с наследием античности, будь то исследование о Иоганне Юстусе Марции (Мерце), или статья о греческом эрудите, одном из создателей новогреческого литературного языка архиепископе Евгении Булгарисе, или же работа о государственном классицизме при императрице Екатерине II. А.К. Гаврилов монографически изучил тему восприятия образа и идей римского императора и философа Марка Аврелия в русском обществе с древнейших времен до середины XX в.[29]

5. *Шлиман и Россия.* Начало почти двадцатилетних занятий, связанных с этой темой, относится к 1989 г., когда по приглашению известного американского исследователя У.М. Колдера III Александр Константинович выступил на международной конференции в Бад-Гомбурге (Германия) с докладом, который так и назывался «Шлиман и Россия»[30]. Тема оказалась интересной и перспективной как в отношении понимания Гомера, так и с точки зрения русской науки об ан-

---

[25] *Марк Аврелий.* Размышления / Пер. с древнегреч. А.К. Гаврилова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1993. С. 5–72 (1-е изд. – Л., 1985).

[26] *Гаврилов А.К.* Текстологические примечания // Там же. С. 221–237 (1-е изд. – 1985. С. 219–237).

[27] См.: *Иоганн Марций.* Стенко Разин донски козак изменник / Пер. с лат. А.К. Гаврилова // Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С. 51–75.

[28] *Гаврилов А.К.* Античное наследие в России // *Гаврилов А.К.* О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. С. 12–32; см.: *Gavrilov A.K.* Russland // Der Neue Pauly. Stuttgart; Weimar, 2002. Bd. 15.2. Sp. 1014–1030.

[29] *Гаврилов А.К.* Марк Аврелий в России // *Марк Аврелий.* Размышления. 2-е изд. С. 115–173.

[30] *Gavrilov A.K.* Schliemann und Russland // Heinrich Schliemann nach hundert Jahren. 1890/1990: Symposion in der Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg in Dezember 1989. Frankfurt am Main, 1990. S. 379–396.

тичности. 100-летней годовщине со дня смерти Генриха Шлимана (1822–1890) были посвящены еще два международных научных форума – в Афинах и Берлине, – в работе которых А.К. Гаврилов принял деятельное участие[31]. В год Шлимана (1990) стало ясно, что возникло и существует как особый раздел науки об античности *шлимановедение*, входящее в историю новейшей европейской культуры. Исследования в его рамках требуют от изучающего интердисциплинарного подхода и применения широкого спектра специальных методов.

Александр Константинович бесстрашно и энергично погрузился в новую для него проблематику. Он установил контакты с Обществом Шлимана в Афинах, Музеем Шлимана и Шлимановским обществом в Анкерсхагене (Мекленбург, Германия) и активно общался с коллегами, занимающимися жизнью и творчеством великого открывателя древних цивилизаций. Длительная и кропотливая работа по сбору и анализу материалов о Шлимане, которая велась в библиотеках и архивах Принстона, Берлина, Афин и Петербурга, успешно завершилась публикацией серии статей и книги о русских годах в жизни этого выдающегося немца[32].

В дискуссию о значении научных достижений Шлимана Александр Константинович внес существенные и в то же время тщательно выверенные идеи и аргументы. Он показал, что «Шлимана не следует ни обожествлять, ни разоблачать». Русские годы Шлимана (1846–1866) совпали с коммерческим периодом его деятельности, но парадоксальным образом эта деятельность стала для него оптимальной формой вхождения в культуру. Эти годы подготовили его культурную и познавательную деятельность невиданного масштаба. Россия стала отправной точкой яркого развития личности, получившего со временем общеевропейские последствия и значение. Общественная, культурная и интеллектуальная среда Петербурга подняла Шлимана на такой социальный уровень, в котором всё способствовало развитию его творческих сил. Россия подготовила его к решению великих культурных задач – он «оказался превосходно подготовлен для начала деятельности в качестве археолога, “копающего проблемы” – смелого исследователя неизвестных древних культур»[33].

Александр Константинович убедительно показал, что и ученая Россия, постепенно созревая, проявляла постоянно растущий интерес к археологическим занятиям Шлимана. В широких кругах русского общества его «культурный напор» вызывал восхищение, его биографию использовали как замечательный пример для юношества, а представители российской науки уже при жизни Шлимана уделяли ему пристальное внимание и оказывали взвешенное признание.

Метод А.К. Гаврилова в книге о Шлимане не описательный, не «краеведчески-восторженный» (выражение А.К.), – что нередко встре-

---

[31] См.: *Гаврилов А.К.* Генрих Шлиман (1822–1890): Хроника юбилейного года // Греко-латинский кабинет. М., 1992. Вып. 1. С. 25–34.

[32] *Гаврилов А.К.* Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб., 2006. 447 с.

[33] Там же. С. 362.

чается в биографиях деятелей науки, – а историко-филологический. Здесь надо вести речь об историческом анализе, опирающемся на документы, публикации, тексты, о выявлении причин и следствий в мотивации Шлимана как личности и как «носителя познавательных способностей». Эта книга основывается на интерпретации и, следовательно, всецело опирается на филологию с ее интересом к детали, к слову. Как справедливо констатирует А.К. Гаврилов, «опора на архивы необходима, но между архивным делом и историей знания – немалое и труднопреодолимое расстояние»[34]. Сам Александр Константинович успешно преодолевает это расстояние.

6. *История петербургской / ленинградской школы антиковедения.* Первые публикации А.К. Гаврилова по этой теме относятся к 1980-м гг. и представляют собой короткие, написанные в соавторстве некрологи об А.И. Доватуре (1982) и Г.А. Стратановском (1988). Наиболее важные труды юбиляра о петербургских / ленинградских исследователях античности переизданы во второй части его книги «О филологах и филологии». Нашему взору предстает галерея портретов – предшественников, учителей, коллег Александра Константиновича, среди которых есть выдающиеся имена: Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев, С.Я. Лурье, М.Е. Сергеенко, А.Н. Егунов, Я.М. Боровский, А.И. Доватур, А.И. Зайцев. Он отдал дань памяти своим ушедшим из жизни современникам, ученикам А.И. Доватура – Никите Шебалину и Александре Березиной. Творческие биографии написаны на фоне эпохи со знанием деталей, согреты теплотой личного отношения и в своей совокупности дают целостную картину развития петербургской / ленинградской школы классической филологии на протяжении XX-го столетия.

Александр Константинович показал, что в «центре интересов этой научной школы стоит исследование государственных древностей и политической истории, проводимое непременно на основе детального исследования античных литературных и документальных свидетельств»[35]. Представители школы ставили перед собой, разумеется, и другие задачи: примером являются широкие историко-археологические исследования М.И. Ростовцева или толкование художественных текстов, исследование метрики и воссоздание связной литературной истории в трудах Ф.Ф. Зелинского. «Эта школа не любит даже и добросовестного блуждания в лабиринте собственной мысли, ей чужда мечта с помощью малого узнать … слишком многое. На избранном материале это направление показывает, что представляет собой изучаемый материал, что он способен дать и как надлежит с ним обходиться»[36].

---

[34] *Гаврилов А.К.* О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. С. 10.

[35] *Гаврилов А.К.* 80-летний юбилей А.И. Доватура (1977) // О филологах и филологии. С. 198.

[36] Там же. С. 199.

А.К. Гаврилов был инициатором посмертного издания трудов своих учителей – книги А.И. Доватура о Феогниде[37] и едва ли не полного собрания статей и заметок, древнегреческих и латинских стихотворений, а также избранных поэтических переводов Я.М. Боровского[38]. Эти публикации были результатом коллективного труда, их подготовка потребовала от А.К. Гаврилова значительного времени, терпеливого редактирования, координации усилий других и энергичного осмысления наследия его учителей.

Организатор науки и классического образования. Изменения в стране в конце 1980-х гг. сделали возможным возрождение классической филологии. В 1989 г. была открыта первая (и на данный момент единственная) государственная классическая гимназия в Петербурге, и лишь спустя несколько лет была учреждена частная московская гимназия Ю.А. Шичалина (1993). За этим событием стояли настойчивые (и изобретательные) усилия ее основателей – А.И. Зайцева, Л.Я. Жмудя, А.К. Гаврилова, Л.Я. Лурье и других поборников классического образования в средней школе[39]. Тогда и позднее Александр Константинович мечтал о том, чтобы и в других университетских городах России были созданы классические гимназии.

По случаю вручения ему премии «Новая Европа» (New Europe Prize) 11 ноября 1993 г. Александр Константинович выступил в Wissenschaftskolleg zu Berlin с благодарственной речью, в которой представил детальный план учреждения в Петербурге специализированной библиотеки и двух периодических изданий, посвященных исключительно классической филологии[40].

Этот план был успешно осуществлен. В конце 1994 г. при Санкт-Петербургской классической гимназии (№ 310) была образована общественная организация – небольшой институт под названием *Античный кабинет* или *Bibliotheca classica Petropolitana*, директором-основателем которого долгие годы (1994–2007) был А.К. Гаврилов. *Античный кабинет*, получивший свое название, пожалуй, под влиянием незадолго до этого образованного в Москве *Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина* (*Museum Graeco-Latinum Sicalini G.A.f.*) имеет структуру, отличную от своего московского собрата, и включает в себя специализированную библиотеку и две редакции – научного журнала *Hyperboreus: Studia classica* и альманаха *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России*.

Международный журнал по классической филологии *Hyperboreus* был призван служить и служит публикации антиковедческих исследований, осуществляемых, прежде всего, хотя и не исключительно, в

---

[37] *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989. 206 с.

[38] *Боровский Я.М.* Opera philologica / Изд. подгот. А.К. Гаврилов, В.В. Зельченко, Т.В. Шабурина. СПб., 2009. 623 с.

[39] См.: *Верлинский А.Л.* Указ. соч. С. 354.

[40] *Gavrilov A.* Acceptance Speech from the Award Presentation: New Europe Prize // Speeches from the Award Presentation. Berlin, November 11, 1993. Berlin, 1994. P. 18–25; *Гаврилов А.К.* Благодарственная речь при вручении New Europe Prize // О филологах и филологии. С. 341-345.

Петербурге. Немаловажным стало то, что рабочими языками этого журнала, помимо русского, являются те, что приняты у классиков в международных периодических изданиях. Выпускаемый совместно с известным мюнхенским Verlag C.H. Beck, он сразу получил международный статус, его признание среди российских и зарубежных коллег постоянно растет. Два выпуска первого тома увидели свет в 1994/1995 гг. К настоящему моменту издан сдвоенный том (16-17) за 2010-2011 гг., названием которому послужило выражение из Лукреция – *Variante loquella* и который представляет собой сборник статей к 70-летию А.К. Гаврилова – замечательный подарок юбиляру.

Первые три выпуска гуманистического альманаха *Древний мир и мы*, название которого заимствовано из хорошо известных лекций Ф.Ф. Зелинского, выходили в свет каждые три года (1997, 2000, 2003) под редакцией Александра Константиновича, а появление четвертого ожидается в текущем году. Альманах содержит материалы по истории образования, науки и культурного самосознания в различные эпохи начиная с античных времен. В отличие от журнала *Hyperboreus,* статьи альманаха не всегда носят строго научный характер – они предназначены для гуманитариев и интересующихся гуманитарным знанием, для образованной и постоянно занимающейся своим образованием публики. В 2000 г. появилось еще одно выходящее ежегодно иллюстрированное издание – *Абарис: Журнал друзей Санкт-Петербургской классической гимназии*, в котором А.К. Гаврилов выступал не как редактор, но как автор, и которое больше уделяет внимания школьному классическому образованию и деятельности одной классической школы. В настоящее время Александр Константинович является консультантом журнала *Hyperboreus* и входит в редакцию альманаха *Древний мир и мы*, сочетая самостоятельную научную работу с редактированием и организационной деятельностью.

По инициативе А.К. Гаврилова в составе *Античного кабинета* была создана специальная библиотека, в которой без труда можно найти важнейшие тексты античных авторов, справочные пособия и периодику по различным разделам антиковедения. К настоящему моменту книжное собрание библиотеки насчитывает более 25 тыс. томов, оно доступно всем желающим без исключения – от гимназиста и студента до профессора и академика – и свободно от тех многочисленных неудобств и недостатков, которые присущи большим публичным и академическим библиотекам.

Деятельность А.К. Гаврилова получила широкое международное признание: в 1991–1992 гг. он стажировался в Институте высших исследований (Institute for Advanced Study) в Принстоне (США); в 1993 г. ему была вручена премия *The New Europe*; в 1994 г. он стал членом Heinrich-Schliemann-Gesellschaft, а с 1997 г. – Моммзеновского общества. В 1996/1997 и 2002 гг. А.К. Гаврилов получил статус гостя ректора Института высших исследований в Wissenschaftskolleg zu Berlin, в 1997–2000 гг. был членом ученого совета Collegium Budapest, а в 2005 г. стал гостем ректора Нидерландского института высших

исследований. Весной 2008 г. он вел занятия по древнегреческому языку в Academia Vivarium Novum (Монтелла, Италия).

Жизнь юбиляра, как представляется со стороны, насыщена событиями, встречами и свершениями. Он пережил несколько эпох: сталинский порядок и хрущевскую «оттепель», брежневский застой и горбачевскую перестройку, ельцинские «девяностые лихие» (или «время надежд»?). И в благоприятные и в трудные времена неизменной оставалась преданность идеалам юности и филологии как способу познания мира и как форме культуры. Героя своей книги Генриха Шлимана А.К. Гаврилов назвал «ярчайшим образцом культурной воли» и «гением энергии». Мы, в свою очередь, с полным основанием можем применить понятия *культурная воля* и *энергия* к самому Александру Константиновичу Гаврилову, считая его

ἀθλητὴν ἄθλου τοῦ μεγίστου.

Научное издание

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

Выпуск 15

Обложка *А.К. Филиппов, Н.Б. Чурекова*
В оформлении использовано изображение детали фронтонной композиции храма Ара делла Регина в Тарквинии. Терракота, 4 в. до н.э. Тарквиния, Национальный музей.
Оригинал-макет подготовила *Н.Б. Чурекова*

Подписано в печать 07.12.2011. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Букман Олд Стайл. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,52 (28,31). Уч.-изд. л. 18,78. Тираж 100 экз.